Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное агентство по образованию
ГОУ ВПО «Пермский государственный университет»

На правах рукописи

Невоструев Николай Алексеевич

ОБРАЗОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ЭЛЕМЕНТОВ РОССИЙСКОГО ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА НА УРАЛЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

07.00.02 – Отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Научный консультант: доктор исторических наук,
профессор М.Г.Суслов

Пермь 2006

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ **стр. 3**

ГЛАВА 1 Территориальное самоуправление и общественная активность на Урале во второй половине Х1Х – начале ХХ века **стр. 35**

1.1. Роль земских учреждений в становлении и развитии гражданского общества **стр. 40**

1.2. Городское самоуправление Урала – ведущий фактор становления и развития гражданского общества **стр. 126**

ГЛАВА 2 Формы общественной активности на Урале во второй половине Х 1Х – начале ХХ века **стр. 183**

2.1. Просветительские организации Урала в системе общественной активности **стр. 187**

2.2. Культурные традиции уральской общественности **стр. 247**

ГЛАВА 3 Благотворительность как выражение гражданской активности на Урале **стр. 285**

3.1. Меценатство, благотворительность, спонсорство – общее и особенное в историческом наследии **стр. 285**

3.2. Общественная благотворительность на Урале во второй половине Х1Х – начале ХХ века **стр. 306**

ЗАКЛЮЧЕНИЕ **стр. 357**

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ **стр. 383**

ВВЕДЕНИЕ

Новейший период отечественной истории выдвинул в число приоритетных направлений общественного развития две взаимосвязанных задачи: формирование правового государства и гражданского общества. Первая из них обеспечивается достаточно известными инструментами политического развития (разделение ветвей власти; демократичный характер их формирования на всех уровнях; многопартийность; реальное обеспечение политических прав и свобод; правовая защита личности не только от другого человека, но и государства), и не требует длительного периода их реализации. Становление же гражданского общества связано с более продолжительными во времени процессами, отражающими перемены в условиях жизни людей и самого человека, как отдельной социальной личности.

Кроме того, одним из условий современного развития гражданского общества является теоретическое обоснование его составных частей и системы в целом. Именно здесь осуществляется взаимодействие науки и практики в области гражданского строительства.Однако до сегодняшнего дня имеется ряд трудностей методологического характера, которые не позволяют использовать в полной мере возможности общественных наук. К ним относится: разночтения в определении дефиниции «гражданское общество»; выявление его основных элементов; организационные принципы их функционирования; общие и особенные черты существования гражданского общества в различных странах мирового сообщества.

До недавнего времени вопросы существования гражданских отношений и структурных элементов гражданского общества в дореволюционной России не упоминалось не только в отечественных, но и зарубежных исследованиях. Это определялось двумя объективными факторами. Во-первых, по идеологическим мотивам, когда гражданское общество связывалось с интересами только буржуазии, поэтому его исследование не было актуальным и значимым для советского обществоведения. Во-вторых, по традиции считалось, что отсутствие или ограничение политических прав и свобод в России подразумевало невозможность гражданского развития общества. Немаловажным обстоятельством являлся тот факт, что к середине XX в. в западных общественных науках вопросы гражданского общества практически уже не обсуждались, так как считалось, что процесс его образования произошел вместе со строительством национальных государств, утверждением современной системы государственного устрой-

ства и основных либеральных ценностей, то есть – при утверждении новой, индустриальной, цивилизации.

Начавшиеся перестроечные процессы в СССР и странах Восточной Европы с середины 80-х гг. вдохнули новую жизнь в эту проблематику. За короткое время тема гражданского общества превратилась в одну из самых модных тем как публицистики, так и политической риторики. И здесь в полной мере проявились все внутренние противоречия теоретических разработок этой дефиниции. Причем, они не получили своего разрешения до сегодняшнего дня, создавая определенные трудности и в теоретических работах, и при ведении общественных дискуссий.

Все эти причины выдвигают вопросы, связанные с гражданским обществом, в том числе его историческим аспектом, в разряд актуальных и востребованных временем.

В диссертации автор придерживается современной научной парадигмы, восходящей к взглядам на гражданское общество Монтескье, **как системы относительно независимых от государственной власти организаций и учреждений, с помощью которых происходит реализация гражданской активности населения, осуществляется защита от возможного покушения со стороны государства на их права и свободы.** Представляется, что такой подход позволяет, рассматривая цивилизационные преобразования России в едином потоке мирового развития, найти и выделить в нем те организации и структуры, которые выполняли функции западного образца гражданского общества.

Автор разделяет настороженное отношение современных ученых к попыткам жестко разграничить гражданскую и государственную сферы жизни общества. Действительно, здесь присутствует некоторое обеднение и формализация такого сложного организма, каким является общество. Такое противопоставление затрудняет выяснение роли политического действия как элемента демократического процесса и демократии вообще, изучения практики формирования социально-экономической и политической стратегии на национальном и иных уровнях[1].

Однако, в данном случае, такое обособление (но не противопоставление) позволяет структурировать внутреннее устройство гражданского общества; выделить в нем основные и второстепенные элементы, внутренние и внешние

[1] *См.: Перегудов С.П.* Гражданское общество: «трехчленная» или «одночленная» модель? // Полис. 1995. № 3. С. 60.

коммуникации; подробно исследовать каждый из них; осуществить системный анализ для выявления закономерностей и принципов деятельности этого социального феномена, как единого целого; определить национальные и региональные особенности на фоне мирового опыта гражданского строительства.

В западноевропейских государствах становление гражданского общества сопровождалось противостоянием государственной власти и городских муниципалитетов, в которых руководящая роль принадлежала буржуазии. В России процесс формирования основ гражданского общества инициируется государственной властью, в ходе земской и городской реформы 60-70-х гг. Х1Х в., что обеспечивало ей контроль над происходившими процессами в стране, и удерживало новые учреждения от вхождения в политическую сферу.

Еще одной существенной особенностью являлось то обстоятельство, что наряду с городским самоуправлением в России создаются уникальные учреждения, не имеющих аналогов в мировой практике, ставшие одним из важнейших элементов гражданского общества, - **земские организации**. В громадной крестьянской стране именно земства обеспечивали формирование гражданских отношений в деревне. При всей противоречивости и сложности работы, вклад этих учреждений в развитие страны неоценим. Приоритетные направления их деятельности (народное образование, медицинская помощь, агрономия, развитие кустарных промыслов и производств, ветеринария) создавали объективные условия для вовлечения населения России в процесс гражданского действия и гражданской активности. Здесь же складывается особый слой людей, ставших символом новой эпохи, ее пропагандистами и проводниками – **земская интеллигенция и служащие**.

Земства и городское самоуправление послужили материальной основой для создания и распространения в стране других новых элементов гражданского общества: научно-образовательных, культурно-просветительских, кооперативных, благотворительных обществ и организаций нового типа. Позже, в начале ХХ в., объективные процессы усложнения экономической, политической, социальной, культурной жизни страны расширяют рамки гражданского общества за счет образования новых элементов: профсоюзов, политических партий, творческих организаций, религиозных обществ иных конфессий, кроме православной.

Историография вопроса имеет существенную особенность. В отечественной и зарубежной историографии достаточно полно исследованы процессы

экономической истории периода середины Х1Х – начала ХХ вв., позволяющие говорить о втягивании страны в новую – индустриальную – цивилизацию. «Догоняющая» модель развития, «второй эшелон» капитализма – так определяется роль и место России в общем потоке мирового экономического развития. Наличие большого количества пережитков феодального, традиционного способа производства определяли своеобразие становления новых капиталистических отношений, классовой структуры общества. Кроме общих трудов были созданы фундаментальные исследования по отдельным регионам страны, в том числе – по Уралу[1].

Аналогичное положение существует в изучении политических отношений: деятельность центральных и местных органов государственной власти, становление и развитие политических партий, отечественного парламентаризма. Здесь же рассматривались вопросы развития земских учреждений и городского самоуправления. В социальной сфере исследовались проблемы уровня жизни отдельных классов, развития отечественной системы образования, становления общественной медицины.

Таких обобщающих исследований по проблемам гражданского общества, гражданских отношений дореволюционной России в отечественной исторической науке пока не создано. Даже вышедшая в 2000 г. обстоятельная монография Б.Н.Миронова, в которой рассматриваются вопросы развития России периода империи (с XVIII до начала ХХ вв.) с методологических позиций антропологической истории, раздел о взаимодействии общества и государства, включающий проблемы становления гражданского общества, больше порождает вопросов, чем дает ответов[2]. Так, определяя критерии понятия «общественность», автор относит к ней цензовые слои общества: дворянство, духовенство, верхи торгово-промышленного населения[3]. В этом случае за рамками исследования остался довольно влиятельный и многочисленный слой земских служащих. Из гражданской жизни выпало женское движение и его организации. В работе, к сожалению, обойден вниманием вклад в развитие гражданских отношений добровольных организаций и обществ.

Первые отдельные научные статьи появились в начале 90-х гг. ХХ в. и касались вопросов истории гражданского общества в нашей стране только в

---

[1] *История* Урала в период капитализма. М.: Наука, 1990.

[2] *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII-начало ХХ в.). В 2 т. – 2-е изд. испр. СПб., 2000.

[3] *Там же.* Т. 2. С. 211.

виде предположения[1]. Здесь можно выделить статью А.И.Черных, в которой автор обращается к периоду реформ 60-70-х гг. Х1Х в., как началу перехода к гражданскому обществу в России. Однако был сделан вывод, что незавершенность реформирования страны на новых цивилизационных основах не позволила создать гражданское общество[2].

В работах А.Володина, М.Кузьмина, Л.Захаровой, Ю.Гридчина, В. Волкова уже присутствует признание существования в России рубежа Х1Х-ХХ вв. гражданского общества, но пока еще только как социального феномена, обходя вопросы способов и принципов его функционирования. Особенно плодотворна мысль А.Володина о том, что формирование гражданского общества в нашей стране происходило по пути «догоняющей» модернизации, как ответ российской правящей элиты на геополитический вызов Запада[3]. Однако дать определение гражданскому обществу автору удается только через общесоциологическое понимание его как состояния зрелости социума, ищущего равновесия на индустриально-капиталистическом базисе[4]. Представляется, что такой подход, при всей глубине исследования, не показывает гражданское общество, как конкретный исторический общественный институт, и остается не выявленной его внутренняя структура.

Одним из первых в отечественной историографии обращается к истории земских учреждений, как структурной единице гражданского общества, В. Абрамов. В своей статье он отмечает, что эти новые учреждения «…фиксировали ту границу, где политическая сфера непосредственно соприкасалась с социальной, а эта последняя – с хозяйственной деятельностью»[5]. Земская деятельность не только давала выход энергии действия социально активным представителям общества. Участие всех сословий в работе выборных органов местного самоуправления ломало строгую корпоративность российского общества и способ-

---

[1] *Володин А.Г.* Гражданское общество и модернизация в России // Полис. 2000. № 3; *Абрамов В.Ф.* Демократическая практика российского земства // Там же. 1995. № 3; *Кузьмин М.* Переход от традиционного общества к гражданскому: изменение человека // Вопросы философии. 1997. № 2; *Волобуев П.В., Булдаков В.П.* Октябрьская революция: новые подходы к изучению // Вопросы истории. 1996. № 5-6; *Захарова Л.Г.* Великие реформы 1860-1870-х годов: поворотный пункт российской истории? // Отечественная история. 2005. № 4; *Волков В.* Общественность: забытая практика гражданского общества // Pro et Contra. 1997. Т. 2. № 4; *Гридчин Ю.В.* Гражданское общество в России накануне кризиса 1917 г. // Проблемы формирования гражданского общества: Сб. статей. М., 1993; *Интеллигенция* и проблемы формирования гражданского общества в России: Материалы Всероссийской конференции. Екатеринбург, 2000. и др.

[2] *Черных А.* Долгий путь к гражданскому обществу (реформы 1860-х годов в России) // Социс. 1994. № 8-9. С. 173-181.

[3] *Володин А.Г.* Указ. соч. С. 105.

[4] *Там же.* С. 104.

[5] *Абрамов В.Ф.* Демократическая практика российского земства // Полис. 1995. № 3. С. 145.

ствовало складыванию общества граждан[1]. В уральской историографии эту проблему активно исследуют Е.Апкаримова, А.Субботина, О.Богатырева. В своих работах они обращаются к комплексному анализу гражданской деятельности земских учреждений, городского самоуправления на Урале[2].

Новым этапом развития исторического знания стал выход в свет монографии А.С.Тумановой[3]. В ней рассматриваются вопросы расширения рамок гражданского общества за счет многочисленных общественных организаций нового типа, появившихся в ходе начавшейся революции: профсоюзов, политических партий, политизированных объединений и движений. Сюда же входили ставшие уже традиционными для России за предшествующий период развития благотворительные, культурные, просветительские и другие подобные учреждения. В центре работы находятся проблемы разработки и применения Временных правил об обществах и союзах от 4 марта 1906 г. Они оцениваются как отражение компромисса государственной власти с гражданским обществом, а также как следующий шаг в разработке правовой базы для его существования.

Автор признает существование в России начала XX в. отдельных элементов гражданского общества, связывая это с расширением числа общественных организаций в стране, увеличением количества приверженцев гражданских и политических свобод среди ученых, общественных и политических деятелей[4]. Однако вне поля зрения осталась работа земских учреждений и городского самоуправления, которые выступали в качестве соучредителей и финансовых гарантов функционирования многих организаций. Автор не касается также проблем становления гражданского общества в ходе реформ 60-70-х гг. Х1Х в.

Показателем новых подходов к истории дореволюционной России и актуальности темы гражданских отношений в стране стало появление работ зарубежных ученых. Игнорирование этой тематики для исследований постепенно сменяется новыми подходами. Так, в работе американского историка, Дж.

---

[1] *Там же.* С. 146.

[2] *Апкаримова Е.Ю.* Городское самоуправление Екатеринбурга во второй половине Х1Х в. // Известия УрГУ. 1998. № 9; *Ее же.* Благотворительность в городах Пермской губернии в последней трети Х1Х-начале XX вв. // Милосердие и благотворительность в российской провинции. Екатеринбург, 2002; *Богатырева О.Н.* Региональные особенности органов земского самоуправления в Вятской и Пермской губерниях // Земское самоуправление: организация, деятельность, опыт. Киров, 2002; *Субботина А.М.* Земство в Удмуртии: историографический аспект // Историческая наука и историческое образование на рубеже XX-XX1 столетия: Четвертые всероссийские историко-педагогические чтения. Екатеринбург, 2000; *Ее же.* Современные подходы к земскому самоуправлению в отечественной исторической литературе // VI Российская университетско-академическая научно-практическая конференция. Секция 1. Ижевск, 2004.

[3] *Туманова А.С.* Самодержавие и общественные организации в России. 1905 – 1917 годы. Тамбов, 2002.

[4] *Туманова А.С.* Указ. соч. С. 10.

Бредли[1] анализируется практика общественной жизни пореформенной Москвы. Ученый приходит к выводу о реальном существовании в стране основных элементов гражданского общества. Автор **характеризует российское гражданское общество как крайний вариант восточноевропейской модели,** где социальная инициатива принадлежала не объединениям частных лиц, а бюрократическому государственному аппарату[2].

Однако и в данном случае оставался в стороне вопрос о системообразующей роли земских учреждений и городского самоуправления в истории гражданского общества в России. Без их финансовой и организационной поддержки было бы невозможно нормальное функционирование многочисленных и разнообразных общественных объединений. (автор в статье приводит данные о роли Московской думы). Не учитывался и такой важный аспект как развитие гражданских отношений в провинции, во многом отличавшийся от аналогичных процессов в столицах Российской империи как по темпам, так и по масштабам перемен.

Широкие финансовые возможности городского самоуправления, близость к высшим эшелонам власти, насыщенность образовательными учреждениями всех типов, значительная концентрация гражданси активных представителей научной, творческой интеллигенции, радикально настроенного духовенства – все это давало громадные преимущества столичным центрам по сравнению с другими регионами. Поэтому, пример Москвы можно рассматривать в качестве некоторого эталона гражданского развития, но не типичным явлением для страны.

Еще одну особенность становления и развития элементов гражданского общества в России отмечают зарубежные исследователи. Их возникновение может предшествовать закреплению в законе гражданских прав и свобод. Такой процесс получил парадоксальное название **«гражданское общество без гражданства».** Он применяется для обозначения поля гражданского действия добровольных ассоциаций, общественных движений. Здесь происходит реализация гражданских инициатив, выступлений и действий, являющихся своеобразным диалогом с государственной властью с целью побудить ее к изменению реальной действительности[3].

---

[1] *Бредли Дж.* Общественные организации и развитие гражданского общества в дореволюционной России // Общественные науки и современность. 1994. № 5.

[2] *Там же.* С. 78.

[3] *Ку Агнес С.* Парадокс – гражданское общество без гражданства // Социс. 2003. № 12. С. 19.

Во всех работах отмечается, что перемены в общественной жизни пробивали себе дорогу достаточно трудно, преодолевая стереотипы общественного сознания, множество административных препятствий.

При написании диссертации автор обращался также к исследованиям, созданным в предшествующие периоды и в настоящее время. Здесь можно выделить три больших раздела: работы по истории местного самоуправления; деятельности научных и культурных просветительских организаций; системы благотворительных обществ и учреждений.

За последние полтора десятилетия в работах по проблемам **местного самоуправления** произошла смена парадигмы исследования. Раньше основным лейтмотивом значительного числа монографий было подтверждение известных оценок роли и места земских учреждений и городского самоуправления в развитии дореволюционной России с позиций политического противостояния и потребностей классовой борьбы против самодержавия[1]. Что было абсолютно правильно. Но это был анализ действительности с точки зрения политического развития в рамках марксистской парадигмы. Недооценивалась природа созданных земских учреждений и городского самоуправления. **Это были элементы гражданского общества, которые не ставили задач борьбы за политическую власть и не были направлены на участие в политической борьбе.**

Именно это имел в виду С.Ю.Витте в своей известной полемической книге, вышедшей в начале XX в[2]. Хотя здесь не используется термин «гражданское общество», но логика изложения материала, аргументация позиции государственного чиновника самого высокого ранга позволяет сделать вывод о том, что в высших эшелонах власти понимание взаимоотношений с системой местного самоуправления шло по пути, сложившемся в то время в большинстве западноевропейских государств, учитывало исторический опыт его развития в рамках государственного управления.

С 90-х гг. XX в. появляются работы отечественных ученых, в которых предпринимается пересмотр традиционных подходов при изучении истории деятельности земских учреждений и городского самоуправления[3]. Не отвергая

---

[1] *См. напр.: Черныш М.И.* Развитие капитализма на Урале и пермское земство. Пермь, 1959.

[2] *Витте С.Ю.* Самодержавие и земство: Записка б. министра финансов, статс-секретаря, гр. С.Ю.Витте. СПб., 1908.

[3] *См.: Герасименко Г.А.* Земское самоуправление в России. М. 1990; *Его же.* История земского самоуправления. Саратов, 2003; *Лаптева Л.Е.* Региональное и местное управление в России: (Вторая половина Х1Х века). М., 1998; *Верещагин А.Н.* Земский вопрос в России: Политико-правовые отношения. М., 2002; *Нардова В.А.* Самодержавие и городские думы в конце Х1Х-начале XX вв. СПб., 1994; *Пирумова Н..М.* Земская интел-

накопленный в предшествующий период исторический материал, в этих работах основное внимание уделялось выяснению практической значимости повседневной деятельности органов местного самоуправления для жителей городов и деревень. Новым направлением стало исследование гражданской активности той части земской интеллигенции, которые ранее не причислялись к разряду представителей революционно-демократического течения в общественной жизни страны.

Изменение политической ситуации в стране в конце 80-х гг. XX в. вновь вызвало интерес к деятельности комитетов общественной безопасности, которые возникают на пике демократического потенциала Февральской революции 1917 г.[1] Уже тот факт, что они создаются практически на всей территории России, указывает на их неслучайный характер. Однако оценка значения и роли этих общественных организаций пока связывается большинством исследователей с альтернативой противостоянию основных политических сил в стране: Временного правительства и Советов.

Были продолжены региональные исследования, начатые в 70-е гг. учеными Поволжья и Сибири. После долгого перерыва с 90-х гг. выходят работы по истории уральского земства и городского самоуправления в Екатеринбурге, Челябинске, Кирове, Ижевске, Перми[2], защищены кандидатские диссертации[3].

Однако в уральской историографии ждут своего исследования вопросы практической деятельности земских учреждений по таким направлениям как:

лигенция и ее роль в общественной борьбе до начала XX в. М., 1986; *Писарькова Л.Ф.* Московская городская дума: 1863-1917 гг. М., 1998; *Салчинский В.И., Чемезов С.М., Якимов В.В.* Бюджетное устройство губерний России 1864-1914 гг. Екатеринбург, 1994; *Секиринский С.С., Шелохаев В.В.* Либерализм в России. М., 1993.

[1] *Герасименко Г.А.* Первый акт народовластия в России: Общественно-исполнительные комитеты (1917 г.). М., 1992; *Он же.* Судьба демократической альтернативы в России 1917 года и роль ее лидеров // Вопросы истории. 2005. № 7; *Гайда Ф.А.* Февраль 1917 года: революция, власть, буржуазия // Вопросы истории. 1996. № 3; *Волобуев П.В., Булдаков В.П.* Октябрьская революция: новые подходы к изучению // Вопросы истории. 1996. № 5-6; *Обухов Л.А.* 1917 год в Пермской губернии: вопрос о власти // Пермский край: прошлое и настоящее. Пермь, 1997; *Светлаков В.Г.* Взгляд из прошлого: А.Е.Ширяев глазами историка // Страницы прошлого. Пермь, 2003. Вып. 4.

[2] *История* местного самоуправления на Урале в XVIII-начале XX вв.: город, село, деревня. Екатеринбург, 1999; *История* народного образования г. Перми до 1917 г. Пермь, 1997; *Обухов Л.А.* Советы Урала в 1917 году. Пермь, 1992; *Селезнева В.Т.* Очерки по истории медицины в Пермской губернии. Пермь, 1997; *Сельское* и городское самоуправление на Урале в XVIII-начале XX века / Е.Ю.Апкаримова, С.В.Голикова, Н.А.Миненко, И.В.Побережников. М., 2003; *Шестова Т.Ю.* Развитие здравоохранения Уральских губерний (Пермской, Вятской, Оренбургской) 1864-1900. Пермь, 2003. и др.

[3] *Апкаримова Е.Ю.* Городское самоуправление на Среднем Урале в последней трети XIX-начале XX вв. Екатеринбург, 1999; *Богатырева О.Н.* Земское самоуправление в Вятской и Пермской губерниях в пореформенный период (60-90-е гг. XIX в.). Екатеринбург, 1996; *Галлямова З.В.* Городское самоуправление второй половины XIX-начала XX вв. (по материалам города Вятки). Киров, 2005; *Елисафенко М.К.* Земство и начальное образование на Урале (вторая половина XIX-начало XX вв.). Екатеринбург, 1996; *Мясников С.В.* Самоуправление уездных городов Вятской губернии в 70-х – начале 1890-х гг. Казань, 1997; *Юсупов М.Р.* Культурно-просветительская деятельность земств Урала (1864-февраль 1917 гг.). Челябинск, 1999; *Ярома О.В.* Городское самоуправление Пермской губернии в период с 1905 г. по февраль 1917 г. Пермь, 2005.

развитие кооперативного движения, распространение агрономических знаний, создание опытных хозяйств, складывание системы земской статистики и др. Это будет способствовать конкретизации процесса создания слоя земских служащих как одного из важнейших каналов расширения гражданских отношений, их организующая роль в формировании очагов гражданского общества в городе и деревне. В начале пути находится изучение влияния земств и городского самоуправления на развитие других элементов гражданского общества, в том числе разнообразных обществ и организаций.

Другой блок литературы относится к деятельности **научных и культурных просветительских организаций**, выступающих составной частью гражданского общества. К ним относились различные формы внешкольного образования, среди которых важнейшее значение имели: воскресные школы для взрослых, широкая сеть библиотек, организация экономического образования и просвещения. Здесь ярко проявлялась подвижническая, гражданская активность земских служащих: учителей, агрономов, врачей, статистиков; инженеров и техников. Творческая интеллигенция совместно с земствами, городским самоуправлением, общественностью становятся инициаторами создания публичных музеев, любительских театров, музыкальных и творческих кружков и обществ. Эти процессы отмечались еще в литературе советского периода[1].

Уральская историография обогатилась исследованиями по проблемам развития культуры в регионе. В них рассматривалась деятельность таких известных обществ, как Уральское общество любителей естествознания (УОЛЕ), Пермский научно-промышленный музей, представителей творческой общественности. Преимущественное внимание было отдано культурному развитию крупных городов и заводских центров, особенно тем, кто имел значительные революционные традиции: Пермь, Екатеринбург, Вятка, Челябинск, Уфа, Оренбург, Златоуст, Мотовилиха, Нижний Тагил, Лысьва, Кизел, Миасс, Холуницкие заводы[2].

---

[1] *Лейкина-Свирская В.Р.* Русская интеллигенция во второй половине Х1Х в. М., 1971; *Массовые* организации трудящихся в социалистической революции. Л., 1988; *Общественное* движение в России в Х1Х веке: Сб. статей. М., 1986; *Ососков А.В.* Начальное образование в дореволюционной России. М., 1982; *Соболева Е.В.* Организация науки в пореформенной России. Л., 1983; *Степанский А.Д.* История общественных организаций дореволюционной России. М., 1979; *Знаменский О.Н.*. Интеллигенция накануне Великого Октября (февраль-октябрь 1917 г.). Л., 1988; *Филиппов И.Г.* Научно-технические общества России (1866-1917). М., 1975. и др.

[2] *Алферов Н.С.* Зодчие старого Урала. Свердловск, 1960; *Архипова Н.П., Ястребов Е.В.* Как были открыты Уральские горы. Челябинск, 1982; *Боголюбов Н.Н.* Шестьдесят лет в оперном театре: Воспоминания режиссера. М., 1967; *Варфаломеева О.М.* Очерк по истории организации дошкольного воспитания на Урале. М., 1958; *Вишневский Б.Н.* Географ-краевед И.Я.Кривощеков (1854-1916). Пермь, 1961; *Горовой Ф.С.* Революционно-демократическое движение в Пермской губернии в 60-х годах Х1Х века. Пермь, 1952; *250* лет Перми:

С середины 80-х гг. XX в. начинаются активные исследования деятельности просветительских организаций всех направлений, включая и те, в которых ведущее положение занимали будущие известные представители буржуазных и мелкобуржуазных политических партий[1].

Еще одной отличительной особенностью работ этого периода являлся отказ от выяснения классового содержания в деятельности этих организаций, прошлых идеологических штампов и обвинений в отвлечении трудящихся от задач политической борьбы против самодержавия, а - затем и против буржуазии. Это позволяло создавать более объективную картину общественного развития страны к началу XX в., в которой стали видны основные направления гражданской активности населения. Появилась возможность для научного анализа функционирования элементов гражданского общества, их взаимоотношений с государственной властью. Один из важных выводов заключался в том, что развитие в стране широкой сети организаций, обществ, учреждений отражал не только объективную потребность перехода к современным формам промышленного производства. При всей противоречивости социально-экономических и политических процессов пореформенной России, это был пример начала диалога власти с обществом[2].

Сборник. Пермь, 1973; *Дергачев И.А.* Д.Н.Мамин-Сибиряк: Личность. Творчество. Свердловск, 1981; *Ефремов И.В.* Подвижник народной культуры А.Д.Городцов. Пермь, 1983; *Из летописи* земли Кунгурской. Пермь, 1967; *Из прошлого* Чердынского края. Пермь, 1974; *История* города Кирова. Киров, 1974; *История* Урала. Т. 1. Пермь, 1976; *История* Удмуртии: конец XV-начало XX века. Ижевск, 2004; *Кривощекова А.Ф.* Очерки комипермяцкой школы. Молотов, 1956; *Курочкин Ю.М.* Из театрального прошлого Урала: Заметки собирателя. Свердловск, 1957; *Локшин Д.* Замечательные русские хоры и их дирижеры. М., 1963; *Из* музыкального прошлого. Т. 1, 2. М., 1963-1965; *Мильман Э.М.* История первой железнодорожной магистрали Урала. Пермь, 1975; *Нечаев И.В.* Горнозаводские школы Урала. М., 1967; *Никитин А.Г.* Директор народных училищ А.П.Раменский. Пермь, 1965; *Николаев С.Ф.* Испытатель природы – Павел Васильевич Сюзев. Пермь, 1958; *Очерки* истории Кировской области. Киров, 1972; *Павловский Б.В.* Декоративно-прикладное искусство промышленного Урала. М., 1975; *Периодика* Урала: Библиографический указатель. – Вып. 1. Дореволюционные издания / Сост. Г.М.Савиных. Свердловск, 1976; *Пермский* государственный университет им. А.М.Горького: Исторический очерк, 1916-1966. Пермь, 1966; *Петряев Е.Д.* Литературные находки. 2-е. изд. Киров, 1981; *Рассудовская Н.М.* Издатель Ф.Ф.Павленков: Очерк жизни и деятельности. М., 1960; *Сигов И.С.* На старом Урале. Молотов, 1953; *Слово* о Мотовилихе: Годы. События. Люди. Пермь, 1974; *Терехин А.С.* Пермь: Очерк архитектуры. Пермь, 1980; *Тинский А.Г.* Вятская мозаика. Киров, 1994; *Пермский* областной краеведческий музей: Путеводитель. Пермь, 1988; *Чагин Г.Н.* Чердынь: Краткий ист. очерк. Пермь, 1972; *Чудова Г.Ф.* В те далекие годы. Очерки по истории краеведения Вятской губернии. Киров, 1981; *Ее же.* Н.Н.Блинов. Киров, 1983; *Шумилов Е.Ф.* История искусства Удмуртии: события, мастера, памятники. Устинов, 1986.

[1] *Интеллигенция* и либерализм в России: Сб. статей. Саратов, 1995; *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII-начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб., 2000. Т. 2; *Общественно*-политические институты и движения: Проблемы теории и истории. Л., 1991; *Общественное* движение в России в X1X веке: Сб. статей. М., 1986; *Панарин А.С.* Российская интеллигенция в мировых войнах и революциях XX в. М., 1998; *Пирумова Н.М.* Земская интеллигенция и ее роль в общественной борьбе до начала XX в. М., 1986; *Степанский А.Д.* История научных учреждений и организаций дореволюционной России. М., 1987; *Туманова А.С.* Самодержавие и общественные организации в России. 1905-1917 годы. Тамбов, 2002;

[2] *Миронов Б.Н.* Указ. соч. С. 290.

Однако в работах не раскрывается, или рассматривается только в качестве констатации факта, механизм воздействия созданных организаций на формирование гражданских отношений. Не нашел своего отражения также вопрос о взаимоотношениях научных и культурных просветительских организаций с другими обществами, организациями-учредителями, властными структурами на местах.

В уральской историографии современного периода продолжается уточнение и выявление новых фактов деятельности просветительских организаций, географии их распространения, состава и численности местных обществ. Определенным этапом стало появление монографий уральских ученых, где была предпринята попытка обобщения накопленного материала[1]. Вышли книги, посвященные отдельным историческим деятелям Урала, которые внесли заметный вклад в становление новых общественных объединений[2]. Причем, впервые в историографии Урала объектом исследования становились представители купеческого сословия, деятели либерально-буржуазного движения.

Формой научного исследования стали публикации энциклопедического характера, где рассматриваются также вопросы работы просветительских организаций[3]. Однако основным видом отчета об итогах научного поиска остаются по-прежнему статьи в специальных журналах и сообщения на конференциях различного уровня[4]. Некоторые публикации вышли как итог работы по осуще-

---

[1] *Беляев С.Е.* История музыкальной культуры Урала (XVIII – нач. XX в.): Курс лекций. Екатеринбург, 1996; *Бердинских В.А.* История города Вятки. Киров, 2002; *Его же.* История Вятского края: Мир русской провинции. Киров, 2005; *Пирогова Е.П.* Научно-краеведческие общества Пермской губернии в пореформенный период. Свердловск, 1989; *Музей* горнозаводского дела. Екатеринбург, 1995; *Порозов В.А.* Пермь музыкальная. Кн. 1. По улице Сибирской. Пермь, 2004; *Раскин А.М.* Архитектура классицизма на Урале. Свердловск, 1989; *Ремезовская Т.Б.* Частные учебные заведения. Пермь, 1998; *Шумихин В.Г.* Для жизни настоящей и будущей (Книжное дело Вятского земства). Киров, 1996.

[2] *Бердинских В.А.* Уездные историки. Русская провинциальная историография. М., 2003; *Зорина Л.И.* Онисим Егорович Клер. 1845-1920. М., 1989; *Летописцы* родного края (очерки об исследователях истории Урала). Свердловск, 1990; *Кашихин Л.С.* «Дедушка пермского прогресса». Доктор П.Н.Серебренников. Пермь, 1991; *Рабинович Р.И.* Опальный миллионер. Пермь, 1990; *Семенов В.Л.* Мировоззрение Д.Д.Смышляева (Идейное наследие и судьба пермского либерала). Пермь, 2001; *Его же.* И.И.Любимов – человек, предприниматель, общественный деятель и меценат. Пермь, 2002.

[3] *Уральская* историческая энциклопедия. Екатеринбург, 1998; История Удмуртии: конец XV-начало XX века. Ижевск, 2004; *Краеведы* и краеведческие организации Перми: Библиографический справочник. Пермь, 2000; *Архитекторы* и архитектурные памятники пермского Прикамья: Краткий энциклопедический словарь. Пермь, 2003; *Энциклопедия* земли Вятской: В 11 т. Киров, 1994-2005; *Чудова Г.Ф., Колупаева В.Н.* Труды Вятской ученой архивной комиссии: Указатель содержания. Киров, 1993.

[4] *Александров А.А.* Буржуазные реформы 60-70-х годов Х1Х века в Удмуртии // Очерки истории Удмуртии Х1Х века. Ижевск, 1996; *Андреева Т.А.* Культурно-просветительская деятельность уральской интеллигенции между буржуазно-демократическими революциями (1907-1916) // Народное образование на Урале в XVIII-начале XX вв. Свердловск, 1990; *Беляев С.Е.* Имена со старых афиш // Урал. 2003. № 8; *Валеева Н.Г.* Земские библиотеки Вятской губернии // Вятскому земству – 130 лет. Киров, 1997; *Голубкова А.Н.* Музыкальная культура Удмуртии. Ижевск, 2004; *Егорова Е.И.* Художественное образование в Перми на рубеже Х1Х-XX вв. // Пермская губерния: История, политика, культура, современность. Кунгур, 1997; *Зайцев Г.Б.* Художественная

ствлению региональных комплексных программ, финансируемых за счет специальных грантов[1].

В ряде публикаций исследователи обратились к выяснению вклада церковнослужителей в развитие культурной среды региона: музыкального образования, краеведения, участия в работе общественных организаций[2].

Существенный вклад вносит местное краеведение. Уральский регион еще в Х1Х - начале ХХ вв. выделялся среди других губерний Российской империи большим количеством краеведческих объединений, которые создавались, в большинстве случаев, при местных музеях и становились не только средством реализации своих интересов, но и выступали центрами гражданского воспитания.

В современных условиях открытый доступ к архивным фондам, свобода от идеологического контроля, возможность издания результатов исторического поиска – все это послужило стимулом для широкого распространения краеведческих объединений не только в крупных областных центрах, но и в районных городах. В большинстве случаев объединяющими центрами выступают библиотеки и местные краеведческие музеи. За последние десять лет поисковая работа этих обществ существенно расширила круг местных архивных источни-

---

жизнь Екатеринбурга в конце Х1Х-начале ХХ в. // Известия УрГУ. 1997. № 7; *Казанцева М.Г.* Религиозно-музыкальное образование на Урале в XVIII-начале ХХ вв. // Религия и церковь в Сибири. Тюмень, 1996. Вып. 9; *Кашихин Л.С., Перескоков Л.В.* Архитектор и актер А.Б.Турчевич // Пермский край: Старая Пермь (1723-1917). Пермь, 1992; *Мартынов В.* Д.П.Соломирский – благотворитель и общественный деятель //Уральский музей. 2005. № 1; *Мурзина И.Я.* Методологические аспекты региональной культуры // Социс. 2004. № 2; *Невоструев Н.А.* Роль русской буржуазии в социальном развитии общества в пореформенный период // Славянский мир на пороге III тысячелетия. Пермь, 2002; *Невоструев Н.А., Невоструева К.Н.* Общественные организации и культурный фон «серебрянного века» // Два рубежа: 100 летнему юбилею «Мира искусства». Пермь, 1998; *Петряевские* чтения. Вып. 1-8. Киров, 1988-2005; *Помелова Е.В.* Вопросы образования в деятельности Вятского земства // Вятскому земству – 130 лет. Киров, 1997; *Семянников В.В.* Пермское общество любителей живописи, ваяния и зодчества (1909-1919 гг.). Хроника деятельности // Из истории художественной культуры Урала. Екатеринбург, 1998; *Судовиков М.С.* Вятское купечество в земском либеральном движении 60-70-х годах ХХ в. // Земское самоуправление: организация, деятельность, опыт. Киров, 2002; *Христианская* культура пермского Прикамья. Пермь, 1998*; Художественная* культура Пермского края и ее связи. Пермь, 1992; *Общественная* и культурная жизнь дореволюционного Урала: Сб. статей. Свердловск, 1987; *Культура* и быт дореволюционного Урала: Сб. статей. Свердловск, 1989.

[1] *Голикова С.В.* Традиционное врачевание в повседневной жизни уральского города Х1Х-начала ХХ в. // Уральский город XVIII – начала ХХ в.: история повседневности. Екатеринбург, 2001; *Апкаримова Е.Ю.* Городское самоуправление Екатеринбурга во второй половине Х1Х в. // Известия УрГУ. 1998. № 9; *Зайцев Г.Б.* Художественная жизнь Екатеринбурга в конце Х1Х-начале ХХ в. // Известия УрГУ. 1997. № 7; *Шабалина Л.К.* Императорское русское музыкальное общество и его роль в развитии отечественной музыкальной культуры и образования // Династия Романовых в истории и культуре России. Екатеринбург, 2002.

[2] *Байдин В.И., Голикова С.В., Дашкевич Л.А., Нечаева М.Ю.* Дневник священника // Урал. ист. вестн. Культура провинциальной России. Екатеринбург, 1995. № 2; *Берестова Е.М.* Социально-культурная деятельность православной церкви среди удмуртов (вторая половина Х1Х-начало ХХ в.) // Культурология традиционных сообществ: Материалы Всероссийской научной конференции молодых ученых. Омск, 2002; *Голикова С.В.* Культура горнозаводского населения Урала и духовенство: антропологический аспект // Известия УрГУ. 2004. № 29. Вып. 15; *Казанцева М.Г.* Религиозно-музыкальное образование на Урале в XVIII-начале ХХ вв. // Религия и церковь в Сибири. Тюмень, 1996. Вып. 9.

ков, восстанавливались имена известных деятелей общественной жизни региона, история забытых организаций и обществ. Возросла издательская активность краеведческих организаций, регулярно проводятся конференции[1], обсуждаются вышедшие монографии ученых-историков, появляются новые краеведческие объединения.

Историография **благотворительных организаций и учреждений** дореволюционного периода представлена работами известных столичных авторов: Е.В. Гогеля, В.И. Герье, В.Ф. Дерюжинского, Н.В. Елагина, Д.М. Ладыжинского, Е.Д. Максимова, И.Я. Селезнева, М.К. Соколовского, Г.Г. Швиттау, Е.С. Шумигорского и др.[2] Насчитывается более 320 крупных работ по различным направлениям благотворительности в России[3].

Определенный итог полувековой истории деятельности благотворительных организаций страны был сделан в сборнике работ руководителей известных столичных организаций, государственных и общественных деятелей России, подготовленном к открывавшемуся в Милане IV Международному конгрессу по общественному и частному призрению[4].

Среди дореволюционных публикаций необходимо отметить работы Е.Д.Максимова. Ни один современный исследователь, занимающийся вопросами истории благотворительности, не обходит вниманием его труды, отличающиеся глубоким знанием положения дел в центре и на местах, серьезностью и основательностью в изложении материалов[5]. Так, в книге «Из истории и опыта

---

[1] *Вятка:* Краеведческий сборник. Киров, 1972-1991. Вып. 1-9;*Герценка:* Вятские записки: [научн.-попул. альм.]. Киров, 2000-2004. Вып. 1-7; *Страницы* прошлого: Избранные материалы краеведческих Смышляевских чтений в Перми. Пермь. Вып, 1995-2005. Вып. 1-5; *Татищевские* чтения. Екатеринбург, 1997-2004. Вып. 1-5; *Уральский* библиофил. Свердловск, 1984-1989. Вып. 1-4.

[2] *Герье В.И.*. Попечительство о бедных в Москве в 1895 г. М., 1895; *Гогель Е.В.* Объединение и взаимодействие частной и общественной благотворительности. СПб., 1908; *Дерюжинский В.Ф.* Общественное попечение у крестьян. СПб., 1899; *Елагин Н.В.* Нищие на Святой Руси. М., 1862; *Ладыжинский Д.М.* Красный Крест. Б.м., 1915; *Максимов Е.* Очерки частной благотворительности в России. СПб., 1898; *Призрение* детства. Сведения об общественной и частной благотворительности в России и за границей. Т. 1-3. СПб., 1888; *Путерен М.Д.* Исторический обзор призрения внебрачных детей и подкидышей и настоящее положение этого дела в России и других странах. СПб., 1908; *Селезнев И.Я.* Пятидесятилетие IV отделения собственной его императорского величества канцелярии (1828-1878): Хроника Ведомства учреждений Императрицы Марии, состоявших под непосредственным их императорских величеств покровительством. СПб., 1880; *Соколовский М.* Благотворительность при преемниках Петра Великого. СПб., 1901; *Швиттау Г.Г.* Трудовая помощь в России. Ч. 1-2. Пг., 1915; *Шумигорский Е.С.* Ведомство учреждений Императрицы Марии. Исторический очерк. 1797-1897. СПб., 1897.

[3] Без учета статей в периодической печати. См.: *Афанасьев В.Г., Соколов А.В.* Благотворительность в России. Историографические аспекты проблемы. СПб., 1998. С. 16.

[4] *Общественное* и частное призрение в России. СПб., 1907.

[5] К сожалению, это имя оказалось забытым в советское время. Сведения о деятельности Е.Д. Максимова нашли отражение только в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона. Он участвовал в практической работе земских учреждений Курской губернии, работал начальником благотворительного отделения МВД, управляющим делами центрального комитета попечительства о домах трудолюбия, входил в состав известной комиссии К.К.Грота по пересмотру законодательства об общественном призрении в 90-х гг. Х1Х в. Некоторые материалы он публиковал под именем М.Слобожанина. Среди его работ можно выделить: *Очерк* земской дея-

земских учреждений в России», которая была написана к 50-летию образования земств, один из разделов посвящен анализу их деятельности в области общественного призрения.

Значительный материал по организации благотворительной помощи на местах был отражен в материалах Всероссийских съездов по благотворительности 1910 и 1914 гг. Первый из них был созван по инициативе созданного в 1909 г. Всероссийского союза учреждений, обществ и деятелей по общественному и частному призрению[1]. Его материалы распространялись бесплатно среди земских учреждений и городских управ страны. В мае 1914 г. инициатором второго съезда выступает уже министерство внутренних дел. На съезде была принята достаточно продуманная программа основ социальной политики, которая предусматривала тесное взаимодействие государства и общества[2].

В дореволюционной уральской литературе можно выделить две публикации, посвященнные вопросам благотворительности[3]. Нужно отдать должное авторам, которые смогли в этих небольших работах провести мысль об ограниченности возможностей традиционной благотворительной помощи в денежной форме или создания большего числа специальных учреждений для нищих. Они поднимаются до осознания необходимости комплексного подхода к вопросу благотворительности, исправления экономических условий жизни основной массы населения – крестьянства. Подвергая критике воззрения западных специалистов на оказание помощи неимущим, авторы выдвигают идею объединенных усилий власти и общественности по формированию нового экономического сознания крестьян, конкретной помощи в создании индустриальной основы их труда. Именно на этом пути считали они возможно выполнение гражданского долга интеллигенции по повышению уровня жизни населения, и, в конечном счете, создавать условия для развития человека.

В советской историографии вопросы благотворительности не становились объектом научного исследования. Деятельность некоторых существовав-

---

тельности в общественном призрении. СПб., 1895; *Происхождение* нищенства и меры борьбы с ним. СПб., 1901; *Из истории* и опыта земских учреждений в России. Очерки М.Слобожанина. СПб., 1913; *Статистические* и финансовые вопросы общественного призрения. СПб., 1895; *Трудовая* помощь, ее основания, задачи и важнейшие формы. СПб., 1899; *Городские* общественные управления в деле помощи бедным. СПб., 1905.

[1] *Труды* Первого съезда русских деятелей по общественному и частному призрению. 8-13 марта 1910 г. СПб., 1910.

[2] *Труды* съезда по общественному призрению, созванного Министерством внутренних дел 11-16 мая 1914 г. Т. 1. СПб., 1914.

[3] *Смышляев Д.Д.* По поводу Самарского бедствия // Сборник Пермского земства. 1874. январь-апрель; *Красноперов Е.И.* Благотворительность, как один из факторов экономического благосостояния и прогресса. Пермь, 1892.

ших организаций (Красный Крест, общества глухих, слепых) в дореволюционный период рассматривалась с точки зрения классового, политического подхода, практически без имен руководителей и активистов. Известное определение благотворительности, как «средство обмана буржуазией трудящихся…, одним из средств отвлечения трудящихся от классовой борьбы»[1], долгое время являлось препятствием объективного анализа содержания работы организаций и учреждений этого типа.

Интерес к истории благотворительности в России пробуждается в конце 80-х гг. XX в., когда появляются первые публикации, связанные с именами известных коллекционеров и меценатов, переиздаются книги X1X - начала XX вв., посвященные некоторым благотворителям из купеческой среды[2]. Вопросы истории благотворительности, практики взаимодействия государственных, общественных и частных форм становятся предметом изучения новой специальности – **социальная работа,** для которой создаются учебники и учебные пособия[3]. Отличительной особенностью этих публикаций стало выявление отдельных направлений благотворительности: трудовой помощи, борьба с нищенством, детской обездоленностью, призрение вдов, престарелых.

Работы последующего периода расширяют диапазон методологических подходов в исследовании этого социального феномена, включая деятельность земских учреждений, практику взаимодействия государственной власти и общественной инициативы (особенно в периоды войн, социальных бедствий: неурожаи, эпидемии), историю купеческой благотворительности, законодатель-

---

[1] *Политический* словарь / Под ред. Б.Н.Пономарева. М., 1956. С. 583.

[2] *Аронов А.А.* Золотой век русского меценатства. М., 1995; *Бадя Л.В.* Благотворительность и меценатство в России. Краткий исторический очерк. М., 1993; *Баяндина Н.П.* Пермь купеческая. Пермь, 1997; *Боханов А.Н.* Коллекционеры и меценаты в России. М., 1989; *Бурышкин П.А.* Москва купеческая. М., 1990; *Власов П.В.* Обитель милосердия. М., 1991; *Думова Н.Г.* Московские меценаты. М., 1992; *Зилоти В.П.* В доме Третьякова. М., 1992; *Лигенко Н.П.* Купечество Удмуртии. Ижевск, 2001; *Лотман Ю.М.* Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства. СПб., 1994; *Мартынов С.Д.* Предприниматели, благотворители, меценаты: Строгановы, Алексеевы, Третьяковы, Морозовы, Гучковы. СПб., 1993; *Макаров А.В.* Деятели печатного слова. М., 1992.

[3] *Андреева И.Н.* Очерки истории социальной помощи в России (X-X1X века). М., 1996; *Исторический* опыт социальной работы в России / Под ред. Л.В.Бадя. М., 1994; *Кононова Т.Б.* История российской благотворительности и ее связь с государственными структурами социального обеспечения. М., 1997: *Нещеретний П.И.* Очерки по истории социальной работы в России. М., 1996; *Павленок П.Д.* Теория, история и методика социальной работы: Избранные работы 1991-2003 гг. М., 2005; *Смирнова Е.Р.* История социальной работы в России. Рабочая программа по направлению и специальности «Социальная работа». Саратов, 1996; *Сорвина А.С., Фирсов М.В.* Учебно-методические материалы по курсу «История социальной работы в России». М., 1995; *Фирсов М.В.* История социальной работы. М., 2004; *Холостова Е.И.* Генезис социальной работы в России. М., 1995.

ное регулирование деятельности благотворительных организаций различного типа, участие высших эшелонов власти в благотворительной сфере[1].

Отметим значение Всероссийских конференций в Санкт-Петербурге «Социальные исследования благотворительности в современной России». Сегодня они являются ведущим центром в вопросах истории и теории благотворительности и современной социальной работы[2].

Новым направлением стало обращение к церковной благотворительности[3]. В последние годы состоялись региональные конференции по проблемам деятельности церковных приходов, их взаимодействия с государственной властью, общественными организациями в сфере благотворительности[4].

Менее исследованы вопросы участия женщин в российской благотворительности. В большинстве публикаций отражается, прежде всего, общественно - политическая направленность женского движения и его организаций[5]. Можно отметить статьи Л.А.Жуковой, в которых она обращается к конкретным фактам

---

[1] *Афанасьев В.Г., Соколов А.В.* Благотворительность в России. Историографические аспекты проблемы. СПб., 1998; *Бибанов Т.П., Бронский М.В., Гречин В.П.* Предпринимательство и благотворительность в России: история и современность. Н.-Новгород, 1994; *Власов П.В.* Благотворительность и милосердие в России. М., 2001; *Егошина В.Н., Елфимова Н.В.* Из истории призрения и социального обеспечения детей в России. М., 1993; *Коллекционеры* и меценаты дореволюционного Урала: [Сб. ст.] / Общ. ред. проф. Б.Б.Овчинниковой. Екатеринбург, 1999; *Кононова Т.Б.* История российской благотворительности и ее связь с государственными структурами социального обеспечения. М., 1997; *Нещеретний П.И.* Исторические корни и традиции развития благотворительности в России. М., 1993; *Нувахов Б.Ш.* Странноприимный дом: традиции российского милосердия. М., 1994; *Покотилова Т.Е.* Благотворительность в социальной истории дореволюционной России. М., 1997; *Соколов А.Р.* Благотворительность в русском общественном сознании. Дореволюционная историография благотворительной деятельности и благотворительных учреждений. СПб., 2005; *Темникова Л.А.* Благотворительность в контексте духовного развития общества. Калуга, 1996; *Ульянова Г.Н.* Законодательство о благотворительности в России (конец XVIII-начало XX вв.) // Отечественная история. 2005. № 6.

[2] *Благотворительность* в России: Исторические и социально-экономические исследования. СПб., 2001-2005.

[3] *Берестова Е.М.* Православная церковь в Удмуртии (вторая половина Х1Х-начало XX в.). Ижевск, 2005; *Воронова Е.А.* Благотворительная деятельность русской православной церкви: история и современность. Учебно-методическое пособие. СПб., 2004; *Курченков К.Ю.* Православная десятина. М., 1999; *Махаев С.К.* Сестры милосердия. М., 2000; *Нещеретний П.И.* Христианство и его роль в развитии благотворительной деятельности. М., 1993; *Сурский И.К.* Отец Иоанн Кронштадтский. М., 1994; *Человенко Т.Г., Кононова Е.С.* Благотворительность в истории русской православной церкви. Орел, 1997; *Церковь* в истории России. М., 1998-2003. Вып. 1-5.

[4] *Благотворительность* в России: Исторические и социально-экономические исследования. СПб., 2000-2005; *Государство* и церковь в России: история взаимодействия в сфере благотворительности: Материалы межрегион. науч.-практ. конф. Иваново, 2002; *Миссия* церкви и современное православное миссионерство: Тез. докл. и сообщ. конф. М., 1997.

[5] *Айвазова С.Г.* Русские женщины в лабиринте равноправия (Очерки политической теории и истории. Документальные материалы). М., 1998; *Женщины* в общественных объединениях: Сб. статей. М., 1992; *Женщины* и российское общество: научно-исторический аспект. Сб. науч. ст. Иваново, 1995; *Успенская В.И.* Женщина и общество: Литература по женскому вопросу, изданная в России во второй половине Х1Х-начале XX века. Библиографический указатель. Тверь, 2002; *Хасбулатова О.А.* Опыт и традиции женского движения в России (1860-1917). Иваново, 1994; *Юкина И.И.* История женщин России: Женское движение и феминизм в 1850-1920-е гг. СПб., 2003.

деятельности женских благотворительных организаций по оказанию помощи детям, борьбе с проституцией.[1]

До настоящего времени ведутся дискуссии по вопросам периодизации истории благотворительности, содержания этой дефиниции, о понятийном аппарате благотворительности[2]. При всей аргументированности основных положений, исследователи не связывают благотворительность в стране с проблемами формирования гражданского общества. Даже в самом обстоятельном, на наш взгляд, определении этого социального феномена, которое предлагает А.Р.Соколов[3], нет обращения к гражданскому содержанию благотворительности, его принципиальному отличию от предшествующих исторических форм дворянского меценатства.

Современная уральская историография по благотворительности за последние два десятилетия сделала значительный шаг вперед. Появились публикации, отражающие практически все направления благотворительности на Урале[4]. Авторы отмечают их значение для развития гражданских отношений в обществе[5]. Плодотворно работает группа екатеринбургских и пермских историков

---

[1] *Жукова Л.А.* Деятельность женских благотворительных организаций в России по оказанию помощи детям в XVIII-начале XX вв. // Женщина в российском обществе. Иваново, 1996; *Ее же.* По заветам Марфы и Марии: Благотворительность в XVIII-начале XX в. // Родина. 1996. № 3; *Ее же.* Девочку взяла мадам: жизнь проституток сто лет назад // Родина. 1997. № 6 и др.

[2] *См.: Нувахов Б.Ш., Лаврова И.Г.* Этапы развития милосердия и благотворительности в России в XVIII-XX вв. // Проблемы социальной гигиены и история медицины. 1995. № 4; *Прохоров В.Л.* Этапы развития благотворительности в России // Вопросы истории. 2005. № 3; *Соколов А.Р.* Российская благотворительность в XVIII-X1X веках (к вопросу о периодизации и понятийном аппарате) // Отечественная история. 2003. № 6; *Фомин Э.А.* Благотворительность: дискуссионное поле и исследовательские задачи // Благотворительность в России. Социальные и исторические исследования. СПб., 2001.

[3] *Соколов А.Р.* Указ. соч. С. 153.

[4] *Апкаримова Е.Ю.* Благотворительность в городах Пермской губернии в последней трети X1X-начале XX в. // Милосердие и благотворительность в российской провинции. Екатеринбург, 2002; *Богатырева О.Н.* Контроль государственной администрации над деятельностью органов земского самоуправления (вторая половина X1X-начало XX века) // Известия УрГУ. 2004. № 32; *Баяндина Н.П.* Пермь купеческая. Пермь, 1997; *Дашкевич Л.А.* Развитие институтов социальной помощи на Урале в дореволюционный период: от патернализма к гражданскому обществу // Интеллигенция и проблемы формирования гражданского общества в России. Екатеринбург, 2000; *Ее же.* «Под августейшим покровительством…» (О благотворительной деятельности Императорского человеколюбивого общества на Урале) // Известия УрГУ. 2004. № 32; *Загребин С.С.* Благотворительная деятельность попечительств о народной трезвости в Уральских губерниях в конце X1X-начале XX вв. // Милосердие и благотворительность в российской провинции. Екатеринбург, 2002; *Зайцев Г.Б.* Художественная жизнь Екатеринбурга в конце X1X-начале XX в. // Известия УрГУ. 1997. № 7; *Егорова М.В.* Учредители частных учебных заведений на Урале в пореформенный период // Вестник ОГУ. 2004. № 12; *Кычанова А.В.* Из истории Пермских попечительств детских приютов // Родовое сознание и духовное предпринимательство. Пермь, 2002; *Мартынов В.* Д.П.Соломирский-благотворитель и общественный деятель // Уральский музей. 2005. январь; *Москвина Н.Р.* Особенности социальной работы в области профилактики и борьбы с нищенством // Налоги. Инвестиции. Капитал. 2002. № 1-2; *Одинцова О.С.* Пермская школа слепых // Труды ГАПО: Вып. 8. Пермь, 2005; *Трофимов А.В., Коноплева Л.А.* Из истории общественного питания на Урале // Урало-Сибирская научно-практическая конференция. Екатеринбург, 2003; *Ярома О.В.* Влияние родового сознания на участие в городском общественном управлении (на примере деятельности гласных-предпринимателей Пермской городской думы конца X1X-начала XX вв.) // Родовое сознание и духовное предпринимательство. Пермь, 2002.

[5] *Задворнова Е.Е.* Социальное призрение на Урале во второй половине X1X-начале XX века // Милосердие и благотворительность в российской провинции. Екатеринбург, 2002; *Модель И.М., Модель Б.С.* Благо-

по исследованию церковной благотворительности[1], среди которой важное место занимает вопрос о роли уральских монастырей в оказании комплексной помощи страждущим[2].

Признанием вклада уральских ученых стало проведение в Екатеринбурге Всероссийской научной конференции по благотворительности[3]. Ранее была проведена конференция по истории благотворительности в Перми[4].

Однако до сегодняшнего дня, в отличие от центральных и ряда других научных центров страны, нет ни одной монографии по истории благотворительности, обобщающей достигнутый уровень исторического знания в уральском регионе. В самом начале находится исследование участия женщин в деятельности уральских благотворительных обществах и учреждениях. Слабо отражено в научной литературе создание и деятельность сельских благотворительных учреждений. Требует привлечения новых архивных источников проблема деятельности приходских попечительств в развитии местной благотворительности. Нет публикаций о практике работы религиозных организаций других конфессий по оказанию помощи нуждавшимся на территориях, где компактно проживали представители нерусских народностей, не исповедовавших православие. Решение этих задач будет способствовать не только ликвидации отставания от ведущих научных центров страны, но и поможет расширить представления об уровне развития гражданских отношений на Урале.

творительные общественные организации как институт гражданского общества // Благотворительность в России. 2002: Исторические и социально-экономические исследования. СПб., 2003.

[1] *Апкаримова Е.Ю.* Религиозные благотворительные общества в уральских городах во второй половине Х1Х-начале ХХ в. // Благотворительность в России. 2002: Исторические и социально-экономические исследования. СПб., 2003; *Берестова Е.М.* «Вятские Епархиальные Ведомости» как источник информации о церковной жизни // VIII Петряевские чтения. Киров, 2005; *Верденеев А.Р.* Формы социального служения Русской Православной Церкви // Религия в истории города Перми (до 1917 г.). Пермь, 2003; *Гаврилова В.В.* Религиозная благотворительность в Перми до 1917 года // Религия в истории города Перми (до 1917 г.). Пермь, 2003; *Нечаев М.Г.* Милосердие и благотворительность церкви на Урале // Милосердие и благотворительность в российской провинции. Екатеринбург, 2002; *Православные* храмы Удмуртии. Ижевск, 2000; *Сергеев А.В.* Священник-просветитель Николай Блинов и Вятское земство // Земское самоуправление: организация, деятельность, опыт. Киров, 2002;*Шилов А.В.* Православное духовенство и борьба с голодом в 1891-1892 гг. (по материалам Пермской епархии) // Милосердие и благотворительность в российской провинции. Екатеринбург, 2002.

[2] *Вяткин В.В.* Труды Пермского монашества // Преподобный Серафим Соровский в современном мире. Пермь, 2003; *Куртенок Е.П.* Из истории Чердынского храма Иоанна Богослова // Православие в русской культуре. Чердынь, 2001; *Нечаев М.Г.* Уральские монастыри в начале ХХ века // Преподобный Серафим Саровский в современном мире. Пермь, 2003; *Нечаева М.Ю.* Уральские монастыри // Очерки истории Урала. Вып. 3.: Духовная культура Урала. Екатеринбург, 1997; *Ее же.* Верхотурские монастыри в ХХ веке // Ежегодная Богословская конференция Православного Свято-Тихоновского Института: Материалы 1999 г. М., 1999.

[3] *Милосердие* и благотворительность в российской провинции: Тез. докл. Всерос. конф. 22-23 марта 2002 г. / Под ред. Главатского М.Е. Екатеринбург, 2002.

[4] *Благотворительность:* история и возрождение: Материалы научно-практической конференции. Пермь, 1998.

Таким образом, анализ историографии изучения проблем гражданского общества в дореволюционной России показывает, что при всей их актуальности на сегодняшний день нет обобщающих специальных исследований не только на региональном, но и на общероссийском уровне. Они получили некоторое отражение в научной литературе по отдельным направлениям или обозначены фрагментарно в общеисторических трудах. Теоретические поиски становления современного гражданского общества, формы взаимоотношений с государственной властью, формирование системы общественного диалога в российском политическом пространстве – все это отодвинуло на второй план историческую компоненту проблемы.

Недостаточная изученность темы, потребности исторической науки определила объект и предмет исследования, постановку цели и задач диссертационной работы.

Объектом данного исследования является генезис гражданского общества России. **Предмет** исследования составляет исторический аспект формирования российского гражданского общества на Урале во второй половине Х1Х – начале ХХ вв.

Этот регион представлял собой важный компонент единого российского экономического пространства, неотъемлемую часть отечественной культуры, политики, социальной и гражданской жизни страны. Среди уральских губерний (Пермская, Вятская, Оренбургская, которая была разделена в 1865 г. на две: Оренбургскую и Уфимскую) наиболее показательными для исследования являются Пермская и Вятская. На их долю приходилась большая часть территории, населения, промышленного потенциала Урала. Здесь существовало значительное число крупных заводских поселков и ремесленных слобод, которые придавали своеобразие развитию гражданских отношений. Земские и городские организации этих губерний входили в число передовых и финансово состоятельных учреждений России, что позволяло им выступать с важными гражданскими инициативами, имеющими общегосударственное звучание.

Хронологические рамки исследования определяются периодом от начала реформ 60-70-х гг. Х1Х в., которые открыли путь России к индустриальной цивилизации, до начала 1918 г., когда стал совершаться переход к новому типу государственности. За этот исторический период в стране сложились основные элементы гражданского общества, характерные для развитых государств мира.

Целью данного исследования является раскрытие сущности, особенностей генезиса основных элементов российского гражданского общества на примере Урала.

Это предполагает решение следующих исследовательских **задач:**

- выявить методами сравнительного анализа общие закономерности перехода к формированию гражданского общества в западных странах, национальные особенности его становления в России под воздействием реформ 60-70-х гг. Х1Х в. и проанализировать процесс формирования элементов гражданского общества в уральском регионе на общеисторическом фоне развития России;
- выделить путем структурного анализа земские учреждения, как ведущий и системообразующий элемент гражданского общества в России и на Урале, дать периодизацию их деятельности в системе гражданских отношений;
- раскрыть общие и особенные черты направлений деятельности органов городского самоуправления и заводских поселков в процессе утверждения гражданских отношений в уральском регионе, а также рассмотреть значение деятельности земских и городских служащих для развития гражданской активности общественности, их роль в создании объективных условий для становления других элементов гражданского общества;
- определить место, показать роль научно-просветительских организаций в системе гражданского общества России и Урала;
- дать характеристику основным типам культурно-просветительских организаций, раскрыть формы их деятельности, специфику воздействия на различные слои населения;
- оценить благотворительность как элемент гражданского общества, а также выявить общие и отличительные черты благотворительности и меценатства;
- охарактеризовать основные виды частной и общественной благотворительности на Урале в городе и деревне, дать оценку новому содержанию церковной благотворительности в условиях реформирования религиозной политики государства в начале ХХ в., проанализировать роль и значение участия женщин, их организаций в благотворительной деятельности, как фактора расширения сферы гражданских отношений.

Методологической основой исследования является диалектический метод познания в оценке исторических событий, выявления внутренних противоречий, как источника развития. Сложность и новизна объекта исследования потребовали учета междисциплинарного характера работы. Для обоснования вы-

водов использовался синтез социально-философского, исторического и политологического знания, учет объективных и субъективных факторов политического, социально-экономического и географического характера. При анализе процессов генезиса гражданского общества на Урале автор использовал методологические принципы: объективности, историзма, системности, институциональный, проблемно-хронологический.

Принцип объективности предполагает безусловную опору на фактический материал в его истинном содержании, без искажений, что позволяет анализировать каждое историческое явление во всей многогранности и противоречивости.

Применение принципа историзма позволяет подойти к изучению процесса возникновения и развития гражданского общества в дореволюционной России в последовательном развитии, выявить связи прошлого, настоящего и будущего, выделить как преходящее, так и сохраняющееся в истории.

Принцип системности дает возможность рассматривать гражданское общество в России, как определенную целостность, состоящую из комплекса систем и подсистем, находящихся в отношениях и связях друг с другом, взаимопроникающих и, в то же время, относительно самостоятельных.

Институциональный принцип нацелен на изучение отдельных элементов гражданского общества (земских учреждений, городского самоуправления, научных, культурно-просветительских, благотворительных обществ), с помощью которых осуществлялась реализация гражданской активности и гражданской деятельности российской общественности.

Проблемно-хронологический принцип обеспечивает разделение широкой темы на ряд относительно узких проблем, каждая из которых рассматривается в хронологической последовательности.

При анализе процессов генезиса гражданского общества на Урале автор использовал сравнительный, статистический, аналитический методы научного исследования.

Источниковую базу диссертации представляет большой комплекс документов и материалов как опубликованных, так и неопубликованных. Их можно разделить на следующие группы:

- неопубликованные архивные документы и материалы;

- опубликованные документы и материалы центральных и местных органов власти, земских учреждений, городского самоуправления;

- адрес-календари, обзоры губерний и их описания, статистические и другие материалы;

- документы и материалы различных обществ и организаций: научных, культурно-просветительских, благотворительных.

- периодическая печать;

- воспоминания.

Основную группу по количеству и значимости материалов представляют архивные источники, которые отложились более чем в 80 фондах центральных и местных государственных архивов, около 700 дел (РГАДА, РГИА, ГАКО, ГАСО, ГАПО, ША ГАКО). Они содержат нормативно-правовые документы органов центральной и местной государственной власти, земских учреждений и городского самоуправления. Наиболее ценные материалы сосредоточены в фондах Министерства внутренних дел, которые осуществляли контроль не только за деятельностью местного самоуправления, но и за большей частью общественных организаций и объединений (исключая ведомственные). Из них выделим фонды Хозяйственного департамента МВД и его преемника – Главного управления по делам местного хозяйства. В них сосредоточены указания в адрес губернаторов о руководстве земскими учреждениями и городским управлением, их отчеты о занятиях губернских и уездных земских управ, созыве очередных и чрезвычайных собраний. Здесь же находятся материалы о деятельности городского самоуправления, о развитии городского хозяйства, о выборах гласных и руководящего состава управ. Большой интерес представляют характеристики местной земской общественности глазами государственных чиновников.

В фондах Департамента общих дел МВД сконцентрированы ежегодные отчеты губернаторов о состоянии дел во всех сферах жизни подчиненных им территорий, аналитические обзоры деятельности земских учреждений, статистика состояния хозяйственной и социальной жизни. Именно в фондах этого департамента находятся уставы большей части обществ и организаций, созданных на Урале, имеется переписка об изменениях, которые вносило министерство в присланные учредительные документы.

Материалы фонда Центрального статистического комитета МВД помогают выявить не только количественные характеристики развития уральских губерний. Здесь находятся годовые отчеты губернских статистических комитетов, в которых раскрывается их роль и значение для привлечения общественно-

сти к активной деятельности, подготовке к печати губернских адрес-календарей, других статистических сборников.

В фондах Медицинского департамента и Управления главного врачебного инспектора МВД представлен разнообразный статистический и обзорный материал о развитии всех направлений медицинской помощи: заводской, городской, земской. Здесь же отложились материалы о деятельности общественных организаций врачей: медицинских обществ, обществ врачей, попечительств о народном здравии, образованию сельских детских садов, ясель.

Фонды Главного управления по делам печати МВД, Академии художеств содержат отчеты о работе общественных библиотек, художественных школ, передвижных выставок, некоторых музеев, донесения губернаторов об общественном характере этих учреждений, участие в них известных местных деятелей, находящихся под надзором полиции, а также ссыльных.

Для исследования проблем благотворительности и возникновения широкой сети организаций и учреждений определяющее значение имеют материалы фондов Ведомства учреждений императрицы Марии: канцелярии по учреждениям имп. Марии, контроля, комитета Главного попечительства детских приютов, попечительства о слепых, о глухонемых. Здесь сосредоточены отчеты с мест, материалы проверок, утверждения руководителей, списки участников попечительств и обществ, заметных частных благотворителей, о работе специальных мастерских, строительстве новых зданий.

В местных архивах отложились конкретные материалы на уровне уездов, городов, заводских поселков. Фонды земских учреждений и городских дум дают возможность проследить динамику изменений приоритетов в направлениях работы, выявить особенности развития отдельных территорий, показать процесс расширения числа земского актива и служащих, поддержку нарождающихся обществ. Фонды местных органов государственной власти раскрывают практику их взаимоотношений с элементами гражданского общества. Наибольшее количество документов этого вида отложилось в фондах канцелярий Пермского и Вятского губернаторов. История благотворительных учреждений представлена в отдельных фондах губернских попечительств о детских приютах, учебных заведений ведомства императрицы Марии, о слепых, о народной трезвости. В фондах Екатеринбургской, Пермской и Вятской церковных епархий представлена деятельность церковно-приходских попечительств, благотворительная деятельность монастырей.

Архивные материалы дополняют опубликованные источники (автором проанализировано свыше 420 источников такого характера). Для исследователя остается важным обращение к изданиям губернских статистических комитетов: адрес-календари и ежегодные обзоры губерний в качестве приложений к отчетам губернаторов[1]. С 70-х гг. Х1Х в. издавались нерегулярно епархиальные адрес-календари[2]. В начале ХХ в. в Пермской губернии некоторые уездные земства стали издавать местные ежегодники, где содержится большое количество статистического материала о развитии местного хозяйства, образования, состояния медицинской помощи, оказания социальной поддержки населения, особенно в голодные годы, сведения из исторического прошлого и др. Наиболее активными в издании были земства Оханского и Чердынского уездов[3]. Ни один современный исследователь не оставит без внимания хронологические летописи Перми известных деятелей города А.Дмитриева и В.Верхоланцева, уникальную книгу по истории Екатеринбурга, которая вышла благодаря энергии и финансовой помощи городского головы И.Симанова[4]. В течение почти 15 лет в Вятском губернском статистическом отделе создавался уникальный статистический материал по всем сторонам жизни губернии во второй половине Х1Х в., который и сегодня является примером научного подхода к исследованию общества[5].

Определенный статистический материал по губерниям и отдельным уездам содержат труды губернских ученых архивных комиссий[6]. Так на страницах этого издания в Перми были опубликованы статистическое описание губернии 1832 г., летописи города, исторические материалы уральского историка Н.К.Чупина, архивные документы не только Пермской, но и Томской, Нижегородской, Оренбургской губерний.

---

[1] *Адрес-календарь* и Памятная книжка Пермской губернии. Пермь, 1864-1916; *Памятные* книжки и адрес-календарь Вятской губернии. Вятка, 1854-1916; *Обзор* Пермской губернии. Пермь, 1870-1915; *Обзор* Вятской губернии. Вятка, 1870-1915.

[2] *Адрес-календарь* Пермской епархии на 1877. Пермь, 1877; *Адрес-календарь* Пермской епархии на 1894 г. и справочная книжка для духовенства. Пермь, 1893; *Екатеринбургский* епархиальный адрес-календарь на 1890 г. Екатеринбург, 1890.

[3] *Ежегодник* Оханского уездного земства и календарь на 1913 г. Пермь, 1912; *Ежегодник* Чердынского уездного земства и календарь на 1914 г. Чердынь, 1913.

[4] *Дмитриев А.А.* Очерки из истории губернского города Перми с основания поселения до 1845 года с приложением летописи города Перми с 1845 до 1890 года. Пермь, 1889; *Верхоланцев В.С.* Летопись г. Перми. С 1890 по 1912 гг. с приложением, вместо введения, хронологического перечня событий г. Перми с основания города по 1889 г. // Труды Пермской губернской ученой архивной комиссии. Пермь, 1913. Вып. Х; *Город Екатеринбург:* Сб. ист.-стат. и справ. сведений по городу с адрес. указ. и с присоединением некотор. сведений по Екатеринбург. уезду / Сост. И.И.Симанов. Екатеринбург, 1889.

[5] *Материалы* по статистике Вятской губернии. Вятка, 1884-1900. Вып. 1-12.

[6] *Труды* Пермской ГУАК. Пермь, 1892-1915. Вып. 1-12; *Труды* Вятской ГУАК. Вятка, 1905-1917. Вып. 1-46.

Самый большой комплекс документальных материалов содержится в опубликованных изданиях земских учреждений. По законодательству земства были обязаны публиковать все материалы своих очередных и чрезвычайных собраний гласных, журналы, протоколы заседаний городских дум. Кроме выступлений по повестке дня, в них публиковались подготовительные материалы комиссий, отражались дискуссии, публиковались особые мнения. Этот тип документальных источников снабжался большим количеством статистического материала, таблиц. Земские учреждения выпускали систематические сборники, своды постановлений[1], с помощью которых можно осуществить ретроспективу деятельности земских учреждений и городского самоуправления по отдельным направлениям. Выяснить масштабы участия земских учреждений и городского самоуправления в развитии своих территорий, помощи и поддержки многочисленных культурных, просветительских, научных, благотворительных учреждений и обществ позволяют публиковавшиеся ежегодно сметы расходов и доходов земств и городов[2].

К числу источников можно отнести группу опубликованных материалов, объединенных названием «Труды…», «Записки…», «Известия…», «Очерки…» в которых отражены проходившие в губерниях съезды специалистов, заседания комиссий по различным направлениям земской и общественной жизни, отдельных организаций[3]. Значительную исследовательскую и систематическую рабо-

---

[1] *Сборник* постановлений Вятского губернского земства за 48 лет (1867-1914). Вятка, 1915; *Сборник* сведений о положении начального народного образования в Пермской губернии. Пермь, 1903; *Сборник* статистических сведений по Чердынскому уезду. Пермь, 1889; *Систематический* сборник постановлений Красноуфимского уездного земского собрания: За 1870-1888 гг. Красноуфимск, 1891; *Систематический* сборник постановлений Осинских уездных земских собраний за время с 1870-1890 год и очерк двадцатилетней деятельности Осинского земства по главнейшим предметам его ведения в связи с общими сведениями об Осинском уезде. Оса, 1891; *Систематический* свод постановлений Пермских губернских земских собраний. Вып. 2: Отдел медицины, ветеринарии и общественного призрения. 1870-1901 гг. Пермь, 1904; *Систематический* свод постановлений Пермского губернского земского собрания. Вып. V: Народное образование. Пермь, 1910; *Сборник* постановлений Вятского губернского земства за 25-летие. 1868-1892. Т. 5. Вятка, 1895.

[2] *Обзор* финансового положения земств Пермской губернии. Сметы, раскладки, капиталы и их взаимоотношения. За период 1899-1912 гг. Пермь, 1913; *Сметы* расходов и доходов и раскладка уездного земского сбора Верхотурского уездного земства на 1914 г. с приложениями и объяснительной запиской. Верхотурье, 1914; *Смета* доходов и расходов г. Екатеринбург на 1911 г. Екатеринбург, 1911; *Свод* земских приходов и расходов за 1867-1915. Вятка, 1916.

[3] *Труды* 1Х съезда врачей Пермской губернии (15-24 мая 1907 года): Ч. 1-3. Пермь, 1907-1908; *Труды* 8 съезда агрономических смотрителей в Перми в 1892 г. Пермь, 1893; *Труды* съезда преподавателей сельскохозяйственных обществ Пермской губернии, бывшего в г. Перми в 1907 году. Пермь, 1907; *Труды* съезда учителей и учительниц земских народных училищ Екатеринбургского уезда Пермской губернии, бывшего в г. Екатеринбурге с 8 по 14 июня 1911 г. Екатеринбург, 1911; *Труды* совещания заведующих народным и внешкольным образованием в уездах Пермской губернии, состоящегося при губернской управе 23-28 июня 1915 г. Пермь, 1915; *Записки* Уральского медицинского общества. Вып. 1-23. Екатеринбург, 1891-1915; *Записки* УОЛЕ. Вып. 1-106. Екатеринбург-Свердловск, 1873-1927; *Записки* Пермского отделения Императорского Русского технического общества. Вып. 1-5. Пермь, 1909-1915; *Известия* Пермского епархиального церковно-археологического общества. Вып. 1-2. Пермь, 1915-1917; *Очерк* 25-летней деятельности Пермского дамского попечительства о

ту по выявлению опубликованных документов провел в 20-е гг. XX в. известный уральский общественный деятель Н.А.Чарушин, опубликовав историографические труды, которые не потеряли своего научного значения до сегодняшнего дня[1]

Практическая деятельность большинства организаций, обществ, объединений всех направлений регулярно, в соответствии с Уставами, печатали отчеты о своей деятельности[2].

Благотворительные организации, кроме всего, помещали в обязательном порядке подробные финансовые документы о доходах и расходах на каждый год[3].

Церковная благотворительность представлена в отчетах церковно-приходских попечительств, создаваемых на Урале после 1864 г.[4]

бедных: 1867-1887 г. Пермь, 1889; *Очерк* сорокалетней деятельности Оханского уездного земства Пермской губернии. 1870-1910 гг. Оханск, 1911; *Очерк* 15-летней деятельности кустарно-промышленного банка Пермского губернского земства за период 1894-1909 гг. Пермь, 1909; *Очерк* состояния санитарного и медицинского дела в Пермской губернии. Земская медицина. Пермь, 1899.

[1] *Земское* самоуправление: Указатель к изданиям отчетной литературы Вятского губернского и 11 уездных земств. 1867-1916 гг. Вятка, 1925; *Городское* самоуправление: Указатель отчетной литературы. Вятка, 1926.

[2] *Отчет* и доклады исполнительных органов Пермского общества «Народный дом» за 1910 г. Пермь, 1911; *Отчет* о деятельности Пермского библиотечного общества им. Д.Д.Смышляева за 1899-1900 гг. Пермь, 1901; *Отчет* Екатеринбургского отдела Императорского Русского музыкального общества и состоящих при нем музыкальных классов за 1914-1915 год. Екатеринбург, 1916; *Отчет* Екатеринбургской публичной библиотеки имени В.Г.Белинского за первый год работы. Екатеринбург, 1900; *Отчет* Кунгурского общества пчеловодства в 1896-1897 гг. Пермь, 1898; *Отчет* о деятельности общества попечения о народном образовании в г. Красноуфимске и его уезде за 1898 г. Пермь, 1899; *Отчет* о деятельности Пермского общества любителей живописи, ваяния и зодчества за 1913 г. Пермь, 1914; *Отчет* о деятельности Пермского попечительства о народной трезвости за 1910 г. Пермь, 1912; *Отчет* Пермского научно-промышленного музея за 1898 г. Пермь, 1900; *Отчет* Пермского епархиального комитета за 1899 г. Пермь, 1900; *Отчет* Пермской городской дирекции о приходе и расходе сумм по ведению театрального дела в сезон 1901-1902 гг. Пермь, 1902; *Отчет* Пермского отделения императорского Русского технического общества за 1894 г. Пермь, 1895.

[3] *Отчет* о деятельности Екатеринбургского благотворительного общества за 1877 г. Екатеринбург, 1878; *Отчет* о деятельности Екатеринбургского комитета по разбору и призрению нищих за 1886 год-второй год его существования. Екатеринбург, 1887; *Отчет* о деятельности и средствах «Общества для пособия учащимся и попечения о народном образовании в г. Кунгуре и уезде» за 1901 г. Пермь, 1902; *Отчет* о деятельности комитета Ирбитского попечительного общества о бедных и о приходе и расходе денежных сумм общества за 1909 г. Ирбит, 1910; *Отчет* о деятельности Кушвинского благотворительного общества попечения о сиротах Пермской губернии за 1890 г. Екатеринбург, 1891; *Отчет* о деятельности Пермского дамского попечительства о бедных за 1887 год. Пермь, 1888; *Отчет* по Мотовилихинскому детскому приюту за 1883 г. Смета на 1884 г. Пермь, 1884; *Отчет* по обществу попечения о лицах и Пермскому дому трудолюбия за 1902 год. Пермь, 1903; *Отчет* благотворительного общества округа Нижне-Тагильских горных заводов за 1905-1910 гг. Ниж. Тагил, 1911; *Отчет* Екатеринбургского мусульманского благотворительного общества за 1910 г. Екатеринбург, 1911; *Отчет* комитета общества пособия бедным евреям г. Перми с 1 марта 1911 г. по 1 января 1912 г. Пермь, 1912; *Отчет* комитета Юговского благотворительного общества в Юговском заводе за 1897 г. Пермь, 1898; *Отчет* о состоянии Кунгурской Елизаветинской женской рукодельной школы. Кунгур, 1888; *Отчет* Пермского губернского попечительства детских приютов за 1900 год. Пермь, 1901; *Отчет* Пермского отделения попечительства о слепых за 1896 г. Пермь, 1896; *Отчет* правления общества пособия бедным при Пермской приходской римско-католической церкви за 1908 год. Пермь, 1909; *Отчет* правления Пермского общества пособия бедным и призрения их в ремесленно-земледельческих колониях за 1910 г. Пермь, 1911 и др.

[4] *Отчет* о деятельности Пермского Петро-Павловского церковно-приходского попечительства за 1897 год. Пермь, 1899; *Отчет* о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты Екатеринбургской епархии за 1894-95 уч. год. Екатеринбург, 1896; *Отчет* Нытвенского церковно-приходского попечительства о деятель-

Большое количество материалов, характеризующих гражданское состояние региона, представлено на страницах официальных губернских газет[1], а также земской и городской периодической печати[2]. Особенно нужно выделить «Вятскую газету», которая выходила с 1894 г. и была первым в России печатным изданием, направленным в своих публикациях на крестьянство. На ее страницах публиковались не только общие статьи земской интеллигенции, но и отразился процесс пробуждения гражданской активности в деревне. Необходимо отметить, что Кировская областная библиотека имени А.И.Герцена (усилиями Г.Ф.Чудовой) имеет уникальный указатель к содержанию двух важнейших земских газет за весь период их существования.

В целом, источниковая база данного исследования разнообразна и многопланова, что позволило осуществить анализ процессов формирования элементов гражданского общества на общероссийском и региональном уровне; проследить основные этапы их становления; выявить своеобразие и общие черты гражданской активности общественности; раскрыть организационные формы и структурные виды его основных элементов; показать конкретный вклад уральской общественности в гражданское развитие страны и достаточна для решения поставленных в диссертации научно-исследовательских задач.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые на примере уральских губерний показывается процесс возникновения и развития основных элементов гражданского общества в дореволюционной России. В работе дается определение понятию **«российское гражданское общество»**, отличительные черты от аналогичных процессов в мировой практике. На общероссийском фоне рассматриваются общие и особенные черты структурных элементов гражданского общества на Урале, принципы их организации и функционирования. Определяется мера готовности российского общества к восприятию идей гражданского общества, выявляются материальные предпосылки для их реали-

---

ности, приходе, расходе и остатке попечительских сумм за 1894 г. Пермь, 1895; *Отчет* Пермского епархиального попечительства о бедных духовного звания за 1913 г. Пермь, 1914; *Отчет* Рождество-Богородицкого попечительства в г. Перми за 1906 г. Пермь, 1907; *Приходы* и церкви Екатеринбургской епархии. Екатеринбург, 1902 и др.

[1] *Пермские* губернские ведомости (Далее ПГВ). Пермь, 1857-1917; *Вятские* губернские ведомости (Далее ВГВ). Вятка, 1861-1917; *Пермские* епархиальные ведомости (Далее ПЕВ). Пермь, 1867-1918; *Вятские* епархиальные ведомости (Далее ВЕВ). Вятка, 1863-1917; *Екатеринбургские* епархиальные ведомости (Далее ЕЕВ). Екатеринбург, 1885-1917.

[2] *Вятская* газета. Вятка, 1894-1907; *Вятская* речь. Вятка, 1907-1917; *Сборник* Пермского земства (Далее СПЗ). Пермь, 1872-1907; *Пермская* земская неделя. Пермь, 1907-1918; *Екатеринбургская* неделя. Екатеринбург, 1878-1896; *Уральская* жизнь. Екатеринбург, 1899-1918; *Урал.* Екатеринбург, 1897-1905; *Ирбитский* ярмарочный листок. Ирбит, 1870-1916.

зации, а также факторы, влиявшие на становление элементов гражданского общества. Выделяются основные этапы и тенденции гражданского развития, механизм взаимодействия с органами государственной власти; факторы, мешавшие более полному раскрытию потенциала гражданских отношений в стране. Показывается новационный вклад уральских губерний в практику общероссийского гражданского общества.

Основные результаты исследования, полученные автором и определяющие научную значимость работы:

1. Изучение проблемы позволило определить гражданское общество как совокупность институциональных и идеологических систем, отличных от государственной сферы деятельности. Необходимыми условиями его существования являлись: личная свобода человека от феодальной зависимости; готовность общественного сознания и возможность реализации гражданских способностей человека; создание широкой сети организаций и учреждений, которые становятся каналами гражданской активности, а также формой взаимодействия гражданского общества и государственной власти.

2. Становление и развитие гражданского общества в России и на Урале представлены как объективно обусловленный исторический процесс, в который в разное время и в различных условиях втягиваются отдельные регионы и страны мира, вставшие на путь индустриального развития.

3. Определена мера готовности российского общества к восприятию идей гражданственности к середине Х1Х в. В отличие от начала века, где эта мера готовности определялась достаточно тонким слоем дворянской интеллигенции, представленной декабристами и их последователями, реформы 60-70-х гг. Х1Х в. соединили теоретические разработки отечественных ученых с живой практикой земских учреждений и городского самоуправления. В дальнейшем эта мера готовности становится выше за счет включения элементов из представителей имущих и неимущих классов. Кроме того, на эти процессы оказывали влияние традиционные черты российского менталитета: общинный способ жизни и выживания, жертвенность, идея служения Родине.

4. Раскрывается стихийный процесс становления элементов гражданского общества в России методом проб и ошибок, проходя путь от личной инициативы, к организованности и организации, а далее – к координации их деятельности и определенной системе. Стихийность рождала «очаговость» и многообразие форм становления гражданского общества, где системообразующая

роль принадлежала земским учреждениям и городскому самоуправлению. Они становились инициаторами образования многочисленных организаций и обществ, которые начинают выступать в качестве элементов гражданского общества.

5. Выявлены особенности генезиса основных элементов гражданского общества в России, которые были обусловлены:

- более поздним по сравнению с развитыми странами Запада вхождением в этап капиталистического развития, что определяло «догоняющий» тип общественных процессов;
- становление элементов российского гражданского общества опережало формирование правового государства, в то время как на Западе этот процесс был противоположен;
- политической слабостью российской буржуазии, что лишало надежды на скорые перемены у других социальных групп, и вынуждало их брать на себя общественную инициативу, создавая более широкое поле гражданской активности.

6. Выявлены направления взаимодействия элементов гражданского общества и властных структур в России и на Урале: власть способствовала их формированию; она препятствовала им, подавляя излишние, с точки зрения государственной власти, гражданские инициативы; контролировала их деятельность с помощью законодательства и губернаторской власти на местах. Пример уральских губерний подтверждает, что, не смотря на все противоречия, начинает складываться система договорных отношений между ними.

7. Проанализировано значение классовой борьбы, противостояния политических партий и их влияние на гражданское общество. Делается вывод о неоднозначности этих процессов. С одной стороны – классовая борьба и политические партии поднимали общественно значимые проблемы, от которых не могли отказаться граждански активные элементы общества и их организации. С другой стороны – все это приводило к конфликту с государственными структурами власти. Вторжение гражданских организаций в поле политического противостояния не выдерживало конкуренции с политическими партиями. Подтверждением этому стали события между двумя революциями 1917 г. в России и на Урале.

8. На фоне общероссийских процессов складывания элементов гражданского общества раскрыты их особенности на Урале:

- сопоставление бюджетов земских губерний России позволяет отметить, что всевозрастающие финансовые возможности земских учреждений и городского самоуправления, системы научных, культурно – просветительских организаций Урала достаточно успешно влияли на решение социальных проблем в области народного просвещения, медицинской помощи, внешкольного образования и других, занимая в общероссийской статистике первые места. Это позволяло повышать уровень гражданского сознания и активности, создания условий для эффективной деятельности элементов гражданского общества;

- выявляется взаимосвязь уровней промышленного развития и гражданской активности, - где преобладает промышленный сектор экономики, там более высокая степень деятельности элементов гражданского общества. Этот факт доказывается примерами гражданской жизни уездов Пермской и Вятской губерний;

- занимая серединное положение между Западом и Востоком, уральские губернии оказывались на путях интенсивных потоков обмена людьми, идеями, что оказывало определенное воздействие на формирование гражданского общества;

- уральские губернии, являясь местом административной ссылки, испытывали существенное влияние ссыльных элементов на многие процессы, в том числе на формирование и функционирование элементов гражданского общества. Это позволяло не только использовать гражданский потенциал отдельных людей, но и перенимать опыт как других российских губерний, так и зарубежных стран;

- исторический опыт развития гражданских отношений на Урале подтверждают особенность «недворянских» губерний России, где большую гражданскую активность и инициативу проявляли представители разночинской интеллигенции и купечества.

9. Генезис гражданского общества, как показывает материал исследования, сопровождался разрушением традиционной культуры и отрицанием консервативных традиций. Элементы гражданского общества способствовали развитию новых моделей поведения в семье, в сфере культуры производства и обществе. Наиболее показательным можно считать возрастающую роль женщин в таких областях как образование, благотворительность. Опыт гражданского развития Урала подтверждает этот вывод.

10. Изученный материал позволяет сделать вывод о том, что в системе гражданских отношений в России стал играть роль национальный фактор. Однако формы его проявления (история уральских губерний подтверждает это)

были пока ограничены процессом складывания национальной культуры, созданием национальных школы, деятельностью благотворительных организаций.

11. Дана характеристика «родовых» черт и принципов деятельности основных элементов российского гражданского общества, к которым можно отнести следующее: всесословность; направленность на достижение социально значимых целей; добровольность участия; внутренняя самоорганизация: структура, устав, относительная финансовая самостоятельность; демократические принципы организации; достаточно широкий круг участников; «прозрачность» деятельности путем информированности населения о проводимых мероприятиях и отчетов о внутренней жизни организации; признание со стороны общественности важности их работы.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его материалов не только в обобщающих трудах по социальной истории России, Урала, при подготовке отдельных спецкурсов, но и для практических работников органов государственной власти и местного самоуправления. Они могут быть также использованы в работе формирующихся современных организаций гражданского влияния.

Апробация работы. Основные положения диссертации отражены в монографии «Образование и развитие элементов российского гражданского общества во второй половине Х1Х – начале ХХ вв.», материалах Всероссийских конференций в Перми (1997, 1998, 2002, 2006), Ижевске (2003), Березниках (1999), публикациях в цитируемых изданиях, тематических сборниках. Некоторые аспекты исследования представлены в учебных пособиях «История Отечества», «История медицины», «История и теория культуры», созданных для студентов медицинских вузов, а также в курсе «История и культура Прикамья».

ГЛАВА 1
ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ И ОБЩЕСТВЕННАЯ АКТИВНОСТЬ НА УРАЛЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Развитие местного самоуправления в истории Российского государства всегда было связано с укреплением центральной власти на основе бюрократизации управления. Даже известные законодательные акты эпохи царствования Екатерины II: «Учреждение о губерниях» (1775-1780 гг.) и «Жалованная Грамота на права и выгоды городам Российской Империи (Городовое Положение)» (1785 г.), которые большинство исследователей истории отечественного права связывают с началом формирования российского муниципального права, не избежали этой участи. Призванные подчинить администрацию контролю местных выборных органов, они еще более усилили власть и произвол бюрократии, получив право контроля и руководства над вновь создаваемыми учреждениями.

С середины XIX в. горизонтальное распределение власти становится актуальным в связи с подготовкой знаменитых реформ России 60-70-х гг. Одной из распространенных форм пропаганды собственных представлений о характере будущего самоуправления в стране явились рецензии на западноевропейские политические издания, среди которых особый интерес представляли произведения представителей классического французского либерализма: Б. Констана, Ф. Гизо, П.-П. Ройе-Коллара и особенно А. де Токвиля. Исключительной популярностью пользовалась его книга «Старый быт во Франции и Революция», изданная в России в 1857 г. Вот как отзывался о ней один из идеологов реформ министр внутренних дел П.А.Валуев, восхищаясь литературным талантом и политической проницательностью автора: «Целые страницы как будто для нас написаны»[1].

В своих статьях представители отечественной общественной мысли Ю.Самарин, В.А.Черкесский, Б.Н.Чичерин, Г.Е.Благосветов и другие использовали мнение авторитетного западного мыслителя в качестве повода для обоснования собственных представлений о решении актуальных российских проблем в области государственного строительства[2]. Так, Б.Н. Чичерин формулировал свое понимание дефиниции «централизация». По его мнению, она не зависела

---

[1] *Валуев П.А.* Дневник П.А.Валуева, министра внутренних дел (1861-1864). М., 1961. Т. 1. С. 76.

[2] См.: *Крашенинникова Ю.А.* Проблемы местного самоуправления в русской либеральной мысли второй половины XIX века и наследие А. де Токвиля // ВУЗ. XX1 век: науч.-информ. вестник / Западно-Уральский ин-т экономики и права. Пермь, 2002. Вып. 4. С. 20-35.

от формы правления и могла существовать как в условиях полного отсутствия, так и в условиях самой широкой личной свободы. Поэтому он сделал парадоксальный вывод: решение проблемы централизации не в ее уничтожении, а в ее улучшении. Эффективным инструментом сдерживания бюрократии он считал **земское самоуправление**. В работе «Бюрократия и земство» Б.Н.Чичерин указывал на уникальную роль земства – ограничить всевластие бюрократии с помощью «независимых общественных сил, облеченных правом голоса» в отличие от системы «бумажного контроля высших властей» и судопроизводства, которое становится «заказным орудием власти». Вместе с тем он не считал местное самоуправление политическим институтом и поэтому полагал возможным его плодотворную деятельность в рамках самодержавного строя[1]. Именно эти представления убеждали Чичерина в том, что даже в существующем виде, с урезанными правами и полномочиями, земство может эффективно решать свои задачи, привели его к практическому участию в работе Тамбовского и Московского земств.

Другую точку зрения на проблемы развития территориального самоуправления отстаивали отечественные теоретики: А.Д.Градовский, В.А.Безобразов, А.И.Васильчиков, В.А.Гольцов. Опираясь на идеи немецкой школы государствоведения (Л. фон Штейна и Р.Гнейста), они построили развернутую концепцию местного самоуправления в виде земств, показав их место в системе будущей конституционной монархии. В этой связи А.Д.Градовский считал, что местное самоуправление всецело принадлежит к политической сфере государственного строительства. Отсюда следовал вывод, что если государство передает некоторые свои функции местным институтам, то они должны действовать как государственная власть, а решение местных задач должно соответствовать государственным интересам в целом. Особенно показательным, с его точки зрения, являлся пример Англии, где децентрализация государственного управления опиралась на самоуправленческие общины, которые являлись колыбелью свободы человека[2].

А.И. Васильчиков, обращаясь к сочинениям Р. Гнейста и А. де Токвиля, выделяя **главное содержание понятия самоуправления,** писал, что оно «…**означает не более, как управление местными делами посредством местных жителей, и как общее начало гражданского строя или общественного**

[1] *Чичерин Б.Н.* О народном представительстве. С. 15.
[2] *Градовский А.Д.* Государственное право важнейших европейских держав. СПб., 1895. С. 97.

быта…»[1]. Он опровергал распространенное мнение, что самоуправление являлось «поприщем для аристократии», главным средством «для крупных землевладельцев сохранить свое влияние в обществе». Он видел главную цель территориального самоуправления в решении социальных вопросов, обсуждение которых «недоступно для центрального правительства, в какую бы форму, самодержавную или представительскую, оно не облекалось, и возможно только в местных собраниях и сходках, при участии местных обывателей»[2].

Часть российских либералов говорили о распространении сферы деятельности местного самоуправления на политическую область, считая, что введение этих начал в общественную жизнь страны должно неизбежно завершиться созывом общенационального представительства (А.Д. Градовский, В.А. Гольцов). Наиболее явно и определенно эта позиция была сформулирована в работе В.А. Гольцова «Государство и самоуправление» (1882 г.). Выступая приверженцем перспективы развития земской организации вплоть до «завершения представительства наверху», в конечном итоге на месте российского абсолютизма он видел конституционную, ограниченную общегосударственным народным представительством монархию. Сохранение абсолютного контроля со стороны государства за работой земств представлялось для него самой серьезной опасностью, заключавшейся в том, что «крепкая центральная власть низведет самоуправление на степень своего служебного органа, превратив его в замаскированную бюрократию. Для центральной власти возникают при таком устройстве значительные выгоды: многие общегосударственные потребности начинают покрываться мнимым самоуправлением, которое является в глазах населения ответственным за усиление налогов»[3].

Б.Н.Чичерин в этой связи отмечал некоторую отстраненность и излишнее теоретизирование ряда отечественных ученых и некоторых представителей либеральной общественности (хотя, нужно признать, что эта критика носила достаточно обидный характер). В своих воспоминаниях о работе в земских учреждениях Тамбовской губернии и Московской думе он писал: «…пока мы думали только о сохранении существующего, Москва и Санкт-Петербург пели совершенно на другой лад: Д.Самарин печатал в газете Аксакова свои мысли насчет переустройства всего уезда; Московская земская комиссия, со своей стороны,

---

[1] *Васильчиков А.И.* О самоуправлении. Сравнительный обзор русских и иностранных земских и общественных учреждений. СПб., 1872. Т. 2. С. 2.

[2] *Там же*. Т. 3. С. 376.

[3] *Гольцев В.А.* Государство и самоуправление. М., 1882. С. 41.

фантазировала в полном тумане. Социалистическая газета «Земство», издаваемая Скалоном на деньги Кошелева, тянула ту же ноту. В Петербурге, легкий полит-эконом, В.П.Безобразов, писал либеральные статьи о необходимости расширить права земства; ему вторил столь же легкий профессор Градовский, никогда не видавший в глаза земского собрания»[1].

Вместе с тем самодержавная власть ясно представляла, что, отменяя основополагающий принцип своего существования – крепостное право в его классическом виде, она не может не менять и принципов государственного управления. Речь шла исключительно о том, кого допустить в этот расширяющийся круг, оставляя самодержавный характер власти как можно дольше в неизменном виде. Несомненно, это было дворянство как самый сплоченный, самый образованный и обладающий опытом практического руководства класс. Именно в его среде формировалось общественное мнение о необходимости создания в структуре государственного управления системы представительных учреждений. Невозможно было также сбрасывать со счетов авторитет и потенциал представителей либеральной интеллигенции, которые к тому же создавали необходимую теоретическую основу для преобразований.

Становление национальной буржуазии с собственными интересами, связанное с развитием капиталистических отношений в промышленности и, отчасти, в аграрном секторе, ее экономическое могущество и влияние не позволяли власти игнорировать эту важную общественную силу. Власть пыталась использовать ее возможности для расширения социальной базы самодержавия и тем самым укрепить его. Немаловажную роль играло то обстоятельство, что все большее количество представителей традиционного дворянства переходили к новым, капиталистическим по своей сути, производственным отношениям в деревне и пополняли ряды буржуазии.

Совпадение интересов самодержавия и подавляющей части российской буржуазии приводило к негласному соглашению между ними. Императорская система власти брала на себя защиту экономических интересов буржуазии от попыток пролетариата добиться введения трудового законодательства, улучшения условий своего труда и обеспечения элементарного существования. Буржуазия же, довольствуясь участием в местном самоуправлении, отказывалась от открытых политических притязаний на государственную власть.

---

[1] *Чичерин Б.Н.* Воспоминания Б.Н.Чичерина. Земство и Московская Дума. М., 1934. Вып. IV. С. 148.

Отметим, что этот объективный процесс сращивания интересов буржуазии с самодержавием в исторической перспективе явился одной из причин ее политического конформизма, консерватизма, медленной политической консолидации, неспособности исполнить ведущую роль в обществе и, в конечном счете, к ее политической слабости в начале XX в.

Таким образом, в ходе подготовки и проведения земской реформы в России была создана отечественная теоретическая и практическая модель территориального самоуправления как необходимый элемент модернизации общества, именуемый на Западе «гражданским обществом»[1].

Во второй половине XIX в. в России при проведении реформ элементы гражданского общества получили приоритетное развитие в связи с необходимостью создания правового государства. Образование земского и городского самоуправления, появление первых, пока еще нелегальных, политических партий, большого числа общественных организаций, профессиональных и творческих союзов, широкой сети легальной и нелегальной печати, судебная реформа, утверждение российской образовательной системы вне рамок государственных структур и др. – все это можно считать подтверждением громадного переворота, который совершался в российском обществе постепенно. Позднее, в начале XX в., этот процесс приобретет массовый характер, вовлекая в гражданскую жизнь новые классы и социальные группы.

Вместе с тем запаздывание правительства с политическими реформами привело к деформации общественных отношений, стало одной из причин социальной напряженности в стране. В конечном итоге разрешение этих противоречий приняло революционный разрушительный характер, большая часть вины ложится на самодержавие, а затем и на буржуазию, их политические партии, нежели на революционные силы.

С образованием земских учреждений, накоплением опыта их работы в отечественной историографии происходило смещение акцента с теоретических публикаций по вопросам местного самоуправления на анализ практической деятельности земств и городского управления. Гласность и открытость в работе земств

[1] На это обстоятельство мы обращаем особое внимание, так как подавляющая часть научных публикаций, публицистических работ в XX в. и в новейшей историографии содержит принципиальную методологическую ошибку. Произошло смешение определений ведущих тенденций общемирового процесса утверждения цивилизации нового типа в XIX в.: создания элементов правового государства и гражданского общества. Они органично связаны друг с другом, одно без другого не может существовать, но их становление может не совпадать по времени и стадиям, что и формировало национальное своеобразие исторического развития государств мирового сообщества.

привели к появлению большого количества публикаций в регионах: официальные выпуски протоколов заседаний земских собраний и материалов по обсуждаемым проблемам, хроника земской жизни на страницах местной печати, публицистические статьи по актуальным вопросам земской работы и др. Тем самым к началу XX в. столичные центры страны теряют прежнюю монополию на обсуждение задач общественного развития: **провинция вносит заметный вклад в дальнейшую разработку вопросов местного самоуправления на основе своего опыта практической работы, создавая региональные особенности общественного развития страны.** Урал тоже становится экспериментальным полем, обогащавшим практику земской работы в стране.

1.1. РОЛЬ ЗЕМСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ В СТАНОВЛЕНИИ И РАЗВИТИИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Уральские губернии к началу преобразований 60-70-х гг. XIX в. являли собой достаточно типичную картину отдаленной провинции Российской империи. Общественная жизнь была представлена небольшим количеством отдельных центров, сосредоточенных в губернских и уездных городах, крупных промышленных поселках: Перми, Вятке, Оренбурге, Уфе, Екатеринбурге, Чердыни, Кунгуре, Камышлове, Н-Тагиле, Суксуне, Лысьве, Ижевске, Воткинске и др. Основной активной силой выступало чиновничество, члены семей чиновников, служащие горнозаводских предприятий, немногочисленный слой учителей и врачей, часть духовенства и купечества.

Вспоминая этот период, Д.Д.Смышляев, будущий первый руководитель Пермского губернского земства, отмечал: «… **Кружок лиц, сочувствующих местным интересам, сведущих и деятельных, как бы он мал ни был, может положить начало делу, которое непременно будет поддержано всеми благомыслящими людьми, как только они убедятся, что дело строится на разумных основаниях и что полагающие ему начала относятся серьезно к своей задаче**»[1]. В связи с этим следует отметить деятельность музыкально-литературных вечеров губернского центра 1859-1860 гг., проходивших в здании Благородного собрания Перми.

Как известно, по городовому регламенту Екатерины II в каждом губернском городе надлежало открывать Дворянское депутатское собрание для реше-

[1] *Пермские* губернские ведомости (ПГВ). 1893. № 93.

ния вопросов, связанных с жизненным укладом этого сословия. Собрания проходили в особых зданиях, которые строились по типовому проекту и создавались во всех губернских городах. Эти своеобразные сословные клубы получили название благородных собраний. В Перми такое здание было построено в 30-е гг. XIX в. по проекту известного русского архитектора И.И. Свиязева.

Зима 1859 г. может служить первой достоверной точкой отсчета начала общественной активности в губернском городе. Как отмечал в своей исторической хронике А.Дмитриев, «…**этот год был временем необыкновенного для Перми умственного оживления и стремления интеллигентных людей к полезной общественной деятельности**»[1]. Инициаторами литературно-музыкальных вечеров были Д.Д.Смышляев и преподаватель Пермской мужской гимназии Н.А.Фирсов. Официальным поводом для их проведения была благотворительная акция по сбору средств для открытия в городе женской гимназии и воскресных школ.

Музыкально-литературные вечера становятся крупными событиями общественной жизни не только города и губернии, но и имеют резонанс в общероссийской печати, которая не раз благожелательно отзывалась о проводимых в Перми благотворительных вечерах. Так, на вечере 27 ноября 1860 г. выступление Е.Э.Толмачевой, супруги председателя Пермской казенной палаты, по вопросам положения женщины в российском обществе и проблемам эмансипации стало предметом статьи в «Санкт-Петербургских ведомостях». Это вызвало ожесточенную полемику на страницах журналов, в которой приняли участие М.Н. Катков, М.Л. Михайлов, Д.И. Писарев, А.Ф. Писемский, Н.Г. Чернышевский, Н.В. Шелгунов и др.[2]

Несомненным лидером в организации и проведении большинства событий общественного характера 60-х гг. XIX в. являлся Дмитрий Дмитриевич Смышляев. Представитель известного купеческого рода, он окончил губернскую гимназию, позже по торговым делам своей фирмы неоднократно бывал за границей, много занимался самообразованием. После смерти отца он ликвидирует семейное дело и полностью посвящает себя общественной деятельности и краеведению. В начале 60-х гг. XIX в. в Петербурге ученый за собственный

---

[1] *Дмитриев А.А.* Очерки из истории губернского города Перми с основания поселения до 1845 года с приложением летописи города Перми с 1845 до 1890 года. Пермь, 1889. С. 253-254.

[2] См.: *Рабинович Я.Б.* Ревнители прав народных: Очерки по истории рев.-дем. движения на Урале в 60-х–начале 80-х годов XIX века. Пермь, 1989. С. 39-40; *Порозов В.А*. Пермь музыкальная. Пермь, 2004. С. 34-35; *Дмитрий* Дмитриевич Смышляев // Пермский край. Пермь, 1895. С. 2.

счет издает два выпуска «Пермского сборника», получивших в столичных журналах высокую оценку.

Д.Д. Смышляев принимает самое деятельное участие в мероприятиях пермской интеллигенции, которая инициировала просветительские мероприятия, образовывала и просвещала народ. В 1859 г. вместе с преподавателем гимназии А.А. Залежским и пароходовладельцем Н.И. Ильиным Дмитрий Дмитриевич основывает частную библиотеку в городе, ставшую очень популярной из-за достаточно демократичных условий ее работы. При финансовой поддержке Д.Д.Смышляева была открыта бесплатная библиотека в селе Иванищевском Шадринского уезда, которой заведовал выходец из крестьян краевед, просветитель-демократ А.Н. Зырянов.

Именно данная сфера деятельности Смышляева становится причиной внесения его имени в списки находящихся под подозрением у III Охранного отделения. За ним был установлен негласный надзор полиции в связи с расследованием генерал-майором Мезенцевым деятельности революционной нелегальной организации во главе с пермским чиновником А.И. Иконниковым, поддерживавшей выступления революционных демократов во главе с Н.Г. Чернышевским. В донесении в Министерство внутренних дел Мезенцев сообщал: «Сын почетного гражданина Д.Д.Смышляев… отличался всегда ультралиберальным образом своих мыслей и, быв человеком с большими денежными средствами, во время своих поездок за границу приобретал все издания Герцена и другие сочинения, направленные против России… Господин Смышляев есть самый вероятный источник, откуда сказанные сочинения проникли в Пермь»[1]. Только в 1873 г., уже после избрания Смышляева председателем губернского земства, полицейский надзор был снят.

Новый период активности Д.Д. Смышляева приходится на вторую половину 60-х гг., когда вспыхнула острая дискуссия о направлении строительства Уральской железной дороги. Произошло столкновение интересов различных групп уральских промышленников, в котором самое активное участие приняли также столичные промышленно-финансовые круги и правительственные чиновники.

К этому времени железнодорожное строительство стало одной из приоритетных задач правительства, так как формирование общероссийского рынка

[1] *Российский* государственный исторический архив (РГИА), ф. 1282, оп. 1, д. 263, л. 81-82, 110, 272 об.

требовало более быстрого оборота товаров, закрепляло экономическую специализацию регионов. Уральские промышленные олигархи пытались использовать благоприятную конъюнктуру для выхода из серьезного экономического кризиса, в который втягивался горнозаводский Урал. Строительство железной дороги позволило бы получить громадный государственный заказ на изготовление стальных рельсов, вспомогательного оборудования, создание железнодорожной инфраструктуры и др. Кроме того, промышленники пытались таким образом ликвидировать транспортную монополию волжско-камских пароходовладельцев, значительно снизить тарифы на перевозки товаров своих предприятий. Отражением борьбы интересов владельцев металлургических заводов Пермского и Екатеринбургского горных округов по вопросу направления нового вида путей сообщения стало создание двух планов строительства[1].

Обеспокоенные пароходовладельцы Пермской губернии активно включаются в дискуссию об Уральской железной дороге, предлагая собственный вариант строительства. Его реализация позволила бы не только сохранить монопольное положение речного транспорта, но и еще крепче привязать местные заводы к существующей системе отношений с торговым капиталом. Выразителем интересов пароходовладельцев стал И.И. Любимов, талантливый организатор, владелец крупной волжско-камской пароходной компании. Он проводит на собственные средства изыскательные работы по трассе Пермь – Котлас, заручается поддержкой уральского промышленника Всеволожского, имевшего родственные связи с высшей знатью Петербурга. Для подготовки специального проспекта о новом проекте И.И. Любимов привлекает Д.Д.Смышляева. Именно на него была возложена ответственная миссия защиты проекта в правительственных учреждениях Петербурга.

В остром противостоянии пермские пароходчики проиграли, но именно тогда начинает складываться знаменитый земский тандем 70-х гг. XIX в., определивший совпадение содержания и направления деятельности земских учреждений Пермской губернии и выборного самоуправления губернского города: Д.Д. Смышляев и И.И. Любимов.

Не менее яркой фигурой в общественной жизни соседней, Вятской, губернии являлся первый председатель губернской земской управы М.М.Синцов, также выходец из купеческой семьи города Орлова, закончивший медицинский

[1] См. подробнее о борьбе различных групп за направление железнодорожного пути на Урале: *Мильман Э.М.* История первой железнодорожной магистрали Урала. Пермь, 1975. С. 64-86.

факультет Московского университета, работавший врачом в губернском городе. В ноябре 1870 г., давая характеристику земским деятелям руководящего звена, губернатор В.И.Чарыков обращает внимание на оппозиционность Синцова по отношению к правительственным учреждениям. В вину ему также ставилось привлечение к земской работе политических ссыльных[1]. В 1870 г., при новых выборах в губернскую управу, несмотря на убедительную победу М.М.Синцова, министром внутренних дел его кандидатура не утверждается[2].

Земская реформа 1864 г. получила достаточно полное отражение в исторической литературе - как общей, так и региональной. В уральской историографии над проблемами деятельности земских учреждений плодотворно работали такие известные ученые, как Ф.С. Горовой, М.И. Черныш, П.И. Хитров, Е.Н. Лукьянова, В.Т. Селезнева, Я.Б. Рабинович и др[3].

В своих исследованиях они прежде всего обращали внимание на практическую деятельность земств, анализировали действие механизма выборов в органы самоуправления в городе и деревне, но в большей степени их интересовала проблема несостоятельности земской деятельности. Акцент делался на абсолютную подчиненность правительственной бюрократии, неспособность выступить в качестве полноправной структурной единицы в политической системе государства. Такой подход был абсолютно оправдан в условиях поставленной цели, имеющей методологической основой идеологический подтекст, отражающий в анализе исторической действительности классовый подход.

Такой подход для выяснения содержания процесса формирования элементов гражданского общества представляется недостаточным. **Образование и деятельность земских учреждений и органов городского самоуправления необходимо рассматривать с позиции вовлечения новых слоев общества в процесс выработки, обсуждения, принятия определенных, самостоятельных, относительно независимых от центральной власти решений и их выполнение.**

Земства создавались как учреждения выборные, основанные на буржуазном принципе имущественного ценза. Гласные уездных земских собраний избирались

---

[1] *РГИА*, ф. 1282, оп. 1, д. 303, л. 7 об.-8.

[2] *Государственный* архив Кировской области (ГАКО), ф. 616, оп. 1, д. 14, л. 1.

[3] См.: *Горовой Ф.С*. Революционно-демократическое движение в Пермской губернии в 60-х гг. XIX в. Пермь, 1952; *Черныш М.И*. Развитие капитализма на Урале и пермское земство. Пермь, 1959; *Хитров П.И*. Земледелие Пермской губернии периода империализма // На Западном Урале. Пермь, 1974; *Лукьянова Е.Н*. Из истории советского строительства в Пермской губернии в 1918 году // Из истории края. Пермь, 1964; *Селезнева В.Т*. Очерки по истории здравоохранения на дореволюционном Урале. Пермь, 1955; *Рабинович Я.Б*. Указ. соч.

на трех избирательных съездах: уездных землевладельцев, городских избирателей и выборщиков от сельских общин. Если оценивать эту систему выборов с современных позиций, то ее ограниченность и демократическая сомнительность вполне очевидны. Но если мы вспомним, что почти 80% населения страны были элементарно неграмотными (а неграмотный человек исключается из активных общественных процессов), то даже такое расширение общественного представительства можно оценивать как положительный фактор. Хотя здесь существовала реальная опасность манипуляции сознанием этого слоя населения со стороны имущих классов для обеспечения защиты собственных интересов. К началу XX в. такие процессы наблюдались во многих губерниях Российской империи, особенно в центральных районах страны, где позиции дворянства и были сильнее, а их организованность – гораздо выше, чем в восточных провинциях. К тому же представители сельских общин традиционно находились под сильным влиянием административной власти и землевладельцев[1].

По закону от 1 января 1864 г. порядок избрания уездных гласных был открыто направлен на защиту интересов дворянства, так как предусматривалось их избрание в таком же количестве, как в итоге от городов и крестьянства вместе взятых. Думается, что это была абсолютно предусмотренная самодержавной властью уступка дворянству, чтобы примирить его с потерей феодального подчинения бывших крепостных. Ибо в то время реальной силы, которая могла бы организованно бойкотировать работу новых учреждений, кроме дворянства, в обществе не было.

Кроме того, в 1865 г. новый Устав о дворянских собраниях и выборах был дополнен положением об обязательном председательстве предводителя губернского дворянства в земском собрании. Однако в связи с малочисленностью дворянского сословия в Астраханской, Олонецкой, Вятской, Пермской и Сибирских губерниях выборы в Дворянское собрание и на соответствующие должности не проводились[2]. А это создавало интересную конфигурацию в земских учреждениях на данных территориях империи, где преимущество в депутатском корпусе

---

[1] См.: *Веселовский Б.Б.* История земства за 40 лет. СПб., 1909. Т. 1; *Герасименко Г.А*. Земское самоуправление в России. М., 1990; *Лаптева Л.Е.* Земские учреждения в России. М., 1993; *Максимов Е.Д.* Из истории и опыта земских учреждений в России: Очерки: К 5-летию земских учреждений. СПб., 1913; *Ленин В.И.* Гонители земства и Аннибалы либерализма // ПСС. Т. 5; *Пирумова Н.М.* Земская интеллигенция и ее роль в общественной борьбе до начала XX века. М., 1986; *Нардова В.А.* Самодержавие и городские думы в конце XIX-начале XX вв. СПб., 1994; и др.

[2] *Полное* собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собр. II. Т. XXXIX. Отд-ние 1-е. СПб., 1867. Ст. 40457. С. 1-7.

было закреплено за представителями от торговой и промышленной буржуазии, а также, формально, за сельскими обществами.

Видный исследователь истории земских учреждений в России Б.Б. Веселовский считал, что преобладание крестьянства в депутатском корпусе в Пермской губернии в 7 уездных земствах из 12 - Ирбитском, Красноуфимском, Камышловском, Оханском, Чердынском, Шадринском, Соликамском - дает возможность назвать их крестьянскими. Для Вятской губернии эти цифры были еще более впечатляющими. Во всех уездных земских собраниях число гласных от сельских обществ составляло более 50%[1]. Это абсолютно верное, на наш взгляд, утверждение требует уточнения по существу.

По положению о земских учреждениях 1864 г. для Пермской губернии было определено избрание 302 гласных в уездные и 51 гласного в губернское земские собрания. По своему социальному составу уездные собрания первого созыва были представлены 129 землевладельцами, 128 гласными – от сельских общин и 45 - от городов. Анализ списков гласных от сельских обществ показывает, что 54% из их числа - зажиточные крестьяне, которых можно было отнести к сельской буржуазии[2].

С принятием в июне 1870 г. закона о городском самоуправлении города в дальнейшем исключались из выборного процесса земских учреждений и развивались на собственной законодательной базе, оставаясь составной частью местного самоуправления. Тем самым земство становится исключительно сельским самоуправлением. Поэтому уже в законе 12 июня 1890 г. было предусмотрено наличие только двух составных частей избирательного процесса: земские избирательные собрания и избирательные волостные сходы – для избрания уездных земских гласных и земские избирательные съезды мелких владельцев – для избрания уполномоченных в земские избирательные собрания.

Логика дальнейшего развития самоуправления неизбежно выходила на уровень расширения полномочий и властных функций местных органов управления, а это требовало ограничения власти абсолютной монархии. Поэтому можно согласиться с мнением С.Ю.Витте, высказанном им в записке Горемыкину, известной как «Самодержавие и земство». Он писал: «Старые порядки рушились; политический строй государства, столь долго опиравшийся на со-

---

[1] *Веселовский Б.Б.* Указ соч., т. 4. – С. 199-201, 686, 691.

[2] Подсчитано по: *Журналы* Пермского губернского чрезвычайного земского собрания. Пермь, 1870. С. 1-3, 57-59; *ПГВ.* 1870. № 39, 46, 48, 50, 51, 65, 66.

словную организацию и иерархию местных обществ, теперь стал лицом к лицу с началом всесословности…мысль при создании земских учреждений была, несомненно, политическая»[1]. Витте вспоминает слова императора Александра II, сказанные им перед депутациями по польскому вопросу 17 апреля 1863 г.: «…вся моя жизнь имеет единственную цель: благо дорогого нашего отечества и постепенное развитие гражданской его жизни»[2].

Интересным и знаковым можно считать оценку значения земских учреждений, которую дает высокопоставленный государственный чиновник С.Ю.Витте. Он пишет: «Положение 1864 г. пыталось совместить несогласимые вещи и тем одновременно удовлетворить сторонников и противников земского самоуправления …компетенция земских учреждений была определена крайне эластично. Они лишены были значения, как органы управления, приравнены к учреждениям частнообщественным и поставлены под строгую административную опеку старых бюрократических учреждений». И далее совсем откровенно: «…составители Положения предвидели всю непримиримость одной и другой власти и, сами того не подозревая, предсказали последствия совместного существования… совместиться и соединиться на одно общее дело, не теряя при этом своей самостоятельности, они не могут. Такое соединение ведет или к совершенному почти уничтожению законного влияния одной из властей на ход дел,…или… к обоюдному бездействию и апатии»[3]. Реформы местного самоуправления 90-х гг. XIX в. полностью подтвердили правоту Витте.

В этот период доминирующими во властных структурах становятся идеи централизации и укрепления принципа самодержавия. Политические метаморфозы совершаются и с общественными деятелями. Приведем в качестве примера позицию М.Н.Каткова - его имя стало символом идеологии охранительства и общественной реакции времен царствования императора Александра III. В 1864 г. он на страницах «Московских ведомостей» приветствовал создание земских учреждений как начало общественного бессословного самоуправления и отмечал, что в дальнейшем развитии положенных в основание земской реформы начал «…желательна зрелая мудрость и либеральность…»[4]. В конце 80-х гг. он выступает с самых жестких охранительных позиций. «Русское самодержавие, - пишет он, - не может и не должно терпеть никакой неподчиненной ему или не

[1] *Витте С.Ю*. Указ. соч. С. 63-64.
[2] Там же. С. 67.
[3] *Витте С.Ю.* Указ. соч. С. 76-77.
[4] *Московские* ведомости. 1864. № 9.

от него исходящей власти в стране, никакого государства в государстве.…Самое главное – устроить на твердых началах и поставить в правильное отношение к центральному правительству земство и местное управление»[1].

Новое Положение о земских учреждениях от 12 июня 1890 г. восстановило сословность избирательных групп, изменение избирательного ценза еще более увеличило представительство от дворян. По подсчетам современных исследователей, состав губернских гласных в 1897 г. по сословиям был следующим: дворян и чиновников – 89,5%, разночинцев – 8,7%, крестьян – 1,8%. Одновременно было уменьшено общее число гласных – более чем на 30%[2].

Этим документом был сделан значительный шаг по ограничению самостоятельности земских учреждений, они были поставлены под полный административный контроль со стороны губернаторов. Например, был по существу уничтожен принцип выборности управ, вводился порядок утверждения не только для председателя управы, но и для всех ее членов, причем земские собрания лишались права обжаловать неутверждение. Председатели и члены управ числились состоявшими на государственной службе, в председатели не могли быть избираемы лица, не имеющие права на государственную службу. Уездные собрания лишались права непосредственных ходатайств перед правительством.

Существенному изменению подверглось и городское самоуправление. Городовое Положение 1892 г. уменьшило количество гласных в 2 раза, число избирателей сократилось в 6-8 раз. Выборные должностные лица городского управления были приравнены к правительственным чиновникам и поставлены в дисциплинарную зависимость от администрации. Губернатор получил право делать им предписания и указания, губернское по городским делам присутствие могло устранять их от должности, дума этого права была лишена.

Можно согласиться с выводами современных исследователей истории местного самоуправления о том, что к концу XIX в. земства и городское управление переживали полосу серьезного кризиса[3]. Их деятельность, лишенная инициативы, задушенная произволом администрации, приобретала формальный характер. Они превращались в еще одну «начальственную» надстройку, существовавшую за счет дополнительного налога с населения города и деревни.

---

[1] *Неведенский С. (С.Г.Щегловитов).* Катков и его время. СПб., 1888. С. 159-160.

[2] См.: *Герасименко Г.А.* Указ. соч. С. 23.

[3] *Нардова В.А.* Первые выборы в городские думы по избирательному закону 1892 г. // Проблемы соц.-экон. истории России. К 100-летию со дня рожд. Б.А.Романова. СПб., 1991. С. 225, 227.

Революционные события начала XX в., создание Государственной Думы приводят к появлению принципиально новой возможности реализации политических притязаний отечественной буржуазии. Они отодвинули на второй план проблемы местного самоуправления. Из важных законов этого периода времени можно назвать только Именной указ Николая II от 5 октября 1906 г. «Об отмене некоторых ограничений в правах сельских обывателей и лиц других бывших податных состояний»[1]. Остальные документы так и не вышли за рамки подготовленных материалов думских комиссий. Из-за начавшейся Первой мировой войны вопросы деятельности и реформирования системы местного самоуправления надолго исчезли с повестки общественной жизни страны.

Последняя попытка кардинального изменения роли местного самоуправления в государственном устройстве России была предпринята после событий Февральской революции 1917 г. Временным правительством. Свержение самодержавия, становление республиканских форм государственности, безбрежный демократизм общественной жизни в условиях двоевластия требовали изменений на местах.

Важнейшим достижением в реформировании местного самоуправления становится введение всеобщего избирательного права. На этой революционной основе проводятся выборы в губернские и уездные земства. Вводились земские учреждения на тех территориях, которые ранее их не имели. 21 мая 1917 г. получает законодательную базу и организационно оформляется «голубая мечта» предшествующих поколений земцев, создается нижнее звено сельского самоуправления – волостное земство[2]. 7 июня 1917 г. принимается Положение о Всероссийском земском союзе.

В городском управлении также происходят крупные организационные изменения. Увеличилось число городов путем преобразования городских поселков: статус города получили 41 поселок. 15 июля 1917 г. принимается Положение о поселковом самоуправлении, выборы в поселковые органы прошли в августе.

Таким образом, к началу Октябрьской революции 1917 г. в стране завершается создание единой системы местного самоуправления, в общих своих чертах сходной с опытом устройства самоуправления в других странах.

---

[1] *ПСЗ.* Собр. III. Т. XXVI. Отд-ние 1-е. СПб., 1909. Ст. 28392. С. 891-893.
[2] *Вестник* Временного правительства. 1917. 25 мая. № 62 (108).

Из сказанного можно сделать вывод, что попытки дореволюционного земства выйти за рамки хозяйственно-распорядительной деятельности и взять на себя политические функции власти на местах заканчиваются неудачей из-за нежелания, сопротивления этому центральной самодержавной власти. Это противостояние имело объективные причины, и его исход предрекали многие. С.Ю.Витте писал, что «…Россия не перестала быть самодержавным государством, но самодержавие затруднено приставленными к нему снизу учреждениями народного представительства… не разделяя ни с кем власти верховного управление, самодержавие всегда имеет возможность отбросить такую приставку, развязать себе руки в делах местного управления…»[1].

Большинство научных исследователей согласны с этим выводом. Однако, потерпев поражение в открытом противостоянии самодержавной власти, местное самоуправление положило начало складыванию качественно иного уровня состояния гражданских отношений в стране. Нереализованная политическая амбициозность земств находит выход в создании значительного и влиятельного слоя земских служащих и более широкого круга земского актива, не входящих в состав учреждений местного самоуправления: объединений земских врачей, учителей, статистиков, агрономов, потребительских, страховых обществ и т.д.

Таким образом, можно с полным основанием утверждать, что период, который в исторической литературе характеризуется упадком официальных земских учреждений, можно рассматривать как утверждение и развитие **превращенных форм гражданской активности населения страны, привлечение более широкого круга людей к участию в общественной деятельности.** Этот процесс характеризовался не только расширением круга этих людей, но и более разнообразными формами реализации ими своей гражданской активности.

С этой точки зрения по-новому можно оценить историческое значение деятельности органов местного самоуправления уральских губерний. Общественные деятели российской провинции, особенно восточных регионов, в меньшей степени были подвержены политическим амбициям, характерным для земств столичных и центральных районов страны. Поэтому уже на первых чрезвычайных губернских земских собраниях, которые проходили в Вятской губернии в июне 1867 г., в Пермской губернии - в июне 1870 г., был определен

[1] *Витте С.Ю.* Указ. соч. С. 76.

круг приоритетных направлений деятельности земских учреждений: образование и просвещение деревни и города, создание благоприятных условий для становления новой системы здравоохранения и преобразования на рациональных принципах сельскохозяйственного производства в губернии[1].

Основным инструментом реализации таких крупномасштабных задач становится привлечение широкого круга людей, для которых это не только реализация собственных профессиональных навыков и умений, но и осознание своей сопричастности к решению важной социальной задачи. То есть происходил процесс постепенного формирования особой нравственной категории – **чувства гражданской ответственности и долга[2].** Нам представляется очень важным подчеркнуть именно этот нравственный аспект проблемы становления гражданского общества в нашей стране. Без учета этого обстоятельства, которое не в состоянии зафиксировать никакой исторический документ, будет невозможно дать исчерпывающее объяснение социальному феномену в отечественной истории, не имеющему по своим масштабам аналога в мировой практике XIX – начала XX в. – земские врачи, земское учительство, земские статистики, земские агрономы и др. Что являлось побудительной причиной для этих людей отказываться от достаточно комфортных (по тем временам) условий городской жизни, уезжать в неизвестность, в места с другими социальными условиями, испытывать сложности и трудности деревенской жизни? Ответ на эти вопросы кроется в факторе, возникающем в определенный момент исторического развития общества, когда возрастают роль и значение индивидуального действия конкретного человека, осознающего свое предназначение не только в реализации биологического существования, но и гражданского достоинства.

Это можно подтвердить на примере возникновения и существования земской медицины на Урале. Здесь зародились новые формы врачебной помощи, создавалась оригинальная система медицинского обслуживания в сельской местности, на громадной территории с суровыми климатическими условиями, сложным рельефом, отсутствием современных средств сообщения. В XVIII в. Урал уже становился опытной площадкой для создания горнозаводской медици-

---

[1] *Сборник* постановлений Вятского губернского земства за 25 лет (1867-1892). – Т.1. – Вятка, 1893. – С. 4, 6, 8-10*; Журналы* Пермского губернского чрезвычайного земского собрания. – Пермь, 1870. – С. 6, 25-27, 33; ПГВ. – 1870. - № 50.

[2] Под дефиницией «гражданская ответственность» мы понимаем не юридическое определение в гражданском праве, а нравственную категорию, которая отражает способность и готовность человека поставить общественные интересы выше личных и выполнить свои общественные обязанности, невзирая на неблагоприятные условия для этого.

ны, которая оказывала, в меру возможностей, помощь крестьянам ближайших деревень[1]. Но, в целом, сельское население в вопросах охраны здоровья и профилактики массовых заболеваний оказывалось в самом невыгодном положении по сравнению с другими категориями населения страны.

Земская медицина становится одним из факторов, способствующих формированию элементов гражданских отношений в связи с возникновением двух взаимосвязанных процессов. Во-первых, с появлением в деревне людей, образованных и сострадательных к тяжелым условиям жизни крестьянства. Это создавало определенный эмоциональный и гражданский фон, на котором их деятельность становилась общественно значимой, побуждающей к реальному изменению положения обездоленных. Во-вторых, эти люди, осознавая необходимость перемен, выступали инициаторами не только проведения социально значимых мероприятий земских и других заинтересованных организаций, но и вовлекали в данный процесс крестьянство. И тем самым становились активным элементом, способствующим развитию гражданских отношений в деревне. В наибольшей мере это было характерно для развития земской медицины в Пермской губернии.

По имеющимся статистическим данным при введении земских учреждений только на территории Пермской губернии насчитывалось около 30 врачей, которые работали в большинстве случаев в крупных заводских поселках. В Чердынском, Шадринском и Ирбитском уездах врачей не было. Основными представителями медицинской помощи являлись фельдшеры, число которых было больше – 106. Причем качество подготовки этих кадров, их основные способы лечения не выдерживали никакой критики[2]. По словам известного земского врача А.И.Смородинцева, «…качество фельдшеров было в сущности фиктивным… лечили более дикорастущими целебными травами, собираемыми самими фельдшерами»[3].

Земским врачам приходилось также ломать суеверные представления людей о современных методах лечения, преодолевать религиозный фанатизм, особенно в среде староверов. В начале XX в. стал широко известным факт массовой гибели людей в связи с отказом от медицинской помощи из-за суеверия. Зимой 1906-1907 гг. в Тюлпанской волости Чердынского уезда началась эпиде-

---

[1] См.: *Селезнева В.Т.* Очерки по истории медицины в Пермской губернии. Пермь, 1997. С. 12-16; *Мальцева О.А.* История здравоохранения Коми-Пермяцкого округа. Кудымкар, 1995. С. 10-13.

[2] См.: *Шестова Т.Ю.* Развитие здравоохранения Уральских губерний (Пермской, Вятской, Оренбургской). 1864-1900. Пермь, 2003. С. 19.

[3] *Смородинцев А.И.* Наши источники «голодного тифа» // СПЗ. 1883. № 6. С. 147.

мия оспы. Основная масса крестьян уезда были раскольниками. По их представлению, крестить человека можно было только перед смертью или при болезни, исход которой был предрешен. Всех тяжелобольных и тех, у которых болезнь только начиналась, в сорокаградусный мороз вынесли из домов на реку Колву и под команду кержацкого начетчика троекратно опустили в прорубь. В результате такого крещения умерло 113 человек, преимущественно молодежь[1].

В ведение земств перешли также городские больницы, относящиеся к компетенции Приказа общественного призрения. В них лечились в основном военные чины из числа конвоиров, сопровождавших арестантов в Сибирь, переселенцы, бесприютные и др. Городские жители крайне редко обращались в больницы - из-за высокой оплаты лечения. О трудностях того периода времени образно говорила одна из первых в России женщин-офтальмологов, основатель глазного отделения в губернской больнице Елена Павловна Серебренникова: «Земский врач 60-х годов, кроме светлой головы и горячего сердца, ничем не располагал: не только не было больниц, аптек, помощников, даже пациентов не было, хотя кругом свирепствовали болезни и косила смерть. Мужик не шел к врачу, и врачу негде и нечем было лечить его… Ум терялся, не зная, за что взяться!… Надо было работать над организацией земской медицины, выбирая между разъездной и стационарной системой, а пока не устроятся больницы, надо странствовать то в телеге, то верхом – по деревням и избам во всякую непогодь и притом часто нежелательным и непрошеным гостем, соперником знахаря и всех его сторонников… А кругом невежество масс, претензии общества, недостаток средств у земства…»[2].

Необходимо отметить, что благодаря усилиям Д.Д. Смышляева в Пермской губернии после образования земских учреждений курс был взят на организацию медицинской помощи с широким привлечением врачебной общественности. Прежде всего, по его рекомендации уже на первом очередном губернском собрании в бюджете на 1871 г. для проведения исследования санитарного состояния Пермской губернии было выделено 1500 руб.[3] Аналогичное решение

---

[1] *РГИА*, ф. 1297, оп. 244, д. 120, л. 79, 80.

[2] *Серебренникова Е.П.* Письмо к доктору И.И.Моллесону (по случаю 25-летнего юбилея его земско-медицинской деятельности) // В память женщины-врача Евгении Павловны Серебренниковой: Лит. сб.: Издан при пособии Перм. губ. земства на утверждение стипендии в жен. мед. ин-те. СПб., 1900. С. 25.

[3] *Журналы* Первого очередного Пермского губернского земского собрания декабрьской сессии 1870 года с докладами губернской управы и другими предложениями. Пермь, 1871. Вып. 1. С. 57-80.

было принято также Камышловским и Екатеринбургским уездными земствами[1]. С этой целью был приглашен из Вятской губернии известный деятель земской медицины, яркий сторонник профилактического направления И.И. Моллесон. Выбор такого человека Смышляевым был не случаен. Моллесон являлся действительным членом Казанского научного общества врачей, где впервые в России формировались теоретические основы профилактической медицины, Д.Д. Смышляев являлся членом этого общества. В 1871 г. И.И. Моллесон опубликовал очерк «Земская медицина», раскрывающий организационные принципы нового направления в системе здравоохранения страны[2].

В феврале 1872 г. на II очередном губернском земском собрании был заслушан обстоятельный доклад И.И. Моллесона о санитарном состоянии Пермской губернии. Так как губерния занимала одно из первых мест в стране по показателям смертности, на земском собрании обострился вопрос о необходимости безотлагательных мер по оздоровлению населения[3].

В рамках реализации программы становления земской медицины губернское собрание признало необходимым введение должности губернского санитарного врача. На эту должность был назначен И.И. Моллесон. Таким образом, Пермская губерния становится пионером в создании основ профилактической медицины в России.

В апреле 1872 г. организуется постоянная санитарная комиссия во главе со старшим врачом губернской земской больницы В.И. Дунаевым, призванная изучать здоровье населения. В нее вошли все врачи города Перми. Был организован выпуск печатного органа «Записки постоянной санитарной комиссии». Анализ санитарного дела в уездах дополнялся формированием основ медицинской статистики, данные публиковались в «Материалах для медицинской статистики Пермского края», редактором которых был И.И. Моллесон.

Выверяя конструктивную линию своей деятельности в области медицины, Губернская управа обращается с открытым письмом к самому авторитетному врачу, выдающемуся ученому России – Николаю Ивановичу Пирогову[4]. Он отвечает очень оперативно - уже в апреле 1872 г. Письмо получает широкую известность у земской и медицинской общественности страны. В нем он

---

[1] *Журналы* чрезвычайного и первого очередного Камышловских уездных собраний 1870 г. Пермь, 1871. С. 137; *Постановления* Екатеринбургского уездного земского собрания, состоявшиеся по докладам Уездной земской управы и первое очередное заседание его с 25 сент. по 12 окт. 1870 г. Екатеринбург, 1871. С. 189.

[2] См.: *Моллесон И.И.* Земская медицина: Очерк. Казань, 1871.

[3] *СПЗ*. 1872. – Январь и февраль. Год первый. С. 102-103.

[4] *СПЗ*. 1873. Май-июнь. С. 335.

высоко оценивает стремление новых органов местного самоуправления при решении крупных задач народного здравия опираться на знания и возможности врачей. Однако Н.И. Пирогов предостерегал земских деятелей от выдвижения неосуществимых проектов, попытки реализации которых могли привести к разочарованию в своих возможностях. Он предлагал сосредоточиться в конкретных условиях Пермской губернии и в рамках тех средств, которые могут выделить земства на решение трех основных задач: борьба с оспой путем всемерного развития оспопрививания, искоренение сифилиса и укрепление санитарной организации в уездах. Советы маститого ученого и практика стали основой практической деятельности земских врачей на длительный период[1].

В августе 1872 г. собирается первый съезд земских врачей Пермской губернии, по примеру которого стали создаваться аналогичные объединения на территории всей России. В повестку дня были внесены вопросы, имеющие целью определение задач: значение и направления земской медицины; ее достоинства и недостатки, практические меры для совершенствования организации медицинской помощи сельскому населению; отдельные наблюдения и научные сообщения[2]. Как видим, съезд выходил за рамки профессиональной встречи и уже нес в себе заряд общественной активности. Примечательно, что эти съезды, формально считаясь земскими, становились местом встречи и жарких дебатов врачей всех ведомств и подчинения: городских, частнопрактикующих, заводских, а также ветеринаров. Как показали дальнейшие события, эта образованная, особо чувствительная к проявлениям социальной несправедливости категория нарождающейся российской интеллигенции становилась основой гражданской активности и протеста. Кстати, наверное, поэтому в начале XX в. в революционных событиях России было такое большое количество врачей именно низового звена – участковых земских врачей.

Интересная особенность в системе местного самоуправления выявилась с самого начала самоорганизации земских врачей. По существу, они повторили путь самих земств в их отношениях с государственными институтами власти. Однако длительной эволюции здесь не наблюдалось. Все разрешилось достаточно быстро и радикально. В конце 1872 г. на заседании санитарной комиссии было принято решение о создании в Перми филиала Казанского общества врачей. Представитель этого общества, профессор А.В. Петров, предложил внести

---

[1] Там же. С. 337-339.

[2] *Первый* съезд земских врачей Пермской губернии в г. Перми. Пермь, 1872. С. 6-8.

в преамбулу положения о новом филиале следующую редакцию: «…правление филиала руководит и обладает всей законодательной и исполнительной властью в губернии по санитарным вопросам»[1]. Данное предложение было поддержано всеми присутствующими. Оно отражало народнические настроения, которые были господствующими в то время в стенах Казанского университета. Значительное число преподавателей и студентов крайне негативно относилось к деятельности центральных и местных органов власти в области социальной политики, подвергая их справедливой критике.

Д.Д. Смышляев, вернувшийся в Пермь из Ирбита, узнает о состоявшемся собрании. Он в резкой форме своей властью председателя губернской управы отменяет принятые уставные документы. Руководители санитарной комиссии - врачи Александровской больницы демонстративно подают в отставку. К ним присоединяется губернский санитарный врач И.И.Моллесон. Отставки были удовлетворены, санитарный совет прекратил свое существование[2]. Была предложена другая структура. В каждом уезде вводилась должность санитарного врача с подчинением губернской управе. Однако конфликт выходит за рамки губернии, становится актуальной темой обсуждения в общероссийской демократической печати[3].

Это противостояние повторилось и в 1875 г. в связи с докладом губернской управы о полномочиях врачебно-санитарных советов, появившихся в России[4]. Они впервые были созданы в 1873 г. в Шадринском и Красноуфимском уездных земствах Пермской губернии. Инициатором их создания выступил И.И.Моллесон. Шадринское уездное земское собрание приняло уникальный по тому времени документ о создании врачебно-санитарного совета. Чтобы оценить важность принятого решения, мы считаем необходимым процитировать его почти полностью. В докладе управы говорилось следующее: «…врачи по своему умственному и научному развитию имеют право на большее участие в земско-медицинских делах; они необходимо должны играть более активную роль**, и им всюду в медицинских вопросах должен быть предоставлен, как единственно-компетентным людям, не только совещательный, но и ре-**

[1] Цит. по: *Шестова Т.Ю.* Д.Д.Смышляев и И.И.Моллесон: конфликты председателей губернских управ и земских врачей // Страницы прошлого. Пермь, 2003. Вып. 4. С. 220-221.

[2] *Государственный* архив Пермской области (ГАПО), ф. 44, оп. 1, Д. 48, л. 11-16, 46; *СПЗ.* 1873. Май-июнь. С. 358-359.

[3] *Дневник* Общества врачей г. Казани. 1873. дополнит. № 9, 26, IV. С. 121; *Осипов Е.А., Попов И.В., Куркин П.И.* Русская земская медицина. М., 1899. С. 133.

[4] *Журналы* Пермского губернского земского собрания 6-й очередной сессии 1875 г. Пермь, 1876. С. 325-327.

шающий голос, что, по смыслу ст.75 временных правил о земских учреждениях, нисколько не противоречит закону. Поэтому учреждение врачебного совета или санитарной комиссии для ближайшего и постоянного заведывания врачебно-санитарным делом вместо периодической экспертизы, по мнению управы, есть превосходная мысль»[1].

Земское собрание одобрило деятельность совета и утвердило программу его деятельности на три года. Программа полностью была напечатана в сборнике Пироговского общества[2]. Совету были делегированы самые широкие полномочия: рекомендации управе по приему врачей, самостоятельный прием и увольнение среднего и низшего медицинского персонала, составление сметы расходов на год и распоряжение этими ассигнованиями, контроль над выполнением постановлений собраний по медико-санитарным мероприятиям и др.[3]

Губернская управа для единства властных функций находила опасным существование данного прецедента в деятельности земств. Кроме того, это таило в себе вероятность дать повод губернской администрации, консервативному дворянству для конфликта с молодым земством, в котором местное самоуправление неизбежно бы потерпело поражение.

Представляют исторический интерес методы противодействия губернской управы, его руководителя – Д.Д. Смышляева неожиданным и неудобным формам общественной активности. Она открыто не запретила деятельность санитарных советов, хотя у руководства такие рычаги влияния имелись. Избирается формально демократичный и беспристрастный путь коллективного обсуждения и принятия решения. Губернское земское собрание предложило высказаться всем уездным земствам по докладу управы и проблемам взаимоотношений служащих в земстве врачей с земскими учреждениями[4]. Только три уездных земства из 12: Шадринское, Камышловское и Верхотурское поддержали существующий тип санитарного совета. Остальные прислали отрицательные отзывы. В местной печати появились публикации, зачастую не скрывавшие «заказной» характер, дискредитирующие работу советов[5].

---

[1] *Журналы* 4-го очередного Шадринского уездного земского собрания. Екатеринбург, 1874. С. 14.

[2] *Земско-медицинский* сборник: материалы по развитию земской медицины за первое 25-летие (1866-1888 гг.). М., 1893. Т. 2. С. 35-38.

[3] *Журналы* 4-го очередного Шадринского… С. 131.

[4] *Журналы* Пермского губернского земского собрания V очередной и VI чрезвычайной сессий с докладами комиссий и другими документами. Вятка, 1875. С. 172-173.

[5] *СПЗ*. 1876. Кн. 1-3. С. 14-16.

На очередном губернском земском собрании 1876 г. была поставлена точка в выяснении этих взаимоотношений. Докладчик, представив результаты обсуждения в нужном направлении, усиливает эмоциональную окраску материалов, приводя неосторожные высказывания лидеров земских врачей (прежде всего И.И.Моллесона) о превосходстве образованности врачей над интеллектуальным уровнем гласных земских собраний, о замаскированных претензиях врачебного актива на полноту власти на местах. Удачной, с точки зрения земских руководителей, стала их аргументация в пользу своей позиции по вопросу о практических результатах деятельности санитарных советов в «мятежных» уездах. Хотя в силу становления новых отношений, недостатка финансовых средств для проведения элементарных мероприятий, ждать немедленной положительной динамики основных показателей народного здравия, даже в эти два года, было делом нереальным. Тем не менее все это дало возможность собранию принять решение в той интерпретации, которая была предпочтительнее в то время для руководства губернского земства.Медико-санитарные советы по типу Шадринского и Красноуфимского были ликвидированы. Собрание рекомендовало уездным земствам создание врачебно-хозяйственных комитетов, подчиненных управе. Все решения данных комитетов должны были носить совещательный характер[1].

Чтобы обезопасить от возможных претензий земств даже эти «урезанные» в правах объединения, в 1878 г. было принято новое положение о санитарных советах. Их состав формировался таким образом, чтобы врачи не получили в нем большинства. Для этого количество врачей, входящих в советы, должно было уравновешиваться таким же количеством гласных земских собраний[2].

Но в некоторых местах Пермской губернии удалось сохранить достаточно ответственную структуру, функции которой выходили за определенные ранее организационные рамки. Так, в 1882 г. Оханское земское собрание приняло устав и положение о врачебном совете, которое по ходатайству собрания было утверждено Министерством внутренних дел. В состав совета в равных количествах вошли врачи и гласные земства, а также, по предложению министерства, уездный исправник и уездный врач. Иногда в документах он назывался комитетом общественного здравия. К нему перешла часть функций управы, в том чис-

---

[1] *Систематический* сборник постановлений Пермского губернского земского собрания, 1870-1879 гг. Вып.II. Пермь, 1880. С. 412-414; *ГАПО*, ф. 44, оп. 1, д. 48, л. 26-29.

[2] *Систематический* сборник постановлений… С. 499-501.

ле прием и увольнение врачей. На средства земства печатались все материалы советов и научные труды врачей[1].

Таким образом, была найдена и сохранена принципиально новая система организации санитарного дела, которая в дальнейшем становится типовой для всех земских учреждений Российской империи: создание врачебных советов, уездных съездов врачей, санитарные комиссии и др. Кроме того, эти общественные формы деятельности становятся достаточно влиятельными и способствуют повышению общественной активности участников местного самоуправления.

Результатом коллективного творчества врачей-общественников становится создание в марте 1890 г. в Екатеринбурге Уральского медицинского общества. Его открытие и плодотворная деятельность связаны с именем Николая Александровича Русских (1857-1916 гг.), бессменного руководителя до 1916 г. После окончания медицинского факультета Московского университета, с 1880 г., он работал земским врачом на Урале. С 1884 г. в течение 32 лет возглавлял медицинскую службу Пригородного участка Екатеринбургского уезда, став самой заметной фигурой не только земской врачебной общественности уезда, но и Урала[2]. Главным направлением его научной, практической и общественной деятельности была борьба с детской смертностью, важность и необходимость которой он не только исследовал как медицинскую проблему, но и всемерно пропагандировал на всех уровнях профессиональных форумов. Его доклад по этой проблеме на IX Пироговском съезде врачей России в Петербурге стал основой для начала создания Всероссийского союза борьбы с детской смертностью. В 1905 г. Николай Александрович становится председателем правления Уральского отделения этого союза, объединившего врачей – будущих педиатров Пермской, Вятской, Уфимской и Оренбургской губерний.

Созданное Уральское медицинское общество ставило задачи санитарного исследования Урала и научной разработки вопросов, касающихся других медицинских отраслей. В составе общества в 1895 г. насчитывалось уже 77 постоянных членов, а к 1905 г. их число возросло до 119. До 1916 г. общество выпускало ежегодные «Записки Уральского медицинского общества в г. Екатеринбурге». За 23 года было опубликовано 203 научно-практических доклада[3]. Причем, исследования врачебной общественности оказывались достаточно востребо-

---

[1] *Журналы* Оханского уездного земского собрания 13-й очеред. сессии 1882 г. Пермь, 1883. С. 725-734.

[2] См.: *Селезнева В.Т.* Очерки по истории медицины в Пермской губернии. С. 109-110.

[3] *Смирнова Н.* Уральское медицинское общество в конце XIX-начале XX в. // Первые Татищевские чтения: тез. докл. и сообщ. Екатеринбург, 1997. С. 157-158.

ванными земскими учреждениями, которые принимали решения по медицинским вопросам на основе научных разработок практических врачей, особенно по планированию и строительству новых больничных зданий. По предложениям членов общества в Пермской губернии было начато создание детских больниц, устройство ясель, разрабатывались первые методические рекомендации по предотвращению профессиональных заболеваний, оказанию первой помощи при несчастных случаях. Важность такой целенаправленной работы усиливалась во время массовых эпидемий[1].

В целом Пермскому земству за этот период удалось расширить медицинскую помощь населению, а также разрушить стереотипы общественного сознания на основе санитарного просвещения. Основные показатели представлены в таблице[2].

Показатели	1871 г.	1880 г.	1890 г.	1900 г.	1910 г.	1914 г.
Число лечебных учреждений	51	126	161	183	174	202
кроватей	1348	2247	3180	3725	4348	6116
врачей	63	98	156	208	308	347
фельдшеров	123	218	416	518	722	705
акушерок и повивальных бабок	17	58	104	137	205	232
Расходы на медицину только земства, руб.	153062	479407	733891	1278266	2457958	3587644

По всем основным показателям Пермское земство значительно опережало другие уральские губернии. Так, к началу XX в. в Вятской губернии насчитывалось около 2 тыс. больничных коек в 96 лечебных учреждениях, в которых работало около 100 врачей. Расходы Вятского земства на медицину были почти

[1] *Русских Н.А.* О борьбе с детской смертностью в Пермской губернии // Труды X съезда врачей Пермской губернии. Пермь, 1910. Вып. 2. С. 89.

[2] Данные приведены до 1914 г., после чего достаточно стройная система медицинской помощи России начинает деформироваться под влиянием начавшейся Первой мировой войны. Таблица составлена автором на основе: *РГИА*, ф. 1287, оп. 12, д. 1343, л. 812, 813; ф. 1297, оп. 224, д. 182, л. 69, 70; ф. 1390, оп. 1, д. 11, л. 28-31; *ГАПО*, ф. 65, оп. 1, д. 247, л. 87; д. 1392, л. 11-12; оп. 2, д. 116, л. 47; оп. 4, д. 44, л. 16-17; ф. 44, оп. 1, д. 493, л. 84; д. 618, л. 26; оп. 4, д. 9, л. 145; д. 404, л. 56; оп. 5, д. 4, л. 21; ф. 143, оп. 1, д. 26, л. 60-61; д. 408, л. 18; *Обзор* Пермской губернии за 1900 г. С. 59-67; То же за 1910 г. С. 93-103; То же за 1914 г. С. 106-113; *Обзор* финансового положения земств Пермской губернии. Сметы, раскладки, капиталы и их взаимоотношения. За десятилетний период времени 1899-1909 гг. Пермь, 1910. С. 14-15, 32-33; *Веселовский Б.Б.* Указ. соч. Т. 1. С. 359, 704.

в два раза меньше, чем в Пермской губернии, и оно занимало 25-е место среди земских губерний страны[1].

Другим важным направлением деятельности органов земского самоуправления, способствующих развитию гражданской активности в обществе, становится народное образование. Основой отечественной педагогики являлись концептуальные положения великого педагога Нового времени Я.А.Коменского, выраженные в его классическом труде «Великая дидактика». Главное значение педагогики он видел в том, что, образуя и воспитывая человека, она способствует в то же время укреплению благоустроенных государств и хозяйственных систем[2].

Создавая условия для распространения образования среди широких народных масс, земства России способствовали решению важнейшей задачи – формированию объективных предпосылок для появления и роста гражданского самосознания. **Тем самым расширение сети учебных заведений, увеличение количества учащихся, педагогов могут служить количественными характеристиками состояния гражданского общества.**

К середине XIX в. в России в трудах таких выдающихся педагогов, писателей и ученых, как К.Д. Ушинский, Н.И. Пирогов, Н.А. Корф, Л.Н. Толстой, были сформированы теоретические основы концепции всеобщего образования. На фоне значительного оживления общественной активности не только в столицах, но и на местах назревшие педагогические проблемы и необходимость их широкого обсуждения приводят к появлению в 1857 г. двух печатных изданий: «Журнал для воспитания» и «Русский педагогический вестник». С 1860 г. «Журнал министерства народного образования» был реорганизован в педагогический орган, а с 1861 г. начинается издание журнала «Учитель». В 1862 г. выходит знаменитый журнал, издаваемый Л.Н.Толстым, «Ясная Поляна» и др.[3]

Сам Л.Н.Толстой так объяснял мотивы начала своей учительской деятельности в Яснополянской школе: «Не нам нужно учиться, а нам нужно Марфутку и Тараску выучить хотя немножко тому, что мы сами знаем»[4]. Подобное стремление стало общим для зарождающейся российской интеллигенции.

---

[1] *Обзор* Вятской губернии за 1899 год. С. 69; *ГАКО*, ф. 616, оп. 6, д. 136, л. 57.

[2] *Коменский Я.А.* Избранные педагогические сочинения: в 2 т. Т. 1. М., 1982. С. 136.

[3] См.: *Ососков А.В*. Начальное образование в дореволюционной России (1861-1917). М., 1982. С. 64-65.

[4] Цит. по: *Константинов Н.А., Струминский В.Я*. Очерки по истории начального образования в России. М., 1953. С. 120.

Эта активность приводит к созданию воскресных школ по всей стране. В истории отечественной педагогики принято считать, что первая воскресная школа была создана в Киеве в 1859 г., а к 1862 г. их насчитывалось в стране уже 274[1]. На Урале эта инициатива была подхвачена в Пермской губернии. Здесь в период 1860-1862 гг. было открыто 11 воскресных школ – в Перми, Екатеринбурге, Камышлове, Кунгуре, Шадринске[2].

Инициаторами их открытия выступили представители либеральной общественности губернского города, генератором же идеи новых форм образования стал старший преподаватель Пермской мужской гимназии, выпускник Петербургского педагогического института, позже профессор Казанского университета по отделу истории Николай Алексеевич Фирсов.

С целью сбора средств на открытие воскресных школ (трех мужских и двух женских) они организовали уже упоминавшиеся выше литературно-музыкальные благотворительные вечера в здании Благородного собрания. На эти же средства удалось открыть первое женское учебное заведение, основанное 28 декабря 1860 г. как Мариинское женское училище, позже ставшее женской гимназией[3]. Большое влияние на общественное мнение в пользу женского образования оказал доклад пермской писательницы, автора повестей «Любовь или дружба» и «Моя судьба» Екатерины Александровны Словцовой-Камской, ставшей известной в России. Этот доклад назывался «О женщине в семье и обществе», он положил начало дискуссии о проблемах женской эмансипации в России[4].

Проявление большей общественной активности при открытии воскресных школ таило в себе потенциальную опасность для власти – потерю контроля со стороны государства над важным каналом идеологического воздействия на общественное сознание. Поэтому уже 18 декабря 1860 г. руководитель жандармского охранного корпуса В.А.Долгоруков направляет царю докладную аналитическую записку, в которой обращает внимание монарха на то, что «…правительство должно принять безотложные и деятельные меры, дабы стать во главе сего движения (открытие воскресных школ. – Н.Н.) и обратить на

---

[1] Там же. С. 121.

[2] *ГАПО*, ф. 42, оп. 1, д. 42, л. 36-37. По исследованиям Л.А.Дашкевич, первая на Урале воскресная школа была открыта 1 марта 1859 г. при Нытвенском заводе князя М.А.Голицына Оханского уезда Пермской губернии по инициативе приходских священников. См.: *Дашкевич Л.А.* Первые воскресные школы на Урале. Статья размещена на сайте: http://www.mmj.ru - проект «Ахей».

[3] *Дмитриев А.А*. Указ. соч. С. 255-256.

[4] *Ливанов Ф.В.* Писательница г-жа Камская. Некролог газеты «Голос» // Е. Словцова-Камская. Любовь или дружба? Пермь, 1990. С. XXIX-XXX1.

пользу бессознательное увлечение праздных и бродящих умов…». И далее, очень откровенно: «Правительство не может допустить, чтобы половина народонаселения была обязана своим образованием не государству, а себе или частной благотворительности какого-либо отдельного сословия»[1]. И 10 июня 1862 г. до создания нового образовательного закона все воскресные школы в стране были закрыты[2].

В это время начинается достаточно широкое обсуждение проектов о системе образования в стране, в котором активно участвовали как педагогическая общественность, так и ученые. Некоторые предложения вошли в последний вариант законопроекта: введение в перспективе всеобщего обязательного начального образования, преемственность обучения, структурное единство школы, воспитательный характер обучения и др. Однако принятый 14 июля 1864 г. документ – «Положение о народных училищах» – оказался неожиданным для многих. Он отбросил демократическое и гражданское содержание сделанных предложений, оставляя главной задачей школы «…утверждать в народе религиозные и нравственные понятия и распространять первоначальные полезные знания»[3].

Можно выделить два наиболее существенных момента: 1) все начальные школы объединялись под руководством уездных и губернских училищных советов независимо от их ведомственной принадлежности. В состав советов вводилось по два представителя от земских учреждений; 2) Чтобы обеспечить религиозный и правительственный контроль над работой школ, вводилась должность инспектора, а наблюдение за содержанием обучения возлагалось на местного приходского священника. Учебный план включал изучение элементарных дисциплин: Закон Божий, чтение по книгам гражданской и церковной печати, четыре действия арифметики и церковное пение. Особо подчеркивалось, что преподавание должно быть во всех школах только на русском языке независимо от национальной принадлежности учащихся[4].

Пермское земство, возникнув гораздо позднее, чем в центральных районах страны, тем не менее с самого начала поставило деятельность школ под свой контроль. В 1872 г. на 3-м очередном губернском собрании управа представила на обсуждение гласных развернутую программу своих ближайших и перспек-

---

[1] Цит. по: *Константинов Н.А., Струминский В.Я*. Указ. соч. С. 121.
[2] *ГАПО*, ф. 65, оп. 1, д. 115, л. 89.
[3] *РГИА*, ф. 733, оп. 7, д. 47, л. 14.
[4] *ГАПО*, ф. 42, оп. 1, д. 129, л. 47-49.

тивных планов[1]. Какой же хотели видеть земцы народную школу? Они считали требования «Положения о народной школе» 1864 г. минимальными и желали, «…чтобы школа достигла у нас тех же размеров преподавания, как за границей», ссылаясь на известный афоризм Адама Смита «Ничто не обходится так дорого государству, как невежество его граждан»[2].

По их мнению, земская школа должна была стать источником общего развития физических и духовных способностей учащихся, дать им сведения, способствующие умственному и нравственному развитию. Не профессиональное обучение, а воспитание общечеловеческих свойств личности должно было быть положено в основу школьных программ. Но для этого необходимо было дать такой новой школе нового учителя – человека, имеющего педагогическое образование, знакомого с условиями жизни деревни и ее нуждами, обладающего высоким морально-нравственным авторитетом среди сельских жителей. Управа убедила собрание в необходимости создать земскую учительскую школу, в которую предполагалось принимать успешно окончивших народное училище и показавших склонность к педагогическому труду. Для того чтобы учитель в деревне был примером и в нелегком крестьянском труде, при школе предполагалось открыть сельскохозяйственную образцовую ферму[3]. К сожалению, не по вине земства создание такой школы не состоялось. Вместе с тем в 1871 г. в Мариинской губернской и Екатеринбургской женских гимназиях были открыты дополнительные 8-е педагогические классы, выпускники которых получали право преподавания в народных школах. В 1873 г. губернской управой для достижения минимального уровня образованности было определено оптимальное количество школ на территории Пермской губернии – одна на 1000 чел.[4]

Наследство, полученное земскими учреждениями от прежнего приказа общественного призрения и других ведомств, представляло собой безрадостную картину. Более 250 школ, в которых обучалось около 10 тыс. чел., составляло 0,47% всего населения и 5% детей школьного возраста. На каждую школу приходилось более 8500 чел. К концу 1870 г. около 90% населения губернии было неграмотным[5]. В Вятской губернии ко времени введения земских учреж-

---

[1] *Журналы* Пермского губернского земского собрания 3-й очередной сессии 1872 г. Пермь, 1873. С. 203-205.
[2] *Журналы* Пермского губернского земского собрания 3-й очередной сессии 1872 г. Пермь, 1873. С. 79.
[3] Там же. С. 85.
[4] Там же. С. 205.
[5] Подсчитано по: *ГАПО*, ф. 65, оп. 1, д. 50, л. 176; *История* Урала в период капитализма. М., 1990. С. 200;.*Осокин Н.А* Народное образование в Пермской губернии. Казань, 1890. С. 24-25.

дений в 1867 г. насчитывалось 212 школ, в которых обучалось 7,5 тыс. учащихся[1].

Интересный пример состояния школьного обучения в уезде приводился Осинским земством. При введении земства уезд с населением 168 971 чел. имел 12 школ. В докладе управы отмечалось, что «… обучение производилось при столь ужасной обстановке, которая исключала возможность каких-либо успехов в деле обучения». Приводился пример школы, где ученики, сидя в классе, могли видеть сквозь дыры в стенах, что делается на улице. Преподавателями являлись в большинстве случаев местные священники, не обладавшие навыками педагогической работы. Поэтому обучение сводилось к бессмысленной зубрежке, о развивающем обучении никто не думал и не имел об этом представления[2].

Даже в относительно благополучных (учитывая близость крупных губернских городов и большое количество промышленных предприятий) Пермском и Екатеринбургском уездах начальное образование имело гораздо больше нерешенных проблем, чем достижений. Так, в Екатеринбургском уезде нормально работала только одна школа – при Нижнетагильском заводе, принадлежавшая Демидовым[3]. В Пермском уезде итоги призыва на военную службу (по новым положениям военной реформы 1870 г., который был впервые проведен в конце 1874 г.) показали, что из 1165 призывников только 160 (13,7%) были грамотными[4].

Основные направления реализации поставленных задач в области образования местные органы самоуправления определяли в начале 70-х гг. на уездных собраниях. При всем многообразии необходимые дела выстраивались в следующей последовательности: строительство новых школьных помещений, привлечение новых подготовленных педагогических кадров, улучшение их условий труда и быта, изменение программ обучения, внедрение новых эффективных методов преподавания, повышение требовательности к учащимся. Практически все уездные земства взяли курс на консолидацию учительских кадров, возможность обмена опытом работы, распространение передовых методик преподавания на местах путем регулярного созыва учительских съездов.

---

[1] *Голубев П.А*. Сборник сведений по вопросам экономического и культурного развития Вятского края. Вятка, 1896. С. 16.

[2] *Журналы* Осинского уездного земского собрания 2-й очередной сессии 1871 г. Сарапул, 1872. С. 258-260.

[3] *Постановление* 2-й очередной сессии Екатеринбургского уездного земского собрания 1871 г. Екатеринбург, 1872. С. 96.

[4] *Белоусов И.М*. Пермский уезд по данным 12-ти призывов (1874-1885 гг.) к исполнению воинской повинности. Статистический и этнографический материалы // Пермский край. Т. 3. Пермь, 1895. С. 404-405.

Начало 70-х гг. в области просвещения вообще отличалось интересными идеями и практическими делами земских учреждений. Так, в Верхотурском уезде учительские съезды 1872 и 1873 гг. проходили с участием местной интеллигенции, представителей крестьянских обществ. Для улучшения материального положения учителя была создана касса взаимопомощи. Для школ было приобретено более 14 тыс. экземпляров учебников и учебных пособий. При 6 школах были открыты ремесленные классы. В планы входило создание уездной учительской библиотеки методической литературы, для удаленных волостей предполагалось сформировать «подвижную школу»[1].

Шадринское уездное земство взяло курс на привлечение к преподавательской работе в деревне женщин. Еще в 1870 г. было признано важным это осуществить, учитывая, что женщина «благодаря мягкости своей натуры, более способна быть воспитательницей детей, чем мужчина»[2]. К 1875 г. в начальных школах уезда 51% учителей составляли женщины. Финансирование школы к этому времени выросло более чем в 7 раз, число школ было увеличено с 14 до 32[3].

Дальше всех пошло Осинское уездное земство. Еще в начале образования местного самоуправления был сделан важный практический вывод, что «развитие просвещения в народе есть задача не отдаленного будущего, а того, что граничит с настоящей минутой. С освобождением крестьян, допущением их в земские учреждения и в присяжные заседатели в судах требует немедленного приступа к осуществлению системы народного образования»[4]. Энергичность и последовательность этого земства поражает даже с современных позиций. За два года почти полностью был заменен преподавательский состав, причем 43% составляли учителя, имеющие среднее образование. За один только 1872 г. при активной поддержке крестьянских обществ было открыто 14 школ. При 10 школах были созданы ремесленные классы. Учительские съезды, которые проводились ежегодно с 1872 г., стали важным методическим центром. Здесь проходили практические показательные уроки с последующим критическим методическим анализом. Учителя знакомились с новыми методиками преподавания отдельных

---

[1] *ГАПО*, ф. 42, оп. 1, д. 266, л. 163; *Верхотурское* уездное земство и его деятельность с 1870-1907 гг. Пермь, 1907. С. 46.

[2] *Журналы* 2-го очередного Шадринского уездного земского собрания… Екатеринбург, 1872. С. 89.

[3] *Журналы* 7-го очередного Шадринского уездного земского собрания… Екатеринбург, 1876. С. 135, 177-179; *Очерк* образования в Пермской губернии // Сборник материалов для ознакомления с Пермской губернией. Вып. VI. Пермь, 1895. С. 49.

[4] *Журналы* Осинского уездного земского собрания 2-й очередной сессии 1871 г. Сарапул, 1872. С. 374.

дисциплин и организацией самого процесса образования. В 1874 г. были открыты 10 школьных библиотек, в которых насчитывалось более 6 тыс. экземпляров учебной литературы. При управе была создана учительская библиотека методической литературы. По решению собрания заработная плата учителей увеличилась до 360 руб. в год[1].

В 1873 г. очередное уездное земское собрание по предложению управы направляет ходатайство в Министерство просвещения о введении обязательного начального образования детей в возрасте от 9 до14 лет в тех волостях, где были открыты земские школы. Это может служить примером выхода общественной активности за рамки местных проблем, осознания своей важной гражданской миссии[2].

Целенаправленная работа земских учреждений Пермской губернии к началу 80-х гг. XIX в. позволила постепенно сформировать собственную образовательную систему, занимавшую в народном образовании Российской империи заметное место. Среди земских учреждений страны Пермская губерния лидировала по суммам расходов на школьные нужды (в 1880 г. было израсходовано 252 162 руб.)[3]. Было увеличено число начальных школ в деревне – до 553, т.е. более чем в два раза. Пермское земство занимало шестое место среди 41 губернского земства страны, а по количеству учащихся – десятое.На одного учащегося приходилось более 7 руб. 20 коп., а на одного жителя губернии этот показатель составил 20 коп. Вклад Пермского земства в общие расходы на образовательные нужды по всем ведомствам, участвующим в финансировании школы, достигал 76%.

Выше этот показатель был только в Вятской губернии (90%)[4]. Еще в 1873 г. Нолинское, Орловское и Яранское уездные земства Вятской губернии выступили инициаторами введения в России обязательного начального образования. Вятское земство становится известным в стране с начала 90-х гг. XIX в. с приходом к руководству губернской управой А.П.Батуева, одной из самых ярких фигур истории земского движения Урала. По его инициативе к 1895 г. расходы на народное образование составили уже около 600 тыс. руб. (22% расходов зем-

---

[1] *Журналы* пятого очередного Осинского уездного земского собрания и доклады Осинской уездной земской управы Пермской губернии. Сарапул, 1875. С. 586-587.

[2] *ГАПО*, ф. 65, оп. 1, д. 66, л. 25; *Отчеты* Осинской уездной земской управы 3 очередной сессии 1872 г. Сарапул, 1873. С. 129-130.

[3] *Обзор* Пермской губернии за 1880 год. Пермь, 1881. С. 21.

[4] *Обзор* Вятской губернии за 1880 год. Вятка, 1881. С. 23.

ства губернии), а к 1900 они достигли более 1 млн. 360 тыс. руб. (32,5%)[1]. В своем программном документе он отмечал: «Вятское земство в постановке дела народного образования всегда считалось передовым. Это вполне естественно, так как большинство вятских земцев – крестьяне и устраивали они народные школы для своих же детей, зная необходимость их и важность для крестьянина. Устройство школ было для них вопросом не филантропии, а насущной надобности. Поэтому дело это в Вятской губернии сразу твердо стало на ноги»[2].

Достаточно эффективная работа по формированию интеллектуальных предпосылок гражданских перемен в обществе на местах активизировала охранительные элементы государственного механизма власти. Особое беспокойство у них вызывало влияние земств и земской общественности не столько на финансирование учебных заведений, сколько на смену приоритетов в содержании образования: **от элементарной грамотности к воспитанию элементарной гражданской образованности.**

С начала 80-х гг. министр народного образования, обер-прокурор Св. Синода Д.А. Толстой начинает подготовку наступления государства на достижения земских учреждений в образовании. Причем, в памятной записке 1880 г. в адрес Александра II он приводит в качестве примера влияния земств на содержание образования Пермскую губернию, где он побывал в сентябре 1876 г.[3] После убийства императора, с 1882 г. он становится министром внутренних дел и воплощает свое яростное неприятие земства в практических делах. Его верным союзником и основным идеологом нового курса самодержавия становится обер-прокурор Св. Синода (с 1880 до 1905 г.) К.П. Победоносцев, имевший колоссальное влияние на нового императора Александра III.

Д.А. Толстой на заседании правительства озвучил отношение власти к начальному образованию: «…правительству сколько по нравственным, столько же и по политическим соображениям следовало не отвлекать от народа лучшие силы, ставя крестьян путем гимназического образования в несвойственное их рождению положение, а развивать эти силы путем приходских и ремесленных школ и сохранять их народу для его же нужд». Эти мысли принимают законодательный вид путем создания в стенах Св. Синода нового документа – «Пра-

---

[1] *Обзор* Вятской губернии за 1895 год. С. 83; *Обзор* Вятской губернии за 1900 год. С. 83-84.

[2] *Батуев А.П.* По поводу указаний Вятским земствам, как следует вести им дело народного образования. Вятка, 1895. – С. 3.

[3] *Ососков А.В.* Указ. соч. С. 14-15; О пребывании Д.А.Толстого в Пермской губернии см.:*Дмитриев А.А* Очерки из истории губернского города Перми… С. 302.

вила о церковно-приходских школах», принятые 13 июня 1884 г.[1] Этот тип начального образования становится приоритетным. Государственные средства направляются туда во все возрастающих размерах: с 55 тыс. руб. в 1884 г. до 10 млн. руб. в 1905 г. Чтобы ослабить влияние земских школ и ограничить их финансовые потоки со стороны местных органов самоуправления, с 1884 г. им было запрещено увеличивать статьи необязательных расходов более чем на 3% ежегодно[2]. Это позволило к 1893 г. ликвидировать отставание церковно-приходских школ от земских в численности.

Однако на Урале такого быстрого роста не произошло. В Пермской губернии к 1870 г. насчитывалось только 39 церковно-приходских школ, в 1890 г. их было 84, а к 1895 г. стало 168, в которых обучалось более 6600 учащихся[3]. Кстати, увеличение в два раза числа церковно-приходских школ в Пермской губернии было связано с ее посещением в 1890 г. К.П. Победоносцевым[4]. В беседе с губернатором В.В.Лукошковым и иерархом Пермской епархии преосвященным Владимиром он открыто выразил свое недовольство малым количеством школ своего ведомства[5]. В Вятской губернии, где традиционно было развито церковное просвещение, количество церковно-приходских школ к 1890 г. насчитывалось 204, к 1895 г. их количество увеличилось до 309[6].

В 80-90-х гг. XIX в. земские деятели и земская общественность выходят на новый уровень гражданского самосознания. Идеи просвещения и сохранения здоровья населения по-прежнему остаются ведущими в их деятельности. Однако качество жизни сельского населения, определяемое элементарным физическим выживанием (хронические неурожаи в деревне, низкая культура земледелия), создавало основу для поиска новых путей реальной помощи нуждающимся. Извечный вопрос русской интеллигенции «Что делать?», определенный комплекс вины за собственные комфортные условия жизни, когда основная масса населения находится за чертой бедности, предпочтение ненасильственных форм перехода к новой жизни, надежда на возможность избежать негативных последствий развития капитализма с помощью специфических форм экономической жизни

---

[1] *Сборник* постановлений по Министерству народного просвещения. СПб., 1896. Т. 12. С. 793-795.

[2] *Герасименко Г.А.* Земское самоуправление в России. М., 1990. С. 27.

[3] *ГАПО*, ф. 37, оп. 1, д. 32, л. 64; *Обзор* Пермской губернии за 1890 год. С. 20; *Обзор* Пермской губернии за 1895 год. С. 21.

[4] *Верхоланцев В.С.* Летопись города Перми с 1890 по 1912 гг. // Труды Пермской губернской ученой архивной комиссии. Пермь, 1913. Вып. X. С. 87-88.

[5] *ГАПО*, ф. 65, оп. 2, д. 100, л. 8.

[6] *ГАКО*, ф. 208, оп. 1, д. 1305, л. 36, 175.

России – эти социально-психологические факторы формировали поколение общественных деятелей, идущих на смену романтикам 60-70-х гг.

Появление в российской глубинке нового направления в немалой степени было связано с организационным и идеологическим кризисом революционно-демократического народничества. Во-первых, разгром «Народной воли», политическая реакция в стране после убийства в 1881 году Александра II приводят на Урал, как традиционное место административной ссылки, многих участников революционного подполья и сочувствовавших им. Во-вторых, часть интеллигенции отказывается от идеи революционного преобразования страны, создавая новую идеологию в новой российской действительности, в дальнейшем получившую название «либерализм». Как известно из историографии данного периода, организаторами этого направления были деятели земских учреждений России[1].

Идеологические постулаты неонародников по-прежнему базировались на признании самобытности исторического развития России, где долговременной экономической основой эволюции страны будет сельскохозяйственное производство при главенствующей роли общинных форм ведения хозяйства, что поможет избежать капиталистической эксплуатации в деревне. Поэтому необходимо было, по их мнению, создавать систему агрономического просвещения, способствовать насыщению крестьянских хозяйств новыми орудиями труда, развивать крестьянскую кооперацию, оказывать им финансовую поддержку в создании новых форм хозяйствования. Своеобразным подспорьем повышения выживаемости деревни они считали развитие мелких крестьянских промыслов и гармонизацию их взаимодействия с крупным промышленным производством горнозаводского Урала. Развитие кустарной крестьянской промышленности, по их мнению, составляло еще одну историческую особенность России, было проявлением «народного производства».

В уральских земствах яркими фигурами этого нового направления становятся в основном представители агрономических и статистических организаций. Среди них можно назвать Е.И. Кривощекова, П.А. Голубева, В.А. Владимирского, М.С. Агапова, П.А. Астафьева, Н.Л. Скалозубова, В.Н. Варгина,

---

[1] См.: *Лейкина-Свирская В.Р.* Русская интеллигенция во второй половине XIX в. М., 1971. С. 159-161; *Ленин В.И.* Гонители земства и Аннибалы либерализма // ПСС. Т. 5. С. 36; *Пирумова Н.М.* Земская интеллигенция и ее роль в общественной борьбе до начала XX века. М., 1986. С. 56-57, 205; *Рабинович Я.Б.* Ревнители прав народных. Пермь, 1989. С. 96-101; *Секеринский С.С., Шелохаев В.В.* Либерализм в России. М., 1993. С. 27-29. и др.

Д.И. Кирсанова, В.А. Весновского, Д.М. Бобылева, Н.А.Спасского, М.П. Бородина, Н.Н.Романова, В.Я.Заволжского и др.

К первым попыткам пропаганды передовых приемов труда можно отнести организацию сельскохозяйственных выставок. Их инициатором выступило Осинское земство, с 1876 г. проводившее такие выставки ежегодно. Причем они открывались каждый раз в новых селах уезда. Крестьянские хозяйства выставляли не только образцы продукции земледельческого труда, но и ремесленного: веялки, сохи, рукоделия и др. Управа даже открыла специальный склад для продажи некоторых образцов техники, а также выписываемого из других губерний страны сортового зерна, новых видов технических культур: вика, клевер и т.д.[1]

В 1880 г. земством была проведена первая такая же выставка в городе Ирбите, которая была размещена в престижных торговых рядах знаменитой Ирбитской ярмарки. Выставка собрала около 600 экспонатов местной продукции крестьянских хозяйств и промыслов и была признана достаточно успешной[2]. Однако в связи с тем, что большая часть ее экспонатов была отправлена для участия в Московской выставке и, несмотря на заверения устроителей о полном возврате, потеряна, крестьяне Ирбитского уезда отказались в дальнейшем участвовать в выставках.

К новым формам взаимодействия с крестьянством земские учреждения переходят в начале 80-х гг. в результате неурожайных лет в Пермской губернии и негативных последствий этого бедствия. Особенно пострадали крестьянские хозяйства Ирбитского, Екатеринбургского, Камышловского, Шадринского, Верхотурского, Пермского, Соликамского и Чердынского уездов. Хотя еще в 1873 г. Д.Д.Смышляев, анализируя причины и результаты страшного голода в Самарской губернии, высказывал на 3-м чрезвычайном губернском земском собрании соображения по поводу создания специального экономического общества для распространения в деревне передовых форм ведения хозяйства и создания системы хлебных запасов на случай неблагоприятных условий[3]. В то время эти предложения были отклонены гласными собрания из-за недостатка средств.

---

[1] *Отчет* Осинской уездной земской управы уездному земскому собранию 1881 г. Пермь, 1882. С. 126-131.

[2] *Астафьев П.А.* Сельскохозяйственная деятельность Ирбитского земства Пермской губернии. Краткий очерк за 1870-1894 гг. // Пермский край. Сборник сведений о Пермской губернии. Пермь, 1895. Т. 3. С. 372-373.

[3] *Журналы* 3-го чрезвычайного Пермского губернского земского собрания майской сессии 1872 г. с докладами комиссий. Пермь, 1872. С. 28.

В 1879 г. Верхотурское земство впервые пригласило на службу профессионального агронома[1], а к 1886 г. они появились уже во всех уездах губернии[2]. В 1883 г. при губернской управе был создан штат губернских агрономических смотрителей, пока единственный в России, основу которого составили выпускники Красноуфимского училища[3].

Оно было открыто еще в 1875 г. В 1880 г. директором этого училища был назначен выпускник Петровско-Разумовской сельскохозяйственной академии Николай Александрович Соковнин, и с этого же года началось обучение будущих агрономов. Для практических работ училищу был выделен земельный участок, где проводилась большая селекционная работа, создана сельскохозяйственная ферма[4]. С приездом в 90-х гг. в Красноуфимск Н.Л. Скалозубова и В.Н. Варгина, тоже дипломированных агрономов, в уезде широкое распространение получило агрономическое просвещение. Была создана мастерская по производству и ремонту простых и достаточно сложных сельскохозяйственных орудий, которые среди местного крестьянства пользовались популярностью[5].

В Вятской губернии необходимость создания сельскохозяйственного училища была высказана земством еще в 1869 г., но открыли его в 1872 г. При училище создали мастерские, занялись устройством фермы. Однако из-за трудностей в финансировании оно было преобразовано в 1879 г. в реальное училище[6]. В 90-е гг. Х1Х в. были открыты три сельскохозяйственные школы, из которых наибольшее значение имела Парзинская школа в Глазовском уезде. Она полностью содержалась на средства уездного земства, и на ее содержание выделялось более 54 тысяч рублей[7].

Консолидация агрономов в Пермской губернии усилилась с 1884 г., когда губернская управа признала важность объединения агрономической общественности в особые съезды, которые до 1890 г. проходили ежегодно. Благодаря этому в губернии была создана система их работы: определены статусы агронома и смотрителя, рамки их полномочий во взаимоотношениях с местными органами самоуправления, размер агрономического участка (до 2 волостей), стационарная система работы смотрителя в противоположность разъездной, ве-

---

[1] *Государственный* архив Свердловской области (ГАСО*)*, ф. 435, оп. 1, д. 54, л. 34.
[2] *Обзор* Пермской губернии за 1886 год. С. 21.
[3] *ГАПО*, ф. 44, оп. 1, д. 428, л. 137-138.
[4] *Журналы* 12-го очередного Красноуфимского уездного земского собрания 1881 г. Кунгур, 1882. С. 28-29.
[5] *Труды* 8 съезда агрономических смотрителей в Перми в 1892 году. Пермь, 1893. С. 56-59.
[6] *Краткий* очерк экономических мероприятий земств 23 губерний России. Полтава, 1894. С. 133.
[7] *Краткий* очерк деятельности Вятского земства по народному образованию. За пятилетие 1896-1900 гг. Вятка, 1901. С. 47.

дение систематических дневников агронома и др. Как видим, здесь был в полной мере использован опыт организации деятельности земских врачей в 70-е гг.

Основными формами пропаганды агрономических знаний являлись лекции, беседы с применением наглядных пособий: таблиц, муляжей, образцов. Так, агрономический смотритель Красноуфимского уезда Н.Л.Скалозубов вспоминает, что значительная часть рекомендаций по борьбе с сельскохозяйственными вредителями и растительными паразитами, приготовлению сочных кормов и др., которые не требовали больших материальных затрат, получили широкое распространение в работе крестьянских хозяйств[1]. Однако меры по рациональному ведению полевых работ и обороту земли оказывались не под силу большинству из них из-за высокой стоимости работ. Поэтому агрономические знания были наиболее востребованы зажиточной частью крестьян, которые имели высокотоварное производство и по отдельным показателям приближались к фермерам.

В Вятской губернии в конце Х1Х в. пропаганда агрономических знаний осуществлялась через опытные хозяйства-фермы, принадлежавшие земству. Для ознакомления с новыми формами ведения привлекались кроме крестьян и земские учителя. Так в 1894 г. при Вятской ферме были проведены курсы для народных учителей, в которых приняло участие более 100 человек[2]. С пропагандистскими целями с 1892 г. губернское земство начинает практиковать бесплатную раздачу специальной популярной литературы, расходы на которую полностью финансировались земскими управами. И с самого основания в 1894 г. был ориентирован на пропаганду сельскохозяйственных знаний выпуск единственной в то время в стране земской газеты – «Вятской газете, сельскохозяйственной и промышленно-кустарной», тираж которой достигал 6 тысяч экземпляров. Она бесплатно рассылалась всем земским гласным, агрономам, страховым агентам, школам, волостным правлениям и др.[3]

Другим важным шагом в практическом осуществлении неонароднических взглядов земских деятелей и общественности стало создание экономических советов при управах уездов. Первое из них было образовано в Котельническом уезде Вятской губернии в 1875 г. В 1887 г. они были организованы в Оханском,

---

[1] *Скалозубов Н.Л.* Очерк экономического положения башкирского населения Красноуфимского уезда Пермской губернии. Пермь, 1893. С. 128-129.

[2] *Обзор* Вятской губернии за 1894 год. Вятка, 1895. С. 7.

[3] *См.: Голикова С.В.* «Вятская газета, сельскохозяйственная и промышленно-кустарная» как пропагандист агрономических знаний // Земское самоуправление: организация, деятельность, опыт: Матер. науч. конф. Киров, 2002. С. 57-59.

Осинском, Красноуфимском, Кунгурском и Соликамском уездах Пермской губернии[1]. Вначале они создаются как органы обсуждения продовольственного вопроса. Интересны были практические итоги работы этих советов. Так, например, они рекомендовали вести разъяснительную работу среди крестьянских общин о важности создания системы общественной распашки земель, посевов зерновых для создания резервного фонда продовольствия на случай неурожая и голода. 58 сельских обществ под влиянием пропаганды, прежде всего уездных агрономов, создали такие резервные фонды. Однако по требованию губернского присутствия по крестьянским делам был поставлен вопрос о включении этих земель в общий реестр земель, облагаемых налогом, и гарантии выплаты всех налоговых начислений в первую очередь[2]. Это было воспринято крестьянством как усиление фискального надзора со стороны государства. И к 1894 г. общественные запашки земель практически прекратились. Хотя они доказали свою необходимость в неурожайные 1891 и 1892 гг. Опыт работы уездных советов позволил создать при губернской управе в 1888 году аналогичный совет по сельскохозяйственным и экономическим вопросам[3]. Кстати, это был второй в России экономический совет, созданный в рамках всей губернии после Вятского земства (1887 г.)[4].

Вторым направлением реализации теоретических взглядов представителей либеральных народников в экономической стратегии земств было развитие кустарной промышленности уральского региона. В нашу задачу не входит выяснение проблем развития мелкотоварного промышленного производства, его эволюции, экономического и политического значения. Все эти проблемы глубоко и всесторонне раскрыты историками советского периода в комментариях известных политико-экономических работ В.И.Ленина «Кустарная перепись 1894/95 года в Пермской губернии и общие вопросы «кустарной» промышленности» и «Развитие капитализма в России», а также при анализе развития страны на рубеже XIX-XX вв. Определенные итоги этой большой работы нашли свое отражение во втором томе «Истории Урала», вышедшей в 1990 г.[5] Здесь содержится большой фактический и аналитический материал, подтверждающий ленинскую оценку экономической и политической перспективы развития

---

[1] *РГИА*, ф. 1287, оп. 4, д. 2231, л. 29; *СПЗ*. 1892. № 1-2. С. 23.

[2] См.: *Кимитака Мацузато*. Сельская хлебозапасная система в России 1864-1917 годы // Отечественная история. 1995. № 3. С. 190-192.

[3] *ГАПО*, ф. 44, оп. 4, д. 404, л. 167-168.

[4] *ГАКО*, ф. 616, оп. 1, д. 221, л. 152.

[5] *История* Урала в период капитализма. С. 84-86, 93-94, 99-102.

этого типа хозяйства страны в сторону утверждения капиталистических отношений. С данными абсолютно правильного объективного анализа спорить достаточно глупо и методологически абсурдно. Наша задача состоит в оценке этих явлений экономической жизни, способствующих расширению круга людей и организаций, выполняющих гражданский долг.

Это направление в деятельности местных органов самоуправления связано с мощной группой уральских земских статистиков, которая по своей результативности, методологии исследований в 70-90-е гг. не имела себе равных в стране. Несомненными лидерами являлись Егор Иванович Красноперов и Николай Александрович Спасский. По своим теоретическим взглядам они относились к народникам. Они сформировались в 60-е годы во время учебы в Казанском университете, а возможно и в годы учебы в Вятской духовной семинарии, известной достаточно либеральным содержанием образования.

До приглашения в 1876 г. в Пермское губернское земство Е.И. Красноперов успел принять участие в работе земских организаций в Царицыне, Нижнем Новгороде. До своей смерти, в 1897 г., он возглавлял статистический отдел губернской управы в Перми[1].

Научное творчество и практическая направленность исследований Е.И.Красноперова были плодотворны. Его капитальные исследования: «Материалы для сельскохозяйственной статистики Пермской губернии» в трех выпусках (1877–1880 гг.), где он рассматривает экономическое состояние крестьянских хозяйств Красноуфимского, Шадринского и Верхотурского уездов в историческом развитии; «Сельскохозяйственные нужды Пермского края» (1881 г.); «Енапаевская волость. Экономическое исследование» (1883 г.); «Кустарная промышленность Пермской губернии на Сибирско-Уральской научно-промышленной выставке в г.Екатеринбурге в 1887 г.» (1888–1889 гг.) и др. приносят ему общероссийскую известность. В 1883 г. Русское географическое общество присуждает ученому большую золотую медаль, что позволяет ему продолжить научную деятельность. Е.И. Красноперов вел также популяризаторскую работу на страницах «Пермских губернских ведомостей», центральных и местных журналов, в многочисленных выступлениях в городах и деревне.

---

[1] *Памяти* Е.И.Красноперова // ПГВ. 1897. 11 марта; *Телицын В.Л.* Е.И.Красноперов и его статистико-экономические исследования сельского хозяйства Пермской губернии // Страницы прошлого: Избранные материалы краеведческих Смышляевских чтений в Перми. Пермь, 1995. С. 141-143.

В своих работах Егор Иванович высказывает интереснейшие мысли. Как ученому это делает ему честь. Его соображения не потеряли актуальности и для современного исследователя. Речь идет о резкой отповеди Е.И.Красноперова некоторой части образованного общества, которые главную причину тяжелого положения крестьянства видели в его «азиатской лености», природной неспособности самостоятельно выработать и применить на практике интенсивные методы хозяйствования в противоположность западно-европейскому сельскому жителю[1]. Он абсолютно прав в том, что у русского крестьянина не было объективной потребности перехода к интенсивному ведению своего хозяйства, так как географические и природные факторы давали возможность продолжать использовать традиционные приемы сельскохозяйственного производства. Кстати, ресурс экстенсивного развития в отечественной деревне был исчерпан только в 50-е гг. уже XX в. (освоение целинных земель), после чего создаются предпосылки перехода к интенсификации сельского хозяйства страны.

В этих условиях, как считал Е.И.Красноперов, крестьянству было необходимо улучшить технику ведения хозяйства, приспособить земледелие к местным естественным и экономическим условиям, разработать необходимые рациональные приемы работы в существующих сельхозсистемах. Нововведения не должны были коренным образом изменить систему хозяйства, они предназначались для внесения отдельных изменений и приспособлений, «не эффективных по внешности, но весьма важных и серьезных по существу». И вот здесь крестьянству должны прийти на помощь специалисты, обладающие необходимыми знаниями: агрономы, ветеринары, врачи, сельские учителя. Он считал, что именно земства имеют необходимые предпосылки, чтобы встать во главе процесса и тем самым выполнить свою благородную миссию – помочь деревне выйти из глубокого кризиса бедности и нужды, превратиться в составную часть цивилизованного российского общества[2].

Николай Александрович Спасский (1846-1920) закончил физико-математический факультет по разряду естественных наук Казанского университета и с 1870 г. был назначен секретарем Вятского губернского статистического комитета, который возглавлял в течении почти 30 лет. Ему удалось привлечь к работе комитета инициативных и авторитетных сотрудников: А.А.Спицына,

---

[1] *Красноперов Е.И.* Благотворительность, как один из факторов экономического благосостояния и прогресса. Пермь, 1892. С. 20.

[2] *Красноперов Е.И.* Указ. соч. С. 28-30.

В.П.Юрьева, Н.П.Штейнфельда, П.И.Кротова, Г.Е.Верещагина, Д.К.Зеленина, П.Н.Луппова и др. Выходящие под его редакцией «Памятные книжки и адресс-календари Вятской губернии» стали одними из лучших провинциальных изданий. Его труд «Статистическое описание Вятской губернии и справочные сведения», вышедший в 1875 г. стал одним из первых в России исследований по отечественной статистике. Этот опыт был продолжен при подготовке павильонов Вятской губернии на Всероссийских выставках в Москве (1882) и Казани (1891), проведении Всероссийской переписи населения в 1897 г. В 1904 г. он был избран первым председателем Вятской ученой архивной комиссии[1]

Важным этапом практической реализации взглядов земской общественности стала Сибирско-Уральская научно-промышленная выставка 1887 г. в Екатеринбурге. Идея проведения и практическое осуществление такого масштабного мероприятия были заслугой Уральского общества любителей естествознания (УОЛЕ)[2]. В результате двухлетней подготовительной работы, маневров с созданием организационного комитета, привлечением государственного покровительства в лице великого князя Михаила Николаевича удалось реализовать проект провинциальной интеллигенции, который ранее был по плечу только столичным городам.

Выставка была многоотраслевой, в ней приняли участие казенные, частные, акционерные промышленные предприятия. Свою продукцию представляли сельские общества. Земские учреждения курировали научные и культурно-просветительские разделы, а также павильон кустарных промыслов Пермской губернии, в котором были представлены образцы основных товаров кустарей Екатеринбургского, Верхотурского, Красноуфимского и Пермского уездов. Была составлена большая развлекательная программа, в которой приняли участие столичные коллективы[3].

Устроители выставки, создавая раздел кустарных промыслов, по мнению Е.И.Красноперова, пытались привлечь внимание правительственных кругов и крупных промышленников к бедственному положению мелкотоварного производства, необходимости правительственной поддержки. Прежде всего, требовалась отмена губительного для мелкого производства положения Горного устава 1806 г., в котором запрещалось использование современных паровых ма-

---

[1] *ГАКО*, ф. 583, оп. 608, д. 842, л. 5, 12, 14.

[2] См. заключение исторического очерка Д.Н.Мамина-Сибиряка «Город Екатеринбург» // Известия УрГУ. 1998. № 9. С. 7-11.

[3] *Сибирско-Уральская* научно-промышленная выставка 1887 г. Екатеринбург, 1887. С. 5-7.

шин, а лесные угодья были отданы в руки крупных частных и правительственных предприятий. Он с горечью констатирует: «…мой обзор кустарной промышленности Пермского края положительно обращается в ее мартиролог от гнета заводского, в частности, и лесовладельческого вообще. С тяжелым чувством приходится нанизывать на одну и ту же нить факт за фактом, один другого печальнее»[1]. Так, давая характеристику рогожному производству в кустарных мастерских Саранинской волости Красноуфимского уезда, Е.И.Красноперов отмечал, что его упадок был связан, прежде всего, с тем, что «заводское управление поспешило подставить ногу кустарной промышленности… Заводоуправление повысило попенную плату за мочало, почему товар не выдерживал уже рыночных цен»[2]. И в то же время он приводит в качестве примера гармоничных отношений развитие кустарных промыслов и промышленных предприятий в кожевенном производстве Кунгурского уезда, где «фабрика вступает в правильный союз с кустарной промышленностью, имея целью в своих интересах не подавление этой промышленности, а развитие ее сил»[3].

Всесторонний анализ ситуации с крестьянскими промыслами, накопленный опыт работы в уездах, создание первых земских складов для сбыта крестьянской продукции, выставок образцов товаров местных промыслов, мастерских по производству простых и сложных орудий труда позволили выйти на новый уровень практического осуществления теоретических представлений о судьбах народной промышленности.

В 1888 г. был разработан и направлен на утверждение в Министерство финансов проект губернского земства о создании кустарно-промышленного банка, который предполагалось назвать в память императора-реформатора Александра II. Еще в 1881 г. губернская управа создала уставный капитал (в сумме 60 тыс. руб.) в честь 25-летия царствования Александра II для размещения его в ценные бумаги с тем, чтобы в дальнейшем употребить средства в каком-либо крупном проекте[4]. К 1888 г. эта сумма возросла до 85 тыс. руб., и ее предполагалось внести в качестве основного капитала нового банка. В том же году при губернской управе был создан «Комитет для содействия кустарной и другим отраслям промышленности», в который вошли 13 гласных губернского земского собрания.

---

[1] *СПЗ.* № 4. С. 132.

[2] *Там* же. № 1. С. 12.

[3] *СПЗ.* № 4. С. 14.

[4] *Свод* земских смет и раскладок Пермской губернии. Пермь, 1881. С. 25; *Красноперов Е.И.* По вопросу об употреблении 60 т. руб. капитала Пермского губернского земства с целью устройства какого-либо полезного местного учреждения в память 25-летия царствования государя императора Александра II. Пермь, 1884. С. 7.

Аналогичные комитеты были созданы при Пермской, Оханской, Красноуфимской, Верхотурской и Ирбитской уездных управах[1]. Все они при решении хозяйственных вопросов были наделены правом совещательного голоса.

В январе 1894 г. состоялось официальное открытие единственного в то время в России Кустарно-промышленного банка губернского земства[2]. Для пропаганды новых возможностей развития местных промыслов выпускалось большое количество листовок и брошюр, которые направлялись в сельские общества и крупные населенные пункты губернии. В каждом уезде была создана широкая сеть агентов банка. Из 102 помощников больше половины (61) составляли сельские учителя, агрономы и врачи. Самое большое количество агентов (17) было в Красноуфимском уезде, в Пермском и Екатеринбургском уездах – по 14, 11 – в Чердынском уезде[3]. По уставу банка кредиты выдавались только тем артелям и кустарям, которые не использовали наемную рабочую силу на постоянной основе, имели официальную регистрацию как кустари; недвижимое имущество и др. Более 50 тыс. руб. целевого кредита было распределено между уездными земствами для создания складов продукции кустарей с учетом последующего сбыта. Только в первый год существования банка было подано около 240 заявлений от кустарей и артелей. Удовлетворили только 130 заявлений на сумму более 15 тыс. руб.[4]

Для создания в обществе определенного благоприятного отношения к кустарным промыслам, повышения их экономического статуса земства использовали возможности массовой печати: газеты, брошюры, специальные публикации в земских сборниках. Таким образом, проводилось определенное PR-обеспечение продвижения товаров, вышедших из мастерских местных кустарей.

В целом за первый крупный период своей деятельности – до начала XX в. уральскому земству удалось определить основные приоритетные направления своей деятельности. Был создан достаточно действенный круг проводников идей земства в здравоохранении и народном образовании. Наиболее плодотворный период общественной активности приходился на 70-е гг., когда масштабность и значимость преобразований в деревне приобретали общероссийское звучание. Работа земской общественности в уральской провинциальной глубинке становилась

---

[1] *ГАПО*, ф. 44, оп. 1, д. 437, л. 37-38.

[2] *Верхоланцев В.С.* Указ. соч. С. 96.

[3] *Подсчеты* проведены по: Адрес-календарь и памятная книжка Пермской губернии на 1895 год. Пермь, 1895. С. 109-112.

[4] *Краткий* очерк о деятельности кустарно-промышленного банка Пермского губернского земства за время с 1 января по 1 декабря 1895 г. Пермь, 1895. С. 5.

предметом подражания и повторения. Это можно проиллюстрировать сравнением расходов пермского земства на эти два направления со средними показателями по 34 российским земствам за первые 20 лет работы[1].

Год	Расходы Пермского земства			Расходы 34 земств Европейской России, % к общ. бюджету	
	Всего, тыс. руб.	на народное образование, % ко всем расходам	на народное здравие и обществ. призрение,* % ко всем расходам	на народное образование	на народное здравие и обществ. призрение
1871	1173	6,7	13,6	7,6	12,8
1876	2583	12,9	17,6	13,3	19,5
1881	2445	21,7	24,8	14,6	24,5
1886	3045	21,5	25,5	15,5	25,3
1890	3135	19,9	24,5	15,3	27,7

*С 1895 г. расходы на народное здравие и общественное призрение считаются раздельно.

Мы далеки от мысли идеализировать и преувеличивать значимость и итоги практической деятельности земских учреждений даже по отдельным направлениям. Выполнение таких задач, которые стояли перед страной, было возможно только при соединении усилий всех властных структур, а также включении представителей общественных объединений в качестве полноправных партнеров. Однако этого не происходило, а, наоборот, любая попытка решительно пресекалась. Использовались все каналы административного давления. Так случилось с участниками открытого в январе 1894 г. Пермского экономического общества.

Идея создания общества принадлежала Д.Д. Смышляеву, который, покинув земскую службу, занимал в 80-е гг. пост редактора неофициального отдела «Пермских губернских ведомостей». Он считал, что существование такой орга-

[1] Таблица составлена на основе: *Свод* земских смет и раскладок Пермской губернии. Пермь, 1881. С. 12, 16, 24; *Отчет* Пермской земской губернской управы о движении денежных сумм и капиталов, бывших в ее распоряжении в 1886 году. Пермь, 1887. С. 396; *Отчет* Пермской земской губернской управы…в 1890 году. Пермь, 1891. С. 12, 16, 24; *Обзор* финансового положения земств Пермской губернии… С. 14-15; *Веселовский Б.Б.* Указ. соч. Т. 1. Приложение 14. С. 671-675; *СПЗ.* 1902. № 5. С. 86-87; Там же. № 6. С. 95-96; *Обзор* Пермской губернии за 1900 год. С. 66-67, 77.

низации поможет смягчить угрозу голода и нищеты крестьянства путем создания конкретного и научно взвешенного плана организационных и хозяйственных мероприятий. Именно ему принадлежало авторство проекта устава, утвержденного в ноябре 1882 г. министром земледелия и государственных имуществ[1]. Однако работа общества так и не началась, прежде всего, из-за общей обстановки в стране, связанной с усилением консервативных позиций в период царствования Александра III, нежеланием губернаторов давать жизнь организациям, которые не стремились к укреплению самодержавного строя.

Пермское экономическое общество возглавил управляющий Пермской казенной палаты, статский советник Александр Евгеньевич Рейнбот. Это был энергичный, не лишенный либеральных настроений, государственный чиновник. В руководство вошли председатель губернской управы А.А. Попов, управляющий государственными имуществами Пермской губернии И.Я. Голынец, ректор духовной семинарии протоиерей К.М.Добронравов, окружной прокурор Н.А. Дедюлин и др. Секретарем общества стал губернский статистик Е.И. Красноперов[2]. В работе общества с самого начала был взят курс на проведение конкретных действенных мероприятий, имеющих солидное научное и статистическое обоснование и подчас выходивших за рамки задач устава. Доклады М.Д. Белоусова, Е.И. Красноперова, П.А. Вологдина, В.В. Грибеля на заседаниях общества содержали не только констатацию положения дел в хозяйственном состоянии губернии, но и конкретные предложения с учетом опыта развития западно-европейских государств. К работе общества привлекались и люди, привносившие известную долю оппозиционности: А.С. Сигов, В.А. Владимирский, И.Г. Остроумов, В.И. Маноцков, супруги-врачи Е.Н. и П.Н. Серебренниковы[3]. Их активная деятельность выливается в создание специального адреса на имя Николая II, в котором были высказаны завуалированные политические предложения о необходимости введения конституционных основ в гражданскую жизнь Российской империи. Минуя губернатора П.Г. Погодина, руководителю общества А.Е. Рейнботу удается передать красиво оформленный адрес в руки министра земледелия и государственных имуществ А.С. Ермолова, курирующего экономические общества империи.

---

[1] *СПЗ*. 1874. Январь-Апрель. С. 137-140; *Красноперов Е.И.* Благотворительность, как один из факторов экономического благосостояния и прогресса. С. 25.

[2] *ГАПО*, ф. 65, оп. 2, д. 144, л. 12 об., 111 об.

[3] *Пирогова Е.П.* История возникновения и деятельности Пермского экономического общества во второй половине XIX века // Общественная и культурная жизнь дореволюционного Урала. Пермь, 1990. С. 83-84.

Искушенный политик, обнаружив политические поползновения уральцев, направляет этот адрес обратно с разъяснениями губернатору. Возникает острый конфликт, закончившийся тихим закрытием общества в мае 1895 г. Наиболее активные члены общества, находящиеся под надзором полиции как бывшие политические ссыльные, в административном порядке были высланы из Пермской губернии[1].

Таким образом, можно с полным правом утверждать, что в Пермской губернии существовало серьезное противоречие между общественностью и властью, подчас принимавшее достаточно острый и конфликтный характер.

Это было обусловлено особенностями развития капиталистических отношений в горнозаводской промышленности Урала в пореформенный период. В работах историков советского периода убедительно доказано, что данный социально-экономический процесс был отягощен множеством феодальных пережитков, связанных с крепостнической основой формирования рабочего класса уральского региона[2]. Условия освобождения горнозаводского населения по законам от 8 марта 1861 г. и 4 июня 1862 г., касавшиеся 470 тыс. трех основных категорий рабочих: военно-крепостных казенных заводов; крепостные посессионных заводов; крепостные частных заводов, были соблюдены таким образом, что уральский рабочий оказывался опутанным новой системой кабальных отношений, мало чем отличавшейся от прежней. Новые наемные рабочие были лишены права участвовать в деятельности сельского и городского самоуправлений.

Земства, которые пытались реализовать имеющиеся в их распоряжении возможности комплексного развития своих территорий, могли рассчитывать только на собственные источники финансирования: окладные и неокладные сборы. Наиболее существенными были окладные сборы, которые представляли собой налог на недвижимое имущество в городах и уездах: земля и лес, жилые дома, фабричные, заводские, торговые помещения. Этот налог становится предметом постоянных раздоров и конфликтов между руководством земских учреждений и крупнейшими налогоплательщиками – промышленниками и землевладельцами, а также пароходовладельцами. Спорным предметом налогооб-

---

[1] *ГАПО*, ф. 65, оп. 2, д. 144, л. 116-125.

[2] См.: *Черныш М.И.* Эволюция землевладения в Пермской губернии в период с 1861 по 1905 годы // Из истории края. Пермь, 1964. С. 116-134; *Мильман Э.М.* Железнодорожный транспорт и развитие экономики Западного Урала во второй половине XIX века // На Западном Урале. Пермь, 1974. С. 86-91; *Горовой Ф.С.* Влияние реформы 1861 года на формирование рабочего класса Урала // Из истории рабочего класса Урала. Пермь, 1961. С. 151-166; *История* Урала в период капитализма. М., 1990. С. 68-117; др.

ложения были собственность государства и удельные владения. По подсчетам земского статистика А.Давыдова, губернское земство только с 1870 по 1899 г. направило в правительство 15 запросов с просьбой поспособствовать введению прогрессивного налога на эти категории хозяйств, разрешить увеличить ставку налога[1]. С конца 80-х гг. начинается серьезная аналитическая работа над данными сельскохозяйственной статистики в Шадринском, Красноуфимском, Ирбитском, Оханском, Осинском и Соликамском уездах.

Известный ученый и общественный деятель Б.Б. Веселовский в своем капитальном труде «История земства» отмечает, что «оценочные работы всюду обнаруживали факт неуравнительности земского обложения, опирающегося на классовые мотивы; эти работы обнаруживали также большое количество уклонявшейся от обложения земли, преимущественно частновладельческой»[2]. Пермский статистик Н.Скалозубов, проанализировав итоги земского обложения в конце 80-х гг., доказал, что под видом неудобных земель от земского налога было сокрыто более сотни тысяч десятин земель, преимущественно частновладельческих. Главным образом, это происходило в Екатеринбургском, Чердынском, Шадринском и Пермском уездах[3].

Несправедливость налогообложения для крестьянства в пользу имущих классов и ее усиление можно проследить по специальной таблице[4](на примере Пермской губернии).

		Налог, % к общей сумме сбора		
		с земель и лесов	с недвижи-	с торговых

[1] *Давыдов А.* К статистике ходатайств Пермского губернского земства перед правительством (с 1870 по 1899 г.) // СПЗ. 1902. № 4. Отд. 3. С. 129-131; Всего, по подсчетам О.Богатыревой, за период существования земских учреждений только в Пермской губернии было выявлено 532 протеста губернаторов на решения земских собраний. См.: *Богатырева О.Н.* Контроль государственной администрации над деятельностью органов земского самоуправления // Известия УрГУ. 2004. № 32. С. 42.

[2] *Веселовский Б.Б.* Указ. соч. Т. 1. С. 224.

[3] *СПЗ*. 1890. № 1-2. С. 86.

[4] Таблица составлена на основе: *Свод* земских смет и раскладок Пермской губернии. Пермь, 1881. С. 3, 6, 9; *Отчет* Пермской земской губернской управы о движении денежных сумм и капиталов, бывших в ее распоряжении в 1886 году. Пермь, 1887. С. 382; *Отчет* Пермской земской губернской управы…в 1890 году. Пермь, 1891. С. 3, 6, 9; *Обзор* финансового положения земств Пермской губернии… С. 2, 14-15; *Веселовский Б.Б.* Указ. соч. Т. 1. Приложение 14. С. 671-675; *СПЗ*. 1902. № 5. С. 84-85; Там же. № 6. С. 93-94.

Год	Сумма сбора, тыс. руб.	крестьянских сельских общин	казны, удела, частных землевладельцев и горнозаводчи-ков города и частных обществ	мых имуществ фабрик, заводов, помещений промышленных и торговых заведений, жилых домов и пр.	документов гильдейских, промысловых, с патентов и билетов
1871	922	37,0	45,4	10,3	7,3
1876	2118	36,0	41,2	16,7	6,1
1881	2081	32,0	42,8	19,5	5,1
1886	2617	36,4	37,1	22,0	4,5
1890	2673	41,9	32,6	20,0	5,5

Как можно увидеть, если земский налог с земли крестьянских сельских общин в 1871 г. составлял 37,0%, казны, удела, частных землевладельцев и горнозаводчиков – 45,4%, то к 1890 г. это соотношение существенно меняется в пользу второй категории: 41,9 и 32,6%. Такое же положение сохранилось и в последующие годы.

Тем не менее в 1887 г. группа сановитых горнозаводчиков Пермской губернии (Строгановы, Всеволожские, Демидовы и др.) направила в правительство «Записку о земском деле в Пермской губернии». В ней был поставлен вопрос об увеличении числа гласных, лоббирующих интересы крупной промышленной буржуазии Урала в земских выборных органах, прежде всего в земских уездных собраниях[1]. Их позиция была всемерно поддержана губернатором В.В.Лукошковым. Отметим, что позиция местных губернаторов, кроме, пожалуй, Н.Е.Андреевского (1870-1878 гг.), всегда отвечала интересам истинных «хозяев» Пермской губернии – крупных заводчиков и латифундистов. Так, в ежегодном докладе о состоянии дел в губернии за 1882 г. губернатор В.А.Енакиев открыто поддержал крупных собственников в вопросах, касающихся льготного налогообложения и расширения их представительства в земских собраниях, преувеличивая деловую несостоятельность земских деятелей

[1] *Записка* горнозаводчиков о земском деле в Пермской губернии. СПб., 1887. С. 12.

других сословий[1]. Александр III на докладе накладывает резкую резолюцию: «Слишком рано введено было земство в губернии»[2]. В результате всех этих маневров крупные собственники смогли упрочить свои позиции в собраниях губернии, что создавало известное противоречие уже между земствами и земской общественностью.

Вхождение в новый век в экономическом и социальном планах для уральской глубинки складывается крайне неудачно, как, впрочем, и для всей страны. Уже со второй половины 1900 г. произошло резкое снижение цен на продукцию черной металлургии. В 1901 г. производство железа сократилось с 15,6 до 13,6 млн. пудов. Резко возросла конкуренция со стороны южных металлургических заводов, свободных от феодальных отношений и развивающихся более динамично[3]. Таким образом, надежды местных промышленников на особый, самобытный путь развития уральской промышленности, позволяющий избежать кризиса, не затрагивающий производство металла так называемого народного спроса – листового, кровельного и сортового, оказались несостоятельными.

Вся тяжесть кризиса прежде всего сказалась на социальной сфере региона. Жизненный уровень населения Урала среди промышленных центров страны оказался одним из самых низких. Структурная перестройка производства привела к увеличению безработицы в городах и рабочих поселках: к 1907 г. по сравнению с 1900 г. численность рабочих сократилась с 272 852 до 232 281. Владельцы предприятий задерживали выдачу заработной платы, рассчитывались с рабочими не деньгами, а купонами и т.п. В свою очередь наступление на жизненные интересы рабочих вело к обострению классового противостояния, усилению социальной напряженности в городах и поселках заводского типа[4].

В деревне крайняя запутанность аграрных отношений определялась существованием землевладения горных заводов, что давало возможность промышленной буржуазии использовать дополнительные средства для удержания низкого уровня заработной платы и использования полуфеодальных методов эксплуатации не только самих рабочих, но и членов их семей, прежде всего женщин и детей.

---

[1] *РГИА*, ф. 1284, оп. 21, д. 106, л. 207-208.

[2] Там же. Л. 197.

[3] *История* Урала в период капитализма. С. 239.

[4] См.: *История* Урала в период капитализма. С. 246-247; *Хитров П.И.* О масштабах и характере рабочего движения на Урале в период империализма // Из истории рабочего класса Урала. Пермь, 1961. С. 227-228.

Крестьянство Пермской губернии от крестьянства других уральских губерний отличалось своим малоземельем. Крестьянские наделы составляли только 29% общего земельного фонда (в Вятской губернии – 57%, а в Оренбургской – 71%). К 1905 г. средний надел бывших государственных крестьян составлял 12,9 десятины, бывших удельных – 5 десятин, бывших помещичьих – 7,3 десятины на двор. Для сравнения можно указать, что в Вятской губернии эти показатели составляли 16,8, 8,9, 9,7 десятин на двор; в Уфимской губернии – 14,3, 11,5, 10,2 десятины на двор. Этого количества земли было недостаточно, чтобы прокормить семью. К тому же 40% всей надельной земли крестьян составляли покосы и леса[1]. Это вынуждало их арендовать землю у помещиков, горнозаводчиков или искать дополнительный заработок на стороне. Тем самым возрастала роль капиталистической аренды земли, которая еще более увеличивала неравномерность крестьянского землевладения, приводила к социальной дифференциации самого крестьянства.

В большинстве современных исследований истории земских учреждений начала XX в. (Г.А. Герасименко, И.Б. Лежнева, Н.М. Пирумова, М.М. Шумилов, Р.Ш. Ганелин, Л.Е. Лаптева, В.А.Нардова и др.) справедливо отмечается, что экономический кризис еще сильнее подчеркнул отставание политического развития России от возросшего уровня общественной активности земских учреждений и земской интеллигенции[2]. Начало XX в. свидетельствовало о готовности передовой части общества взять на себя ответственность за судьбы государственного развития. Инициатива перехода земств на уровень политического действия принадлежала общественности столицы и западных районов страны, где развитие капитализма было менее сковано экономическими путами феодальных пережитков.

Многочисленные ходатайства о созыве различных объединенных съездов и организаций вызывали острое раздражение правительственных кругов. В июле и августе 1901 г. Министерство внутренних дел выпускает ряд циркуляров о прямом запрете врачебных союзов, учительских съездов, межземских объеди-

---

[1] *История* Урала в период капитализма. С. 250.

[2] См.: *Герасименко Г.А.* Земское самоуправление в России. М., 1990; Кризис самодержавия в России: 1895-1917 / Б.В.Ананьич, Р.Ш.Ганелин, Б.Б.Дубенцов, В.С.Джин, С.И.Потолов; отв. ред. В.С.Джин. Л., 1984; *Лаптева Л.Е.* Земские учреждения в России / отв. ред. А.Е.Скрипилев. М., 1993; *Нардова В.А.* Самодержавие и городские думы в конце XIX-начале XX вв. / отв. ред. Р.Ш.Ганелин. СПб., 1994; *Дякин В.С.* Земства и самодержавие в третьеиюньской монархии // Вопросы истории России XIX-начала XX века: межвуз. сб. / отв. ред. В.В.Мавродин. М., 1983.

нений[1]. Пытаясь приглушить нарастающее недовольство, оппозиционность и влияние земских организаций, правительство применяет к ним экономические санкции. Еще 12 июня 1900 г. принимаются «Примерные правила об установлении предельного земского обложения». Земствам было запрещено увеличивать смету более чем на 3% по сравнению с предшествующим годом, усиливался губернаторский контроль над их финансовыми операциями. Они отстранялись от организации продовольственных комитетов и комиссий по преодолению последствий неурожайных лет в деревне. Вся работа передавалась в руки земских начальников[2].

Это убедительно свидетельствовало о том, что надежды либеральной земской общественности на решение назревших проблем с помощью равного диалога с государственной властью и заинтересованности со стороны крупных земельных собственников и промышленников не оправдались.

Неутешительные реалии жизни приводят к созыву в июне 1901 г., нелегального съезда земских деятелей, где принимается достаточно радикальный документ, известный под названием «Письмо старых земцев». В нем выдвигались требования, пока еще не выходящие за рамки элементарного гражданского развития земских организаций: снижение имущественного ценза для избирателей земских собраний, пересмотр системы жесткого государственного контроля над работой земств, расширение круга их компетенции, уравнение крестьянства в правах с другими сословиями страны, создание волостной структурной земской единицы, ликвидация цензуры[3].

В июле 1902 г. в Штутгарте был создан общеземский журнал «Освобождение», программным заявлением которого становится неприятие революционных действий. Главным требованием объявлялась «замена произвола самодержавной бюрократии правами личности и общества». Земские деятели хотели «объединить группы русского общества, которые не имеют возможности найти выход своему возмущенному чувству ни в классовой, ни в революционной борьбе». Они желали «выражать исключительно бессословное мнение и на него опираться»[4]. Вокруг журнала начинают создаваться группы единомышленников, которые в 1903 г. признали необходимым создать организацию, дав ей название «Союз освобождения». Осенью 1904 г., под давлением нараставшей ре-

---

[1] См.: *ГАПО*, ф. 65, оп. 2, д. 579, л. 55, 68.
[2] *РГИА*, ф. 1287, оп. 4, д. 2231, л. 8-11.
[3] См.: *Пирумова Н.М.* Земское либеральное движение. М., 1977. С. 52.
[4] Цит. по: *Белоконский И.П.* Земское движение. М., 1914. С. 98.

волюционной оппозиции в стране, правительство идет на уступку либеральной части общественности. Было разрешено проводить собрания, получившие название банкеты, и совещания специалистов. Земская общественность воспользовалась этим разрешением, проведя тогда же широкую кампанию банкетов, где принимались адреса и петиции в адрес высшего руководства, содержащие весомое число гражданских требований. Высшим достижением земств этого периода стал проведенный с 6 по 9 ноября 1904 г. в Петербурге первый общеземский съезд, на котором произошло организационное оформление «Союза освобождения». На съезде были приняты основные программные требования: созыв народного представительства с законодательными функциями, гражданские свободы, равноправие сословий, расширение полномочий местного самоуправления. В мае 1905 г., уже в условиях начавшегося широкого революционного наступления, земский съезд направляет к Николаю II депутацию с петицией, где просит созвать народных представителей для укрепления государственного строя и спасения престола от революционного свержения[1].

На Урале в период первой русской революции попытки политической активности земских учреждений были характерны для Вятской губернии. Здесь еще в марте 1904 г. на 38 очередной сессии губернского земского собрания было принято решение по предложению председателя управы Л.В.Юмашева решение о вхождении в состав Общеземской организации для помощи раненым с началом русско-японской войны. Через кассу Московского губернского земства было перечислено на создание санитарных отрядов 45 тысяч рублей[2]. Кроме того, на театр военных действий было отправлено четыре санитарных отряда.

После окончания войны было выбрано новое направление деятельности Общеземской организации – помощь голодающим. В состав ее уполномоченных были избраны от Вятской губернии А.Д.Шиллегодский и Н.А.Чарушин. С декабря 1905 г. стали действовать губернский и уездные комитеты. В их составе более 60% были земскими служащими: статистики, страховые агенты, агрономы, техники и служащие управ[3].

В условиях разгоревшейся революции именно эти организации попали под особый надзор местных органов государственной власти, и с введением летом 1906 г. на территории Урала режима чрезвычайного положения их деятель-

---

[1] Подробнее об этом см.: *Герасименко Г.А.* Земское самоуправление в России. С. 28-30; *Пирумова Н.М.* Указ. соч. С. 46-50.

[2] *Материалы* XXXVIII очередного Вятского губернского земского собрания. Вятка, 1904. С. 126.

[3] *ГАКО,* ф. 616, оп. 2, д. 56, с. 13, 15, 27, 36.

ность была приостановлена. Административные наказания коснулись более 55% активных участников. Был уволен с поста председателя губернского земства Л.В.Юмашев, права уполномоченного был лишен Н.А.Чарушин, было уволено и выслано из пределов губернии 13 из 53 членов уездных комитетов[1].

В Пермской губернии, не наблюдалось такого активного выступления земств. Сказывалось, несомненно, отсутствие среди земских деятелей лидера масштаба Д.Д. Смышляева. Изменилась гражданская позиция гласных земских собраний, на которых преобладали консервативные элементы торгово-промышленного капитала с откровенно охранительными настроениями.

Наиболее заметными событиями с активным участием пермских земских деятелей становятся 20-летие со дня смерти Н.А. Некрасова в 1897 г. и 100-летие со дня рождения А.С. Пушкина в мае 1899 г. Эти памятные даты отмечались в уездных городах, крупных заводских поселках и в большинстве учебных заведений всех ведомств губернии[2]. Причем, в Перми, в связи с проведением пушкинского праздника, произошел конфликт городской общественности и руководителя епархии преосвященного Петра, отказавшегося отслужить публичную панихиду в память о поэте в Театральном сквере (однако разрешил провести ее в церкви)[3].

Анализ исторического периода начала XX в. позволяет нам сделать вывод о том, что местное самоуправление, представленное земскими учреждениями, теряет инициативу в развитии гражданской активности на Урале. Преобладание политики в общественной жизни при углублении противостояния между основными классами, принявшее революционный характер, выдвигало на первый план совсем другие формы объединений, участвовавших в развитии гражданского общества: политические партии, профессиональные союзы, другие общественные организации. К тому же создание в политической системе Российской империи такого представительного законосовещательного органа власти, как Государственная Дума, удовлетворило на некоторое время политические амбиции лидеров земского движения. Местные органы самоуправления возвращались к своей обыденной, повседневной работе. В связи с этим можно согласиться с выводом И.Б. Лежневой, утверждавшей, что «съездом земских деятелей 6-13 ноября 1905 года завершилось существование земского движения в

---

[1] *ГАКО*, ф. 582, оп. 26, д. 1212, л. 27, 29.
[2] *ГАПО*, ф. 65, оп. 1, д. 59, л. 36; д. 61, л. 37; ф. 42, оп. 1, д. 249, л. 152-153.
[3] *Верхоланцев В.С.* Указ. соч. С. 110-111.

том виде, в котором оно существовало более сорока лет… В их деятельности стала преобладать «деловая» точка зрения»[1].

В период существования новой политической системы – третьеиюньской монархии – местные органы самоуправления каких-либо существенных изменений в организации собственной структуры не претерпели до начала Первой мировой войны. Земские учреждения расширяли масштабы образовательной деятельности в деревне, определенную стройность и преемственность приобрела медицинская помощь сельскому населению. Кроме того, местные органы приняли активное участие в осуществлении столыпинских аграрных преобразований.

К началу XX в. Урал имел большое значение для промышленного комплекса страны, но, несмотря на это, все еще оставался аграрным регионом Российской империи. В сельском хозяйстве было занято не менее 70% населения губернии, в то время как в промышленности – около 17%, в торговле – 2,4%[2]. Стоимость недвижимости в промышленности достигала 21 млн. руб., а стоимость земли и лесов – более 40 млн. руб. Годовые объемы ведущей горнозаводской отрасли промышленности оценивались в 70 млн. руб., а среднегодовые объемы сбора продовольственных культур (ржи, пшеницы, ячменя и овса) – свыше 100 млн. руб.[3] Поэтому работа земских органов местного самоуправления по-прежнему строилась с учетом данных тенденций. Проблемы рационального ведения единоличного крестьянского хозяйства, кооперативных организаций оставались в центре их внимания как на теоретическом уровне, так и на уровне практической деятельности.

Аграрная реформа 1906 г. не смогла решить основную проблему как крестьянства Урала, так и страны в целом. В советской историографии анализу этой реформы посвящены капитальные социально-экономические исследования, в которых на основе многочисленных источников раскрывается практическая реализация всех основных мер государственной власти. Основные публикации приходятся на 60-е гг. XX в., это работы историков Урала Ф.С.Горового, Л.П.Вакатовой, П.И.Хитрова, М.И.Черныша, Л.П.Матвеенко, Д.В.Гаврилова,

---

[1] *Лежнева И.Б.* Самодержавие и местное самоуправление в России // Общественно-политические институты и движения: проблемы теории и истории. СПб., 1991. С. 135.

[2] *История* Урала в период капитализма. С. 247, 248, 252.

[3] *Обзор* Пермской губернии за 1903 год. С. 36, 77.

В.В.Наймушина, А.А.Папырина и др.[1] В них было проанализировано, прежде всего, ухудшение положения основной массы крестьян, а также рассмотрены усиление ее дифференциации и процесс пролетаризации деревни. Обращалось внимание на деятельность землеустроительных комиссий, создаваемых по указу Николая II от 4 марта 1906 г. Первые пять таких комиссий были созданы в мае 1907 г. в Перми, Осе, Екатеринбурге, Соликамске и Камышлове одновременно с открытием Пермского отделения крестьянского банка[2].

По принципу единоличного землеустройства, т.е. создания хуторского хозяйства, только в Пермской губернии до 1915 г. было образовано 13640 участков с общей площадью в 219 тыс. десятин. Всего за десять лет реформ требования о закреплении земли в личную собственность заявили 44355 домохозяев, или 8,4% их общего числа. Однако только 21246 из них действительно эту землю закрепили. Общая площадь закрепленной земли составила 254785 десятин (3% надельной земли)[3]. По этому поводу «Пермская земская неделя» писала: «После указа 9 ноября о своем желании выделиться заявили многие. Сюда относятся живущие в городах крестьяне. Они занимаются торговым промыслом и на прикрепленность к земле смотрят как на цепи, которыми они скованы. О выделении заявляют и те из деревенской бедноты, которые от своей полосы, величиною с носовой платок, не видели ничего, кроме горя и беспросветной бедности. Свобода от пут земли кажется им облегчением»[4].

В Пермской губернии с 1907 по 1914 г. 12920 крестьян-владельцев продали свои наделы, т.е. 45808 десятин земли в среднем по 66 руб. за десятину[5]. Кто же был покупателем этих земель? Из обзоров Пермской губернии с 1909 по 1915 г. на основе данных пользования кредитами крестьянского поземельного банка можно дать адресную картину покупателей. Абсолютное большинство – 2319 покупателей – являлись отдельными домохозяйствами, в 600 случаях – это

---

[1] См.: *Матвеенко Л.П.* Столыпинская аграрная реформа как один из факторов, влиявших на формирование рабочего класса Пермской губернии // Из истории рабочего класса Урала; *Вакатова Л.П.* Социально-экономические итоги столыпинской аграрной политики в Пермской губернии // Из истории рабочего класса и крестьянства Пермского края. Пермь, 1965; *Черныш М.И.* Эволюция землевладения в Пермской губернии в период с 1861 по 1905 годы // Из истории края. Пермь, 1964; *Гаврилов Д.В.* К вопросу о питании уральских рабочих в период домонополистического капитализма (1861-1900 гг.) // Положение и борьба рабочих Урала в период капитализма. Свердловск, 1989; *Хитров П.И.* Земледелие Пермской губернии периода империализма // На Западном Урале. Пермь, 1974; *Наймушин В.В.* Рабочее движение в Вятской губернии в конце Х1Х-начале ХХ века // Из истории рабочего класса Урала. Пермь, 1961. и др.

[2] *ГАПО*, ф. 65, оп. 1, д. 67, л. 143; оп. 2, д. 132, л. 25-25 об.

[3] *История* Урала в период капитализма. С. 314-315.

[4] *Пермская* земская неделя. 1908. № 2. С. 12.

[5] Подсчитано по: *РГИА*, ф. 1290, оп. 6, д. 94, л. 55, 76, 77; оп. 120, д. 2, л. 174, 175; д. 11, л. 11; д. 37, л. 2, 3.

были товарищества и только в 6 случаях – сельские общества[1]. Тем самым подтверждался капиталистический характер процессов концентрации производства в руках сельской буржуазии – кулачества.

Процессы дифференциации деревни можно проследить также по таким данным: в 1893 г. безземельные в пермской деревне составляли 9,7% общего количества крестьянских хозяйств, в 1917 г. – уже примерно 15%; безлошадных хозяйств в 1894 г. было 14%, к 1917 г. – 25,4%. К 1917 г. 25,2% крестьянских хозяйств не сеяли, а 13,7% вообще не имели никакого скота[2]. Крестьяне пытались вырваться из тисков катастрофического безземелья с помощью переселения за Урал. С 1896 по 1914 г. свои насиженные места покинули 60 тыс. крестьян, из них вернулись через некоторое время совсем разорившимися 14 тыс.[3]

Бедняки пытались поправить свое положение с помощью дополнительных источников дохода, которыми стали отхожие промыслы. Этот объективный процесс отражен в таблице, составленной на основе данных об отходничестве по четырем уездам: Камышловскому, Шадринскому, Чердынскому и Соликамскому Пермской губернии[4].

Годы	Камышловский уезд	Шадринский уезд	Чердынский уезд	Соликамский уезд	Всего
1880–1887	55 446	34 463	10 076	48 584	148 569
1909–1913	111 519	90 812	4 328	71 705	278 364

Как видно из приведенных данных, число крестьян, ушедших на заработки, увеличилось почти в два раза. В Чердынском уезде к началу XX в. основная масса крестьян была занята на месте заготовками леса и сплавом древесины. Причем меняется характер отходничества. Крестьяне стали в большем количестве, чем ранее, связывать получение своего дополнительного дохода с промышленным производством. Тем самым этот процесс оказывал свое определенное влияние на формирование промышленного пролетариата Урала. В Вятской губернии эти процессы были выражены гораздо слабее.

---

[1] Использованы материалы: *История* Урала периода капитализма. С. 314-317.

[2] *ГАПО*, ф. 65, оп. 1, д. 54, л. 14; *Обзор* Пермской губернии за 1893 год. С. 23-24; *Обзор* Пермской губернии за 1915 год. С. 14 (Приложение № 3); *Пермская* земская неделя. 1911. № 149. С. 18.

[3] *История* Урала периода капитализма. С. 315.

[4] *ГАПО*, ф. 65, оп. 1, д. 46, л. 143; д. 48, л. 143; д. 49, л. 144; д. 50, л. 143; д. 51, л. 144; д. 52, л. 143; д. 52-а, л. 143; *Обзор* Пермской губернии за 1909 год. С. 33-35; *Обзор* Пермской губернии за 1913 год. С. 35-37.

Хотя для Урала итоги реформирования были достаточно скромными, такие земские специалисты, как агрономы, ветеринары, статистики, а также земские сельскохозяйственные школы, училища переживают свой «звездный час» по востребованности знаний и практическим действиям. Это было связано с более широким развитием капиталистических отношений в деревне, закреплением слоя сельской буржуазии. Именно эта категория становится главным потребителем и заказчиком новых знаний и приемов труда в развитии товарного производства аграрного сектора экономического развития.

Важным элементом повседневной работы земской агрономической интеллигенции становится пропаганда новых форм хозяйствования. По инициативе земских служащих в Пермской губернии в это время было организовано 184 показательных участка, 25 прокатных станций, 25 зерноочистительных пунктов, 44 племенных осеменений свиней и др.[1] Заслугой агрономов стало введение в севооборот пермского клевера, который из-за высоких кормовых качеств приобрел европейскую известность. Так, в 1912 г. в Кунгурском уезде фирмы закупили только семян этой культуры на 1 млн. руб.[2]

Крестьянские хозяйства Осинского, Оханского, Ирбитского, Камышловского и Шадринского, при благоприятных условиях – Пермского, Кунгурского и Красноуфимского уездов Пермской губернии являлись главными поставщиками товарного хлеба на внутренний рынок страны и губернии. Для доказательства этого можно привести следующие сведения. Если в 1909 г. из данных уездов было вывезено на продажу за пределы губернии 154 768 пудов ржи и 341 325 пудов пшеницы, то в 1913 г. уже 853 935 пудов ржи и 1 168 826 пудов пшеницы. По отношению к общему объему вывезенного из губернии хлеба это составляло около 80% ржи, более 92% пшеницы в 1909 г. и более 94% ржи, 89% всей пшеницы – в 1913 г.[3]

Именно в этих регионах сосредотачивались центры творческой работы специалистов, находилось достаточное количество складов уездных земств по поставкам новой сельскохозяйственной техники с возможностью ее приобретения на льготных условиях. Получили распространение прокатные пункты сельскохозяйственных орудий труда, прежде всего сложного характера, выдача

---

[1] *Иллюстрированный* сборник-ежегодник Пермского губернского земства. Пермь, 1916. Вып. 2. С. 217; *Обзор* агрономических мероприятий Пермского земства за 1901-1906 годы и очередных работ земских агрономов. Пермь, 1907. С. 86-90.

[2] *Иллюстрированный* сборник… С. 212.

[3] Использованы статистические данные: *Вакатова Л.П.* Указ. соч. С. 88-90.

ссуды семенами и удобрениями. Общее представление об увеличивающихся размерах применения новых орудий труда в хозяйствах Пермской губернии дает следующая таблица[1].

Орудия труда	Количество штук	
	1909 г.	1912 г.
Рядовые сеялки	498	2854
Фабричные плуги	9758	20379
Орудия труда	Количество штук	
	1909 г.	1912 г.
Лапчатые орудия	1905	5492
Веялки-сортировки	1123	2005
Веялки простые	40705	57768
Молотилки одноконные	17939	27581
Сноповязки	667	1308
Зерносушилки	574	886

Всего с 1909 по 1913 г. ввоз всех видов сельскохозяйственных машин в губернию вырос со 154 до 407 тыс. штук. Популярностью пользовались, например, молотилки местного производства: Очерского, Саранинского, Каслинского заводов. В Екатеринбургском уезде из-за технологической простоты в изготовлении и дешевизны по сравнению даже с заводскими аналогами широко применялись молотилки кустаря Костромина из села Большие Брусяны Логиновской волости. Не меньшей популярностью, особенно среди крестьян Верхотурского уезда, пользовался изобретенный еще в 1891 г. шадринским агрономом А.Б.Кунгурцевым плуг с лемехом и отвалом[2].

Новый этап повышения плодородия почв и увеличения урожайности в деревне связан с применением минеральных удобрений. Наибольшее распространение в Пермской губернии получило применение суперфосфата, которого только в 1912 г. было использовано более 26 тыс. пудов. Интересен факт, что больше половины суперфосфата применили крестьяне Кунгурского уезда[3].

---

[1] *Там* же. С. 89.

[2] *Обзор* агрономических мероприятий… С. 125-129.

[3] *Обзор* Пермской губернии за 1912 год. С. 122; *Искусственное* удобрение в крестьянском хозяйстве. Пермь, 1910. С. 9-10.

Вятское земство с 80-х гг. Х1Х в. с созданием губернского и уездных институтов агрономов начинает целенаправленную работу по внедрению новых орудий труда, новых технологий, направлений крестьянского труда активно использовали приемы наглядной пропаганды с помощью создания опытных хозяйств, системы льготной продажи семян, освобождения от налогооблажения по отдельным видам продукции. Важную роль играл созданный склад продукции сельскохозяйственной техники, изготавливаемой в кустарных мастерских губернии и составляющих успешную конкуренцию продукции промышленного производства[1]. Так в Котельничском уезде с 1893 г. появляется уездный агроном, к 1914 г. их уже было четверо. Была проведена большая разъяснительная работа среди крестьян об изменении системы травосеяния, расширение кормовой базы за счет введения новых сортов: клевера из Пермской губернии, тимофеевки и т.п. Тогда же открыт склад сельскохозяйственных орудий и позднее появились его филиалы в отдельных селах. Практиковалась демонстрация новых орудий на ярмарках, базарах во время сезонных работ[2]. Нолинское уездное земство открыло в Богородской волости единственную в губернии льнодельную станцию в 1901 г., которая существовала вплоть до 1918 г.[3] Станция стала проводником новых форм кустарного производства: регулярные демонстрации ее деятельности, обучающие ежегодные курсы, куда приезжали стипендиаты не только Вятской губернии, но и из других мест[4].

Интересной формой взаимодействия земств с крестьянством стали смотры-конкурсы единоличных хозяйств и товариществ на лучшую постановку производства и лучшие результаты. Победители премировались поездками за границу для изучения передовых методов сельскохозяйственного труда. Так в Пермской губернии за активное участие в местных и региональных выставках такие поездки финансировались губернским земством с привлечением средств Крестьянского поземельного и Кустарно-промышленного банков по представлению уездных агрономов. С 1907 по 1914 г. земство Пермской губернии, губернская управа организовали 36 региональных сельскохозяйственных выставок, пермское крестьянство приняло участие в 12 общероссийских ярмарках и выставках, двух меж-

---

[1] См.: *Соловьев А.А.* Земства Вятской губернии и крестьянство: проблемы взаимоотношений // Земское самоуправление: организация, деятельность, опыт: Матер. науч. конф. Киров, 2002. С. 49 – 51.

[2] *Журнал* Котельничского уездного земского собрания за 1914 год. Вятка, 1915. С. 392-394.

[3] *Журнал* Вятского губернского земского собрания XXXV очередной сессии 1901 г. Вятка, 1902. Т. 1. С. 407-410.

[4] *Журнал* Нолинского уездного земского собрания XXXVIII очередной сессии 1914 г. Нолинск, 1915. С. 156.

дународных – в Германии и Англии[1]. В большинстве случаев Пермское земство создавало отдельные павильоны для размещения экспонатов, к открытию выставок издавались специальные каталоги и буклеты, где содержался большой фактический материал о деятельности земских специалистов по распространению современных методов хозяйствования. Отражался конкретный опыт работы отдельных крестьянских дворов, товариществ, кооперативов, кустарных промыслов по производству простых и сложных орудий труда, пропагандировались новые приемы глубокой переработки сельскохозяйственной продукции[2].

Усилившаяся в годы первой русской революции политическая трансформация России, нерешенность в ходе ее основных проблем ставили под сомнение возможность гармоничного развития гражданского общества в стране. Созданные в предшествующий период новые общественные структуры в земских учреждениях, не получая соответствующего политического обеспечения для действенного выполнения своих задач, объективно втягивались в политическое противостояние с существующей системой власти.

Все эти факторы в наибольшей степени затронули представителей учительской и медицинской общественности земских учреждений. Расширение масштабов их деятельности, связанное с углублением капиталистического развития города и деревни, требовало в свою очередь большого количества грамотных и здоровых работников, ставило учительские и медицинские кадры перед сложным выбором смысла их деятельности.

Так, проходивший в мае 1907 г. очередной, девятый, съезд врачей Пермской губернии осудил арест по политическим мотивам известного земского врача Красноуфимска М.И. Мизерова, которому за особые заслуги в развитии общественной медицины, организацию борьбы с заразными заболеваниями в уезде в 1906 г. Казанский университет присвоил звание доктора медицины, а уездное земское собрание вручило золотой нагрудный знак[3].

Съезд обсуждал самый актуальный вопрос для губернии – высокий уровень детской смертности, по показателям которой Пермская губерния занимала печальное первое место в стране. Во многих докладах из уездов эти процессы

---

[1] *Иллюстрированный* сборник-ежегодник… С. 212.

[2] См.: *Бобылев Д.М.* Кустарная промышленность Урала на Западно-Сибирской выставке в Омске. Пермь, 1911. С. 2-3; *Каталог* агрономического отдела в павильоне Пермского земства на Казанской областной выставке. Пермь, 1909. С. 2-5; *Каталог* коллекций по кустарной промышленности Пермской губернии на Санкт-Петербургской всероссийской кустарно-промышленной выставке 1902 г. Пермь, 1902. С. 8-10.

[3] *Труды* IX съезда врачей Пермской губернии (15-24 мая 1907 года): Ч. 1. Журналы заседаний, перечень постановлений и докл. комиссий. Пермь, 1907. С. 15-16.

связывались с общей социальной ситуацией в стране и правительственной политикой. Обращалось внимание на то, что отсутствие контроля за действиями торгово-промышленной буржуазии, особенно в неурожайные и голодные годы, приводило к резкому удорожанию продуктов питания и значительному ухудшению их качества. Особую тревогу врачей вызывало широкое распространение в деревне, в горнозаводских поселках печально знаменитого «голодного» хлеба, состоящего из смешения ржаной муки с отрубями, соломой, лебедой и даже белой глиной. Врач А.И. Смородинцев из Екатеринбургского уезда дал описание семи типов такого хлеба и связанных с его употреблением негативных последствий для здоровья[1]. Врач Соликамского уездного земства И.Н. Цветов связывал причины высокой детской смертности с низким культурным и гигиеническим уровнем основной массы крестьянства и общей политикой правительства[2].

Съезд губернских земских врачей в результате обсуждения принял откровенно политическую резолюцию, в которой утверждалось, что «только при коренном изменении экономического и правового строя народной жизни возможна успешная и плодотворная борьба с детской смертностью»[3]. Такая позиция врачебной земской общественности приводит к тому, что следующий съезд врачей Пермской губернии был разрешен только в 1910 г.

Особое положение интеллигенции, особенно сельской, постоянно балансирующей на грани нужды, ее культурно-образовательный уровень, позволяли ей глубже осознавать предназначение человека в этом мире и искать ответ на извечный вопрос «человека разумного»: что делать?

Психологический и экономический аспекты сложного времени отличались еще и тем, что затрагивали каждого, как бы, казалось, далеко от основных центров открытого противостояния он не находился. С особой выразительностью и силой поиск истины отразился в политическом сборнике ярких представителей российской интеллектуальной элиты «Вехи», получившего достаточно подробный анализ в отечественной историографии. Мы только отметим, что вопросы, поставленные в этом политико-этическом сборнике, имели универсальный характер, а ответ на них давал каждый исходя из собственных жизненных условий. Можно было сколько угодно убедительно и логически безупреч-

---

[1] *Труды* IX съезда врачей Пермской губернии (15-24 мая 1907 года). Ч. 3. Делегатские доклады. Пермь, 1908. С. 113-115.

[2] *Там* же. Ч. 2. Доклады съезду. Пермь, 1907. С. 89-99.

[3] *Там* же. Ч. 1. С. 127.

но обосновывать гибельность насильственных форм противостояния власти, однако реальная действительность повседневной жизни все сильнее разделяла совсем молодое, еще не до конца сформировавшееся гражданское общество и обветшавший, но еще очень мощный, все подавлявший абсолютизм.

Все попытки поставить под всеобъемлющий контроль выходящее из состояния младенчества гражданское развитие человека представляли собой старые, испытанные веками феодальные методы сословного диктата, которые исключали возможность диалога с общественностью, прежде всего, по вине самой власти. Новые направления общественной активности, выраставшие из местного самоуправления, искали адекватных организационных и идеологических форм дальнейшего развития. Старые подходы и многочисленные ограничения в рамках существующих земских организаций, жесткий идеологический контроль со стороны государственных структур (губернаторской власти) и господствующей православной церкви создавали объективные предпосылки для быстрой политизации общественного сознания и создания массовых организаций, ставящих перед собой политические задачи смены формы власти. Причем, отсутствие или задержка позитивных перемен в диалоге «общество-власть» способствовали переходу этих массовых организаций к радикальным формам противостояния.

Все это в полной мере проявилось в деятельности педагогической общественности земских учреждений Пермской губернии. Рубежом их нового состояния можно считать попытки Министерства народного образования в 1900 и 1902 гг. отстранить земства от участия в создании и работе начальных школ. Это вызвало поток протестов со стороны абсолютного большинства земских учреждений тех губерний России, где они существовали. Кроме того, в адрес министерства были направлены отрицательные отзывы на введение «Наказа уездным и губернским училищным советам» Пермским губернским собранием, а также земскими управами Екатеринбургского, Шадринского, Кунгурского, Верхотурского, Чердынского уездов[1]. К счастью для земских учреждений, стремительные события революционного кризиса 1905-1907 гг., последующее развитие страны отодвигают на задний план эти проекты.

Оживление учительского движения было связано с ожиданием создания всероссийской профессиональной организации, о необходимости которой шли

[1] *ГАПО*, ф. 42, оп. 1, д. 321, л. 28, 57, 61, 63.

разговоры практически на всех учительских форумах: от уезда до губернии. Причем, зачастую они находили поддержку земских управ и собраний. Такие решения в 1902 г. принимались Оханским, Осинским, Екатеринбургским, Шадринским земскими собраниями[1]. Свое положительное мнение высказали Пермская губернская, Верхотурская, Чердынская уездные управы[2]. На состоявшихся в июле 1901 г. в Перми педагогических курсах учителей народных школ губернии кроме методических вопросов преподавания отдельных предметов (русского языка, арифметики), посещения специальной выставки учебных пособий в научном музее заметное место было отведено выступлениям с мест о положении земского учителя. Ряд выступлений отражал абсолютную социальную незащищенность учителя в глубинке от произвола не только руководства различного ранга, но и сельских обществ в лице старосты, писаря и др. Обращалось внимание на значительную текучесть кадров в деревне, низкую оплату труда, задержки зарплаты со стороны земских учреждений, крайне слабую оснащенность школ элементарными учебниками, наглядными пособиями, антисанитарное состояние классных комнат и т.д.[3] Выход из создавшегося положения учителя видели в создании собственной организации, которая во взаимодействии с земскими учреждениями смогла бы решать назревшие проблемы сельской школы. В отличие от городских сельские учителя были разобщены и не могли в большинстве случаев выступать совместно.

Думается, что одним из факторов обращения учительства к вопросам создания системы социальной защиты собственного положения стало изменение социально-психологического облика земского учителя. У известного врача-общественника С.И.Мицкевича есть замечательные слова, дающие представление о моральных качествах людей 70-80-х гг. XIX в., которые посвятили свою жизнь работе в деревне, отказались от сравнительно благополучной городской жизни. «Из книги П.Л.Лаврова "Исторические письма" мы усваивали, что "каждое удобство жизни, которым я пользуюсь, каждая мысль, которую я имел досуг приобрести и выработать, куплена кровью, страданиями или трудом миллио-

---

[1] *Журнал* 33 очередного и 35 чрезвычайною Шадринских уездных земских собраний. Шадринск, 1903. С. 128; *Журналы* Екатеринбургского уездного земского собрания 33 очередной сессии 1902 г. Екатеринбург, 1903. С. 206; *Журналы* Осинского уездного земского собрания 33 очередной сессии 1902 г. с докладами Осин. уезд. управы. Оса, 1903. С. 756; *Журналы* Оханского уездного земского собрания 1902 г. и смета доходов на 1903 г. Оханск, 1903. С. 436.

[2] *Доклады* Пермской губернской земской управы земскому собранию XXXIII очередной сессии. Пермь, 1903. С. 249; *Журналы* Чердынского уездного земского собрания XXI чрезвычайной и XXXIII очередной сессии. Доклады управы и комиссий 1902 года. Чердынь, 1903. С. 692-695.

[3] *ГАПО*, ф. 42, оп. 1, д. 319, л. 78-79, 83-85.

нов… Я сниму с себя ответственность за кровавую цену своего развития, если употреблю это самое развитие на то, чтобы уменьшить зло в настоящем и будущем"… Надо уплатить наш долг народу за наше развитие, надо уплатить народу – вот к чему приходила передовая молодежь 70-80-х гг. и шла с воодушевлением в народ или с революционной проповедью, или для культурной работы в качестве врача, фельдшера, сельского учителя, земского статистика и т.п.»[1]

Таким примером может служить подвижническая деятельность учителя Ирбитского земства Валентина Ивановича Воробьева (1862-1937), выпускника Покровской начальной школы Ирбитского уезда 1876 г. Он самостоятельно подготовился и сдал экзамен на народного учителя и в течение 25 лет учительствовал в селе Белослудском. С 1890 по 1913 г. избирался гласным Ирбитского земского собрания. По его инициативе в уезде было открыто 8 начальных школ. Педагог вел географические исследования своего края (его материалы о лесном массиве в пойме р. Тавды использовал в своих работах Д.И.Менделеев). Он писал трогательные стихи, был постоянным корреспондентом педагогического журнала «Русский начальный учитель», делегатом от которого принимал участие в работе I Российского объединительного съезда по народному образованию в 1911 г.[2] В 1913 г. губернская управа приглашает Валентина Ивановича для работы в статистическом бюро по вопросам образования. В.И.Воробьев принимает активное участие в открытии в Перми в 1916 г. университета[3]. В возрасте 57 лет он поступает на юридический факультет этого университета и заканчивает его.

Еще одно имя в истории земского учительства – Прасковья Петровна Засухина (1860–1928). Окончила в 1877 г. с золотой медалью Петербургскую учительскую семинарию и возвратилась в родной Соликамский уезд. Работала земской учительницей в Чермозе. Переехала в Чердынский уезд, где продолжала педагогическую работу в Чердыни, Юме, Редикоре. А затем в течение 35 лет, с 1889 по 1924 г., бессменно преподавала в Вильвенском народном училище, сначала в качестве учительницы, а затем руководителя училища. В 1908 г. по доносу земского начальника распоряжением пермского губернатора А.В.Болотова за политическую неблагонадежность Прасковья Петровна была

---

[1] *Мицкевич С.И.* Записки врача-общественника (1888-1918). М., 1969. С. 24.

[2] *ГАСО*, ф. 434, оп. 1, д. 7, л. 86; В Ирбитскую уездную земскую управу для доклада 42 очередному земскому собранию делегата земства на Московский общеземский съезд по народному образованию Ивана Васильевича Воробьева: Докладная записка. Ирбит, 1912. С. 2.

[3] *ГАПО*, ф. р-180, оп. 1, д. 1, л. 135.

уволена с работы[1]. В записке земского начальника отмечалось, что «Засухина не посещает с учениками церкви в царские дни, благосклонно относится к ссыльным, читает запрещенную литературу, а в школе вынула из рамы портрет царской особы и вставила портрет русского писателя». Только заступничество купца Дубровина, детей которого она учила, позволило ей вернуться через четыре месяца к работе. Ее подвижнический труд оценивали коллеги и уездная земская управа, написав в поздравительном адресе в 1913 г. в честь 35-летия педагогической деятельности: «Призвание к борьбе с тьмой и любовь к школе и детям не устрашили Вас из столицы, после окончания курса, идти в глухие пермские леса, где холодно были встречены вопиющей нуждой, невежеством, убожеством тесной школы. Вы с честью несли учительское знамя… сеяли "разумное, доброе, вечное", не жалея своего здоровья»[2].

Вятская губерния была местом гражданской деятельности подвижника педагогического труда, самого верного помощника земских учреждений священника Н.Н.Блинова (1839-1917). Еще в 1867 г. с образованием земств в губернии, он направляет обстоятельную записку в земскую управу, где дает практические советы об оснащении народных училищ необходимыми книгами для развития детей[3]. Он стал настойчивым пропагандистом земского управления в деревне, издав серию популярных брошюр для крестянства под общим названием «Земская служба. Беседы гласного крестьянина Аким-Простоты», вышедших не только в Вятке, но и в Петербурге и Москве. Издавались и другие популярные и обобщающие труды, где раскрывался опыт земской работы[4].

К началу XX в. на романтические настроения части российской интеллигенции оказывают влияние прозаические проблемы обустройства и защиты собственных экономических и социальных условий жизни. Труд учителя начальной школы, особенно в деревне, оплачивался на уровне минимальных потребностей, что вызывало большую текучесть учительских кадров. Согласно исследованиям вопроса о денежном содержании земского учителя в 1910 г. для поддержания минимального уровня жизни и работы годовой доход должен был составлять 508 руб. 87 коп.[5] В большинстве случаев он ограничивался суммой от 360 до 460 руб. в год. Поэтому нередко земские учителя, особенно молодые,

---

[1] *ГАПО*, ф. 42, оп. 1, д. 266, л. 57.
[2] Цит. по: *Борисова Т.С.* Народная учительница // На Западном Урале. Пермь, 1974. С. 194.
[3] *ГАКО*, ф. 616, оп. 1, д. 326, л. 25 об.
[4] *Там* же, д. 328, л. 65; *Блинов Н.Н.* Земство за полвека 1864-1914. Сарапул, 1914.
[5] *Народный* учитель. 1913. № 8. С. 8.

пока не обремененные семьей, меняли не только место жительства, но и род занятий. Материалы с мест, которые публиковались в педагогических изданиях того времени: «Народный учитель», «Учительский вестник», «Учитель и школа» - были пронизаны безысходностью и социальным пессимизмом за собственное будущее[1]. Все это меняло психологический стереотип отношения к властным структурам и становилось побудительной причиной к созданию организации, которая могла бы стать выразителем интересов учительства. Поэтому не совсем объективным представляется категорический вывод И.В.Сучкова в содержательной статье «Социальный и духовный облик учительства России на рубеже XIX-XX веков»: «Вместе с тем, серьезные недостатки в развитии этой системы (образования. – *Н.Н.*) не означали, что учительство России видело альтернативу сложившемуся положению в революционном преобразовании общества в целом и школы в частности»[2]. Однако анализ принятых обращений, петиций, резолюций многочисленных съездов и собраний всех уровней, особенно в период революции 1905-1907 гг., показывает, что настроение основной массы учителей, особенно сельских, отличалось значительным радикализмом. Спорно и мнение автора о том, что Ленин относился к интеллигенции как к пассивному объекту воздействия революционно настроенных рабочих и крестьян[3]. Это утверждение является интерпретацией знаменитого лозунга Сталина начала 30-х гг. XX в. об интеллигенции как попутчике революции, за которым необходим постоянный контроль.

Особыми процессами характеризуется Урал. Широкое революционное движение в начале мая 1905 г. в этом регионе инициировали представители именно земского учительства. Как известно, 24-26 апреля 1905 г. в Москве прошло учредительное собрание Всероссийского учительского союза, которое объявило себя одновременно и профессиональным и политическим объединением[4]. В воззвании говорилось о необходимости революции как условии решения проблем образования в стране. 14 мая того же года в Перми должна была состояться аналогичная учредительная конференция по созданию Пермского отделения союза. Собравшиеся учителя были разогнаны полицией. Однако уже на следующий день конференция приняла достаточно жесткую резолюцию, в

---

[1] *Ососков А.В.* Указ. соч. С. 122-125.

[2] *Сучков И.В.* Социальный и духовный облик учительства России на рубеже XIX-XX веков // Отечественная история. 1995. № 1. С. 63.

[3] *Там* же.

[4] *Константинов Н.А., Струминский В.Я.* Указ. соч. С. 218.

которой одной из задач объявлялась борьба «…за политическую свободу России, созыв Учредительного собрания, коренную реорганизацию дела народного просвещения в России. Долг Союза – принять в освободительной борьбе самое деятельное участие на стороне народа и против его притеснителей»[1]. Таким образом, учительская общественность начала осваивать принципиально новую форму объединения – профессиональные союзы. Однако эти вопросы выходят за рамки нашего исследования и требуют специального изучения.

Вопросам обязательного начального образования по-прежнему уделялось главное внимание, они обсуждались в Государственной думе. Среди 520 депутатов, избранных во II Государственную думу, – 69 человек, или 13,3%, занятых или связанных с образовательной системой страны. Представителей начальной школы из них была почти половина – 30 чел.[2] Однако, в силу революционной настроенности и I, и II Государственных дум, решения, которые предполагалось вынести в качестве первоочередных, в том числе и в области образования, так и не были реализованы.

К началу 1906 г. на территории Пермской губернии, в ведении дирекции народных училищ, действовало 17 городских и 1062 одноклассных народных училищ[3]. За период с 1906 по 1911 г. было открыто 603 общеобразовательных школы начального звена, из них 567 – силами земств. Это превышало общероссийский уровень прироста начальных учебных заведений[4]. Ежегодный прирост количества школ в этот период составил от 35 до 60, 57% школ уже имели собственные здания[5]. В большинстве сельских учебных заведений учебный процесс продолжался от 140 до 176 дней, что объяснялось большой загруженностью учащихся в связи с началом сельскохозяйственных работ. Всего в этих школах к этому времени обучалось чуть более 30% детей школьного возраста.

В 1911 г., по данным переписи состояния народного образования в Российской империи, в составе учительского корпуса Пермской губернии 24,7% мужчин и 8,3% женщин имели среднее педагогическое образование, около 50% учительниц окончили гимназии и епархиальные училища, 30% –курс прогим-

---

[1] *ГАПО*, ф. 160, оп. 1, д. 11, л. 8; д. 46, л. 17-19; д. 63, л. 6; оп. 5, д. 112, л. 354.

[2] *Абрамов В.Ф.* Земство, народное образование и просвещение // Вопросы истории. 1998. № 8. С. 50.

[3] *Обзор* Пермской губернии за 1906 год. С. 59.

[4] В Пермской губернии этот показатель составлял 1,5 раза, в Вятской губернии – 1,4, по России – 1,2 раза. Сравнение произведено по данным: *Филоненко Т.В.* Развитие школьного образования в России в начале XX века // Вопросы истории. 2004. № 9. С. 139.

[5] Подсчитано по: *Обзор* Пермской губернии за 1906 год. С. 59; *Обзор* Пермской губернии за 1911 год. С. 111, 51 (приложение); *ПГВ*. 1911. № 182.

назии и около 20% – двухклассные народные училища[1]. По стране данные показатели значительно превышали уровень, достигнутый в Пермской губернии. Так, среди общего числа народных учителей Российской империи специальное среднее педагогическое образование имели 48,4% мужчин и 20,2% женщин, общее – 63,3% женщин-учителей[2].

Пермская земская общественность, осознавая эти «узкие места», принимает действенные меры по созданию условий для подготовки учительских кадров. 20 сентября 1909 г. в Перми была открыта женская учительская семинария, начальницей которой становится бывшая земская учительница Пермского уездного земства К.А.Степанова[3]. Позднее были созданы учительские семинарии в Ирбите, Шадринске. Открываются педагогические классы в гимназиях Перми, Чердыни, Красноуфимска, Камышлова, Нижнего Тагила. 5 октября 1912 г. в Екатеринбурге начал работу учительский институт, который готовил учителей для народных школ всей губернии. Это позволило охватить начальным образованием большую часть населения губернии. К 1914 г. из 333 тыс. детей школьного возраста в начальной школе обучалось уже 59%. Количество учебных заведений Пермской дирекции народных училищ к январю 1915 г. достигло 2387, из которых 185 - национальные школы[4].

Учительская общественность и руководство народных училищ Пермской губернии вместе с московским земством приняли самое активное участие в подготовке новых нормативных документов по общеобразовательным программам Министерства просвещения. Они готовились в связи с началом обсуждения в Государственной думе III созыва вопроса о введении всеобщего начального образования в стране. Уральское учительство получает это приглашение от государственных структур во время посещения Пермской губернии товарищем министра просвещения Л.А.Георгиевским в начале февраля 1911 г.[5] В том же году на съезде инспекторов народных училищ губернии была представлена и одобрена, с учетом опыта работы народных учителей, переработанная программа обучения, созданная еще в 1897 г. На первый план были вынесены предметы, усиливающие общеобразовательный компонент образования. Значительно, до 7-8%, сокращались часы на изучение Закона Божьего, при этом цер-

---

[1] *Обзор* Пермской губернии за 1911 год. С. 114-115.
[2] *Сучков И.В.* Указ. соч. С. 64.
[3] *ПГВ*. 1909. № 203.
[4] Вместе со школами духовного ведомства их было 3166. См.: *Обзор* Пермской губернии за 1915 год. С. 117; 48-49 (приложения).
[5] *ГАПО*, ф. 42, оп. 1, д. 549, л. 27-28.

ковнославянское чтение было отнесено к русскому языку, т.е. фактически превращалось в светский предмет. Был составлен подробный перечнь сведений, которые учитель мог сообщать учащимся на уроках природоведения, географии, рисования и рукоделия[1]. Некоторые предложения пермской общественности были позднее внесены в программы министерства 1913 г. Пермский проект в области народного образования нес идею создания единой системы образования в стране, его преемственности и доступности населению, особенно сельскому.

Как известно, принятый III Государственной думой законопроект о народном образовании, содержащий, хотя и в урезанном виде, прогрессивные направления по сравнению с предшествующим положением 1874 г., так и не был введен, так как Государственный совет отклонил проект[2]. Вся большая подготовительная работа учительской общественности, направленная на создание современной системы образования в России, оказалась невостребованной властными структурами. Один из идеологов нового направления в развитии образования страны Е.А.Звягинцев писал: «Патриотизм, военная гимнастика, пчеловодство, садоводство, народная бережливость, статистика, православие, борьба с пьянством и пожарами, - чего-чего только не навязывали и не навязывают несчастной народной школе, забывая ее основную общеобразовательную цель»[3]. Начавшаяся в августе 1914 г. Первая мировая война затормозила процесс преобразований в системе начальной школы, но не сняла проблемы, а только видоизменила ее.

Аналогичные процессы были характерны также и для Вятской губернии. Здесь была продолжена традиция земских учреждений первых созывов, когда народное образование стало приоритетным в их деятельности. Итоги созидательной работы вятских земств и общественности были достаточно впечатляющими: 563 школы в 1884 г., в которых обучалось 43 тысячи учащихся, и 2686 земских школ с более 215 тысяч учеников к 1916 г.[4]

Земская медицина в Пермской губернии накануне войны находилась в зените своего развития. Прежде всего необходимо отметить, что последовательная позиция медицинской общественности в предшествующие годы позволила

---

[1] *Программы* для начальных народных училищ Пермской губернии. Пермь, 1911. С. 6-8, 129-135.
[2] *РГИА,* ф. 733, оп. 186, д. 2197, Ч. 2, л. 925-936; *Филоненко Т.В.* Указ. соч. С. 140.
[3] *Звягинцев Е.* Из хроники народного образования // Вестник воспитания. 1915. № 5. С. 66.
[4] *Обзор* Вятской губернии за 1884 г. Вятка, 1885. С. 85; *Обзор* Вятской губернии за 1915 г. Вятка, 1916. С. 156.

создать губернии достаточно четкую систему санитарных организаций. Тем самым удалось сохранить одну из главных особенностей уральской и отечественной медицины – ее профилактическую направленность. Созданное еще в 1890 г. в Пермской губернской управе санитарное бюро к этому времени обретает опору в лице уездных санитарных врачей, получивших официальный статус в 1908 г.[1] Тогда же начинает выходить периодическая «Врачебно-санитарная хроника» Пермского губернского земства, выпуск которой иногда запрещался губернатором на территории губернии, особенно в период эпидемий. По его мнению, такие публикации могли вызвать нежелательные настроения среди образованной части населения.

С приходом в санитарное бюро в начале 1913 г. И.К.Курдова, опытного земского врача, прекрасного организатора, деятельность врачей становится более эффективной. С помощью губернской управы ему частично удается активизировать работу санитарных врачей. Им вменялось выполнение определенных полицейских функций в осуществлении санитарно-эпидемических мероприятий, обязательных для всех жителей населенных пунктов. В 1915 г. в санитарном бюро появляется второй врач – бывший санитарный врач Шадринского уездного земства Р.А. Егоровская, что положительно отразилось на деятельности этого координирующего органа управления земской санитарии.

На уездных санитарных врачей возлагались функции консультантов управ по всем санитарным и противоэпидемическим вопросам, они являлись также секретарями врачебно-санитарных советов, вели всю врачебную и санитарную статистику, составляли медицинские обзоры по уездам. В это время появляются первые санитарные лаборатории, хотя применяли эти методики санитарные врачи крайне редко. В Шадринском, Екатеринбургском, Пермском и Оханском уездах санитарные врачи входили в состав училищных советов и школьных комиссий[2]. По их инициативе был положительно решен вопрос о финансировании земствами горячих завтраков в школе, что особенно благотворно сказалось во время голодного 1912 г. Врачи стали инициаторами еще одной формы профилактической работы. Борясь с детской смертностью и ведя профилактическую работу, именно санитарные врачи, используя свое влияние в земских управах, школьных советах, принимают активное участие в организа-

[1] *Журналы* Пермского губернского земского собрания XXXIX очередной сессии и доклады сему собранию. Пермь, 1909. С. 405-406; *Постановление* первого совещания санитарно-эпидемических врачей Пермского губернского земства 13-20 июля 1909 года. Пермь, 1909. С. 13-15.

[2] *Постановление* первого совещания… С. 18-21.

ции детских сезонных яслей. И если до начала войны этот процесс протекал достаточно вяло: в 1912 г. в губернии было открыто 18 яслей, в 1913 – 17, то уже в 1915 г. – 134, а в 1916 г. – до 176[1]. Война приняла затяжной характер, деревня лишалась мужской рабочей силы. Широко вовлекались женщины: врачебные советы, санитарные врачи подключали их к разъяснительной работе о значении ясельного воспитания детей фельдшеров, учителей, сельского духовенства.

Важным направлением деятельности земских врачей и медицинского персонала являлась просветительская работа среди населения, что было исключительно важно, особенно во время эпидемий. В Оханском уезде в 1914 г. лекционную работу среди населения вела специально приглашенный врач-лектор А.Н.Соколова[2]. Можно отметить достаточную степень организованности этой работы в Осинском, Шадринском, Екатеринбургском и Пермском уездах. Здесь использовались все возможные каналы для распространения санитарных знаний, и прежде всего через многочисленные профессионально-образовательные курсы, что широко практиковалось **земскими органами самоуправления**: сельскохозяйственные, домоводства, пчеловодства, маслоделия, оспопрививателей, учительские и пр. В 1911 г. было прочитано 99 лекций и проведены беседы в 44 населенных пунктах губернии, в 1913 г. – прочитано 130 лекций[3]. В крупных селах они иногда сопровождались показом диапозитивов (Пермский, Екатеринбургский, Шадринский уезды). Так, по инициативе санитарного врача Шадринского уезда Р.А.Егоровской была организована передвижная санитарно-гигиеническая выставка. Врач читала лекции по медицине и гигиене с демонстрацией световых картин и экспонатов выставки. Здесь же продавалась популярная просветительская литература, которая поступала из Пироговского общества[4]. Однако увеличение масштабов просветительской работы сдерживалось жестким контролем со стороны врачебных инспекторов, которые представляли государственные органы власти и выдавали специальные разрешения на чтение лекций, проведение бесед по тематике, утвержденной Министерством внутренних дел.

Еще одним важным каналом расширения влияния врачебной общественности в Пермской губернии являлась работа санитарных попечительств, форми-

---

[1] Подсчитано по: *Труды* XI съезда врачей и представителей земств Пермской губернии. Пермь, 1914. Ч. 2. – С. 20 (приложения); *Санитарный* обзор Пермской губернии за 1915 год. Пермь, 1917. С. 278-280*; Журналы* Пермского губернского земского собрания 46 сессии и доклады комиссий. Пермь, 1916. С. 199-201.

[2] *Труды* XI съезда врачей… С. 395.

[3] *Там* же. С. 480; *Врачебно-санитарная* хроника Пермской губернии. Пермь, 1914. С. 206.

[4] *Труды* XI съезда врачей… С. 395.

руемых, как правило, из представителей имущих классов, сельской интеллигенции и образованной части крестьянства. Возглавлял эти попечительства обычно санитарный или земский врач. Как отмечалось в уставных документах, они должны служить «…школой общественной самодеятельности в области санитарии и проводниками правильных гигиенических знаний среди сельского населения»[1]. Финансирование осуществлялось за счет небольших средств земских управ и добровольных пожертвований как частных лиц, так и сельских обществ. Создание и регулярная действенная работа зависели прежде всего от активности врача, его настойчивости и организаторских способностей. При колоссальной загруженности врачей (один врач в среднем принимал ежедневно 52 амбулаторных больных, работал и в стационаре) этой деятельностью могли заниматься не все. В Пермской губернии к 1911 г. было создано только 16 санитарных попечительств, из которых 4 – в заводских поселках и возглавлялись заводскими врачами. К 1914 г. появилось всего 7 новых попечительств, из которых 4 – в Пермском уезде[2]. На XI съезде врачей и представителей земств Пермской губернии, который проходил в мае-июне 1914 г., отмечалась работа таких попечительств в селах Култаево и Верхние Муллы Пермского уезда. Руководил ими уездный санитарный врач Г.А.Удинцев. Здесь в летние месяцы открывались чайные для пришлых рабочих, сооружались благоустроенные колодцы, организовывались горячие завтраки в школах, устраивались витрины по санитарному просвещению и др.[3] Однако эти мероприятия носили разовый характер и в целом не стали системной формой деятельности врачебной земской общественности, как это было в центральных губерниях России. Такое положение дел объяснялось объективными причинами (большие территории врачебных участков, слабая заселенность мест, загруженность врачей и т.п.).

К 1914 г. почти в два раза увеличилось число врачей, входивших в систему земской медицины, по сравнению с 1890 г.: с 73 до 135[4]. Особенностью системы медицинской помощи на Урале была совместная работа земских и заводских врачей. Там, где на промышленных предприятиях отсутствовали собственные лечебные учреждения, заключались договоры с земскими учреждениями на обслуживание. И наоборот, где имелись заводские больницы и госпитали, там земства использовали этот ресурс. Такая совместная работа финансирова-

---

[1] *Пономарев А.* Протоколы общества врачей Пермской губернии 1881-1882 г. Пермь, 1882. С. 78.
[2] *Врачебно-санитарная* хроника Пермской губернии за 1914 год. С. 207-208.
[3] *Труды* XI съезда врачей… С. 345.
[4] *Обзор* Пермской губернии за 1890 год. С. 15; *Обзор* Пермской губернии за 1914 год. С. 106.

лась из объединенных средств земств и предприятий[1]. Заводские врачи участвовали в качестве равноправных партнеров в работе врачебных съездов, проводившихся губернской управой, создавая на них собственную секцию. Поэтому статистика губернского земства учитывала число заводских врачей в общей численности медицинского персонала. К 1914 г. в Пермской губернии насчитывалось 187 врачей[2].

Наиболее ярким примером может служить деятельность нижнетагильского госпиталя, который был создан на самом высокоэффективном предприятии окружного горного управления наследников знаменитой династии Демидовых. История заводского госпиталя XIX-начала XX в. была тесно связана с историей земской медицины Верхотурского уезда и деятельностью двух замечательных врачей, известных не только на Урале, но и в России: доктора медицины П.В. Рудановского и П.В. Кузнецкого. Именно Рудановский, будучи избранным гласным Верхотурского уездного земского собрания, выступил перед губернской управой с инициативой создания таких объединенных врачебных участков[3]. Затем в течение 25 лет он бессменно возглавлял уездный врачебный совет, пригласил в Нижний Тагил молодого блестящего хирурга П.В. Кузнецкого, продолжившего после смерти Рудановского (с 1888 г.) его дело, умножая известность, авторитет заводского госпиталя и земской медицины Урала[4].

Рост численности врачей делал более доступной медицинскую помощь для жителей деревень. Появилась возможность увеличить количество врачебных участков, которых к 1914 г. насчитывалось 152, и в то же время снизить нагрузку на одного врача. Количество земских больниц в Пермской губернии достигло 138. И все-таки главной проблемой в это время по-прежнему оставалась высокая интенсификация врачебного труда по сравнению с другими российскими губерниями. Так, площадь врачебного участка составляла 1919 квадратных верст с населением 25 406 чел.[5] Для сравнения отметим, что в Московской губернии эти цифры были почти в четыре раза ниже. А размер оплаты труда врача в земских учреждениях губернии не превышал московский. Поэтому для уральской глубинки актуальным оставался вопрос подготовки кадров

---

[1] См.*: ГАПО*, ф. 44, оп. 1, д. 618.

[2] *Обзор* Пермской губернии за 1914 год. С. 106.

[3] *Журналы* 4-го Верхотурского уездного земского собрания 1873 г. Нижне-Тагильск, 1873. С. 45-47, 74.

[4] См.: П.В.Рудановский // *Селезнева В.Т.* Очерки по истории медицины в Пермской губернии. Пермь, 1997. С. 103-104.

[5] *Обзор* Пермской губернии за 1914 год. С. 106-107; *Врачебно-санитарная* хроника Пермской губернии за 1914 год. С. 195-199.

среднего медицинского звена – фельдшеров, что являлось компетенцией земских органов самоуправления. Основным источником притока медицинских кадров высшего звена традиционно оставались выпускники Петербургской медико-хирургической академии, медицинских факультетов Московского и Казанского университетов. Собственного высшего учебного заведения на всем Урале не было до 1916 г., когда был открыт Пермский университет.

Фельдшеры имели разную степень теоретической и практической подготовки. Основной формой подготовки этой категории специалистов являлось индивидуальное обучение на базе госпиталей и больниц, затем получение свидетельства во врачебной управе с правом работы под контролем участкового врача. Еще в начале 70-х гг. XIX в. правительство разрешило земским учреждениям открывать специальные фельдшерские школы с четырехгодичным сроком обучения. К 1872 г. в России на средства местных органов самоуправления было открыто 32 школы. В Пермской губернии, несмотря на неоднократные попытки и принимаемые решения губернских съездов земских врачей, такая школа до начала XX века так и не открылась[1].

За этот период можно отметить несколько попыток губернских врачей в частном порядке создать подобные учебные заведения. Так, в 1871 г. по инициативе П.В. Рудановского на базе Нижнетагильского заводского госпиталя была открыта трехгодичная фельдшерская школа, частично финансируемая Верхотурским уездным земством. Эта школа обеспечивала хорошую теоретическую подготовку слушателей, под руководством врачей они осваивали в госпитале практические навыки. Здесь вел преподавательскую работу специально приглашенный Рудановским врач-хирург П.В. Кузнецкий. Школа просуществовала до 1888 г.[2]

Вторая, более удачная, попытка осуществилась в 1879 г. в Екатеринбурге, при местном родильном доме. По инициативе врача-акушера В.М. Онуфриева была создана школа повивального искусства для подготовки земских акушерок. По отзывам специалистов, уровень теоретической и практической подготовки выпускниц школы не уступал уровню столичных учебных заведений. Школа имела губернское значение и к началу XX в. получила статус повивального ин-

---

[1] *Очерк* состояния санитарного и медицинского дела в Пермской губернии (Земская медицина). Пермь, 1899. С. 227-228.

[2] *Подлужная М.Я.* Из истории подготовки средних медицинских работников в Пермской губернии в дореволюционное время // Тр. научной историко-медицинской конференции Урало-Сибирских областей 1962 г. Пермь, 1963. Вып. 2. С. 188.

ститута. Ежегодный прием составлял 28 - 67 чел. Обучение было платным, в основном за счет стипендий уездных земств[1]. В 1910 г., на базе Подгороднего земского врачебного участка Екатеринбургского уезда, открывается еще одна фельдшерская школа, которой руководили видный земский врач Н.А. Русских и фельдшер Р.Н. Кленова. Рассчитанная на три года обучения, школа осуществила первый выпуск из 9 чел. В 1916 г. туда поступило уже 28 слушателей[2].

В губернской земской больнице, которая располагалась в Перми, в 1988 г. открывались также курсы по подготовке среднего медицинского персонала для этой больницы и здесь же одновременно обучали фельдшерскому делу. Программа была рассчитана на типовое четырехлетнее обучение. За время нестабильной работы курсов для работы в уездах было подготовлено 6 выпусков – фельдшеров. Эти курсы для подготовки сестер милосердия, где проводилось ускоренное обучение, возобновлялись во время эпидемий, а также во время военных действий[3].

Рост социально-экономических показателей на Урале, связанный с благоприятной конъюнктурой начала второго десятилетия XX в., расширение базы капиталистического развития региона рождают спрос на специалистов-медиков. Поэтому в 1910 г. губернское земское собрание утверждает положение о создании фельдшерской школы на базе губернской земской больницы. Обучение в ней началось с 1911 г. и осуществлялось по положению 1871 г. в течение четырех лет. В школу принимались жители Пермской губернии, как в частном порядке, так и на стипендии уездных земств. Хотя предпочтение отдавалось мужчинам, в 1914 г. из 115 учащихся трех первых курсов было 92 женщины. Стипендиатами уездных земств состояло более 60% будущих фельдшеров, обязанных в течение трех лет после окончания школы работать в своих уездах. Преподавали в школе ведущие врачи губернской больницы и опытные педагоги общеобразовательных дисциплин городской гимназии и реального училища. Они получали за свой педагогический труд от губернской земской управы от 60 до 75 руб. в неделю. Школа была оборудована хорошим инструментарием, имела библиотеку учебной и медицинской литературы[4]. В дальнейшем она стала базой, неотъемлемой частью областной клинической больницы.

---

[1] *ГАСО*, ф. 62, оп. 1, д. 526, л. 27-28.

[2] *ГАПО*, ф. 143, оп. 1, д. 23, л. 298.

[3] *Очерк* состояния санитарного и медицинского дела… С. 100.

[4] *ГАПО*, ф. 143, оп. 1, д. 281, 6; *Труды* XI съезда врачей… С. 425-431; *Краткий* исторический очерк Пермской губернской земской Александровской больницы / Старшего врача А.Н.Попова. Пермь, 1914. С. 30.

В целом к 1914 г. в Пермской губернии средний медицинский персонал был представлен 124 акушерками, 387 фельдшерами и 78 сестрами милосердия – всего 589 чел.[1] Большинство из них вели работу на самостоятельных фельдшерских пунктах. Средний медперсонал органично был связан с повседневной жизнью уральской деревни, выполняя, так же как и врачи, важную просветительскую функцию.

Однако их материальное положение находилось на значительно более низком уровне, чем у врачей, и приближалось к положению сельского земского учителя. Так, по типовому положению, принятому пермским земством в 1907 г., первоначальный оклад акушерки составлял 300 руб. в год, при возможности повысить его за выслугу через 10 лет – до 480 руб. Фельдшер при поступлении вновь получал оклад 380 руб. в год, с перспективой предельной суммы до 600 руб. Фельдшер, окончивший военно-фельдшерскую школу и имевший звание ротного фельдшера (их готовили в Оренбургской губернии), стоял по рангу ниже гражданского фельдшера и получал первоначальный годовой оклад в размере 300 руб. Предельный рост допускался до 480 руб. в год[2]. Эта категория медицинских работников была обычно представлена вышедшими в отставку военными чинами уже в достаточно зрелом возрасте. В большинстве случаев подготовка этой категории работников была наиболее слабой и вызывала постоянную критику со стороны общественности на врачебных съездах всех уровней.

Материальное положение врачебного персонала земских учреждений было значительно лучше. Начинающий врач получал обычно базовую зарплату в размере 1800-2000 руб. в год, с возможностью увеличить свой оклад до 2800 руб. Обычно земства оплачивали содержание квартиры врача (или выдавали денежную компенсацию), командировки, отправку и получение корреспонденции. С начала XX в. вводились оплачиваемые отпуска до четырех месяцев. Через каждые 3-4 года работы врач мог получить оплачиваемую командировку для повышения квалификации как в России, так и за рубежом. Дополнительный доход давала частная практика и консультационная работа в различных учреждениях и ведомствах (правда, это относилось только к городским врачам). С

[1] *Обзор* Пермской губернии за 1914 год. С. 106.

[2] *Журналы* Пермского губернского земского собрания XXXVIII очередной и XI чрезвычайной сессии и доклады комиссий очередному собранию. Пермь, 1908. С. 315-317.

1907 г. происходит становление системы страхования жизни на случай профессионального риска, особенно во время эпидемий[1].

Таким образом, в предвоенный период социальный статус врача, его материальный достаток, уклад жизни относили его к обеспеченной части общества. Наверное, поэтому абсолютное большинство врачей к началу Первой мировой войны придерживались в своей политической ориентации взглядов партии кадетов, причем его умеренного крыла.

С 1 августа 1914 г. Россия вступает в период своей истории, заканчивающийся крупнейшими социально-экономическими и политическими потрясениями. Они имели глобальный характер и оказали влияние на всю последующую историю развития мировой цивилизации – период Первой мировой войны. По меркам истории, начинается отсчет короткого периода существования земских органов местного самоуправления, вместившего в себя все стадии быстрого гражданского взросления. Это касается не только относительно немногочисленного образованного авангарда общества, но и всего населения страны. Земства пережили этап открытой оппозиционности к самодержавной власти, чрезвычайно краткий период превращения в ведущую структуру нового государства, закончившийся в марте 1918 г. их ликвидацией.

Общественная активность населения на Урале, как и по всей стране, определялась ситуацией военного времени, и прежде всего его экономическими факторами. Экономика Урала, ее главного промышленного центра – Пермской губернии, переживала сложный и противоречивый этап своего развития. Связано это было в первую очередь с незавершенностью технического перевооружения промышленных предприятий как государственных, так частных и акционерных, что и не позволило в полной мере наладить своевременный выпуск военной продукции. К тому же царское правительство, считавшее начавшуюся войну непродолжительной, начало широко привлекать в военную промышленность частный капитал только с лета 1915 г. Причем инициаторами выступили сами предприниматели, так как выявилась несостоятельность государственного сектора в решении этой задачи. Несомненно, что основным двигательным мотивом служила реальная возможность получения колоссальной сверхприбыли от войны[2].

---

[1] *Журналы* Пермского губернского земского собрания XXXVIII очередной и XI чрезвычайной сессии и доклады комиссий очередному собранию. Пермь, 1908. С. 314-319.

[2] См.: *История* Урала периода капитализма. С. 353-354.

Еще летом 1915 г. уральские промышленники направляют через лоббирующие структуры в Государственной думе высшей аристократии, близкой к окружению императора и правительства, ряд предложений. С целью обсуждения этих предложений на Урал прибывает правительственная комиссия во главе с начальником Главного артиллерийского управления, генералом от артиллерии А.А. Маниковским. В результате переговоров 7 ноября 1915 г. было созвано Уральское заводское совещание с участием правительства. Предприниматели добиваются от казны значительных государственных заказов, льгот и ослабления контроля над качеством поставляемой продукции. А.А.Маниковский вспоминает, что трудное положение в действующей армии, связанное с катастрофической нехваткой вооружения и боеприпасов, неспособность казенных заводов справиться с этими задачами заставили правительство полностью капитулировать перед условиями объединенных сил частного капитала. Общая стоимость заказов составила около 200 млн руб. В результате этих маневров большинству частных и акционерных предприятий, на которых завершились процессы монополизации и сращивания с банковским капиталом, удалось значительно повысить абсолютную прибыль – до 65% на основной капитал. К числу таких относились предприятия Богословского, Лысьвинского, Алапаевского, Кыштымского обществ[1].

В этих событиях активное участие приняли Совет съездов уральских горнопромышленников и организация защиты корпоративных интересов наиболее консервативных кругов промышленников уральского региона. Они имели большое влияние на деятельность общероссийских сверхмонополий «Кровля» и «Медь». Однако в этих кругах к этому времени произошли знаменательные перемены. Объективные процессы концентрации капитала, его акционирования, характерные для периода империализма, приводят к тому, что из 22 частных горнозаводских округов 18 было акционировано при непосредственном участии крупного банковского капитала страны. Это Азовско-Донской банк, ставший играть наиболее важную роль в промышленности Урала, Петербургский международный банк, Русско-Азиатский банк, Сибирский коммерческий банк и др. В результате – почти полная смена состава владельцев предприятий и утверждение еще более жесткой системы контроля над финансовыми потоками в

[1] См.: *Адамов В.В.* Из истории местных военно-экономических организаций царизма и буржуазии в годы первой мировой войны (Уральское заводское совещание) // Учен. зап. УрГУ. Свердловск, 1957. Вып. 16. С. 37-38, 54.

направлении столиц[1]. Такой механизм вывода сверхприбыли, при которой усиливалась капиталистическая «рационализация» структуры распределения прибыли в пользу столичных банков, значительно ухудшил социальные показатели качества жизни местного населения, и прежде всего рабочего класса Урала, что, в свою очередь, создавало очаг социальной напряженности в регионе и становилось одной из причин активного участия уральских рабочих в революционном движении будущего 1917 г.

Еще одним важным каналом «проникновения» крупного капитала в экономическую политику правительства по формированию элементов государственного капитализма, в частности регулирования милитаризированной экономики, явилось создание в центре и на местах военно-промышленных комитетов (ВПК). Инициаторами создания этих новых организаций, ставивших задачу помощи правительству в снабжении армии и промышленности топливом, металлом, рабочей силой, стали представители крупной буржуазии московского промышленного района. В июле 1915 г. состоявшийся I съезд ВПК заявил о необходимости организации таких комитетов по всей стране. Таким образом, речь шла о глобальном процессе объединения русской буржуазии с государственными структурами власти и ее стремлении занять лидирующее положение в этом союзе.

В Пермской губернии отделение ВПК создается в начале июля 1915 г. по инициативе Биржевого комитета и отделения Российского технического общества. Главой областного комитета был избран инженер-строитель, редактор журнала «Записки Пермского отделения Императорского Российского технического общества» А.Е. Ширяев[2]. Деятельность Пермского ВПК будет рассмотрена в следующей главе. Отметим только, что в связи с новыми возможностями в реанимации кустарной промышленности и сельской кооперации губернии работа этой организации получила большую поддержку со стороны земских учреждений. А эти два концептуальных направления были традиционной вотчиной деятельности местных органов самоуправления.

Война чрезвычайно усложняла всю систему власти и управления, как в центре, так и на местах. Создаются новые структуры и организации, призван-

---

[1] Использованы материалы исследований по данной теме: *Буранов Ю.А.* Акционирование горнозаводской промышленности Урала (1861-1917). М., 1982. С. 198-220; *Сапоговская Л.В.* Досоветская историография о монополиях в Уральской горнозаводской промышленности // Положение и борьба рабочего класса Урала в период капитализма. Свердловск, 1989. С. 26-30; *История* Урала периода капитализма. С. 357-358.

[2] *Записки* Пермского отделения Императорского Российского технического общества. 1915. № 3-4. С. 6.

ные решать или помогать решать вопросы, связанные с перестройкой всех сторон жизни общества на военные рельсы. В этой связи у земских организаций открываются новые возможности оказывать уже не опосредованное, а прямое воздействие на социально-экономическое развитие своих регионов. Тем самым торгово-промышленная буржуазия (уже около половины состава земских учреждений) получала эффективные рычаги для реального руководства не только промышленным развитием, что в условиях военного времени могло принести и политические дивиденды, и реальную материальную выгоду.

Объявление 18 июля 1914 г. военной мобилизации, введение в действие общегосударственного плана милитаризации жизни страны на некоторое время создало обстановку всеобщего шовинистического угара, в котором родилась одна из действенных и влиятельных общественных организаций – Всероссийский земский союз помощи больным и раненым воинам. 30 июля 1914 г. в Москве состоялся учредительный съезд уполномоченных от губернских земств России, который принимает решение о создании этой общегосударственной организации[1].

В Пермской губернии комитет отделения Союза создается как коллегиальный орган в составе председателя – руководителя губернской управы и 8 непременных членов, в числе которых, впервые в истории таких организаций, отсутствовали представители губернаторской власти. Распорядительным органом становилось губернское земское собрание, где рассматривались вопросы финансирования основных направлений Союза. Эти направления оформились в следующие отделы: лечебно-санитарный, помощи раненым и инвалидам, военно-инженерный, финансовый и помощи беженцам[2]. Аналогичные комитеты были организованы в Верхотурском, Екатеринбургском, Камышловском, Кунгурском, Оханском, Пермском и Соликамском уездах губернии. Они имели прямую вертикаль управления и отчитывались перед губернским комитетом, который, в свою очередь, – перед Центральным комитетом ВЗС. Однако главным координирующим органом стало губернское санитарное бюро, где выдающуюся организаторскую роль играл И.К. Курдов (1867-1937)[3].

Особенно эффективным направлением была работа Союза по созданию системы помощи раненным воинам. Опыт такой работы у Пермского земства

---

[1] *Краткий* очерк деятельности Всероссийского Земского союза. М., 1916. С. 2-6.
[2] *ГАПО*, ф. 515, оп. 1, д. 9, л. 51.
[3] *Там* же, д. 8, л. 1-2.

уже был. Так, в период русско-турецкой войны 1877-78 гг. пермское земство создает Общество попечения о раненых и больных воинах, итогом деятельности которого стало оснащение специального санитарного отряда на 100 коек. Медицинский персонал составляли земские врачи губернской больницы, больниц Осинского, Екатеринбургского уездов. 22 июня 1877 г. отряды были направлены в зону боевых действий и развернуты на станции Новоукраинка Елизаветградской железной дороги. Их деятельность получила высокую оценку главного хирурга русской армии Н.И. Пирогова, который направил в адрес губернской управы специальную телеграмму, в которой подчеркнул высокую профессиональную подготовку медицинского персонала и образцовую постановку лечебного и санитарного дела[1]. Второй военный госпиталь был развернут Нижнетагильским отделением Общества Красного Креста, где ведущую роль играл известный врач-хирург Верхотурского уездного земства П.В.Кузнецкий[2].

В период русско-японской войны, в июле 1904 г. также на средства губернского земства и Общества Красного Креста был создан и оснащен всем необходимым на 200 коек военный лазарет, который возглавлял врач Александровской губернской земской больницы В.А. Хомяков. Лазарет находился в районе самых ожесточенных и кровопролитных боев под Мукденом, где врачи-земцы вновь показали высокий профессиональный уровень подготовки и самоотверженности. Врачи А.Н. Варфоломеев, Н.Е. Костромин и В.А. Хомяков были награждены орденами Св. Владимира IV степени[3].

Однако I мировая война несла с собой принципиально новые военные технологии, не сопоставимые по своим тактико-техническим характеристикам даже с недавней русско-японской войной: автоматическое оружие, боевые отравляющие газы, авиация, подводные лодки и др. Потери русской армии ежемесячно стали исчисляться сотнями тысяч. Рухнули планы военного ведомства собственными силами обеспечить армию необходимой медицинской помощью. Даже с помощью Общества Красного Креста удалось задействовать только 33% необходимых госпитальных коек. Большинство фронтовых госпиталей, предназначавшихся для лечения раненых в полосе боевых действий, не могли справиться с таким количеством нуждающихся в помощи и превращались в эвакуа-

---

[1] *Дмитриев А.А.* Указ. соч. С. 305-306.

[2] *Четвертый* Пермский губернский съезд врачей в г. Екатеринбурге в августе 1887 года. Пермь, 1887. С. 296-304.

[3] *Верхоланцев В.С.* Указ. соч. С. 126; ПГВ. 1904. № 246; 1905. № 78.

ционные пункты для отправки раненых в глубинные районы страны[1]. А тыловые госпитали оказались к такому повороту событий неподготовленными. Начальник эвакуационного управления Главного управления Генерального штаба военного ведомства страны 10 августа 1914 г. докладывал: «Учреждения внутренней эвакуационной организации совершенно не готовы к приему и размещению раненых и больных; распределительные и окружные пункты не устроены; предназначенные для их организации госпитали не отправлены; личный состав для госпиталей, медицинского и хозяйственного разряда не предназначен и не командирован по местам; больничных мест для постоянного лечения больных и раненых в распоряжении Военного ведомства не имеется и для открытия их мобилизационным планом не предусмотрено ни необходимых для этого госпиталей, ни личного состава. Очевидно, что при таком условии органы внутренней организации не имеют возможности ни принимать раненых, ни размещать их для лечения»[2]. Такое тревожное положение требовало новых решений и источников помощи.

В этих условиях создание Всероссийского земского союза и несколько позже, в августе 1914 г., Всероссийского союза городов, объединившего органы городского самоуправления, стало для русской армии действенной помощью и реальной поддержкой. Масштабы их деятельности вызывают глубочайшее уважение: к 1 сентября 1914 г. Земский союз оборудовал 59 688 коек, к 1 октября – 118 954, к 1 ноября – 148 818 коек; Союз городов – 18 711; 24 019 и 35 131 койку соответственно. К 1 июля 1915 г. силами общественности страны обеспечивалось почти 40% госпитальных коек в тыловых медицинских учреждениях[3]. В 1916 г. в Пермской губернии было открыто 77 госпиталей на 6403 койки. Подавляющая часть госпиталей была открыта в уездных городах и крупных заводских поселках. Этот итог становится более значимым, если учесть, что 50% врачебного персонала губернии было мобилизовано еще в первый год войны.

Весной 1915 г. военное командование вновь обращается к союзам за помощью в борьбе с эпидемиями, обустройстве миллионов беженцев, а затем и в организации поставок предметов снабжения и снаряжения для армии. Для Пермской губернии решение этих вопросов также приобретало важное значе-

---

[1] *Краткий* очерк деятельности Всероссийского Земского союза. С. 9.

[2] Цит. по: *Асташов А.Б.* Союзы земств и городов и помощь раненным в первую мировую войну // Отечественная история. 1992. № 6. С. 170.

[3] *Краткий* очерк деятельности Всероссийского Земского союза. С. 10-11.

ние, потому что к 1 января 1916 г. здесь насчитывалось 25 тысяч беженцев[1]. К 1917 г. на предприятиях работало более 63 тысяч военнопленных[2]. И без того сложная эпидемическая ситуация (в уездах осталось только три санитарных врача, остальные были мобилизованы на фронт) усугублялась значительным снижением жизненного уровня населения. Подавляющая часть владельцев и управляющих предприятий под шумок военного времени взяли курс на экономию фонда заработной платы, сворачивания некоторых социальных программ на производстве. Все попытки рабочих сохранить хотя бы элементарные условия своего существования жестко пресекались не только буржуазией, но и государственными структурами. Организаторов стачек и забастовок увольняли в массовом порядке с предприятий, и они подлежали немедленному призыву в действующую армию[3]. Значительно сократились финансовые возможности земских учреждений из-за снижения поступления земских налогов из деревни. К концу 1917 г. дефицит земского губернского бюджета достиг 12 млн руб.[4] Непрерывно росли показатели смертности среди населения. Если в 1913 г. на 1000 населения Пермской губернии приходилось 36 умерших, то в 1915 г. – 41,5, к 1917 г. – 62. Естественный прирост населения сократился к 1917 г. по сравнению с довоенным периодом почти в 3,7 раза[5]. Показатели демографической ситуации в Вятской губернии были не менее удручающими. Здесь особенно велик был процент детской смертности – 65,6% детей до 5 лет из общего числа умерших[6].

В августе 1915 г. представители союзов были введены в состав Особых совещаний по обороне, продовольствию, транспорту, топливу и др., что говорило об известной степени доверия самодержавия к ним. Однако эта лояльность, особенно в удаленных от центральных районов губерниях, оказалась достаточно эфемерной. Чем дольше продолжалась война, тем более ощутимым становился громадный разрыв в степени гражданской готовности и ответственности, созданной в обществе. Налицо было упорное нежелание самодержавия, даже в такое критическое для себя время, вводить элементы политических свобод. Привлечение новых организаций и структур, относящихся к системе гра-

---

[1] *Обзор* Пермской губернии за 1916 год. С. 5.

[2] *ГАПО*, ф. 65, оп. 1, д. 80, л. 87.

[3] См.: *История* Урала в период капитализма. С. 361, 366.

[4] *Сметы* расходов и доходов и раскладочная ведомость Пермского губернского земства на 1917 год с объяснительной запиской. Пермь, 1917. С. 286-288.

[5] *Санитарный* обзор Пермской губернии за 1915 год. Пермь, 1917. С. 32-33.

[6] *Обзор* Вятской губернии за 1915 год. Вятка, 1916. С. 98.

жданского общества, было необходимым и оправданным с точки зрения укрепления власти и расширения основы ее существования. Но этот процесс происходил настолько прагматично, что в скором времени свел все положительные процессы на нет. Осознавая свою строго ограниченную роль и невозможность выполнить в полном объеме те задачи, которые они могли реально решить, эти организации пополняли ряды оппозиции. Так случилось и с Земским союзом и Союзом городов, которые в 1915 г. создали единую структуру – Земгор. Уже в августе 1915 г. они принимают самое активное участие в деятельности политического объединения буржуазии – «Прогрессивном блоке».

На наш взгляд, объективную характеристику этого периода российской истории дал известный отечественный историк А.Я.Аврех в своей книге «Царизм накануне свержения»: «…полностью завершился процесс отчуждения господствующего класса и самого политического режима от страны и народа. В свою очередь, эта самоизоляция была конечным результатом исчерпанности строя в смысле его способности двигаться по пути прогресса, хотя бы в какой-то мере идти в ногу со временем, частично суррогатно решать поставленные историей задачи. При таком положении дел государственный подход полностью вытесняется личным, служение – карьеризмом, честность – подлостью, достоинство – угодничеством, ум – хитростью, единая согласованная политика – враждой и конкуренцией отдельных группировок и клик. Господствуют всеобщий цинизм и безразличие, оправдываемые невозможностью что-либо изменить. Конечным итогом этого процесса является самоизоляция верховной власти от своей же собственной среды, достаточно узкой и, в свою очередь, полностью отчужденной от общества»[1].

Несомненно, такое положение в большей степени было характерно для столичных городов, где в наибольшей степени сосредотачивались все нити реальной политики. Но война оказалась тем катализатором, при котором на глубину и содержание всех процессов оказывала свое влияние и российская провинциальная глубинка, создавая необходимый фон предполагаемых изменений.

Главным итогом пореформенного периода становления и развития элементов гражданского общества в России являлся тот факт, что в феврале 1917 г. российская буржуазия получает практически готовый механизм власти – земское самоуправление. Самодержавие пыталось ограничить влияние земских уч-

[1] *Аврех А.Я.* Царизм накануне свержения. М., 1989. С. 43.

реждений на процессы модернизации страны с помощью своеобразной «регулируемой демократии».

Созданное в ходе Февральской революции Временное правительство было вынуждено в условиях двоевластия приступить к созданию собственных структур управления. В столицах эта работа с самого начала приобретает характер противостояния существующей параллельно от легитимной власти российской буржуазии, Советам рабочих и солдатских депутатов.

В уральском регионе ситуация носила несколько другой характер и направленность. Здесь с началом революции не наблюдалось серьезного противостояния между различными организационными структурами политических оппонентов. Поэтому на Урале можно отметить попытку провести совместную работу по формированию на местах такой необычной для России организации, как Комитет общественной безопасности (КОБ)[1]. Комитеты были созданы по примеру губернского города Перми. Уже 5 марта 1917 г., после официального извещения о революционных событиях в Петрограде, по инициативе Пермского военно-промышленного комитета в губернской управе проходит организационное собрание представителей губернского и городского земств, кооперативов, от рабочих и других организаций[2]. Мы рассмотрим деятельность КОБов в соответствующей главе. Отметим только, что само Временное правительство не связывало с ними решения проблемы утверждения власти на местах. Поэтому на запрос о дальнейшей судьбе «…существования комитетов общественной безопасности и их функций в будущем» Временное правительство 5 июля 1917 г. ответило, что «городские комитеты должны ликвидироваться с момента конструирования новых городских дум, волостные – по образовании волостного земства»[3].

Перевыборы в земские учреждения на Урале были завершены в сентябре 1917 г., и они окончательно превращаются в органы местной государственной власти. Причем выборы принесли, в большинстве случаев, успех буржуазным и

---

[1] В последнее время появились публикации, в которых деятельность КОБов расценивается, как попытка «третьего пути» в революции, как противостояние вооруженной конфронтации. См.: *Герасименко Г.А.* Первый акт народовластия в России: Общественно-исполнительные комитеты (1917 г.) М., 1992. С. 41-42; *Он же.* Крах земского самоуправления в России // История СССР. 1989. № 1. С. 76-77; *Гайда Ф.А.* Февраль 1917 года: революция, власть, буржуазия // Вопросы истории. 1996. № 3. С. 36-37; *Волобуев П.В., Булдаков В.П.* Октябрьская революция: новые подходы к изучению // Вопросы истории. 1996. № 5-6. С. 34-35. Деятельность КОБов на Урале рассматривается в: История Урала периода капитализма. С. 372-373; *Обухов Л.А.* Советы Урала в 1917 году. Пермь, 1992. С. 21-22; *Он же.* 1917 год в Пермской губернии: вопрос о власти // Пермский край: прошлое и настоящее. Пермь, 1997. С. 107-109; *Светлаков В.Г.* Взгляд из прошлого: А.Е.Ширяев глазами историка // Страницы прошлого. Пермь, 2003. Вып. 4. С. 188-189 и др.

[2] *Пермские* ведомости. 1917. 7 марта.

[3] *ГАПО*, ф. 44, оп. 7, д. 17, л. 55.

мелкобуржуазным партиям, которые ставили задачу ликвидации Советов, как альтернативных органов власти. Начавшийся осенью 1917 года общенациональный кризис затронул не только столицы и центральные районы страны, но и периферию. Основным вопросом революционных событий оставался, при всей важности остальных, вопрос о земле. Крестьянство разочаровывается в возможности получить землю помещиков от Временного правительства и отдает свои симпатии Советам. Объективный ход событий делал невозможным гражданский диалог между классами. Причем российская буржуазия, получив политическую власть от самодержавия, так и не смогла предложить обществу программу выхода из системного кризиса. Фактически, она продолжала внутреннюю и внешнюю политику самодержавия, которая в свое время вызвала к жизни Февральскую революцию.

В условиях дальнейшего нарастания революционных событий военный переворот в Петрограде в октябре 1917 г. приводит к смене типа государственной власти. Поскольку революционными классами и их политическими партиями Советы рабочих, солдатских и позднее крестьянских депутатов рассматривались как универсальная форма государственного строительства, судьба земских организаций была предрешена. В марте-апреле 1918 г. они прекращают свое существование, их функции передаются соответствующим отделам Советов[1].

Таким образом, рассмотрев процессы создания, развития и ухода с исторической арены земских организаций на территории Урала на примере Пермской и Вятской губерний, можно сделать некоторые существенные выводы.

1. Введение в 1867 г. на территории Вятской, а в 1870 г. – Пермской губерний Положения о земских органах местного самоуправления (1864) имело для уральской истории несколько другое направление их развития, чем в центральных районах страны (Санкт-Петербурге, Москве, Тверской, Саратовской, Самарской и некоторых других губерниях). С одной стороны, уральские земства получили возможность учесть основные уроки первых опытов местного самоуправления, опыт практической работы в этом направлении. С другой стороны, уральская общественность в силу своей географической удаленности от центра «отставала» в решительности и инициативе земской работы.

[1] *Известия* Пермского губисполкома. 1918. № 74. 24 апреля; Ликвидация земского и городского самоуправления на территории Урала закончилась, в основном, к июню 1918 года. См.: *Лукьянова Е.Н.* Из истории советского строительства в Пермской губернии в 1918 году // Из истории края. Пермь, 1964. С. 194-199.

Огромная территория губерний, слабая транспортная инфраструктура являлись сдерживающими факторами в сплочении земских организаций. Уезды, особенно удаленные от промышленных и культурных центров, оказывались почти в изоляции (Чердынский, Соликамский, отчасти Верхотурский уезды Пермской губернии, Яранский, Нолинский, северные волости Слободского уездов Вятской губернии). В губернии система оказания социальной помощи населению, особенно сельскому, практически отсутствовала. На Урале феодальные пережитки сохранялись в большей степени, чем в центральных районах.

Особенностью формирования состава гласных земских собраний, губернской и уездных управ являлось отсутствие достаточного числа представителей дворянства. Поэтому основной состав депутатов избирался из представителей торгово-промышленной буржуазии и служилого чиновничества, а также крестьянства. Даже контрреформа 1890 г. не смогла существенным образом изменить социальный состав выборных органов местного самоуправления. Особенно значительным представительство крестьянства было в земских собраниях Вятской губернии.

В этот период важное значение имели руководящие кадры земских учреждений. В условиях либерально-демократического подъема общественной активности в руководстве играют определяющую роль такие личности, как председатель Пермской губернской управы Д.Д. Смышляев, Вятской – М.М.Синцов. Благодаря политикам либерально-народнической ориентации местное самоуправление на территории Урала выбирает наиболее прогрессивные формы и методы своей работы в отношении системы народного образования и медицинской помощи сельскому населению. В дальнейшем это станет основой формирования гражданской активности населения губерний.

2. В период с 80-х гг. XIX до начала XX в. инициатива гражданской активности переходит к созданному в этот период большому отряду земских служащих, получивших название «третий элемент»: медицинским работникам, учителям, статистикам. В силу социального происхождения, близости к условиям жизни деревни, большей доступности для людей они становятся для сельских жителей основными проводниками образования и культуры. Отличительной особенностью их деятельности являлась высокая степень подвижничества и самопожертвования.

Идеологическими предпочтениями в большинстве случаев являлись различные течения неонародничества – от либерального до революционно-

демократического. Это объяснялось и тем обстоятельством, что Пермская и Вятская губернии оставались традиционным местом административной ссылки из центральных районов страны, а также местом поселения для отбывших различные сроки политической каторги в Сибири и находившихся под надзором полиции.

Земская контрреформа 1890 г., ограничив возможности самих органов самоуправления участвовать в становлении гражданских отношений, не смогла воспрепятствовать расширению влияния земских служащих. Развитие капитализма в деревне, при всех пережитках феодализма, объективно вызвало к жизни новые отряды земских культтрегеров: агрономов, специалистов в области кооперации, мастеров кустарных промыслов. Объективно их деятельность была связана с быстро развивающейся сельской буржуазией, доля которой в деревне достигала 13-15% всех крестьянских хозяйств.

3. Постепенные качественные перемены в гражданском самосознании связаны с осознанием ценности **достойного существования человека.** Это знание обнажилось во всей своей полноте в начале XX в. Попытки его интеграции с помощью революции обнаружило неспособность самодержавия к саморазвитию и трансформации в современную модель государства.

В условиях политического бесправия не только эксплуатируемых классов – крестьянства и рабочих, но и буржуазии гражданская активность начинает принимать форму политического противостояния и приводит к быстрому формированию политических партий. Этот процесс в уральском регионе можно проследить на событиях революции 1905-1907 гг. В это время впервые земская общественность переходит к своему экономическому самоопределению через создание отдельных профессиональных союзов, где заметно заявлял о себе союз земских учителей.

Самодержавие предприняло последнюю попытку выступить инициатором модернизации социально-экономического и политического развития России в период столыпинских реформ. Однако планы правительства не выходили за рамки сугубо охранительных мероприятий и носили ограниченный характер. Создался следующий расклад гражданской востребованности населения страны: крестьянство надеялось на передачу ему помещичьей земли; современное рабочее законодательство должно было гармонизировать взаимоотношения рабочих и промышленной буржуазии; буржуазия думала о реализации политических амбиций на власть; интеллигенция – о своей роли надклассового арбитра

процессов в общественной жизни. Однако оказалось, что вполне удовлетворенной была только небольшая группа крупнейшего и крупного торгово-промышленного капитала, получившая возможность участия в государственной жизни – в работе Государственной думы и реформированного Государственного совета.

Крах всех этих надежд, прежде всего из-за позиции самодержавия, приводит к новому витку противостояния, из которого государственная власть пытается выйти с помощью участия в мировой войне.

4. Первая мировая война в истории России становится не только катализатором революционных событий 1917 г., но и периодом взлета, расцвета и ухода с политической арены страны земских органов местного самоуправления.

Несостоятельность царизма в военном руководстве, первые признаки которого были заметны еще в ходе русско-японской войны, неподготовленность армии и тыла к ведению длительной войны, казнокрадство и обман в деле военного снабжения, ослабление рычагов власти – все это приводит к созданию общероссийских земских организаций, которые вместе с военно-промышленными комитетами приобретают значение альтернативных органов власти. Достаточно эффективная практическая деятельность Пермского губернского отделения Союза земств и городского самоуправления в мобилизации промышленного потенциала региона, в снабжении армии вооружением, боеприпасами и снаряжением, оказания помощи больным и раненым воинам и пр. убеждают в этом.

Поэтому созданное в ходе Февральской революции 1917 г. Временное правительство, теперь открыто представляющее политические и экономические интересы российской буржуазии, рассматривает в качестве исполнительной ветви власти именно земские учреждения. Вся полнота власти в регионах передавалась в их руки, а руководители губернских управ становились комиссарами Временного правительства на местах. Попытки создать новые организации, прежде всего со стороны меньшевиков и эсеров, которые бы смогли обеспечить развитие страны в условиях, исключающих классовое противостояние, хотя и имели плодотворную идею и организационное оформление в виде комитетов общественной безопасности, своего продолжения не имели. Уже к августу 1917 г. с общественного поля России эти комитеты исчезают. В условиях нарастания политического кризиса они не были нужны ни той, ни другой стороне.

Осенью 1917 г. Временное правительство окончательно делает ставку в системе государственной власти на земские учреждения, что делает их частью нового государственного устройства страны.

1.2. ГОРОДСКОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ УРАЛА – ВЕДУЩИЙ ФАКТОР СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX-НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Ведущая роль городов в жизни мировой цивилизации - давно доказанный и неоспоримый факт. В системе государственного управления и власти города становятся узловыми центрами. Здесь появляются сложные виды ремесла, которые в дальнейшем положили начало цеховой форме мануфактурного производства. Городское строительство определялось удобным географическим положением, обычно на берегах судоходных рек. Это способствовало превращению их в торговые центры как регионального, так и международного значения. Одной из важнейших функций городов становится превращение их в центры развития культуры и науки. Городская архитектура порождает новые виды культового и жилищного строительства.

Именно в городах еще в период античности зарождаются демократические принципы государственной жизни. Здесь создается универсальная метанаука – философия, в дальнейшем давшая начало всем направлениям современных научных дисциплин. Появляются первые концепции рационального развития общества, которые при переходе от традиционной к индустриальной цивилизации положили начало современным научным теориям в социологии и политологии.

По мере вызревания экономических условий, соответствующих капиталистическим отношениям, города становятся местом консолидации нового класса – буржуазии, начинающей борьбу за свое политическое самоопределение. Поэтому первым проявлением ее притязаний на определенное место в системе государственной власти становится городское управление. Массовое движение, в значительной мере вооруженным путем, приводит к созданию городского самоуправления. В XVIII в. на этом гребне противостояния феодальным структурам власти возникают идеологические основы теории «гражданского общества», ставшие теоретическим обоснованием объективного процесса усложнения управления общественными делами, перестающего быть уделом немногих избранных из числа феодальной аристократии.

Расширение границ образования, демократизация процесса распространения достижений культуры превращали города и городских жителей в важнейший элемент формирования нового типа цивилизации. Внимание к личности человека, требование свободы от феодального закрепощения, равенства всех сословий на основе буржуазного права получают законченное выражение в знаменитом лозунге Великой французской революции конца XVIII в. «Свобода, Равенство, Братство!».

В России города развивались в других исторических условиях. Возможность западноевропейского варианта становления и роли городов была прервана в XIII в. в период татаро-монгольского завоевания. Их восстановление после уничтожения протекало в условиях объективного процесса сохранения древнерусской государственности и борьбы за национальную независимость, а также преодоления феодальной раздробленности. Носителем этой общенациональной идеи выступала великокняжеская власть, организующий центр которой к XIV в. перемещается в Москву. Идеологическим обоснованием усиления роли этого города становится создание в недрах отечественной православной церкви знаменитого тезиса «Москва – третий Рим», способствующего консолидации русской народности вокруг великокняжеской, а затем и царской власти.

В XV в., в связи с утверждением самодержавной власти царя, был уничтожен последний оплот городской вольницы – Новгородская феодальная республика. В ходе печально знаменитой опричнины возможные будущие демократические очаги выступлений были подавлены. Города становятся связывающими путями нового типа российской власти – централизованного государства патерналистского типа.

Отсутствие до XVIII в. промышленного сектора экономики, слабость отечественного капитала при полной его незащищенности от государства, возможность расширения и укрепления феодальных отношений за счет освоения гигантских свободных территорий – все это придавало национальное своеобразие роли городов в истории России по сравнению с Западной Европой. Даже реформы императора Петра I в начале XVIII в., при всей их эффективности и масштабности, не изменили положения российского города. Система городского управления была нацелена прежде всего на фискальные нужды государства, а строжайшая регламентация проявлений общественной активности не только городов, но и всех классов и сословий в империи получает законодательное закрепление в указе Екатерины II «Жалованной грамоте городам» (1785). Боль-

шинство исследователей считают этот документ первым юридическим документом в городском самоуправлении[1]. Однако созданные «Шестигласные думы», занимаясь исключительно проблемами благоустройства, находились под полным контролем правительства.

Развитие капиталистических отношений в XIX в., при всем противодействии самой власти, требовало перестройки и самого содержания общественных связей между классами. Эти процессы проходили в стране неоднозначно, противоречиво и создали в мировой истории уникальную ситуацию, когда строительство нового общества проходило под руководством государства, ему абсолютно чуждого.

На Урале городское строительство имело несколько другое содержание. В отличие от центральных районов страны, где большинство городов представляли собой древние, еще со времен Киевской Руси, социально-экономические, культурные и административные центры, значительная часть уральских отражала историю хозяйственного освоения территории, смены административных границ. Они возникали как центры горнозаводской промышленности в первой четверти XVIII в., превращаясь в основу будущего экономического и военного могущества России. Очень многие из этих центров не получали статуса города и оставались по официальному положению заводскими поселками или селениями.

На территории Пермской губернии к числу старых городов относились те, которые были связаны с хозяйственным освоением северной части Урала, где сосредотачивались основные центры добычи соли (Соликамск, Дедюхин). Там же находился административный узел государственного управления с вошедшими в состав Московского царства в середине XVI в. уральскими землями (Чердынь, Верхотурье, Долматов). Другие города создаются на знаменитой транспортной магистрали – Сибирском тракте (Кунгур, Ирбит). Причем последние получают статус города как государственную награду по именному указу Екатерины II в связи с их сопротивлением в 1775 г. войскам Е. Пугачева.

Самым древним городом по времени основания была Чердынь, упоминания о которой как центре Перми Великой относится к XV в. Чердынь получает статус города в 1535 г. Тогда же, в XV в., возрастает роль Соликамска как центра управления и соледобычи. Три города по времени основания относятся к

[1] См.: *Кизеветтер А.А.* Местное самоуправление в России IX-XIX ст. Исторический очерк. Пг., 1917. С. 96-102; *Гильченко Л.В.* Из истории местного самоуправления в России // Государство и право. 1996. № 2. С. 142-143; *Лаптева Л.Е.* Земские учреждения в России. М., 1993. С. 21-25; *Нардова В.А.* Городское самоуправление в России в 60-х – начале 90-х годов XIX века. Правительственная политика. Л., 1984. С. 56-58. и др.

XVI в.: Верхотурье, Кунгур, Оса. В XVII в. создаются Долматов, Ирбит, Камышлов, Шадринск, Дедюхин. Интересна история появления города Долматова. Он был основан в 1644 г. старцем Долматом как первый религиозный центр Зауралья. Долматов использовался московскими царями в качестве военного опорного пункта своего продвижения в Сибирь и как оборонительный комплекс для защиты от набегов башкир. Позже, в XVIII в., Долматовский монастырь превращается в место заточения провинившихся церковнослужителей[1].

В XVIII в., с созданием отечественной промышленности, Урал становится основным центром горнозаводского производства. Здесь оформляется особая структура административного управления, по своему влиянию и возможностям ставшая своеобразным анклавом – системой горного управления. Она изымалась из-под юрисдикции местного управления и представляла собой своеобразный автономный комплекс власти – со своим законодательством, полицией, судом и управлением. По подсчетам специалистов на территории Уральского региона в это время создается более 250 больших и малых промышленных предприятий, получивших статус заводских поселков. Среди них два медеплавильных завода, созданных в одно время, в 1723 г., выдающимися деятелями петровской эпохи, талантливыми проводниками идеи императора о приращении государственной мощи В.Н.Татищевым и В.И.Гениным – Егошихинский и Екатеринбургский заводы. Позднее первый из них становится транзитным, торговым и административным центром громадной Пермской губернии, а второй превращается в горнозаводский центр всего Урала.

К периоду отмены крепостного права на территории Пермской губернии насчитывалось 15 городов, из которых три – Алапаевск, Долматов и Дедюхин были переведены в число заштатных (у них было отдельное общественное управление), а остальные 12 являлись уездными центрами и имели соответствующую систему городского управления. Город Пермь являлся центром губернии и уезда, а Екатеринбург – уездным центром и одновременно центром горного управления. Он обладал достаточной независимостью от губернских властей, подчиняясь непосредственно до 1862 г. департаменту горных и соляных дел Министерства финансов, а с 1873 г. – Министерству государственных имуществ. Это приводило к определенным конфликтам губернского и горного начальства по вопросам развития губернии. В известном произведении

[1] См.: *Оборин В.А.* Возникновение и ранняя история г. Чердыни (XV-XVII вв.) // Из прошлого Чердынского края. Пермь, 1974. С. 11-14.

И.С.Сигова «На старом Урале» на художественном уровне моделируется поведение чиновников высшего ранга в отношениях между двумя ведомствами, применимым к настоящему исследованию[1]. А известный пермский журналист, приехавший из Екатеринбурга, А.Н.Скугарев в самом начале XX в. этой теме посвятил фельетон в «Пермских губернских ведомостях», назвав его «Пермь и Екатеринбург: Монтекки и Капулетти». Он писал: «Пермь, считая себя во главе губернии, смотрит на Екатеринбург свысока, а Екатеринбург считает себя столицей Урала и уверен, что он в составе Пермской губернии по недоразумению… И между городами полнейший антагонизм»[2].

На территории Вятской губернии существовало вместе с губернским центром, который являлся также центром Вятского уезда, 10 уездных городов и 1 заштатный город – Царево-Санчурск на юге Яранского уезда. Число городских жителей было почти в два раза меньше, чем в Пермской губернии, и к 1897 г. их количество достигало 95,6 тысяч человек[3]. Наибольшее экономическое развитие имели такие вятские города как: Сарапул, Слободской, Елабуга, Орлов, которые являлись, в большинстве своем торгово-перевалочными пунктами, кустарно-промышленными или ярмарочными центрами.

Создание на территории в основном Пермской губернии мощных территориально-промышленных комплексов привело к формированию особых центров, по своим функциям тождественных городским системам – горных округов. К 60-м гг. XIX в. существовало 6 казенных и 37 частных (владельческих и посессионных) округов, каждый из которых группировался вокруг наиболее значимого по объемам производства предприятия. Известный уральский историк Л.Е.Иофа насчитывал на территории Пермской губернии к этому времени около 70 таких градообразующих заводских поселков, численность жителей которых постоянно увеличивалась. К таким образованиям относились Нижний Тагил, Невьянск, Кушва, Лысьва, Сылва, Чусовой, Левшино, Мотовилиха, Чермоз, Пышма и многие другие[4]. В Вятской губернии можно выделить три основных промышленных центра: Камские заводы (Ижевский и Воткинский заводы) в Сарапульском уезде, Холуницкие заводы в Слободском уезде и Омутинские горные заводы Глазовского уезда. Крупнейшими из них были Ижевский ору-

---

[1] См.: *Сигов И.С.* На старом Урале. Молотов, 1953.

[2] *ПГВ.* 1901. 19 мая.

[3] *Общий* свод по империи результатов разработки данных Первой всеобщей переписи населения. СПб., 1905. Т. 1. С. 4.

[4] *Иофа Л.Е.* Города Урала. М., 1951. Ч. 1. С. 8-10.

жейный завод, с 1884 г. ставший казенным, и Воткинский механический завод, также находившийся в государственной системе управления.

Наиболее ярким примером может служить история развития заводского поселка Нижнетагильского металлургического завода – крупнейшего и самого прибыльного предприятия промышленных владений Демидовых на Урале. На самом предприятии в производственном процессе было занято более 9,5 тыс. рабочих всех специальностей, а постоянных жителей поселка насчитывалось уже в 1860 г. около 25 тыс. Причем для этого поселка была создана вся городская инфраструктура: учебные заведения, больница, каменная городская и заводская архитектура, коммунальные системы водопровода, канализации и др. Значительное развитие получили кустарные промыслы. Они приобрели известность и за пределами Урала: изготовление особых «тагильских» сундуков, подносов, шкатулок, посуды. Широкий сбыт получали изделия скорняков и башмачников. Известно образное выражение Д.Н.Мамина-Сибиряка о Нижнем Тагиле: «…это самый большой горный завод в целой России. И не просто завод, а столица огромного заводского царства»[1].

Одним из важнейших факторов городского строительства было само географическое положение уральских губерний, связывающих центральные районы страны с огромными сибирскими просторами и обеспечивающей практически всю транзитную торговлю страны с азиатскими и восточными государствами. На этой основе создается второй по объемам, после Нижегородского, центр ярмарочной торговли России – знаменитая Ирбитская ярмарка, основанная еще в середине XVII в. Она проходила ежегодно в течение месяца, с 1 февраля по 1 марта. В ярмарочные дни в город стекалось до 100 тыс. чел. Здесь находились представительства всех крупнейших банков страны, биржа, более сотни отечественных и зарубежных компаний. Создается замечательный ярмарочный архитектурный комплекс. С 1846 г. в городе работал профессиональный театр, издавался печатный орган комитета - «Ирбитский ярмарочный листок». Объемы оборота Ирбитской ярмарки постоянно росли. Если в начале 40-х гг. XIX в. он составлял более 7,7 млн руб., в 1860 г. достигает почти 46 млн руб., а в 1894 г. – почти 68 млн руб.[2] Сюда не включались суммы сделок хлебной биржи, где использовалась развитая форма капиталистической торговли –

---

[1] Цит. по: *Нижний* Тагил: Научно-популярное издание. Нижний Тагил, 1997. С. 10.

[2] *Эйгер Н.* Сведения об учреждении Ирбитской ярмарки и о развитии на ней торговли // Пермский сборник. М., 1860. Кн. 2, отд. III. С. 28-29; *Сведения* об оборотах Ирбитской ярмарки за 1894 год // Адрес-календарь и памятная книжка Пермской губернии за 1895 год. Пермь, 1895. Отд. III. С. 76-79.

оптовая по образцам. Кстати, это была единственная ярмарка в стране, функционирующая вплоть до 1929 г., проведя 279 сезонов. К крупным ярмарочным центрам относились также Алексеевская в городе Котельниче, Мензелинске, Орлове Вятской губернии, самой Вятке.

В ходе хозяйственной колонизации уральских территорий шел процесс соединения двух мощных течений отечественной культуры: новгородской и московской. Накладываясь на пласт традиционной культуры местных племен, постепенно создавался феномен уральской культуры. В наибольшей степени это проявилось в городской, промышленной и церковной архитектуре. В XIX в. складывается особый архитектурный стиль уральского классицизма, определивший внешний вид большинства городов Урала[1]. Яркими представителями этого направления стали замечательные зодчие: И.И. Свиязев, М.П. Малахов, П.Т. Васильев. В конце XIX-начале XX в. преобладающим стилем становится модернизм, привнесший в облик городов особую изящность, даже утонченность, расцвечивая академическую строгость и даже аскетическую суровость предшествующих времен. Имена архитекторов Пермской губернии - А.Б. Турчевича, А.И. Падучева, В.В. Попатенко, Р.О. Карвовского, А.И. Ожегова; в Вятской губернии - Е.С.Дудина, В.Н.Петенкина, М.С. Купинского, И.А.Чарушина, В.М.Дружинина становятся известными за пределами Урала[2]. Их наследие и сегодня продолжает радовать глаз искушенного современного городского жителя, оставаясь примером творческого начала в человеческой деятельности.

Во все времена развитие городов в России было тесно связано с удобными путями сообщения и наличием разнообразных способов связей с окружающим миром. Чем шире этот спектр, тем важнее становится значение того или иного населенного пункта. Так, определение в XVI в., в период царствования Ивана IV (Грозного), знаменитой Бабиновской дороги в качестве основного торгового тракта, связывающего центральные районы страны с Сибирью, привело к возвышению роли таких северных городов Урала, как Чердынь, Соликамск, Верхотурье, Тобольск. Расширение торговых связей с восточными государствами, освоение новых сибирских территорий, усмирение выступлений местных народностей против власти московских царей приводят к созданию но-

[1] См.: *Раскин А.М.* Архитектура классицизма на Урале. Свердловск, 1989. С. 3-4.

[2] См.: *Алферов Н.С.* Зодчие старого Урала. Свердловск, 1960. С. 8-10; *Архитекторы* и архитектурные памятники пермского Прикамья: Краткий энциклопедический словарь. Пермь, 2003. С. 69, 96, 103, 130; *Тинский А.Г.* Вятская мозаика. Киров, 1994. С. 137, 175, 192.

вого, более короткого торгового пути. В XVIII в. происходит утверждение первой в истории страны единой дорожной системы, получившей свое название по основному участку этой магистрали – Сибирский тракт. Он прошел гораздо южнее традиционных торговых путей, что привело к ослаблению влияния северных городов и появлению новых экономических центров на территории будущих Вятской и Пермской губерний: Яранска, Котельнича, Орлова, Слободского, Кунгура, Осы, Егошихи, Екатеринбурга, Камышлова, Красноуфимска[1]. Именно эти населенные пункты в дальнейшем становятся уездными центрами и получают официальный городской статус.

По новой административной реформе 70-х гг. XVIII в. на территории Урала создаются два наместничества: Вятское и Пермское с Тобольским. Если с выбором губернского города для Вятки был предрешен – центром становился известный ранее город Хлынов, который переименовывается в город Вятку, то для центра Пермского наместничества этот период был наполнен интригой.

Еще в 1778 г. выбор места для нового губернского города, по поручению императрицы Екатерины II, был проведен казанским генерал-губернатором П.С. Мещерским. Объехав практически все существующие тогда крупные населенные пункты и города Урала, генерал-губернатор обратил внимание на месторасположение Егошихинского завода как наиболее благоприятное из-за близости слияния двух рек: Камы и Чусовой, соединявших весь Урал, обеспечивающих удобный транспортный речной путь по Каме, дававший выход к промышленному центру страны. Назначенный руководителем Пермского и Тобольского наместничеств генерал-поручик Е.П.Кашкин согласился с этим выбором. В именном указе Екатерины II Е.П. Кашкину в ноябре 1780 г. отмечалось: «**Уважая выгодность положения Егошихинского завода и способность места сего для учреждения в нем губернского города…**, предписываем вам город губернский для Пермского наместничества назначить на сем месте, наименовав оный Пермь»[2]. Таким образом, географическое положение города как центра управления для того времени сыграло решающую роль. Поэтому Екатеринбург, при всем своем значении как центра промышленного развития региона, не смог перевесить общегосударственные интересы руководства страны, оставаясь в дальнейшей истории Урала именно экономически развитым центром. Однако такое «двоевластие» порождало не только соперничество двух

[1] *Обзор* документов по истории дорожного строительства. Пермь, 1996. С. 1-2.
[2] *Дмитриев А.А*. Указ. соч. С. 29-30.

городов за лидерство. Сосредоточив в своих руках управление всем горнозаводским комплексом, Екатеринбург после отмены крепостного права превращается в центр сохранения полуфеодальных форм эксплуатации горнозаводских рабочих. Защита интересов крупнейших заводчиков-дворян от посягательств на монопольное положение уральских заводчиков в новом экономическом комплексе страны маскировалась не только прямым влиянием родовитой аристократии на правительственные структуры, но и с помощью созданного в 1880 г. Съезда горнопромышленников Урала. Выше мы уже говорили о той дискриминации земских учреждений, которой они подвергались со стороны этих объединенных сил по вопросам налогообложения земельной собственности горнозаводских предприятий.

Все это позволяет сделать вывод о том, что развитию гражданской активности на территории Урала препятствовала сложившаяся система полуфеодальных отношений в уральской горнозаводской промышленности. Главным центром притяжения сил противодействия общественной активности становится Главное горное правление в Екатеринбурге. А это, в свою очередь, становится причиной перемещения центра общественных отношений из сферы гражданского общества в область политических отношений, порождающего ожесточенное противостояние. Поэтому именно Екатеринбург, в начале XX в. формирующий вокруг себя большое количество крупных промышленных предприятий, становится центром революционной активности рабочего класса Урала. Мы считаем, что это обстоятельство становится основой ложного сознания, существующего и в современном уральском менталитете, о пермском «болоте» и ведущей роли Свердловска – Екатеринбурга.

По существу, можно с полным правом говорить о том, что в противопоставлении Пермь – Екатеринбург мы видим реальное сосуществование, а не противостояние двух компонентов развития общества: гражданских и политических отношений. Для Перми ведущей является первая составляющая. Подтверждением этого может служить получившее широкую известность в современной России большое количество социальных проектов Пермской области, принявших организационные формы в виде особых ярмарок социальных проектов. Они проводятся в Приволжском федеральном округе уже в течение 4 лет. Для Екатеринбурга характерно в большей степени второе направление, что ярко проявилось в период перестроечной «горячки» конца 80-х гг. XX в. Отсюда вышли знаменитый политический «феномен Ельцина» и не менее скандально

известный проект создания особой Уральской республики, предложение о переносе столицы России в Екатеринбург и др.

Как мы уже отмечали, выгодность положения Перми в качестве губернского центра определялась слиянием двух речных транспортных артерий Урала – Камы и Чусовой. Протяженность Камы в меридианном направлении обеспечивала связь северных солепромышленных районов с центром страны и крупнейшей в России Нижегородской ярмаркой. А Чусовая давала выход на Каму продукции металлургических предприятий Восточного Урала, т.е. Екатеринбургской промышленной зоны. В обзоре пермского губернатора за 1860 г. отмечалось: «Река Кама, как судоходная на всем своем протяжении и впадающая в Волгу, составляет единственное водяное сообщение, по которому вывозятся из губернии металлы, соль, хлеб и прочие местные произведения и, наоборот, доставляются товары с Нижегородской ярмарки»[1]. До 80-х гг. XIX в. водный торговый путь и транзитные возможности Сибирского тракта в зимний период позволяли пермским торгово-транспортным кампаниям монопольно диктовать условия по перевозкам товаров, что сказывалось на росте себестоимости продукции.

Начало массового речного пароходства начинается уже вскоре, с середины 40-х гг. XIX в., после отмены дворянской и иностранной монополии на транспортное и пассажирское судостроение. В 1846 г. в Перми создается первая пароходная компания «Пермское пароходное общество» под учредительством чиновников губернской Казенной палаты В.В. Паркачева, Н.Н. Ильина и подрядчика О.Л. Цветкова[2]. К 60-м гг. на Каме конкурировали уже такие известные транспортные фирмы, как «Кавказ и Меркурий», «Дружина», «Самолет», «Камско-Волжское пароходное общество». Появляются собственные суда отдельных заводов Всеволожских, Демидовых и др. Влияние судоходства ощущалось в жизни таких городов, как Соликамск, Чердынь, Оса, Кунгур. А Чердынь до конца XIX в. оставалась центром североуральского судостроения, причем организационной формой создаваемых предприятий были в основном товарищества на паях. Водное транспортное развитие в рамках Вятской губернии начинается гораздо позднее. В 1861 г. появился первый пароход вятских купцов. И только в 1873 г. начинается пассажирское движение между Вяткой, Казанью и Нижним Новогородом.

---

[1] *РГИА*, ф. 1284, оп. 6, д. 9, л. 108-109.
[2] *Дмитриев А.А*. Указ. соч. С. 224.

Однако основная часть официальных городов, уездных центров представляла собой типичные провинциальные пункты, волею судьбы получившие свой статус, ведя тихую, сельскую жизнь, мало отличаясь от окружающих сел и деревень. Их население, к моменту городской реформы 1870 г., составляло в среднем от 7 до 8 тыс. жителей. Если привести статистику роста городского населения, то эти цифры могут показаться очень скромными[1]. Численность городских жителей за период с 1860 по 1897 г. только в Пермской губернии выросло почти в 1,6 раза и достигло 6% общего числа жителей губернии. В целом по России этот показатель составлял 13%.

Год	Население Пермской губернии		
	Всего жителей	В том числе городских	Процент городских жителей
1860	2 111 500	81 672	3,9
1885	2 694 500	134 201	4,9
1890	2 806 900	151 634	5,4
1897	2 994 302	179 658	6,0

В Вятской губернии эти показатели были еще меньше. В 1863 г. доля городских жителей составила 2,3%, а к 1897 г. она выросла лишь до 3,2%[2]

Однако Уральский регион обладал еще одной особенностью своего развития, играя в демографических процессах важную роль: имел большое количество заводских поселков, по численности, занятиям населения и социально-экономическому влиянию на окружающую территорию имеющих прямое отношение к городскому образу жизни. Приведем только два примера. В Красноуфимском уезде Пермской губернии, по результатам земской налоговой переписи сельскохозяйственного населения, к 1891 г. 56 тыс. жителей из заводской части уезда (от 84,7 тыс., находившихся в ней) совсем не занимались земледелием, т.е. главным источником средств к существованию была заводская работа. В Екатеринбургском уезде насчитывалось 65 тыс. безземельных и 81 тыс. чел. имели только покос. Согласно исследованиям уральских историков к началу XX в. в постоянной работе на предприятиях Пермской губернии участво-

[1] *РГИА*, ф. 1284, оп. 6, д. 50, л. 111-113; *Обзор* Пермской губернии за 1885 год. С. 13; *Обзор* Пермской губернии за 1890 год. С. 15-16*; Общий* свод по империи результатов разработки данных Первой всеобщей переписи населения. СПб., 1905. Т. 1. С. 2, 4.

[2] *Обзор* Вятской губернии за 1863 г. Вятка, 1864. С. 12; *Обзор* Вятской губернии за 1897 г. С. 14.

вало до 300 тыс. чел., около 70% из которых не имели пашенной земли[1]. Таким образом, по своей сути заводские поселки становились составной частью городообразования на Урале, а численность городских жителей соответствовала общероссийским показателям.

Необходимо отметить, что в 80-90-е гг. XIX в. Пермское губернское земство не один раз выступало инициатором перевода заводских поселков в разряд городов, прежде всего исходя из соображений меркантильных – именно заводские поселения являлись в большинстве источником недоимок по земским сборам, достигающим почти 10% от собираемых налогов за землю. Однако эти попытки всегда наталкивались на ожесточенное сопротивление владельцев заводов. Для них было выгодно оставаться полными хозяевами и заводских угодий, и жителей заводских поселков. Все это позволяло сохранять здесь полукрепостнические формы эксплуатации рабочего класса, обеспечивая тем самым высокую норму прибыли и сохранение бесправного положения рабочих. Да и государственные структуры власти не особенно поддерживали процессы развития городов, имея в виду сохранение старых форм управления, ибо городское самоуправление уже к этому времени выявило свою положительную роль в становлении современных гражданских отношений с определенными элементами демократического управления и наличия выборного начала в жизни городов. Поэтому значительная часть заводских поселений оставалась в узких рамках горнозаводского управления и получила статус городов только после Февральской революции 1917 г. или в советское время.

Начало становления городского самоуправления на новой законодательной базе в Пермской губернии по исторической случайности совпало с образованием здесь земских учреждений. Все это стало достаточно активным фактором развития гражданских начал в общественном развитии территории, дополняющих друг друга и усиливающих мощный заряд российских реформ 60-70-х гг. XIX в. В Вятской губернии городское самоуправление, с одной стороны, получает поддержку со стороны земских учреждений, а, с другой стороны, являлось в определенной мере идущим за более инициативными работниками земств.

---

[1] *Матвеенко Л.П.* Столыпинская аграрная реформа как один из факторов, влиявших на формирование рабочего класса в Пермской губернии // Из истории рабочего класса Урала. С. 275; *Черныш М.И.* Эволюция землевладения в Пермской губернии в период с 1861 по 1905 годы // Из истории края. С. 134.

Городовое положение от 16 июня 1870 г. давало большую степень гражданской свободы жителям городов по сравнению с законодательством о земских учреждениях. Избирательное право – активное и пассивное – предоставлялось каждому городскому обывателю, без различия принадлежности к какому-либо сословию, достигшему 25-летнего возраста, русского подданного, имеющего в городе недвижимую собственность или уплачивающего в пользу города сбор со своей деятельности: торговой, ремесленной, промышленной[1]. Так в Вятке при первых выборах по новому Городовому положению1870 г. из 19885 жителей получили избирательное право 642 человека, а к 1890 г. число избирателей возросло в два раза и достигло 1256 человек[2].

Распорядительные функции находились в ведении городской думы, а управа являлась исполнительным органом, действующим в рамках, определенных думой. Гласные избирались сроком на четыре года, что также отличалось от сроков полномочий гласных земских собраний (три года). Члены управы избирались думой, и для этого не требовалось утверждения администрацией. Городской голова также избирался думой, но утверждался или губернатором, или главой министерства внутренних дел (для главы губернского города). Он же являлся председателем думы, что делало иногда достаточно затруднительным выражение критики в адрес городской управы. Вместе с тем решением думы члены управы могли быть отстранены от должности и преданы суду.

Городскому самоуправлению сопоставительно с земствами были предоставлены и более широкие полномочия по вопросам ведения местного хозяйства, а также решению дел. Утверждению губернатором или министерством внутренних дел подлежали, в основном, финансовые сметы на год. Большинство же принятых думой решений являлось окончательным. Губернатор осуществлял только общий надзор за соблюдением законности действий со стороны городских органов управления. Для решения спорных проблем, возникающих в судебных инстанциях, были созданы губернские по городским делам присутствия.

При всех положительных моментах в организации деятельности городского самоуправления город попадал в абсолютную зависимость от крупной торговой и промышленной буржуазии и состоятельных домовладельцев. Данная система выборов в думу копировала прусскую трехклассную избирательную систему. При составлении списков все избиратели делились на три разря-

[1] *ПЗС.* Собр.II, т. XIV, отд. 1. СПб., 1874. Ст. 48498. С. 821-831.
[2] *ГАКО*, ф. 630, оп. 8, д. 808, л. 77-78; ф. 628, оп. 3, д. 1835, л. 134-135.

да. К первому причислялись те, кто в сумме уплачивал треть общей суммы городских сборов; ко второму – следующие за ними по доходу, тоже уплачивающие треть; все остальные относились к третьему разряду. Избиратели каждого из разрядов образовывали собственное избирательное собрание, которое выбирало треть гласных городской думы[1]. Таким образом, безусловное большинство в любом случае было представлено самыми состоятельными горожанами. Существовали значительные ограничения по религиозному признаку – число неправославных в городской думе не должно было превышать трети гласных.

Количественный состав думы определялся численностью жителей города, участвующих в выборах. Базовым было принято число триста – от этого количества избиралось 30 гласных. Затем на каждые 150 чел. прибавлялось по 6 гласных. Численный состав думы ограничивался 72 депутатами (в столичных городах и Одессе это число определялось по согласованию с министром внутренних дел). Для внесения в список кандидатов в гласные использовался принцип коллективного (не менее 5 чел.) и индивидуального выдвижения. Избранным в гласные считался кандидат, получивший не менее 50% голосов избирателей. Итоги собраний публиковались в печати, их можно было оспорить в течение 7 дней после выборов[2].

Такая практика приводила к тому, что основная масса населения городов была лишена возможности выполнить эту гражданскую функцию. Так, в Перми в первых выборах в 1870 г. из 22,3 тыс. жителей города приняли участие всего 622 чел. Причем 38 избирателей было первого разряда, 120 – второго и 464 – третьего. Тем самым 158 избирателей первых двух разрядов (25% общего их числа) выбрали 2/3 всех депутатов. В числе гласных оказались 6 купцов первой гильдии, 19 – второй, 5 потомственных почетных граждан, 5 чиновников, 4 мещан, 1 крестьянин, 2 прочих. И очевидной стала реальная ситуация, что к власти пришли истинные хозяева города, торгово-промышленное купечество, которому принадлежало подавляющее число голосов – 71%[3]. Городским головой был избран яркий представитель «новой волны» отечественного предпринимательства – купец I гильдии Иван Иванович Любимов.

Его предки по ревизским сказкам XVII в. относились к крестьянскому сословию села Верхние Муллы строгановских вотчин, затем в XVIII в. были в чис-

---

[1] *Нардова В.А.* Городское самоуправление в России в 60-х – начале 90-х годов XIX века. С. 25-26.
[2] *ПЗС*. Собр. II. Т. XIV. Отд. 1. Ст. 24-25.
[3] *ГАПО*, ф. 35, оп. 1, д. 178, л. 257-257 об.

ле священнослужителей Петропавловского собора Егошихинского заводского поселка. В истории города известной эта фамилия становится с Ивана Филипповича Любимова, который не только был удачливым предпринимателем в первой половине XIX в., но и в течение 18 лет являлся городским головой Перми (6 созывов). Он был одним из первых, кто начал заменять труд бурлаков в судоходстве паровыми машинами. Будучи деятельным предпринимателем, он оставил сыновьям миллионное состояние, пароходную компанию, канатную фабрику[1]. Самым талантливым наследником семейного дела был его старший сын Иван Иванович, который не только продолжил традиции своей фамилии, но и расширил сферу предпринимательства. Ему принадлежит первенство в создании на Каме пассажирского флота, где использовались совершенные для того времени пароходы американского типа высокой степени комфортности. В пределах городской черты он основал передовой судостроительный и судоремонтный завод, самый крупный в Камско-Волжском бассейне. Здесь по частным заказам производились морские шхуны, керосиновые, а позже – нефтяные баржи.

В 1869 г. И.И. Любимов в компании соликамских промышленников: И.А. Рязанцева, Г.М. Касаткина, И.П. Лаврова, Ф.В. Мичурина, А.И. Дубровина и др. – создает одно из первых на Урале акционерное общество по производству соли, взяв в аренду бесперспективные, с точки зрения казны, Дедюхинские промыслы. Отличительной особенностью эффективной работы созданных производств становится применение передовых технологий: переход к «белым» варницам вместо «черных», широкое использование паровых машин. Все это позволило разрушить дворянскую монополию на производство соли в Пермской губернии, значительно повысить производительность труда (на одного рабочего в фирме Любимова приходилось больше чем в 1,5 раза произведенной соли, чем на аналогичных производствах Строгановых). К 1910 г. «купеческие» соляные промыслы давали 53,6% всей вываренной соли в Пермской губернии[2].

Одним из первых в России И.И. Любимов переходит к созданию промышленного комплекса, включавшего в себя транспортную фирму, каменноугольные копи (на основе аренды Губахинского угольного месторождения) и единственный в то время в стране содовый завод в Березниках, работающий по

---

[1] См.: *Биографический* указатель памятных деятелей Пермского края. Пермь, 1902. С. 15.

[2] *Сапоговская Л.В.* Процесс монополизации соляной промышленности Прикамья в конце XIX – начале XX вв. // Промышленность Урала в период капитализма. Социально-экономические и экологические проблемы. Екатеринбург, 1992. С. 71, 85.

бельгийской технологии на базе местной соледобычи (был основан в 1883 г.)[1]. В конце XIX в. И.И. Любимов стал проявлять интерес к нефтедобыче и ее переработке на Каспии, но смерть в 1899 г. прервала его деятельность. Показательным для оценки новаторских инициатив И.И. Любимова является тот факт, что среди уральских предпринимателей он слывет «русским американцем».

Столь же новаторское и инициативное отношение к делу Иван Иванович проявил на посту главы города, причем в течение двух сроков, его сменяет в 1879 г. брат Михаил Иванович Любимов. Как уже отмечалось в предыдущей главе, у истоков Пермского губернского земства находился один из представителей творческой либеральной общественности – Д.Д. Смышляев. И.И. Любимов поддерживал те идеи, которые инициировал председатель губернской управы, и обеспечивал их финансовую поддержку и организацию как председатель городской управы. Он представлял тип нового поколения, сменившего традиционное купечество и постепенно пришедшего к руководству общественными делами.

Первый этап реализации основных пунктов Городового положения 1870 г. включал определение направлений развития городской инфраструктуры, касающейся, прежде всего, благоустройства улиц и создания для жителей городов благоприятных санитарных условий. Эта работа проводилась в сотрудничестве с уездными управами, находящимися на территории этих городов. На первых порах в их отношениях наблюдался некоторый дискомфорт. Главными пунктами их разногласий были, конечно же, вопросы финансирования мероприятий, проводимых земствами, но часть их относилась к ведению городского самоуправления. Торговая смекалка, меркантильность, опыт управления городом помогали представителям городских управ перекладывать часть этих расходов на плечи земств. В то же время нельзя не признать, что город вносил в земскую копилку достаточно большую часть: со 100 руб. оцененного недвижимого имущества в городах земские сборы составляли 1 руб. 64 коп. Для сравнения: в пользу казны шло 50 коп., а в городской бюджет – только 28 коп.[2]

Одним из важнейших источников средств на развитие инфраструктуры города была система общественных банков, возникшая еще в дореформенное время. Урал стал пионером в создании этой системы. Первый в России городской общественный банк был открыт в 1810 г. в Слободском Вятской губернии

---

[1] Подробнее см.: *Семенов В.Л.* И.И.Любимов – человек, предприниматель, общественный деятель и меценат. Пермь, 2002. С. 38-62.

[2] *Журналы* Пермской городской думы за 1879 год. Пермь, 1880. С. 50.

по инициативе купца 1-й гильдии К.А.Анфилатова. Легендарная личность в истории отечественной международной торговли. В 1806 г. открыл прямую, без посредников, торговлю с молодым государством на Американском континенте - США[1]. В Вятке городской банк был образован в 1862 г. и получил имя основателя - Ф.Веретенникова[2]. В этом же году был открыт городской банк в уездном городе Котельниче. В 1871 г. появляется общественный банк в Орлове.

Из имевшихся в Пермской губернии в 1890 г. 9 таких финансовых учреждений 5 были созданы в 40–50-е гг. XIX в. Такие структуры имели 8 из 11 уездных городов. Один из первых городских банков на Урале был создан в 1836 г. в Верхотурье на уставный капитал купца М.Ф. Попова для финансирования торговых операций во время перевозки товаров в Сибирь по старому торговому пути[3]. Кроме того, Верхотурье привлекало массу религиозных паломников из отдаленных районов России для поклонения мощам св. Симеона Верхотурского. Здесь же находился основанный в самом начале XVII в. Николаевский мужской монастырь. В 1907 г. вновь был открыт Покровский женский монастырь. По оценкам специалистов, в город ежегодно прибывало от 90 до 120 тыс. чел. Их необходимо было обеспечить элементарными условиями жизни. Поэтому через городской общественный банк не только шло кредитование купеческих операций, но и финансировалось развитие социальной сферы города.

Ирбитский городской общественный банк был создан в 1849 г. Он предназначался для кредитования купеческих подрядов по благоустройству города, особенно во время проведения ярмарки, а также операций городских мелких торговцев. Доходы от предпринимательской деятельности городского банка направлялись также на развитие образования – финансирование городских училищ, выделение стипендий для бедных учащихся и др[4].

Однако наиболее эффективной была работа Пермского, Екатеринбургского, Кунгурского и Шадринского общественных банков. Оборот их денежных средств к середине 80-х гг. составлял более 17,5 млн руб. в год[5]. Они устанавливали тесные отношения с отделениями Государственного банка и Волжско-Камским акционерным банком. Развитие денежных операций позволяло направлять прибыль на совершенствование городской инфраструктуры, а также

---

[1] См.: *Замятин Г.А.* Исторический очерк возникновения в г. Слободском общественного Анфилатова банка // Памятная книжка Вятской губернии на 1910 г. Вятка, 1909. С. 1-57.

[2] *Журналы* Вяской городской думы за 1887 год. Вятка, 1888. С. 109.

[3] *ГАПО*, ф. 65, оп. 1, д. 52, л. 53.

[4] *ПГВ*. 1882. № 25, 26.

[5] *ГАПО*, ф. 65, оп. 1, д. 52, л. 53 об.

финансировать те мероприятия города, которые выходили за рамки традиционных направлений. В первую очередь, безусловно, банки служили интересам тех, кто определял жизнь города, – наиболее состоятельной торгово-промышленной группы «отцов города», в руках которых находилось управление самим городом. Но это позволяло им осуществлять мероприятия, выходившие за рамки коммерческих проектов и носившие общественный характер. Этот своего рода *гражданский* потенциал развития города в целом оказывал опосредованное влияние на становление новых отношений. Города переставали удовлетворять потребности только узкого круга избранных, а начинали служить катализатором нового действия, захватывающим более широкий круг людей, превращая их из статистов в активных деятелей.

В городах одним из важных направлений общественного развития становилось расширение масштабов работы образовательных учреждений: школ, училищ, гимназий. Потребности индустриальной цивилизации в пореформенный период объективно диктовали необходимость перехода от обучения элементарной грамотности населения к обучению, предусматривающему научное содержание, т.е. обучению нового типа личности. В свое время один из великих французских просветителей Д. Дидро отмечал: «Образование придает человеку достоинство, да и раб начинает осознавать, что он не рожден для рабства»[1].

В городах уральских губерний в этот период образование было представлено учреждениями всех уровней: массовые воскресные школы грамотности; уездные училища, которые с 1872 г. преобразовывались в городские начальные школы, отличавшиеся, по сравнению с начальными школами в деревне, фундаментальностью обучения; реальные училища, классические гимназии, духовные семинарии, которые давали среднее образование и становились ступенькой к высшей школе[2]. Вместе с тем нужно заметить, что общественности страны так и не удалось сделать эту систему образования непрерывной. Причем, в наиболее неравном положении оказались выходцы их крестьянского сословия. В этом проявлялась государственная политика. Как указывал в одном из своих выступлений министр народного просвещения Д. Толстой, «правительству сколько по нравственным, столько же и по политическим соображениям следовало не отвлекать от народа лучшие силы, ставя крестьян путем гимназическо-

[1] *Дидро Д.* Соч. Т. 10. М., 1947. С. 272.

[2] *Очерк* народного образования в Пермской губернии // Сборник материалов для ознакомления с Пермской губерниею. Пермь, 1895. С. 44-45.

го образования в несвойственное их рождению положение, а развивать эти силы путем приходских и ремесленных школ и сохранять их народу для его же нужд»[1].

Становление первых воскресных школ наиболее активно проходило в Пермской губернии на фоне большого общественного подъема, который отмечался в периодической печати того времени. В газете «Пермские губернские ведомости» начала 60-х гг. XIX в. нередки примеры этой новой формы гражданской активности со стороны общественности губернского и уездных городов. Так, в апреле 1861 г. на базе уездного училища по инициативе канцелярского служащего гранильной фабрики С. Петровского открыта воскресная школа для неграмотных рабочих. Учебные пособия и книги с разрешения начальника горного правления Фолькнера были переданы из окружного горного училища[2]. В Перми усилиями местной общественности: служащих губернских государственных учреждений, жен чиновников, учащихся старших классов мужской гимназии, духовного училища - было открыто 5 воскресных школ для всех желающих из бедняков и рабочего сословия. Среди жертвователей средств есть имена купцов: Г.Г. Марьин, А.И. Рябинин, В.Е. Фомин, В.М. Нассонов и др. Активное участие в организации школ приняла супруга пермского губернатора А.В. Лошкарева[3].

Тем не менее с 1862 г. правительство, обеспокоенное массовым появлением таких школ, их достаточно свободными учебными программами, демократизмом обучения, по инициативе Синода запрещает деятельность воскресных школ. Однако в положении о начальных народных школах 1864 г. они были отнесены к этой категории и их деятельность должна была осуществляться наряду с деятельностью начальной школы. Уже к 1882 г. число воскресных школ, которые возникают, в основном, при городских школах как вспомогательные классы для взрослых и желающих детей, достигает 58[4]. К 1914 г. обучение элементарной грамотности через различные формы проводилось в 127 учебных заведениях Пермской губернии, а количество слушателей составляло почти 120 тыс. чел.[5]

---

[1] Цит. по: *Константинов Н.А., Струминский В.Я.* Указ. соч. С. 167.

[2] *Нечаев И.В.* Горнозаводские школы Урала: К истории профессионально-технического образования в России. М., 1959. С. 57-59.

[3] *ПГВ*. 1860. № 42, 49, 51; 1861. № 40, 50, 51.

[4] *ГАПО*, ф. 42, оп. 1, д. 129, л. 53-54.

[5] *Обзор* Пермской губернии за 1914 год. С. 51.

Большой популярностью в городах пользовались образовательные курсы, воскресные чтения и пр. Так, в Екатеринбурге за 1911-1913 гг. было проведено 1021 чтение, на которых присутствовало более 102 тыс. чел.[1] В Верхотурье обучение на таких курсах при городской общественной библиотеке проводилось с 70-х гг. XIX в. Библиотека была открыта по инициативе и при финансовой поддержке городского головы, купца Ивана Александровича Мухлынина[2]. Позднее, в 1915 г., библиотека была реорганизована в центральную земскую библиотеку. Большим событием в работе воскресных курсов в этом городе стало приглашение в 1881 г. для педагогических чтений известного в России деятеля отечественного просвещения учителя русского языка Воронежской военной гимназии, автора известного педагогического труда «Школьное дело» Н.Ф. Бунакова. На его лекциях присутствовало около 1,5 тыс. чел., и это притом, что число жителей города составляло около 4 тыс.[3] В 1883 г. Н.Ф. Бунаков по приглашению городских управ проводил аналогичные курсы в городах Пермской губернии Ирбите и Шадринске.

На севере Пермской губернии следует отметить также просветительскую деятельность в городе Чердыни двух основных центров: общеобразовательного музея имени А.С. Пушкина, открытого в 1899 г., и Общества любителей истории, археологии, этнографии Чердынского края, организованного в 1903 г. Финансирование деятельности этих учреждений культуры осуществлялось городской управой, уездным земством, а также пароходчиком Д.Е. Ржевиным за счет его частных пожертвований. Организатором большинства мероприятий не только научного, но и просветительского характера являлся известный на Урале земский деятель Дмитрий Аристархович Удинцев, возглавлявший в то время уездное земство.

Система среднего образования на Урале проходила путь своего становления, как и в остальных районах Российской империи. Первоначально в губерниях были открыты мужские классические гимназии: в Перми она была создана в 1808 году, в Вятке – в 1811 г., в Екатеринбурге – в 1861 г. К середине 50-х гг. Х1Х в. в Пермской и Вятской гимназиях обучалось 193 и 141 человек со-

---

[1] *Отчет* об организации вторых общеобразовательных курсов для народных учителей в г. Екатеринбурге в 1914 году. Пермь, 1914. С. 36-38.

[2] *Журналы* 5-го очередного Верхотурского уездного земского собрания 1875 г. Вятка, 1875. С. 241-243.

[3] *Шишонко В.Н.* Отчет Пермской дирекции народных училищ. Пермь, 1882. С. 57.

ответственно[1]. В течение 7 лет обучения (а с 1871 г. этот срок был увеличен до 8 лет) они обеспечивали полное среднее образование и готовили выпускников для поступления в университеты России. Окончившие гимназию имели право на ведение педагогической деятельности в сфере начального и домашнего образования. Еще одним средним учебным заведением в губернии была духовная семинария. Первое на Урале духовное среднее учебное заведение было открыто в Вятке еще в 1758 г. В Перми, после выделения самостоятельной епархии из состава Вятской в 1799 г., в ноябре 1800 г. создается вторая на Урале семинария. Екатеринбургская епархия создает собственную духовную семинарию только в 1916 г., и не успела развернуть свою деятельность. Они принадлежали духовному ведомству и кроме подготовки к священнослужению давали общее среднее образование для поступления в высшие учебные заведения страны. Преподаватели в этих учебных заведениях имели университетское или высшее духовное образование. Это были выпускники Петербургского и Московского университетов, ближайшего к Уралу Казанского университета, а также Казанской духовной академии. Своего высшего учебного заведения уральские губернии не имели до 1916 г., несмотря на неоднократные попытки земской общественности, представителей торгово-промышленного капитала открыть его.

С 70-х г. XIX в. большое распространение получила практика направления на обучение в университеты за счет земских и городских органов самоуправления. Только Пермское губернское земство за период с 1870 по 1900 г. направило стипендиатами 258 чел., причем абсолютное большинство из них возвратилось после окончания обучения обратно для работы в системах образования, медицины, агрономии[2]. К 1913 г. Вятское губернское земство осуществляло оплату 251 стипендиатам. Правда, отмечалось в документах, что 25% окончивших учебные заведения находились в списках должников земствам[3].

Особую роль в становлении нового общественно-активного самосознания учащихся средних учебных заведений 70–80-х гг. XIX в. сыграли выпускники Казанского университета. В период 60-х, в начале 80-х гг. XIX в. это учебное заведение было символом новой системы образования – на демократической

---

[1] *Зверев А.В.* Старейшее учебное заведение города Перми: К столетию Пермской мужской гимназии (1808-1908). Пермь, 1908. С. 37; *Васильев М.Г.* История Вятской гимназии за сто лет ее существования. Вятка, 1911. С. 89.

[2] *Доклады* Пермской губернской земской управы Пермскому губернскому земскому собранию 31-й очередной сессии. Пермь, 1901. С. 815-817.

[3] *Доклады* управы и комиссии губернскому земскому собранию по вопросам народного образования, общего и профессионального за 1913 г. Вятка, 1914. С. 349.

основе. Его выпускники становились проводниками народнических идей, пытаясь претворить на практике идеологические постулаты Чернышевского о подвижническом служении народу.

Одной из ярких личностей являлся директор Пермской классической мужской гимназии Иван Флорович Грацинский (1800-1887). Выпускник словесного факультета Казанского университета, он преподавал в средних учебных заведениях Казани, своей alma mater, русскую словесность, отечественную историю. После 7-летней службы в Симбирске инспектором гимназии в 1844 г. И.Ф. Грацинский назначается директором Пермской гимназии, где проработал 40 лет. Уникальный случай в провинциальной педагогической истории России – в 1880 г. «вне правил» (в истории Пермской губернии это был единственный случай столь высокого служебного чина) ему присваивается чин тайного советника. Получив гимназию в руинах, после страшного пожара 1842 г., он не только отстраивает здание, но и значительно его расширяет[1]. Для этого он вовлекает в благотворительную деятельность купечество, чиновников не только Перми, но и других городов губернии. Постепенно это учебное заведение становится лидером среди образовательных учреждений системы пермского образования. Преподавательские кадры Грацинский предпочитал подбирать, как мы уже указывали, из выпускников Казанского университета. Одним из них был Н.А. Фирсов, преподаватель истории, ближайший помощник Д.Д. Смышляева, яркий представитель демократически настроенной пермской интеллигенции, способствовавший развитию просвещения в городе. В традициях гимназического учительства было обучение истории, географии, статистике, этнографии. Учителя принимали самое активное участие в общественной жизни города.

Семья Ивана Флоровича также имела непосредственное отношение к образовательной деятельности: жена – Александра Егоровна - более 30 лет являлась начальницей Мариинской женской гимназии, сын – Николай, работая чиновником в новых судебных органах, часто выступал в учебных заведениях с публичными лекциями. В ознаменование вклада И.Ф. Грацинского в развитие образования и в связи с 50-летием педагогической деятельности городская дума в 1873 г. присваивает ему звание почетного гражданина города Перми. В 1884 г. он выходит в отставку, оставаясь «почетным попечителем гимназии».

---

[1] *Верхоланцев В.С.* Город Пермь: его прошлое и настоящее. Пермь, 1913. С. 198-201.

Однако надежды на расширение масштабов начального образования, пополнение учительских кадров в деревне, а также потребности промышленного развития региона в рабочих более высокой квалификации для современных производств таким количеством средних учебных заведений не могли быть реализованы. Поэтому уже в 70-е гг. правительство вынуждено было пойти на создание системы женского среднего образования. Основой для этого послужили женские прогимназии, возникшие в 60-е гг. Они находились в ведении вдовствующей императрицы Марии Александровны и получили название «Мариинские». Это были училища 1-го разряда с обучением в течение 5 лет. Их выпускники получали право вести преподавательскую деятельность. 28 декабря 1860 г. в Перми, на средства городского общества и благотворительных взносов, такое училище было торжественно открыто. Помещение для него пожертвовали известные предприниматели братья Ф.К. и Г.К. Каменские[1].

В 1863 г. такое же училище появилось и в Екатеринбурге. Большую роль в его создании сыграл городской голова Екатеринбурга Михаил Ананьевич Нуров. При обсуждении вопроса о финансировании городской прогимназии на заседаниях думы он проявил настойчивость, несмотря на то, что ряд купцов выступили против его открытия, считая, что пермская прогимназия в состоянии удовлетворить запросы на женское образование. В период руководства городом, с 1876 по 1880 г., будучи одновременно членом попечительного совета, М.А. Нуров добился строительства для этой гимназии нового благоустроенного здания, пожертвовав на строительство домовой церкви при ней 10 тыс. рублей. Михаил Ананьевич для обучения способных девушек из бедных сословий выделил личные средства на две стипендии[2].

С 1864 г. оба женских училища Перми и Екатеринбурга были преобразованы в прогимназии. В 1871 г. они получили звание гимназий с полноценным курсом среднего образования. Тогда же были открыты специальные 8-летние педагогические классы. Среднее женское образование было платным. Для первых четырех классов – 38 рублей в год, с пятого по седьмой – 45 руб. и в восьмом классе – 65 руб., не считая оплаты за дополнительные уроки. Поэтому получали образование, преимущественно, дочери чиновников и купцов, но более 30% мест отдавалось для стипендиаток земских учреждений, как уездов, так и

[1] См.: *Дмитриев А.А.* Указ. соч. С. 225-226.

[2] *Бухаркина О.А.* Гражданин Екатеринбурга Михаил Ананьевич Нуров // Первые Татищевские чтения. Екатеринбург, 1997. С. 134-136.

городов губернии. Как отмечалось в документах женских гимназий, главными задачами обучения было нравственное воспитание, формирование характера, умения общаться с другими людьми, воспитание терпимости и уважения к другим мнениям[1]. Большую помощь в работе гимназии оказывали родительские комитеты, созданные в период революционных событий 1905-1907 гг.

К концу XIX в. вполне обозначилась тенденция к росту числа женских образовательных учреждений, в том числе – средних. Основой этого процесса стали появившиеся в уездных городах прогимназии, получившие статус гимназий, а также частные средние учебные заведения. Именно из прогимназий возникают средние школы в Ирбите, Верхотурье, Камышлове, Екатеринбурге, Перми. По данным Оренбургского учебного округа, Пермская губерния лидировала среди уральских и поволжских губерний. В 1905 г. здесь были 2 мужские и 8 женских гимназий, а также 8 прогимназий. Для сравнения: в Вятской губернии в это время – 1 мужская, 8 женских гимназий и 4 прогимназии; в Оренбургской губернии – по 2 мужских и женских гимназий, а также 3 прогимназии; в Уфимской губернии – 1 мужская и 4 женские гимназии и 2 прогимназии[2]. К 1915 г. в Пермской губернии число мужских и женских гимназий достигло 26, прежде всего за счет преобразования некоторых городских учебных заведений в средние школы, где обучалось более 11 тыс. учащихся[3]. Например, в Екатеринбурге в средних учебных заведениях всех типов в 1902 г. насчитывалось 1874 чел., а к 1913 г. произошло увеличение до 3500[4]. В Верхотурье же уровень грамотности усилиями земской и городской общественности достиг 49%, что почти в 2 раза превышало общероссийские показатели (21%). В январе 1914 г. специальная комиссия городской думы рассматривала вопрос о разработке новой сети городских образовательных учреждений[5]. Но реализации этих планов помешала война.

Определенным вкладом в развитие женского среднего образования стали епархиальные женские училища, возникшие по инициативе местных епархий. Именно они выступали и в качестве основного источника финансирования. Около 30% необходимых средств выделяло государство, некоторую долю - го-

---

[1] *Отчет* о состоянии Екатеринбургской женской гимназии за 1872-1873 учебный год. Екатеринбург, 1875. С. 25-26; *Семченков В.* 25-летие Пермской Мариинской гимназии. Пермь, 1885. С. 9-10.

[2] *РГИА,* ф. 733, оп. 204, д. 305, л. 12-14.

[3] *Обзор* Пермской губернии за 1915 год. С. 46-47.

[4] *Раменский А.П.* Очерк народного образования в Пермской губернии в 1902 году. Пермь, 1904. С. 42; *Смета* доходов и расходов г. Екатеринбурга на 1914 г. Екатеринбург, 1914. С. 297-299.

[5] *ГАСО*, ф. 435, оп. 1, д. 54, л. 178.

родские управы, губернское земство, использовались также пожертвования частных лиц; особенно значительным было экономическое участие братьев Каменских в Перми и бывшего городского головы Екатеринбурга В.В. Кривцова. Главным контингентом учащихся этих училищ становились дочери уральского духовенства, и они, по мысли церковных иерархов, должны были стать главными лицами в системе церковно-приходских школ Пермской губернии. Особую активность в скорейшем создании такого училища проявлял Пермский епископ Владимир, реализовавший этот проект. Идея создания училища была высказана на одном из епархиальных съездов духовенства еще в 1870 г. В 1889 г. выходит указ св. Синода об открытии в Перми епархиального женского училища, занятия в котором начались с сентября 1891 г.[1] В 1896 г. для практических занятий по педагогическому мастерству выпускницами училища была создана образцовая церковно-приходская школа. К началу XX в. в двух епархиальных училищах занималось около 500 девушек[2].

Одной из интересных особенностей развития системы городского образования в России стало создание частных учебных заведений различной степени обучения. Причем в крупных городах преобладали образовательные учреждения, не скрывающие своей цели получить статус гимназии, т.е. готовить своих выпускников к поступлению в высшие учебные заведения университетского типа. Такая возможность предусматривалась в известном положении 1872 г., где право открывать учебные заведения предоставлялось не только земствам, городскому самоуправлению, обществам, но и частным лицам для «…содействия видам правительства в распространении просвещения»[3].

Можно согласиться с новейшими исследованиями в области истории образования[4], в которых утверждается, что одной из основных целей создания таких школ были не меркантильные задачи коммерциализации обучения и получения прибыли, хотя и отрицать наличие таких намерений не следует. Здесь действительно можно усматривать благотворительные намерения – это, прежде всего, дать возможность детям из беднейших семейств бесплатно получить образование. Тем самым создать им благоприятные стартовые возможности для

---

[1] *РГИА*, ф. 802, оп. 1, д. 1752, л. 388.

[2] *ГАПО*, ф. 37, оп. 1, д. 52, л. 86.

[3] *Положение* о частных учебных заведениях. М., 1884. С. 2.

[4] См.: *Егорова М.В.* Учредители частных учебных заведений на Урале в пореформенный период // Вестник ОГУ. 2004. № 12. С. 34; *Лавреченко Л.Я.* Благотворительная деятельность в сфере образования дореволюционной России: исторические и культурно-просветительские аспекты // Образование и общество. 2004. № 1. С. 86; *Цирульников А.М.* Народное образование в России. М., 2001. С. 38. и др.

вхождения в жизнь. В Пермской губернии появление таких частных школ было связано с именами женщин-просветителей нашего края. Благодаря находкам последних лет пермских краеведов Е.А. Спешиловой, Е.Д. Харитоновой, Т.П. Чураковой[1], расширяется представление о подвижнической деятельности отечественной интеллигенции в начале XX в. В том числе были представительницы дворянства, чиновничества, священнослужителей.

Показательным было выступление дочери кунгурского священника Л.П. Удинцевой, которая в 1895 г. открывает в городе бесплатную частную начальную школу с общежитием для бедных детей: «Цель этой школы – приютить в семейной обстановке заброшенных и никому не нужных детей, воспитать их душу на началах христианской нравственности, научить грамоте, труду и таким образом дать им возможность стать не язвой общества, а здоровыми и, по возможности, полезными его членами»[2]. Выписка из пояснительной записки бывшей выпускницы Мариинской женской гимназии в Перми В.А.Никулиной также раскрывает побудительные причины открытия частной школы в селе Кудымкар Соликамского уезда: «Видя настоятельную местную нужду в обучении девочек, а равно и просьбы родителей, убеждают меня в необходимости прийти на помощь нуждающимся родителям в образовании детей»[3].

Все учредители частных учебных заведений имели специальное, среднее или высшее образование. Некоторые из них оканчивали столичные гимназии (М.Н. Зиновьева – Московскую; Н.Г. Зубков – Московский университет; Л.В. Барбатенко – Высшие женские курсы в Петербурге, Э.В. Циммерман – Пермскую Мариинскую гимназию). Основатель и учредитель частной женской гимназии в Перми А.И. Дрекслер-Голынец кроме Пермской гимназии окончила также Высшие женские курсы в Петербурге и проходила стажировку в Сорбонне[4].

Преподавателями частных школ являлись, в основном, учителя средних учебных заведений городов, а после открытия Пермского университета в 1916 г. активно стали привлекать и опытных вузовских преподавателей. Городские и земские органы самоуправления оказывали таким учебным заведениям финансовую поддержку, видя в них важный резерв расширения среднего образования в

---

[1] См.: *Чуракова Т.П.* История гимназии М.Н.Зиновьевой в г. Перми // Прикамье. Век XX: малоизвестные страницы истории края. Пермь, 1997; *Спешилова Е.А.* Частная гимназия Циммерман в Перми // Страницы прошлого. Пермь, 1995; *Харитонова Е.Д.* Частная гимназия Дрекслер-Голынец в Перми // Там же; *Егорова М.В.* Указ. соч. и др.

[2] *Бесплатная* частная школа с общежитием Л.П.Удинцевой в г. Кунгуре Пермской губернии. Пермь, 1898. С. 1.

[3] *ГАПО*, ф. 42, оп. 1, д. 129, л. 27.

[4] Данные приведены в кандидатской диссертации: *Егорова М.В.* Развитие системы частного образования на Урале (1861-февраль 1917 гг.). Челябинск, 2003. С. 102, 105, 110-112, 114.

городах. Поэтому они всячески поощряли повышение статуса частных школ до уровня гимназического учреждения. Не оставались в стороне и представители купеческого сословия. Так, одним из самых важных финансовых источников существования гимназии А.И.Дрекслер-Голынец являлись средства знаменитого пароходчика Н.В.Мешкова, который выставил единственное требование о ежегодном бесплатном обучении в ее гимназии трех девочек из неимущих и бедных семей[1]. Большинство частных учебных заведений для дополнительной поддержки бедных учеников создавало общества вспомоществования, где благотворительные средства являлись основным источником формирования таких фондов.

Многие из созданных в городах частных гимназий (только в Перми и Екатеринбурге их было 8)[2] существовали до конца 1917 г. и вошли затем в систему единой советской трудовой школы.

В Вятской губернии процесс открытия частных учебных заведений в городах не получил столь широкого распространения. В основном они стали появляться в начале XX в. (всего было создано 22 учебных заведения) и были сосредоточены в Вятке (9 заведений), а также крупнейших заводских поселках: Ижевске и Воткинске (6 заведений)[3].

Промышленная революция, постепенно захватывающая страну со второй половины XIX в., появление принципиально новых отраслей промышленности, техническое перевооружение предприятий – все это делало насущной проблему подготовки профессиональных кадров управления среднего звена. На Урале накануне реформ существовали две профессиональные школы, готовившие мастеров и профессиональных работников, – Нижнетагильская, принадлежавшая Демидовым, и Уральское горное училище, бывшее под патронажем казны.

Самым старым учебным заведением этого профиля нужно считать училище, которое находилось во владениях Демидовской «промышленной империи». Оно было открыто еще в 1709 г. при Невьянском заводе, а в 1758 г. было передано Нижнетагильскому заводу. В 1806 г., во время реформы, связанной с наступлением эпохи императора Александра I, училище было преобразовано в высшее четырехклассное заводское училище закрытого типа, получившее название Выйское (по имени находившегося поблизости Выйского завода). Здесь учились дети служащих и рабочих – в среднем 100-110 чел. В обучении прини-

---

[1] Цит. по: *Харитонова Е.Д.* Частная гимназия Дрекслер-Голынец в Перми // Страницы прошлого. Пермь, 1995. С. 106.

[2] См.: *Егорова М.В.* Указ. соч. Приложение № 1. Пермская губерния.

[3] *Календарь* и памятная книжка Вятской губернии на 1911 год. Вятка, 1910. С. 187-189.

мали участие также демидовские крепостные. Школа была обеспечена учебниками, учебными пособиями в необходимом количестве. Была оборудована специальная лаборатория[1]. В 1862 г. Выйское высшее училище преобразовывается в трехлетнее реальное училище с шестилетним сроком обучения, а в конце 90-х гг. XIX в. – в горнозаводское училище. Тогда же финансирование училища стало осуществляться наследниками Демидова и служащими Нижнетагильского завода, что позволило сохранить это старейшее учебное заведение. Училище имело физический, минералогический, географический кабинеты, химическую лабораторию, большую библиотеку специальной и художественной литературы. Общеобразовательный процесс дополнялся такими дисциплинами, как металлургия, горное и маркшейдерское искусство, минералогия, геодезия, механика, лесное хозяйство, топография и др.[2] Однако статус среднего технического учебного заведения оно получило только в 1916 г.

Уральское горное училище в Екатеринбурге было основано Горным правлением в 1853 г. Оно отличалось высоким уровнем теоретической подготовки; программа предусматривала изучение математики, физики, химии, горного и маркшейдерского искусства, минералогии, геогнозии, механики, технического черчения[3]. Училище, которое находилось в ведении Горного правления, пользовалось повышенным вниманием горного начальства и было его любимым детищем. Оно имело прекрасную техническую и учебную базу: мастерские, электростанцию, промышленный музей, большую библиотеку. Во многом высокое положение горного училища (хотя официальный статус средней профессиональной школы оно получило только 1904 г. ввиду позиции горного начальства) объяснялось тем, что это учебное заведение всегда возглавляли профессионалы, передовые люди своего времени.

Самым известным среди них был видный деятель науки Урала Наркиз Константинович Чупин (1824-1882). Уроженец города Екатеринбурга, после окончания уездного училища в 1838 г. он поступил в Пермскую мужскую гимназию, где 7-летнюю программу прошел за 4 года. Это был единственный случай за всю историю гимназии (!). Затем с 1842 г. Н.К. Чупин учился на историко-филологическом факультете Казанского университета. Он прекрасно знал не только обязательные по программе древние языки, но и современные ино-

[1] *ГАСО*, ф. 643, оп. 1, д. 1068, л. 28-29.
[2] *Там* же, л. 178-180.
[3] *ГАСО*, ф. 129, оп. 1, д. 3, л. 54.

странные: немецкий, французский, английский, успешно изучал испанский и итальянский. Это позволяло ему широко использовать труды зарубежных специалистов. Однако в силу обстоятельств (не вовремя собранные справки) он заканчивает обучение в университете на юридическом факультете по отделению камерального (гражданского) права и защищает кандидатскую диссертацию. Затем он снова возвращается в родной город, несмотря на хорошие перспективы в научной работе. С 1853 г. и до последних дней Н.К. Чупин работает в горном училище, с 1862 г. – его директором[1]. Здесь определилось основное направление научной деятельности ученого-педагога – история горнозаводского Урала. Автор более 50 работ, опубликованных в периодической печати, уникального, даже по сегодняшним меркам, научного труда – «Географический и статистический словарь Пермской губернии»[2]. Несмотря на замкнутый образ жизни и углубленный труд в архивах горного правления, он способствовал повышению авторитета своего учебного заведения, занимавшего в профессиональном образовании уральского региона достойное место.

По положению 1872 г. на Урале стали открываться особого рода учебные заведения с профессиональным уклоном, получившие название реальных училищ. Первоначально они не давали полного среднего образования, так как создавались с целью удовлетворения потребностей развивающейся промышленности в профессиональном обслуживающем персонале. Только в 1888 г. после неоднократных попыток со стороны общественности они получают статус среднего образовательного учреждения, благодаря чему выпускники реальных училищ могли поступать в высшие технические вузы страны. По исторической случайности инициатива создания реальных училищ в Пермской губернии принадлежала руководителям двух крупнейших ее городов: в Перми – городскому голове И.И.Любимову, в Екатеринбурге – городскому голове В.А. Грамматчикову. В один и тот же 1873 г., летом, они выносят на заседания своих городских дум вопрос о необходимости открытия в городе реального училища, среднего учебного заведения, где основным направлением становилась профессиональная техническая подготовка руководящих кадров среднего звена[3]. Даже назывались они одинаково – Алексеевское реальное училище, в честь проезда в ию-

---

[1] *Чупин Н.К.* Материалы для биографий замечательных местных деятелей // Сборник статей о Пермской губернии Д.Смышляева. Пермь, 1891. С. 268-271.

[2] *ГАСО*, ф. 129, оп. 1, д. 248.

[3] *Отчет* Пермской городской управы за 1873 г. Пермь, 1875. С. 78; *Протоколы* Екатеринбургской городской думы за вторую половину 1873 г. Екатеринбург, 1875. С. 52-53.

не 1873 г. по этим городам Великого князя Алексея Александровича. И если в Перми оно было открыто только в 1876 г., то Екатеринбург сделал это сразу же – в 1873 г. Учебная программа в нем предусматривала изучение иностранных языков, основ гражданской и естественной истории, математики, физики, механики, химии, рисования, черчения, хорового искусства и др.

И.И. Любимов воспринимался, по оценкам большинства исследователей, как неординарный предприниматель и общественный деятель; что же касается личности Владимира Александровича Грамматчикова, то она заслуживает не меньшего внимания, тем более что он был представителем технической интеллигенции, что было очень редко в руководстве городами Пермской губернии.

Выходец из известной уральской династии заводской интеллигенции, в 1849 г. он окончил Петербургский институт горных инженеров и отправился на службу в Уральский горный округ. Занимая технические и руководящие должности на предприятиях Урала, В.А. Грамматчиков проявил себя как великолепный организатор производства и человек, имеющий склонность к научной деятельности. Одно время он даже занимал пост главного начальника Уральских горных заводов. С выходом в свет в 1871 г. книги В.А. Грамматчикова «Горное законодательство и горная администрация Англии, Бельгии, Франции и Пруссии» он избирается председателем Уральского отделения Русского технического общества, в 1872 г. - гласным городской думы, а затем – главой города Екатеринбурга. Под его руководством была значительно расширена система медицинской помощи городским жителям, проведена перепись населения города, создана сеть городских начальных училищ и др[1].

Столь же целенаправленной была его деятельность в социальной сфере в 80–начале 90-х гг. XIX в., когда он возглавлял Нижнетагильский горный округ. Грамматчиков добился капитального ремонта и расширения Нижнетагильского реального училища. Благодаря его усилиям приобретаются здания для двух женских училищ и оказывается помощь в организации в них учебного процесса. У него начинаются разногласия с хозяевами завода, наследниками «заводской империи» Демидовых, когда они под предлогом «рационализации» хозяйства принимают решение ликвидировать всю социальную инфраструктуру заводского поселка. Владимир Александрович находит выход из этого трудного положения, сохраняя то ценное, что было создано в предшествующие перио-

[1] *Апкаримова Е.Ю.* Городское самоуправление Екатеринбурга во второй половине XIX в. // Известия УрГУ. 1998. № 9. С. 87.

ды[1]. Однако это стоило ему руководящего поста, и он уезжает из Нижнего Тагила, а затем с Урала в свое петербургское имение, где умирает в 1906 г.

В 1875 г. открылось еще одно реальное училище в Пермской губернии – в Красноуфимске. Инициаторами его создания стали уездное земство и городская дума, выделяя для этих целей 6 тыс. руб. в год. Оно создавалось как шестиклассное, в составе двух отделений: горнозаводского и сельскохозяйственного[2]. В 1896 г. горнозаводское отделение было переведено в Пермь и вошло в состав Алексеевского реального училища, а Красноуфимское училище продолжало оставаться в качестве среднего учебного заведения, призванного готовить специалистов в области агрономии и лесоводства и мастеров сельскохозяйственного оборудования. Первым директором училища стал выпускник Петровской земледельческой академии в Москве Николай Александрович Соковнин. По его инициативе в 1880 г. для практики будущих агрономов при училище была создана сельскохозяйственная ферма, которая стала показательным хозяйством губернии и центром распространения новых приемов агрономии. Здесь же готовились кадры для агрономического отдела губернской управы. В 1883 г. была открыта мастерская по изготовлению и продаже по заказам отдельных крестьянских хозяйств и обществ сельскохозяйственных машин и оборудования[3]. В 1882 г. состоялся первый выпуск техников сельского хозяйства. Красноуфимское уездное земство и городская управа по предложению Н.А. Соковнина в 1884 г. направляют ходатайство в Министерство просвещения, а также Министерство государственных имуществ о том, чтобы в порядке исключения выпускники училища могли бы поступать в Московскую земледельческую академию. Через два года, в результате долгой переписки между ведомствами, было дано разрешение, закрепившее за училищем право «относительно поступления в высшую школу»[4].

В начале XX в. география реальных училищ в Пермской губернии значительно расширяется. К 1910 г. они были открыты в Оханске и Шадринске. Частное учебное заведение с правами реального училища появилось в Чердыни[5]. В Вятской губернии, кроме реального училища в губернском городе, действовали аналогичные училища в Слободском, Сарапуле, Елабуге[6]. Более 40% учащихся составляли представители городских сословий, до 30% - дети дворян и

---

[1] *ГАСО*, ф. 643, оп. 1, д. 1400, л. 27-28.
[2] *Журналы* Красноуфимского уездного земского собрания 6 чрезвычайной сессии. Кунгур, 1878. С. 46.
[3] *ПГВ*. 1893. № 28.
[4] *РГИА*, ф. 741, оп. 12, д. 172, л. 196-197.
[5] *ГАПО*, ф. 42, оп. 1, д. 343, л. 57, 82.
[6] *Обзор* Вятской губернии за 1908 г. Вятка, 1909. С. 84.

служивого чиновничества, около 30% являлись выходцами из сельского населения.

По программе и уровню подготовки значительно приближались к реальным училищам специальные профессиональные училища, служившие связующим звеном начального образования и средней школы. Обычно они создавались земскими учреждениями, городским обществом, профессиональными объединениями, другими обществами для решения каких-либо локальных задач, и прежде всего для подготовки специалистов определенного профиля. Такое училище было основано в 1877 г. по инициативе и на средства одного из братьев-чаеторговцев, имевших российскую известность, А.С. Губкина[1]. В первый класс в нем принимались дети рабочих машиностроительного завода, кустарей, занятых в кожевенном промысле, при условии окончания ими начальной школы. Занятия велись по расширенной программе с изучением кроме общеобразовательных предметов механики, технологии металлов и дерева, счетоводства, стройматериалов и др. При училище были созданы хорошо оборудованные механические мастерские. Выпускники училища получали по окончании квалификацию мастеров по машиностроительному делу. Некоторые из них поступали в 5-й класс реального училища для получения полного среднего образования. В 1908 г. училище получило статус среднего учебного заведения с правами реального училища[2].

В 1907 г. при Воткинском заводе Сарапульского уезда Вятской губернии по инициативе заводской общественности и поддержке земских учреждений было открыто механико-техническое училище. В попечительный совет вошли: горный начальник В.В.Воронцов (представитель знаменитой на Урале династии горных специалистов Иосса), преподаватель Воткинского училища М.А.Остроумов, представители уездного земства, волостного правления, рабочих завода[3]. Директором училища был приглашен П.П.Ищереков, руководитель литейных цехов завода. Преподавательский состав также представлял инженерный корпус завода и другие преподаватели, имеющие высшее образование: Н.М.Мамушин, Н.П.Журавлев, А.М.Иванов и др. Отметим, что все они отличались активным участием в общественной жизни заводского поселка[4]. Набор

---

[1] *Освящение* и открытие Кунгурского технического Губкина училища. Пермь, 1877. С. 9-10.

[2] *ГАПО*, ф. 42, оп. 1, д. 343, л. 36.

[3] *Календарь* и Памятная книжка Вятской губернии за 1908 год. Вятка, 1907. С. 126.

[4] См.: *Пушина С.А.* Общественные организации на Воткинском заводе конца Х1Х-начала ХХ вв. // Сведомские чтения. Вып. 3. Пермь, 2003. С. 80-81.

учащихся осуществлялся на основе конкурсов аттестатов не только жителей поселка, но и из других уездов губернии, а также из Перми, Красноуфимска, Казани.

В Перми Общество приказчиков, по инициативе его руководителя Н.И. Великосельцева, в марте 1898 г. на своем собрании принимает решение о необходимости «…открытия в Перми коммерческого учебного заведения, которое, давая необходимые знания для ведения торгово-промышленных предприятий, тем самым служило бы интересам торговли и промышленности»[1]. Особую заинтересованность в создании такой школы проявило пермское купечество. В число крупных жертвователей сразу вошли представители торгово-промышленной фирмы Любимовых. Вдова известного пароходчика и промышленника И.И. Любимова пожертвовала на открытие школы 25 тыс. руб. Его брат М.И. Любимов, продав Обществу свой дом в центре города под школу за 40 тыс. руб., 25 тыс. сразу жертвует школе, а оставшиеся 15 тыс. – на нужды Алексеевского реального училища и других учебных заведений города[2].

Большое участие в начальном финансировании школы приняла городская дума, назначив ежегодное пособие в 1000 руб., а также постановив дополнительный 6%-ный сбор с промысловых свидетельств 1-го и 2-го разрядов для торгово-промышленных предприятий города[3]. Финансовые поступления были сделаны также Пермским и Соликамским уездными земствами, Кизеловским обществом потребителей и др. В конце 1900 г. в Министерстве финансов был утвержден устав школы, и с 1 сентября 1901 г. торговая школа в Перми начала учебную деятельность. Основным контингентом учащихся становятся дети купцов, городских жителей, крестьянства и даже дворянского сословия. Например, из обучавшихся в 1904 г. 13 чел. принадлежали к дворянству, 7 были из семей почетных граждан, 10 – купеческого сословия, 70 чел. – из мещан и 91 – выходцы из крестьян. Общее количество учащихся составляло в среднем 168 чел. Обучение было платным и довольно высоким – в 1910 г. годовая стоимость была определена в 80 руб. 72 коп.[4] Востребованность в выпускниках была достаточно большой, на некоторых приходили персональные запросы. Ежегодный выпуск учащихся из школы составлял до 30 чел. Материально-техническая оснащенность учебного процесса была одной из лучших в губернии. Все преподаватели школы имели среднее и

[1] Цит. по: *Торговая* школа общества взаимного вспоможения приказчиков города Перми. Пермь, 1911. С. 3.
[2] Цит. по: *Торговая* школа общества взаимного вспоможения приказчиков города Перми. Пермь, 1911. С. 4-5.
[3] *Журналы* Пермской городской думы за 1901 год. Пермь, 1902. С. 198-199.
[4] *Торговая* школа… С. 65, 68.

высшее педагогическое и специальное образование. Оплата учителей также отличалась высоким уровнем: от 2400 до 3600 руб. в год. Аналогичная школа была открыта в 1902 г. и в Екатеринбурге. Однако она специализировалась на подготовке бухгалтеров и счетных работников[1].

Как дальнейшее развитие этого вида профессионального образования можно рассматривать открытие в Перми в 1914 г. коммерческого училища, дававшего среднее образование и предоставлявшего право поступления в университеты страны под патронажем Министерства торговли и промышленности, а учредителем выступили: Пермское купеческое общество, Пермский биржевый комитет и городская дума[2]. В 1916 г. открывают аналогичное среднее учебное заведение Оханское уездное земство и городская дума[3].

В Вятке в 1907 г. группа политических ссыльных, которые были перемещены из Красноуфимска Пермской губернии за участие в революционной пропаганде: И.Г.Манохин, З.Н.Алафузова, Е.Н.Чунихина, выступили с инициативой создания 8-ми классного коммерческого училища[4]. Выбор этой формы среднего образования был связан с тем обстоятельством, что коммерческое образование было менее связано с жесткими учебными программами, открывался простор для творчества и современных форм преподавания. Заручившись поддержкой городской думы, ее руководителя А.И.Поскребышева (один из самых известных руководителей Вятки, бывший у руководства городским самоуправлением в течение 3 созывов), они открывают училище с нового учебного 1908 года. В первый класс было зачислено 76 человек, в основном, детей учителей, почтовых служащих, железнодорожников[5].

Создание на Урале к концу XIX в. достаточно разветвленной системы железных дорог, продолжение ее развития в начале XX в., возрастающие потребности в обслуживании подвижного состава, рациональном ведении дорожного хозяйства, необходимость собственной ремонтной базы – все это выдвигало на первый план проблему подготовки профессиональных кадров. Первым руководителем Уральской горнозаводской железной дороги, которая соединила Пермь и Екатеринбург и была полностью открыта для сквозного движения 1

---

[1] *Раменский А.П.* Очерк народного образования в Пермской губернии в 1902 г. С. 75.

[2] *Обзор* Пермской губернии за 1914 год. С. 48.

[3] *Доклад* № 5 Оханскому уездному земскому собранию 47 очередной сессии по внешкольному образованию. Оханск, 1916. С. 42-43.

[4] *ГАКО*, ф. 628, оп. 2, д. 1047, л. 15.

[5] *Журналы* Вятской городской думы за 1908 г. Вятка, 1909. Т. 1. С. 128, 130.

октября 1878 г., был назначен инженер-путеец Н.С. Островский[1]. Умный и дальновидный руководитель, он предпринимает шаги по созданию системы подготовки квалифицированных кадров из местного населения. По его инициативе в 1881 г. в Перми было открыто техническое железнодорожное училище, которое готовило дорожных мастеров, машинистов паровозов и их помощников, слесарей, кузнецов и других специалистов. Сюда принимали, в основном, детей железнодорожных рабочих, служащих в возрасте от 14 до 17 лет. Обязательным условием приема было окончание начальной школы в объеме городского двухклассного училища. Обучение велось по трехлетней учебной программе, а после окончания училища непременным требованием становилась обязательная отработка в течение двух лет на прямом производстве[2]. В 1886 г. аналогичное училище учреждается на станции Чусовская, в котором к 1893 г. обучалось 325 чел.[3]

С созданием собственной железнодорожной системы связи и оповещения в 1885 г. в Перми при управлении дороги открывается телеграфная школа[4]. Все это позволило удовлетворять не только собственные потребности в квалифицированных кадрах, но и других железных дорог. Так, в своей статье в «Пермских губернских ведомостях», посвященной 10-летнему юбилею горнозаводской ветки, Н.С.Островский писал, что «даже более отдаленная от нас новая Самаро-Уфимская дорога нашла целесообразным прибегнуть к силам, закалившим и выработавшим себя на Уральской дороге»[5].

В Екатеринбурге и Перми при железнодорожных мастерских и депо были открыты ремесленные классы для подростков 14-16 лет для подготовки квалифицированных рабочих кадров. В 1893 г. здесь обучалось более 300 чел.[6]

Развитие образовательной системы в городах уральских губерний способствовало росту гражданского самосознания жителей и создавало объективные предпосылки для их участия в активной общественной жизни. Однако возможности представления своих интересов в управлении городов, формировании выборных органов самоуправления, реального влияния на городскую жизнь были весьма ограничены из-за мощной преграды не только в лице представите-

---

[1] *Дмитриев А.А.* Указ. соч. С. 310.
[2] *РГИА*, ф. 741, оп. 12, д. 172, л. 285.
[3] *ГАПО*, ф. 65, оп. 1, д. 57, л. 64.
[4] *Дмитриев А.А.* Указ. соч. С. 335.
[5] *ПГВ.* 1888. № 82.
[6] *Отчет* по эксплуатации казенных железных дорог: Ч. 5: За 1892 г.: Отчет управления Урал. ж. д. Пермь, 1893. С. 863-864.

лей состоятельных городских сословий, юридически и фактически монополизировавших эти гражданские права. Это было связано также с законодательством Российской империи в области местного самоуправления.

Новое Городовое положение 1892 г., которое было принято в период царствования Александра III как составная часть контрреформ, представляло собой значительное отступление от генерального пути буржуазного развития страны. Тем самым создавались предпосылки для участия в политическом движении не только эксплуатируемых классов, но и относительно благополучных сословий и социальных групп, к которым можно отнести также представителей городской интеллигенции.

Положение значительно урезало избирательное право даже для имущих городских слоев: имущественный ценз избирателей в предшествующий период был повышен до 1000 руб. (против 100 руб.). Все избиратели второго и третьего разрядов были практически отстранены от участия в выборах. Вместо трех курий выборы гласных производились по территориальным участкам. В результате в выборах могли принимать участие только чуть более 1% жителей. Число гласных, избираемых в городскую думу, сократилось в стране примерно в 2 раза[1]. Только в городах Пермской губернии их количество колебалось от 20 (минимальное количество в 5 городах из 12) до 50 (максимальное количество в Перми и Екатеринбурге)[2].

Согласно этому документу управа была поставлена в более независимое от думы положение, значительно расширились права городского головы, дума лишалась права отстранять выборных лиц управы от должности и отдавать их под суд. Должностные лица городского управления приравнивались к правительственным чиновникам и были поставлены в прямую дисциплинарную зависимость от губернской администрации. Поскольку они считались состоящими на государственной службе, губернатор получил право делать им предписания и указания, а губернское по городским делам присутствие могло отстранять их от должности. Таким образом, в XX в. отечественное городское самоуправление входило на столь нецивилизованном уровне, какого не имело ни одно развитое западноевропейское государство того времени. Именно это приводило значительную часть горожан в состояние политического конфликта с властью.

---

[1] *ПСЗ.* Собр. III. Т. XII. Отд. 1. СПб., 1895. Ст. 8708.
[2] *РГИА*, ф. 1287, оп. 38, д. 2654, л. 134-136.

Особенно это проявилось в период первой русской революции, когда в эти события оказались втянутыми люди, казалось бы, не имеющие тех больших социальных проблем, которые были у рабочих и основной массы крестьянства. Как уже указывалось, на Урале, после запрета и насильственного разгона участников предполагавшегося съезда губернских земских учителей 14 мая 1905 г. в Перми, в революционных волнениях начинают принимать участие представители городских слоев: врачи, учителя начальных школ и преподаватели средних учебных заведений, учащиеся, земские служащие.

Новым поводом для демонстрации возросшего гражданского самосознания стало временное закрытие библиотеки имени Д.Д. Смышляева при Пермской мужской гимназии. 28 мая 1905 г. здесь собралась группа из представителей городской интеллигенции, среди которых были и руководители средних мужских и женских учебных заведений, как государственных, так и частных. Было принято решение направить телеграмму Министру внутренних дел с требованием отставки губернатора. Кстати, это собрание считается датой основания Пермского комитета партии «народной свободы», основу которого составили представители городской интеллигенции и служащие губернского земства[1].

Этим объясняется в какой-то степени столь широкое участие в революционных событиях на Урале молодежи городских учебных заведений всех уровней. Она откликалась на все значимые мероприятия или события в регионе. Большой размах это движение приобретает осенью 1905 г., когда в большинстве городов Пермской губернии проходит кампания по обсуждению предложений и сбору петиций в адрес правительства, содержащих требования демократизации образовательного процесса, создания условий по введению в стране обязательного начального образования и быстрейшего созыва Учредительного собрания. Такие собрания проходили в Екатеринбурге, Кунгуре, Перми, Нижнем Тагиле, Шадринске, Чердыни[2].

После введения 28 декабря 1905 г. в Пермской губернии режима чрезвычайной охраны и запрещения всех видов общественной деятельности была проведена тотальная чистка неблагонадежных, с точки зрения власти, не только среди представителей политических партий и организаций, профсоюзов, но и

[1] *ГАПО*, ф. 160, оп. 1, д. 63, л. 5.
[2] *ПГВ*. 1905. № 165, 186, 223, 227, 230, 231, 238.

среди руководителей земских, городских органов самоуправления, а также учреждений образования[1].

Например, в Перми были уволены со службы или отправлены в отставку: председатель губернской земской управы, городской голова и три члена городской управы, все директора гимназий, а также директор реального училища. Рассматривался вопрос о замене руководителей частных прогимназий и гимназий. Около 100 учащихся средних учебных заведений города было отчислено без права восстановления на учебу[2].

В Вятской губернии революционные события также захватывают педагогические коллективы и учащихся. Бастовали в октябре 1905 г. слушатели духовной семинарии, к ним присоединились учащиеся мужской и женской гимназий. Опасаясь дальнейшего распространения революционных настроений, губернская администрация закрывает все учебные заведения города[3]. В 1906 г. за участие в революционных событиях и за политическую неблагонадежность в губернии было уволено и выслано 37 учителей народных школ из семи уездов[4].

Самым заметным событием в деятельности городской общественности послереволюционного времени помимо восстановления и значительного расширения культурно-просветительской работы становится настойчивая борьба за создание на Урале учреждения системы высшего образования – университета. Она протекала на фоне острого соперничества Перми и Екатеринбурга за право его открытия.

Сама идея о введении высшего учебного заведения в уральском регионе не была новой. Об этом еще в 70-х гг. XIX в. неоднократно хлопотал на всех уровнях власти Д.Д. Смышляев, обосновывал в своих работах Н.К.Чупин (Екатеринбург). Вопрос о жизненной необходимости создания института или университета поднимали время от времени гласные этих городских дум[5]. Однако политика правительства была направлена на ограничение количества высших учебных заведений в стране. С точки зрения политической, это можно было объяснить его пониманием роли университетского образования в воспитании нового поколения, принципиально новом видении мира и в то же время вос-

---

[1] *ГАПО*, ф. 65, оп. 1, д. 1141, л. 13.

[2] *РГИА*, ф. 1284, оп. 24, д. 71, л. 115-116.

[3] *Календарь* Вятской губернии на 1907 г. Вятка, 1906. С. 117-118.

[4] *Папырина А.А*. Революционное движение в Вятской губернии в 1905-1907 гг. – Киров, 1975. – С. 34.

[5] См.: *Кертман Л.Е., Васильева Н.Е., Шустов С.Г.* Первый на Урале. Пермь, 1987. С. 13-15; *ГАПО*, ф. 35, оп. 1, д. 103, л. 198, 200, 201; *О высшем* учебном заведении на Урале. Доклад комиссии, избранной общим собранием УОЛЕ 31 октября 1909 г., заслушанный общим собранием 26 ноября 1909 г. Екатеринбург, 1909. С. 3-4.

приятием его как источника политической крамолы, нацеленной на существующую систему власти.

Проявлением политики правительства, направленной на ограничение количества высших учебных заведений университетского типа в стране, был тот факт, что за пореформенный период в России было открыто только три университета: Одесский, Варшавский и Томский. Для понимания философии университетского образования нам представляется очень важным определение, которое появилось относительно недавно: «Университет – важнейшая составная часть общества, развивающегося в традициях европейской цивилизации. Он представляет собой культурный центр, в котором обеспечивается сохранение и развитие национальных традиций и в то же время включение его в систему мирового образовательного пространства и культуры. Фактор существования университета уничтожает границу между «центром» и «периферией»: по своему определению, по своей природе университет не может быть «периферийным»: если он «периферен», то уже не является настоящим университетом. Университет призван концентрировать творческое начало, способствовать развитию индивидуальности. **Университеты становятся важнейшим фактором, оказывающим воздействие не только на культурную ситуацию в государстве, но и в известной степени на его идеологию и политику**»[1].

В ходе Первой мировой войны под влиянием либеральной общественности в 1915 г. Министром просвещения был назначен П.Н.Игнатьев, в свое время бывший председателем Киевского губернского земства. Одной из первоочередных задач своей деятельности он объявил решение правительства способствовать расширению географии новых университетских центров.

Поражение русских войск в 1915 – начале 1916 г. поставило в повестку первоочередных мероприятий правительства эвакуацию промышленного и культурного потенциала многих западных губерний. В том числе рассматривался вопрос о перемещении на восток страны одного из старейших университетов страны – Юрьевского (Дерптского). Этим обстоятельством решили воспользоваться представители общественности Перми. И здесь решающей стала позиция одного из самых ярких представителей отечественной буржуазии нового поколения, известного уральского предпринимателя, талантливого организатора, известного благотворителя и мецената Николая Васильевича Мешкова.

---

[1] *Кондаков Б.В.* Университет в русской литературе XIX века // Вестник Пермского университета. 2002. Вып. 4. Университетское образование и регионы. 2001. С. 124.

В последнее время о нем не только написано большое количество публицистических работ, но и появились первые серьезные исследования[1].

Именно предложения о передаче принадлежащих ему огромных зданий приюта для неимущих водников в память матери Мешкова, в случае перевода университета в Пермь, а также о выделении в течение 10 лет по 50 тыс. руб. ежегодно на его нужды становятся основным доводом в пользу Перми. Одновременно с этими действиями Мешкова в Петроград направляются уже по официальным каналам ходатайства губернского земства и Пермской городской управы с поддержкой пермской общественности[2].

На открытие университета начали поступать денежные пожертвования, собранные по подписке, от частных лиц и организаций. Среди них – рабочие и служащие Березниковского содового завода, главных мастерских Пермской железной дороги, а также потребительские общества, земские учреждения Чердынского, Пермского, Осинского, Оханского, Красноуфимского уездов и многие другие. Списки жертвователей постоянно публиковались на страницах «Пермских губернских ведомостей», «Пермской земской недели»[3]. Самые значительные пожертвования сделаны Н.В. Мешковым, выделившим для университета единовременно 500 тыс. руб.

Однако план перевода в Пермь Юрьевского университета не удалось осуществить, прежде всего, из-за позиции профессуры университета, не желавшей уезжать так далеко от центра. Университет был переведен в Воронеж. Однако общественный напор был настолько значителен, что местная инициатива была поддержана авторитетными лицами, и все это дало положительные результаты. 12 июля 1916 г. по представлению Министра народного просвещения П.Н. Игнатьева Совет министров постановил в качестве подготовительной меры к созданию самостоятельного Пермского университета открыть осенью 1916 г. в Перми отделение Петроградского университета. Это была большая победа уральской общественности.

1 октября 1916 г. в Перми, в домовой церкви Мариинской женской гимназии, состоялось торжественное открытие первого на Урале высшего учебного

---

[1] См.: *Первый* на Урале. С. 18-20; *Рабинович Р.И.* Опальный миллионер. Пермь, 1990. С. 91-117; *Шаяхметов В.Р.* Некоторые факты из истории Пермского университета (1916-1924 гг.) // Прикамье, век XX: малоизвестные страницы истории края. С. 75-76; *Шелепенькин Н.Г.* Война, революция и Пермский университет // Вестник Пермского университета. 2002. Вып. 4 Университетское образование и регионы. С. 131-132; *Аленчикова Н.Д.* Роль Н.В.Мешкова в открытии Пермского университета // Прикамье, век XX… С. 3-7. и др.

[2] *ГАПО*, ф. 35, оп. 1, д. 307, л. 3, 4.

[3] *Пермская* земская неделя. 1916. № 39, 40; *Пермски*е ведомости. 1916. № 27, 28, 31.

заведения университетского типа. На эту церемонию приехали товарищ Министра народного просвещения В.Т.Шевяков и ректор Петроградского университета профессор зоологии Э.Д. Гримм. В составе нового учебного заведения было три отделения: историко-филологическое, юридическое и физико-математическое, находившихся под общим руководством Совета правления факультетов и ректора Петроградского университета. Основным контингентом студенчества стали выпускники средних учебных заведений не только уральских, но и Архангельской, Вологодской, Оренбургской губерний и сибирского региона. Всего на первый курс поступило 522 чел., среди которых самое большое количество было принято на медицинскую специализацию (в составе физико-математического отделения). Первым ректором нового высшего учебного заведения стал доктор астрономии К.Д. Покровский[1].

Губернская управа предоставила свое новое здание в центре города для кафедр гуманитарного профиля. Александровская губернская земская больница стала базой развертывания медицинских кафедр. Под специальные кабинеты университета: ботанический, зоологический, гистологический - были задействованы многие городские учебные заведения. Канцелярия университета разместилась в парадном доме Н.В. Мешкова, одном из самых красивых в городе. Из-за большой «разбросанности» учебных корпусов городская управа распорядилась ввести дополнительный поезд от Перми II до Перми I. Она же оплачивала счета извозчиков, которые доставляли профессоров на лекции. Квартиры для профессорско-преподавательского состава выделялись в центральных кварталах[2].

В числе преподавателей, которые приехали в Пермь, были известные ученые и педагоги из Петербурга, Москвы, Казани: А.Г. Генкель, В.Н. Беклемишев, Б.Д. Греков, Б.Ф. Вериго, А.А. Заварзин, В.Н. Парин, К.Д. Покровский, Г.В. Вернадский, Ю.А. Орлов, П.С. Богословский и др[3]. Они стали основателями научных школ и направлений на Урале и внесли неоценимый вклад не только в развитие образования, но и в освоение огромных богатств региона, превративших Урал в «опорный край державы».

Тогда же, в октябре 1916 г., при университете был основан музей изящных искусств и древностей. Он являлся обязательным элементом структуры учебно-вспомогательных учреждений университетского образования, создание

---

[1] *Отчет* об открытии Пермского отделения Петроградского университета и его деятельности за 1916/17 учебный год. Пермь, 1918. С. 2-4.

[2] *ГАПО*, ф. 35, оп. 1, д. 337, л. 74, 77.

[3] *Профессора* Пермского государственного университета. Пермь, 2001. С. 95-96.

которых предусматривалось университетским уставом 1884 г. Коллекция создавалась на основе пожертвований из коллекций частных лиц. Ряд экспонатов было передано из научно-промышленного музея Пермского отделения УОЛЕ (археологические древности из собрания Теплоуховых). Среди жертвователей были чиновники и предприниматели: Н.А. Кропачев, П.С. Досманов, Н.И. Мешков, а также приехавшие в Пермь профессора: Б.Ф. Фармаковский, А.А. Рихтер, П.Н. Сюзев и др[1]. Этот музей постепенно становился составной частью культурного потенциала города и использовался для просветительской деятельности населения.

5 мая 1917 г., уже после свержения самодержавия, Временное правительство издает постановление об учреждении на базе Пермского отделения Петроградского университета самостоятельного университета в составе четырех факультетов: историко-филологического, физико-математического, юридического и медицинского.

Отмечая заслуги общественности в становлении высшего образования, Ученый совет университета 27 сентября избирает Н.И. Мешкова своим первым почетным членом. В этот список включены также руководители губернского земства и городской управы[2]. Пермская городская дума несколько ранее также оценила заслуги Мешкова, избрав его в 1916 г. почетным гражданином города Перми[3]. Пермская уездная земская управа для обучения в университете представителя крестьянства учреждает стипендию его имени в размере 300 руб., давая право Н.В. Мешкову самому выбрать кандидата[4].

Таким образом, благодаря энтузиазму и подвижничеству передовых слоев демократической интеллигенции, руководителей города, представителей прогрессивной буржуазии на Урале создан первый центр не только высшего образования, но и будущей большой науки региона. В целом с открытием в Перми университета завершился период формирования объективных предпосылок перехода к системе единого образования, получившей дальнейшее развитие в советское время. Введение принципов всеобщего, бесплатного и доступного для неимущих классов образования позволило в кратчайшие исторические сроки преодолеть неграмотность.

---

[1] *ГАПО*, ф. р-180, оп. 1, д. 217, л. 92, 93.
[2] *Там* же, д. 72, л. 92.
[3] *ГАПО*, ф. 35, оп. 1, д. 9, л. 86.
[4] *Там* же, ф. 40, оп. 1, д. 157, л. 192.

К началу XX в. постепенно меняется облик многих городов уральского региона. Они благоустраиваются, приобретая современный вид, характерный для городов эпохи капитализма, в них создаются более комфортные условия для жизни.

Уральские города, в своем большинстве, были производными от заводского хозяйства и торговли. При их возникновении действовали городские регламенты, установленные еще в период петровских реформ. Каждый город должен был обладать определенным набором зданий для государственных учреждений, городского управления, иметь гостиные дворы, где бы сосредотачивалась основная торговля, а также здания для городских лечебниц, школ, церкви и пр. Для уральских городов, находящихся на Сибирском тракте, атрибутом становятся пересыльные тюрьмы. В городах, которые определялись этапными, строились тюремные замки. Для каждого типа общественного здания создавался каталог немногочисленных образцов архитектурных сооружений. Каждый из них должен был согласовываться во множестве инстанций, вплоть до утверждения министерствами или ведомствами, к которым они относились, где существовали собственные архитектурно-строительные отделы или департаменты. Общественная жизнь теплилась в немногочисленных зданиях общественных собраний, купеческих клубах.

Реформы 60-70-х гг. XIX в., вызывая к жизни новые капиталистические отношения через все трудности, противоречия, противодействия не желающего сдавать позиции феодализма, вовлекали в новые динамичные процессы и городскую жизнь. Постепенно меняется и внешний вид города как наглядное свидетельство тех подспудных трансформаций, которые происходили постепенно, незаметно для людей.

На Урале наиболее ярко это проявилось в заводской архитектуре. Ее можно рассматривать как превращенную форму, результат научно-технической революции, совершаемой в горнозаводской промышленности. Ранее заводские сооружения представляли собой законченный комплекс, размещенный на определенной территории, у плотины с прудом, и со зданием для использования водной энергии они были связаны определенным образом. Основной тип завода утверждается в работах знаменитых архитекторов Урала: И.И. Свиязева, А.З.Комарова, М.П.Малахова, Е.С.Дудина. Они во многом определили тип

уральской заводской архитектуры, где важное место занимал поиск гармонизации ландшафта и заводских построек[1].

Переход на новые виды энергии: пар, промышленный газ, электричество - позволил создавать новые типы заводских построек. Это коснулось в первую очередь предприятий, возникающих со второй половины XIX в. или реконструирующихся. Стало необходимым строить здания для паровых котлов, газовых генераторов, а позднее - электростанций. Все это определяло возможность располагать производственные здания и вспомогательные сооружения на территории более свободно. Появление новых технологий требовало создания и новых конструкций: доменные агрегаты, газоочистки, градирни, прокатные станы, механические молоты, высокие трубы, подъемники и др. Происходило увеличение размеров и усовершенствование конструкций промышленных зданий: строились многопролетные цехи с металлическими перекрытиями, осуществлялось фонарное освещение. Таким образом, на первый план выходили инженерные задачи. А это приводило к тому, что архитекторы стали привлекаться, в лучшем случае, к проектированию отдельных зданий административного характера, а основные технические и творческие задачи решались инженерами. Именно по такому сценарию создавались Надеждинский, Лысьвенский, Нижнесалдинский, Березниковский заводы, проведена коренная реконструкция крупнейшего Мотовилихинского сталепушечного завода, Ижевского оружейного и др. Среди уральской инженерной элиты, внесшей весомый вклад в создание новых производственно-архитектурных форм, следует назвать такие имена, как: В.Е. Грум-Гржимайло, А.А. Ауэрбах, А.И. Умов, С.Б. Белозеров, В.Г. Шухов[2].

В уральских городах постепенно складывается новый тип гражданского строительства, отражающего изменения в общественной жизни. Появляются здания, принадлежащие земским учреждениям и городскому самоуправлению, строятся специальные здания для банков, типографий, телеграфа. Создаются по специальным проектам здания для учебных заведений: городских, реальных училищ, гимназий. Расширение торгово-промышленных связей и операций приводит к появлению центральных контор крупных компаний и филиалов, строятся здания бирж (Пермь, Екатеринбург, Вятка, Сарапул).

---

[1] См.: *Раскин А.М.* Указ. соч. С. 148-155.

[2] См.: *Павловский Б.В.* Декоративно-прикладное искусство промышленного Урала. М., 1975. С. 116-122.

Особенно быстрым был рост торговых зданий. Переход к универсальной торговле и в то же время углубление специализации (бакалея, торговля мехами, ювелирными изделиями, книжная торговля) приводят к появлению новых черт в архитектуре. Если раньше типовым уральским торговым местом было совмещенное жилое и торговое место предпринимателей, то с 90-х гг. XIX в. начинается строительство специальных магазинов, большинство из которых становится украшением города. Такими были офисы торговых домов бр. Агафуровых в Перми и Екатеринбурге, представительства компаний Мешкова, Каменских, магазины Ижболдина, Грибушина в Перми, гостиный двор в Кунгуре, Осе, Черный рынок в Перми и мн. др. Их отличала большая этажность, значительные размеры и изысканное оформление торговых залов, широкое применение элементов декора и промышленного дизайна. В торговых залах, для украшения которых приглашаются художники, начинают использовать специальное торговое оборудование, большое внимание уделяется оформлению витрин. Широкое распространение получает и торговая реклама, особенно в печатных изданиях, рассчитанных на массового читателя (адрес-календари, справочники, путеводители и др.).

Усложнение городской жизни, увеличение числа жителей приводят к созданию первых жилых многоквартирных домов для чиновников, преподавателей: меблированные комнаты, доходные дома. В начале XX в. получает развитие гостиничный бизнес, расширяется сеть ресторанов, кафе, идет строительство первых массовых кинотеатров.

Центральные улицы городов принимают парадный вид, появляется газовое, а затем электрическое уличное освещение; деревянные тротуары заменяются брусчаткой, повсеместно проводится озеленение городских кварталов. Новыми культурными центрами городов становятся каменные театральные здания, городские парки и скверы, привлекающие большое количество людей, особенно в праздники и торжественные дни.

Развитие железнодорожного строительства создавало благоприятные возможности не только для укрепления внутрирегиональных экономических связей, но и создания целых архитектурных ансамблей, включавших как станционные здания, так и железнодорожные мастерские, иные сооружения (Пермь, Екатеринбург, Верхотурье, Кунгур, Вятка, Котельнич и др.). В городах появились промышленные зоны, разместившиеся вдоль железнодорожных путей.

Основным художественным стилем в архитектуре Урала в начале XX в. была эклектика и стилизация различных архитектурных форм прошлого: ро-

манской, готической, ренессансной. Постепенно совершался переход к модернизму, хотя сохранялись и традиции уральского классицизма. В Пермской губернии работала большая группа творческих архитекторов: А.И. Падучев, Р.О. Карвовский, В.В. Попатенко, М.С. Крупинский, А.И. Ожегов, П.К. Гаврилов, В.Е. Гладких, Ю.О. Дютель, Н.А. Воскресенский, А.Б. Турчевич-Глумов, К.Т. Бабыкин, И.А.Чарушин и др.

Особо следует выделить деятельность Александра Бонавентуровича Турчевича-Глумова (1855-1909). До недавнего времени это имя было известно немногим историкам архитектуры и уральского театра. Однако благодаря исследованиям краеведов, прежде всего Л.С. Кашихина, Л.В. Перескокова, он прочно занял место в истории Пермской губернии как талантливый человек, оставивший яркий след в истории уральской культуры. А.Б. Турчевич приехал на Урал в составе частной труппы П.М. Медведева и проводил свои первые годы в качестве драматического актера под сценическим именем Глумов. Позднее занимался режиссурой, пробовал выступать в качестве антрепренера, входил в первый состав знаменитой в истории отечественной культуры Пермской городской театральной дирекции в 1895 г.[1]

Однако получение им солидного наследства, стремление обеспечить независимое положение в обществе приводят его в 1885 г., после сдачи экзамена и получения свидетельства для самостоятельного производства строительных работ (в свое время он не окончил Строгановского училища в Москве), в новую сферу деятельности – он становится частным архитектором. С 1888 г. он создает частное предприятие – «Строительно-техническое бюро А.Б. Турчевича». Это единственный на Урале пример эффективного архитектурного бизнеса. С деятельностью этого бюро современные искусствоведы связывают становление стиля «модерн» в восточных районах страны. Постоянный штат бюро был небольшим. Работали всего три техника-чертежника, но они выступали в качестве и посредников при поиске и получении выгодных заказов, и самостоятельных проектировщиков (наиболее известным был кунгурский чертежник И.И. Мартемьянов). Ими выполнялся значительный объем работы. За 20 лет существования этого предприятия было осуществлено более 40 крупных заказов от правительственных органов, земских и городских учреждений губернии (Екатеринбург, Кунгур, Чердынь, Оса, Пермь и др.), церковного управления губернии.

[1] *Кашихин Л.С., Перескоков Л.В.* Архитектор и актер А.Б.Турчевич-Глумов // Пермский край. Пермь, 1992. С. 157-159.

И это, не считая проектов, созданных для частных лиц (Любимовых, Грибушиных, Железновых и др.)[1]. Перед смертью, в 1909 г., А.Б. Турчевич был избран первым председателем открытого в Перми Общества любителей живописи, ваяния и зодчества. И сегодня здания, построенные по его проектам, являются украшением современных мегаполисов, основой архитектурно-заповедных зон, сохраняющих атмосферу, историческую среду старых уральских городов.

В Вятской губернии наибольшую известность приобрело имя губернского архитектора и инженера И.А.Чарушина (1862-1945 гг.). Он являлся представителем известной семьи для вятской общественности. Его старший брат был в числе участников кружка «чайковцев», подвергался арестам и ссылке, занимал заметное место в работе земских организаций. После окончания Петербургской академии живописи и ваяния, где он учился как стипендиат губернского земства, возвращается в Вятку и более 50 лет занимается городским и церковным строительством. Ему принадлежало авторство более 500 объектов на территории Урала[2].

Начавшаяся Первая мировая война стала для городского самоуправления и общественности большим испытанием, в первую очередь это относилось к организационным структурам и традициям гражданского самосознания, сформировавшимся в предшествующий период. В первые месяцы была мобилизована значительная часть квалифицированных рабочих, интеллигенции городов: врачей, учителей. Новый характер современной войны требовал более образованных для армии сил. Перевод экономической и социальной жизни на военные рельсы сопровождался ужесточением охранительных мероприятий правительства: введение военного режима работы на предприятиях, замораживание заработной платы, введение обязательных сверхурочных работ, жесткое подавление любых попыток со стороны рабочих отстаивать свои экономические требования, усиление цензуры за работой средств массовой информации, общественных организаций.

Характерной чертой этого периода стало изменение состава городского населения за счет эвакуированных жителей западных районов страны, рабочей силы передислоцированных промышленных предприятий, многочисленных военнопленных, которые также использовались в качестве рабочей силы. В городах развертывалась система формирования новых воинских подразделений. В

---

[1] *Терехин А.С.* Пермь: Очерк архитектуры. Пермь, 1980. С. 44-47; *ПГВ*. 1909. № 52.
[2] *ГАКО*, ф. 582, оп. 26, д. 846, л. 56.

Перми находилось более 20 тысяч запасников, в Екатеринбурге их насчитывалось около 17 тысяч, в Вятке – 18 тысяч. Открывались госпитали для лечения раненных воинов и их первичной реабилитации[1].

Все это вызвало значительный рост численности городского населения: в Перми и Екатеринбурге к концу 1916 г. насчитывалось уже более 100 тыс. жителей, в Вятке – более 41 тысячи. Почти в два раза увеличилось население Чердыни, Верхотурья, Шадринска, Кунгура, Оханска, Красноуфимска[2]. Имеющийся жилищный фонд в городах не вмещал такого количества прибывающих. Под новые организации и учреждения использовались общественные здания, здания учебных заведений. Торговля (как магазинная, так и рыночная) не могла обеспечивать новое население не только продуктами питания, но даже предметами первой необходимости. Коммунальное хозяйство (водопровод, канализация) стремительно ухудшало показатели санитарного состояния городов.

Особенно сложное положение складывалось на железной дороге, в частности на крупных узловых станциях. Кризис железнодорожной системы страны ощущался еще в 1915 г., когда транспорт не стал справляться с возросшими объемами перевозок. Однако к концу 1916 г. к нему добавился еще топливный кризис, наблюдалась острая нехватка подвижного состава, а также квалифицированных кадров. Большая нагрузка на городское хозяйство, нарушение деятельности санитарной службы привели к появлению мощного очага массовых инфекционных заболеваний: тиф, паратиф, холера. Деревня того периода характеризовалась регулярными вспышками оспы, широкое распространение получил сифилис. Для создания надежного заслона против этих заболеваний у города не хватало ни средств, ни медицинских кадров.

В 1916 г. городские жители столкнулись с трудностями, вызванными продовольственной проблемой. Частный капитал, в руках которого сосредотачивалась вся оптовая и розничная торговля, использовал эту ситуацию для резкого повышения розничных цен даже на товары первой необходимости: хлеб, соль, сахар, жиры, керосин и т.п. Попытки государственной власти регулировать цены на продукты, в частности ввести продразверстку для обеспечения нужд армии, оборонных заводов продовольствием и снабжения столичных городов путем изъятия хлеба из хлебозапасных магазинов земских организаций и сельских об-

[1] *Обзор* Пермской губернии за 1915 год. С. 12, 94; *Обзор* Вятской губернии за 1915 год. Вятка, 1916. С. 8.

[2] *Журналы* Пермского губернского продовольственного совещания. Заседания 1 и 4 мая. Пермь, 1917. С. 13-15.

ществ, установить государственную монополию на закупку и продажу хлеба, наталкивались на активное сопротивление крестьянства. Все это приводило к обострению взаимоотношений с властью. Введение карточной системы способствовало быстрому появлению спекулятивного «черного» рынка[1].

Разрыв между стоимостью жизни и реальной заработной платой стремительно увеличивался, причем это не только относилось к наемным рабочим, но и затронуло значительную часть ранее благополучных слоев городских жителей: учителей средних учебных заведений, врачей, служащих органов управления и др. Так, в мае 1916 г. уездный исправник Камышлова в донесении пермскому губернатору писал, что в городе с августа 1915 г. цены на продукты питания увеличились на 200-250%, на топливо – на 200%, одежду и обувь – до 500%[2]. В декабре 1916 г. в Кунгуре происходили волнения из-за перебоев поставок муки для хлебопекарен города. В рапорте открыто указывалась главная причина этих трудностей - попытки городской управы с помощью обывательского комитета обуздать рост цен путем введения твердого процента на торговую прибыль - в размере 10%. «Вследствие такого процента торговцы прекратили торговлю мукой»[3]. Такое же положение сложилось в одном из центров хлебной торговли в России – Ирбите.

4 февраля 1917 г. екатеринбургский полицмейстер сообщает в канцелярию губернатора о том, что в январе ситуация в городе была спокойной, несмотря на то, что «в настроении населения продолжает наблюдаться возбужденность, объясняемая чрезмерною дороговизной предметов первой необходимости и отчасти недостатком некоторых из них»[4]. А уже 24 февраля он в панике пишет о массовых выступлениях женщин, подростков и солдат резервных полков на почве недостатка продовольствия в Екатеринбурге[5].

Февральская революция 1917 г. была воспринята большинством городской общественности с большим энтузиазмом. Объявленная Временным правительством и начатая в марте-апреле работа по реформированию системы местного управления предусматривала значительные перемены в городском механизме власти. Уже в Декларации от 3 марта 1917 г. в качестве главного преобразования в городском управлении было объявлено о введении всеобщего из-

[1] *ГАПО*, ф. 65, оп. 3, д. 826, л. 254.
[2] *Там* же, л. 262.
[3] *Там* же, л. 280, 281.
[4] *Там* же, оп. 1, д. 865, л. 4.
[5] *Там* же, оп. 3, д. 826, л. 278.

бирательного права. При Министерстве внутренних дел было создано особое совещание по реформе местного самоуправления, которое разработало и представило основной пакет законодательных документов. В работе этого рабочего органа приняли участие известные земские деятели, ученые-правоведы: Н.Н.Авинов, Б.Б.Веселовский, Д.Д.Протопопов, А.А.Станкевич, Н.М.Тоцкий, А.А.Буртов и др. Большинство из подготовленных ими проектов было принято Временным правительством в течение полугода[1].

15 апреля 1917 г. Временное правительство издает постановление о выборе городских гласных и об участковых городских думах. Выборы объявлялись на основе всеобщего, равного, прямого избирательного права при тайном голосовании, в них принимали участие достигшие 20-летнего возраста граждане России без тех ограничений, которые были характерны для периода царизма. Получили избирательное право женщины, военнослужащие, представители гражданской милиции, отменялся ценз оседлости. Города с населением более 50 тыс. жителей приравнивались по правам к уездному земству. В число гласных входили только избранные по выборам. Отказались от практики участия в работе городских дум представителей ведомств и должностных лиц. Должностные лица управ не утверждались в административном порядке[2]. Тем самым устранялись опека со стороны государства и подавление самостоятельности городского самоуправления. Новое Городовое положение от 9 июня 1917 г. предоставляло самые широкие права городам вступать в различные союзы и объединения с другими городами и земскими учреждениями. Принципиально новым было право городов (а также и земств) выбирать собственную милицию, которая подчинялась городским думам и отчитывалась перед ними[3]. Закон о милиции был принят Временным правительством 17 апреля 1917 г. Тем самым впервые в истории городского управления задача охраны порядка и безопасности становилась одной из составных частей городской деятельности, а избранные в эти органы правопорядка милиционеры приравнивались к городским служащим.

Как в уездах, так и во всех городах Пермской губернии на волне революционной самодеятельности и гражданской активности в марте 1917 г. создавались комитеты общественной безопасности (КОБ). Несомненно, по социальному

---

[1] *Гильченко Л.В.* Из истории местного самоуправления в России // Государство и право. 1996. № 2. С. 150.

[2] «*О производстве* выборов гласных городских дум и об участковых городских управлениях» от 15 апреля 1917 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемых при Правительствующем сенате. Отд. 1. 1 мая 1917. № 95. Ст. 529.

[3] «*Об изменении* действующих Положений об общественном управлении городов» от 9 июня 1917 г. // Собрание узаконений… 8 июля 1917. № 157. Ст. 869.

составу они представляли более широкий спектр гражданских сил в обществе, куда входили в отличие от городских дум в большинстве своем земские служащие, представители городской интеллигенции, духовенства. Они получили большой вотум доверия, стали проводить мероприятия, которые включали и некоторые властные прерогативы, прежде всего по ликвидации старых порядков.

Закономерно возникают вопросы: могли ли эти принципиально новые организации выступить в роли объединяющего центра в период революционной активности масс? Ставили ли они перед собой вопросы о концентрации власти на местах? Какие задачи для них были главными? Может, возможен был третий путь в революции? Почему же они, в конечном итоге, быстро исчезают с политической арены страны?[1]

На наш взгляд, комитеты общественной безопасности представляли собой новую форму объединенных общественно-демократических организаций, которая в современных условиях носит название «Гражданский форум». В своих документах они не ставили вопроса о властных полномочиях, а декларировали свою деятельность в направлении политического просвещения масс, агитационной работы среди населения по поводу значения переживаемого исторического момента в стране, помощи официальным структурам власти в выполнении их распоряжений[2].

Все эти процессы более ярко проявились на территории Пермской губернии. Наибольшее представительство в этих организациях в городах имело учительство, которое уже в мае 1917 г. создает собственную учительскую организацию как составную часть Всероссийского учительского союза[3].

Первоначально КОБы не только оказывали достаточно сильное влияние на процесс ликвидации прежней царской администрации, органов полиции и жандармерии, но и выступали инициаторами переизбрания губернского комиссара, председателя губернской земской управы Е.Д.Калугина. Прошедшее 23 марта 1917 г. в Перми собрание общественных организаций, в которое кроме представителей от комитетов общественной безопасности вошли также представители некоторых советов губернии, солдатских комитетов, уездных земств

---

[1] В современных публикациях уже обсуждаются эти вопросы. См.: *Герасименко Г.А.* Народ и власть: (1917 год). М., 1995. С. 8-10; *Волобуев П.В., Булдаков В.П.* Октябрьская революция: новые подходы к изучению // Вопросы истории. 1996. № 5-6. С. 34-35; *Кимитака М.* Почему умерли земства // Родина. 1994. № 7. С. 135; *Обухов Л.А.* 1917 год в Пермской губернии: вопрос о власти // Пермский край: прошлое и настоящее. Пермь, 1997. С. 107-108.

[2] *ГАПО*, ф. 702, оп. 1, д. 1, л. 52; *ПГВ*. 1917. № 11; *Пермская* жизнь. 1917. № 368.

[3] См.: *Пермская* земская неделя. 1917. № 10, 12/13, 14.

и городского управления, избрало губернским комиссаром Временного правительства председателя Пермского военно-промышленного комитета инженера А.Е.Ширяева[1]. В мае Ширяев был избран Пермским городским головой, и до октябрьских событий 1917 г. должность комиссара исполнял прапорщик Б.А. Турчевич, член партии эсеров[2].

В Екатеринбурге комитет общественной безопасности представлял собой общее собрание депутатов от различных организаций города численностью более 330 чел., которое избрало исполнительную комиссию в составе 30 чел. В нее входило 20 представителей, избранных из состава комитета, а 10 – из числа гласных городской думы, утверждаемых комитетом. Председателем исполнительной комиссии был избран А.А.Кощеев, присяжный поверенный, член руководства партии эсеров; председателем комитета – директор электростанции, глава уральских кадетов А.А.Кроль[3].

Аналогичная ситуация складывалась и в остальных городах губернии. По своей сути комитеты общественной безопасности не представляли собой органов власти на местах, они не ставили цели захвата власти. В большинстве случаев комитеты создавались и работали в рамках содействия мероприятиям Временного правительства, парализуя попытки старого режима оказать сопротивление новой власти, а также поддержания элементарного порядка в городах и обеспечения нормального течения жизни в них. Важной составной частью их деятельности была агитационная и пропагандистская работа среди населения, которую осуществляли союзы учителей, просветительские организации в городах.

Осознавая значение комитетов в бурное революционное время, Временное правительство поощряло их деятельность, осуществляя через средства массовой информации широкую пропаганду работы отдельных комитетов. Вместе с тем правительство не рассматривало их в качестве альтернативы государственным органам власти на местах, отдавая предпочтение земствам и городским думам. Поэтому на запросы с мест «относительно дальнейшего существования комитетов общественной безопасности и их функций в будущем» Временное правительство 5 июля 1917 г. разъясняло, что «городские комитеты должны ликвидироваться с момента конституирования новых городских дум, волостные – по образовании волостного земства»[4].

---

[1] *ГАПО*, ф. 167, оп. 1, д. 47, л. 1.
[2] *Там* же, оп. 2, д. 1, л. 72.
[3] *ГАСО*, ф. р-1573, оп. 1, д. 32, л. 12-13.
[4] *ГАПО*, ф. 167, оп. 1, д. 17, л. 57.

Таким образом, новая система власти предполагала использовать готовый, уже функционирующий аппарат управления, имеющий определенную финансовую базу, технические возможности, которыми располагали земские учреждения и городское самоуправление. С этой точки зрения появившиеся в последние годы утверждения некоторых историков о насильственном устранении комитетов общественной безопасности с политической арены со стороны советов можно отнести к области предположений, не учитывающих логику революционного противостояния, когда на первый план выходят классовые интересы, а возможность заключения гражданского мира становится призрачной. Также не совсем оправданным является вывод о сущности таких комитетов как организаций, выражающих интересы мелкой буржуазии.

С нашей точки зрения, создание комитетов общественной безопасности можно рассматривать как попытку соединения двух компонентов развития страны: становления правового государства и гражданского общества в их классическом буржуазном варианте. Усиливающаяся политическая конфронтация между основными классовыми силами в России в 1917 г. выдвинула на первый план необходимость решения политических вопросов как основных. Вводя в политическую систему образующие, центральные элементы гражданских институтов, гражданское общество теряло тем самым свою образующую основу. Попытки найти им замену были непродолжительными по времени существования. Кроме того, противоборствующие стороны, пытаясь использовать земства и городское самоуправление в целях укрепления собственной власти, невольно раскалывали их по партийно-политическому принципу, обрекая на гибель. Нельзя не учитывать и такой фактор, как недостаточный уровень образования и политической культуры народных масс, особенно крестьянства. Н.А.Чарушин, вспоминая этот период, отмечал, что попытки Вятского губернского земства оттянуть проблему выбора заканчиваются полным провалом. Несмотря на введение новых форм управления в виде самостоятельной республики, ей «..фактически не пришлось доже и приступить к исполнению своих обязанностей»[1].

На вопрос о возможном соединении политической сферы с гражданским обществом можно ответить следующим образом. **Да, это было возможно, но только в условиях политической стабильности и относительного социаль-**

[1] *Чарушин Н.А.* О далеком прошлом. Из воспоминаний о революционном движении 70-х гг. Х1Х в. М., 1973. С. 124.

ного благополучия основной массы населения страны. Однако именно этих условий в России 1917 г. и не было.

Основным инструментом соединения этих двух звеньев выступает демократия, которая предполагает ответственность не только личности перед государством по его сохранению, но и государства перед личностью по его саморазвитию, независимо от социального происхождения и статуса. Основным гарантом становится закон, стоящий на страже интересов не отдельных кланов, социальных групп, монополистических союзов, но и общества в целом.

Выборы в городские думы, которые проходили на территории Пермской губернии в июле-августе 1917 г., подтвердили факт переноса политического противостояния на уровень городского самоуправления. Выборы в гласные совершались впервые по партийным спискам, что заранее предопределяло борьбу классовых интересов. В Екатеринбурге выборы прошли 30 июля, в результате получена следующая раскладка сил: из 75 гласных эсеры получили 44 мандата, 18 мест удалось занять большевикам, кадетам досталось 10 мест и 3 – меньшевикам[1].

В Пермскую городскую думу выборы прошли 15 августа. Здесь тоже избиралось 75 гласных. Результаты были несколько другими: самое большое количество гласных было избрано от партии кадетов – 30 чел., 27 – от партии эсеров, 10 меньшевиков и только 8 гласных было избрано от большевиков[2]. В уездных городах Соликамске, Чердыни, Верхотурье, Ирбите, Оханске в числе выбранных значительно преобладали кадеты. Именно в этих уездах переход власти от городских дум и земских учреждений к Советам в начале 1918 г. происходил медленно, с применением вооруженной силы. Это еще раз подтверждает наш вывод о том, что вхождение структур гражданского общества в политическую борьбу неизбежно заканчивалось их гибелью или перерождением в элемент политической системы.

Таким образом, история существования органов местного самоуправления в уральских городах в условиях реформ 60-70-х гг. XIX в. отражала те коренные изменения, которые происходили в стране в развитии общественной активности. В Пермской губернии, по сравнению с Вятской, они совпали по времени с образованием земских учреждений, что усиливало их общее влияние на развитие гражданской сферы в этом уральском регионе.

---

[1] *ГАПО*, ф. 167, оп. 1, д. 7, л. 14.
[2] *Там* же, л. 16.

Состав гласных городских дум не претерпевал за весь период их существования кардинальных изменений. По-прежнему в выборных органах преобладали представители торгово-промышленной буржуазии. Даже контрреформа 1890 г. не изменила этого положения. Однако необходимо отметить, что города получают относительную самостоятельность в решении вопросов, которые ранее жестко контролировались государственными органами власти на местах: формирование бюджета, сбор налогов, развитие системы учебных заведений, санитарное состояние городов, благоустройство и др.

В системе гражданского общества города играли ведущую, определяющую роль по отношению к деревне. Это связано со многими факторами – наличие внутренней организации и структурного управления, образовательных учреждений всех уровней и типов, объектов культуры, прогрессивных форм торговли, городской архитектуры, уклад жизни и др. Город является также источником подготовки специалистов всех типов для села.

Особенностью городского развития на Урале являлось наличие большого количества заводских поселков, которые по своему развитию инфраструктуры и значению выполняли городообразующую роль. К таким заводским поселкам относились: Нижний Тагил, Лысьва, Мотовилиха, Невьянск, Чусовой, Кизел, Березники, Ижевск, Воткинск и мн. др. Их развитие сдерживалось политикой владельцев заводов и горного правления, которые препятствовали повышению статуса этих населенных пунктов для сохранения своего единоличного влияния, бесконтрольной эксплуатации рабочих. Такая своекорыстная политика приводила к созданию в этих промышленных центрах социальной напряженности, особенно в периоды экономических кризисов. Сохранение особой системы горнозаводского землевладения приводило к консервации полуфеодальных форм взаимоотношений между промышленной буржуазией и основной массой рабочих. Поэтому в заводских поселках противоречия переходят в политические конфликты, что препятствовало становлению гражданских отношений.

В начальный период реформы местного самоуправления к руководству городами приходят демократически настроенные и просвещенные деятели (И.И.Любимов, В.А.Грамматчиков, И.И.Симанов, И.А.Мухлынин, А.И. Поскребышев, А.Н.Кузнецов и др.).

Самым заметным и эффективным направлением деятельности городской общественности становится создание развитой системы образования. В городах губерний получили развитие все направления образования, открывались образо-

вательные учреждения различных уровней. От единичных воскресных школ и курсов 60-х гг. XIX в. происходил переход к развитой системе среднего образования – в 70–80-х гг. создаются как классические мужские гимназии, так и женские гимназии. Причем женское среднее образование в городах Урала развивалось более быстрыми темпами, и к концу рассматриваемого периода количество женских гимназий превысило количество мужских почти в 3 раза. В результате этого менялся и качественный состав учителей для земской школы в деревне.

Научно-технический прогресс в промышленности, железнодорожном строительстве, а отсюда необходимость технической эксплуатации путевого хозяйства на территории губернии, появление парового речного флота, переход к новым формам работы в торговле, создание разветвленной системы банковских операций и услуг, усложнение городской инфраструктуры – все это стало объективной основой создания структуры среднего технического и специального образования. Реальные училища, специальные технические училища, торговые и коммерческие школы, ремесленные классы и другие учебные заведения готовили кадры технической интеллигенции, которые, в свою очередь, становились центром притяжения граждански активных людей на местах.

Высшим достижением дореволюционной общественности в области просвещения становится создание на Урале сети высшего образования. В Екатеринбурге открываются учительский и горный институты, в Вятке – учительский институт, в Перми - Пермский университет. Во всех этих событиях самое деятельное участие принимают городские органы самоуправления. Таким образом, накануне коренных политических преобразований в октябре 1917 г. складываются все необходимые материальные предпосылки для возникновения единой системы образования.

Коренные перемены, которые происходили в социально-экономической жизни региона, нашли отражение в промышленной и гражданской архитектуре заводских поселков и городов. Изменения в технологических процессах предприятий потребовали новых инженерных решений в создании производственных цехов нового типа. По новому архитектурному проекту развивается инфраструктура заводов. Меняется облик уральских городов в связи с железнодорожным строительством (Пермь, Екатеринбург, Верхотурье, Кунгур, Вятка, Котельнич, Глазов и др.). Формируется новое поколение архитекторов (Ю.И.Дютель, Р.И.Карвовский, В.В.Попатенко, К.Т.Бабыкин, И.А.Чарушин и др.), которые не только продолжают традиции уральского классицизма, но и

переходят через эклектику в архитектурном стиле к модерну. Наиболее яркой фигурой становится А.Б.Турчевич, который создает единственное эффективное на Урале частное проектное бюро. Проекты, выполненные этим бюро, реализуются во многих уральских городах, здания, построенные по этим проектам, становятся украшением этих городов.

О возросшей гражданской активности городских жителей свидетельствуют революционные события 1905 г. и особенно 1917 г. Наиболее активно действовали учащиеся и педагоги городских учебных заведений всех уровней. Они многое сделали для разъяснения содержания сложных политических процессов в стране.

Уникальной в истории России можно считать попытку соединения политических и гражданских структур в Комитетах общественной безопасности, созданных в ходе Февральской революции 1917 г. Такие комитеты действовали практически во всех городах Урала, многих заводских поселках, в некоторых волостях. На примере Пермской губернии можно сделать вывод о попытке обеспечить гражданский мир в условиях революции, препятствовать реставрации старого государственного аппарата управления. Комитеты приняли активное участие в развитии земских учреждений, в организации городского управления на основе законодательства о местных органах власти, которое принималось Временным правительством.

Однако считать их альтернативой двум созданным в революционный период 1917 г. системам будущей государственной власти на местах – земским учреждениям и городским думам, с одной стороны, и Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов – с другой – будет методологически неверным. Комитеты общественной безопасности представляли собой принципиально иное учреждение, в задачу которого не входил захват политической власти. В ней были представлены практически все общественные организации, созданные в стране к данному периоду. По мере углубления раскола в обществе по вопросам о способах решения актуальных социально-экономических проблем: о земле, о скорейшем завершении войны, о подъеме жизненного уровня людей, повышении социальной защищенности и др., происходила поляризация классовых и политических интересов. Гражданское согласие становилось призрачным, поэтому вооруженная политическая борьба являлась главным способом решения всех противоречий.

ГЛАВА 2
ФОРМЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ АКТИВНОСТИ НА УРАЛЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В российском обществе в 60–70-х гг. XIX в. формируется принципиально новая генерация людей, которые способны решать вопросы, являвшиеся ранее прерогативой господствующего класса – дворянства. Они могли не только участвовать в управлении на местном уровне, но и вносить конкретный вклад в решение социальных проблем.

До этого времени общественную активность проявлял в основном просвещенный класс – дворянство, отдельные представители торгово-промышленной верхушки купечества и нарождающаяся интеллигенция – люди «свободных профессий»: литераторы, художники, ученые и др. Их деятельность осуществлялась в рамках небольшого числа организаций и учреждений, по своему регламенту и составу больше напоминавших аристократические английские клубы или великосветские салоны, описание которых, например, дал Л.Н. Толстой в своем знаменитом романе «Война и мир».

В работе «История сословий в России» В.О. Ключевский характеризует эту сторону деятельности дворянства **как выражение гражданских сословных прав.** Он считал, что сословные права «приносят прямую, осязательную выгоду каждому члену сословия, расширяя или упрочивая его личную свободу и средства материального обеспечения». Причем В.О. Ключевский утверждал, что наличие этих прав для дворянства было даже важнее, чем права политические, так как позволяло сохранять свои сословные привилегии - «это наиболее энергичный мотив… настоящая цель, к которой стремятся высшие сословия, добиваясь этого неравенства или отстаивая его»[1].

В числе таких общественных учреждений, деятельность которых можно отнести к сфере социально-экономической, было Вольное экономическое общество – одно из первых в отечественной истории. Оно было создано в 1765 г. крупными землевладельцами Г.Г. Орловым и Р.И. Воронцовым, приближенными Екатерины II, в период так называемого «просвещенного абсолютизма», являлось одной из первых в мире общественных организаций, формально не зависящих от государства. К началу 60-х гг. XIX в. это общество становится одним из центров либеральной экономической мысли, в работе которого прини-

[1] *Ключевский В.О.* История сословий в России // Собр. соч. Т. VI. М., 1959. С. 282-283.

мали участие выдающиеся деятели отечественной науки: Д.И. Менделеев, А.Н. Бекетов, М.М. Ковалевский, П.П. Семенов-Тян-Шанский и др. Общество инициировало создание комитета помощи голодающим и комитета грамотности, проведения всероссийских сельскохозяйственных выставок, вело большую издательскую деятельность, имело разветвленную сеть корреспондентов в регионах страны[1].

В первой половине XIX в. возникли «Вольное общество любителей словесности, наук и художеств» (1801 г.) и «Русское географическое общество» (1845 г.). Ученые-преподаватели Московского университета, научная общественность создают ряд обществ, имеющих всероссийское значение: «Общество истории и древностей российских» (1804 г.); «Московское общество испытателей природы» (1805 г.); «Общество любителей российской словесности» (1811 г.). В Петербурге в 1846 г. образуется «Русское археологическое общество». Позднее, вместе с «Московским археологическим обществом» (создано в 1864 г.) и Археологической комиссией (создана в 1859 г.), они становятся объединяющими центрами, с которыми сотрудничали практически все губернские комитеты. С ними сотрудничали и любители, интересующиеся археологическими раскопками[2].

Реформы 60-70-х г. XIX в. привели к новой ситуации в образовании общественных организаций. Их деятельность выходит за рамки дворянских интересов и государственного патронажа, что находит отражение в расширении круга граждански активных людей и появлении новых обществ. Расширяется и география общественных организаций. При сохранении лидирующего положения столичных обществ с их высокой организационной структурой, в которые входят лучшие научные и творческие силы, элита российской интеллигенции, формируются гражданские общества и в провинции. Подтверждением этому может служить создание в пореформенное время общественных организаций и объединений уральских губерний.

Проявление гражданской активности здесь можно заметить уже на рубеже 50-60-х гг. XIX в., когда русское общество жаждало перемен и приближало их. Подготовка крестьянской реформы будоражила умы просвещенных людей. Работа губернских комитетов по обсуждению реформ, действовавших в тече-

---

[1] См.: *Орешкин В.В.* Вольное экономическое общество в России. 1765-1917: Ист.-экон. анализ. М., 1963. С. 25-31.

[2] *Невоструев Н.А.* Отечественная культура XVIII-начала XX вв. // Теория и история культуры. Пермь, 2000. С. 37-39.

ние 2 лет, вызывала у членов местных организаций новые вопросы, ответы на которые они искали во взаимном общении, обсуждая статьи в газетах и «толстых» журналах. Наверное, поэтому в 1859-1860 гг. в зданиях Благородного собрания в Перми, Екатеринбурге, Вятке проходило так много различных мероприятий.

Несомненно, что самое большое влияние на расширение сферы гражданской активности оказало введение в действие на территории уральских губерний: Вятской в 1867 г., Пермской в 1870 г., с 1875 г. - Уфимской Положений о земских учреждениях и городском самоуправлении. Земские учреждения и органы местного самоуправления развивались одновременно и в силу этого друг друга дополняли и усиливали. Однако по своему составу земские учреждения имели более широкую социальную базу в лице крестьянства, чем городские, поэтому мероприятия земств носили более активный, наступательный характер. Кроме того, по мере расширения круга вопросов, которыми занимались земские учреждения, формировался корпус земских служащих - главных проводников и выразителей гражданских идей развития деревни.

Города, в свою очередь, занимались подготовкой земских служащих. Именно в городах рождалась большая часть обществ, объединений, консолидирующих силы на развитие общественной жизни новых организаций. Кроме того, в городах создаются необходимые материальные предпосылки и условия для работы в этом направлении: строятся специальные здания для массовых библиотек, музеев, открываются театры, выставочные залы и др. В начале XX в. появляются кинотеатры. Развивается провинциальная журналистика, растет число частных типографий с более совершенной техникой, что позволяет переходить от книгопечатания к книгоиздательству.

Все эти изменения сопровождались увеличением числа членов гражданских обществ. Основу этих обществ по-прежнему составляла городская интеллигенция, однако к ней постепенно присоединяется большой отряд земских служащих: врачей, ветеринаров, учителей, агрономов, статистиков, работников кооперативной сферы и др. В заводских поселках особая роль в развитии гражданских отношений принадлежала не только техническим специалистам высшего звена, но и мастеровым и техникам.

Техническое перевооружение речного флота, переход на паровые машины качественно меняет требования, предъявляемые к работникам этой важной транспортной отрасли Урала. Уходит в прошлое бурлацкий труд, хотя по-

прежнему нелегким оставался труд рабочих, занятых погрузо-разгрузочными работами. Появление на Урале в конце 70-х гг. XIX в. железнодорожного транспорта опосредованно способствует в конечном итоге расширению ареала гражданских связей. Неторопливо-сезонный ритм провинциальной жизни рушится под натиском новых технических достижений современной цивилизации. Расстояния сокращаются. Телеграф, который появляется в Пермской губернии в 1861 году, и телефон (в 1895 году), в начале XX века становятся обыденным явлением и удобным средством общения. Правда, из-за высокой стоимости, пока еще для немногих. В 70-е годы создаются линии связи внутри губернии: с Екатеринбургом, Кунгуром, Ирбитом, Лысьвенским и Нижнетагильским заводами[1]. Их дополняют линии связи железной дороги. В Вятской губернии телефонная и телеграфная связь до начала XX века была только правительственная. И лишь в 1902 г. в г. Вятке была построена первая телефонная станция, число абонентов которой к 1908 г. достигло 380. Была налажена проводная связь со Слободским, а затем с Дымковской слободой[2]. В 1904 г. с технической помощью пермских специалистов Вятка получает электростанцию и электрическое освещение улиц[3].

Отличительной особенностью деятельности всех организаций и обществ была широкая гласность, открытость и полная финансовая прозрачность. Анонсы предстоящих мероприятий, отчеты об их проведении, публикации состава участников, решений заседаний и выступлений в прениях, финансовых отчетов о расходовании средств, списков жертвователей были регулярными. Гласность была неписаным правилом работы общественных объединений.

В рассматриваемый нами исторический период цель и задачи просветительской деятельности уральской общественности были иными, чем в классическом варианте западноевропейского Просвещения. Расширение масштабов образовательной деятельности по ликвидации элементарной неграмотности, создание условий для введения обязательного начального образования – все это остается важным и определяющим направлением работы общественных организаций. Однако в новый исторический период второй половины XIX в., когда происходит развитие отечественного капитализма и переход его в новейшую империали-

---

[1] *Пермский* телеграф (1861-2001). Пермь, 2001. С. 8-10.
[2] *Журналы* Вятской городской думы за 1908 г. Вятка, 1909. Т. 2. С. 74.
[3] *Журналы* Вятской городской думы за 1905 г. Вятка, 1906. Т. 2. С. 13.

стическую стадию при сохранении пережитков феодального общества в экономике и политике, создается принципиально иное гражданское общество.

Во-первых, создается достаточно большое количество общественных организаций, ведущих разнообразную просветительскую работу по популяризации научных знаний. **Во-вторых**, широкое распространение получают культурно-просветительские учреждения, способствующие приобщению широких слоев населения к достижениям культуры. **В-третьих**, создаются качественно новые средства массовой информации и пропаганды, оказывающие влияние на формирование новых взглядов на общественное устройство: массовая периодическая печать (особенно провинциальная), местные издания книг и журналов; появляются новые виды визуального воздействия (используются световые картины, диапроекторы). В начале XX в. появляется кинематограф и др. Вся эта просветительская деятельность является предметом исследования в данной главе.

2.1. ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ УРАЛА В РАЗВИТИИ ОБЩЕСТВЕННОЙ АКТИВНОСТИ

Идеи Просвещения, лежащие в основе концепции гражданского общества классического варианта Западной Европы XVIII в., в России реализовывались в деятельности ученых, издателей, определенной части литераторов, некоторых представителей дворянства. Однако, не имея объективной базы в виде личной свободы от крепостной зависимости крестьянства, эти идеи были востребованы небольшим числом людей. Попытки создать общественные организации с целью приобщения к культуре и знаниям широких слоев народа наталкивались не только на противодействие со стороны охранительных сил самодержавия, но и на практическую неграмотность не только крестьян и рабочих, но и значительной части жителей городов.

На Урале к середине XIX в. не существовало каких-либо значительных общественных организаций, которые бы смогли оказать решающее воздействие на развитие сети публичных библиотек, на распространение знаний через лекционную работу среди населения, популяризацию научных достижений и др. Известно о создании, в Перми, в 1831 г. общественной (публичной) библиотеки, открытой по известному распоряжению императора Николая I «Об учреждении в губернских городах публичных библиотек для чтения» 1830 г.

Идейным вдохновителем распоряжения был президент Вольного экономического общества, граф Н.С. Мордвинов. Еще в 1810 г. он обращался к правительству с просьбой сделать библиотеки при училищах «более доступными и полезными для воспитанников университетских и для посторонних»[1]. Он же предложил Министерству народного просвещения открыть в губерниях «народные книгохранилища» и «собрания редкостей естественных и искусственных» (т.е. музеи и картинные галереи). В апреле 1830 г. Н.С. Мордвинов от собственного имени и от имени Вольного экономического общества писал министру внутренних дел, что слабое развитие просвещения, экономики и благосостояния населения в российской провинции обусловлено «недостатком в губерниях средств к получению основательных о науках и искусствах разного рода сведений». Изменить ситуацию к лучшему он предлагал путем открытия в российских губерниях публичных библиотек, «в коих бы все жители могли пользоваться чтением книг, выходящих по крайней мере на российском языке, и в коих могли бы составляться общие подписки на получение литературных и ученых журналов»[2].

Рассмотрев предложение Н.С. Мордвинова и признав его полезным, МВД подготовило специальное распоряжение об открытии публичных библиотек в губернских городах, датированное 5 июля 1830 г., и циркулярно разослало его в 50 губерний Российской империи. Все заботы о способах учреждения публичных библиотек возлагались на губернаторов. Им было приказано провести специальные совещания, на которые приглашались губернские предводители дворянства, директора гимназий и других учебных заведений, а также «прочие любители полезных занятий со стороны дворянства и купечества»[3]. В задачу совещаний входило скорейшее определение подходящих для библиотек помещений, назначение попечителей и библиотекарей, а также составление подробных правил содержания и работы библиотек.

Однако пермская библиотека до 1875 г., когда ее окончательно приняла на свое попечение городская дума, «влачила» достаточно скромное существование[4]. Кунгурское городское общество в 1840 г. открывает общественную библиотеку благодаря завещанию известного русского предпринимателя, одно-

---

[1] *Абрамов К.И.* Городские публичные библиотеки России: история становления (1830-начало 1860-х гг.). М., 2001. С. 11.

[2] *РГИА*, ф. 733, оп. 7, д. 16, л. 461.

[3] *Там* же, л. 462.

[4] *Смышляев Д.Д.* Сборник статей о Пермской губернии. Пермь, 1891. С. 83, 88.

го из директоров российско-американской компании, выходца из Кунгура, купца Кирилла Тимофеевича Хлебникова. Им было завещано городу более 2000 книг, журналов, писем и записок, картины, портреты и др.[1]

В вотчинных заводах были организованы также общедоступные библиотеки: в 1812 г. на Чермозском заводе Лазаревых; в 1825 г. в Ильинском – центре владений Строгановых; в 1853 г. - на Нижнетагильском заводе Демидовых благодаря стараниям управляющего заводом А.Н.Карамзина. Например, в библиотеку Чермоза в качестве подписных изданий поступали сочинения В.А. Жуковского, А.С. Пушкина, такие журналы, как: «Современник»; «Искра»; «Русский художественный листок»; здесь также имелись сочинения западноевропейских просветителей. В 1848 г. фонд этой библиотеки составил уже 2354 наименования книг[2]. В 30-х гг. Х1Х в. создаются заводские библиотеки в Воткинском и Ижевском заводах Вятской губернии для служащих[3].

На рубеже 50-60-х гг. XIX в. в Перми появляются почти одновременно две публичные библиотеки, созданные при достаточно высокой активности местной демократической общественности. Инициаторами создания первой из них, основанной в 1859 г., стали учитель мужской гимназии А.А. Залежский (по материнской линии дядя В.И. Ленина), Д.Д. Смышляев, пароходовладелец Н.И. Ильин и чиновник Е.А. Пупков. Как вспоминает Д.Д. Смышляев, в библиотеке «…было до 600 названий книг и выписывались… Московские Ведомости, Русский Дневник, Сын Отечества, Иллюстрация, Искра, Отечественные Записки, Современник, Русский Вестник, Библиотека для чтения, Педагогический Вестник, Журнал Садоводство, собрание иностранных романов в русском переводе»[4]. Однако эта библиотека была рассчитана, прежде всего, на имущих людей, так как плата за пользование книжным и журнальным фондом была достаточно высокая. В 1860 г. расширение фонда происходило за счет беллетристики. После отъезда Залежского в Казань, в конце 1861 г., эта библиотека была закрыта.

Вторая библиотека была открыта в феврале 1860 г. чиновником канцелярии губернатора А.И. Иконниковым. Из-за умеренной платы (5 руб. в год) она

---

[1] *К биографии* К.Т.Хлебникова // Сборник материалов для ознакомления с Пермской губерниею. Вып. 4. Пермь, 1892. С. 23.

[2] *ГАПО*, ф. 280, оп. 1, д. 639, л. 153.

[3] См.: *Васина Т.А.* Становление библиотечного дела и формирование книжной культуры в заводских округах в первой половине Х1Х в. (на примере Камских заводов) // Петряевские чтения 2005: Материалы науч. конф. Киров, 2005. С. 29-35.

[4] *Смышляев Д.Д.* Указ. соч. С. 88-89.

пользовалась большей популярностью. К тому же в библиотеке оказались сочинения революционных демократов: В. Белинского, А. Герцена и др., что привлекло сюда из гимназии и семинарии большое количество учащейся молодежи. Здесь проводились благотворительные литературные вечера, и здесь же происходило формирование тайного революционного общества. После ареста руководителей общества библиотека была закрыта, часть ее книжного и журнального фонда передана в городскую библиотеку[1].

Из уездных городов Пермской губернии, создавших библиотеки, можно также отметить Верхотурье. Здесь в 1869 г. по инициативе купца, городского головы И.А. Мухлынина была открыта общественная городская библиотека. Сам руководитель города пожертвовал в фонд создаваемой библиотеки 1200 руб. для закупки книг и подписки на журналы[2]. В дальнейшем, в 1915 г., на ее базе была создана центральная уездная земская библиотека.

В Вятской губернии первая публичная библиотека была открыта не в губернском городе а в уездном – Сарапуле в январе 1835 г. Инициатором выступил уездный лекарь Х.И.Чудновский[3]. В Вятке губернская общественная библиотека была открыта несколько позже, в 1837 г., однако с самого начала она превращается в центр объединения местной общественности. Самое деятельное участие в ее создании принял находящийся здесь в то время в ссылке А.И.Герцен. В своей речи при открытии библиотеки он обратил внимание на значение просвещения и роли библиотек в этом процессе: «…Книга, это духовное завещание одного поколения другому…она программа будущего»[4]. В ее организации приняло участие более 300 человек – не только чиновничество, но и учителя, купечество. При открытии библиотеки в ее фондах было 1313 томов. Руководил ее деятельностью попечительный комитет.

В начале 60-х гг. Х1Х в. заметное оживление работы этой библиотеки было связано с именем П.В.Алабина, который возглавлял тогда губернскую удельную контору. Улучшилась материальная база библиотеки, книжный фонд достиг более 13,5 тысяч томов, были открыты специализированные абонементы для женщин, детей, музыкальный отдел. Деятельность библиотеки освещалась на страницах губернской газеты, был создан каталог, регулярно публиковались

---

[1] *Рабинович Я.Б.* Круг Н.Г.Чернышевского и разночинцы Урала в период первой революционной ситуации в России. Пермь, 1983. С. 58-59.

[2] *ГАСО*, ф. 435, оп. 1, д. 607, л. 62.

[3] *РГИА*, ф. 733, оп. 7, д. 16, л. 481.

[4] *Герцен А.И.* Речь, сказанная при открытии Публичной библиотеки для чтения в Вятке 6 декабре 1837 года. М., 1987. С. 4.

годовые отчеты[1]. Ему же принадлежит заслуга создания одной из первых в губернской глубинке сельских библиотек в слободе Кукарке Яранского уезда в 1861 г.

Перелом в развитии общедоступных библиотек наступает с началом реформ 60–70-х гг. И связано это было с деятельностью земских учреждений и городских органов самоуправления. В первой главе мы подробно рассматривали их деятельность по развитию системы образования в уездах и городах, а также затрагивали проблему создания и развития воскресных школ, с 1892 г. переданных в духовное ведомство. В существующих земских школах были созданы библиотеки, которые кроме фонда учебной литературы имели и некоторый набор книг духовного и светского содержания. Библиотеки были бесплатными, и ими могли пользоваться крестьяне. Кроме того, библиотеки существовали при училищах горного ведомства, гимназиях, реальных училищах и т.д. Интересно, что основу библиотеки Уральского горного училища в Екатеринбурге, преобразованного в 1853 г. из горнозаводской школы, составили книги В.Н.Татищева. Еще в 1737 г. он подарил школе библиотеку из 617 томов, а затем пополнение этой библиотеки осуществлялось за счет закупок книг в Петербурге. В середине XIX в. ее комплектование было связано с деятельностью Н.К. Чупина, одного из видных профессиональных историков Урала[2].

В Перми в гимназической библиотеке создается специализированный фонд краеведческой литературы – «Справочная о Пермском крае Д.Д. Смышляева библиотека». В 1867 г. Смышляев дарит библиотеке более 300 книг, имеющих исключительно краеведческий характер, и выдвигает два условия: пользоваться этими книгами можно бесплатно и беспрепятственно, но только в помещении самой гимназии, не выдавая их на дом. К началу 90-х гг. библиотека насчитывала уже 1136 томов[3]. После смерти Д.Д. Смышляева, в 1893 г. его духовник И.И. Любимов передает в эту же библиотеку, в соответствии с завещанием покойного, дополнительно еще 324 книги[4].

Большая библиотека, преимущественно духовного содержания, постепенно формировалась при духовной семинарии. Она пополнялась не только за

---

[1] *Спасский Н.* Краткая летопись событий и законоположений, касающихся Вятской губернии за первое столетие с открытия наместничества // Столетие Вятской губернии. Вятка, 1880. Т. 1. С. 304-305.

[2] *Гурьев И.А.* Горнозаводский Урал феодального периода в творчестве Н.К.Чупина // Летописцы родного края. Свердловск, 1990. С. 13-14.

[3] *Зверев А.В.* Старейшее учебное заведение г. Перми: К столетию Пермской мужской гимназии (1808-1908). Пермь, 1908. С. 148-149.

[4] *Письмо* И.И.Любимова к редактору А.Дмитриеву // Пермский край. Т. 3. Пермь, 1895. С. 487-488.

счет централизованных поступлений из духовного ведомства, но и за счет пожертвований прежде всего со стороны иерархов Пермской епархии и ректоров самой семинарии.

Нужно отметить, что пермские семинаристы отличались достаточно критичным отношением к российской действительности и не раз становились объектом преследования со стороны руководящих структур. В Перми действовал революционно-демократический кружок, известный в уральской истории под названием «Кружок Иконникова», куда вошли преподаватели семинарии А.Г. Воскресенский, А.Н. Моригеровский и учащиеся. При разгроме этой организации тайная семинарская библиотека осталась не выявленной и действовала вплоть до конца 90-х гг. В период обучения в Пермской духовной семинарии будущий известный уральский сказитель П.П. Бажов, по его воспоминаниям, был ее библиотекарем. В фондах этой библиотеки находилась в основном литература народнического толка и марксистские издания[1].

В Уржуме Вятской губернии по инициативе председателя уездной управы Л.П.Матвеева и купца А.А.Чернова в 1872 г. была открыта библиотека-читальня из книжных собраний инициаторов[2]. Она сразу привлекла внимание полиции тем обстоятельством, что библиотека стала центром собраний ссыльных, представителей общественности города. А.А.Чернов, который состоял библиотекарем, был поставлен под негласный надзор. После событий 1 марта 1881 г. он был арестован в 1884 г. по обвинению в революционной пропаганде среди крестьянства. Библиотека была закрыта, а ее книжный фонд передан в городскую управу для библиотеки[3].

На собраниях гласных, в выступлениях земских деятелей 70-х гг., посвященных проблемам народного образования, обращалось внимание на то, что грамотность сама по себе не является гарантией дальнейшего образования, если не будет развита система повторения и созданы условия для чтения книг. И все же возлагавшиеся большие надежды на школьные библиотеки, как основные каналы продолжения самообразования, в полной мере не оправдались. Это было связано прежде всего с тем обстоятельством, что земские учителя, которые становились главными пропагандистами и инициаторами образования в деревне, настолько оказывались загруженными выполнением своих прямых обязанностей

---

[1] *Седых Н.П.* Очерки истории Пермской духовной семинарии за 1877-1884 гг. Пермь, 1915. С. 216-217.
[2] *ГАКО*, ф. 582, оп. 37, д. 9, л. 9.
[3] *Там* же, л. 16.

по организации учебного процесса в школах, что у них не хватало физических сил на эту общественную работу. Кроме того, немаловажным отрицательным фактором явилось и то, что дополнительная работа учителя была бесплатной. Однако данное направление просвещения не было свернуто. К 1900 г. число пришкольных библиотек достигло 197[1]. Теперь они становятся частью достаточно стройной системы библиотек в губернии.

Состоявшееся в 1891 г. губернское земское собрание по предложению дирекции народных училищ принимает решение о создании библиотек нового типа, получивших название «народные библиотеки». Такое решение было связано с тем опытом, который к этому времени был накоплен земскими учреждениями и общественностью. Был разработан проект устава народных библиотек, утвержденный в 1892 г.[2]

Одной из первых библиотек, являвшихся самостоятельным субъектом образования не только в Пермской губернии, но и в российской истории просвещения, была сельская публичная библиотека. Она была создана в селе Иванищенском Шадринского уезда Пермской губернии в 1859 г. по инициативе волостного писаря А.Н. Зырянова. Выходец из государственных крестьян Шадринского уезда, получивший только начальное образование, путем самообразования он стал членом-сотрудником Императорского русского географического, Вольного экономического обществ, действительным членом УОЛЕ, губернского статистического комитета, активным автором неофициальной части «Пермских губернских ведомостей»[3].

В 1859 г. с помощью Д.Д. Смышляева, откликнувшегося на просьбу Зырянова о создании сельской публичной библиотеки, выславшего ему книги из собственных фондов и оказавшего материальную помощь, А.Н. Зырянов открывает библиотеку не только для односельчан, но и для жителей уезда. В формировании ее приняли живое участие ученые общества, столичные издательства газет и журналов, к которым Зырянов обращался с письменными просьбами. Все это позволило создать библиотеку на бесплатной основе. Причем местные жители также помогли в дальнейшем развитии фонда своими денежными вкладами и жертвуя собственные книги. О работе библиотеки неоднократно сообщалось в неофициальной части «Пермских губернских ведомо-

[1] *Обзор* Пермской губернии за 1900 г. С. 77.

[2] *Доклады* Пермской губернской земской управы Пермскому губернскому земскому собранию 22-й очередной сессии. Пермь, 1892. С. 184-186.

[3] *Смышляев Д.Д.* Указ. соч. С. 280-285.

стей»[1]. Библиотека путешествовала с энтузиастом просвещения А.Н. Зыряновым по всем местам его последующей службы. В 1881 г. он передал ее в дар Шадринскому уездному земству, создавшему на ее основе передвижную библиотеку, насчитывающую около 8000 книг[2].

По инициативе городских управ создаются городские публичные библиотеки в Соликамске (1878 г.), Оханске (1885 г.).

Екатеринбургское уездное земство еще в 1883 г. на очередном собрании, проанализировав неудачные попытки введения повторительных классов для закрепления навыков грамотности, решает открыть народные библиотеки, предусмотрев особую оплату учителям за эту работу (3 рубля в месяц)[3]. В 1885 г. управа докладывала гласным: «…открытие библиотек есть одно из удачнейших дел земства, польза их очевидна, сочувствие народа несомненно»[4]. К началу 90-х гг. в уезде работало 15 народных библиотек, где насчитывалось «более 3500 книг на сумму более 1000 руб.»[5] Здесь же осуществлялась и продажа книг и различных пособий для школ. Кстати, к 1914 г. книжный фонд библиотек Екатеринбургского уезда достиг 65314 экземпляров, что было самым высоким показателем в Пермской губернии[6].

В первые же годы существования библиотек выявилась достаточно высокая степень востребованности такой формы просветительской работы земств. К 1893 г. в губернии было открыто 69 народных библиотек[7]. К 1897 г. их число увеличилось до 197. В среднем на 1 народную библиотеку приходилось 368 книг, она насчитывала 167 читателей, из нее производилось 1458 книговыдач в год[8]. К 1910 г. число только пришкольных библиотек достигло 499, а с библиотеками-читальнями других ведомств их было 700[9]. На содержание библиотек и дальнейшую их организацию в сметах уездных земств вводилась целевая строка в статье «Народное образование». Однако эти расходы составляли всего 0,3% от всех расходов на образование.

---

[1] *ПГВ*. 1860. № 60; *Там* же. 1862. № 17; *Там* же. 1876. № 34.

[2] *Шадринский* филиал Государственного архива Курганской области (ШФГАКО), ф. 1045, оп. 1, д. 52, л. 1-4.

[3] *Журналы* Екатеринбургского уездного земского собрания 14-й очередной сессии 1883 г. Пермь, 1884. С. 621-624.

[4] *ГАСО*, ф. 18, оп. 1, д. 18, л. 57.

[5] *Краткий* исторический очерк деятельности Екатеринбургского земства по народному образованию с 1870 по 1890 г. Екатеринбург, 1890. С. 46.

[6] *ГАСО*, ф. 18, оп. 1, д. 445, л. 148.

[7] *Обзор* Пермской губернии за 1893 год. С. 21.

[8] *Обзор* Пермской губернии за 1897 год. С. 92.

[9] *Обзор* Пермской губернии за 1910 год. С. 118.

Значительный вклад в развитие библиотек вносило духовенство. За период с 1860 по 1910 г. в Пермской и Екатеринбургской епархиях было открыто 427 библиотек духовного ведомства[1]. Из-за большого количества старообрядцев на территории Пермской губернии большое внимание уделялось миссионерской литературе. Признание в ходе революции 1905-1907 гг. свободы вероисповедования повышало роль этих библиотек в наступательной пропагандистской работе православной церкви в новых исторических условиях.

Рубеж XIX–XX в. дает более широкую палитру участия общественности в этой важной просветительской работе. К земским и городским органам местного самоуправления в этой деятельности присоединяются новые общественные организации: благотворительные попечения о народном образовании, общества народной трезвости, библиотечные общества, общества внешкольного образования и воспитания и др.

Показательной может быть история создания городской публичной библиотеки в Екатеринбурге. Крупный промышленный, торговый, культурный центр Уральского региона до конца XIX в. не имел собственной общедоступной библиотеки (хотя встречаются сведения о попытках создания частной общественной библиотеки в городе в 1855 г. уральским издателем и книготорговцем П. Наумовым)[2]. Неоднократные попытки ее создания с 60-х гг. заканчивались неудачей. И это на фоне успешного развития народных библиотек уездного земства.

С 1894 г. в Екатеринбурге начинается подготовка к созданию Уральского общества любителей изящных искусств (УОЛИИ), в проекте устава которого было записано: «…развитие в публике любви и интереса к изящным искусствам через конкурсы, выставки, обучение и просветительскую работу»[3]. В январе 1896 г. состоялось официальное открытие этого общества, насчитывающего 138 действительных членов. Его первым председателем стал известный архитектор Урала Ю.И. Дютель.

Исходя из задач общества было решено организовать городскую публичную библиотеку, основой для которой могло послужить пожертвованное домашней учительницей Е.М. Кремлевой собственное собрание книг, насчитывающее около 2000 томов на сумму 1486 руб.[4] Организационная комиссия, в которую входили В.Н. Мамин (брат писателя Д.Н.Мамина-Сибиряка), супруги А.А. и

---

[1] *Библиотеки* на Урале // Уральская историческая энциклопедия //http://www.ural.ru/

[2] См.: *Наумов П.* Письмо к редактору // Книжный вестник. 1862. № 1. С. 48-51.

[3] *Устав* общества любителей изящных искусств в Екатеринбурге. Екатеринбург, 1895. С. 2.

[4] *Екатеринбургская* неделя. 1898. № 5.

М.И. Догадеевы, Е.Н. Зайцева и присяжный поверенный А.Н. Батманов, отбывавший административную ссылку за участие в народнических организациях, для успешного завершения дела решила ввести в свой состав авторитетную для губернских властей личность. Выбор пал на управляющего конторой Государственного банка, общественного деятеля города А.И. Кожевникова. По воспоминаниям А.Н. Батманова, А.И. Кожевников сразу дал согласие на участие в организации библиотеки, взяв на себя самый сложный вопрос – финансовый, обеспечив успех распространения подписных листов. А.И.Кожевникова не остановило даже предполагаемое название этой библиотеки именем В.Г. Белинского, что в те времена было достаточно смелым шагом[1]. Кроме того, по инициативе комиссии были организованы публичные лекции с привлечением актива УОЛЕ, благотворительные концерты, спектакли в городском театре. В состав учредителей новой библиотеки вошли кроме членов-организаторов руководитель Екатеринбургской и Ирбитской епархии, городской полицмейстер, журналисты, директора средних учебных заведений и смотритель духовного училища[2].

В день празднования 100-летия со дня рождения А.С. Пушкина, 26 мая 1899 г., состоялось торжественное открытие библиотеки. Первым председателем правления общественной публичной библиотеки имени В.Г. Белинского избирается А.И. Кожевников. Кстати, в эти праздничные дни на средства Думы при городской чайной была открыта народная библиотека-читальня, получившая имя великого поэта – А.С. Пушкина[3]. Первой заведующей библиотекой стала выпускница Бестужевских высших женских курсов С.А. Дьяконова[4].

В начале XX в. просветительская сеть сельских библиотек Пермской губернии дополняется знаменитыми в общероссийском масштабе Павленковскими библиотеками. Они получили свое название по имени замечательного русского издателя, публициста, переводчика и общественного деятеля Флорентия Федоровича Павленкова (1839-1900). Он являлся издателем большого количества общедоступных по цене книг русских и зарубежных классиков, книг для детей, научно-популярной и учебной литературы, книг по истории социалистических учений. Итогом его 20-летней издательской деятельности стал выпуск свыше 750 названий книг тиражом более 3,5 млн. экземпляров. Издание серий «Био-

---

[1] *Отчет* Екатеринбургской публичной библиотеки имени В.Г.Белинского за первый год работы. Екатеринбург, 1900. С. 6.

[2] *Устав* Екатеринбургской публичной библиотеки им. Белинского. Екатеринбург, 1898. С. 5.

[3] *ГАСО*, ф. 8, оп. 1, д. 631, л. 93.

[4] *Урал*. 1899. № 84.

графическая библиотека, или Жизнь замечательных людей», «Энциклопедический словарь» стало поистине общероссийским явлением. По завещанию Павленкова, земства страны получили письма от душеприказчиков издателя с предложением о создании сельских массовых библиотек с непременным условием: земства находят помещение, библиотекаря и получают комплект книг на 100 руб. Всего в России было создано 2000 библиотек Павленкова[1].

В Пермской губернии было открыто 134 таких библиотеки. Самое большое количество таких библиотек было в Осинском уезде – 29[2]. По воспоминаниям старожила села Зипуново Г.Е .Котова, здесь в 1909 г. была открыта избачитальня из фонда книг Ф.Ф. Павленкова. В ней были маленькие книги-брошюры различной тематики: сказки, рассказы зарубежных писателей о введении христианской колонизации, произведения А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого и др. Читатели этой библиотеки – главным образом выпускники школ. В 1913 г. начал работать читальный зал. К 1914 г. фонд библиотеки насчитывал 859 книг, книговыдача составила 361 экземпляр в год[3]. С 1915 г. по настоящее время эта библиотека носит имя Ф.Ф. Павленкова.

В Вятской губернии был реализован один из самых значительных просветительных проектов страны. Речь идет о создании знаменитых в России «пятирублевых» сельских библиотек. Автором и организатором проекта стал председатель губернской земской управы А.П.Батуев (1863-1896) –представитель купеческой династии, окончивший юридический факультет Казанского университета, в 28 лет (!) ставший во главе земских учреждений губернии.

По его предложению очередная сессия губернского собрания 1891 г. принимает решение о создании дешевых сельских библиотечек с книгами просветительского характера на сумму 5 руб. (отсюда и название библиотек) с целью искоренения «безграмотности и безкнижности» крестьянских обществ[4]. К 1897 г. было открыто 2617 таких библиотек, причем около 300 из них были предназначены для нерусского населения губернии[5]. Предоставлять помещения для библиотек, подбирать библиотекарей должны были земские учреждения.

---

[1] См.: *Рассудовская Н.М.* Издатель Ф.Ф.Павленков: Очерк жизни и деятельности. М., 1960.

[2] *ГАПО*, ф. 42, оп. 1, д. 282, л. 176-177.

[3] *Колдомова С.А., Куликов Н.М.* Развитие образования и культуры Зипуновской волости Осинского уезда (XIX-перв. пол. XX вв.) // Сведомские чтения. Пермь, 2003. С. 74-75.

[4] *Сборник* постановлений Вятского губернского земства за 25-летие. 1868-1892. Вятка, 1895. Т. 5. С. 228-230.

[5] *Обзор* Вятской губернии за 1897 год. С. 77-78.

Комплектование библиотек осуществлялось крупнейшими издательствами страны: А.Ф.Маркса, А.С.Суворина. Издательство И.Д.Сытина предоставило свои издания с 40% скидкой[1]. Позднее, в 1895 г., для пополнения книжного фонда было создано «Вятское книгоиздательское товарищество». Существенно дополнила фонды этих библиотек бесплатная подписка на губернскую общественную газету, издававшуюся также губернским земством – «Вятскую газету»[2].

В Вятской губернии действовало также и самое большое количество в стране Павленковских библиотек – 194. Это объяснялось тем, что Ф.Ф. Павленков 8 лет находился в ссылке в Вятке и активно участвовал в развитии книгоиздательского дела на Урале. Здесь же он выпустил свой знаменитый сборник «Вятская незабудка», в которой были напечатаны статьи Н.Н.Блинова, Р.Н.Рума и др[3].

В начале XX в. расширению влияния уральской общественности на внешкольное образование способствовали библиотечные общества. Наибольшую известность приобрело Пермское библиотечное общество имени Д.Д. Смышляева. Оно было создано в марте 1899 г. в память о первом председателе губернской земской управы, который стал символом начала кардинальных перемен в жизни пермского общества[4]. Общественный деятель либерально-демократического направления 50-80-х гг. XIX в., сумевший поднять авторитет земских учреждений Пермской губернии до общероссийского уровня, Д.Д. Смышляев многое сделал для создания мощного слоя земских служащих, которые стали основой формирования новых гражданских отношений.

В состав правления библиотечного общества вошли известные представители земской интеллигенции, общественных организаций, учителя средних учебных заведений, врачи. Причем с самого начала своей деятельности общество позиционировало свое главное направление в просветительской работе – облегчить доступ к достижениям культуры для «…рабочего класса и вообще более бедных и некультурных слоев городского населения»[5]. Поэтому для размещения центральной библиотеки общества, которая была открыта в октябре 1893 г., был выбран рабочий район города Перми – Слудка, где находился ряд

---

[1] *Сытин И.Д.* Жизнь для книги. М., 1962. С. 279.

[2] *Михайлов Н.М.* Материалы об издании народной газеты //Труды Императорского вольного экономического общества. 1899. № 1. С. 278-279.

[3] *Валеева Н.Г.* Павленковские библиотеки на территории Елабужского уезда // Вятскому земству – 130 лет. Киров, 1997. С. 100-101.

[4] *Отчет* о деятельности Пермского библиотечного общества им. Д.Д.Смышляева за 1899-1900 гг.: Составлен комитетом общества. Пермь, 1901. С. 2.

[5] *ПГВ*. 1899. № 258.

промышленных предприятий[1]. В апреле 1901 г. создается филиал этой библиотеки в пермском пригороде – поселке Мотовилихинского казенного сталепушечного завода[2]. Рабочие Мотовилихи заинтересованно отнеслись к этому событию, и если в первый год работы библиотека обслужила 628 человек, то к 1913 г. число читателей увеличилось почти в два раза[3].

В формировании библиотечного фонда приняли активное участие не только губернское и уездное земства, городская дума, но и известные писатели, книгоиздатели России: А.П. Чехов, В.Г. Короленко, Ф.Ф. Павленков, М.И. Водовозова, редакции газет и журналов предложили бесплатную или льготную подписку. К началу работы библиотечный фонд составлял более 6,5 тысяч томов, в Мотовилихе при открытии библиотеки ее фонд насчитывал более 1600 книг[4]. Состав книг, конечно же, не был равноценным; классическая литература соседствовала с бульварными романами, знаменитыми дешевыми лубочными картинками – прообразами современных комиксов. Однако преимущественно здесь были издания демократического характера. Ряд исследователей высказывают предположения о направленном воздействии на пополнение библиотечного фонда кругов, настроенных оппозиционно к существовавшему режиму власти в стране[5]. Кстати, по такому же принципу маскировки книг социалистической направленности литературой неглубокого содержания действовал знаменитый книжный магазин в Перми, принадлежавший О.П.Петровской, открытый еще в 1876 г.[6]

В Пермской губернии получило широкое развитие изучение на научной основе читательских интересов посетителей библиотек земскими учителями, работниками книжных магазинов, библиотек, земских учреждений. Особую ценность представляют результаты исследования интересов сельского населения, так как читательские характеристики обогащают и дополняют психологический портрет крестьянства рубежа XIX-XX в. Глубокий анализ содержания читаемых книг, выявление источников распространения книги, получение чи-

---

[1] *Верхоланцев В.С.* Указ. соч. С. 112.

[2] *Отчет* об устройстве и деятельности Мотовилихинского отделения Смышляевской библиотеки (по 1 сент. 1901 г.). Пермь, 1901. С. 3.

[3] *ПГВ*. 1913. № 260.

[4] *Отчет* о деятельности Пермского библиотечного общества им. Д.Д.Смышляева за 1901 г. Пермь, 1902. С. 63, 67.

[5] См.: *Потемкина Л.И.* Образование кадетской организации в г. Перми // Прикамье, век XX: малоизвестные страницы истории края. С. 37; *С.В.Шепелева*. Пермское библиотечное общество имени Д.Д.Смышляева // Страницы прошлого. Пермь, 1995. С. 12-13.

[6] *Дмитриев А.А.* Указ. соч. С. 300.

тательских характеристик, знакомства с методиками работы с читателями – все это представляет не только исторический интерес с точки зрения зарождения отечественных традиций изучения читателя, но и, по утверждениям современных специалистов-библиотекарей, большую методологическую ценность.

Одним из самых репрезентативных исследований конца XIX в. является работа известного агронома и статиста Красноуфимского уездного земства Н.Л. Скалозубова. В течение 1888 г. он выяснял тематику чтения книг крестьянами уезда по оригинальной авторской методике. Свою работу он опубликовал в 1892 г. в российском журнале «Русская школа»[1]. Заводские поселки и сельские поселения значительно различались по содержанию читаемых их жителями книг. Крестьяне определенно отдавали предпочтение книгам духовно-нравственного содержания: история христианской церкви (38%); богослужебные – молитвенники, святцы, часослов, месяцеслов (19,5%); нравоучительные и др.[2] В числе читаемых жителями заводских поселков преобладали книги светского содержания (около 89% всего количества). Это были романы и повести (31,5%), сказки (27,3%), учебники, исторические романы и повести (7%)[3]. Автор прослеживает любопытные изменения читательских интересов во времени: если до 1880 г. преобладают в числе читаемых книги религиозного содержания, то в последующие годы количество читаемых книг светского содержания превышает количество читаемых религиозных книг почти в два раза. Начал формироваться интерес к книгам справочного и научно-популярного характера (к книгам по естествознанию, медицине, сельскому хозяйству). Аналогичную работу по выявлению интереса крестьян к живописи Н.Л. Скалозубов провел незадолго до своего отъезда, опубликовав результаты этих исследований[4]. Позднее эти исследования продолжил известный земский деятель Д.М.Бобылев[5].

Таким образом, в начале XX в. на Урале складываются предпосылки перехода к просветительской деятельности путем создания сети библиотек. Ведущая роль в ее функционировании принадлежала земским учреждениям, создающим стройную структуру сети районных, пришкольных, сельских и передвижных библиотек. Так, в Осинском уезде к 1912 г. в заводских поселках было

---

[1] *Скалозубов Н.Л.* Что читают крестьяне Красноуфимского уезда Пермской губернии // Русская школа. 1892. № 9. С. 85-90.

[2] *Там* же. С. 85-86.

[3] *Там* же. С. 87.

[4] *Скалозубов Н.Л.* Внешкольные образовательные средства народа: Какими картинами украшают свои жилища крестьяне Красноуфимского уезда // Сборник материалов для ознакомления с Пермской губерниею. Вып. V. Пермь, 1893. С. 28-37.

[5] *Бобылев Д.М.* Запросы деревенского читателя // Сборник Пермского земства. 1899. № 1.

открыто 4 районные и 3 передвижные библиотеки[1]. Например, в Камбарском заводском поселке 2 районных библиотекаря осуществляли прием и выдачу книг в стационарной заводской библиотеке, где насчитывалось 88 читателей. Библиотека имела читальный зал, который посещало в среднем 13 человек в день. Передвижная библиотека насчитывала 185 книг. Ежемесячно ею производилось до 20 выездов в села и деревни, где происходил обмен литературы[2]. Передвижные библиотеки действовали при Уральской железной дороге, на судах крупных пароходных компаний и др.

Опыт работы пермского и вятского земств по созданию сети передвижных библиотек получил одобрение участников I Всероссийского съезда по библиотечному делу, который проходил в Москве в 1911 г. Видные библиотековеды страны Л.Б. Хавкина, В.П. Вахтерев отметили подвижническую деятельность земского учителя Пермского уезда П.Я. Копысова по комплектованию книжного фонда передвижных библиотек, а библиотечные курсы Народного университета им. А.Л. Шанявского в Москве приобрели один комплект книг его передвижной библиотеки для своего музея[3]. Большую образовательную роль крестьянского печатного органа «Вятской газеты» отмечали читатели села в опросе, который провела губернская управа в 1898 г.[4] В опросе приняло участие 1500 подписчиков. Самыми активными читателями были молодые жители села, а также ремесленники и отставные солдаты.

Мы не склонны идеализировать и преувеличивать значимость этого направления в общей просветительской работе среди населения, для которого в тот период на первом месте стояли проблемы элементарного выживания. Кроме того, работе актива препятствовали трудности, которые не всегда можно было преодолеть, даже если в его состав входили самые авторитетные и влиятельные лица. Подтверждением этому может служить деятельность Пермского общества бесплатной библиотеки-читальни.

Общество возникло в 1900 г. как преемник библиотечной комиссии воскресных школ духовного ведомства, созданной в 1892 г. К 1900 г. эти воскресные школы прекратили свое существование. Однако ряд учредителей из числа пермской интеллигенции решили продолжить просветительскую миссию, используя

---

[1] *ГАПО*, ф. 281, оп. 1, д. 521, л. 68.
[2] *ГАПО*, ф. 281, оп. 1, д. 1244, л. 82-83.
[3] *РГИА*, ф. 733, оп. 143, д. 259, л. 186-188.
[4] *Михайлов Н.М.* Материалы об издании народной газеты // Труды Императорского Вольного Экономического общества. 1899. № 1. С. 256-258.

библиотеки. В их число входили: М.А. Грибель, Д.Д. Юшков, А.С. Сигов, супруги Ф.Н. и А.Н. Ягодниковы, В.Н. Трапезников и др. Попечителем библиотеки был Н.В. Мешков, ответственным библиотекарем – И.В. Розанов[1].

Благодаря поддержке Н.В. Мешкова в городской думе при подготовке к празднованию в 1901 г. 40-летия Манифеста об освобождении крестьянства общество бесплатно получает от города участок под новое здание библиотеки и 3 тыс. руб. Подписные листы, распространявшиеся среди чиновников и интеллигенции, принесли около 25 тыс. руб. Однако последующие перипетии, связанные с изменением статуса общества, слияние его с обществом «Народный дом», учрежденным еще в 1899 г. в честь 100-летия со дня рождения А.С. Пушкина, нехватка средств для строительства здания, затем революционные события 1905-1907 гг. – все это привело к тому, что просветительская деятельность общества началась только в 1910 г.[2]

Тем не менее, несомненной заслугой общественности губернии в этот период становится то, что она приступила к массовому распространению «книжных знаний» с помощью разветвленной сети общественных библиотек. С 1915 г. в рамках земских учреждений Урала стали создаваться отделы народного образования, которому были делегированы полномочия развития просветительских организаций, в том числе и руководство библиотечным делом[3].

Отмечая новый уровень развития библиотечного дела в губернии, Вятское губернское собрание в 1915 г. принимает постановление об ассигновании ежегодного пособия в 150 рублей каждой женской гимназии на преподавание и 1 тысячу рублей – на выдачу безвозвратных пособий 10 кандидатам для поездки на библиотечные курсы преподавателям в Москву в народный университет имени А.Л.Шанявского[4].

В 1916 г. при Пермской городской общественной библиотеке было открыто отделение Петроградского общества библиотековедения, которое занималось и проблемами подготовки профессиональных кадров[5]. Именно эта система библиотек была положена в основу развития внешкольного просвещения и воспитания в советское время. Это была высокоэффективная система, поскольку

---

[1] *Устав* бесплатной народной библиотеки-читальни в г. Перми. Пермь, 1900. С. 1.

[2] *Отчет* и доклады исполнительных органов Пермского общества «Народный дом» за 1910 г. Пермь, 1911. С. 72-76.

[3] *Доклады* по народному образованию 1913-1915 гг. Пермь, 1915. С. 138-140.

[4] *Журналы* XXXXVIII очередной сессии Вятского губернского земского собрания 1915 г. Вятка, 1916. Т. 2. С. 56-57.

[5] *ГАПО*, ф. 35, оп. 1, д. 332, л. 291.

пользовалась не только государственной поддержкой, но и традиционной помощью со стороны общественности.

Еще одним важным каналом просветительской деятельности общественности Урала становились создаваемые повсеместно в пореформенной России объединения различной научной направленности: естественнонаучные, технические, связанные с отдельными отраслями сельского хозяйства и архивными делами, медицинские, краеведческие и др. Отличительной чертой этих обществ являлось то, что они объединяли людей не столько по роду их основных занятий, сколько по интересам вне основной специальности (то, что в современном лексиконе обозначают словом «хобби»). Деятельность обществ была направлена не только на исследования регионального характера по вопросам, которые определялись столичными научными центрами и государственными органами управления. Общество должно было сконцентрировать интеллектуальные силы для решения просветительских задач, для распространения знаний среди жителей города и деревни, повышения их грамотности.

К середине XIX в. на Урале не существовало объединений интеллигенции, имевших общественный характер. Но это не означало, что он оставался в стороне от научно-просветительской работы. Деятельность отдельных представителей осуществлялась в рамках императорских обществ, где они выполняли в основном роль корреспондентов. Активным корреспондентом Русского географического общества был уже упоминаемый нами А.Н.Зырянов, более 20 лет посылавший сведения о климатических условиях в населенных пунктах Шадринского уезда. Активными корреспондентами Археологической комиссии и Вольного экономического общества были бывшие крепостные Строгановых: Ф.А. Волегов, А.Е. Теплоухов, стоявшие у истоков уральской археологии. Уже хрестоматийным является упоминание о замечательном русском математике Иване Михеевиче Первушине, 30 лет прослужившем священником в селе Замараево Шадринского уезда. Он был членом-корреспондентом Петербургской и двух иностранных академий наук. В Вятской губернии научными исследованиями занимались: в области языкознания братья А.М. и Н.М. Васнецовы, этнографией Д.К.Зеленин, священник Н.Н.Блинов, О.А.Дьяконова, будущий известный археолог А.А.Спицын и др. Они также активно сотрудничали с Географическим обществом, Академией наук России.

И все-таки большую часть уральской интеллигенции в научном отношении привлекал Казанский университет и его общества. Мы уже отмечали, что

это высшее учебное заведение было близким уральским губерниям не только по географическому положению, но и по особой атмосфере демократизма и по передовым методам обучения, выводившим Казанский университет на одно из ведущих мест в системе высшего образования в России.

К середине XIX в. в организации отечественных научных исследований завершилась своеобразная революция. Осуществился переход от индивидуальных форм научного исследования к коллективным. Вокруг ярких, творческих личностей создавались коллективы (школы). Их деятельность способствовала формированию научных традиций. В Казанском университете такими творческими личностями были Н.И. Лобачевский, А.М. Бутлеров, Н.Н. Зинин, М.А. Ковальский, В.М. Бехтерев, А.П. Щапов и др. Здесь создаются экономическое общество, общество археологии, истории и этнографии, медицинское общество, которые объединили ученых для проведения новых исследований, стали центром научного притяжения региональной интеллигенции и важным каналом просветительской работы среди населения. Созданные при этих обществах музеи постепенно «теряют» свою профессиональную замкнутость и академическую направленность, превращаясь во влиятельный инструмент пропаганды и распространения научных знаний[1].

На Урале в это время существовал один влиятельный центр притяжения научных сил нарождающейся интеллигенции, центр горнозаводского управления практически всей уральской промышленностью – Екатеринбург. В меньших масштабах, но тоже таким центром было село Ильинское Пермского уезда – знаменитый майорат Строгановых на Урале, где была сосредоточена основная часть вотчинной интеллигенции.

Отсутствие губернских городов в списке таких центров объясняется тем, что Пермь и Вятка традиционно развивалась как торговые и транспортные узлы региона, в котором, до становления земских учреждений в 1870 г., не имелось достаточного количества научных и творческих сил, которые бы объединили свои действия. Одних литературно-музыкальных вечеров в стенах Благородного собрания, мужских и женских гимназий, духовных семинариях, реальных училищ было явно недостаточно для такого объединения. Преодолеть разобщенность интеллектуальных сил и консолидировать их удалось только к 1890 г.

---

[1] См.: *Загоскин Н.П.* История Императорского Казанского университета за первые сто лет его существования 1804-1904 гг. Т. 4. Казань, 1904.

Екатеринбург же обладал достаточно сильным интеллектуальным потенциалом. Здесь с 1825 г. работало Горное общество, задачей которого была пропаганда достижений в горной и соляной промышленности; в 1834 г. при конторе екатеринбургских заводов был открыт «Музеум», где находились образцы руд и ископаемых, добываемых на казенных и частных предприятиях и рудниках Урала. В 1848 г. открывается Екатеринбургское окружное горное училище, которое преобразовывается в 1853 г. в Уральское горное училище. В 1861 г. создается Екатеринбургское золотопромышленное общество, в 1867 г. – Уральское отделение Императорского русского технического общества, в 1869 г. – Екатеринбургское отделение Общества для содействия русской промышленности и торговле, в 1890 г. – Уральское медицинское общество, в 1901 г. – Общество уральских горных техников, в 1905 г. – Уральское химико-металлургическое общество. В городе были открыты мужская и женская гимназии, имелось реальное училище. По данным однодневной переписи 1873 г., из 30274 жителей города 11135 (37%) были грамотными[1].

Все эти сведения позволяют нам выяснить предпосылки создания одного из самых эффективно действующих научно-просветительских обществ – не только на Урале, но и в российской провинции – Уральского общества любителей естествознания (УОЛЕ). Уникальность этой организации заключалась в том, что в ней удалось объединить людей различных профессий для реализации их научных интересов и использовать результаты их работы в целях просвещения населения губернии. Причем география участников УОЛЕ выходила далеко за рамки Пермской губернии и Урала; организация распространяла свое влияние на другие регионы страны и даже на некоторые государства Западной Европы. К 1913 г. общество вело обмен своими изданиями со 185 русскими и 120 иностранными научными обществами и организациями[2]. По масштабам деятельности УОЛЕ можно было сравнить с такой мощной научной организацией страны, как Академия наук, действующей на региональном уровне. В дореволюционный период только постоянных членов УОЛЕ насчитывалось более 2,5 тыс. чел. Вместе с почетными и пожизненными членами это число приближается к 3 тыс. Постоянными членами УОЛЕ были А.П. Карпинский, А.Е. Ферсман, В.И. Вернадский, К.А. Тимирязев, Д.И. Менделеев, Н.М. Пржевальский, И.М.

[1] *Результаты* однодневной переписи, произведенной 26 марта 1873 г.: Материалы для статистики г. Екатеринбурга. Екатеринбург, 1873. С. 12.

[2] *Отчет* о деятельности в 1908 г. УОЛЕ. Екатеринбург, 1909. С. 43.

Крашенинников, И.В. Мушкетов, А.Е. Норденшельд, Ф. Нансен, барон И.А. де Бай, Г.Ф. Кунц, Д. Холл и др.[1]

Учредителями УОЛЕ стали известные на Урале представители технической, научной, творческой интеллигенции, земской общественности: О.Е. Клер, Н.К. Чупин, А.А. Мислáвский, В.И. Обреимов, Н.А. Иосса, П.В. Рудановский, Л.П. Сабанеев и др., всего 80 человек[2].

Инициатором создания общества и до 20-х гг. XX в. фактическим его руководителем являлся Онисим Егорович Клер (1845-1920 гг.), удивительной энергии человек, выдающийся исследователь Урала[3]. Швейцарец, волею судьбы, ради обеспечения семьи средствами для существования, перебравшийся в Россию, работавший гувернером, преподавателем в Москве, Ярославле, в 1867 г. он приезжает в Екатеринбург и остается здесь навсегда.

Онисим Егорович еще в 1864 г., работая преподавателем в Ярославском лицее, становится основателем местного естественно-исторического и краеведческого общества, в которое вступает будущий его верный помощник в основании УОЛЕ Л.П. Сабанеев – выдающийся ученый-биолог, натуралист, охотовед, рыболов, кинолог, ихтиолог, писатель. Благодаря Сабанееву, который оказал большую помощь в быстром оформлении необходимых учредительных документов, 29 декабря 1870 г. в торжественной обстановке в здании Екатеринбургской мужской классической гимназии в Екатеринбурге официально было открыто УОЛЕ[4]. Именно Л.П. Сабанееву был вручен членский билет УОЛЕ № 1[5].

В составе общества действовали комиссии: метеорологическая (1875 г.), археологическая (1890 г.), сельскохозяйственная (1895 г.), комиссии по распространению естественно-исторических знаний (1896 г.), по охране памятников природы (1914 г.). Согласно уставу УОЛЕ имело право «издавать по предмету своих занятий Записки с соблюдением законов о печати». После выполнения необходимых формальностей, с 1873 г. началась плодотворная издательская деятельность[6]. За период существования общества (с 1873 по 1927 г.) вышло 40 томов «Записок» в 106 выпусках, содержащих оригинальные научные исследования и сообщения корреспондентов и членов УОЛЕ. Отличительной особен-

---

[1] *Зорина Л.И.* Уральское общество любителей естествознания. 1870-1929. Из истории науки и культуры Урала // Учен. зап. Свердлов. обл. краевед. музея. Т. 1. Екатеринбург, 1996. С. 28.

[2] *Протоколы* общих заседаний УОЛЕ. Год 1: 1870-1871. Екатеринбург, 1871. С. 2.

[3] См.: *Зорина Л.И.* Онисим Егорович Клер. М., 1989; *Архипова Н.П., Ястребов Е.В.* Как были открыты Уральские горы. Свердловск, 1990.

[4] *ПГВ.* 1870. № 106.

[5] *Соркин Ю.Э.* Член УОЛЕ № 1 // Страницы прошлого. Пермь, 1995. С. 199.

[6] *ГАСО*, ф. 101, оп. 1, д. 1, л. 169 об.

ностью «Записок» было то, что они с самого начала издавались не только на русском, но и на французском языке, перевод на который осуществлял сам О.Е.Клер.

Основными источниками финансирования деятельности общества являлись членские ежегодные взносы, а также средства, выделяемые земскими учреждениями многих уездов. С 1872 г. губернская управа ежегодно выделяла ему 200 руб.,[1] с 1895 г. оно стало получать государственное пособие в 2000 руб.[2] Доходы от публичной лекционной работы и от издательской деятельности также входили в бюджет общества.

Задачей общества с самого начала было не только «изучение и исследование Уральского края в естественно-историческом отношении», но и «распространение естественно-исторических знаний в этом крае»[3]. В уральской историографии существует достаточное число публикаций, посвященных деятельности как УОЛЕ в целом, так и отдельных его членов.

Важным этапом в просветительской работе общества стала организация по инициативе УОЛЕ Сибирско-Уральской научно-промышленной выставки, идея проведения которой возникла у группы актива общества в апреле 1884 г.[4] и реализовалась с большим успехом в 1887 г. Первоначально идея выставки большинством членов общества была встречена скептически, так как считалось, что проведение таких крупных мероприятий под силу только столичным городам или торговым центрам страны, где существовали определенные традиции в их организации.

Однако, преодолев организационные и финансовые трудности, используя политические маневры, личные связи, комитет проводит эту выставку. В Положении о выставке 1886 г. было заявлено: «Для ближайшего ознакомления с результатами научных исследований Сибири и Урала и с произведениями промышленности этих местностей, а также для устройства постоянного музея Уральского Общества Любителей Естествознания имеет быть открыта в 1887 г. в Екатеринбурге Сибирско-Уральская научно-промышленная выставка»[5].

Большую помощь в подготовке города к приему гостей оказала городская дума и сам городской голова И.И.Симанов. Он также вел переговоры со многи-

---

[1] *ГАПО*, ф. 44, оп. 1, д. 37, л. 192.
[2] *ГАСО*, ф. 101, оп. 1, д. 3, л. 37.
[3] *Там* же, д. 1, л. 167.
[4] *Записки* УОЛЕ. Т. X, вып. 1. Екатеринбург, 1887. С. 42.
[5] *Положение* о Сибирско-Уральской научно-промышленной выставке 1887 г. Екатеринбург, 1886. С. 1.

ми уральскими промышленниками об участии их в комплектовании выставочных стендов, выступал докладчиком на губернском земском собрании, где убеждал в необходимости использовать возможности выставки для популяризации деятельности земств в развитии кустарной промышленности[1]. Именно тогда губернское собрание поручает управе создать специальный павильон для выставки продукции кустарей, который становится постоянно действующим и затем демонстрируется на многих всероссийских выставках[2]. Отражает работу земских учреждений и учебный отдел, в котором было представлено 667 экспонатов[3].

Значительную роль в подготовке и успешном проведении выставки сыграл также губернатор Пермской губернии В.В.Лукошков. Он принимает руководство территорией губернии в мае 1885 г., когда оргкомитет занимался подготовкой положения о выставке. Его первые шаги оказались для екатеринбургской общественности действенными и эффективными. Как почетный член УОЛЕ он выступает на заседании общества 20 апреля 1886 г. с конкретным предложением – создать вместо комиссии выставочный комитет. Он объявил, что направил в адрес руководителей 13 ближайших губерний проект Положения о выставке с просьбой опубликовать его в губернских газетах и приглашения принять в выставке участие[4].

В.В.Лукошков многое сделал для удешевления расходов на организацию выставки. С министром путей сообщения К.Н.Посьетом ему удалось договориться об использовании в качестве выставочных павильонов производственных пустующих площадей железнодорожного ведомства в городе. В результате настойчивых ходатайств губернатора перед министром финансов Н.Х.Бунге выставочному комитету выделено 5000 руб. с личного разрешения императора Александра III. Известны также факты, когда пожертвования в адрес выставочного комитета вносились «по приглашению Пермского губернатора»[5]. Официальными представителями губернатора в выставочном комитете являлись Р.О.Карвовский, губернский архитектор, и Н.А.Соковнин, директор Красно-

---

[1] *ГАСО*, ф. 8, оп. 1, д. 1961, л. 28-29.
[2] *ГАПО*, ф. 44, оп. 1, д. 535, л. 26.
[3] *Сибирско*-Уральская научно-промышленная выставка 1887 г.: Каталог. Екатеринбург, 1887. С. 186-210.
[4] *Записки* УОЛЕ. Т. X, вып. 1. С. 37.
[5] *Корепанова С.А.* О роли губернатора В.В.Лукошкова в подготовке и проведении Сибирско-Уральской научно-промышленной выставки // Страницы прошлого. Вып. 2. Пермь, 1999. С. 31.

уфимского реального училища, специалист в области сельскохозяйственного и кустарного производства[1].

Придворные связи губернатора и его дипломатические способности позволили добиться покровительства выставке со стороны царствующего дома Романовых: в декабре 1886 г. августейшим покровителем выставки стал Председатель Государственного Совета, Великий князь Михаил Николаевич. И не случайно в телеграмме высокого гостя выставки на имя В.В.Лукошкова после ее закрытия было отмечено: «Успех выставки отношу преимущественно к трудам Вашим и Уральского общества естествознания, с чем всех Вас от души поздравляю»[2].

На выставке было представлено более 3800 экспонатов из 32 губерний России и из-за границы. Выставка была разбита на 12 отделов, размещавшихся в специально построенных павильонах (руководитель строительства архитектор В.В. Попатенко), а также в пустовавших цехах гранильной фабрики и железнодорожных мастерских[3]. За три месяца работы выставки ее посетило более 80 тыс. чел. Наибольшим успехом пользовались отделы: горнозаводский, фабрично-заводской, естественно-исторический, который был собственно научным, антрополого-этнографический, сельскохозяйственный и учебный[4]. Положение художественного отдела, в котором было заявлено всего 10 оригинальных картин уральских художников, спасла передвижная экспозиция Академии художеств. Как отмечала «Екатеринбургская неделя», если бы не это обстоятельство, «…то никогда мы, постоянные жители Екатеринбурга, не имели бы возможности ознакомиться с кистью Семирадского, Перова, Айвазовского, Шишкина, Кившенко, Корзухина, Лагорио, Мещерского и прочих корифеев русской живописи…»[5].

Этнографическая экспозиция под открытым небом демонстрировала бытовые условия жизни казахов, башкир, ненцев, коми, манси, ханты, которые назывались в то время «инородцами». Во «ввозном» павильоне демонстрировались образцы ювелирного искусства отечественных и зарубежных фирм, а также парфюмерных фабрик[6].

---

[1] *Записки* УОЛЕ. Т. X, вып. 1. С. 46.
[2] *Там* же. Вып. 4. С. 56-57.
[3] *Там* же. Вып. 1. С. 35.
[4] *Протоколы* Екатеринбургской городской думы за второе полугодие 1887 г. Екатеринбург, 1889. С. 26-27.
[5] *Екатеринбургская* неделя. 1887. 30 июля.
[6] *Сибирско-Уральская* научно-промышленная выставка 1887 г. в Екатеринбурге. Екатеринбург, 1887. С. 61-63.

Для УОЛЕ и города итоги выставки оказались впечатляющими. Часть картин после закрытия выставки была передана городской думе, чтобы, по замыслу членов УОЛЕ, они могли послужить основой для создания «художественного музея с целью поднятия художественного элемента в изделиях Уральских кустарей, недостаток в котором резко и очень рельефно обнажился в промышленных отделах нашей выставки»[1]. В 1888 г. был открыт для посещения публикой музей УОЛЕ, в котором к 1910 г. было представлено в 10 отделах и 2 коллекциях более 25 тыс. экспонатов[2].

Удивительно продолжительной оказалась история существования этого общества. Оно активно действовало до 1929 г., благополучно пережив перипетии революционных преобразований, гражданской войны и послевоенной разрухи. В чем же был секрет такого долголетия? Можно предположить, что это отсутствие какой-либо политической направленности как в деятельности участников общества, так и в содержании их практической работы. УОЛЕ строго придерживалось научно-просветительской направленности, что позволило избежать участи некоторых организаций страны, ставших жертвой политических притязаний или симпатий своих руководителей (Пироговское общество врачей, Всероссийский союз учителей и др.).

Еще одним центром научно-просветительской деятельности общественности Пермской губернии являлся уральский майорат владений Строгановых – село Ильинское, куда в начале XIX в. было переведено вотчинное управление, а также перевезен из Усолья громадный семейный архив знаменитого российского рода. Научная деятельность крепостной интеллигенции, а затем служащих к середине XIX в. имела достаточно давние традиции. В первую очередь необходимо отметить исторические изыскания по родословной и промышленной деятельности Строгановых таких представителей руководящего звена администрации и преподавателей, как Ф.А. Волегов и Н.А. Рогов. Первый стал известен в 80-х гг. XIX в. благодаря его исследованиям по истории вотчинного управления уральскими имениями Строгановых, опубликованным пермским историком А.А. Дмитриевым, второй являлся автором первого пермяцко-русского и русско-пермяцкого словарей и «Опыта грамматики пермяцкого языка».

С середины века приобретает большую известность не только в губернии, но и далеко за ее пределами научно-просветительская деятельность династии

---

[1] *Протоколы* Екатеринбургской городской думы за первое полугодие 1889 г. Екатеринбург, 1890. С. 122.
[2] *Отчет* о деятельности в 1908 г. УОЛЕ. С. 39.

лесоводов, археологов, этнографов Теплоуховых. Знаменитая коллекция археологических находок, ценность которой признал Эрмитаж, формировалась в течение более 60 лет и включала в себя коллекцию предшественника А.Е. Теплоухова (1811-1885 гг.) в должности главноуправляющего майоратом Ф.А. Волегова[1]. С основанием Пермского научно-промышленного музея эта коллекция становится одной из самых экскурсионно посещаемых. Сам А.Е. Теплоухов, после выхода на пенсию в 1875 г., полностью отдается своей страсти к археологии. О своих находках он сообщает за границу, отдельные предметы посылает для идентификации в Италию и Германию. Тесно А.Е. Теплоухов был связан и с УОЛЕ, куда не раз направлял свои статьи, и в 1880 г. он становится его почетным членом. Кроме того, что он был почетным членом уральского научного общества, он являлся действительным членом 15 российских и зарубежных научных организаций[2].

Свою увлеченность археологией он «передает» сыну – Федору Александровичу, тоже лесоводу по специальности (1845-1905 гг.). Но в этом направлении исследований добавляется этнографический аспект – изучается уральская культура, получившая название «чудская». Археологическая комиссия в Петербурге выказала большую заинтересованность в широкой пропаганде той коллекции, которую собрала семья Теплоуховых. Было решено издать за счет комиссии большой атлас «Древностей Камской Чуди по коллекции Теплоуховых». Были отобраны наиболее интересные экспонаты, создано несколько сотен рисунков. В 1902 г. этот атлас вышел в свет в Петербурге с предисловием известного археолога А.А. Спицына[3]. Ф.А. Теплоухов, как и его отец, являлся членом многих научных обществ России. В 1904 г., в честь 100-летия лесного института, он в числе 11 лесничих России становится почетным членом этого учебного заведения. Дело Теплоуховых продолжили уже в советское время другие представители этого рода.

В 1926 г. профессор Пермского университета П.С. Богословский так образно говорил о научно-просветительской работе, проводимой сельской интеллигенцией села Ильинское: «Глушь–глушь, а все же живая ниточка связывала его с центрами умственной жизни… Здесь тоже работала мысль, здесь тоже росли те зернышки свободной мысли, литературные отражения коих, м.б. и слабы

---

[1] *Центральный* государственный архив древних актов (ЦГАДА), ф. 1278, оп. 2, ч. III, д. 449, л. 261-262.

[2] *Овчинникова Б.Б.* У истоков уральской археологии: Теплоуховы // Известия УрГУ. 1998. № 8. С. 54.

[3] *Спицын А.А.* Древности Камской Чуди по коллекции Теплоуховых // Мат-лы арх. раскопок. № 26. СПб., 1902.

были, но отражали состояние почвы для восприятия культуры в широком смысле и сами внедряли понятным языком и образами идеи века»[1].

К концу 80-х гг. Х1Х в. накопление научного потенциала уральских городов достигает уровня, при котором изменение организационных форм взаимодействия становится потребностью. С достаточной степенью эффективности работали все виды школ начального звена образования, действовали государственные и частные мужские и женские гимназии и прогимназии, реальные училища, семинарии и училища духовного ведомства. Увеличивалось количество преподавателей, имевших университетское образование. Работа губернских управ, уездных земств также формировала особую категорию «земских служащих», которые пополнялись представителями интеллектуального труда.

Так значительная часть пермской общественности была организационно связана со многими российскими научно-просветительскими организациями, ее представители являлись активными корреспондентами, участниками многих мероприятий по исследованию Урала, проводимых в большом количестве в конце XIX-начале XX в. Правительство было заинтересовано в развитии региона, особенно в связи с железнодорожным строительством, позволяющим включить в экономическое поле страны районы, отсталые в промышленном и социальном отношении. Большое влияние на работу общественных организаций оказывало УОЛЕ, членами которого были представители пермской общественности.

15 ноября 1890 г. по инициативе группы членов УОЛЕ, живущих в Перми, был открыт филиал общества под названием «Пермская комиссия УОЛЕ в Екатеринбурге»[2]. По воспоминаниям членов общества, основной причиной создания филиала было затруднительное участие пермяков в заседаниях общества и его мероприятиях. Один из инициаторов этой реорганизации – инженер-технолог Н.Н. Новокрещенных. Используя свое близкое знакомство с губернатором В.В. Лукошковым, он предложил направить от правления УОЛЕ прошение в адрес губернатора с просьбой разрешить открытие в Перми комиссии УОЛЕ в рамках действующего устава общества под личную ответственность ее председателя. Председателем Пермской комиссии был избран Н.Н. Новокрещенных. Обязанности секретаря комиссии были поручены С.И. Сергееву, кото-

[1] *Богословский П.С.* Сотрудница «Современника» и «Отечественных записок» пермская писательница А.Кирпищикова // Пермский краеведческий сборник. Пермь, 1926. Вып. 2. С. 83.

[2] *Верхоланцев В.С.* Указ. соч. С. 88.

рый одновременно исполнял секретарские обязанности в археологической комиссии УОЛЕ[1].

В состав пермской комиссии входило и участвовало в ее работе большое количество демократически настроенной интеллигенции, состоявшей прежде в народнических организациях. Она привносила определенную оппозиционность в повседневную деятельность этого общества и вела большую просветительскую работу. К ней можно отнести С.И.Сергеева, И.Г.Остроумова, П.А. Голубева, Д.М.Бобылева, Р.С.Попова, В.А.Владимирского и др. Общая численность членов общества в период его открытия составляла 31 чел., в 1895 г. – 115, к 1915 г. – 167 чел.[2] До 1897 г. источником средств для финансирования общества являлись только членские взносы и добровольные пожертвования частных лиц, прежде всего пермской интеллигенции[3]. С 1897 г. земские учреждения стали выделять средства на содержание коллекций в размере от 50 до 1000 руб.[4]

На первом этапе своего существования главным содержанием работы комиссии становятся археологические исследования, ее члены выступают с научными докладами по итогам раскопок, т.е. ее деятельность находилась в русле общей концепции деятельности УОЛЕ. Постепенно начинают организовываться ботанические, зоологические, геологические экспедиции, в ходе которых собирались достаточно большие коллекции материалов, требующие последующей научной обработки.

Пермская комиссия с самого начала своего существования столкнулась с определенными трудностями, препятствовавшими ее деятельности. Она не имела постоянного места для своей работы, испытывала недостаток в денежных средствах, ощущала достаточно скептическое и даже насмешливое отношение к своей деятельности со стороны губернского чиновничества. Тем не менее комиссия проводила последовательный курс на просвещение населения по вопросам исторического прошлого края. Летом 1894 г. при большом стечении народа в актовом зале реального училища Ф.А. Теплоухов впервые для пермской общественности читает публичную лекцию «О культурной обстановке Пермской Чуди» с демонстрацией своей знаменитой семейной коллекции[5]. В дальнейшем лекционная ра-

---

[1] *ГАПО*, ф. 680, оп. 1, д. 3, л. 24-26.

[2] *Там* же, л. 28. *Там* же, д. 190, л. 56. *Там* же, д. 127, л. 89.

[3] *Среди* жертвователей были П.В.Сюзев, И.Я.Кривощеков, П.А.Голубев, В.Н.Варгин, А.Д.Городцов, А.Ф.Теплоухов, Д.М.Бобылев и др.

[4] *Так,* губернская земская управа и городская дума выделяли по 1000 руб., Пермское уездное земство-500, Осинское, Соликамское и Кунгурское - по 50 руб. в год.

[5] *Верхоланцев В.С.* Указ. соч. С. 96.

бота не только становится одним из основных каналов просветительской деятельности членов комиссии, но и приносит определенный доход в ее кассу.

В январе 1894 г. официально был открыт научный музей комиссии, при нем постепенно начинает формироваться книжный фонд библиотеки за счет добровольных пожертвований от частных лиц и организаций. Пополнение разделов музея и библиотеки было достаточно динамичным: в 1891 г. музей насчитывал 1058 единиц хранения, в 1897 г. – 7546, в 1900 г. – 9132, а также 23 отдельные коллекции[1]; в библиотеке насчитывалось в 1897 г. 2207 томов (1389 названий), в 1900 г. – 3772 тома (2575 названий)[2].

В 1897 г. в жизни Пермской комиссии УОЛЕ происходят существенные изменения. Городская дума с согласия Е.И. Любимовой, жены известного предпринимателя и общественного деятеля И.И. Любимова, передает на правах постоянного владения комиссии двухэтажный дом[3]. Несмотря на большие строительные работы по переоборудованию дома под такое специфическое учреждение, уже осенью того же года сюда были перемещены и открыты для посетителей библиотека и основные коллекции комиссии.

В начале 1899 г. меняется руководство Пермской комиссии УОЛЕ. Председателем становится человек, оставивший в истории Пермской губернии яркий след, – доктор медицины П.Н. Серебренников (1849-1917 гг.). В УОЛЕ он вступает еще в 1892 г., но сугубо научная направленность деятельности общества его не удовлетворяла. Вместе с единомышленниками И.Г. Остроумовым, И.Ю. Петровским, С.Л. Ушковым он выдвигает идею преобразования Пермской комиссии в новое самостоятельное учреждение – Пермский научно-промышленный музей[4], где основное внимание уделяется проблемам исторического краеведения. Его деятельность имела ярко выраженную просветительскую направленность. Проект устава нового общества был принят в январе 1900 г. на общем собрании его членов, а в марте 1901 г. он утверждается министерством земледелия и государственных имуществ под названием «Пермский научно-промышленный музей естественно-исторического, сельскохозяйственного и прикладных знаний»[5]. В октябре 1901 г. все коллекции и имущество бывшей комиссии УОЛЕ официально передаются музею.

---

[1] *ГАПО*, ф. 680, оп. 1, д. 190, л. 57-58.
[2] *Там* же, д. 127, л. 112.
[3] *ГАПО,* ф. 35, оп. 1, д. 103, л. 24.
[4] *Краткая* летопись Пермского научно-промышленного музея. Пермь, 1916. С. 1.
[5] *Отчет* Пермского научно-промышленного музея за 1901 г. Пермь, 1902. С. 2-3.

В состав учредителей вошли не только представители общественности, но и известные предприниматели Урала, ставшие пожизненными ее членами: братья Каменские, Н.В. Мешков, И.В. Розанов, А.Е. Тупицин и др. Почетными членами организации впоследствии стали крупные русские ученые: А.П. Карпинский, Д.Н. Анучин, П.Н. Крылов, О.Е. Клер, Д.П. Никольский. Было открыто 11 отделов по основным направлениям работы музея, а также библиотека[1]. К 1915 г. количество отделов увеличилось до 18.

Отражением иного подхода к работе новой общественной просветительской организации стало создание в 1901 г., на правах отдела, подвижного музея учебных пособий, руководителем которого с 1904 по 1917 г. был Павел Николаевич Серебренников. Этот музей создан с целью оказания конкретной помощи в уездах в оснащении наглядными пособиями и содействия в развитии внешкольного образования путем снабжения пособиями всех нуждающихся[2]. При музее открывается педагогическая и справочная библиотека.

К 1912 г. в подвижном музее насчитывалось 2404 экземпляра учебных пособий и 576 книг по различным отраслям знаний. Они дополнялись 513 стереоскопическими, 99 световыми, 85 художественными картинами[3].

П.Н. Серебренников являлся инициатором создания в составе музея художественного (1907 г.) и фотографического (1902 г.) отделов. В них выделялись портретная галерея известных деятелей государства и Уральского региона; большое собрание фотоснимков на бумаге и стекле с видами Перми, уездных городов, заводских поселков, селений губернии, природы Урала и этнографических видов народов и различных социальных групп; фотографии предметов прикладного декоративного искусства. Правление общества принимает решение о бесплатном посещении жителями музея, что в стране было крайне редким явлением. Для крестьян, учащихся и военных также предусматривалось бесплатное посещение публичных лекций[4].

Лекционно-просветительская деятельность включала в себя не только и не столько заслушивание и обсуждение чисто научных докладов и сообщений на собраниях по пятницам членов общества и краеведов – достаточно узкого круга избранных. Главные события и самые массовые происходили по суббо-

---

[1] *ГАПО*, ф. 680, оп. 1, д. 13, л. 41-42.

[2] *Серебренников П.Н.* Вниманию добрых людей, сочувствующих начальному образованию в г. Перми. Пермь, 1906. С. 2.

[3] *Указатель* учебных пособий подвижного музея при Пермском научно-промышленном музее. Пермь, 1912. С. 27, 35, 44, 49.

[4] *ГАПО*, ф. 680, оп. 1, д. 47, л. 48.

там и воскресеньям. В субботу обсуждались рефераты по различным отраслям знаний и намечались научно-популярные беседы для учащихся и желающих. А в воскресенье читались лекции и проводились беседы по хозяйственно-экономической тематике. Частыми гостями музея были крестьяне из ближайших сел. По подсчетам сотрудников музея, за период с 1890 по 1915 г. состоялось 415 публичных заседаний, на которых было представлено 529 докладов и сообщений. Число посещающих мероприятия и экскурсии в отделах достигало 40 тыс. в год[1]. После 1910 г. заметное место в беседах и лекциях отводится вопросам истории и развития отечественной художественной культуры, проводятся специальные мероприятия для земских учителей. Так, в июле 1913 г. музей становится базой организованных губернским земством курсов повышения квалификации учителей, а сотрудники и общественность музея проводили специальные разъяснительные занятия по отдельным экспозициям[2]. В библиотеке, фонд которой составлял около 8000 названий книг, создается специальный отдел «Библиотека Пермского края».

Научно-промышленный музей поддерживал творческие и научные связи с 37 учеными обществами, учреждениями и организациями страны, издал 5 томов трудов под названием «Материалы по изучению Пермского края». Для бесплатной выдачи крестьянам несколько раз издавались «Краткий указатель по музею» и «Каталог книг, составляющих литературу о Пермском крае»[3].

В просветительской деятельности пермяков в условиях революции 1905-1907 гг. усиливается социальное звучание. Это приводит к настороженному отношению власти к работе общества, так как считалось, что Серебренников возбуждает нежелательное недовольство в обществе, даже ставится вопрос о ликвидации общества[4]. Чтобы не допустить его закрытия, П.Н. Серебренников в 1909 г. уходит с поста председателя, но остается заведовать учебным отделом. Однако направленность общества на краеведческую просветительскую деятельность и в последующие годы остается определяющей. В дальнейшем на базе научно-практического музея создается областной краеведческий музей, а на базе его художественного отдела – художественная галерея.

---

[1] *Краткая* летопись Пермского научно-практического музея. С. 4-5.

[2] *Там* же. С. 11-12.

[3] См.: *Кашихин Л.С.* «Дедушка пермского прогресса». Доктор П.Н.Серебренников // Подвижники культуры Серебренниковы. Пермь, 1991. С. 56-58.

[4] *ГАПО*, ф. 65, оп. 1, д. 1392, л. 43-48.

В уральской историографии, посвященной проблемам краеведческих организаций, в том числе и новейшего периода, практически не нашла отражение деятельность еще одного важного канала общественной научно-просветительской активности – губернских статистических комитетов. Это можно объяснить тем обстоятельством, что данная организация представляла собой государственную структуру, поэтому, возможно, работа статистического комитета в Пермской губернии не получила отражения даже в таком капитальном дореволюционном исследовании В.Верхоланцева, как «Город Пермь, его прошлое и настоящее». Нет сведений о ее работе и в новейшем краеведческом библиографическом справочнике, изданном в 2000 г., «Краеведы и краеведческие организации Перми».

Губернские статистические комитеты были учреждены в 1834 г. одновременно с созданием Статистического отделения при Министерстве внутренних дел и подчинялись ему. В утвержденных 20 декабря 1834 г. «Правилах для Статистического Отделения при Совете Министерства Внутренних Дел и Статистических Комитетов в губерниях» предусматривалось, что при производстве статистических работ чиновники должны были всегда начинать свой доклад историческим обозрением прежнего состояния дел. Основной, официальной функцией комитетов был сбор статистических сведений по разным предметам, требуемым центральными ведомствами, а также подготовка статистических ведомостей, прилагаемых к Всеподданнейшим отчетам начальников губернии[1].

Образование комитетов на местах шло медленно: к 1853 г. они были созданы только в 33 губерниях европейской части страны – из 49[2]. В Пермской губернии точной даты образования комитета обнаружить не удалось, но он уже представлял в 1837 г. «Краткое статистическое обозрение Пермской губернии 1837 г.», вышедшее в типографии губернского правления. Это обозрение было подготовлено специально для посещения губернии наследником престола, будущего императора Александра II, и было ему вручено. Кстати, эта книжка создана по образцу «Краткого статистического обозрения Пермской губернии 1832 г.», составленного чиновником Пермского губернского правления Е.Никольским. В третьем выпуске «Сборника материалов для ознакомления с Пермской губернией» за 1891 г., изданным Пермским статистическим комитетом, оно было опубликовано по представлению члена комитета

[1] *РГИА*, ф. 1290, оп. 1, д. 110, л. 135-136.
[2] *Там* же, оп. 5, д. 56, л. 421.

Ф.А. Теплоухова как статья неизвестного автора[1]. Еще ранее, к приезду в Пермь императора Александра I, было выпущено «Статистическое описание Пермской губернии 1824 г.»[2].

В состав непременных членов Пермского губернского статистического комитета, который возглавлял губернатор, входила вся местная административная верхушка: вице-губернатор, управляющий Казенной палаты, управляющий Государственными имуществами, управляющий акцизными сборами, губернский врачебный инспектор, начальник отделения путей сообщения, директор народных училищ, член духовной консистории, курат католической церкви, раввин, член от Горного ведомства, председатель губернской земской управы и городской голова. Почетными членами являлись: высшие должностные лица епархии и главный начальник Уральских заводов.

При таком официальном составе комитета, главную черновую работу выполняли его «действительные» члены – учителя, мировые посредники, мелкие служащие, священнослужители и др. В их числе были и те, кто отдавал дань увлечению просветительским идеям. Они жили не только в губернском городе, но и в отдаленных уездах. Участие в деятельности статистического комитета, или выполнение по его поручению определенных заданий давало возможность изучать местный край и местную жизнь во всем ее своеобразии. Интересно отметить, что законодательство давало достаточно широкие полномочия полицейским чинам на местах, на которых возлагался непосредственный сбор различного рода сведений через волостные правления: о посевах; об урожае; о ценах на предметы продовольствия; на сухопутные и речные перевозки. Поэтому важной фигурой в сборе первичных данных становится волостной писарь.

Начиная с 60-х гг. Х1Х в., большинство губернских статистических комитетов вели активную издательскую деятельность. Этому способствовало то обстоятельство, что в значительной части губерний страны имелись типографии губернских правлений. На их базе, с 1855 г. (первый в Воронеже) стали публиковаться ежегодные сборники, имеющие разные названия: «Памятные книжки», «Адрес-календари» и др. По мнению известного специалиста по истории книжного издательства на Урале Н.Ф. Авериной, первый выпуск такой «Памятной книжки Пермской губернии» состоялся в 1862 г. (на 1863 г.), подготовленный редактором неофициальной части «Пермских губернских ведомо-

[1] *Сборник* материалов для ознакомления с Пермской губернею. Пермь, 1891. Вып. III. С. 5.
[2] *Аверина Н.Ф.* История пермской книги: Очерк. Пермь, 1989. С. 47.

стей» С.С. Пенном[1]. Выпуск состоял из четырех разделов: о праздниках, неприсутственных днях; краеведческие статьи; статистические сведения по губернии и уездам; различные советы и правила делопроизводства. В приложении приводился список чинов, состоящих на службе в Пермской губернии. Косвенным подтверждением этого факта может служить сообщение Д.Д. Смышляева о поступлениях в кассу общественной библиотеки от продажи в 1864 г. в уездах «Памятной книжки» в сумме 48 рублей[2]. Следующее издание «Адрес-календаря» было осуществлено только в 1878 г., где был представлен список служащих в учреждениях Пермской губернии[3]. А с 1879 г. справочное издание стало выходить уже под редакцией статистического комитета. Оно не раз меняло свое название: «Памятная книжка Пермской губернии», «Календарь Пермской губернии», «Адрес-календарь Пермской губернии».

С 1888 г. «Адрес-календарь и памятная книжка Пермской губернии» стали выходить ежегодно, вплоть до 1917 г. Издание становится важным источником не только сведений по различным отраслям деятельности губернии, но и местом публикаций очень насыщенных и не потерявших своего научного и просветительского значения, до сегодняшнего дня. С приходом к обязанностям секретарей статистического комитета известных общественных деятелей Урала: А.И. Прозоровского (1888-1890), Д.Д. Смышляева (1890-1893), А.А. Дмитриева (1893-1895), Р.С. Попова (1895-1905), содержание работы комитета становится более значимым для распространения краеведческих знаний. Заседания комитета стали проходить регулярно, где заслушивались доклады и сообщения членов комитета (в 1895 г. комитет насчитывал только действительных членов 103 человека[4]). Издательская деятельность расширилась за счет выпуска новых периодических изданий, которые и сегодня являются важными историческими источниками. К ним относился, прежде всего, «Сборник статей, касающихся Пермской губернии и помещенных в неофициальной части Губернских Ведомостей 1842-1881 гг.». В первом выпуске, в 1882 г., была напечатана подборка материалов уральского исследователя Н.К.Чупина, почетного члена статистического комитета, а также указатель более 1400 статей, печатав-

[1] *Аверина Н.Ф.* Указ. соч. С. 39.
[2] *Смышляев Д.Д.* Сборник статей о Пермской губернии. С. 86.
[3] *Пермский* адрес-календарь на 1878 г.: Список лицам, состоящ. на службе в Перм. губ. Пермь, 1878.
[4] *Адрес*-календарь и памятная книжка Пермской губернии на 1895 год. Пермь, 1895. С. 90-91.

шихся в главной губернской газете, составленных Д.Д. Смышляевым[1]. В 1885 г. он доводит хронологию до 1884 г., дополняя в этот список еще более 400 статей[2]. Первый выпуск очень трудно реализовывался, поэтому к выпуску второго приступили только в 1890 г.

С 1891 г. на общем собрании комитета было решено расширить рамки этого периодического издания за счет привлечения докладов, сделанных на заседаниях[3]. Поэтому меняется название и в течение 10 лет оно выходит ежегодно как «Сборник материалов для ознакомления с Пермской губернией».

Кроме того, по инициативе Д.Д. Смышляева, занявшего пост секретаря статистического комитета, с 1892 г. стало выходить еще одно интересное периодическое издание под эгидой комитета – «Пермский край». Идея этого издания являлась продолжением знаменитого в уральском краеведении «Пермского сборника» Д.Д. Смышляева, изданного в двух выпусках на рубеже 50-60-х гг. XIX в., в период начала общественной активности в Пермской губернии. В 1892, 1893 и 1895 гг. вышло три выпуска «Пермского края», последний из которых издан уже после смерти Д.Д. Смышляева, под редакцией А.А. Дмитриева. Следует обратить внимание, что вся подготовительная работа была проведена Смышляевым. Весомое участие в финансировании этого тома принял его близкий друг и исполнитель его духовного завещания – И.И. Любимов.

Отдельными изданиями выходили книги членов комитета по вопросам истории края, историко-статистические исследования различных уездов и отдельных направлений экономической и социальной жизни губернии. В числе таких изданий можно выделить не потерявшую своего научного характера книгу А.А.Дмитриева «Очерки из истории губернского города Перми с основания поселения до 1845 г. с приложением летописи города Перми с 1845 до 1890 г.», вышедшую в 1889 г., и Д.Д. Смышляева «Сборник статей о Пермской губернии» (1891 г.). Были опубликованы археологические сообщения Ф.А. Теплоухова, Н.Н. Новокрещенных; статистические работы П.А. Голубева, Е.И. Красноперова, Н.Л. Скалозубова; метеорологические наблюдения и исследования Ф.Н.Панаева, Г.Ф. Абельса, О.Е. Клера; медицинские обследования и

---

[1] *Сборник* статей, касающихся Пермской губернии и помещенных в неофициальной части Губернских Ведомостей в период 1842-1881 гг. Вып. 1. Пермь, 1882.

[2] *Смышляев Д.Д.* Указатель статей, касающихся Пермской губернии и напечатанных в неофициальном отделе «Пермских губернских ведомостей» в течение 1881-1884 годов. Вып. 2. Пермь, 1885.

[3] *ГАПО*, ф. 208, оп. 1, д. 3, л. 144.

историко-сравнительные таблицы П.Н. Серебренникова, Р.Н. Рума, И.А. Белоруссова, В.В.Ковалевского и др. По инициативе комитета проводились регулярные переписи населения городов Пермской губернии, так называемые «однодневные переписи» (в Перми в 1868, 1875, 1890 гг., в Екатеринбурге в 1873, 1887 гг., в Ирбите в 1880 г.).

С 1878 г. статистический комитет публиковал в открытой печати сводные «Отчеты Пермской губернии». В 1894 г. члены статистического комитета создают специальную комиссию по пересмотру этого издания. В 1895 г. работа комиссии, которую возглавил действительный член комитета, заведующий земским статистическим бюро Е.И.Красноперов, завершилась созданием целого комплекса документов, которые рассылались во все уезды Пермской губернии. Продуманность основных статистических таблиц, их показатели стали использоваться в качестве отдельного приложения к ежегодному отчету губернатора и содержали показатели «естественных и производительных сил губернии и экономической деятельности ее населения»[1]. И сегодня эти данные, публиковавшиеся для всеобщего сведения, являются одним из основных объективных источников исторического знания данной части уральского региона. В таком виде «Обзоры Пермской губернии: Приложения к отчету: Естественные и производительные силы губернии и экономическая деятельность ее населения» издавались отдельным изданием с 1896 до 1915 гг. Из-за начавшихся революционных событий в стране не увидел свет отчет за 1916 г.

Важное место в истории комиссии занимала непродолжительная по времени, но очень плодотворная деятельность известного отечественного статистика и экономиста Петра Александровича Голубева, работавшего в 1899-1904 гг. ревизором Контрольной палаты в Перми. Еще, будучи в ссылке за деятельность в народнических организациях в Вятке, он разрабатывает общероссийскую программу статистических исследований для губерний: динамика развития сельского хозяйства; промышленности; торговли; социально-правового положения населения[2]. В Перми он входил в состав губернского статистического комитета, научно-промышленного музея, и на основе печатных работ и архивных источников в 1904 г. публикует «Историко-статистические таблицы по Пермской губернии». В 1905 г. в сборнике научно-промышленного музея «Ма-

[1] *Труды* комиссии по составлению программ обзора Пермского края. Пермь, 1895. С. 4.
[2] *Краеведы* и краеведческие организации Перми. С. 110-111.

териалы по изучению Пермского края» появляются его историко-статистические поуездные таблицы.

Деятельность губернского статистического комитета и статистического бюро Пермского земства, возглавляемого, с момента образования этой важной службы в 1876 г., более 20 лет Е.И. Красноперовым, также известным ученым и практиком в области статистики, убежденным сторонником либерально-народнических взглядов, создали в масштабах страны заслуженный авторитет и весомость уральской статистики. Исследования уральских общественных деятелей неоднократно использовались в качестве достоверного исторического материала в работах В.И. Ленина, посвященных проблемам развития капиталистических отношений и новейших его черт в истории России[1].

По инициативе и на средства губернского комитета с 1865 г. в Перми при классической гимназии стали проводиться метеорологические наблюдения под руководством врача Шмонина, с 1871 г. – учителя гимназии Розова. С 1881 г., после переезда из Соликамска, во главе этой станции находился основатель пермской климатологии Ф.Н.Панаев. Он превращает ее в первоклассную станцию, отвечающей требованиям Главной физической Обсерватории[2]. Вместе с Екатеринбургской обсерваторией, основание которой относится еще к 1831 г., Чердынской и Ирбитской станциями они вели большую работу по научной обработке показателей, являясь составной частью общероссийской метеорологической системы.

В Вятской губернии центром притяжения научно-просветительской работы общественности до создания архивной комиссии была также деятельность губернского статистического комитета. С 1870 г. секретарем этой организации становится Н.А.Спасский. После окончания физико-математического факультета Казанского университета, состоял на государственной службе в губернском правлении. Поддерживал творческие и научные связи с такими учреждениями, как: Общество любителей естествознания при Московском университете, Московским археологическим обществом, Обществом истории, археологии и этнографии при Казанском университете, УОЛЕ и ряда других[3]. Благодаря его усилиям, в короткое время комитет становится центром притяжения краеведческих сил губернии. Он привлек к сотрудничеству Д.К.Зеленина, братьев

[1] *Там* же. С. 157.

[2] *Панаев Ф.Н.* Исторический очерк развития климатологии в Пермской губернии // Пермский край. Т. 3. С. 315-316, 318.

[3] *ГАКО*, ф. 583, оп. 608, д. 842, л. 2, 3.

Васнецовых, А.А.Спицына, П.Н.Луппова, В.П.Юрьева, С.Л.Скворцова и др. Основными направлениями исследований и публикаций комитета в период почти 30-летнего руководства Спасского были исторические публикации на основе привлечения архивных документов, в 90-е гг. они получили дополнение за счет этнографических исследований[1]. Сотрудниками комитета была собрана значительная библиотека. Уже в отчете за 1875 г. есть упоминание «книг в библиотеке комитета числится 333 наименования, не включая сюда Памятных книжек за разные годы других губерний, журналов и постановлений земских собраний Вятской губернии. Кроме того, при комитете имеется 20 названий карт, атласов и других рисунков»[2]. Для пополнения библиотеки выделялось до 150 рублей в год. Вятский комитет представительствовал на многих археологических съездах, где докладывались материалы, имеющие научную ценность. Была составлена археологическая карта губернии, список городищ и курганов, памятниках древности на территории Вятской губернии. До открытия в 1904 г. архивной комиссии участники комитета активно занимались разбором и систематизацией архивов губернских учреждений, в том числе и приказа общественного призрения.

Накопленный опыт исследовательской работы с документами, а также осознание более профессионального подхода к сохранению исторического наследия приводит участников Вятского статистического комитета к мысли образования новой общественной организации – архивной комиссии.

Еще в 1878 г. в России, по инициативе академика Н.В. Калачова, был открыт в Петербурге Археологический институт, одной из важнейших задач которого была подготовка специалистов архивного дела. Для поддержки этого направления на местах, в 1884 г. создавались Губернские Ученые Архивные комиссии и при них Исторические архивы. Первоначально, в виде опыта, они были созданы только в четырех губерниях: Тверской, Тамбовской, Рязанской и Орловской. Их отличительной особенностью являлось добровольное объединение заинтересованных лиц для сохранения будущим поколениям архивных документов, а также материальных памятников старины. К 1888 г. такие комиссии открылись также в Костроме, Нижнем Новгороде, Саратове, Симферополе и Оренбурге. После смерти Н.В. Калачова в 1885 г., Археологический институт

[1] *Отчет* о деятельности и занятиях Вятского губернского статистического комитета за 1895 г. Вятка, 1896. С. 26-28.

[2] *ГАКО*, ф. 574, оп. 1, д. 519, л. 38, 39.

возглавил известный ученый-юрист И.Е. Андреевский (брат бывшего в 1870-1878 гг. пермским губернатором Н.Е. Андреевского), а его заместителем стал М.И.Семевский – известный общественный деятель, редактор исторического журнала «Русская старина»[1].

Инициативная группа вятской общественности направляет в адрес губернатора аргументированное письмо, в котором обращают внимание на расширение круга заинтересованных лиц «…желающих принять живое участие в сохранении и изучении письменных памятников местной старины…»[2] и необходимость создания в губернии архивной комиссии. На период открытия комиссии в декабре 1904 г. изъявили желание работать в комиссии 50 человек. Среди них 19 представителей служилого чиновничества, 7 – из числа духовенства, 12 человек – учительский актив, 1 из купеческого сословия (Вятский городской голова Я.И.Поскребышев)[3]. Численный состав комиссии за весь период изменялся незначительно и доходил максимально до 120 человек в 1913 г. (вместе с почетными членами комиссии).

Этот вид объединения общественности оказался очень активным и плодотворным. За 13 лет работы было опубликовано 46 выпусков «Трудов», в которых было помещено около 600 исторических документов гражданской и церковной истории губернии[4]. Бессменным организатором выступал Н.А.Спасский, редактором печатного издания был А.С.Верещагин. Выпускник Казанской духовной академии, вместе с Н.А.Спасским входил в состав статистического комитета, специализировался по церковной истории Вятского края, опубликовал исследования по истории Вятской семинарии. Видным сотрудником являлся протоиерей Вятского Воскресенского собора, смотритель духовного училища И.М.Осокин. Он являлся крупным специалистом по истории деятельности на Урале Трифона Вятского Чудотворца, инициатором собирания сведений по приходам исторических сведений о причтах. При его непосредственном участии в 1912 г. в Вятке был создан Трифоновский церковно-археологический музей[5]. Активным сотрудником комиссии была жена Н.А.Спасского – Лидия Николаевна, которая опубликовала несколько исследований по истории Вятки XVIII – начала X1X вв. С 1913 г. комиссия стала осу-

---

[1] См.: *Лебедев Г.С.* История отечественной археологии, 1700-1917 гг. СПб., 1992. С. 278-290.

[2] *ГАКО*, ф. 170, оп. 2, д. 3, л. 1.

[3] *Там* же, л. 3.

[4] Подсчитано автором по: *Труды* Вятской ГУАК. Вятка 1905-1917. Вып. 1-46.

[5] *Вечтомова Ю.Е.* Социальный состав губернских ученых архивных комиссий // VIII Петряевские чтения 2005. Киров, 2005. С. 230.

ществлять надзор на территории Вятской губернии за археологическими находками. Была создана подкомиссия «По вопросу о сохранении исторических памятников Вятского края». Деятельность ВГУАК позволила не только объединить научные силы по сохранению исторической памяти края, но давала конкретный материал для патриотической направленности работы образовательных учреждений.

Менее удачной оказалась история Пермской губернской ученой архивной комиссии, несмотря на достаточно эффектное начало ее существования. На первое организационное собрание в июне 1888 г. приехал известный в России общественный деятель М.И.Семевский, который произнес проникновенную речь о значении для края происходящего события[1]. Михаил Иванович не случайно приезжает в Пермь. Он здесь бывал неоднократно (его брат, Петр Иванович, возглавлял отделение Государственного банка в Перми), хорошо знал представителей местной земской и научной общественности, занимавшихся вопросами краеведения: Д.Д. Смышляева, А.А. Дмитриева, В.Н. Шишонко, М.Д. Белоусова, П.Н. Серебренникова и др.

В июле 1889 г. устав нового общества утверждается министром внутренних дел и комиссия начала свою деятельность[2]. Председателем был избран В.Н. Шишонко, известный научной общественности губернии и страны как автор самой информационно насыщенной «Пермской летописи», удостоенной на Сибирско-Уральской научно-промышленной выставке 1887 г. большой серебряной медали. Медик по образованию, директор народных училищ Пермской губернии с 1879 по 1889 г., он был собирателем, знатоком и издателем множества новых трудов по истории Урала. В.Н. Шишонко очень ценил и уважал за научное подвижничество известный уральский писатель Д.Н. Мамин-Сибиряк, неоднократно упоминая в своих художественных произведениях и публицистических заметках его имя[3].

С самого начала своего существования комиссия столкнулась с большими трудностями организационного и методического характера. Она так и не приобрела своего помещения – арендовала комнаты в губернском правлении, научно-промышленном музее. Несмотря на патронаж этой организации со стороны государственных органов и царствующих особ, она испытывала постоянную

---

[1] *Дмитриев А.А.* Указ. соч. С. 354-355.

[2] *ГАПО*, ф. 297, оп. 1, д. 47, л. 8-9.

[3] *Краеведы* и краеведческие организации Перми: Библиографический справочник. Пермь, 2000. С. 298-299.

потребность в финансировании. Главным препятствием плодотворной работы комиссии было отсутствие профессионалов, обладающих археографической подготовкой или навыками[1]. Недостаточно было одного желания работать, необходима была кропотливость в чтении источников и описей архивных дел, требовались исторические знания и знания особенностей региональной истории. Отсутствие единой методики разбора дел порождало большое количество недоразумений, несоответствий, препятствовало эффективной работе. В полной мере это можно отнести и к работе Пермской архивной комиссии.

Несмотря на то, что комиссии удалось организовать выпуск «Трудов Пермской ученой архивной комиссии», редактором первых четырех выпусков был А.А. Дмитриев, работа комиссии начинает по характеру напоминать работу археологического филиала Пермской комиссии УОЛЕ, так как председателем этой комиссии и ПУАК являлся Н.Н. Новокрещенных, сфера интересов которого широко известна.

В какой-то мере поднять авторитет архивной комиссии удалось В.С. Малченко. В 1900 г. он приезжает в Пермь из Рязани, где входил в руководство аналогичной комиссии, одной из самых благополучных и известных в стране[2]. Были подготовлены правила работы с архивными документами, усилилась просветительская деятельность комиссии, причем для чтения лекций приглашались ученые и преподаватели университетов. Так, в 1901 и 1902 гг. в Перми читали публичные лекции по проблемам отечественной истории приват-доценты Московского университета А.А. Кизеветтер и Н.А. Рожков[3]. Доходы от чтения лекций поступили в издательский фонд комиссии. Удалось несколько укрепить финансовую базу за счет публичной и издательской деятельности комиссии; вышло еще пять выпусков «Трудов». Среди них нужно отметить «Биографический указатель памятных деятелей Пермского края»[4]. Он содержал 30 очерков, составленных А.А. Дмитриевым и посвященных известным людям Урала и российской общественности, родившимся в Пермской губернии: Ф.А. Волегову, А.Н. Воронихину, А.Н. Зырянову, М.И. Киттары, И.И. Любимову, Д.Д. Смышляеву, В.М. Флоринскому и др. Этот труд продолжил традицию, заложенную Д.Д. Смышляевым в 1891 г. в «Сборнике статей о Пермской гу-

---

[1] *Труды* Пермской губернской ученой архивной комиссии. Вып. 1. Пермь, 1892. С. 19-20.

[2] См.: *Шилов А.В.* Достойный уважения и доброй памяти: к творческой биографии В.С.Малченко // Страницы прошлого. Вып. 3. Пермь, 2001. С. 61-63.

[3] *ГАПО*, ф. 297, оп. 4, д. 136, л. 1-6.

[4] *Биографический* указатель памятных деятелей Пермского края. Пермь, 1902.

бернии», где были опубликованы биографии известных людей Урала. Указанной традиции следовал и В.С. Верхоланцев в книге «Город Пермь, его прошлое и настоящее»[1]. Большой заслугой комиссии явилась публикация предметного указателя к одному из известных краеведческих изданий на Урале – «Пермской летописи» В.Н. Шишонко. Это объемное собрание, содержащее огромное количество документов по истории Урала, было достаточно трудно читать даже специалисту. В 1904 г. техник губернского земства А.Н. Колотилов создает «ключ» к труду Шишонко. Приват-доцент Петербургского университета Н.А. Рожков просмотрел этот указатель и написал специальное предисловие, в котором дает высокую оценку проделанной работе[2]. Кроме того, весной 1904 г. вдова В.Н. Шишонко передала на хранение в комиссию оставшийся архив краеведа. Этот дар пополнил раздел личных архивов, где уже находились документы другого уральского краеведа – А.А. Дмитриева.

Отъезд В.С. Малченка из Перми в 1905 г. снова вверг местную архивную комиссию в состояние прострации. До конца 1912 г. ее работа была практически свернута[3].

С этого времени до конца 1917 г. новым руководителем становится Л.Е. Воеводин, общественный деятель Урала. Он избирался гласным Пермской городской Думы, заведовал в 1906–1908 гг. городской общественной библиотекой. Еще раньше, в 1864 г., работая учителем в Кыновском училище Кунгурского уезда, Воеводин организовал одно из первых в России потребительских обществ при заводе. Во время революции 1905–1907 гг. он являлся одним из инициаторов создания монархических комитетов на Урале, редактором печатного органа монархической партии «Пермский вестник».

Л.Е. Воеводин предоставил собственный дом для размещения в нем исторического архива комиссии и ее деятельности. Ему принадлежит заслуга создания руководящих методических советов для работы в архивах, привлечения к этой работе ведомственных архивариусов. Он избирался делегатом Всероссийского съезда представителей архивных комиссий страны, проходившего в мае 1914 г. в Петербурге[4].

---

[1] *Верхоланцев В.С.* Город Пермь, его прошлое и настоящее: Краткий ист.-стат. очерк. Пермь, 1913.

[2] *Колотилов А.Н.* Указатель к Пермской летописи В.Н.Шишонко / предисл. Н.А.Рожкова // Тр. Перм. губ. учен. арх. комиссии. Пермь, 1904. Вып. 8.

[3] *Труды* Пермской губернской ученой архивной комиссии. Пермь, 1913. Вып. 10. С. 203.

[4] *Краеведы* и краеведческие организации в Перми. С. 99-100.

С созданием в Перми в 1916 г. университета большая группа преподавателей вошла в состав ученой архивной комиссии, что способствовало изменению ее деятельности в направлении разработки методических и организационных вопросов. Среди членов комиссии можно выделить таких известных ученых, как Б.Л. Богаевский, К.К. Буга, Л.А. Булаховский, В.Э. Крусман, С.П. Обнорский и др. В конце 1917 г. ее председателем избирается Б.Д. Греков, известный русский историк, его заместителем – Г.В. Вернадский[1]. Однако перипетии революций и гражданской войны привели к прекращению деятельности комиссии, а ее материалы были переданы в государственный архив.

Составной частью краеведческого направления являлось изучение церковного прошлого Урала. Много материалов публиковалось в печатных органах уральских епархий «Епархиальных ведомостях»: в Перми они стали выходить с мая 1867 г., в Екатеринбурге – с 1886 г., в Вятке – с января 1863 г. Основное внимание на страницах «Вятских епархиальных ведомостей» уделялось актуальным вопросам развития образования и миссионерской деятельности среди нерусских народов и представителей других конфессий. Церковная история Вятского края была связана с публикацией исследований о жизни и деятельности святителя Трифона Вятского. В 1912 г. выходит обобщенный труд «Вятская епархия: Историко-географическое и статистическое описание».

На страницах неофициальной части «Пермских епархиальных ведомостей» были опубликованы первые летописи: в 1880 г. – летопись города Перми священника Г. Сапожникова, в 1881 г. – Ф.А. Прядильщикова; в 1882 г. – «Церковно-историческое и археологическое описание города Соликамска» священника А. Луканина и др. Проблемы истории церковного управления в Пермском крае были достаточно полно представлены в работах Д.Д. Смышляева, А.А. Дмитриева, В.С. Верхоланцева, В.Н. Шишонко и др. На протяжении нескольких лет (1905, 1906, 1907, 1910) на страницах «Екатеринбургских епархиальных ведомостей» печатались «Материалы для истории Екатеринбургского женского Ново-Тихвинского монастыря». В 1914 г., специальным приложением к этому периодическому изданию была выпущена книга «Материалы для истории Екатеринбургской епархии»[2]. В 1902 г. был издан обобщающий труд «Приходы и церкви Екатеринбургской епархии», написанный будущим писате-

[1] *ГАПО.* Ф. 297, оп. 4,д. 5, л. 21-23.
[2] *Материалы* для истории Екатеринбургской епархии. Екатеринбург, 1914.

лем П.П.Бажовым и краеведом, земским врачом Н.С. Смородинцевым[1]. Ценность работе придавало использование при характеристике каждой церкви исторических справок и выписок из церковных летописей, предоставленных и удостоверенных священниками приходов.

Многие священники и руководители епархий состояли действительными членами различных просветительских организаций: УОЛЕ; Пермской комиссии УОЛЕ; а таже Пермского научно-промышленного музея; ученой архивной комиссии; многочисленных российских обществ. За всю историю существования УОЛЕ было принято в это общество 15 священнослужителей из числа активных краеведов и естествоиспытателей[2]. Среди них можно выделить священника, знаменитого математика И.М.Первушина, историка-краеведа Я.В. Шестакова (Камасинского), отца и сына Ребриных, собравших много исторических сведений об Ирбитском уезде, А.Луканина – специалиста по истории раскольничества на Урале, материалы которого использовал в своих произведениях П.И.Мельников-Печерский. Н.К.Чупин получал сведения по истории различных мест Шадринского уезда от дьякона Ф.Д.Анциферова, их он включил в свой Историко-географический словарь Пермской губернии. Кроме него ценные архивные материалы Чупину предоставил отец знаменитого уральского писателя Д.Н.Мамина-Сибиряка – Н. М. Мамин.

На территории Урала плодотворно работали отделения Православного Палестинского общества. Одним из самых активных в стране участников этого общества являлся Д.Д.Смышляев. В 1885-1889 гг. он был уполномоченным от этой организации в Иерусалиме, многое сделал для благоустройства русского подворья, приобретения земельной собственности, осуществлял попечение над русскими школами, открытыми в Палестине. Позднее им были написаны и опубликованы воспоминания и впечатления о работе в Святой земле[3]. Однако, если в Пермской и Екатеринбургской епархиях деятельность оживлялась в период перед Вербным Воскресеньем и главным событием был кружечный сбор в этот день в пользу общества, то в Вятской - это становилось периодом активизиции пропаганды сведений о прошлом и настоящем Святой земли, проводи-

---

[1] *Приходы* и церкви Екатеринбургской епархии. Екатеринбург, 1902.

[2] *Голикова С.В.* Культура горнозаводского населения Урала и духовенство: антропологический аспект // Изв. Урал. ун-та. 2004. № 29. С. 55.

[3] *Устюгова В.В.* Д.Д.Смышляев и православное Палестинское общество // Страницы прошлого. Пермь, 1995. С. 57.

лись публичные лекции с использованием различных современных технических средств («туманные картинки»).

В октябре 1912 г. организуется Пермское епархиальное церковно-археологическое общество, ставившее своими целями исследование истории православной церкви, основных этапов распространения христианства в Пермской губернии на основе изучения жизни и деятельности знаменитого миссионера св. Стефана Великопермского; сохранение предметов церковной старины; организацию археологического исследования старинных церквей; пропаганду православия в условиях свободы вероисповедания (с 1906 г.); издательскую деятельность[1]. Не случайно учреждение этого общества проходило в стенах братства св. Стефана[2]. Важным элементом такой работы на местах должно было стать изучение церковной истории своего региона, религиозных обычаев и обрядов, распространение в обществе, по преимуществу среди духовенства, археологических сведений, устройство археологических выставок и публичных чтений.

В руководящий состав нового общества вошли кроме руководителей Пермской епархии и духовной семинарии представители общественности: П.С.Богословский, В.С.Верхоланцев, И.Я.Кривощеков, П.С.Степанов, А.Д. Городцов и др. Руководителем общества был назначен сначала преподаватель семинарии К.Н. Селивановский, а с 1914 г. – бывший ректор семинарии протоиерей К.М. Добронравов[3]. В обращении к местному духовенству архипастыря содержался призыв о предоставлении в комитет сведений о местных древностях, представляющих историческую ценность, о помощи в организации музея церковных предметов и т.д. Для правильной организации реставрации и ремонта церковных зданий была издана специальная брошюра, разосланная в церкви епархии[4]. Еще раньше, в 1894 г., при деятельном участии Пермской ученой архивной комиссии была разработана специальная программа описания церквей как памятников старины[5].

Одним из источников краеведческих сведений являются летописи приходов, которые велись во всех церквах. Так, «Оглавление» летописей Пермской епархии, опубликованное в 1911 г., состояло из двух частей – исторической, полу-

---

[1] *ГАПО*. Ф. 37, оп. 6, д. 73, л. 216.
[2] *ПЕВ*. 1912. № 30.
[3] *ПЕВ*. 1914. № 15.
[4] *Покрышкин П.* Краткие советы по вопросам ремонта памятников старины и искусства. Пермь, 1916.
[5] *ГАПО*. Ф. 297, оп. 1, д. 45, л. 34-40; *Программа* для составления церковных летописей // Адрес-календарь Пермской епархии за 1894 год и справочная книжка для духовенства. Пермь, 1894. С. 42-45.

чившей название «Церковно-приходское историко-статистическое исследование до 1911 года», и повременной, куда заносились текущие приходские события.

Интересным представляется оглавление исторической части:

I. Местоположение села или города.

II. Состав прихода в древнее время.

III. Наименование города или села и деревень и объяснение сих наименований по историческим описаниям и народным сказаниям.

IV. Достопримечательности прихода.

V. О приходском храме.

VI. История причта.

VII. О прихожанах, об общественных бедствиях прихода и замечательных событиях и явлениях.

VIII. О попечительствах и братствах.

IX. О церковно-приходских школах.

X. Годичные итоги из церковно-приходских документов[1].

Хотя ведению таких летописей придавалось большое значение, руководством епархии не раз отмечались случаи, когда священники не только не занимались данной стороной истории своего прихода, но и зачастую упускали даже повседневные проблемы прихожан. Так, в начале 1916 г. епископ Андроник выражал озабоченность тем, что некоторые из священников не замечали даже упущений, связанных с отражением событий первой мировой войны, «…как будто она и не существует для данного прихода…»[2].

Обществом создается музей предметов церковной старины (древлехранилище), который позднее был размещен в одном из флигелей архиерейского дома, формируется библиотека, которая согласно принятому уставу, имела краеведческую направленность. Как отмечалось на одном из заседаний общества, «…со временем она может приобрести особенную ценность, так как в ней сосредоточены труды по истории Пермского края, которые, выходя в ограниченном количестве экземпляров, скоро делаются редкостью, а некоторые даже совсем не появляются на книжном рынке»[3].

Издательская деятельность Пермского епархиального церковно-археологического общества не отличалась особой активностью. До 1918 г. вы-

---

[1] *Ершов П.* Справочная книга Пермской епархии на 1912 г. Пермь, 1911. С. 1-20.

[2] *ПЕВ*. 1916. № 1.

[3] *Журнал* заседания комитета Пермского церковно-археологического общества, апреля 27 дня 1916 года // Изв. Перм. епарх. церк.-археол. об-ва. Пермь, 1917. Вып. 2. С. 5.

шло всего два выпуска «Известий Пермского епархиального церковно-археологического общества», в 1915 и 1917 гг.[1] Собственных оригинальных статей в них было напечатано не очень много. Ограничивались в основном перепечаткой статей из «Епархиальных ведомостей». Основная тематика статей: история отдельных церквей и монастырей; биографии местных преосвященных, выдающихся представителей духовенства; описание предметов религиозного почитания и церковного искусства; записи обычаев, обрядов, местных песен и говоров. В «Известиях» публиковались журналы всех заседаний общества с резолюциями епископа об исполнении этих решений для священнослужителей. Революционные события в стране обрывают деятельность общества, и его существование надолго предается забвению.

На рубеже XIX и XX вв. на севере Пермской губернии, в Чердыни, возникает еще один центр научно-просветительской работы. Данный регион Урала в истории края занимает особое место. Чердынь вместе с Соликамском являлись важным форпостом на пути русской колонизации уральских территорий, заселенных предками коми-пермяков. Первое упоминание о городе относится к середине XV в. в связи с отправкой туда московским князем Василием II своего представителя – вереинского удельного князя Михаила Ермолича. В 1455 г. епископ Питирим предпринял первую попытку христианизации чердынцев, завершенной в 1462 г. епископом Ионой. В это же время возникает старейший на Урале Чердынский Иоанно-Богословский монастырь. После похода московских войск в 1472 г. (этот год считается официальной датой рождения Чердыни) город становится военным, религиозным и административным центром Перми Великой[2].

В XVI–XVII вв. Чердынь сыграла большую роль в освоении Сибири, став одним из главных центров снабжения ее продовольствием. Это был крупный центр ремесла и торговли, судостроения. Отсюда вышли такие известные купцы и предприниматели, как Могильниковы, Алины, Юргановы, Клементьевы, Ремянниковы, Гуляевы. Чердынь и уезд стали основным пунктом заготовки дров, снабжения продовольствием соликамских производств Строгановых. Однако к концу XVII в. солепроизводство здесь начинает свертываться, не выдерживая конкуренции с Соликамском[3].

---

[1] В ряде исследований отмечается три выпуска трудов общества, однако их было все-таки два.

[2] *История* Урала. Пермь, 1976. Т. 1. С. 42-43.

[3] *Андерсон Э.П.* Баржестроители Чердынского уезда (к вопросу о формировании пролетариата) // На Западном Урале. Пермь, 1974. С. 92.

Чердынь получила статус города еще 1535 г., став центром уезда, но с 1636 г. она переходит в административное подчинение соликамскому воеводе, а с 1717 г. входит в состав Сибирской губернии. С образованием Пермской губернии Чердынь получает статус уездного города, каковым и остается в современных условиях.

Чердынский уезд в составе Пермской губернии являлся самым большим по площади – более 62 тыс. квадратных верст, но занимал последнее место среди 12 уездов по числу жителей – около 100 тыс. чел. (на 1894 г.)[1]. По данным Всероссийской переписи 1897 г. плотность населения составила всего 1,7 чел. на квадратную версту. Не случайно уезд и сама Чердынь традиционно являлись местом ссылки. Наиболее известным поселением было с. Ныроб. Здесь в 1601 г. отбывал ссылку боярин Михаил Никитич Романов, дядя будущего русского царя из династии Романовых. В 1706 г. рядом с тюремной ямой за счет царской казны была построена Никольская церковь, привлекавшая паломников из других регионов страны (в начале XX в. сюда добирались до 6 тыс. чел. в год)[2].

Население города росло крайне медленно: в 1832 г. насчитывалось 3094 жителя (в это время Чердынь уступала по численности населения только Перми, Екатеринбургу и Кунгуру), в 1860 г. – 3425, в 1894 г. – 4248, в 1897 г., по итогам Всероссийской переписи, 3658, в 1907 г. – 4212, в 1914 г. – 8560. Это объяснялось переселенческой политикой правительства Столыпина. За этот же период, например, городское население в Осе увеличилось в четыре раза, в Оханске – более чем в два раза, в Кунгуре – в два раза и т.д.[3]

Тем не менее именно в Чердыни в 1899 г. создается новое общественное объединение – Общество любителей истории, археологии, этнографии Чердынского края. Инициатором создания общества являлся председатель уездной земской управы Дмитрий Аристархович Удинцев (1862–1915). После окончания Пермской духовной семинарии в 1881 г. он был арестован за хранение запрещенной литературы, поэтому его планы обучения в университете так и не осуществились. Дмитрий Аристархович работал учителем в Ирбите, затем он перебирается в Екатеринбург и становится агентом по страхованию. Здесь он

---

[1] *Статистическ*ий ежегодник Пермской губернии за 1893 год // Адрес-календарь и памятная книжка Пермской губернии на 1895 г. Пермь, 1895. С. 1.

[2] *Белдыцкий Н.П.* Ныробский узник: Ист. эскиз. Пермь, 1912. С. 32.

[3] Подсчитано по данным*: Краткое* статистическое обозрение Пермской губернии 1832 года // Сб. матер. для ознакомления с Пермской губернией. Пермь, 1891. С. 9-10; *ГАПО*. Ф. 297, оп. 1, д. 52, л. 97; *Обзор* Пермской губернии за 1894 год. С. 5; *Обзор* Пермской губернии за 1897 год. С. 6; *Обзор* Пермской губернии за 1907 год. С. 6; *Обзор* Пермской губернии за 1914 год. С. 8.

знакомится с сестрой известного писателя Д.Н. Мамина-Сибиряка Елизаветой и женится на ней. Затем работает в земских учреждениях Екатеринбурга и Ирбита. В конце 90-х гг. Удинцева приглашают на работу в Чердынское уездное земство. По настоянию Мамина-Сибиряка, в 1888 г. совершавшего поездку по Каме и Вишере, он описал эту поездку в статье «Старая Пермь». Д.А. Удинцев переезжает туда вместе с семьей. В 1898 г. его избирают председателем уездной управы. С самого начала своей деятельности на этом посту Д.А. Удинцев вносит в жизнь города и уезда дух общественной активности. Он становится и инициатором создания местного естественно-исторического музея[1].

Летом 1898 г. Чердынский уезд посещает недавно назначенный пермский губернатор генерал-лейтенант Д.Г. Арсеньев. Особое внимание он и его окружение уделили состоянию исторических объектов Ныроба. Это было связано с приближением 300-летия со времени пребывания там знаменитого узника из дома Романовых. В свите губернатора находился известный общественный деятель, член Императорской археологической комиссии, инициатор создания Пермской комиссии УОЛЕ – Н.Н. Новокрещенных. Он предлагает Удинцеву организовать «…такое местное археологическое учреждение, около которого можно было бы сосредоточить местные силы», а затем обращается к губернатору с просьбой поддержать усилия местной интеллигенции и заинтересованных лиц уезда, направленные на сохранение памятников старины[2].

В феврале 1899 г. состоялось собрание местной общественности, где идея Удинцева о создании общества получила одобрение. В марте из канцелярии губернатора была получена (и опять при содействии Н.Н. Новокрещенных) специальная инвентарная книга для записи поступивших предметов старины. К концу года в нее занесено уже 602 предмета, 276 названий. В июне 1899 г. проходило второе заседание, на котором принимается решение о создании специального музея общества. Материальную помощь в организации музея оказали два известных городских купца: Д.Е. Ржевин и Н.С. Селиванов. Музей разместили в здании уездной земской управы[3].

Утверждение же устава общества произошло в декабре 1902 г., а торжественное собрание, посвященное открытию общества, состоялось 21 июня

---

[1] *Весновский В.А.* Иллюстрированный путеводитель по Уралу. Екатеринбург, 1904. С. 116-117; *Ветчакова М.И.* Д.Н.Мамин-Сибиряк // Старая Пермь. Чердынь, 1994. С. 4.

[2] *Чагин Г.Н.* Деятельность общества любителей истории, археологии, этнографии Чердынского края // Из прошлого Чердынского края. Пермь, 1974. С. 71.

[3] *Там* же. С. 73.

1903 г. Общество находилось в ведении Министерства внутренних дел, а его текущую работу контролировала Императорская археологическая комиссия, куда через пермского губернатора направлялись ежегодные отчеты и постановления совета общества[1]. Первым председателем этого совета был избран Д.А. Удинцев. После его отъезда в Ирбит в конце 1903 г. совет возглавил археолог В.Л. Борисов, затем член-сотрудник Петербургского археологического института П.Г. Тарасов. А с 1908 до 1918 г. работой общества руководил старейший деятель местного земства Н.С. Селиванов. В 1918 г. общество ликвидируется, а его музей, библиотека передаются в состав городского общеобразовательного музея имени А.С. Пушкина[2].

В работе общества принимали активное участие различные по характеру своей работы люди, объединенные идеей краеведческой и просветительской деятельности. Среди них можно было встретить учителей, земских служащих, горных специалистов, священнослужителей, представителей купечества, чиновников.

Состав общества оставался достаточно стабильным: от 10 до 13 почетных членов и от 44 до 35 действительных его членов[3]. Обществу оказывали практическую помощь представители пермских научно-просветительских обществ: И.Я. Кривощеков, Ф.А. Теплоухов, Н.Е. Ончуков, Н.Н. Новокрещенных и др. Почетными членами общества были известные российские ученые: Д.Н. Анучин, А.А. Спицын, Н.Н. Смирнов, П.А. Пономарев, А.А. Штукенберг, А.Е. Клер, А.А. Мислáвский. Общество поддерживало связь со многими научными, как государственными, так и общественными учреждениями России.

К середине 1903 г. коллекция музея насчитывала уже 1462 предмета, а к концу его самостоятельного существования – около 5 тысяч[4]. Среди них выделялись коллекции рукописных грамот, нумизматическая, находок в результате археологических раскопок, в том числе серебряной посуды и монет, позднее переданные в Эрмитаж, культовых предметов «чудской» культуры, полезных ископаемых края, насекомых и растений, оружия, а также Синодик Иоанно-Богословского монастыря, где были записаны имена 14 Пермских и Великопермских князей и княгинь XV в. О научной и просветительской деятельности

---

[1] *РГИА*. Ф. 1284, оп. 188, д. 184, л. 8.

[2] *Чагин Г.Н.* Чердынскому музею 75 лет // На Западном Урале. Пермь, 1974. С. 244.

[3] *Чагин Г.Н.* Деятельность общества любителей… С. 77.

[4] *Краткий* каталог музея общества любителей истории, археологии и этнографии Чердынского края. Пермь, 1916. С. 15.

общества сообщалось на страницах «Известий общества археологии, истории, этнографии при Казанском университете», неофициальной части «Пермских губернских ведомостей»[1].

С увеличением фондов музея у общества появилась возможность на основе местного материала перейти к исследованию не только исторического прошлого, но и природы края, условий жизни и быта местного населения, организовать издательскую деятельность. С 1912 г. музей получает отдельное здание, приобретенное для него и образовательного музея уездным земством. В 1911 г. под редакцией хранителя музея Г.А. Вологдина издается краткий каталог музея общества, который в расширенном виде переиздается в 1916 г.[2]

С 1914 г. уездное земство по примеру губернского центра и других уездов губернии (Осинского, Оханского, Екатеринбургского, Соликамского) стало издавать «Ежегодник Чердынского уездного земства и календарь», где публиковались также краеведческие сообщения членов общества. На основе анализа коллекции рукописных грамот в 1908 г. В.А. Удинцев (брат Д.А.Удинцева, профессор Киевского университета) напечатал в Киеве статью «История займа»[3]. Собрания археологической коллекции музея позволили И.Я. Кривощекову написать статью для сборника материалов Пермского научно-промышленного музея «Пермь Великая, ее живая старина и вещественные памятники», а в 1914 г. выпустить отдельным изданием «Словарь географическо-статистического Чердынского уезда Пермской губернии». В 1917 г. во втором выпуске «Известий Пермского епархиального церковно-археологического общества» он публикует статью о церковно-археологических памятниках Чердынского уезда[4].

Общество поддерживало связь с местным населением, распространяя обращения, анкеты, программы сбора этнографических и исторических материалов через учителей народных школ уезда, волостные правления, волостных приставов. Особое внимание уделялось обеспечению сохранности выявленных памятников археологии, тем более что по представлению комиссии Министерства внутренних дел по охране памятников старины в 1905 г. общество люби-

---

[1] См.: *Известия* общества археологии, истории, этнографии при Казанском университете. Казань, 1900. Т. 17, вып. 1. С. 79-81; *ПГВ*. 1900. № 189; 1902. № 71; 1909. № 205.

[2] *Краткий* каталог музея общества любителей истории, археологии и этнографии Чердынского края. Пермь, 1911.

[3] *Удинцев В.А.* История займа. Киев, 1908.

[4] *Кривощеков И.Я.* Список пунктов с церковно-археологическими памятниками в Пермской епархии (Чердынский уезд) // Изв. Перм. епарх. церк.-археол. об-ва. Пермь, 1917. Вып. 2. С. 25-29.

телей истории, археологии, этнографии Чердынского края получило статус местного «охранительного органа»[1].

Под наблюдением членов общества проводились реставрационные и охранные мероприятия, касающиеся церковных исторических объектов: в 1908 г. – перестройка Воскресенского собора в Чердыни; в 1912 г. –реставрация церквей и часовни в Ныробе. В этом же селе по проекту известного пермского художника А.Н.Зеленина в 1913–1915 гг. основывается сквер, устанавливается железная ограда на каменных столбах, украшенных майоликой, вензелями и гербами царствующего дома Романовых. Сама решетка была отлита на Мотовилихинском заводе[2].

Таким образом, несмотря на удаленность от крупных научных центров губернии, экономическую отсталость, малочисленность и разбросанность населения региона, относительно небольшая часть местного общества организовала выявление, сбор, сохранение и пропаганду культурного наследия прошлого.

В Вятской губернии в начале XX в. создается еще один провинциальный просветительский центр – в уездном городе Сарапул. В X1X в. он в силу своего географического положения становится важным торговым, ремесленным пунктом экономического поля Урала, сосредоточив в своих руках хлебную оптовую торговлю и сбыт продукции кожевенного производства. Развитие пароходства на Каме превращает город в связывающее звено двух крупнейших российских речных бассейнов – Камы и Волги. К началу XX в. в городе существовало более 15 учебных заведений, в том числе средние: реальное училище, женская гимназия. Была создана развитая городская инфраструктура. Все это способствовало активизиции работы местной общественности. На базе открытого еще в 1909 г. земского музея в конце 1913 г. создается Общество изучения Прикамского края. Председателем общества становится руководитель уездной земской управы М.С.Тюнин, секретарем – врач Ф.В.Стрельцов. В составе общества находилась интеллектуальная элита города и уезда: преподаватели учебных заведений, священники, чиновники, врачи[3]. Основными направлениями в деятельности общества стали участие в археологических раскопках древних городищ на территории уезда, этнографические исследования и экспедиции, сбор коллекций для музея, экскурсионная и просветительская работа среди населения

---

[1] *РГИА*. Ф. 1284, оп. 188, д. 184, л. 36.
[2] *Спешилова Е.А., Семянников В.В.* Художник А.Н.Зеленин // Перм. край. Пермь, 1992. С. 182.
[3] *Устав* Общества изучения Прикамского края. Сарапул, 1913. С. 6.

города и уезда. Только за 1915 г. музей посетило более 2 тыс. человек, было проведено по отделам 61 экскурсия. К 1916 г. в составе общества насчитывалось около 80 человек[1].

В октябре 1916 г. на Урале начинает формироваться **новый тип научно-просветительского сообщества** на базе университета и местной интеллигенции. Профессорско-преподавательский состав молодого Пермского университета придает деятельности просветительских обществ академическую основательность и научную обоснованность. Кроме того, можно согласиться с мнением Б.В. Кондакова о том, что «фактор существования университета уничтожает границу между "центром" и "периферией" и что университет призван концентрировать творческое начало, способствовать развитию индивидуальности»[2].

Приезд в Пермь большой группы сотрудников, преимущественно молодых, но уже получивших известность в научных и общественных кругах России, из таких университетских центров, как Петербург, Москва, Харьков, постепенное складывание профессорско-преподавательских коллективов факультетов приводит в дальнейшем к формированию основных направлений научных исследований. Мы обращаем внимание на **исторический факт соединения, взаимного проникновения двух потоков: накопленного десятилетиями опыта научно-просветительской деятельности местных обществ и организаций, и возможностей классической науки.**

Это происходило на двух уровнях. Местная интеллектуальная элита, сосредоточенная в обществах, пополняла ряды преподавателей университета (П.С. Богословский, П.В. Сюзев, В.Е. Чижов), студентов (С.С. Богословский, В.С. Верхоланцев, В.Н. Серебренников, В.И. Воробьев). Ученые, в свою очередь, начинают участвовать в работе местных обществ, предлагая новые идеи, методы организации деятельности. Это В.В. Ламанский, С.П. Обнорский, А.В. Шмидт, Б.Л. Богаевский, Б.Д. Греков, А.П. Дьяконов, А.Н. Круглевский, В.В. Вейдле, Г.В. Вернадский, В.Н. Дурденевский, Е.Г. Генкель, Б.А. Кржевский, М.В. Птуха, А.А. Заварзин, А.С. Ященко и др.

В университете стали возникать научные объединения: общества физико-математическое, педагогическое, медицинское, экономическое, естествоиспытателей, философских, исторических и социальных наук, аграрный кружок. По

---

[1] *Отчет* общества за 1915 год // Известия общества изучения Прикамского края. Сарапул, 1917. С. 126-128.

[2] *Кондаков Б.В.* Университет в русской литературе XIX века // Университет. Образование и регионы. Пермь, 2001. С. 124.

уставным документам они являлись методологическими центрами работы специалистов. В них заслушивались научные доклады, результаты исследовательской деятельности ученых. Многие общества имели собственный печатный орган, где публиковались работы их членов.

Наиболее известным было общество философских, исторических и социальных наук – ОФИС (бессменный руководитель его с 1917 по 1930 г. – историк, профессор А.П. Дьяконов). В него входили историки: Б.Д. Греков, Б.Л. Богаевский, В.Э. Крусман, Н.П. Оттокар; филологи, этнографы: К.К. Буга, Ю.Н. Верховский, Л.А. Булаховский, Б.А. Кржевский, А.П. Кадлубовский, А.И. Коссовский, Г.В. Вернадский, П.С. Богословский; юристы: Л.В. Успенский, Н.В. Устрялов, Н.Н. Фиолетов, В.Н. Дурденевский, А.М. Горовцев; статистик М.В. Птуха; философ А.И. Сырцов; культуролог В.В. Вейдле. С 1918 г. стал издаваться «Сборник ОФИСа», в котором публиковались оригинальные статьи и тезисы научных докладов[1].

Однако в деятельности обществ присутствовал элемент корпоративной замкнутости, элитарности - «посторонние» допускались туда неохотно и редко. Несомненно, такое положение могло быть обусловлено и некоторым снобизмом членов обществ, оказавшихся вне привычной среды культурного центра. Так, известный русский философ, правовед, политический деятель Н.В.Устрялов, вспоминает свое восприятие в 1918 г. молодого университета, его студентов: «Университет средний. Неважная внешняя обстановка, перестраивающееся здание, холодновато, неуютно, студентов мало, пособий тоже… После Московского университета все это особенно колет глаза… Эти шубы, сваленные тут же в аудитории, эта пара или тройка десятков мужских и женских физиономий, в общем, довольно скучающего вида и маловнушительного выражения, – все это как-то мало располагает к хорошему настроению. Первое собрание семинария, впрочем, произвело несколько лучшее впечатление. Рефераты разобрали»[2].

Большое значение для развития интеллектуального потенциала города имело соглашение ОФИСа с руководством научно-промышленного музея об участии в работе лекционной комиссии[3]. Другим объектом лекционной работы был Мотовилихинский поселок, где еще в 1908 г. открылся «Народный дом» с

---

[1] *Сборник* Общества исторических, философских и социальных наук при Пермском университете. Пермь, 1918.

[2] Цит. по*: Профессора* Пермского государственного университета. Пермь, 2001. С. 118.

[3] *ГАПО*. Ф. 680, оп. 1, д. 297, л. 138-140.

библиотекой. Здесь подрабатывала большая часть профессоров. Они читали лекции по различным отраслям знаний. Тот же Н.В. Устрялов в связи с этим отмечал, что «…слушателей человек 60 – все рабочие… Слушают хорошо, да и курс интересный»[1]. В условиях дефицита продуктов питания подобная работа давала возможность поддержать семью. Некоторые из преподавателей университета (А.П. Кадлубовский, С.П. Обнорский) даже помогали комиссии местного совета подготовить необходимые уставные документы для создания в Мотовилихе «Народного университета»[2].

Ученые университета начинают участвовать в общественной жизни города и всей Пермской губернии. Так, профессор Б.Д.Греков в декабре 1917 г. избирается председателем Пермской губернской ученой архивной комиссии. Заместителем председателя стал историк Г.В. Вернадский, сын академика В.И. Вернадского, ученик академика С.Ф. Платонова. Правителем дел (секретарем) этой комиссии состоял профессор-славист А.И. Коссовский. Он также заведовал польской библиотекой при католическом костеле в Перми[3]. В архивную комиссию вошел известный философ права, ученик русского религиозного философа, правоведа Е.Н. Трубецкого – Л.В. Успенский. Он же по поручению отдела образования губернской управы разрабатывал программу курсов для учителей народных школ[4], являлся членом лекционной комиссии при научно-промышленном музее. Позже в комиссию вошли Б.Л. Богаевский, К.К. Буга, Л.А. Булаховский, В.Э. Крусман, С.П. Обнорский, Н.П. Оттокар.

При поддержке губернского совета в 1918 г. ученые университета Д.М. Федотов, А.А. Заварзин, А.А. Рихтер, П.В. Сюзев создают в Нижней Курье (близ Перми) Камскую биологическую станцию, закладывая тем самым основы фаунистических и экологических исследований беспозвоночных животных Западного Урала[5].

Представитель университета начинает возглавлять еще один научно-просветительский центр губернии – Пермский научно-промышленный музей. Речь идет о геологе и географе профессоре В.В. Ламанском. Он становится известен в российских научных кругах, когда в 1899 г. создает вместе с В.П. Семеновым (сыном П.П. Семенова-Тянь-Шаньского) серию карт по физи-

---

[1] Цит. по: *Профессора* Пермского государственного университета. С. 118.

[2] *Народный* университет в Мотовилихе в Перми. Пермь, 1917. С. 13.

[3] *ГАПО.* Ф. 297, оп. 4, д. 5, л. 47.

[4] *Доклад* Пермской губернской земской управы Пермскому губернскому земскому собранию 62 чрезвычайной сессии в 1917 г. по народному образованию. Пермь, 1917. С. 9.

[5] *Первый* на Урале. Пермь, 1987. С. 98.

ческой географии и этнографии Сибири и Туркестана для Всемирной выставки в Париже, удостоенных золотой медали. С началом первой мировой войны В.В. Ламанский вошел в состав ряда комитетов Особых совещаний, а также комитета по эвакуации промышленного потенциала западных районов страны[1]. По его рекомендации заведовать этнографическим отделом музея был приглашен историк русской литературы, знаток творчества А.С. Грибоедова, А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, Л.Н.Толстого, профессор А.П. Кадлубовский, прибывший в Пермь из Харьковского университета[2].

Знаток канонического права и истории церковного управления профессор юридического факультета Н.Н. Фиолетов вошел в состав Пермского епархиального церковно-археологического общества. Он вел активную лекционную работу, особенно среди священнослужителей епархии. Профессор был принципиальным сторонником восстановления патриаршества в России и отрицательно относился к церковным реформам Петра I. Все это обеспечило ему авторитет в местных церковных кругах, и он был избран делегатом от Пермского университета, как мирянин Пермской епархии, на Всероссийский поместный собор православной церкви, проходивший в августе 1917 г. Причем Н.Н. Фиолетов был самым молодым (всего 25 лет) делегатом, тем не менее он принимал активное участие в составлении многих его актов[3]. Профессор А.П. Кадлубовский, также входивший в церковно-археологическое общество, разобрал и описал рукописи духовной семинарии.

И в составе губернского статистического комитета появляются научные работники университета. В конце 1916 г. начинает заниматься общественной деятельностью ученик известного профессора И.И. Кауфмана, преподаватель политической экономии и статистики, организатор кабинета статистики в университете, профессор М.В. Птуха[4].

Большим событием в общественной жизни губернии стало создание в ноябре 1916 г. при Пермском университете Комиссии по изучению Северного края, переименованной вскоре в кружок по изучению Северного края. В его задачи входило объединение усилий научных работников, студентов и краеведов для исследования природы, быта крестьянства, творчества местных писателей и фольклора. Среди учредителей были Б.Д. Греков, С.П. Обнорский,

---

[1] *Профессора* Пермского государственного университета. С. 76.
[2] *Краткий* отчет Пермского научно-промышленного музея за 1916 г. Пермь, 1917. С. 28-29.
[3] *Профессора* Пермского государственного университета. С. 122.
[4] *Профессора* Пермского государственного университета. С. 103.

Б.Л. Богаевский, А.Г. Генкель, А.П. Кадлубовский и др. Первым председателем научно-краеведческого общества был избран Б.Л. Богаевский, специалист по истории и культуре античности, создатель и первый хранитель университетского «музея древностей»[1], а секретарем общества – студент первого курса историко-филологического факультета В.Н.Серебренников. Правда, студенту было уже 35 лет, и он имел достаточно много публикаций не только в пермской, но и в центральной печати, являлся известным собирателем пермского фольклора. Назначению на такой ответственный пост способствовала рекомендация давно знавшего его П.С. Богословского. В.Н. Серебренников и старший брат Богословского – Сергей (вольнослушатель историко-филологического факультета, закончивший Казанскую духовную академию) проводили большую агитационную работу среди студенчества по вступлению в общество и сами принимали активное участие в его деятельности, в том числе как докладчики[2].

Первоначально кружок по изучению Северного края ставил перед собой в основном фольклорные задачи, так как это не требовало значительных материальных затрат. Найти средства в то трудное время было большой проблемой. Надвигалась революция, вопросы личного благополучия стали занимать людей гораздо больше. Тем не менее профессор С.П. Обнорский составил для участников кружка подробную программу сбора диалектологического материала[3]. И весной 1917 г. профессор А.П. Кадлубовский и старший научный сотрудник университета П.С. Богословский на средства, выделенные Н.В. Мешковым, совершили первую научную экспедицию по Прикамскому краю. Их маршрут проходил по северным уездам Пермской губернии: Соликамскому и Чердынскому. Ученым удалось собрать богатый фольклорный, этнографический и археологический материал, который был представлен в экспозиции этнографического отдела научно-промышленного музея[4].

История этой организации, как и работа университета, прерывается с началом гражданской войны, и возрождение общественной деятельности происходит уже в рамках иной социально-политической системы.

Можно отметить также определенный вклад в рост общественной активности на Урале научно-технических обществ. Это связано, прежде всего, с тем

---

[1] *Богословский П.С.* Кружок по изучению Северного края при Пермском университете // Перм. краевед. Пермь, 1924. Вып. 1. С. 27-28.

[2] *Бурдин Б.П.* Про Пехтимку, Искорку и Марфиду Юнделевну // Подвижники культуры Серебренниковы. Пермь, 1991. С. 127-129.

[3] *Краеведы* и краеведческие организации Перми. С. 194.

[4] *ГАПО*. Ф. 680, оп. 1, д. 180, л. 31-32.

обстоятельством, что в силу специфичности его работы, участие в таком обществе требовало определенного уровня научной и технической грамотности, отражающей сложность и многогранность инженерно-технического труда. Вместе с тем, создание такого общества давало возможность профессионального роста, становилось местом концентрации накопленного опыта, не только в развитии новых приемов труда и производственного процесса, но и в отраслях технических наук, а также проводить некоторую просветительскую работу как среди рабочего класса, так и части городского населения.

Приоритет в осуществлении профессиональной консолидации на Урале принадлежал Екатеринбургу. В 1825 г. здесь появляется первая в истории Урала научно-техническая организация – Горное общество. В его задачу входило не только распространение технических новшеств в горной и соляной промышленности, но и проведение научных исследований. С этой целью в 1834 г. был образован минералогический музей, с 1836 г. проводятся первые научные наблюдения в магнитно-метеорологической обсерватории. В общество вошли такие известные организаторы производства, как П. и А. Грамматчиковы, И. Колобов, И. Варвинский, знаменитый уральский архитектор М. Малахов. Деятельность общества находилась под контролем ученого комитета Корпуса горных инженеров, регулярно заслушивающего его отчеты[1].

В 1831 г. управление всей уральской промышленностью окончательно передается в Екатеринбург, что способствует концентрации здесь значительного количества технической интеллигенции. Вместе с тем сама деятельность технических специалистов была самым жестким образом регламентирована. Управление горнозаводской промышленностью осуществлялось военизированными методами. Горное управление имело собственную полицию, систему судопроизводства, которое подчинялось непосредственно высшему петербургскому руководству. Это было в определенной мере государство в государстве, обособленное от общественной жизни губернии. Горные инженеры и техники отдавали предпочтение работе в составе Уральского общества любителей естествознания (УОЛЕ). Тем не менее в 1898 г. начинает издаваться профессиональный журнал «Уральское горное обозрение», просуществовавший до 1905 г. и выражавший интересы Совета Съездов уральских горнопромышленников[2]. В

[1] *История* Урала. Т. 1. С. 168.
[2] *Периодика* Урала: Библиогр. указ. Вып. 1: Дореволюционные издания. Свердловск, 1976. С. 90-91.

1901 г. создается Общество уральских горных техников, а с 1907 г. выходит журнал «Уральский техник»[1].

Новой попыткой выйти за рамки корпоративного объединения можно считать учреждение в 1867 г. в Екатеринбурге Уральского отделения Императорского Русского технического общества, образованного в Петербурге в 1866 г.[2] Его руководителем являлся начальник Уральского правления. В общество в разные годы входили А.А. и Н.А. Иосса, В.А. Грамматчиков, П.П. Боклевский, П.И. Егоров, В.Е. Грум-Гржимайло, П.В. Иванов и др.

В Перми такое же отделение Русского технического общества появилось только в ноябре 1891 г. Его первым председателем стал знаменитый изобретатель электросварки, начальник Пермского пушечного завода Н.Г. Славянов[3]. С 1913 г. начали выходить «Записки Пермского отделения Императорского Русского технического общества», бессменным редактором которых был А.Е. Ширяев[4].

Главными задачами этих научных обществ стали составление и экспертная оценка различных промышленных и гражданских проектов (например, возможности и перспективы введения трамвайного движения в Перми и Екатеринбурге, строительства городских водопроводов, канализации, проведения электрического освещения в городах губернии, строительства железнодорожных путей и станций); проведение различных технических анализов и пр. Члены Пермского и Екатеринбургского отделений были инициаторами создания высших учебных заведений на Урале, входили в число жертвователей средств на строительство Горного института в Екатеринбурге и создание Пермского университета.

Таким образом, в рассматриваемый период, одним из важных направлений в деятельности уральской общественности являлась просветительская работа. Ее основными проявлениями были: участие в создании широкой сети библиотек и системы библиотечной работы; возникновение и деятельность различных научно-просветительских организаций.

Развитие общественного библиотечного дела на Урале можно представить себе как постепенный процесс перехода от единичных библиотечных собраний в образовательных учреждениях (горные школы и училища, гимназии) и

---

[1] *Там* же. С. 93.

[2] *ПГВ*. 1867. № 58.

[3] *Отчет* Пермского отделения императорского Русского технического общества за 1894 г. Пермь, 1895. С. 2-3.

[4] *Краеведы* и краеведческие организации Перми. С. 297-298. (В 1917–1918 гг. он являлся комиссаром Временного правительства по Пермской губернии, затем избирается последним городским головой г. Перми.)

попыток создания частных библиотек в крупных городах Уральского региона (в Перми, Екатеринбурге, Кунгуре, Вятке, Сарапуле), заводских центрах, отдельных сельских пунктов, к появлению новых типов библиотек. Это стало возможным с 70-х гг. XIX в., с началом образовательной деятельности земских учреждений.

В 80-90-е гг. во всех уездных центрах Вятской и Пермской губерний на средства земств, пожертвования частных лиц и отдельных организаций создаются библиотеки, получившие название «народные библиотеки». Особенно целенаправленную работу проводили земские учреждения Вятки. В начале XX в. они были открыты во многих населенных пунктах, и прежде всего там, где открывались земские школы, так как основными хранителями книжных фондов оставались земские учителя. Со временем меняется содержание фондов, где заметное место отводилось отечественной классической литературе. Важным средством в распространении книги в начале XX в. стали знаменитые Павленковские библиотеки, создаваемые исключительно в сельской глубинке.

Ведущим элементом в системе приближения книги к народу становились городские библиотеки. Наибольшее значение имели публичные (общественные) библиотеки. В них формировался еще один канал проявления общественной активности – библиотечные советы и комитеты, деятельность которых выходит за профессиональные рамки и приобретает гражданское звучание (библиотека имени В.Г. Белинского в Екатеринбурге, библиотечное общество имени Д.Д. Смышляева в Перми, публичная библиотека имени А.И.Герцена в Вятке).

К концу рассматриваемого периода создается система библиотечного дела, охватившая все территориальные уровни: уезд, город, деревни - и включающая все типы и виды библиотек: межрайонные, уездные, стационарные и передвижные. Именно такая система затем становится основной в советское время.

Принципиально новой в исследуемый период оказывается деятельность научно-просветительских обществ. Возникшие в начале XIX в. как объединения интеллектуальной элиты страны, они превратились со второй половины века во влиятельный фактор гражданской активности общественности России. Научная деятельность перестает быть уделом избранных. Отделения центральных обществ перерастают в новые организационные формы, позволяющие зна-

чительно расширить круг людей, стремящихся реализовать свои интеллектуальные интересы.

Однако участие в обществах и занятия любимым делом не являлись самоцелью. Ученые находили в этой деятельности возможность дать людям представление о новых горизонтах, открывающихся в ходе исследовательской работы.

Важное место среди уральских обществ занимало Уральское общество любителей естествознания, созданное в 1870 г. общественностью Екатеринбурга. По масштабам исследований и результатам деятельности оно не имело себе равных во всей дореволюционной истории провинциальных обществ. Около 2 тыс. участников, 143 тома опубликованных материалов исследований, большой актив обеспечили авторитет этой организации и заложили традиции уральской науки. Наиболее яркой демонстрацией возможностей общества стали подготовка и успешное проведение Сибирско-Уральской научно-промышленной выставки в 1887 г.

Еще одним центром соединения науки с общественным движением являлся губернский город Пермь. В нем к началу XX в. действовало уже шесть обществ, объединявших интеллектуальный потенциал всей губернии. Их характеризует краеведческая направленность деятельности и разносторонняя просветительская работа среди населения через распространение издательской продукции, лекционную и пропагандистскую работу. Наибольшей эффективностью отличалась деятельность Пермского отделения УОЛЕ, в 1900 г. преобразованного в Пермский научно-промышленный музей.

Окончательное соединение науки с просвещением произошло с появлением первого высшего учебного заведения на Урале – Пермского университета, в создание которого много сил вложила и общественность. Ученые университета в дореволюционный период не только определили основы будущих научных школ и направлений, но и дали мощный импульс к обновлению содержания деятельности указанных обществ.

В пореформенный период на территории Урала сформировались еще три центра научно-просветительской деятельности. В селе Ильинском, в Чердыни Пермской губернии и в Сарапуле Вятской губернии. Первый из них получает известность как центр развития «чудской» археологии и создания знаменитых археологических коллекций нескольких поколений лесоводов Теплоуховых. Второй – работой Общества любителей истории, археологии, этнографии Чер-

дынского края, просуществовавшего почти 20 лет, до 1918 г. Третий становится в дальнейшем центром краеведческого движения в Удмуртии.

2.2. КУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ УРАЛЬСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ

Во второй половине XIX – начале XX в. возникают материальные предпосылки революционного процесса: **культура преодолевает свой салонный, элитарный характер и постепенно вступает на новый, магистральный, путь развития – становится массовой**. Причем эта революция не только увеличивает количество людей, имеющих возможность использовать достижения культуры для саморазвития, но и значительно расширяет состав деятелей культуры. Формирование новой, индустриальной, цивилизации требовало нового типа личности, при этом культурологический фактор ее развития становился едва ли не центральной проблемой общества.

К концу XIX в. происходит изменение характера каналов распространения культуры – они становятся общественными: система образования, библиотеки, театры, музеи и т.д. Книгопечатание заменяется книгоизданием, появляется большое количество массовых информационных изданий. В начале XX в. создаются новые виды распространения культуры, как результат научно-технической революции: кинематограф, фотография, звукозапись. Появление новых видов печати, создание электрических типографских машин, удешевление производства бумаги приводило к быстрому увеличению числа типографий, как государственных, так и частных. В начале XX в. они появляются в большинстве уездов европейской части России и некоторых крупных заводских поселениях, а в городах уже конкурировали между собой несколько типографий.

Уральский регион относится к числу районов страны, имевших достаточно давние культурные традиции, связанные с образованием в ходе хозяйственной колонизации уральских территорий в XVI–XVIII вв. двух обширных земельных владений и многоотраслевых промышленных комплексов, которые, по определению В.В. Мухина, сформировали в культурологическом смысле два Урала: Строгановский и Демидовский[1]. Первый из них историк относит к территории современного Прикамья, к нему же тяготели Сарапульский, Глазовский и Елабужский уезды Вятской губернии, а второй – к Нижнетагильскому и

[1] *Мухин В.В.* «Строгановский» регион и его роль в формировании культуры дореволюционного Урала // Строгановы и Пермский край. Пермь, 1992. С. 11.

Екатеринбургскому ареалу Восточного склона Уральских гор с добавлением Златоуста Уфимской губернии и Челябинска - Оренбургской. Соперничество и взаимодействие этих двух центров определило развитие культуры всего региона и ее своеобразие. Профессор П.С. Богословский в начале 20-х гг. XX в. по отношению к Уралу ввел термин «горнозаводская цивилизация»[1].

К середине XIX в. был сформирован влиятельный слой крепостной интеллигенции, как технической, обеспечивающей высокий уровень промышленного производства, так и творческой, обеспечивающей функционирование инфраструктуры этих комплексов. Созданные учебные заведения как в столицах, так и на местах позволяли формировать традиции не только в промышленном производстве, но и в сфере культуры. Увлечение Строгановых и Демидовых коллекционированием предметов искусства и археологических находок на принадлежащей им территории стало причиной развертывания исследовательской работы на местах, удовлетворяющей их потребности. В связи с большим церковным строительством требовалось обеспечить всем необходимым открывающиеся церкви. По подсчетам искусствоведов только на Западном Урале, где преобладали владения Строгановых и Лазаревых, трудилось более 150 иконописцев и их учеников[2]. В Екатеринбурге существовали художественные мастерские при монетном дворе, гранильной фабрике, горной школе. Художественная школа, или «живописное училище», в Нижнем Тагиле (1806-1820), где работали такие уральские мастера, как В.И. Албычев, П.И. Баженов, Я.Ф. Арефьев, С.Ф. Худояров, становится одним из ведущих Демидовских культурных центров[3]. В середине XIX в. на территории Пермской губернии насчитывалось уже 16 иконописных мастерских[4].

К этому времени появляются оригинальные архитектурные школы, продолжавшие традиции классицизма на Урале. Их возглавляли два ярких представителя этого направления: И.И. Свиязев и М.П. Малахов - и их последователи: А.З. Комаров, К.Г. Турский, Э. Сарториус, А.П. Чеботарев, С.Е. Дудин,

---

[1] *Богословский П.С.* О постановке культурно-исторических изучений Урала // Урал. краеведение. Б.м., 1927. Вып. 1. С. 35-36. Современные культурологи предложили термин «региональная культура» для обозначения особой формы бытия, поднявшегося до уровня самосознания, и относят становление региональной культуры в уральском регионе ко второй половине XIX – началу XX в.. См.: *Мурзина И.Я.* Региональная культура как предмет философско-культурологического исследования // Изв. Урал. ун-та. 2004. № 29. С. 86-97; *Она же*, Методологические аспекты изучения региональной культуры // Социс. 2004. № 2. С. 60-65.

[2] *Генезис* христианской живописи в горнозаводской культуре // Христианская культура пермского Прикамья. Пермь, 1998. С. 85-87.

[3] См.: *Максяшин А.С.* Художественная школа в Нижнем Тагиле (первая половина XIX века). Некоторые вопросы истории возникновения и развития // Худож. культура Перм. края и ее связи. Пермь, 1992. С. 146-161.

[4] *История* Урала. Т. 1. С. 183.

И.М. Подъячев и др., создавшие основные типы промышленной и гражданской архитектуры, отразившие влияние разных архитектурных направлений[1].

Все эти обстоятельства обусловили появление во второй половине XIX в. качественно нового этапа в деятельности уральской общественности по созданию условий для развития творческих возможностей человека, по обеспечению пропаганды достижений отечественной и зарубежной культуры и формирования современного художественного вкуса.

В тех исторических условиях расширение культурно-просветительской деятельности происходило с помощью достаточно простых организационных мероприятий, не требующих больших финансовых затрат, но очень эффективных в плане пробуждения интереса к достижениям человечества в сфере художественной культуры новой, индустриальной, цивилизации. Эта подвижническая работа должна была охватить слои населения, лишенные возможности в силу объективных условий жизни (неграмотность, удаленность от города, патриархальность уклада жизни, наличие религиозных предрассудков, религиозный аскетизм и др.) войти в культурную среду, которая начала складываться с отменой крепостного права.

Наше отношение к новым процессам в истории отечественной культуры XIX – начала XX в. основывается на признании трех основных итогов культурного развития этого времени: формирования нового типа личности; образования особой социальной группы - отечественной интеллигенции - и глобального влияния европейской культуры, неотъемлемой частью которой выступала культура России. Для настоящего исследования особое значение имеет первое положение.

Для нового типа личности были характерны: свобода от феодальной зависимости, постепенное преодоление сословных привилегий в процессе саморазвития, стремление создать материальные условия для реализации способностей любого человека. В этом проявлялось «человеческое измерение» буржуазных революций Нового времени, характеризующегося формированием основных элементов гражданского общества, т.е. созданием материальных условий для реализации возможностей «человеческого фактора»[2]. Оно нашло отражение в лозунге Великой французской буржуазной революции «Сво-

[1] См.: *Раскин А.М.* Указ. соч. С. 156-157.

[2] См.: *Невоструев Н.А.* Основные итоги и тенденции развития мировой культуры в конце XVII – начале XX веков // Теория и история культуры. Пермь, 2000. С. 33.

бода. Равенство. Братство», вошедшего в государственную символику Французской Республики и сохранившегося до сегодняшнего дня.

Аналогичные изменения нашли свое отражение и в процессах, происходивших в культурной жизни Урала во второй половине XIX – начале XX в. В это время начинается поиск наиболее адекватных форм организации культурологической деятельности в широких массах народа, прежде всего в деревне. Однако формирование сил и определение основных направлений происходило в первую очередь в городах и крупных заводских поселках, тесно связанных с культурой новой цивилизации. Деревня пока оставалась в основном в рамках традиционной культуры, главным фактором существования которой являлись традиции и обычаи, характерные для замкнутой культурной среды аграрного общества.

Однако при всей консервативности повседневной действительности этой среды она оказалась крайне восприимчивой к новой жизни. В начале XX в. значительно увеличиваются темпы жизни деревни. Овладевая элементами городской культуры, деревня в то же время стимулировала развитие города, не только отдавая ему лучших своих представителей, но и являясь источником новых идей, используемых в культурном творчестве.

Одним из примеров изменения положения в деревне может служить история развития музейного дела. По своей природе музей является универсальным культурологическим учреждением. Здесь соединяются все компоненты культурного процесса: сбор и систематизация наследия прошлого, позволяющая увидеть течение времени; создание не только коллектива людей, занятых работой в музее, но и привлечение помощников к сбору новых экспонатов и тем самым включение их в процесс сотворчества; формирования интереса к историческому прошлому своего края и обучение элементам исследовательской работы.

Стимулом для собирания краеведческих коллекций можно считать Высочайшее повеление императора Николая 1 Министерству внутренних дел (сентябрь 1836 г.) об учреждении в губерниях Российской империи «выставок изделий и образцов фабричной, заводской, ремесленной и всякого другого рода местной промышленности» с целью «распространять, по возможности, полезные сведения о состоянии и усовершенствованиях промышленности»[1]. Стави-

[1] *РГИА*. Ф. 1290, оп. 5, д. 127, л. 61-62.

лась и более конкретная задача – обеспечить необходимым обобщающим материалом о состоянии дел в губерниях страны наследника престола, будущего императора Александра II, который собирался совершить инспекционную поездку по России летом 1837 г.

Министерство строго регламентировало, какие предметы могут быть выставлены, где они должны быть помещены и пр. Все предметы разделили на четыре класса. К первому относились «предметы царства ископаемых», ко второму – «предметы царства растительного», к третьему – «предметы царства животного». Самый обширный класс составляли «предметы заводской, мануфактурной, фабричной и домашней промышленности». Обязательным условием становился выпуск каталога выставки[1].

В мае 1837 г. наследник Александр Николаевич находился на территории уральских губерний. В Перми, по свидетельству А. Дмитриева, он осматривал «губернскую выставку… устроенную в двух свободных флигелях Александровской больницы… особенно долго занимался осмотром местных изделий горного отдела и, в частности, минералогической коллекции». Кроме этого внимание высокого гостя привлекли лошади английской породы с заводов Всеволожских и «огнегасительные машины Невьянского завода»[2]. Вместо каталога выставки для гостя в губернской типографии было великолепно издано «Краткое статистическое обозрение Пермской губернии 1837 года», обнаруженное только в 80-е гг. XX в. в библиотеке Томского университета[3]. Аналогичные выставки были подготовлены в Горном музее Екатеринбурга и на Выйском заводе Демидовых в Нижнем Тагиле, Воткинском и Ижевском заводах в Вятской губернии.

В Вятке к приезду высокого гостя была открыта «Выставка естественных и искусственных богатств Вятского края», активное участие в подготовке которой принял А.И.Герцен, находившийся здесь в ссылке. Оставшиеся после закрытия выставки экспонаты были размещены в одной из комнат губернской палаты государственных имуществ. Выделялась коллекция минералов, обзор которой был открыт для желающих в 1842 г.[4] Однако эта экспозиция оставалась практически неизвестной обществу, так как не был определен его статус. Новая

---

[1] *РГИА*. Ф. 1290, оп. 5, д. 127, л. 69.

[2] *Дмитриев А.А.* Указ. соч. С. 202.

[3] *Аверина Н.Ф.* Книгоиздание Пермской губернии конца XVIII – первой половины XIX века. С. 131.

[4] *Дворецкая Т.А*. Земский музей при Вятском Александровском училище // Земское самоуправление: организация, деятельность, опыт: Матер. науч. конф. Киров, 2002. С. 100.

страница в истории музея была связана с просветительской деятельностью в Вятке П.В.Алабина[1]. Входя в состав попечительского совета губернской библиотеки, его стараниями в 1863 г. библиотека переезжает в приобретенное у купца А.Ф.Машковцева здание, а в январе 1866 г. при ней открывается губернский музей. Основу экпозиций составляли предметы, найденные Алабиным во время его археологических раскопок, приобретенных во время поездок по губернии, принесенных в дар будущему музею. Большое значение имела публикация П.В.Алабиным работы «Относительно некоторых древностей Вятского края», в котором содержался призыв к жителям губернии сохранять и сообщать о всх достопримечательностях, которые имеют отношение к истории. Он писал: «Наш публичный музеум должен быть хранилищем всего, что обрисовывает наш край в его настоящем и что может уяснить хоть несколько его прошлое»[2].

В комплектовании музея приняли живое участие общественность губернского центра и уездов. Были открыты археологический, исторический и этнографический отделы. Музей пользовался большой популярностью не только образованной части населения, но и крестьянства. Однако после отъезда Алабина на новое место службы в Саратов, содержание музея показалось для попечительского совета обременительным, и был продан за 3 тысячи рублей губернскому земству. По решению земского собрания музей был передан в ведение Александровского реального училища для создания при нем кабинета наглядных пособий с целью распространения сельскохозяйственных и технических знаний и подготовки учителей[3]. Как показали дальнейшие события, эта мера оказалась губительной для музея, как просветительского учреждения. На очередной сессии земского собрания в 1900 г. управа констатировала печальный факт: «Музей сделался как бы частной собственностью училища, одним из его кабинетов, для публики же фактически перестал существовать»[4]. Положение не удалось исправить до периода окончания существования земских учреждений.

---

[1] *Петр* Владимирович Алабин (1824-1896), известный общественный деятель земского движения, писатель. Находился на военной службе, имел чин генерал-майора, был назначен первым гражданским губернатором освобожденной Софии. Служил в Вятке, возглавлял губернскую палату Государственных имуществ с 1857 по 1866 гг. Затем земская служба в Самарской губернии. Автор книг по экономике, истории, культуре.

[2] *Алабин П.В.* Заметка относительно некоторых древностей Вятского края. Вятка, 1865. С. 28.

[3] *Журналы* Вятского губернского земского собрания VII очередной сессии и доклады Вятской губернской земской управы. Вятка, 1874. Т. 2. С. 316.

[4] *Журнал* Вятского губернского земского собрания XXXIII очередной сессии 10 января-1 февраля 1900 г. Вятка, 1900. С. 1720.

Еще один центр краеведческого и музейного дела в Вятской губернии был создан в уездном городе Сарапуле. В 1905 г. очередное земское собрание по предложению его председателя М.С.Тюнина высказалось в пользу создания в уездном городе земского музея, который бы стал основой для краеведческой работы и сохранения исторических предметов. Здесь говорилось и о положительном опыте работы аналогичных музеев в Пермской губернии[1]. Однако открыт музей был только в апреле 1909 г. Основу его коллекций составили личные собрания Л.К.Круликовского (по этимологии), Н.Е.Ончукова (по этнографии), Л.А.Беркутова (по археологии), Ф.В.Стрельцова (редкие книги по истории Вятского края) и др. Коллекции музея пополнялись позднее за счет пожертвований известных общественных деятелей: Н.Н.Блинова, Д.К.Зеленина, П.П.Беркутова, А.П.Ильинского и др. Именно музей стал основой возникшего в 1913 г. известного на Урале Общества изучения Прикамского края[2]

Гораздо лучше и эффективней развитие музейного дела, его роли в просвещении происходило в Пермской губернии. Предшественниками музейного дела здесь можно считать два стационарных музея, созданных в Екатеринбурге и Нижнем Тагиле. Первый из них явился результатом деятельности Горного общества, существовавшего с 1825 г. Геологический «Музеум», в котором начали собирать коллекции полезных ископаемых с горнорудных и промышленных предприятий Урала, независимо от их ведомственной принадлежности, появляется в 1834 г. В комплектовании его экспонатов принимали участие также частные лица. Так, А. Рязанов передал музею золотой самородок весом в 300 граммов, П.Я. Харитонов – кусок малахита весом более 1 пуда. Екатеринбургская гранильная фабрика создала для музея две коллекции из 464 образцов[3]. Вскоре музей стал обладателем одного из крупнейших минералогических собраний мира. В дальнейшем он становится основой Геологического музея Горного института, открытого в 1917 г. в Екатеринбурге.

В 1840 г. совет директоров Нижнетагильского окружного заводоуправления получает распоряжение владельца заводов П.Н. Демидова о создании в Нижнем Тагиле «музеума искусств», в дальнейшем получившего название «музеум естественной истории и древностей». И уже летом 1840 г. начала работу специальная комиссия по составлению первой – минералогической - коллекции

---

[1] *Материалы* и доклады Сарапульской уездной земской управы XXX1X очередному уездному земскому собранию 1905 г. Сарапул, 1906. С. 294.

[2] *Известия* общества изучения Прикамского края. Сарапул, 1917. Вып. 1.С. 113.

[3] *ГАСО*. Ф. 24, оп. 13, д. 115, л. 98-100.

музея во главе с опытным топографом, французским инженером Бержье. В комитет по созданию музея вошли директор Нижнетагильских заводов П.Д. Данилов, его заместители по техническим и экономическим вопросам Ф.И. Швецов и Д.В. Белов[1]. Ими был использован опыт организации выставки изделий и моделей мастеровых Выйского завода в 1836 г., открытой к посещению Демидовских владений будущим императором Александром II в мае 1837 г. Хранителем музея назначается личный секретарь Данилова – Н.О. Попов, представитель старинной династии заводских служащих, получивший дополнительное техническое образование в Англии[2].

Весной 1841 г. музей становится самостоятельным подразделением заводоуправления. Он имеет четырех сотрудников: хранителя, его помощника, минеролога и лаборанта. Выставочные залы музея располагались во флигеле заводоуправления. Сохранилось описание коллекции музея в 1844 г. В нее входило около 450 экспонатов, среди которых коллекции рудных пород, отдельных минералов, геодезических, производственных инструментов и механизмов, гербарии растений, чучела птиц и др. Среди экспонатов выделялись старинная икона начала XVIII в., принадлежавшая основателю династии Никите Демидову, а также мундир, шляпа и шпага умершего в 1841 г. П.Н. Демидова[3]. До начала 90-х гг. XIX в. заводской музей имел закрытый, сугубо ведомственный характер.

В пореформенный период в XIX в. на Урале создаются две крупнейшие в истории музейного дела организации общественности– УОЛЕ и Пермский научно-промышленный музей. Научно-просветительская работа этих обществ самым тесным образом была связана с формированием крупных экспозиций, на основе которых в дальнейшем были образованы самостоятельные отраслевые музеи. Универсальный характер музейных коллекций позволял вести большую просветительскую работу.

Так, в музее УОЛЕ, основу которого составили экспонаты Сибирско-Уральской научно-промышленной выставки 1887 г., к началу XX в. было 10 отделов: ботанический, зоологический, палеонтологический, минералогический, антропологический и др., а также две коллекции: историческая и художественная. Экспозиции музея к 1910 г. насчитывали более 25 тыс. экспонатов. С 1912 г. музей УОЛЕ получает статус самостоятельного просветительского уч-

[1] *Там* же. Ф. 643, оп. 1, д. 548, л. 45, 48, 49.
[2] *Нижний* Тагил. С. 156-158.
[3] *ГАСО*. Ф. 643, оп. 5, д. 563, л. 48-110.

реждения. Первым штатным его заведующим становится сын основателя общества М.О. Клер, будущий известный геолог и палеонтолог, профессор Горного института Екатеринбурга[1].

В Перми музейное сообщество формируется под влиянием УОЛЕ, и в ноябре 1890 г. возникает как его местное отделение. С 1894 г. начинается публичная жизнь экспозиций музея. Первая археологическая выставка состоялась в здании Общественного собрания. Она вызвала большой общественный резонанс. За две недели работы выставки ее посетили более 6 тыс. человек. Особый интерес вызвали коллекция Теплоуховых и находки раскопок на территории Кыновского завода[2]. Однако собственное здание музей получает только в конце 1897 г. С этого времени его богатые коллекции становятся доступны для всех желающих, причем для крестьян вход в музей и экскурсии были бесплатными.

С 1901 г. Пермская комиссия УОЛЕ преобразовывается в самостоятельную организацию, основой деятельности которой является просветительская работа. По подсчетам музея за двадцатипятилетний период в залах музея побывало свыше 410 тыс. посетителей, а с учетом участников публичных заседаний совета музея – более 500 тыс.[3] В составе музея в 1900 г. существовало шесть экспозиций, а к 1915 г. их число выросло до 16, с учетом двух необычных для музея коллекций: картографической и портретной галереи «выдающихся уроженцев и деятелей Пермской губернии»[4]. Хранителями музея в дореволюционный период были известные общественные деятели города и губернии: И.Г. Остроумов, А.А. Криль, В.М. фон Беринг, Ф.Ф. Гельцерман, И.Ф. Якубкевич, П.Н. Серебренников, А.А. Тимофеев.

Для координации просветительской деятельности в 1908 г. создается лекционная комиссия, утвержденная советом музея. Члены ее читали специальные публичные лекции в помещении музея и учебных заведениях города. Лекторами в большинстве случаев являлись преподаватели средних учебных заведений[5].

Музей оказывал методическую помощь земству в сфере образования. В 1913 г., когда губернское земство организовало курсы обучения учителей народных школ, была создана специальная «объяснительная» комиссия из членов музея, и на его базе проводились занятия для учителей по зоологии, ботанике,

---

[1] *Каталог* 1912 года коллекции при музее Уральского общества любителей естествознания. Екатеринбург, 1912. С. 24-25.

[2] *Верхоланцев В.С.* Указ. соч. С. 96.

[3] *Краткая* летопись Пермского научно-промышленного музея. С. 4.

[4] *Там* же. С. 3.

[5] *ГАПО*. Ф. 680, оп. 1, д. 123, л. 128.

почвоведению, минералогии, археологии, этнографии и др.[1] Большую методическую помощь учителям оказали также подвижной музей учебных пособий и его педагогическая библиотека.

На основе методологических принципов музейного дела, как важного инструмента просвещения народа, создаются новые очаги культуры в уездах и заводских поселках губернии. В 1883 г. по инициативе земских деятелей, членов УОЛЕ А.А. Ардышева, Д.И. Воробьева, С.А. Удинцева, С.В.Федосеева в Ирбите открывается городской историко-этнографический музей. Его главной задачей было воссоздание истории знаменитой Ирбитской ярмарки, которой к тому времени исполнилось 240 лет. В финансировании музея участвовали биржевой и выставочный комитеты, отдельные купцы. Большую организаторскую работу проводило печатное издание города «Ирбитский ярмарочный листок». Помещение для музея было выделено рядом с городским театром[2]. В конце 80-х гг. XIX в. кроме разделов истории ярмарки появился этнографический отдел, в котором были представлены предметы быта и одежда аборигенов уезда – хантов и манси. Позднее экспонаты музея дополнялись предметами прикладного искусства Китая, собранием картин преимущественно русских художников[3].

В 1888 г. во владениях Строгановых – Добрянском заводе – открывается еще один заводской музей. Инициатором его создания и основателем стал управляющий этого завода Павел Иванович Сюзев, деятельность которого оставила яркий след в истории Пермской области. Сам Сюзев был изобретателем, являлся отличным организатором производства, что позволило провести техническое перевооружение завода, при нем Добрянский железоделательный завод превратился в одно из ведущих предприятий Урала. На заводе была организована специальная лаборатория для испытаний, были созданы системы безопасности труда и пожарной охраны.

Не менее важной для П.И.Сюзева было увлечение историей и краеведением. Он состоял действительным членом губернской архивной комиссии, Пермской комиссии УОЛЕ, опубликовал в местных сборниках ряд статей по истории, минералогии Добрянского района, избирался гласным Пермского губернского земского собрания. Павел Иванович обладал отменным художественным вкусом, с увлечением рисовал. По его эскизам созданы образцы худо-

---

[1] *Отчет* об организации первых общеобразовательных курсов для народных учителей Пермской губернии в 1913 г. Пермь, 1913. С. 48-49.

[2] *ГАСО*. Ф. 658, оп. 1, д. 314, л. 52.

[3] *Ирбитский* ярмарочный листок. 1889. 14 апр.

жественного литья, в том числе знаменитая заводская часовня-памятник, установленная у здания музея в 1893 г.[1]

В музее демонстрировались не только образцы заводского производства, отдельные механизмы, образцы художественного литья, но и минералогические, геологические и археологические находки. Экспозиции были открыты для всех желающих, здесь проходили и школьные занятия. Неизменное внимание привлекали выполненные в натуральную величину фигуры в производственной одежде XIX в. (кузнеца и контуазского мастера)[2].

Пережил новое рождение и Нижнетагильский заводской музей. В июле 1891 г. он был преобразован в «Горнозаводский музеум Нижнетагильских и Луньевских заводов» – публичный музей для всех желающих – и переведен в новое, более просторное помещение. Судя по каталогу 1906 г., музей насчитывал 579 экспонатов, размещенных по 4 разделам: «Медь», «Железо», «Разные вещи», «Коллекции». Особое место среди моделей и макетов механизмов занимала действующая модель первого русского паровоза, созданного в 1839 г. Е.А. и М.Е. Черепановыми. Специально для музея изготавливаются железные и чугунные витрины, объяснительные записки к ним также отливаются на чугунных плитах[3]. К сожалению, во время финансового кризиса 1908 г. владельцы заводов отказались содержать музей, и он был закрыт. А его возрождение по инициативе местных краеведов произошло только в 1924 г.

На рубеже XIX и XX вв. северный уездный город Пермской губернии – Чердынь – становится местом создания сразу двух музеев. Об одном из них, историческом, мы уже упоминали. Второй же возник благодаря празднованию 100-летия со дня рождения А.С.Пушкина. И вновь инициатором создания этого музея явился председатель уездного земства Д.А.Удинцев. В марте 1899 г. на собрании уездного земства он делал доклад «Об увековечении памяти поэта А.С. Пушкина каким-либо предприятием в деле народного образования» и предложил организовать общеобразовательный музей, присвоив ему имя великого поэта[4]. Предложение получило поддержку учительства уезда и представителей местной интеллигенции.

---

[1] *ГАПО*. Ф. 186, оп. 3, д. 271, л. 128-129.

[2] *Екатеринбургская* неделя. 1882. № 30; *ПГВ*. 1893. № 12.

[3] *Нижне-тагильские* и луньевские заводы наследников П.П.Демидова. Пермь, 1896. С. 27-30.

[4] *Журналы* Чердынского уездного земского собрания 19 чрезвычайной и 30 очередной сессий: Доклады управы и комиссий. Пермь, 1890. С. 16-17.

В октябре 1903 г. устав музея был утвержден в Министерстве народного просвещения, и уже в марте 1904 г. начали работать отделы: пушкинский, художественный, исторический, географический, учебно-педагогический и др. В уставе музея четко определялась цель его создания: «…содействовать развитию самообразования жителей Чердынского уезда и в особенности учителей начальных школ». Заведование музеем стало обязанностью преподавателей уездной гимназии[1]. В 1912 г. оба музея переводятся в одно здание, а в 1918 г. они объединяются.

До 1917 г. открываются исторические музеи в Кунгуре (1911 г.), Осе (1911 г.), Красноуфимске (1912 г.).

Первый на Урале сельский краеведческий музей был создан А.С.Лебедевым в слободе Кукарка Яранского уезда Вятской губернии в 1910 г. как составная часть Кукарского образовательного общества (1909 г.) По его предложению музей получает название «родиноведческий»[2]. Вообще, Кукарская слобода являлась со второй половины Х1Х в. одним из немногих культурных сельских центров Вятской губернии. Входила в состав Вятского удельного приказа, как административное и торгово-ремесленное поселение на стыке 5 уездов и на пути Казанского дорожного тракта. Наибольшее развитие здесь получили ремесла, принесшие известность на Урале и в центральной России: плотницкое и столярное дело, плетение кружев, пимокатание. По сведениям 1866 г. в слободе жило более 3,5 тысяч жителей, что превосходило численность большей части уездных городов губернии[3]. Как отмечал автор: «…в Кукарке вовсе нет тех убогих лачужек, которыми наполнены уездные города, а многие дома по величине и архитектуре, с тротуарами из дикого и опочного камня могли бы служить украшением губернскому городу»[4]. Создание развитой инфраструктуры было связано с деятельностью П.В. Алабина. По его инициативе здесь в конце 1859 г. было открыто женское сельское училище, при котором в 1861 г. начала работу воскресная школа для всех желающих. С целью поддержки местного купечества и ремесленников в 1860 г. он создает торгово-промышленный ссудный банк. Это позволило им осуществлять годовой торго-

[1] *Устав* общеобразовательного музея имени А.С.Пушкина при Чердынской уездной земской управе. Чердынь, 1903. С. 3.

[2] В советское время А.С.Лебедев становится одним из руководителей музейного и краеведческого дела на Урале (Вятке, Перми, Свердловске). См.: *Чудова Г.Ф.* В те далекие годы: Очерки по истории краеведения Вятской губернии. Киров, 1981. С. 110; *Барыкина И.В., Тагильцева Н.Н.* Судьба краеведа А.С.Лебедева // Пермский край: прошлое и настоящее. Пермь, 1997. С. 128-129.

[3] *Золотницкий Н*. 1 января 1866 года в Кукарке. Краткий очерк слободы Кукарки. Казань, 1866. С. 3.

[4] *Там* же. С. 5.

вый оборот до 3 млн. рублей. А Кукарская слобода входила в число наиболее развитых центров уезда[1].

В это же время будущий известный краевед Урала, а тогда молодой студент Казанского ветеринарного института Владимир Павлович Бирюков создает в родном селе Першино Шадринского уезда первый на Урале сельский музей[2]. Основой его фондов послужили личные коллекции монет, марок, минералов, ископаемых. Музей не только пользовался популярностью у местных жителей, но и привлекал крестьян других волостей. Именно здесь зарождается еще одна страсть собирателя-просветителя – уральский фольклор. Осенью 1917 г. В.П. Бирюков переводит свой музей в Шадринск и передает его городу. Музей включают в состав Шадринского научного хранилища, открытого в январе 1918 г. В него также входят архив, картинная галерея и библиотека (первая сельская библиотека на Урале, основанная А.Н. Зыряновым в 60-х гг. XIX в.)[3].

В Пермской губернии создавались также специализированные музеи, отражающие какие-либо специфические направления развития территории. К ним относятся один из первых в России музей пчеловодства в Кунгуре, образованный в 1895 г. членами Общества пчеловодства[4], такой же музей в Оханске (1905); сельскохозяйственные музеи в Оханске (1906) и Соликамске (1913); школьно-педагогические музеи в Оханске (1910) и Соликамске (1914). Эти музеи в большинстве случаев создавались уездными земствами и были призваны знакомить крестьян с новыми приемами труда, сельскохозяйственными машинами и орудиями, малыми предприятиями по переработке сырья, образцами семян растений и пр. Такие музеи, выполняя просветительскую функцию в сфере трудовой деятельности, способствовали появлению музеев многоотраслевого краеведческого направления, как например, в Оханске, где опыт нескольких музеев позволил создать в 1912 г. краеведческий музей под патронажем уездного земства[5].

В Вятской губернии наибольшее распространение получили земские сельскохозяйственные и кустарные музеи, которые занимались, в большинстве случаев, пропагандой и продажей новых видов и типов орудий труда, агрономических знаний. В 90-х гг. X1X в. создаются такие земские музеи в Котельни-

---

[1] *Обзор* Вятской губернии за 1906 г. Вятка, 1907. С. 36.
[2] *ШФ ГАКО*, ф. 1045, оп. 1, д. 54, л. 1-2.
[3] *Там* же. Л 3.
[4] *Отчет* Кунгурского общества пчеловодства в 1896-97 гг. Пермь, 1898. С. 2.
[5] *Ежегодник* Оханского уездного земства и календарь на 1913 г. Пермь, 1912. С. 13-14.

чах, Малмыже, Яранске. На базе губернского музея образцов кустарных изделий, созданного в 1891 г., появляется музей образования и его подвижный филиал (1897 г.), в 1911 г. был открыт музей Вятского общества пчеловодства.

Деятельность уральской общественности в рассматриваемый период позволяет говорить о существовании в 20-е гг. XX в. особого периода в истории просвещения не только Урала, но и страны в целом, получившего название «золотое десятилетие» краеведения.

Художественные традиции уральской культуры самым тесным образом были связаны с появлением в XVIII – первой половине XIX в. в крупных землевладельческих комплексах самобытных школ иконописания. К ним относятся прежде всего два прикамских художественных центра Строгановых: в Усолье и Ильинском, а также зауральский центр Демидовых в Нижнем Тагиле. Крепостные живописцы, получавшие образование не только в местных школах, но и в лучших учебных заведениях страны и за рубежом, составляли основу будущей художественной интеллигенции Урала. Именно они формировали художественный вкус населения провинции, создавая внутреннее убранство церкви (роспись, иконы), провинциальные портреты (несмотря на строгие указания своих хозяев о недопустимости этого), живописные лубочные картины, торговые вывески, интерьеры трактиров, магазинов, жилых помещений и т.д.[1]

В искусствоведческой литературе долгое время сохранялось мнение о «второсортности» культурных устремлений российской провинции, художественной неполноценности произведений провинциального искусства. Так, известный русский поэт и искусствовед С.Маковский еще в начале XX в. отмечал: «Россия так бедна и «неустроена», в ней столько насущных житейских проблем, столько элементарной борьбы и роковых невзгод, что искусство в ее городах кажется только роскошью или средством для других общественных целей, но само по себе, как высшая цель и культурная победа, как необходимое завершение жизни, оно не чувствуется, не волнует, не убеждает и не влюбляет в себя»[2]. Достижения местной культуры, в большинстве случаев, относили к категории внехудожественных ценностей, связанных с понятием историко-бытовой культуры, изучение которой носило чисто краеведческий характер.

Однако в последнее время в результате утверждающегося общекультурного подхода к истории искусства, стремления к целостному охвату нацио-

[1] См.: *Христианская* культура пермского Прикамья. С. 150-153.
[2] *Маковский С.* Силуэты русских художников. М., 1999. С. 134.

нальной художественной культуры, происходит изменение в оценке исторического места провинции. Этому способствовало также накопление конкретных знаний о развитии русского провинциального искусства, открытие неизвестных или малоизвестных памятников, имен провинциальных художников, иногда совсем забытых[1]. В полной мере это относится к Уральскому региону.

Сложившиеся здесь местные художественные центры развивались благодаря деятельности учителей рисования средних учебных заведений и уездных училищ. Они все имели или академическое образование (гимназия), или должны были получить специальное разрешение от Академии художеств, чтобы работать учителем (в уездных училищах). Отметим, что без такого мощного пласта предшествующего периода развития, невозможно было бы сделать такой впечатляющий рывок в распространении достижений культуры Нового российского времени, начавшегося с 60-х гг. XIX в.

При всей важности этих направлений в развитии культуры провинции, каждое из которых может стать предметом специального интересного исторического исследования, мы будем рассматривать те, которые подготавливали основу для **формирования массовой культуры**. Здесь необходимо одно существенное замечание для понимания введения этого современного культурологического термина в канву нашего исследования применительно к данному периоду.

В XX в. под понятием «массовая культура» подразумевалось создание определенных общественных стереотипов в сфере культуры, получавших черты глобального влияния. Зачастую, этот термин нес негативную эмоциональную окраску, так как в этой массовости реально присутствовала опасность утери индивидуальности личности, возможность манипулирования общественным сознанием и даже создание ложных образов. **В контексте нашего исследования мы под данным понятием подразумеваем реальную возможность приобщения широких масс народа к достижениям художественной культуры путем создания объективных условий для того, чтобы они стали доступными для человека, независимо от его социального положения и финансовых возможностей.** Кроме формирования элементарных основ художественного вкуса решается еще одна задача – дать возможность реализации собственных

[1] См.: *Даен М.Е.* О природе провинциального искусства // Художественная культура Пермского края и ее связи. С. 32-34.

художественных способностей талантливым людям не только в качестве будущей профессии, но и для саморазвития личности[1].

Эту важную гражданскую инициативу брали на себя отдельные представители творческой интеллигенции и различные культурно-просветительские объединения, создававшиеся уже во второй половине XIX в. Однако ведущая роль, с точки зрения гражданской значимости и масштабов, принадлежала последним.

Постараемся обосновать данную точку зрения. Деятельность большинства представителей художественной культуры во второй половине XIX в. протекала как бы в двух ипостасях. **Во-первых**, преподавание в учебных заведениях городов, крупных заводских поселков, центрах вотчинных управлений; работа на промышленных предприятиях, в специализированных мастерских. **Во-вторых**, создание частных художественных школ, другие формы частной инициативы (частные уроки, заказы от отдельных лиц или организаций, учреждений). Таким образом, художественное творчество являлось для них основным источником средств для существования. Но как любые творческие личности, они нуждались в общественном признании, поэтому организация и участие в выставочной деятельности были источником нового вдохновения и определенной рекламы.

Большая часть представителей художественной интеллигенции была сосредоточена в Вятке, Перми, Екатеринбурге, где находилось значительное число средних учебных заведений. Т.Ф. Меркурьев, А.И. Шанин, А.Н. Зеленин, И.П. Чирков, П.И. Субботин-Пермяк, Н.М. Гущин, И.И. Туранский – в Перми; А.И. Корзухин, Н. Ушаков, М. Каменский, А.К. Денисов-Уральский, В.Г. Казанцев, Л.В. Туржанский, Н.М. Плюснин – в Екатеринбурге; С.А.Вшивцев, Н.Н.Хохряков, А.А.Репин, А.А.Рылов, братья Васнецовы - в Вятке составляли золотой фонд представителей уральской художественной культуры во второй половине XIX-начале XX вв.

Показательна с этой точки зрения творческая судьба А.И. Шанина, учителя рисования Пермской мужской гимназии. В 1872 г. он закончил Императорскую академию художеств и получил аттестат на звание свободного художника портретной живописи и право преподавания уроков рисования в средних учебных заведениях. В 1875 г. он открывает на своей квартире «…класс рисо-

[1] *Невоструев Н.А.* Указ. соч. С. 35.

вания и живописи для желающих в городе Перми учиться искусству…»[1]. У него учился рисованию С.П.Дягилев, будущий знаменитый русский импресарио отечественной культуры за рубежом, М.А.Осоргин, будущий известный писатель и многие другие. В 1888 г. А.И. Шанин официально открывает первую на Урале частную рисовальную школу под покровительством Академии художеств. Она была оборудована в соответствии с академическими требованиями, многие пособия были получены от Академии[2]. Кроме личных средств художника, источниками финансирования являлись Академия художеств и Пермское уездное земство. Земская управа выделяла средства для обучения началам художественного вкуса ремесленников-кустарей, а также привлекала А.И. Шанина для экспертной оценки изделий на своем складе кустарных изделий[3]. Школа, несмотря на платность обучения, пользовалась популярностью среди образованной части губернского города.

В начале XX в. художественную студию для обучения желающих открывает ученик А.И. Шанина, выпускник Академии художеств А.Н.Зеленин; для служащих Уральской железной дороги открывается частная школа А.В. Дикгоф.

Однако определяющее влияние на становление системы художественного просвещения оказывали общественные организации, выступающие инициаторами гражданских действий и в сфере культуры. В первую очередь, необходимо отметить деятельность крупнейшей и влиятельнейшей на Урале организации – УОЛЕ.

Начало ее культурно-просветительской работы связано с организацией в 1887 г. Сибирско-Уральской выставки. По воспоминаниям О.Е. Клер, идея дополнить промышленную выставку художественным отделом принадлежала члену УОЛЕ – Н.Е. Мелкозерову. Он предложил воспользоваться возможностями гостящего у него родственника, известного русского художника, члена Академии художеств В.П. Верещагина для направления в Екатеринбург, на время такого важного мероприятия, Передвижной выставки Академии[4]. В конце июля 1887 г. в помещении мужской классической гимназии состоялось торжественное открытие этой выставки. На ней было представлено около 250 работ, включавших в себя художественные полотна известных представителей

---

[1] *РГИА*, ф. 789, оп. 14, д. 4, л. 4.

[2] *ПГВ*. 1888. № 86.

[3] *ГАПО*, ф. 40, оп. 1, д. 157, л. 178.

[4] *Зайцев Г.Б.* Художественная жизнь Екатеринбурга в конце XIX – начале XX в. // Известия УрГУ. 1997. № 7. С. 107.

академического направления: Перова, Айвазовского, Шишкина, Семирадского, Корзухина, Мещерского и др. (работы маслом, акварели, рисунки), а также другие виды прикладного искусства. За 43 дня работы художественной выставки ее посетило более 26 тыс. экскурсантов из числа местных жителей и делегаций со всех земских губерний России[1].

После завершения выставки в дар городу было передано 23 работы, которые, по распоряжению губернатора В.В. Лукошкова, остались в фондах музея УОЛЕ. На основе этой коллекции, а также пожертвованных музею ранее произведений искусств, был создан Художественный отдел, «с целью поднятия художественного элемента в изделиях уральских кустарей, недостаток в котором резко и очень рельефно обнажился в промышленных отделах нашей выставки»[2]. Он начал публичную деятельность в конце декабря 1889 г.

Аналогичный уровень художественного просвещения был характерным для деятельности всех местных музеев, где в большинстве случаев также открывались художественные отделы. Так, в Пермском научно-промышленном музее создается портретная галерея известных деятелей Пермской губернии; основой художественного отдела Шадринского музея стали картины известного русского художника конца XIX в. Ф.А. Бронникова, члена Академии художеств, знаменитого «Товарищества передвижных художественных выставок». Он передал в дар городу восемь авторских живописных полотен[3].

На рубеже XIX-XX вв. начинается новый этап художественного просвещения уральской общественности. Он был связан с еще одной гражданской инициативой художественной интеллигенции – созданием объединений, целью которых становилось распространение современных эстетических представлений, достижений мирового и отечественного изобразительного искусства. И здесь инициатором выступает Екатеринбург. В 1894 г. архитекторы, художники, преподаватели школ, училищ и гимназий города, при поддержке городского головы Г.Г. Казанцева, организуют учредительное собрание для создания Общества любителей изящных искусств (УОЛИИ). В уставных целях общества указывалось, что оно призвано обеспечивать «…развитие в публике любви и интереса к изящным искусствам через конкурсы, выставки, обучение и просве-

---

[1] *Сибирско*-Уральская научно-промышленная выставка в Екатеринбурге. Екатеринбург, 1887. С. 72.

[2] *Записки* УОЛЕ. Екатеринбург, 1889. Т. X, вып. 4. С. 36.

[3] *ШФ ГАКО*, ф. 1045, оп. 1, д. 54; *Биография* профессора исторической живописи Федора Андреевича Бронникова. Шадринск, 1912. С. 7.

тительскую работу»[1]. Устав был утвержден в конце 1895 г., а в январе 1896 г. состоялось первое официальное собрание нового Общества, в которое вошло 138 действительных членов, из них 67 – имели статус учредителей. Образовалось семь отделов: живописи, ваяния, зодчества и др. Председателем общества избирается известный уральский архитектор Ю.И. Дютель, а руководителем отдела живописи – Н.М. Плюснин[2].

Первоначально работа шла достаточно активно: в ноябре 1897 г. с большим успехом прошла первая выставка художников и фотографов общества, где пресса выделила работы А.К.Денисова-Уральского; с января 1898 г. начались занятия в школе рисования (проводились регулярно по пятницам и были бесплатными)[3]. Однако организационные неурядицы в работе общества приводили к тому, что после 1905 г. его выставочная деятельность практически прекратилась, да и способность творческой интеллигенции к совместным действиям оказалась крайне незначительной (что характерно не только для Екатеринбурга в частности, но и для большей части представителей отечественного творческого цеха).

Эстафету выставочной просветительской работы в городе подхватила созданная по инициативе Г.Г. Казанцева художественно-промышленная школа[4]. С 1914 г., когда был введен курс педагогики и методики преподавания художественных дисциплин, школа получила право готовить учителей рисования для Уральского региона.

Во многом под влиянием УОЛИИ создается еще одно общественное объединение. В декабре 1909 г. возникает Пермское общество любителей живописи, ваяния и зодчества. Учредителями стали 15 художников и архитекторов города: А.Б. Турчевич, А.И. Шанин, Д.Ф. Николаев, А.Н. Зеленин, А.А. Седов и др. Состав общества был более разнообразным, чем в Екатеринбурге; наряду с профессиональными живописцами и архитекторами, учителями рисования, его членами были любители рисования, представители местной городской интеллигенции, а также творческой интеллигенции из Екатеринбурга, Вятки, Кунгура и других городов. Первым председателем общества был избран замечательный архитектор, многолетний актер местной драматической труппы – А.Б.Турчевич[5].

---

[1] *Устав* общества любителей изящных искусств в Екатеринбурге. Екатеринбург, 1895. С. 2.
[2] *Зайцев Г.Б.* Указ. соч. С. 108.
[3] *Урал*. 1897. 16 нояб.; Там же. 1898. 9 янв.
[4] *Там* же. 1902. 27 нояб.
[5] *ПГВ*. 1909. № 262.

Цель общества - пробудить интерес публики к живописи, ваянию, зодчеству, развить художественный вкус у работников кустарной промышленности и стремление к совершенствованию профессиональных способностей представителей творческого труда, организация выставок и пр[1]. До этого времени главными участниками художественных выставок были приезжие авторы, пользующиеся популярностью у знающего зрителя, особенно земляков-уральцев. Так, в январе 1901 г. с большим успехом прошла выставка 45 картин А.К. Денисова-Уральского (это была вообще первая художественная профессиональная выставка в истории города)[2]. В апреле 1902 г. также успешно прошел показ картин братьев Сведомских[3].

В отличие от Екатеринбурга, выставки членов общества (а их было проведено пять – ежегодно, весной) неизменно пользовались успехом у посетителей. И это несмотря на достаточно высокую плату за входной билет: для взрослых – 25 коп., для детей – 15 коп. Так, на первой выставке в 1910 г. побывало более 2 тыс. чел., из них более половины – учащаяся молодежь. В отчете о выставке в «Пермских губернских ведомостях» подчеркивалось положительное эстетическое впечатление о картинах: «…общая всем работам любовь к делу не могут иначе воздействовать»[4].

В помещении торговой школы проводились три раза в неделю вечерние платные уроки живописи, лепки и рисования для всех желающих (оплата за месяц составляла 4 руб.)[5]. В помещении Екатерино-Петровского городского училища (самое красивое и просторное здание среди всех учебных заведений города, построенное в 1903 г.) проводились платные лекции по истории искусства, благотворительные выставки для детей из бедных семей[6].

На средства, заработанные членами общества, летом выдавались бесплатные билеты на пароходы компании Н.В. Мешкова профессиональным художникам города, для пленэра, выписывалась специальная литература и художествен-

---

[1] *Устав* Пермского общества любителей живописи, ваяния и зодчества. Пермь, 1909. С. 1.

[2] *Верхоланцев В.С.* Указ. соч. С. 115-116.

[3] *Там* же. С. 119.

[4] *ПГВ.* 1910. № 67.

[5] *Отчет* о деятельности Пермского общества любителей живописи, ваяния и зодчества за 1913 г. Пермь, 1914. С. 12-13.

[6] *Бояршинов Н.А.* Пермское Екатерино-Петровское городское четырехклассное училище: Краткий очерк первого десятилетия существования. Пермь, 1915. С. 26-27.

ные альбомы для собственной библиотеки, оказывалась материальная помощь нуждающимся художникам и членам их семей, в случае смерти кормильца[1].

Художественная интеллигенция Вятской губернии также вносила свой вклад в просвещение и пропаганду крестьянских масс. Тем более, что из губернии вышли такие знаменитые художники, как: братья Васнецовы, Сведомские, И.И.Шишкин. Здесь работали, находясь в политической ссылке, такие известные художники и архитекторы, как А.Витберг и Э.Андриолли. Кроме того, в губернии широкое распространение получили кустарные художественные промыслы: дымковская глиняная игрушка, деревянные игрушки (матрешки), вятские кружева, изделия из капа и др. Все это стало питательной средой для инициативы группы художников создать Художественный кружок в 1909 г., а затем при нем художественного музея. В Уставе кружка отмечалось, что он создается с целью «…развития преимущественно Вятского края в области изящных искусств…как чистого, так и прикладного искусства»[2]. Первым председателем общества был избран один из корифеев отечественной фотографии С.А.Лобовиков, секретарем - А.П.Вершинин. Состав художественного кружка был достаточно представительным: в 1911 г. в него входило 114 действительных и 23 почетных члена[3].

По предложению Васнецовых в 1910 г. был открыт художественно-исторический музей, основу которого составляли 37 оригинальных полотен известных русских художников: А.Е.Архипова, С.В.Досекина, М.Х.Аладжалова, С.В.Иванова, К.А.Коровина, С.В.Малютина, М.В.Нестерова, В.Д.Поленова, В.М. и А.М.Васнецовых, А.А.Рылова и др. Эти картины были подарены музею благодаря А.М.Васнецову, который устно и письменно обращался к ним о пожертвованиях картин[4]. По его же предложению с 1911 г. музею от имени Московского археологического общества было предоставлено право на охрану местных памятников старины. До начала мировой войны музей проводил большую выставочную и просветительскую деятельность. Только в 1912 г. музей посетило около 4 тысяч человек[5].

Все это свидетельствует о том, что к началу XX в. происходит наращивание масштабности гражданской инициативы общественных организаций и в та-

---

[1] *Отчет* о деятельности Пермского общества любителей живописи, ваяния и зодчества за 1914 г. Пермь, 1915. С. 16-18.

[2] *Устав* Вятского художественного кружка. Вятка, 1909. С. 1.

[3] *Отчет* Вятского художественного кружка: Деятельность кружка за 1911-1912 гг. Вятка, 1913. С. 24.

[4] *Беспалов Л.А.* Апполинарий Михайлович Васнецов. 1856-1933. М., 1983. С. 126.

[5] *Отчет* Вятского художественного кружка… С. 18.

кой специфической сфере человеческой культуры, как формирование новых эстетических идеалов, характерных для перехода от религиозных форм традиционной художественной культуры (иконописание) к светским мотивам эпохи Просвещения. Несмотря на достаточно скромные результаты, их деятельность была большим шагом вперед, по сравнению с предшествующим периодом истории страны и собственной малой Родины.

Музыкальное воспитание, образование и просвещение на Урале, в рассматриваемый период, можно представить в виде нескольких уровней, каждый из которых выполнял определенную функцию в этом едином процессе. Первый основывался на громадном пласте традиционной народной культуры хорового пения и отечественного фольклора, включавших в себя народные традиции и обряды, сопровождающиеся музыкой и песней. **Он являлся непременным атрибутом воспитательной функции традиционной культуры.**

Следующим уровнем, который содержал в себе в большей степени **образовательный аспект музыкальной культуры**, являлась система образования и церковная организация. Уроки церковного пения являлись обязательным элементом учебных планов не только церковно-приходских школ, духовных училищ и семинарий, но и учебных заведений других ведомств: народных начальных школ, заводских и уездных училищ, гимназий и реальных училищ, университетов. Каждая церковь также имела собственный хор, являющийся составной частью церковного действа. Особенно фундаментально эти направления были поставлены в средних учебных заведениях. Пение было особой заботой педагогического совета, осуществлявшего не только утверждение учебных программ всех предметов, но и их методическую обоснованность. Так, в Екатеринбургской женской гимназии, на педсовете, рассматривались вопросы «о наиболее рациональной постановке уроков пения», «о мерах по улучшению постановки пения в связи с обсуждением программ по этому предмету и средствам возбуждения большего интереса к нему»[1].

Обязательным элементом являлось присутствие учащихся в службах, молебнах и разного рода празднествах. В той же гимназии все гимназистки должны были посещать службы обязательно в сопровождении классных надзирательниц. Каждую неделю обязаны были посещать всенощную и литургию. В

[1] *Отчет* о состоянии Екатеринбургской женской гимназии за 1907 г. Екатеринбург, 1908. С. 9.

гимназиях существовала и жесткая система контроля со стороны церкви, следившей за репертуаром и его использованием в певческой практике.

Вместе с тем, к концу XIX в. в репертуаре школьных хоров появляются и классические произведения отечественных композиторов. Особенной популярностью пользовались произведения М.И. Глинки. Все школьники обеспечивались бесплатно необходимой нотной литературой, закупаемой централизованно через педагогический совет. В итоге, обучавшиеся и прошедшие курс пения усваивали необходимый церковный репертуар для участия в богослужениях, получали необходимую нотную грамоту и навыки хорового пения.

Сформировался достаточно квалифицированный учительский корпус: Э.Э. Деннемарк, В.Ф. Стрешнев, И.А. Никитин, Я.Ф. Шубин, К.Ф. Сперанский – в Перми; Ф.С. Узких, М.М. Щеглов, К.П. Киселев – в Екатеринбурге; Н.А. Пантюхин, И.И. Попов – в Кунгуре; А.И. Рябинин – в Нижнем Тагиле; Е.М. Скакунов – в Камышлове и др. Они вели большую подвижническую работу, так как зарплата учителя пения была гораздо ниже, чем преподавателя основных предметов. Так, в Камышловской гимназии его оклад составлял 180 руб. (в то время как учитель словесности получал больше почти в 9 раз), в Шадринской еще меньше – 96 руб., в Екатеринбургских гимназиях – 120 и 400 руб.[1]

Третий уровень музыкальной культуры связан с просветительской деятельностью как отдельных представителей образованного слоя уральского общества, так и с началом существования организаций нового типа, основывающихся на широкой гражданской инициативе и гражданском действии.

К первым мы должны, несомненно, отнести три знаменательных для уральской музыкальной культуры имени: С.В. Гилев, А.Д. Городцов, Ф.С. Узких. Сергей Васильевич Гилев – уроженец села Кудымкар Пермской губернии, в 1879 г. окончил Московскую консерваторию. Со знаменитой оперной труппой антрепренера П.Н. Медведева прибыл на Урал и остался в Екатеринбурге. В 1882 г. он основал в городе музыкальный класс и любительскую капеллу из 55 чел., с которой много гастролировал по уральским городам, состоял членом Екатеринбургского музыкального кружка (кстати, в Перми первая частная музыкальная школа создается только в 1886 г. дирижером городского

[1] *Труды* комиссии по народному образованию Пермского губернского земства. Вып. 3. Пермь, 1906. С. 68-72.

театрального оркестра Э.С. Кабеллой[1]). В 90-х гг. XIX в. он продолжал свою просветительскую деятельность в Казани[2].

Самой яркой оказалась деятельность классика хорового искусства России Александра Дмитриевича Городцова (1857-1918 гг.). Он окончил юридический факультет Московского университета. Обладая хорошим басом, обучался искусству пения у известных московских педагогов В.Н. Кашперова, И.Я. Сетова, И.В. Тартакова. С 1888 г. перешел на профессиональную оперную сцену. Много гастролировал по стране. В 1892 г. впервые выступил на пермской сцене в оперных спектаклях. С 1895 г., после образования городской театральной дирекции (о ней мы будем говорить ниже), А.Д. Городцов был приглашен в оперную труппу на постоянный контракт и обосновался в Перми навсегда[3]. С образованием в губернии Попечительства о народной трезвости в 1895 г., вошел в его состав и разработал первую в стране комплексную программу музыкального просвещения, в которой главное место было отведено созданию народных хоров, подготовке квалифицированных руководителей и обеспечению необходимой методической литературой[4]. С 1896 г. начинают свою работу курсы обучения регентов церковных хоров и бесплатные классы хорового искусства, действующие в Перми и Екатеринбурге до 1918 г. За этот период было подготовлено свыше 3 тыс. чел.[5]

При поддержке губернатора П.Г. Погодина, возглавлявшего Попечительство, он создает нотную библиотеку, для которой в 1907-1914 гг. издает массовым тиражом шесть выпусков «Народные певческие хоры» с обработками церковных песнопений, народных песен и авторской хоровой музыки[6]. Доступная цена обеспечивала возможность их приобретения даже малообеспеченным людям. Участникам курсов они выдавались бесплатно.

Подвижническая деятельность А.Д. Городцова, а затем и его сына А.А. Городцова приводит к феноменальному результату. В начале XX в. на территории Пермской губернии было организовано свыше 400 народных хоров[7]. Н.Н. Боголюбов, известный режиссер, охарактеризовал это следующим образом: «Вся громадная губерния покрыта сетью грамотно музыкальных хо-

---

[1] *Дмитриев А.А.* Указ. соч. С. 341.

[2] *Беляев С.Е.* Имена со старых афиш // Урал. 2003. № 8. С. 92-94.

[3] *Ефремов И.В.* Подвижник народной культуры А.Д.Городцов. Пермь, 1983. С. 8-10.

[4] *Локшин Д.* Замечательные русские хоры и их дирижеры. М., 1963. С. 14-15.

[5] *Городцов А.* Народопевческое дело в Пермской губернии: Отчет руководителя народных хоров Пермского попечительства о народной трезвости за 1915 г. и за двадцатилетие с 1896 по 1915 г. Пермь, 1917. С. 72.

[6] *Народн*о-певческие хоры. Вып. 1-6. М., 1907-1917.

[7] *Песнопения* для народно-певческих хоров / Сост., изд.: А.Д.Городцов. Пермь, 1902. С. 2.

ров. По праздникам и торжественным дням устраиваются хоровые собрания. Поют отечественных композиторов, знакомят народ… с Глинкой, Корсаковым, Серовым и др**. Все это делается так просто, без рисовки, без позы – а предприятие… выросло в грандиозно национальное дело**» (выделено нами – Н.Н.)[1]. Приведем два самых, на наш взгляд, ярких примера.

В 1904 г., в ознаменование 100-летия со дня рождения М.И. Глинки, в Перми в течение 15 дней в различных публичных зданиях проходили специальные хоровые вечера. Апофеозом стало выступление в городском саду сводного хора под управлением А.Д. Городцова, в котором участвовало 250 человек[2].

В 1911 г., вместе с сыном, он создает уникальное в истории хорового искусства произведение – переработку сцен из оперы М.И. Глинки «Жизнь за царя» («Иван Сусанин») для исполнения с хоровым сопровождением без оркестра. Это было создано специально для исполнения в условиях сельской сцены, с минимумом декораций, где определяющим являлось певческое хоровое искусство. Впервые произведение было исполнено с большим успехом в школе для слепых в Перми[3], а в 1912 г., в Екатеринбурге выпускники регентских курсов исполняли его на выпускном экзамене[4]. В 1913 г., в период празднования 300-летия царствующего дома Романовых, это произведение было полностью поставлено 30 хоровыми коллективами Пермской губернии, а 54 – использовали частичную постановку[5].

В результате такой гражданской инициативы огромная и удаленная от признанных культурных центров страны Пермская губерния стала известна как одна из самых «поющих», самых музыкальных в России.

Проводником и продолжателем идей Городцова в Зауралье стал его ученик, окончивший курс певческой грамоты в 1899 г., Федор Спиридонович Узких. В течение почти двух десятилетий (1900-1918 гг.) он основывает и ведет в Екатеринбурге бесплатные хоровые курсы для учителей пения зауральских пермских уездов и руководителей церковных хоров[6]. Основываясь на знаниях и методике преподавания хорового пения, полученных у А.Д. Городцова, личном опыте учителя пения в реальном училище и женской гимназии Екатеринбурга,

---

[1] *Боголюбов Н.Н.* Шестьдесят лет в оперном театре: Воспоминания режиссера. М., 1967. С. 54.

[2] *Порозов В.А.* Пермь музыкальная. Пермь, 2004. С. 9.

[3] *ПГВ*. 1911. № 5.

[4] *Екатеринбургские* епархиальные ведомости (ЕЕВ). 1912. № 34.

[5] *Городцов А.Д.* Отчет руководителя народных хоров Пермского попечительства о народной трезвости за 1913 г. Пермь, 1915. С. 37-39.

[6] *Рогожникова Г.П.* Жизнь и деятельность Ф.С.Узких // Научно-методические записки Уральской государственной консерватории. Свердловск, 1972. Вып. 7. С. 46-47.

он создает образцовую программу музыкального образования, рассчитанную на 4 года обучения. Программа предусматривала также обучение навыкам игры на каком-либо инструменте, давались знания по композиции и аранжировке, а также шло обучение руководству хором[1]. Позднее, в советское время, эта программа стала единой для системы образования всего Урала.

Однако, отдавая должное деятельности энтузиастов в деле формирования начал музыкальной культуры, следует отметить, что становление и развитие новых коллективных форм гражданского действия имели большую организационную устойчивость. Уход одного человека или смена лидера не влияли на продолжение важной для общества работы.

К таким объединениям можно отнести музыкальные кружки, впервые появившиеся в Перми и Екатеринбурге в 70-е гг. XIX в. Их возникновение не было случайным. Эти города являлись средоточением интеллектуальных сил губернии: первый в силу административного значения, а второй – как центр управления горнозаводской промышленностью Урала. Начало их деятельности связано с обычным клубным интересом, когда собираются люди, примерно равные по интеллекту, и реализуют собственные увлечения. В Перми это было связано с объединением любителей музицировать у земского деятеля И.П. Дягилева. Первыми участниками стали М.И. Норин, Н.О. Вишневский, К.Ф. Сперанский, А.А. Свентицкий, С.А. Ильин и др. С осени 1880 г. к ним присоединяется прибывший в Пермь П.П. Дягилев и его супруга Е.В.Дягилева (урожденная Панаева)[2]. 14 октября 1874 г. кружок впервые выходит за рамки салонной музыки и дает первый публичный концерт в здании Благородного собрания. Основной программной целью этого объединения являлась популяризация высокохудожественной классической музыки[3]. В 80-е гг. в состав кружка входили 80 участников, пропагандирующих лучшую отечественную классическую музыку. К участию в концертной деятельности привлекались гимназисты. Именно здесь состоялось первое публичное выступление будущего знаменитого русского импресарио С.П.Дягилева.

После отъезда, в конце 80-х гг., Дягилевых из Перми, руководство кружком перешло к В.Л. Якубовскому, чиновнику управления Уральской железной дороги. При нем расширяется просветительская работа, и в 1894 г. создается

---

[1] *Казанцева М.Г.* Религиозно-музыкальное образование на Урале в XVIII-начале XX вв. // Религия и церковь в Сибири. Тюмень, 1996. Вып. 9. С. 23.

[2] *Дягилева Е.В.* Семейная запись о Дягилевых. СПб., 1998. С. 197.

[3] *Устав* Пермского благородного собрания. Пермь, 1876. С. 3.

драматический кружок, которым руководит Е.П. Серебренникова, земский врач губернской больницы. Инструментальные концерты дополнялись вокальными выступлениями, проходившими под руководством учителя мужской гимназии Э.Э. Деннемарка. Членом музыкального кружка был также и А.Д.Городцов. Это период интенсивной концертной деятельности. Самым плодотворным оказался сезон 1888/89 гг., когда было дано 7 открытых и 14 закрытых концертов. В 90-е гг. число концертов было стабильным – от 7 до 9 ежегодно[1].

В Екатеринбурге такой кружок создается еще в 1880 г., а в 1881 г. музыкальный кружок получает официальное утверждение с принятием собственного устава[2]. Наряду с известным театром Казанцевых, созданном в 1879 г., музыкальный кружок становится центром притяжения интеллектуальных сил города, уезда и ближайших заводов. Инициаторами его создания стали участники так называемого «маминского кружка», образовавшегося после переезда в город будущего знаменитого писателя Д.Н. Мамина-Сибиряка. Во главе музыкального объединения был И.Н. Климшин, юрист по профессии, обладавший хорошим голосом. Сюда входили не только музыканты, писатели, актеры, но и предприниматели, купечество. В составе общества выделилось драматическое отделение, которое возглавил Д.Н. Мамин-Сибиряк[3].

Объединению охотно меценатствовали многие состоятельные люди города. Так, в ноябре 1900 г., на средства директора отделения Сибирского торгового банка, гласного городской думы И.З. Маклецова, для музыкального кружка строится великолепный концертный зал, на долгое время превратившийся в центр притяжения культурной среды екатеринбуржцев[4]. Членами кружка являлись: Г.А. Свечин, В.И. Мещерский, С.В. Гилев, Н.М. Плюснин, Е.А. Андреева (первая гражданская жена Д.Н. Мамина-Сибиряка) и др. В состав драматической труппы входила легендарная личность в истории культуры Урала, «бабушка уральского театра» – Е.А. Иванова. Одним из старшин кружка был городской голова Екатеринбурга, один из самых гражданско активных людей города – И.М. Симанов[5].

По примеру интеллигенции и служащих губернских центров такие объединения создаются и в Соликамске (1894 г.), на заводах: Нижнетагильском

---

[1] *ПГВ.* 1892. № 34, 46.
[2] *Устав* Екатеринбургского музыкального кружка. Екатеринбург, 1881.
[3] *Беляев С.Е.* Судьба и музыка. Музыкально-биографический этюд // Урал. 2002. № 11. С. 96-103.
[4] *ГАСО,* ф. 8, оп. 1, д. 1961, л. 86.
[5] *Екатеринбургская* неделя. 1889. № 24.

Верхотурского уезда (1896 г.), Мотовилихинском Пермского уезда (1898 г.), Очерском Оханского уезда (1904 г.).

В Вятке местный музыкальный кружок возникает по инициативе Н.Д.Дмитриева, В.П.Аленицына, В.С.Васильева в 1872 г. и уже в следующем году открывает музыкальную школу по подготовке учителей для земских школ. В 1874 г. состоялся первый выпуск учащихся[1]. Тем самым началась реализация целей кружка «…доставить своим членам возможность соединиться для исполнения, способствовать развитию талантов, распространять любовь к искусству»[2]. Получило широкое развитие концертная деятельность артистов-любителей и приезжавших на гастроли профессиональных артистов[3].

В апреле 1909 г. он преобразуется в Музыкальное общество, которое расширяет свою деятельность в стенах городского «Народного дома», где открывается хоровой класс[4].

В начале XX в. музыкальные организации получают оформление в заводских центрах Вятской губернии. Так в Воткинском заводе в 1909 г. открывается общество любителей музыкального и драматического искусства имени П.И.Чайковского, который возглавил заводской врач С.Г.Макаров[5]. Они организовывали свою работу в зале сословного собрания, где проходили музыкальные вечера, литературные и научно-просветительные чтения. В состав общества входили инженеры, конторские служащие, купцы, учителя, сельские обыватели и др. Они работали в тесном контакте с заводским попечительством о народной трезвости[6].

Революция 1905-1907 гг., период достаточно настойчивой государственной опеки за ходом общественных инициатив, наложил свой негативный отпечаток на работу многочисленных организаций просветительского характера, в том числе и на музыкальные объединения. Работа многих из них практически замерла. Как отмечал в 1909 г. Б.М.Попов, один из основателей Пермского филармонического общества: «…старейшее наше музыкальное учреждение, 40-летний «Пермский музыкальный кружок», едва влачил свое существование»[7]. Для некоторой части интеллигенции наступил период пересмотра собственной

---

[1] *Вятские* губернские ведомости (ВГВ*)*. 1874. 19 июля.
[2] *Устав* Вятского музыкального кружка. Вятка, 1882. С. 1.
[3] *ГАКО*, ф. 582, оп. 27, д. 162, л. 6.
[4] *Там* же, ф. 721, оп. 1, д. 772, л. 599.
[5] *Там* же, ф. 582, оп. 144, д. 118, л. 15.
[6] *Вятские* епархиальные ведомости (ВЕВ). – 1910. - № 32.
[7] Цит. по: *Порозов В.А.* Указ. соч. С. 122.

шкалы ценностей, когда на первом плане оказались вопросы сохранения собственного благополучия.

В 1908 г. в Перми возникают сразу два общественных объединения: Отделение Императорского Русского музыкального общества и Пермское филармоническое общество[1]. Первое ориентировалось на исполнение камерной музыки и предполагало проводить музыкальное обучение для всех желающих. Для создания материальной базы общества в состав дирекции были приглашены: чаеторговцы-миллионеры, братья Грибушины, управляющий Пермским отделением Русского для внешних сношений торговли банка – К.Н. Либерман и др[2]. Фактически руководили обществом скрипач Г.А. Нагловский и пианистка С.В. Гедговд, в руководство входили также С.В. Поздняков и В.Е. Костромин. К 1910 г. работали классы хорового пения, фортепианные, вокальные, виолончели, скрипки, альта и совместной игры. При содействии А.Д. Городцова создается богатая музыкально-нотная библиотека[3]. Концерты проводились обычно в здании Благородного собрания. Однако деятельность этого общества продолжалась очень недолго, из-за материальных трудностей, в 1912 г. оно прекратило свое существование.

Филармоническое общество, созданное молодым поколением пермской интеллигенции, привлекало только творческих людей, без включения в свой состав «парадных генералов» из числа состоятельных жителей города. Оно образовалось также в 1908 г., и уже в начале 1909 г. был дан первый симфонический концерт. Председателем избирается А.Д. Городцов. А негласными руководителями являлись юристы по образованию Б.М. Попов и Н.И. Никитин. Им удалось, на короткое время, сплотить вокруг нового общества более 50, преимущественно молодых исполнителей, среди которых только 5 человек – профессионалов[4]. Основным местом их работы стало Общественное собрание в здании городской Думы, для хранения инструментов и ведения преподавательской работы снимали комнаты в частном доме. Однако финансовые трудности, предвзятое отношение со стороны ИРМО, организационные проблемы приводят к ликвидации общества (к 1914 г.).

Более удачливыми оказались их коллеги из Екатеринбурга. Здесь тоже деятельность музыкального кружка к 1910 г. фактически прекратилась. В 1912 г. концертный зал кружка приобретается уральским заводчиком

---

[1] *Верхоланцев В.С.* Указ. соч. С. 143-144.
[2] *ПГВ.* 1908. № 52.
[3] *ПГВ*. 1911. № 5.
[4] *Музыкальный* труженик. 1909. № 20. С. 9-10.

Д.П. Соломирским для вновь образованного Екатеринбургского отделения Императорского русского музыкального общества. Зал капитально ремонтируется, и в феврале 1913 г. состоялось торжественное открытие[1]. Руководителем нового общества избирается Д.П. Соломирский. Гражданский поступок этого человека не случаен. По свидетельству уральского историка музыки С. Беляева, Дмитрий Павлович являлся разносторонне образованным человеком, состоял членом УОЛЕ, собрал замечательную орнитологическую коллекцию тетеревиных, позднее переданную в Дарвинский институт Москвы. Он занимался фотографией, был известным конезаводчиком, увлекался лошадиными бегами, собрал коллекцию старинных монет, позднее передал ее в дар музею УОЛЕ. Увлекался музыкальным сочинительством[2]. В состав правления также вошли: И.И. Поклевский-Козелл, А.А. Шварте, И.И. Гольцгаузен, Е.И. Иванов и др.

В отремонтированном концертном зале открываются музыкальные классы, устраиваются концерты оркестра общества под руководством В.С. Цветикова. Благодаря знакомству Д.П. Соломирского с членами царской семьи (особенно с вдовствующей императрицей Марией Александровной), в 1916 г. музыкальные классы ИРМО были преобразованы в музыкальное училище[3]. А первое на Урале музыкальное училище возникает в Сарапуле Вятской губернии в 1915 г., преобразованное из городских музыкальных классов[4].

Театральное искусство является одним из важных составляющих развития человека, так как оно существует в пространстве и развивается во времени, является синтетическим, коллективным, художественно-целостным, событийным. Его истоки ведут к обрядовой форме традиционной народной культуры. Уже в XVIII в. происходит становление профессионального театра в России, который был основан российской аристократией, поэтому абсолютное большинство театров были частными, а актеры являлись крепостными. Такой крепостной профессиональный театр создает в начале XIX в. в своих пермских имениях В.А. Всеволожский, на Пожвинском заводе. К 1820 г. театр переводит-

[1] *Уральская* жизнь 1913. № 32.

[2] См.: *Беляев С.Е.* Имена со старых афиш // Урал. 2003. № 8. С. 95-97; *Мартынов В*. Соломирский Д.П. – благотворитель и общественный деятель // Уральский музей. 2005. № 1.

[3] *Отчет* Екатеринбургского отдела Императорского русского музыкального общества и состоящих при нем музыкальных классов. Екатеринбург, 1916. С. 78-80.

[4] *Журналы* Сарапульской городской думы за 1915 г. Сарапул, 1916. С. 216.

ся в Петербург[1]. В начале XIX в. появляются первые государственные профессиональные театры.

На Урале первые сведения о гастролях профессионального театра относятся к 1843 г., когда в Екатеринбург приехала труппа антрепренера П.А. Соколова. В 1847 г. в городе было построено стационарное каменное здание для театральных постановок, и антрепризы стали регулярными[2]. О театральных постановках в губернском городе того времени нет достоверных сведений, однако некоторые специалисты считают, что в начале 20-х гг. XIX в. уже существовал городской театр[3]. В связи с пожаром 1842 г., когда практически был уничтожен весь город, и особенно его историческая часть у Петропавловского собора, какие-либо архивные данные отсутствуют. Город отстроился только к началу 50-х гг. XIX в. Тогда же построено деревянное театральное здание, снова сгоревшее в 1863 г. и восстановленное в 1864 г.[4] Следовательно, говорить о давних театральных традициях Перми пока не представляется возможным, так как нет достоверных архивных данных по этому вопросу.

В 1846 г. выстроено театральное здание в Ирбите, где также работала труппа П.А. Соколова, однако театр действовал только в период ярмарки.

В Вятке до конца 70-х гг. Х1Х в. не было постоянного профессионального театра, поэтому объединяющим центром служил кружок любителей драматического искусства. Начало его деятельности относится к первой четверти Х1Х в., когда по инициативе почтмейстера А.И.Казимирского стали осуществляться тетральные постановки силами местной общественности: чиновников, учителей гимназии, купечества. Все сборы шли на благотворительные цели[5]. Репертуар и места постановок утверждались губернатором, спектакли шли почти ежемесячно[6]. Для участников кружка был утвержден отличительный знак – брелок на часовой цепочке[7].

В 1875 г. участники театрального и музыкального объединений обратились к губернскому земству с предложением о строительстве в городе театрального и концертного залов. Земское собрание выделило на эти цели тысячу

---

[1] *Мухин В.В.* Горные заводы Прикамья как культурные центры (первая половина XIX века) // Художественная культура Пермского края и ее связи. Пермь, 1992. С. 49-51.

[2] *Курочкин Ю.М.* Театральное прошлое Урала. Свердловск, 1957. С. 26-27.

[3] См.: *Порозов В.А.* Указ. соч. С. 50-51; *Костерина-Азарян А.Б.* Театральная старина Урала. Екатеринбург, 1998. С. 56-57.

[4] *Дмитриев А.А.* Указ. соч. С. 262.

[5] *Сазонов В.И.* Страницы истории Кировского театра драмы. 1877-2002. Киров, 2002. С. 3.

[6] *ГАКО,* ф. 582, оп. 145, д. 148, л. 15.

[7] *Там* же, л. 20.

рублей, а оставшиеся средства были собраны по подписке и за счет сборов от спектаклей и концертов[1]. В 1877 г. было открыто здание нового театра. В 1878 г. для его руководства создается паевое общество владельцев «Вятского концертного зала»[2], которое ставит по-прежнему любительские спектакли, проводятся различные развлекательные мероприятия, проходят концерты гастролирующих профессиональных артистов[3]. И только с 1883 г. начинается постоянная работа профессиональных актеров под антрепризой В.И.Васильева[4].

К 70-м гг. Х1Х в. относится упоминание о существовании в Слободском самодеятельного театрального коллектива из числа местной интеллигенции, ставившие спектакли с благотворительной целью в помещении городского манежа, который был передан городской управой в их распоряжение.[5]

Для нашего исследования важным представляется не сама деятельность профессионального театра, хотя это его важная просветительская и воспитательная функция. С точки зрения развития нового гражданского самосознания и действия, большое значение имела деятельность общественности губернии в развитии любительского театра. Известностью пользовался домашний любительский театр Казанцевых в Екатеринбурге. Он был открыт в декабре 1879 г., имел зрительный зал на 160 мест. Наряду с музыкальным и драматическим кружком, театр входил в объединяющий культурно-просветительский центр города[6].

Однако в развитии театрального искусства на Урале ведущая роль принадлежала заводским поселкам Пермской губернии. Именно здесь, в первой трети XIX в., окончательно складывается влиятельный слой крепостной интеллигенции. Основная ее часть получает образование не только в столичных центрах России, но и за рубежом. Кроме того, в этом процессе принимали участие иностранные специалисты (особенно активно на уральских предприятиях Демидовых).

К числу таких общественных театров мы можем отнести, по свидетельству уральской писательницы XIX в. А.Кирпищиковой, хорошо знавшей историю центра управления строгановскими землями в Пермской губернии, – село Ильинское. В очерке «Катерина Алексеевна» она указывает, что сельский театр

---

[1] *Материалы* докладов Вятской губернской управы IX очередному губернскому земскому собранию 1875 г. Вятка, 1876. С. 386.

[2] *ГАКО*, ф. 582, оп. 145, д. 148, л. 36-37.

[3] *Там* же, оп. 37, д. 8, л. 23.

[4] *Сазонов В.И*. Указ. соч. С. 4-6.

[5] *Столетие* Вятской губернии: Сб. материалов к истории Вят. края. Вятка, 1880. Т. 1.С. 385.

[6] *Курочкин Ю.М.* История и судьба «уральской коллекции» // Уральский следопыт. 1986. № 11.

существовал с 20-х гг. XIX в.: «Представляли в нем писчики, приказчики из вотчинного управления и очень хорошо, занятно представляли…»[1]. Театр существовал только на пожертвования жителей села, служащих конторы, изредка поступали деньги от главной конторы Строгановых – из Петербурга. Для посетителей вход был бесплатный. О работе театра благожелательно писали в «Пермских губернских ведомостях»[2]. В руководство входили, практически, все руководители вотчинного правления: А.Е. Теплоухов, Вологдины, Ф.А. Плюснин, П.В. Сюзев, В.А. Волегов, члены их семей.

Расцвет театрального дела в Ильинском связывают с именами Ф.А.Плюснина и П.В.Сюзева. Театр стал занимать пустующее здание училища, репертуар насчитывал более 20 пьес: А.Н.Островского, А.Толстого, А.С. Пушкина, И.А.Потехина, Ф.Стелловского и др., где было занято до 50 самодеятельных актеров. Регулярно шли спектакли с благотворительной целью – на строительство школ в ближних деревнях. Декорации создавались художником А.А. Вологдиным[3]. Театр просуществовал до 1917 г.

С 1850 г. работал самодеятельный театр в с. Усолье Соликамского уезда – бывшем центре, до конца XVIII в., строгановских владений на севере Пермской губернии. Его основатель – А.И. Мельников, в дальнейшем солист Императорского театра Петербурга. В 1882 г. на основе театра организуется общество любителей сценического искусства, ставившее 5-6 спектаклей в год. Основой репертуара были пьесы А.Н. Островского. Имелся небольшой любительский оркестр, игравший для зрителей после спектакля[4].

В середине 80-х гг. XIX в. открывается театр при Чермозском заводе, в 90-е гг. начинает работу любительская труппа в п. Кизеловского завода, а с 1902 г. – в п. Березниковского содового завода. Земские депутаты Соликамска стали инициаторами любительских постановок спектаклей в городе с 1884 г.[5] Заметную роль играл арендатор Дедюхинского казенного солеваренного завода – Г.М. Касаткин, не только участник спектаклей, но и автор пьес для этого самодеятельного театра. В начале XX в. он открывает Народный дом, ставший центром культурно-просветительской работы в городе[6]. В 1905 г. открывается также народный театр в г. Оханске, режиссерами которого были учительница

---

[1] Цит. по: *Знамя.* Спец. вып. 1993. 9 февр. С. 13.
[2] *ПГВ.* 1886. № 39; *Там* же. 1869. № 19.
[3] *Знамя*. 1993. 9 февр. С. 13.
[4] *Екатеринбургская* неделя. 1885. № 13.
[5] *Журналы* 15-го очередного Соликамского уездного земского собрания 1884 г. Вятка, 1884. С. 749-750.
[6] *Отчет* о деятельности Пермского попечительства о народной трезвости за 1910 г. Пермь, 1912. С. 39.

Т.К. Бурцева и земский агроном Д.Г. Радченко. На спектакли театра приезжали жители всего уезда[1].

В зауральском районе Пермской губернии настоящим центром общественной жизни являлся Нижнетагильский завод (Верхотурский уезд), где находилось главное управление уральскими владениями Демидовых. Мы уже обращали внимание на активную гражданскую позицию служащих этого предприятия и управления, когда исследовали культурно-просветительскую деятельность уральской общественности. Здесь, в декабре 1862 г., впервые дает спектакль заводской театр. Инициативная группа служащих завода: А. Петерюхин, Л. Петров, И. Шушпанов и Г. Вишневский заключают договор с управлением округа на аренду помещения под театр[2]. Только за первые три года существования театра состоялось 20 спектаклей. Полученные средства направлялись на новые постановки, оформление и ремонт здания, а также помощь беднейшим жителям заводского поселка. Большую помощь в становлении театра оказывали руководители горного округа, заводской врач П.В. Рудановский, лесничий К.Б. Бекман. Несмотря на все трудности, организационные препоны со стороны уездного начальства, полиции, – в 80-е гг. заводской храм искусств укрепляется.

С 1878 г. театр переехал в новое здание, где обустраивается зрительный зал на 300-350 чел. В начале 80-х гг. при театре создается кружок любителей сценического искусства, которым стал руководить с 1896 г. А.И. Баташов, лесничий, актер, самая яркая личность в истории заводского театра[3]. В марте 1889 г. создается дирекция театра в составе трех человек: представитель заводского управления и двое - из состава актеров. Большую помощь в их деятельности оказал горный начальник, с 1882 по 1894 г., известный уже нам своей гражданской активностью – В.А. Грамматчиков. В среднем, представления в театре шли еженедельно: спектакли, выступления приезжих артистов, музыкальные и вокальные концерты. Сборы от спектаклей шли, в основном, на благотворительные цели.

Если в состав труппы Нижнетагильского заводского театра входили большей частью представители заводского и окружного управления, интеллектуальной элиты поселка, то труппа Выйского народного театра, созданного в 1902 г., состояла из рабочих[4]. Организатором выступил сотрудник управления

---

[1] *Земский* народный театр и передвижная условная сцена: Очерк инструктора нар. театров Оханского уездного земства Перм. губ. Б.А.Рословлева. Оханск, 1915. С. 7-9.

[2] *ГАСО*, ф. 643, оп. 2, д. 1630, л. 36-38.

[3] *Нижний* Тагил: Научно-популярное издание. Нижний Тагил, 1997. С. 186-190.

[4] *Охотенко Н.* Рабочие играют Островского // Тагильский рабочий. 1986. 26 марта.

заводской железной дороги, бывший студент Петербургского университета – А.Ф. Бургер. Этот театр возник в составе Нижнетагильского отделения Попечительства о народной трезвости (1896 г.) и сразу привлек к себе интерес жителей поселка и рабочих[1]. С 1908 г., после отъезда А.Ф. Бургера, руководителем становится – П.Н. Бурнашевский. Еще раньше при театре была организована театральная студия из заводской молодежи. К 1910 г. состав театра насчитывал 57 человек[2]. Актеры сами создавали декорации, изготавливали необходимый реквизит, оформляли афиши. Нередко вместе с ними играли актеры-любители из основного заводского театра.

К 1917 г. в Нижнем Тагиле создается новое многопрофильное культурно-просветительское объединение «Народный дом», объединившее оба театра. На основе имеющихся коллективов создаются оркестр, кружок декламации и драматический, проводятся лекции, устраиваются литературные вечера и детские утренники[3].

В Вятской губернии самодеятельные театральные коллективы получили свое распространение с начала XX в. Они были созданы в Глазове, Яранске, Слободском, Уржуме, Царевосанчурске, Ижевском и Воткинском заводах. Кроме того, в сельской местности они существовали в Кукарке Яранского уезда, в земском имении Нартас Уржумского уезда, селе Вавож Малмыжского уезда. Так в 1908 г. был образован драматический кружок на ст. Мураши Орловского уезда. Только за три года своего существования он дал 60 спектаклей. Здесь же существовал струнный оркестр, который занимался концертной деятельностью. К 1914 г. в здании просветительского общества, куда входил и драматический кружок, организуется кинематограф[4].

Завершая тему о гражданских инициативах уральской общественности, нельзя не отметить еще один яркий эпизод в истории Урала, имеющий, наряду с деятельностью А.Д. Городцова, общероссийскую известность. Речь идет о создании муниципального оперного театра. Этой теме посвящены публикации как в местной, так и в центральной печати[5]. Мы не углубляемся в вопросы

---

[1] *Отчет* о деятельности Пермского попечительства о народной трезвости за 1903 г. Пермь, 1904. С. 68.

[2] Подсчеты произведены автором на основе данных о деятелях культуры Нижнего Тагила, размещенных на официальном сайте города: http://www.ntagil.ru/

[3] *Нижний* Тагил… С. 194.

[4] *ГАКО*, ф. 582, оп. 154, д. 47, л. 178.

[5] См: *Боголюбов Н.Н.* Указ. соч.; *Майбурова Е.В.* Музыкальная жизнь дореволюционной Перми // Из музыкального прошлого: Сб. очерков. М., 1960; *Порозов В.А.* Указ. соч.; *Семенов В.Л.* И.И.Любимов – человек, предприниматель, общественный деятель и меценат. Пермь, 2002; *Аминова А.Х.* Драматическое искусство Перми конца XIX – начала XX в. // 250 лет Перми. Пермь, 1973 и др.

творческой состоятельности этого события, а обратимся к оценке гражданского звучания поступка гласных городской думы.

До середины 90-х гг. XIX в. основной формой развития профессионального театра в России, как и в Западной Европе, являлось театральное предпринимательство в виде антрепризы. На Урале, в 40-70-х гг., работали театральные коллективы антрепренеров: П. Соколова, А. Херувимова, П.М. Медведева. Однако деятельность творческих коллективов в этих условиях была подвержена различным случайностям, как объективным, так и субъективным, что не давало в полной мере использовать сцену для художественно-эстетического просвещения, в том числе, и для саморазвития актеров.

Поэтому в феврале 1895 г., на заседании городской думы по инициативе группы депутатов И.И. Любимова, М.Я. Попова, А.Б. Турчевича, в результате всестороннего обсуждения, принимается беспрецедентное в практике земских учреждений России решение о создании Пермской городской театральной дирекции[1]. Был образован директорат во главе с городским головой А.В. Синакевичем. В состав дирекции вошли также бывший актер, частный архитектор А. Турчевич, и известный театральный критик, присяжный поверенный – М. Попов. Консультантом приглашается А.Д. Городцов, а режиссером городской дирекции – Н.Н. Боголюбов из Казани, один из самых известных в дальнейшем в стране оперный режиссер[2].

За короткое время создается прекрасная оперная труппа, участие в которой оценивалось по «российскому артистическому рейтингу» сразу после киевской оперы. Основным экономическим «двигателем» нового театра являлся А.В. Синакевич. Как вспоминал Н. Боголюбов: «В общем ходе дела незаметно, быть может, для всех, но ощутительно для меня, чувствовался блестящий административный талант А.В. Синакевича, преобразившегося сразу в директора оперного театра. В этой роли городской голова был положительно на месте. Ежедневно рано утром я должен был приходить к нему для получения указаний о репертуаре, о составе спектаклей, о монтировочных нуждах, о разрешении случайных конфликтов и т.п. …В работе я был совершенно самостоятельным. Персонально в дело Синакевич никогда не вмешивался – то, что было решено во время наших утренних встреч, имело силу непреложного закона для всего хода нашего оперного дела». И далее, оценивая свое положение, он восклицает:

---

[1] *Журналы* Пермской городской думы за 1895 г. Пермь, 1896. С. 36-38.
[2] *ПГВ*. 1895. № 27.

«…Мое существование казалось мне фантастическим сном, от которого было страшно проснуться»[1]. Выступление Н.Н. Боголюбова с трибуны I Всероссийского съезда сценических деятелей, в 1897 г., вызвало восхищение делегатов, и как сообщал репортер «Русской музыкальной газеты»: «…по залу пронеслись бурные рукоплескания. Сейчас же несколько человек заявили председателю о необходимости послать сочувственную телеграмму и Пермской думе, и земству. Предложение это было принято с восторгом и единодушно»[2].

За семь сезонов существования дирекции было поставлено около 40 опер. Пермяки боготворили своих любимых артистов, что иногда принимало даже гротескные формы. На пермской сцене солировало немало столичных знаменитостей, которых зрители принимали очень тепло. На каждый спектакль печатались бесплатные программы и либретто. Все это, в совокупности с подвижнической деятельностью А.Д. Городцова, вызвало к жизни известные стихотворные строки С.А.Ильина: «…Вывод должен быть таков: Пермь есть город музыкальный»[3].

Однако после ухода А.В. Синакевича с поста руководителя городского самоуправления дирекция в 1902 г. прекращает свою деятельность, оставшись памятной страницей в истории отечественной культуры как пример гражданской инициативы и ответственности.

Таким образом, рассмотрев основные направления культурно-просветительской деятельности уральской общественности, мы имеем возможность сделать некоторые выводы. Принципиально другая культурологическая ситуация, связанная с формированием новых отношений в условиях перехода к индустриальной цивилизации, потребовала поиска форм и направлений, соответствующих решению проблемы развития нового типа личности.

Постепенное складывание более совершенной системы образования в пореформенный период, увеличение процента грамотного населения, создавали объективную потребность в доступности таких культурных ценностей цивилизации, которые ранее были уделом относительно немногочисленного слоя людей, прежде всего – дворянства. Уральская общественность, в рассматриваемый период, не только развивает уже имеющиеся в регионе очаги культуры для решения новых задач, но и выступает с гражданскими инициативами, имеющими

---

[1] *Боголюбов Н.Н.* Указ. соч. С. 48.
[2] *Русская* музыкальная газета. 1897. № 8. С. 282.
[3] *ПГВ*. 1903. № 122.

общероссийское звучание (развитие хорового пения в масштабах губернии и городская театральная антреприза в Перми).

Важно отметить, что наибольшая волна общественного гражданского подъема была характерна для периода рубежа XIX–XX вв. В дальнейшем, политический кризис государственной системы власти, приведший к первой русской революции, а затем усилившиеся охранительные меры, приводят к постепенному спаду культурно-просветительской деятельности. Однако созданный потенциал гражданского действия не дает прерваться процессу вовлечения народных масс в культурологическую революцию. Общественные музеи, художественные выставки, формирование местной структуры художественного и музыкального образования, появление и упрочение общественных самодеятельных театров, пропаганда высоких образцов мировой и отечественной культуры – все это служило подтверждением постепенного перехода от провинциальной традиционной культуры к культуре индустриального общества, отличительной особенностью которой становится ее **массовый характер**.

На первом этапе преобразований (50-80-е гг. XIX в.) мы можем видеть, в большинстве случаев, самоотверженную работу одиночек-энтузиастов, закладывающих основы новых форм работы с людьми. Второй период (90-е гг. XIX – начало XX в.) характеризуется организационным становлением и началом деятельности большого числа общественных объединений, представлявших собой овеществленную форму широкого гражданского движения.

Еще одна особенность, сформировавшаяся в рассматриваемый период, была связана с промышленным потенциалом Урала и отражала начало промышленной революции на предприятиях этого региона. Это касается роли и значения заводских поселков в культурном процессе. Переход к новым производствам, коренная реконструкция старых предприятий, становление организационных форм производства, характерных для новейшего капитализма – все это объективно требовало рабочего человека нового типа: не только хорошо образованного, но обладающего и более высоким уровнем гражданской ответственности и инициативы. Наиболее ярко эти явления проявились в музыкальном и театральном деле Пермской губернии.

В конечном итоге, расширение культурного пространства, за счет становления и развития новых гражданских инициатив и движений, создавало надежную и необходимую базу преобразований, получивших свое логическое завершение уже в годы советской власти и создавших новую цивилизацию.

ГЛАВА 3
БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ КАК ВЫРАЖЕНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ АКТИВНОСТИ НА УРАЛЕ

3.1 Меценатство, благотворительность, спонсорство – общее и особенное в историческом наследии

Благотворительность, как особая сфера человеческого мировоззрения и действия, по основным проявлениям в большей степени приближается к определению гражданственности, хотя по времени своего возникновения выходит за исторические рамки становления цивилизации и культуры Нового времени.

К первым историческим формам благотворительности можно отнести народную традицию взаимопомощи, основанную не столько на моральных принципах, сколько на здравом смысле и опыте человеческого общежития. Любой человек, помогающий ближнему в беде, предоставляя работу и деньги, понимал, что окажись он в подобной ситуации, ему тоже помогут. Взаимопомощь предполагала равенство дающего и берущего. И тот и другой равны перед ударами судьбы. Лишь такая благотворительность не унижала достоинство берущего.

Другой формой благотворительности стала утвердившаяся в качестве образа жизни христианская этика, включающая в себя идею милосердия и помощи страждущим. Характеризуя средневековую русскую благотворительность, В.О.Ключевский отмечал: «Любовь к ближнему полагали, прежде всего, в подвиге сострадания к страждущему, его первым требованием признавали личную милостыню. Такая помощь рассматривалась не как средство облегчить жизнь нуждающимся, а как духовное, нравственное возвышение самого дающего»[1]. В связи с этим первой организованной благотворительной структурой можно считать церковь. Благотворительность оказывалась через монастыри, главным образом это бесплатная раздача пищи и милостыни бедным. Стоглавый Собор 1551 г. постановил создавать в городах богадельни для больных и престарелых нищих, которым «боголюбцы» могли приносить милостыню и все необходимое для жизни «своего ради спасения», а Патриарх обратился к правительству с просьбой организовать такие богадельни для мужчин и женщин и в селах[2]. Но в тех исторических условиях это обращение носило, скорее всего, декларативный характер.

---

[1] *Ключевский В.О.* Исторические портреты. Деятели исторической мысли. М., 1990. С. 78.
[2] *Стогла*в. СПб., 1997. С. 198.

Еще одним важным каналом становления отечественной традиции благотворительности являлась верховная царская власть. В условиях утверждения абсолютизма в России благотворительность царя и членов царствующего дома становится важной составной частью имиджа власти. Она облекалась в форму патерналистской заботы о подданных. Такой подход отвечал религиозным идеалам русского народа и сакрализации монаршей власти. С наибольшей полнотой все это проявилось в период царствования Екатерины П и выразилось в знаменитых строчках: «Призрение бедным и попечение о умножении полезных обществу жителей суть две верховные обязанности каждого боголюбивого правителя»[1]. Основанные ею Воспитательные дома в Москве и Петербурге, Воспитательное общество благородных девиц (Смольный институт) в Петербурге пользовались постоянным вниманием «просвещенной» императрицы. В 1775 г. по «Учреждению о губерниях» создаются приказы общественного призрения, являющиеся органами государственной власти, но имеющие также право привлекать благотворительные пожертвования[2]. Тем самым начал формироваться системный подход к благотворительности, использующийся не только для достижения властью политических и идеологических целей, но и для финансирования структур призрения. Несмотря на высочайшее покровительство, созданные Екатериной II благотворительные учреждения призрения к концу ее правления приходят в полный упадок.

Если идея об использовании благотворительности для решения социальных задач и первая попытка претворения ее в жизнь принадлежала Екатерине П, то создание на основе благотворительности организованной системы призрения – заслуга супруги Павла 1, Марии Федоровны. С ее именем связано существование самого крупного среди благотворительных ведомств и комитетов под покровительством императорской фамилии - Ведомства учреждений императрицы Марии. Его статус был определен указом Павла 1 от 2 мая 1797 г.[3] Это первая в истории России централизованная, действовавшая в масштабах всей страны структура, предназначенная для решения социальных задач. Ко времени кончины Марии Федоровны, в 1828 г., Ведомство объединяло 30 раз-

[1] *ПСЗ*. Собр. 1. Т. 16. № 11908.

[2] *Там* же. Т. 20. № 14392.

[3] Именно эта дата является официальным днем рождения Ведомства, а не 12 ноября 1796 г., когда Мария Федоровна была назначена руководителем Воспитательного общества благородных девиц. Так, в указе императора Николая II по случаю столетнего юбилея Ведомства от 2 мая 1897 г. было подчеркнуто: «С этого Достопамятного дня в России возникло, под непосредственным покровительством их Величеств, новое учебно-благотворительное ведомство» - *Собрание* узаконений Ведомства учреждений императрицы Марии. Т. V. Кн. 2. СПб., 1908. С. 610.

личных учреждений, преобразованных в дальнейшем в 1У Отделение Собственной его императорского величества канцелярии, с октября 1854 г. именуемое как «Ведомство учреждений императрицы Марии»[1]. С 1850 по 1880 гг. руководителем этого ведомства стал принц П.Г.Ольденбургский, с именем которого связано становление в России всесословного женского среднего образования. Участие в этом вопросе членов императорской фамилии помогло преодолеть сопротивление относительно женского образования рутинеров и реакционеров.

16 июля 1816 г. официально создается второе общероссийское благотворительное общество под эгидой Дома Романовых – Императорское человеколюбивое общество. В его состав входили: Медико-филантропический комитет оказания медицинской помощи неимущим; Попечительный о бедных комитет и др. С 1824 г. Совет этого общества как исполнительный орган возглавляли представители высшего православного духовенства – митрополиты[2].

Во второй половине XIX – начале XX вв. создается еще ряд обществ, находящихся в ведении императорской фамилии: Российское общество Красного Креста, Попечительство о домах трудолюбия и работных домах, которое в 1906 г. преобразовывается в Попечительство о трудовой помощи, Романовский комитет (в честь 300-летия Дома Романовых). В годы первой мировой войны, с целью оказания помощи пострадавшим от военных бедствий, создается Татьянинский комитет. Покровительство благотворительности высочайших особ выражалось и в отдельных пожертвованиях.

В то же время государство устранялось от прямой обязанности по призрению нуждающихся подданных. Российским законодательством не устанавливались категории лиц, обязательно подлежавших призрению. Отсутствовали общепринятые критерии бедности и нужды, так как у разных сословий и профессиональных групп были свои представления о достатке и нужде[3]. Без оговорок к числу нуждавшихся общественное мнение и государство относили тех, кто явно не мог существовать без посторонней помощи. Это были: младенцы-подкидыши, сироты, немощные по болезни и по возрасту, инвалиды, слепые, неимущие больные, в конце XIX в. к ним добавились глухонемые.

---

[1] *Благотворительные* учреждения Российской империи. СПб., 1900. Т. 1. С. 3.

[2] *Там* же. С. 106.

[3] См.: *Максимов Е.Д.* Практическая и законодательная постановка мер общественного призрения // Русское богатство. 1896. № 10. С. 19-50.

В литературе различного типа, в том числе и научной, до недавнего времени можно было встретить различную терминологию по отношению к такому социальному и человеческому феномену, как благотворительность. Это понятие трактуется и как проявление меценатства, и даже ставится знак равенства с современным словом **спонсорство**[1]. Почему же происходит такое смешение понятий? Нам представлялась возможность вступить в полемику по данному вопросу. Проведенная дискуссия, определившиеся различные позиции и подходы позволяют сделать ряд существенных замечаний и дополнений, подвести некоторые итоги и высказаться определенно еще раз о содержании понятийного глоссария.

Вероятнее всего, такое смешение понятий происходит из-за того, что они являются родственными по происхождению. Все они отражают такое качество людей, как сострадание, которое формируется только в историческом процессе человеческого общежития, т.е. с периода становления первобытного общества и культуры. Однако его нормативные этические правила устанавливаются только с утверждения мировых религий в качестве ведущей идеологии общества и государств. Затем они канонизируются и постепенно превращаются в традицию, впитывая в себя и более ранние формы человеческих взаимоотношений во всем многообразии национального самосознания, становятся образом жизни или ее образцом.

С точки зрения индивидуального действия все три понятия отражают целые исторические периоды, отличающиеся по своему формационному содержанию. Меценатство, как действие, направленное на поддержку таланта и творчества отдельных лиц или целой группы, характерно именно для феодального общества. Появление учебных заведений различных профессиональных типов, художественных школ, училищ, музеев, театров, финансовая поддержка талантливых людей со стороны знаменитых и богатых аристократических фамилий и родов Российской империи – все это укладывалось в рамки традиционного самосознания дворянина-землевладельца.

Во-первых, развитие товарно-денежных отношений требовало подготовки специалистов, которые должны были обеспечить создание современных для

[1] *Отечественная* история. Энциклопедия: В 5 т. М., 1994. Т. 1. С. 240; *Клецина А.А., Орлова А.В.* Современные социальные исследования благотворительности в России: трактовка и подходы // Благотворительность в России. Социальные и исторические исследования. СПб., 2001. С. 10; *Темникова Л.А.* Благотворительность в контексте духовного развития общества. Калуга, 1996. С. 21; *Новиков А.В.* Благотворительность предпринимателей России начала XX века. Истоки и социально-психологические последствия // Историко-культурное наследие: новые открытия, сохранение, преемственность. Березники, 1999. С. 208; *Соколов А.Р.* Российская благотворительность в XVIII – XIX веках (к вопросу о периодизации и понятийном аппарате) // Отечественная история. 2003. № 6. С. 153 и др.

того времени хозяйств и производств, повысить доходность поместий и предприятий, снизить себестоимость выпускаемой продукции и обеспечить ее конкурентоспособность. Во-вторых, все результаты деятельности этих учреждений имели определенную товарную стоимость и являлись собственностью учредителя. В-третьих, создаваемые богатые коллекции, или какие-либо мероприятия, проводимые аристократией, были призваны демонстрировать их богатство и могущество в глазах общества. Причем, подчеркивалось исключительное право дворянства на меценатство, оно превращалось в «визитную карточку» принадлежности к касте избранных, становилось определяющей чертой имиджа господствующего класса.

Не стоит переоценивать того факта, что на волю отпускали талантливых представителей интеллектуального труда из числа крепостных. Во-первых, это было не правилом, а исключением, зависело всецело от желания, временной прихоти господина или просьбы влиятельных лиц. При всем прогрессивном значении формирования крепостной интеллигенции этот процесс сопровождался большим количеством личных трагедий. Дело в том, что большинство из них получали дополнительное или основное образование за границей, где крепостное право уже было анахронизмом. Новая европейская цивилизация основывалась на безусловном признании личной свободы человека от другого человека. Поэтому для многих вернувшихся из-за границы дипломированных крепостных реальная действительность крепостной России становилась еще более тяжелой. История владельческих центров Строгановых и Демидовых на Урале, где находилось самое большое число крепостной интеллигенции, дает нам много таких примеров[1].

Спонсорство – термин, появившийся в российской истории в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в. Его появление было связано с экономическим и политическим переворотом, создавшим квазикапиталистические отношения в нашем обществе. Обвальное обнищание значительной части общества, отказ государства от сильной социальной политики создали чрезвычайно сложную ситуацию в стране. Спонсорство стало выполнять важную роль в стратегии выживания для населения и тех организаций, которые раньше находились в системе госу-

[1] См.: *Бажова А.П.* Крепостная интеллигенция Урала в первой половине XIX века // Из истории рабочего класса Урала. Пермь, 1961. С. 142, 144; *Христианская* культура пермского Прикамья. С. 168-169; *Казанцев П.М.* На старом уральском заводе. Записки краеведа. Пермь, 1966. С. 110-114; *Калинина Т.А.* К вопросу о положении крепостной интеллигенции Урала (пермское имение Лазаревых в первой половине XIX века) // Художественная культура Пермского края и ее связи. С. 57-61. и др.

дарственного финансирования: школа, здравоохранение, учреждения культуры и др. Новым явлением стало мощное финансирование со стороны частного капитала процесса восстановления церквей, строительства новых культовых сооружений. Однако, в отличие от прошлых времен, на первый план выдвигались задачи использования спонсорства в качестве рекламы предприятия или собственной личности. Спонсорство стало эффективным инструментом интегрированных маркетинговых коммуникаций. Оно включается в систему планирования и становится опосредованным источником дополнительной прибыли, формирования имиджа бизнеса. В современной социологической терминологии оно ассоциируется с понятием «социально ответственный бизнес», а также включается в учредительные документы любой компании в раздел «миссия компании»[1].

Авторитетный дореволюционный словарь Брокгауза и Эфрона трактует понятие «благотворительность» как «нравственную обязанность имущего спешить на помощь неимущему»[2]. В «Полном православном богословском энциклопедическом словаре» дается такое определение: «Благотворительность – одно из проявлений любви христианской, когда человек оказывает благодеяния и поддержку нуждающемуся в этом, безразлично, будет ли это нужда духовная или телесная»[3]. Примеры личной благотворительной деятельности показывали, прежде всего, те, кто был на виду у местных обществ: губернатор, члены губернского правления, главный начальник горного управления, его главные специалисты, представители гильдейского купечества, руководство епархий. В 60-70-х гг. XIX в. к ним присоединяется значительная часть руководителей земского и городского самоуправления. Начинает набирать общественный авторитет интеллигенция.

Если представители губернской и горной администраций, духовенства входили в состав благотворительных официальных обществ по должности, то купечество вступает в них, имея в виду и те выгоды, которые несли с собой обязанности благотворителей. Во-первых, участие в деятельности такого рода поощрялось государственной властью; давало возможность купечеству получать почетные звания, чины, ордена. Во-вторых, появлялась реальная возможность поддержания репутации в общественных кругах или изменения своего общественного положения. Конечно, сводить побудительные причины купече-

---

[1] *Невоструева А.Ф., Невоструев Н.А.* Меценатство, благотворительность, спонсорство: общее и особенное // Историко-культурное наследие: новые открытия, сохранение, преемственность. Березники, 1999. С. 207.

[2] *Энциклопедический* словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1891. Т. IV. С. 55.

[3] *Полный* православный богословский энциклопедический словарь. СПб., 1912. С. 339.

ской благотворительности только к выгоде было бы неверно. Были также искренние душевные и бескорыстные порывы людей, которые принимали подчас достаточно широкие масштабы и имели общественный резонанс.

Здесь будет уместным привести несколько типичных примеров предтечи будущего широкого гражданского движения. Один из них связан с известной на Урале купеческой династией Каменских. Основали ее два брата, Федор и Григорий, бывшие крепостные крестьяне из пермских владений князя Голицына. Они начинают свою предпринимательскую деятельность в 30-х гг. с конных перевозок ярмарочных грузов и товаров в зимнее время из Нижнего Новгорода в Ирбит. Благоприятные условия извозного промысла, рациональные приемы ведения дела позволили создать первичный капитал, выкупиться из крепостного состояния. В конце 50-х гг. XIX в. они, интуитивно уловив перспективы развития водного транспорта на новой технической основе – пароходов, переходят к грузовым перевозкам, а затем и пассажирским. В 1871 г. основывают торговый дом «Товарищество пароходства и транспортирования грузов Ф.и Г. Братья Каменские», который имел миллионные обороты[1].

Выходцы из крестьян, имевшие только начальное образование, они отличались истовым отношением к вопросам религии, поэтому их основным направлением благотворительности становятся крупные вклады в церковное строительство и благоустройство действующих церквей не только в Перми, но и за границей: в Афонский монастырь, православным миссиям в Иерусалиме и Японии. Всего за время своей жизни братья Каменские построили в Перми и уезде 5 церквей, являлись самыми активными участниками в работе губернского попечительства детских приютов; попечителями «Убежища детей бедных», городской общественной богадельни и др[2].

В 1874 г., будучи гласными городской думы, они приобретают у города значительный участок земли, на котором начинается строительство большого комплекса зданий для Успенского женского монастыря, в который входили: трапезный корпус, монастырская больница, мастерские и др[3]. Возглавить женскую обитель была приглашена монахиня Нижегородского Крестовоздвиженского монастыря Руффина, которая смогла поднять авторитет этого первого для Перми религиозного учреждения. Монастырь был официально открыт в февра-

---

[1] *Верхоланцев В.С.* Город Пермь, его прошлое и настоящее. Пермь, 1913. С. 204-206.
[2] *ПГВ*. 1893. № 2.
[3] *Дмитриев А.А.* Указ. соч. С. 295.

ле 1882 г.[1] По представлению руководителя Пермской епархии Палладия в апреле 1912 г. Св. Синод, принимая «во внимание к особенному значению его в религиозно-просветительном отношении для окрестного населения», повысил статус монастыря из третьего до первого класса обителей России[2]. В течение всего времени существования, до конца 1918 г., братья Каменские, а затем и их наследники, обеспечивали всем необходимым его деятельность. В этом благородном деле им помогали многие пермские купцы: П.Ф.Камчатов, А.Д.Ждахин, Д.Е.Шибанов и др. В росписи иконостаса, других предметов культа принимали участие известные в России художники: М.В.Нестеров, Н.К.Рерих, С.И.Вашков, В.М.Васнецов, пермский художник А.Н.Зеленин.

На другом склоне Уральских гор, в Екатеринбурге, в это же время протекала благотворительная деятельность еще одного представителя уральского купечества – Михаила Ананьевича Нурова. Рано оставшись без родителей, он входит в среду предпринимателей очень органично и успешно. В короткое время семейная фирма под его руководством становится ведущим предприятием в салотопенном промысле. Он пробует свои силы в других перспективных отраслях: золотодобыче, хлебной торговле, продаже металлов и др. Одним из первых принимает участие не только во всероссийских, но и во всемирных выставках, используя их для позиционирования и продвижения товаров своего производства[3].

В историю благотворительности города М.А.Нуров вошел как основатель и попечитель детского приюта для приходящих детей. Он располагался в доме, который был куплен специально для этих целей, был выделен постоянный капитал 15000 руб. Приют был открыт 23 апреля 1857 г., и в нем находилось одновременно 40 детей. В дальнейшем приют получает имя основателя и благодетеля. В 1870 г. был основан ремесленный класс, в котором призреваемые дети получали специальность[4]. Директором приюта и одновременно его бессменным врачом становится доктор медицины, в дальнейшем почетный гражданин Екатеринбурга А.А.Мирославский[5], участие которого в работе приюта позволило превратить его в одно из образцовых благотворительных учреждений губернии.

Получив домашнее образование, М.А.Нуров сохранил высокий пиетет перед знаниями. Он оказывал постоянную денежную помощь мужской и жен-

---

[1] *Харитонова Е.Д.* Игумении пермских обителей // Страницы прошлого. Пермь, 1999. Вып. 2. С. 158-159.
[2] *ПГВ*. 1912. № 96.
[3] *Бухаркина О.А.* Гражданин Екатеринбурга Михаил Ананьевич Нуров // Первые Татищевские чтения. Екатеринбург, 1997. С. 98-99.
[4] *Благотворительны*е учреждения в России. СПб, 1900. С. 96-97.
[5] *Записки* УОЛЕ: Приложение. Екатеринбург, 1901. Т. XXII. С. 21.

ской гимназиям; при мужской гимназии на его средства (свыше 10 тыс. руб.) была основана Покровская церковь. Он способствовал строительству для средних учебных заведений города отдельных зданий. Для города он делает подарок, разбивая благоустроенный сквер, который получил название «Нуровский». За общественные заслуги награждался орденами Российской империи[1].

Особым размахом церковного благотворительного строительства отличалось купечество уездного города Елабуги Вятской губернии. Капиталы сколачивались за счет оптовой торговли хлебом, скотом, продукцией кожевенного производства. Всероссийскую известность имел купеческий род Стахеевых, которые в начале 70-х гг. Х1Х в. создают «Благотворительный братьев Дмитрия Ивановича и Ивана Ивановича Стахеева комитет», капитал которого превышал 2 миллиона рублей[2]. Одним из направлений деятельности комитета было церковное строительство на территории России, в том числе в Вятской губернии. Один из основателей династии, И.И.Стахеев, так определил свое жизненное кредо в благотворительной деятельности: «…с самого начала своей торговой деятельности дал пред господом Богом обет: помогать нуждающейся меньшей братии, способствовать распространению христианской религии устроением храмов Божьих и вообще благотворить по силе возможности своей…»[3]. Наиболее значительный объект церковной благотворительности И.И.Стахеева стал Казанско-Богородицкий женский монастырь. Его строительство обошлось в 300 тысяч рублей. При нем были построены школа и приют для девочек-сирот. При выходе из приюта каждая получала 50 рублей приданого[4].

В Сарапуле создает монастырские постройки купеческая династия Дедюхиных[5], в Слободском церковной благотворительностью занимался известный виноторговец В.В.Александров. На его средства в пригороде Слободского – слободе Демьянке в 1865 г. был построен и освящен Свято-Духовский храм с зданиями для проживания священнослужителей[6].

Большинство представителей купечества в этот период времени имели возможность реализовывать свои представления о благотворительности с помощью церковных организаций, таких как Епархиальное миссионерское общество,

---

[1] Использован материал *О.Водопьянова*. История о купеческом сыне // размещен на сайте: http://www/vitta.ural.ru/

[2] *Платонов О.* 1000 лет русского предпринимательства: из истории купеческих родов. М., 1995. С. 224.

[3] Цит. по: *Лигенко Н.П.* Купечество Удмуртии. Ижевск, 2001. С. 285.

[4] *ГАКО*, ф. 582, оп. 26, д. 846, л. 56.

[5] *Лигенко Н.П.* Указ. соч. С. 246.

[6] *ВЕВ*. 1865. 20 августа.

Православное Палестинское общество: входили в составы попечительных советов духовных училищ, семинарий; занимали должности церковных старост и др.

Показательна с этой точки зрения судьба основателя известной уральской купеческой династии Кропачевых – Павла Николаевича. Выходец из крепостных крестьян Всеволожских, он закладывает основы семейного бизнеса в кожевенном промысле, затем переходит к транспортным и посредническим операциям[1]. Церковное благосостояние – его главный жизненный принцип, цель участия в благотворительности. В 1851 г. его избирают церковным старостой Верхнегородковской сельской церкви, и уже через три года он увеличивает ее доходность, что позволило расширить благотворительную деятельность прихода. Он становится ответственным от местного сельского общества за сбор средств на строительство в Перми Воскресенского храма в память об отмене крепостного права[2]. Семейные традиции Кропачевых были продолжены его сыновьями и внуками.

Широкое распространение получило среди купечества открытие на собственные средства богоугодных заведений: приютов, сиротских домов, ремесленных классов и т.п. В Верхотурье на средства купцов А.Я.Попова и И.А.Мухлынина была создана богадельня, для существования которой было пожертвовано в основной капитал около 40 тыс. руб. В Камышлове действовал приют для детей-сирот, созданный на средства купца М.Ф.Рожнова и получивший имя своего жертвователя. Здесь находилось свыше 60 человек. В Чердыни на частные средства купца и пароходчика М.Г.Лунегова (25000 руб.) содержалась богадельня[3].

В Кунгуре два благотворительных заведения были созданы на средства миллионеров-чаеторговцев: А.С. Губкина и М.И. Грибушина. В 1875 г. в память о рано умершей дочери А.С.Губкин открывает «Елизаветинский дом призрения бедных девочек в Кунгуре», выделив для него «на вечные времена» капитал в 230 тыс. руб. Специально построенный трехэтажный дом, обошедшийся в 360 тыс. руб., был оснащен новым по тем временам паровым отоплением и газовым освещением. При нем действовали библиотека и больница. Помимо образовательных предметов воспитанницы получали навыки рукоделия, домоводства, кулинарии. Каждой девице при выходе замуж выдавалось 100 руб. и

---

[1] *Баяндина Н.П.* Пермь купеческая. Пермь, 1997. С. 84.
[2] *Кудрявцев И.Е.* Воспоминания о Павле Николаевиче Кропачеве. Пермь, 1900. С. 8-9.
[3] *Обзор* Пермской губернии за 1897 год. С. 83-85.

приданое, которое шилось еще в приюте. Курс обучения в приютской школе был равен программе начального училища, а способные к дальнейшему обучению поступали на специальную стипендию в местную женскую гимназию[1]. В 1885 г. приют был преобразован в Елизаветинскую рукодельную школу, в которой училось до 80 человек[2].

Второй кунгурский чаеторговец – М.И.Грибушин вместе с супругой А.И.Грибушиной на городском капитале знаменитого кунгуряка-путешественника К.Т.Хлебникова в 1886 г. основывают Михайло-Антонино-Кирилловский сиропитательный дом для мальчиков-сирот[3]. Первоначально он помещался в Общественной Зыряновской богадельне. Известный купец Е.С.Зырянов передает весь свой капитал – 85 тыс. руб. – на строительство богадельни, а сам уходит в монастырь[4]. В 1891 г. было выстроено собственное здание сиропитательного дома, и по завещанию М.И.Грибушина на содержание приюта был передан капитал 125 тыс. руб. Отдельно была выстроена домовая церковь, которая была позднее преобразована в фамильную усыпальницу Грибушиных[5].

В 70-90-х гг. XIX в. появились благотворители нового типа, которые представляли собой новое поколение людей с высокой степенью гражданской ответственности и инициативы. Это поколение, выросшее из глубин земского движения и городской общественности, в меньшей степени было связано с богатым купеческим сословием, но купеческая благотворительность по-прежнему остается значительной частью общего потока помощи нуждающимся. Однако традиционные формы, присущие предшествующему периоду, когда благотворительность имела в большей степени религиозную окраску, наполняются новым общественным, гражданским содержанием.

К представителям «новой волны» мы относим, прежде всего, руководителей земских учреждений и городского самоуправления, пришедших к руководству новыми местными организациями на гребне общественной активности 60-70-х гг. XIX в. Председателями уездных управ и городскими головами становились, в большинстве случаев, люди, не столько богатые, сколько имевшие моральный и общественный авторитет в глазах выборщиков. Мы уже в первой

---

[1] *Некролог*. Алексей Семенович Грибушин // Циркуляр по Оренбургскому учебному округу. 1883. № 12. С. 518-520.

[2] *Отчет* о состоянии Кунгурской Елизаветинской женской рукодельной школы. Кунгур, 1888. С. 3-4.

[3] *ПГВ*. 1886. № 21.

[4] *Там* же.

[5] *Кунгурски*й Михаило-Антонино-Кирилловский сиропитательный дом Грибушиных // Циркуляр по Оренбургскому учебному округу. 1899. № 10. Приложение. С. 39-41.

главе отмечали гражданскую позицию на рубеже 50-60-х гг. Д.Д.Смышляева, что позволило ему стать первым председателем губернской земской управы и находиться на этом посту в течение почти десятилетия. К этой же славной когорте «шестидесятников» мы можем с полным правом отнести: А.И. Кожевникова (Кунгурская уездная управа), И.П.Дягилева (Осинская уездная управа), С.М.Сыропятова (Соликамская уездная управа), Н.С.Селиванова (Чердынская уездная управа), И.А.Мухлынина (Верхотурская уездная управа); В.А. Граммматчикова (Екатеринбургский городской голова), И.И.Любимова (Пермский городской голова), А.Т.Шитова (городской голова г. Сарапула), И.П.Кардакова (городской голова г. Котельнича), Л.П.Матвеева (Уржумская уездная управа), П.И.Колотова (Глазовская уездная управа), М.А.Булычева (Орловская уездная управа), А.Н.Кузнецова (Орловский городской голова) и др.

Особого внимания заслуживает деятельность председателя Екатеринбургского уездного земства Николая Андреевича Клепинина (1841-1905 гг.). Выходец из небогатой потомственной дворянской семьи, он получил среднее образование в Казанской гимназии. Без экзаменов стал студентом юридического факультета Казанского университета. Однако по состоянию здоровья вынужден был завершить образование на четвертом курсе и возвратиться домой, в Екатеринбург[1]. Выше уже было отмечено, что во II половине XIX в. Казань являлась одним из общероссийских центров либерально-демократического движения, давшего Уралу большое число подвижников идей просвещения и гражданской активности. К их числу относился и Н.А.Клепинин.

С введением в Пермской губернии земских учреждений в 1871 г. он был избран председателем Екатеринбургской уездной управы, во главе которой находился до сентября 1904 г. с одним перерывом на шесть лет (с 1873 по 1879 гг.), когда работал в качестве мирового судьи. Таким образом, он возглавлял уездное земство в течение 21 года[2]. Это единственный случай такого общественного долголетия во всей Пермской губернии. Во многом, благодаря приоритетам просветительских взглядов самого Николая Андреевича, за период его работы в земстве, Екатеринбургский уезд стал занимать первое место в губернии по числу открытых народных школ, ведущее место – по количеству общественных библиотек и медицинских учреждений.

---

[1] *Микитюк В.П.* «Земец первого призыва» Н.А.Клепинин // Известия УрГУ. 1998. № 9. С. 76.
[2] *Уральская* жизнь. 1905. 4 мая.

Основным направлением благотворительной деятельности самого Н.А.Клепинина стала помощь бедным учащимся в получении образования. По его инициативе создается «Общество вспомоществования недостаточным учащимся», которое он возглавлял до своей смерти. Кроме того, он входил в состав попечительских советов учебных заведений уезда и города, уездного медицинского совета, местного отделения Общества Красного Креста, являлся товарищем председателя епархиального комитета православного миссионерского общества, входил в состав уездного попечительства о народной трезвости. Его жена, Надежда Николаевна, возглавляла долгое время Комитет Екатеринбургского Благотворительного общества[1].

Большим моральным испытанием для Н.А.Клепинина стал неурожайный 1891 г., который поразил в основном крестьянские хозяйства Екатеринбургского уезда. Ему пришлось приложить максимум усилий для того, чтобы консолидировать возможности государственных и общественных органов управления, организовать благотворительную помощь голодающим, чтобы смягчить насколько возможно было их отчаянное положение. Поскольку он был очень эмоциональным человеком и не отличался крепким здоровьем, эти события приводят к началу заболевания сердца. К тому же изменение положения земских учреждений по контрреформе 1890 г. очень было им болезненно воспринято[2]. Его смерть в мае 1905 г. вызвала общественный резонанс. Как отмечалось в некрологе: «Он был не только честный земский деятель, но и гражданин и семьянин, жизнь которого заслуживает подражания»[3].

Вообще весь род Клепининых во II половине XIX–начале XX в., так или иначе, оказался связанным с земским движением в губернии. Его брат, Андрей Андреевич, также работал мировым судьей, являлся гласным губернского земства, в 1910–1911 гг. исполнял обязанности председателя губернской земской управы, входил в попечительный совет Мариинской женской гимназии в Перми[4]. Сестра, Екатерина Андреевна, была женой известного в губернии общественного деятеля, врача по специальности, избиравшегося в 1899–1903 гг. председателем губернской земской управы, – Виктора Васильевича Ковалевского. Она работала в губернских обществах: Красного Креста, Комитете дамского

---

[1] *Адрес*-календарь и памятная книжка Пермской губернии на 1895 год. Пермь, 1895. С. 162.
[2] *Микитюк В.П.* Указ. соч. С. 78.
[3] *Уральская* жизнь. 1905. 4 мая.
[4] *Родословная* роспись Клепининых // Материалы взяты с сайта: http://www/genealogia.ru/

попечительства о бедных, входила в состав попечительных советов учебных заведений г. Перми и др.[1]

В истории Пермского земства и благотворительности можно выделить династию Мухлыниных. Иван Александрович в 1869 г. был избран городским головой и прослужил в этой должности 12 лет. На собственные средства он основал в 1870 г. первую в уезде общественную библиотеку. И.А.Мухлынин жертвует 7 тыс. руб. на капитальный ремонт Свято-Троицкого собора, еще 3 тыс. - на содержание соборного причта (капитал был положен в банк, а проценты с него шли на добавку к жалованью священнослужителей собора)[2]. Все годы он работал на выборной должности бесплатно, а накопившаяся сумма (6 тыс. руб.) шла на помощь неимущим жителям города и бедным служащим городской управы. В 1894 г. на средства, пожертвованные И.А.Мухлыниным и основателем городского общественного банка А.Я.Поповым, была основана городская богадельня для 20 престарелых одиноких жителей города[3]. Его жена, Мария Андреевна, долгие годы возглавляла комитет «Верхотурского общества вспоможения нуждающимся». По завещанию после ее смерти в 1903 г. было передано в фонд городского детского приюта, в котором находилось 7 чел., 3 тыс. руб.[4]

Их сыновья, Николай и Александр, получили юридическое образование в Московском университете и также посвятили себя общественной работе. Н.И.Мухлынин являлся много лет городским старостой. Александр после работы мировым судьей в Кунгурском и Верхотурском уездах с 1898 г. в течение 12 лет, как и его отец, избирался председателем Верхотурской уездной управы, в апреле 1906 г. был избран депутатом I Государственной думы от земства Пермской губернии, а в 1910 г. - председателем Пермской губернской земской управы[5]. У себя в уезде он превращает городскую библиотеку, основанную его отцом, в уездную общественную земскую. Он возглавил группу энтузиастов-общественников, которая во многом способствовала успешной работе И.Я.Кривощекова по составлению «Словаря Верхотурского уезда». Под его руководством по числу благотворительных заведений уезд занимал вместе с Пермским первое место в губернии. С 6 в 1897 г. до 14 в 1910 г., в которых при-

---

[1] *Там* же.
[2] *Кривощеков И.Я.* Словарь Верхотурского уезда Пермской губернии. Пермь, 1910. С. 328-330.
[3] *Обзор* Пермской губернии за 1897 год. Пермь, 1898. С. 83.
[4] *Кривощеков И.Я.* Указ. соч. С. 332.
[5] *ГАПО*, ф. 44, оп. 1, д. 510, л. 121-122.

зревалось более 270 человек[1]. Одним из первых на Урале он вводит денежные пособия земским служащим, преимущественно учителям. К 1908 г., при поддержке уездного земства, было образовано пять сельских детских яслей[2].

В составе Вятского городского самоуправления общественной благотворительностью выделялся Я.А.Прозоров[3]. На рубеже 50-60-х гг. Х1Х в. он возглавлял городскую думу, входил в число постоянных выборных в городское управление, а затем и в число гласных. Его благотворительность носила открыто социальный характер. С каждого рубля полученной прибыли 10% отчислялось в особый фонд благотворительности торговой фирмы, а затем использовалось по целевому назначению[4]. Он выступил учредителем приюта для детей-сирот из бедных семей Вятки, который был открыт в городе в июне 1870 г., образовав особый капитал в 15 тысяч рублей. Как подчеркнул в молебне при открытии приюта глава епархии епископ Апполос, отмечая заслуги Я.А.Прозорова: «Кто имеет достаток в мире, но видя брата своего в нужде, отворяет для него сердце свое, пребывает в том любовь божия»[5]. Он передает собственные здания для городской богадельни, женского епархиального и городского училищ. Общая стоимость благотворительной помощи Прозорова в городе оценивалась более чем в 500 тысяч рублей[6].

Еще одно имя в истории благотворительности на Урале стало широко известным в этот период времени – Павел Николаевич Серебренников (1849-1917 гг.). Уроженец Соликамского уезда Пермской губернии, доктор медицины, закончивший Петербургскую медико-хирургическую академию, благодаря помощи со стороны губернского земства. С 1880 г. вернулся в Пермскую губернию, с 1885 г. до конца жизни работал в Перми. Здесь разворачивается его неутомимая подвижническая гражданская деятельность, выходившая далеко за пределы Перми. Мы уже упоминали о его вкладе в создание и эффективную работу многих общественных организаций Пермской губернии: Экономического общества, Ученой архивной комиссии, Пермского медицинского общества, его детища – Научно-промышленного музея и др.

---

[1] *ГАПО*, ф. 144, оп. 1, д. 2, л. 186, 271.

[2] *Журналы* Верхотурского уездного земского собрания 39 очередной сессии 1908 г. Ирбит, 1909. Т. 1. С. 859-860.

[3] См.: *Кощеева В.И.* Я.А.Прозоров, потомственный почетный гражданин, первой гильдии купец, коммерции советник, меценат вятского происхождения. Вятка, 2000.

[4] *Там* же. С. 15.

[5] *ВЕВ*. 1870. № 12.

[6] *Календарь* Вяткой губернии на 1885 г. Вятка, 1884. С. 15.

Не менее значимым был его вклад в благотворительную деятельность пермской общественности. Будучи выходцем из бедных слоев, получивший помощь от участливых людей, он в течение всей жизни сохранил чувство благодарности. Поэтому помогать бедным и нуждающимся в поддержке было одним из главных жизненных принципов этого человека. Как точно выразился о гражданской совести Серебренникова его близкий друг П.Голубев: «Его обширная и, конечно, бесплатная амбулатория всегда наполовину состояла из лиц, которые пришли просить его, кто о месте и о должности, кто о «пропитании»…, кто о билете для отправки на родину, кто за юридическим советом… трудно перечислить только категории этих просителей, которые в летнее время толпой осаждали его квартиру, располагаясь в хорошую погоду бивуаком против нее»[1].

Особенно трепетное отношение было у Павла Николаевича к обездоленным детям и детям-инвалидам. Поэтому, когда в 1893 г. руководство первого в городе приходского попечительства о бедных при Рождество-Богородицкой церкви, созданного еще в 1889 г., обратилось с просьбой возглавить это попечительство и церковно-приходскую школу при нем, П.Н.Серебренников согласился сразу[2].

Главное внимание он обращал на школу. В самые короткие сроки, всего за три года, было выстроено одно из самых заметных зданий в городе, автором проекта которого был знаменитый архитектор А.Б.Турчевич (в качестве благотворительной помощи – бесплатно). В здании школы были предусмотрены не только современные классные помещения, но и большой актовый зал для массовых мероприятий, столовая, мастерские. Отмечая участие многих людей в создании школы, при ее открытии Серебренников сказал: «Вы – богатые и бедные, несли в эти два года тысячи и копейки, труд и любовь… Этою школой вы создали себе памятник и вы, наверное, уже чувствуете, что награждены за это, по той великой радости, которая наполняет теперь вашу душу, сознавая, что свершенное вами дело, хотя и малое, но оно создано той же любовью к людям, которая двигает и горами!»[3]. В 1906 г. стараниями Павла Николаевича школа расширилась за счет пристроя почти в два раза. В ней обучалось более двухсот девочек из бедных семей и приютов[4]. За состоянием их здоровья следил сам

---

[1] *Голубев П.А.* П.Н.Серебренников: К 25-летнему юбилею его деятельности. Пермь, 1902. С. 5.
[2] *ПЕВ*. 1893. № 27.
[3] *ГАПО*, ф. 598, оп. 1, д. 223, л. 47.
[4] *Отчет* Рождество-Богородицкого попечительства в г. Перми за 1906 г. Пермь, 1907. С. 11.

П.Н.Серебренников. Позднее при школе был организован Богородицкий приют, куда поступали дети 8-10 лет, оставшиеся без родителей[1].

В этом же здании проходили публичные лекции и беседы для взрослых (только за один 1897 г. было проведено 37 публичных чтений, на которых присутствовало более 8000 чел.), помещались знаменитые на всю страну певческие курсы, которыми руководил его близкий друг и сподвижник А.Д.Городцов[2].

Кроме заботы, полного начального образования, получения навыков в ремесле, дети в школе получали и первые уроки милосердия. На Рождество и перед Пасхой ученицы шили одежду, вязали разные вещи, делали вышивки, а затем лично дарили эти подарки детям из бедных семей, которые приглашались в школу. Они получили по предложению П.Н.Серебренникова название «Дни благотворительности»[3].

В мае 1901 г. П.Н.Серебренникову удалось реализовать еще один социально значимый проект, идею которого он вынашивал еще с 80-х гг. Используя средства попечительства, заинтересовав губернское земство, обратившись к состоятельным горожанам, в пригородном районе Нижней Курьи, где находился сосновый реликтовый лесной массив, он создает детскую оздоровительную колонию на 30 детей. Она первоначально предназначалась только для детей Богородицкой школы, но вскоре стала принимать детей бедняков из других школ города[4].

В 1905 г. организованное в Перми Общество вспомоществования нуждающимся учащимся низших народных училищ избирает своим руководителем П.Н.Серебренникова[5]. По его же инициативе в 1898 г. была организована дешевая столовая-чайная для переселенцев и специальный барак для их размещения. Городская дума создает специальную комиссию по контролю над работой этой столовой, которую возглавил также Серебренников[6].

Верной спутницей жизни и всех гражданских начинаний Павла Николаевича была его жена, уроженка Екатеринбурга – Евгения Павловна Серебренникова (1854-1897 гг.). Они поженились еще в студенческие годы. Вместе участвовали добровольцами в русско-турецкой войне 1877-1878 гг. Евгения Павловна выбрала врачебной специализацией офтальмологию и стала одной из первых

---

[1] *Отчет* Рождество-Богородицкого попечительства в г. Перми за 1909 г. Пермь, 1910. С. 5.

[2] *Отчет* Пермского научно-промышленного музея за 1897 г. Пермь, 1899. С. 36.

[3] *Исторический* очерк рукодельного ремесла при пермской Рождество-Богородицкой женской школе. Пермь, 1909. С. 39-40.

[4] *ПГВ.* 1901. № 20.

[5] *ГАПО*, ф. 42, оп. 1, д. 343, л. 96.

[6] *Журналы* Пермской городской думы за 1898 год. Пермь, 1899. С. 186-187; *ПГВ.* 1898. № 21.

в России женщин-специалистов по глазным болезням. Кстати, свой врачебный выбор она сделала под влиянием знаменитого уральского хирурга, почетного гражданина Екатеринбурга – Александра Андреевича Мирославского. В январе 1886 г. в губернской земской больнице было открыто одно из первых в России специализированное глазное отделение, заведовать которым стала Е.П.Серебренникова[1]. Для Пермской губернии это было крайне необходимо, так как в структуре заболеваний глазные болезни занимали 4-е место по своей частоте распространения среди сельского населения[2].

В 1889 г. в Перми было основано Отделение Мариинского попечительства для призрения слепых, в создании которого большое участие приняли: пермский губернатор В.В.Лукошков и глава Пермской епархии преосвященный Владимир[3]. Однако практическое выполнение задач попечительства легло на плечи П.Н. и Е.П.Серебренниковых. Благодаря тому обстоятельству, что Павел Николаевич стал к этому времени популярным частнопрактикующим врачом, в помощи которого нуждались практически все состоятельные и влиятельные люди города, а Евгения Павловна была очень востребованным специалистом, им удалось в короткое время обеспечить поступление благотворительных средств на строительство училища для слепых и приюта при нем. Основным благотворителем стал екатеринбургский купец М.Ф.Рожнов, пожертвовавший на строительство 23000 руб. Кроме него в числе жертвователей были также: московская купчиха Дедюхина, В.А.Поклевский-Козелл, братья Суслины и др. Всего по подписным листам было собрано около 1300 руб., 484 руб. выделил Совет попечительства[4].

Позже, в 1893 г., М.Ф.Рожнов вновь жертвует училищу крупную сумму. Он выделяет 40000 руб. на строительство училищной церкви, которая была освящена в 1896 г.[5] Такое внимание с его стороны было вызвано тем, что его дочь была слепой от рождения. 3000 руб. собрали по подписке чиновники акцизного управления, руководитель которого, действительный статский советник А.М.Благовидов, являлся распорядителем попечительства. Уже в конце августа 1890 г. это учебное и благотворительное заведение, которое возглавили супруги Серебренниковы, от-

---

[1] *Биографический* указатель памятных деятелей Пермского края. С. 36-37.

[2] *Шестова Т.Ю.* Развитие здравоохранения Уральских губерний 1864-1900. Пермь, 2003. С. 257-258.

[3] *ГАПО*, ф. 65, оп. 2, д. 228, л. 5-5 об.

[4] *ГАПО*, ф. 35, оп. 1, д. 58, л. 83-84.

[5] *Отчет* Пермского отделения состоящего под августейшим покровительством ее императорского величества императрицы Марии Федоровны попечительства императрицы Марии Александровны о слепых за 1908 г. Пермь, 1909. С. 6.

крывает свои двери для первых призреваемых. Если в первый год призревалось 40 человек, то к 1900 г. здесь находилось уже 100 слепых[1].

По предложению Серебренниковых при училище были созданы сапожная, корзиночная и ткацкая мастерские (кстати, единственные в России среди подобных учреждений), изделия которых реализовывались в городе, и это служило дополнительным источником средств на обеспечение училища и приюта. Здесь же учащихся обучали пению по методике А.Д.Городцова[2].

Примеров, подтверждающих степень распространенности в российском обществе личной благотворительности, можно приводить много, однако только обычное перечисление имен не позволит исследовать внутренние структурные изменения, которые происходили на рубеже двух веков.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что реформы 60-70-х гг. не только меняли экономическую структуру страны, но и опосредованно оказывали воздействие на социокультурную ситуацию как в центре, так и в провинции. В связи с появлением новых людей возникли новые запросы и соответственно новые модели поведения. Формирование элементов гражданских отношений создавало новые условия для становления и развития личности, отразившиеся и на сфере частной благотворительности. Она перестает быть уделом избранных, имеющих материальные средства, приобретает массовый характер. Постепенно меняется и объект благотворительной помощи: пожертвования на церковное строительство, различные вклады в развитие церкви, характерные в большинстве случаев для купечества, отходят на второй план. Отличительной чертой благотворительности с 80-х гг. XIX в. стало обращение к конкретному человеку не с целью оказать ему благодеяние – материально поддержать в трудную минуту (что было характерно для милостыни), а создать условия для его развития (получение образования, развитие способностей и таланта и пр.).

С другой стороны, благотворительность становится способом самовыражения личности-гражданина вне сословных границ. «Галерея» новых лидеров общественной активности и гражданской инициативы провинции существенно расширяется. Меняется и его социокультурный портрет.

Появляются представители «новой волны», нового поколения российского предпринимателя: российская буржуазия. К концу XIX в. не только определились основные черты капиталистического развития экономики страны, но и

---

[1] *Отчет* Пермского отделения попечительства о слепых за 1900 г. Пермь, 1901. С. 73.
[2] *Там* же. С. 59-61.

формируются его новейшие формы, особенно в промышленном секторе. Даже уральские промышленники, отличающиеся значительным консерватизмом, приспосабливаются к новым реалиям. Правда, этот процесс был очень медленным и противоречивым. Новое понятие «престиж» «демонстрируется» не на ярмарках и в балаганах, не в ресторане, а в новых формах общественной жизни: земских и городских органах самоуправления, многочисленных благотворительных обществах и организациях, т.е. там, где присутствуют представители властных структур. Они держат ложу в театре (хотя сами бывают там крайне редко), способствуют развитию образования, помогают просветительским обществам; создают собственное «клубное» место встреч – Купеческое собрание в противовес Благородному собранию. Правда, клубная жизнь могла сопровождаться и роскошным ужином, и концертными программами, и…драками или затяжным запоем. Не случайно притчей во языцах становятся «номера», находившиеся в специально надстроенном этаже над Общественным собранием (Купеческом клубом) в Перми, куда переводили подвыпивших посетителей местного буфета, что не раз было предметом сатирических зарисовок в «Пермских губернских ведомостях»[1]. С другой стороны, наличие большого количества представителей старообрядчества среди предпринимателей, особенно в Екатеринбургском, Верхотурском, Осинском и Шадринском уездах Пермской губернии, Елабужского, Глазовского уездов Вятской губернии, способствовало сохранению традиционных ценностей, прежде всего в быту и семейных отношениях.

Однако появляются представители «новой волны» российского предпринимательства, которые прежде всего обращали внимание на социальную составляющую собственного бизнеса. Они переходили к новым формам взаимоотношений с наемными рабочими, чтобы избежать социальной напряженности. Упорный отказ самодержавия признать новые реальности, которые для них были абсолютно явными, вызывало у этой части буржуазии раздражение и переход их не только в либерально-оппозиционный, но и в радикальный лагерь. В Пермской губернии к представителям нового поколения буржуазии можно отнести: Н.В.Мешкова, И.И.Любимова, И.И.Симонова, С.М.Грибушина, Е.К. Тупицына и др. В Вятской губернии: братья Колотовы, Л.П.Матвеев, А.А.Чернов, династия Стахеевых и др. Их благотворительная деятельность, носившая комплексный характер, осуществлялась в других сферах жизни; вклады в духовное ведомство,

[1] *ПГВ.* 1900. 26 янв.; *Там* же. 1900. 14 сент.; *Там* же. 1902. 28 сент.; *Там* же. 1905. 1 февр.; *Там* же. 1913. 9 февр.

составляя незначительную часть, прежде всего предназначались для бедных воспитанников духовных училищ и семинарий. Тем самым они становились активными и действенными членами принципиально иных благотворительных обществ.

Второй тип «героя благотворительности» к концу XIX в. – это интеллигент-просветитель, являющийся продолжателем дела «новиковского направления», готовый служить людям, которые нуждаются в нем; сострадающий обездоленным. Поскольку представители этого типа активны и инициативны, то их сфера благотворительности, которая значительно расширяется, распространяется не только на неимущие слои населения, особенно в период неблагоприятных природных условий. Так, в период голодного 1891 г., когда бедствие охватило ряд уездов Вятской губернии, зауральских уездов Пермской губернии, благодаря энергичным действиям земских учреждений, их руководителей, представителей общественности удалось значительно снизить социальные последствия этой трагедии[1].

В благотворительности уральской общественности стали прослеживаться элементы планомерности и системности, способствующие созданию принципиально иных организационных форм благотворительной деятельности. Она перестает быть актом стихийного душевного порыва, а представляет собой осознанную гражданскую обязанность перед обществом. Предтечами этого нового подхода стала гражданская позиция наиболее известных деятелей Урала, о которых мы говорили выше.

Не считаем, что активная гражданская позиция части общества, причем очень незначительная, в области благотворительности могла бы компенсировать отсутствие системы государственной политики в социальной сфере, поскольку в их действиях существовало достаточно много противоречий, которые вызывали обратный эффект. Одно из проявлений противоречий было метко подмечено в фельетоне «Благотворительницы», который появился на страницах «Пермских губернских ведомостей» в ноябре 1911 г. В нем в гипертрофированном виде была представлена реально существовавшая проблема государственного чиновника, который вынужден «добровольно» заниматься благотворительностью. Как говорил герой фельетона: «… никакого спасения, никакого!

[1] *Доклады* Пермской губернской земской управы Пермскому губернскому земскому собранию 22-й очередной сессии. Пермь, 1892. С. 84-87; 126-128; *Журналы* Вятского губернского земского собрания XXVII очередной сессии 1893 г. Вятка, 1894. С. 36-39.

Тебя найдут на службе, дома, в театре, в клубе, даже на Марсе! Найдут и сорвут пятишницу!… опять концерт – и никак нельзя отказаться, устраивает супруга начальника! Ну не наказание ли это за грехи наши?… Как завижу издали благотворительницу, так и начинает у меня все нутро переворачивать…»[1].

Тем не менее, личная благотворительность к началу XX в. становится непременной составляющей новых гражданских отношений. Это привносило в формирующееся гражданское общество элементы гуманности и милосердия к тем членам общества, которые по жизненным или социально-экономическим причинам не могли существовать без общественной поддержки. Причем отметим, что широкое развитие частной благотворительности, как особенности российского варианта гражданского общества, способствовало общемировому процессу развития цивилизации нового типа.

Таким образом, благотворительность представляет особую историческую форму в триаде: меценатство, благотворительность, спонсорство. Она «оформляется» во второй половине XIX в., достигая своего расцвета к началу XX в. и остается в истории России как примета Нового времени.

3.2. Общественная благотворительность на Урале во второй половине XIX – начале XX века

В предыдущем параграфе мы рассматривали два основных распространенных типа благотворительных организаций на территории Российской империи в XIX в.: под эгидой императорской фамилии и духовного ведомства. К 1860 г. в стране насчитывалось 96 таких организаций. Их число могло быть и большим, однако создание каждой организации требовало всякий раз Высочайшего соизволения, что было неудобно.

Подготовка и начало реформ 60-70-х гг. XIX в. затронули и эту сферу общественной жизни. В 1862 г. был принят специальный акт, где указывалось, что «во изменение изъясненного порядка, учреждение обществ для взаимного вспомоществования или с другой благотворительной целью, Высочайше предоставляю, по соглашению с подлежащими ведомствами, министру внутренних дел»[2]. Этот документ способствовал образованию новых обществ: к 1890 г. было создано в России еще около двух тысяч обществ, а в 1902 г. их число достигло 4762[3].

---

[1] *ПГВ.* 1911. 27 ноября.
[2] *Общественное* и частное призрение в России. СПб., 1907. С. 61.
[3] *Благотворительность* в России. СПб., 1907. Т. 1. С. XXVII.

Благотворительные учреждения представляли собой два основных типа: благотворительные общества и благотворительные заведения. Первые – это добровольное объединение лиц, чья деятельность направлена на оказание помощи нуждающимся деньгами или вещами, а вторые - различного рода благотворительные заведения в рамках направлений деятельности общества. Благотворительные общества объединялись в союзы и иногда имели довольно сложную многоступенчатую структуру, возглавляемую центральными органами, определяющими направление деятельности всей системе. К таким объединениям можно отнести Общество Красного Креста, отделения которого имелись на территории всей Российской империи, и сохранившее свои основные организационные принципы в советское время, Литературный фонд, созданный еще в 1859 г., Всероссийское общество глухонемых, Всероссийское общество слепых и др.

Основная цель благотворительных заведений, в отличие от обществ, – проживание нуждающегося населения в заведении или же обеспечение их питанием, ночлегом и т.д. Причем они могли создаваться как на базе благотворительных обществ, так и на средства частных лиц (одного или нескольких). К 1902 г. в губерниях Российской империи их насчитывалось 6278[1]. Они различались по типам (для детей и взрослых, мужчин и женщин, инвалидов) и видам (приюты для полных сирот (сиропитательные), богадельни (для призрения бедных), приюты для престарелых, дома трудолюбия, школы и училища, общественные благотворительные столовые и др.). На Урале (в Пермской и Вятской губерниях) существовали все типы и виды благотворительных заведений. К началу XX в. здесь насчитывалось 88 благотворительных заведений (без учета заведений церковно-приходских попечительств)[2]. В 1917 г. это количество увеличилось почти в два раза, что было связано с созданием таких заведений местными комитетами и организациями Красного Креста и земских объединенных союзов в годы первой мировой войны[3].

В 1892 г. был принят Устав об общественном призрении, который становится основным юридическим документом для всех благотворительных учреждений, в том числе и частных заведений. Право утверждения уставов благотворительных обществ и частных благотворительных заведений предоставлялось

---

[1] *Благотворительность* в России. Т. 1. С. XXVII.
[2] *Обзор* Пермской губернии за 1900 год. С. 69-73; *Обзо*р Вятской губернии за 1900 г. С. 87-91.
[3] *Обзор* Пермской губернии за 1915 год. С. 108-114; *Обзор* Вятской губернии за 1915 г. С. 100-104.

Министерству внутренних дел. При этом в уставы включались только те правила, льготы и преимущества, которые были не предусмотренны законодательством и требовали Высочайшего разрешения. Причем частные заведения «не дозволялись к открытию, пока они не будут иметь своих средств, необходимых для их содержания»[1].

Разрешительный порядок открытия благотворительных обществ и заведений был усовершенствован в 1897 г. Для этого были разработаны нормальные (примерные) уставы, такие как Примерный устав общества пособия бедным, Устав попечительского общества о доме трудолюбия и др. После принятия этих нормативных актов порядок создания благотворительных организаций стал явочно-нормативным[2].

В учредительных документах обществ определялись цели и задачи организаций, состав членов, порядок формирования средств, избрания органов управления и порядок их действий. В состав обществ могло входить неограниченное число членов, уплачивающих специальные взносы или содействующих личным трудом в достижении целей общества. Они подразделялись на почетных, действительных и соревнователей (сотрудников).

К почетным членам относились «лица, оказывающие обществу услуги выдающимися пожертвованиями или иным образом способствующие успешному развитию деятельности общества». В их число обычно включались высшие должностные лица губернии, уезда, города, а также представители руководящего состава духовного ведомства. Действительными членами считались те, кто вносил единовременно или ежегодно денежные взносы не ниже определенного размера. Соревнователями являлись лица, ежегодно передающие взносы в минимальном размере или «содействующие действительным членам в исполнении ими своих обязанностей по обществу».

Действительные члены составляли общее собрание общества, которое являлось его высшим органом. Общее собрание избирало для непосредственного ведения дел правление (комитет, совет) и ревизионную комиссию. Если общество имело благотворительное заведение, то для надзора за его деятельностью избирались попечители этих заведений. Все выборные должности исполнялись на безвозмездной основе.

---

[1] *Свод* законов Российской империи (СЗРИ). Т. XIII. Уставы о народном продовольствии, общественном призрении и врачебный. СПб., 1892. С. 29.

[2] *Вестник* благотворительности. 1897. № 9. С. 4.

Денежные средства обществ слагались из взносов и пожертвований лиц, входящих в них, а также поступлений сумм по займам, процентным бумагам, от проведения мероприятий, базаров, лотерей. Особенно распространенным источником доходов становятся благотворительные лотереи в связи с их относительно небольшой стоимости одного билета (обычно 25 коп.) и упрощенным проведением (достаточно было разрешения губернатора). Так, с 1903 по 1908 г. Оханское уездное попечительство Пермской губернии ежегодно проводило лотерею в пользу детских приютов ведомства учреждений императрицы Марии, которые давали до 300 рублей дополнительных средств[1]. Подобные мероприятия организовывали Общество попечения о сиротах в Кушвинском заводе Верхотурского уезда в 1910 г.[2] и аналогичное общество на соляных промыслах Строгановых в селе Усолье Соликамского уезда в 1908 г.[3], в Сарапуле уездное попечительство детских приютов провело благотворительную лотерею в пользу сиротского приюта в 1917 г.[4]

Денежные средства делились на части, которые именовались «капиталы». Пожертвования с точно определенным назначением назывались «специальным капиталом», а суммы, образованные по усмотрению общих собраний, – «запасный капитал». Поступления денежных пожертвований, не перечисленных в специальный и запасный капиталы, назывались «расходный капитал». В специальном капитале находились также неприкосновенные суммы, которые можно было заимствовать только по специальному решению общего собрания. Часть средств благотворительных обществ могла обращаться в государственные или гарантированные правительством процентные бумаги.

Благотворительные общества осуществляли свою деятельность также и за счет доходов, получаемых от созданных организаций производственного и торгового характера. К ним относились, прежде всего, специальные мастерские, которые образовывались при подведомственных им благотворительных заведениях. Так, открытый еще в 1850 г. в г. Перми губернский детский приют при мощной поддержке губернского земства и городской Думы в конце 1886 г. создает специальные ремесленные классы, для которых было выстроено отдельное здание, стоившее 15 тыс. руб. Здесь 85 воспитанниц занимались рукоделием,

---

[1] *О благотворительности* (по-современному «филантропии», т.е. человеколюбии). Оханск, 1908. С. 14.
[2] *Обзор* Пермской губернии за 1910 год. С. 105.
[3] *ГАПО*, ф. 144, оп. 1, д. 18, л. 56.
[4] *ГАКО*, ф. 582, оп. 26, д. 1225, л. 16.

шитьем и стиркой белья, что давало дополнительные средства для приюта[1]. В 1899 г. было построено еще одно здание, предназначенное для кулинарных классов и столовой при них, где продавались дешевые обеды для всех желающих[2]. В селе Грязновском Камышловского уезда, где действовал детский приют для 31 девочки, который содержался на средства местного церковно-приходского попечительства, был создан сельскохозяйственный участок. Продукция, выращенная на участке, шла на питание призреваемых и частично на продажу[3]. При Елизаветинском приюте в Кунгуре открывается рукодельный класс, который позволял получать не только специальность девочкам-сиротам, но и ежегодную прибыль от продаваемых сшитых вещей до 5 тыс. руб.[4] В Яранском, Елабужском, Вятском детских приютах Вятской губернии были созданы ремесленные мастерские и школы[5].

В Вятке губернское попечительство о детских приютах оформляется в 1857 г. и уже в июле открывается губернский приют для сирот-девочек[6]. В уездах Глазовском, Сарапуле, Слободском, Яранском позже также были созданы попечительства, которые осуществляли оперативное управление этими заведениями.

Уже упоминавшиеся ранее приют и училище для слепых, образованный попечительством о слепых в Перми в 1890 г., имели сапожную мастерскую, где производилась продукция на сумму, превышающую 550 руб.[7] Позже были созданы корзиночная, ткацкая и чулочная мастерские. С 1907 г. попечительный совет приобрел земельный участок, на котором были построены сельскохозяйственная и молочная фермы. Общие расходы в год на содержание приюта и училища обходились обществу около 7,5 тыс. руб.[8]

Отметим, что в благотворительных обществах преобладали денежные капиталы (по России к 1900 г. они достигали 74%), в то время как в благотворительных заведениях – стоимость недвижимости (до 43%)[9]. Например, в Пермской губернии стоимость недвижимости в этих учреждениях, по неполным данным, превышала 1

---

[1] *ГАПО*, ф. 144, оп. 1, д. 1, л. 186.

[2] *Пятидесятилетие* Пермского губернского детского приюта, состоящего в ведомстве учреждений императрицы Марии (1 мая 1850-1900 г.). Пермь, 1900. С. 30-31.

[3] *ГАПО*, ф. 144, оп. 1, д. 2, л. 57.

[4] *Краткое* описание Кунгурской (Елисаветинской) женской рукодельной школы. Кунгур, 1898. С. 4.

[5] *Обзор* Вятской губернии за 1899. Вятка, 1900. С. 84-86.

[6] *ВГВ*. 1857. № 41.

[7] *Отчет* Пермского отделения попечительства о слепых за 1896 г. Пермь, 1896. С. 41.

[8] *ГАПО*, ф. 598, оп. 1, д. 225, л. 4.

[9] *Благотворительность* в России. Т. 1. С. XXXVI-XXXVII.

млн 200 тыс. руб. (по России эта сумма составляла более 142 млн руб., причем большая часть приходилась на Петербург, Москву, Киев, Одессу)[1].

Таким образом, финансовый механизм благотворительных заведений требовал не только достаточно профессионального и осторожного подхода, но и профессионального ведения дела. Поэтому в состав большинства уральских благотворительных обществ включались представители купечества или люди, имеющие специальное образование. Кроме того, была предусмотрена достаточно продуманная система отчетности, позволяющая осуществлять общественный контроль над расходованием денежных средств и эффективным управлением капиталом и собственностью (ежегодный финансовый и общий отчеты о деятельности общества).

В финансовом отчете подробно расшифровывались источники поступления средств, а также указывались направления расходования денежных средств: на постоянные и единовременные пособия (с указанием состава нуждающихся лиц), содержание богоугодных заведений, проведение благотворительных мероприятий, покупку процентных бумаг, погашение долгов и т.п.

Общий отчет, как правило, содержит ответы на 9 главных вопросов: на какой год даются сведения; виды состоящих в ведении общества заведений; число членов; размер капитала; доходы; расходы; размер долгов; число лиц, пользующихся помощью от общества (в его заведениях, вне его заведений); число отказов в помощи (недостаток средств, проверка материального положения, другие причины).

Таким образом, к началу XX в. благотворительные учреждения России получают определенную организационную и законодательную базу, которая способствовала расширению и активизации их деятельности. Последнее крупное реформирование системы благотворительных учреждений произошло в 1906 г., когда был принят закон от 4 марта «Временные правила об обществах и союзах»[2].

Здесь давалось определение понятию «общество», которое понималось как «соединение нескольких лиц, которые, не имея задачею получения для себя прибыли от ведения какого-либо предприятия, избрали предметом своей совокупной деятельности определенную цель». Союз - это «соединение двух или нескольких таких обществ». Упрощался порядок создания обществ: достаточно было подать в губернское и городское Присутствие письменное заявление по

[1] *РГИА*, ф. 1290, оп. 120, д. 2, л. 104-105.
[2] *ПЗС.* Собр. 3. Т. 26. № 27469.

установленной форме, в котором указывались цель общества, порядок избрания органов управления, порядок вступления и выбытия членов. Если в течение двух недель со времени подачи заявления не было обоснованного отказа, общество могло «открыть свои действия». Регистрация общества производилась путем внесения в реестр публикации информации о регистрации общества в местной печати. После этого, считаясь созданным, ему предоставлялось право приобретать и отчуждать недвижимое имущество, образовывать капиталы, заключать договоры в соответствии с целями общества, открывать учреждения и предприятия, устраивать различные мероприятия и проводить сбор пожертвований.

Начало государственной благотворительности в России относится к периоду царствования Екатерины II, которая 1 сентября 1763 г. издает указ об основании в Москве Воспитательного дома для «приносных детей, которым суждено от рождения быть лишенными родительской ласки» (первый в мировой практике государственный акт)[1]. В 1770 г. аналогичный дом был основан в Петербурге. Для управления этими домами были образованы опекунские советы, во главе которых был назначен И.И.Бецкий. В 1764 г. по повелению Екатерины II учреждается в Петербурге «Общество воспитания благородных девиц» при Воскресенском Новодевичьем монастыре[2]. 12 ноября 1796 г. этими организациями стала заведовать императрица Мария Федоровна, супруга Павла I. Под ее покровительством находилось около 40 благотворительных заведений. После ее смерти в 1828 г. они объединяются в знаменитое «Ведомство учреждений императрицы Марии» (в литературе больше известное как «Мариинское общество»).

На Урале первое благотворительное детское учреждение «Воспитательный дом» возникает по инициативе первого пермского наместника генерал-поручика Е.П.Кашкина в феврале 1788 г. В своем письме приказу общественного призрения он пишет 23 февраля 1788 г.: «Весьма радуюсь, что благотворительное учреждение, в рассуждении призрения и покровительства несчастнорожденных младенцев восприяло благословенное начало»[3]. Просуществовав до 1828 г., оно было закрыто в соответствии с указом Николая I о ликвидации воспитательных заведений этого ведомства[4].

27 декабря 1839 г. император утверждает «Положение о детских приютах», по которому дозволялось открывать в губерниях, уездах и сельских обществах

---

[1] *ПСЗ.* Собр. 1. Т. XVI. № 11908.
[2] *Там* же. № 12154.
[3] *ГАПО*, ф. 82, оп. 1, д. 2, л. 31.
[4] *ПСЗ.* Собр. 2. Т. III. № 2125.

попечительства для учреждения приютов для нуждающихся детей. Первоначально они создавались как приходящие, а с 1846 г. было разрешено постоянное пребывание детей в них[1]. Эти попечительства, включенные в систему «Мариинского ведомства», стали получать некоторую государственную субсидию (500 руб.). Это же положение позволяло открывать и частные приюты.

Под руководством пермского губернатора И.И.Огарева попечительство начинает сбор средств для образования губернского приюта. К 1848 г. по подписке было собрано около 4 тыс. руб., а к 1850 г. эта сумма достигла 10000 руб., что позволило открыть 1 мая 1850 г. приют, рассчитанный на 50 детей[2]. С 1860 г. создается ночлежное отделение на 10 чел. К началу XX в. в нем призревалось 85 девочек из числа сирот и бедных семей не только Перми, но и других уездов губернии[3].

Особую роль в существовании губернского приюта сыграла Елизавета Ивановна Любимова, представительница екатеринбургской купеческой династии Рязановых, которая была его попечительницей в течение 25 лет. Нужно отметить, что внимание к этому приюту было характерно для нескольких поколений Любимовых. В состав попечительства входили: И.Ф.Любимов, его жена Анна Степановна, их сыновья Михаил и Иван, внук Иван. Вклад этой семьи в развитие приюта только в денежном исчислении превысил 150 тыс. руб.[4] В память об умершем муже Елизавета Ивановна инициировала строительство в Перми в 1906 г. специального «вдовьего дома», который, по оценкам специалистов, стоил до 40 тыс. руб. Несколько десятков престарелых, больных и одиноких женщин стали жить в приличных условиях и получать необходимую помощь. Кроме того, оставшиеся без мужей женщины с детьми бесплатно получали квартиру с освещением и отоплением[5].

Губернское попечительство осуществляло общий контроль за всеми детскими приютами губернии, но не вмешивалось в их повседневную деятельность. По представлению уездных попечительств и заведений оно выделяло некоторые суммы (от 50 до 200 руб.) на содержание приютов, а также давало разрешение на проведение местных благотворительных мероприятий, лотерей, вечеров и т.п.[6] К

---

[1] *Благотворительные* учреждения Российской империи. Т. 1. С. 3.
[2] *Пятидесятилетие* Пермского детского приюта… С. 1-2.
[3] *Там* же. С. 30.
[4] *Чуракова Т.П.* Коммерческая, общественная и благотворительная деятельность Любимовых // Благотворительность: История и возрождение. Пермь, 1998. С. 66-67.
[5] *Журналы* Пермской городской думы за 1906 г. Пермь, 1907. С. 285-287.
[6] *ГАПО*, ф. 144, оп. 1, д. 2, л. 72-75.

1897 г. в Пермской губернии было создано 16 детских приютов, в которых воспитывалось до 1000 сирот и детей из крайне бедных семей[1].

В ноябре 1856 г. в Екатеринбурге при Горном правлении открывается горное попечительство детских приютов, которое играет такую же координирующую роль для приютов на казенных и частных заводах, как и губернское попечительство[2]. К началу XX в. оно включает 11 сиротских приютов, в которых находилось до 400 детей[3]. Наиболее известными были два частных заводских приюта: Нижнетагильский Авроринский приют Демидовых в Верхотурском уезде, основанный в 1849 г., и Верхисетский заводской сиротско-воспитательный приют, созданный на средства екатеринбургского купца С.А.Петрова в 1881 г. (в январе 1893 г. было открыто екатеринбургское отделение этого приюта). В первом из них находилось 45 девочек[4], а во втором - 110 детей[5]. В них содержались дети от 6 до 16 лет, после чего они направлялись по рекомендациям попечительств в качестве квалифицированной прислуги в частные дома или конторы заводов. По инициативе попечителя учебных и богоугодных заведений Нижнетагильских заводов Л.А.Вейера в течение 1849 г. были открыты еще два детских приюта: в селе Воскресенском и деревне Никольской[6]. В самом Нижнем Тагиле в конце 1853 г. был открыт еще один приют в честь П.П.Демидова – Павловский на 35 чел.[7]

Всего в составе благотворительных заведений «Ведомства Учреждений императрицы Марии» к началу XX в. в Пермской губернии насчитывалось 4 детских приюта и Белоярское сельское благотворительное попечительство Шадринского уезда, которое объединяло три детских приюта и богадельню для престарелых и инвалидов-крестьян (одно из 10 сельских попечительств в России, находившихся в ведении Мариинского ведомства)[8].

В конце XIX в. в России большую роль играют сельские детские приюты нового типа – самопомощи или детские земледельческие колонии. Их основателем стал знаменитый швейцарский педагог Иоганн Песталоцци, создатель теории развивающего образования. В 1775 г. в местечке Аргау под его руководством был создан первый земледельческий приют для детей бедных родителей,

---

[1] Подсчитано автором по: *Обзор* Пермской губернии за 1897 год. С. 83-87.
[2] *ГАСО*, ф. 43, оп. 4, д. 147, л. 7.
[3] *Там* же. Л. 238.
[4] *ГАСО*, ф. 643, оп. 1, д. 994, л. 4 об.
[5] *Обзор* Пермской губернии за 1893 год. С. 18.
[6] *ГАСО*, ф. 643, оп. 1, д. 994, л. 16 об.
[7] *Там* же. Д. 1122, л. 12 об.
[8] *ГАПО*, ф. 144, оп. 1, д. 14, л. 24-25; *Вестник* благотворительности. 1890. № 9-12.

сирот или оставленных родителями. Главная задача – воспитание и обучение осуществлялись наряду с занятиями сельским хозяйством, что позволяло значительно снизить расходы на содержание приюта[1]. Заведения такого типа получают признание в других европейских странах, особенно в XIX в.: Голландии, Франции, Бельгии, Италии, Англии. В России такая первая сельскохозяйственная колония была образована в 1870 г. по инициативе «Общества для противодействия нищенству»[2]. Как писал журнал «Детская помощь» в 1893 г.: «Этот опыт может служить живым доказательством, что колонии для нищих детей *не* преступников – не представляют утопии и: являются на деле самым действительным средством для борьбы с нищенством в его так сказать зародыше…»[3].

Рубежным стало последнее десятилетие XIX в., начавшееся для Урала и Поволжья трагически. В 1891 г. в результате сильнейшей засухи начинается массовый голод в деревне, унесший тысячи жизней. В связи с этим Правительство учредило в ноябре 1891 г. Особый комитет по оказанию помощи пострадавшим от неурожая[4]. В Пермской губернии особенно сложная ситуация сложилось в Екатеринбургском, Шадринском и Красноуфимском уездах. В Вятской губернии – в Нолинском, Яранском, Малмыском и Уржумском уездах. В октябре земство и епархии начинают сбор средств для помощи голодающим. Так, Шадринское земство и уездный благотворительный комитет направили в редакции многих газет страны отчаянный призыв о помощи (она пришла даже от Богоявленской женской обители из Ярославской губернии)[5]. Летом следующего 1892 г. массовая эпидемия холеры в Пермской губернии унесла более 150 тыс. жизней, в основном, в деревнях. По губерниям насчитывалось до 30 тыс. сирот, большая часть которых была вынуждены нищенствовать, так как сельские общества были не в состоянии их содержать[6].

Инициатором оказания практической помощи оставшимся без надзора детям в этих сложных условиях выступила общественность Саратовской губернии. В 1892 г. они открывают в четырех волостях Камышинского уезда сель-

---

[1] *Жеденов Н.Н.* Детские сельскохозяйственно-кустарные приюты самопомощи. История их, устройство и жизнь. СПб., 1896. С. 79-80.

[2] *Благотворительные* учреждения Российской империи. С. 105.

[3] *Детская* помощь. 1893. № 9. С. 737-738.

[4] *Высшие* и центральные государственные учреждения России. 1801-1917 гг.: В 4 т. Т.1. Высшие государственные учреждения. СПб., 2000. С. 48.

[5] *Денисов В.В.* Благотворительная деятельность углических монастырей во второй половине XIX – начале XX в. // История и культура Ростовской земли. Ростов, 2001. С. 188.

[6] *Серебренников П.Н.* Краткий очерк холерных эпидемий в России, Пермской губернии и Перми за 50 лет. Пермь, 1903. С. 5.

скохозяйственные приюты. Большую помощь им оказали хозяйства немецких колоний того же уезда, выделив из собственной ссудной кассы 50000 руб. на их поддержку, направив своих уполномоченных в новые хозяйства для оказания практической помощи в рациональном ведении сельскохозяйственного производства[1].

В Пермской губернии саратовскую инициативу поддержали на следующий же год. В 1893 г. создается детская сельскохозяйственная колония близ Юговского завода Пермского уезда при поддержке земского врача А.К.Золотавина, арендатора завода Д.И.Захаровского, председателя уездной земской управы А.А.Маллеева. Для колонии было отведено 30 десятин земли, построены основные хозяйственные помещения, передано 4 лошади, 3 дойные коровы, сельскохозяйственные орудия безвозмездно выделили с кустарного склада уездного земства. Под руководством мастерового Юговского завода М.И.Селиванова и его жены здесь жило и работало 36 детей от 12 до 16 лет[2].

В 1894 г. такая же детская трудовая колония создается в селе Белоярском Шадринского уезда[3]. В 1897 г. в Пермской губернии было открыто уже пять сельскохозяйственных детских приютов для сирот, которые находились на полном самостоятельном обеспечении[4]. В Вятской губернии к 1900 г. насчитывалось четыре таких заведений[5], наиболее известным из которых было в селе Можга, Елабужского уезда. Оно было образовано за счет объединенных средств уездного земства, сельского общества летом 1899 г. для предоставления крова, пропитания и занятия сельскохозяйственным трудом 18 сирот-девочек. Инициатором его создания и попечителем был земский начальник И.М. Поярков. Для приюта было выстроено двухэтажное здание, сельское общество выделило 40 десятин земли. Сюда принимали круглых сирот от 6 лет со всего Елабужского уезда[6].

В 1903 г. в Перми образованное группой интеллигенции «Общество пособия бедным и призрения их в ремесленно-земледельческих колониях» создает для двух десятков беспризорников в Пермском уезде трудовую колонию.

---

[1] *Жаденов Н.Н.* Указ. соч. С. 156-158.

[2] *Отчет* комитета Юговского благотворительного общества в Юговском заводе за 1897 г. Пермь, 1898. С. 12; *Сборник* постановлений Пермского уездного земского собрания очередной (XXIV) сессии 1893 года: С докладами управы, сметой и раскладкой на 1894 г. и др. прил. Пермь, 1893. С. 134-136.

[3] *Журнал* 25-го очередного Шадринского уездного земского собрания. Шадринск, 1900. С. 314-315.

[4] Подсчитано автором по: *Обзор* Пермской губернии за 1897 год. С. 83-87.

[5] Подсчитано автором по: *Обзор* Вятской губернии за 1900 г. Вятка, 1901. С. 73-77.

[6] *Исторический* очерк Ольгинского детского приюта трудолюбия в селе Можга, Елабужского уезда Вятской губернии (1899-1909). СПб., 1910. С. 4, 18-20, 58-59.

Для нее были выделены земли у села Бахаревского, построены основные бытовые и хозяйственные постройки[1]. Постепенно укреплялась материальная база, были приобретены сельскохозяйственные машины, созданы столярная и сапожная мастерские, устроены пруд, пасека, скотный и птичий дворы, оранжерея. Трудовая деятельность сочеталась с учебой в специально открытом начальном училище, число призреваемых увеличилось до 50 чел. Особую заботу о земледельческой колонии проявляло уездное земство, которое ежегодно выделяло до 5 тыс. руб. на ее содержание; в 1914 г. были перестроены жилые здания в честь 300-летия Дома Романовых, для чего земство отпустило 30 тыс. руб. В торжествах, связанных с 10-летием колонии, участвовали гости из губернских властей и земств[2].

Однако ввиду крайней нужды в уральской деревне, низкого уровня жизни, недостаточного числа сельской интеллигенции в деревне, удаленности и разбросанности населенных пунктов, особенно в северных уездах Урала, благотворительные детские учреждения такого типа не получили широкого распространения. Они, скорее, являлись исключением из правил. К 1914 г. в отчетах по губерниям приюты такого типа отмечаются только в Пермском уезде Пермской губернии, Можге, Ижевском заводе Вятской губернии[3].

Определенный вклад в призрение детей из беднейших семей и сирот вносили учреждения Императорского человеколюбивого общества. Это было второе в государственном масштабе объединение, устав которого был утвержден 16 июля 1816 г. Координацию деятельности благотворительных заведений этого общества осуществлял Высший совет, который состоял из 11 чел. Первым главным попечителем и председателем совета стал князь А.Н.Голицын. В состав этого совета входил сын известного уральского заводчика Максима Походяшина – Г.М.Походяшин, надворный советник[4]. Значительное количество учреждений общества находилось в столицах, однако в губернских городах к середине XIX в. стали возникать его отделения и отдельные заведения. На Урале его отделение было создано в 1821 г. только в Оренбургской губернии в Уфе. Утвержденный в 1822 г. устав дает ему название - «Уфимский попечительный

[1] *ПГВ*. 1903. № 27.

[2] *Литвинова Е.Г.* Благотворительные организации г. Перми в начале XX века // Благотворительность: история и возрождение. С. 7.

[3] *Обзор* Пермской губернии за 1914 год. С. 115-121; *Обзор* Вятской губернии за 1914 г. С. 96-102.

[4] *Благотворительные* учреждения Российской империи. С. 105-106.

комитет о бедных», а первым председателем стал епископ Оренбургский и Уфимский Феофил[1].

В истории нашей страны утверждение царского абсолютизма, появление слоя служилого дворянства, как опоры новой царской власти в противовес боярству, предопределяли тотальное ущемление женских прав. Утрата прав женщин на собственность была обусловлена утверждением патриархальных норм византийской церкви, что приводило к подчиненному положению ее и в семейной жизни. В результате общественно значимая деятельность женщин оказалась «невидимой» для истории.

Свою роль в понимании такого положения сыграл и знаменитый историк В.О.Ключевский, предложивший новую систему интерпретации мотивов и смысла женской благотворительности. Мужская благотворительность была обрисована как «просвещенная», рационально обоснованная, ее базовой мотивацией выступал и гражданский долг проводить социальные изменения. Женская же – результат «врожденной эмоциональности», ее мотивация лежала в милосердии к близким[2]. Тем самым значение женской благотворительности снижалось путем противопоставления мужского, рационального, просвещенного (ценного) и женского – иррационального, эмоционального (менее ценного). Поскольку от женщин требовали скромности и незаметности, то даже выдающиеся благотворительницы не выступали в печати, не делали докладов на съездах деятелей по общественному и частному призрению. Соответственно социальный смысл и гражданскую направленность приписывали исключительно мужской благотворительности. Знаменитый русский писатель, кумир общественного движения России Л.Н.Толстой также высказывал свое резко отрицательное отношение к нарождающемуся женскому движению[3].

Вместе с тем женская благотворительность становилась не только легальной сферой самореализации, которая позволяла им участвовать в общественной и даже политической жизни, но и своеобразной школой феминизма, школой лидерства и социальной ответственности на рубеже XIX–XX вв. Наибольшую известность в стране получили «дамы-патронессы»: Н.В.Стасова, М.В.Трубникова, А.П.Философова (урожденная Дягилева, приехавшая в столицу из Перми). Благодаря их деятельности получает права гражданства высшее

---

[1] *Дашкевич Л.А.* Под августейшим покровительством… (О благотворительной деятельности Императорского человеколюбивого общества на Урале) // Известия УрГУ. 2004. № 32. С. 102.

[2] *Ключевский В.О.* Указ. соч. С. 30-31.

[3] *Толстой Л.Н.* Собр. соч.: В 22 т. Т. 18. М., 1984. С. 687-688.

женское образование (Женские врачебные курсы в 1872 г.; Высшие женские бестужевские курсы в 1878 г.)[1].

Самым влиятельным объединением становится образованное в 1893 г. в Петербурге «Русское женское взаимоблаготворительное общество», которое возглавила Л.Н.Шибанова. Членами этого общества были в основном учительницы, врачи, переводчицы[2]. В 1895 г. в Москве создается «Общество улучшения участи женщин» под руководством знаменитой деятельницы освободительного движения в России Инессы Арманд[3]. С 1899 г. выходит первый женский журнал «Женское дело», а в декабре 1908 г. в Петербурге прошел Первый всероссийский женский съезд, в котором приняли участие более 1000 представительниц самых разных женских организаций России, призывавших к объединенным действиям за права женщин[4]. Последним актом женского движения в старой России стал Второй всероссийский женский съезд, прошедший летом 1917 г., который подтвердил политическое равноправие женщин[5].

В отличие от других уральских губерний, в Пермской - инициатива и организация призрения бедных принадлежала женской общественности. Это являлось отражением общероссийской особенности с начала 60-х гг. XIX в., определяющей новые гражданские отношения в стране. Хотя в ноябре 1865 г. в Вятке было создано дамское попечительство о бедных, но его деятельность не стала долговременной и к началу 70-х гг. Х1Х в. практически прекратилась[6].

Мы уже отмечали роль литературно-музыкальных вечеров в здании Благородного собрания в Перми на рубеже 50-60-х гг. Один из них был специально посвящен истории женской эмансипации в европейских странах и обсуждению «женского вопроса» в России. Бурные дебаты на нем вызвала статья Н.А.Фирсова, преподавателя губернской мужской гимназии, в журнале «Русский педагогический вестник», которая называлась «Очерк воспитания девиц в Пермской губернии»[7]. В дискуссии приняли участие жена председателя Казенной палаты Е.Э.Толмачева, пермская писательница Е.А.Словцова-Камская, из-

---

[1] *Хасбулатова О.А.* Опыт и традиции женского движения в России (1860-1917 гг.). Иваново, 1994. С. 34.

[2] *Айвазова С.Г.* Женский вопрос в России: традиции и современность // Общественные науки и современность. 1995. № 2. С. 59 - 61.

[3] *Арманд И.Ф.* Статьи, речи, письма. М., 1975. С. 13.

[4] *Юкина И.И.* Первый Всероссийский женский съезд // Вы и мы. Диалог женщин. 1998. № 6. С. 13-14.

[5] *Хасбулатова О.А.* Указ. соч. С. 246-248.

[6] *Касанов С.А.* Из истории Вятского благотворительного общества. Киров, 2004. С. 18-20.

[7] *Смышляев Д.Д.* Указ. соч. С. 72.

вестные своими прогрессивными взглядами на проблемы положения женщин в российском обществе[1].

Женская половина губернского общества к этому времени была готова к восприятию новых идей, которые сформировались в период знаменательных реформ 60-70-х гг. XIX в. Внимание к проблемам бедности, помощь обездоленным и сострадание к оказавшимся в бедственном положении людям – эти естественные чувства нового поколения женщин требовали их реализации путем участия в организации и работе благотворительных обществ. Необходимо подчеркнуть, что вовлечение женщин, которые составляли в структуре населения страны более 50%, в общественную жизнь - важная черта нового времени. Переход к женскому равноправию в России происходил последовательно: использовались уже известные пути и формы организации, способствующие появлению новых видов общественной активности. Примером может служить история создания женского благотворительного общества в Перми.

Это вполне объяснимо и логично, поскольку здесь были сосредоточены наиболее подготовленные интеллектуальные силы (сюда же можно отнести Екатеринбург и, пожалуй, управление Тагильскими заводами Демидовых). Торговый и транспортный узлы Волжско-Камского речного бассейна, а с конца 70-х гг. и железнодорожный узел Урала позволяли воспринимать опыт других регионов страны.

Согласно этому в г. Перми женщины – жены и дочери известных государственных и промышленных деятелей губернского города в 1861 г. обратились к новому военному губернатору, генерал-майору А.Г.Лошкареву с предложением создать Общество частной благотворительности. Большую роль в его появлении сыграла супруга губернатора Александра Васильевна[2]. После утверждения устава общества Министерством внутренних дел в апреле 1862 г. в июне того же года оно начинает свою деятельность под названием «Пермское дамское попечительство о бедных»[3]. В 1867 г. оно вошло в состав российских благотворительных учреждений, находящихся в ведении «Ведомства учреждений императрицы Марии», повысив свой статус.

---

[1] См.: *Ливанов Ф.В.* Писательница г-жа Камская. Некролог газеты «Голос» // Е.Словцова-Камская. Любовь или дружба? Пермь, 1990. С. XXVI-XXVII; *Смышляев Д.Д.* Указ. соч. С. 294.

[2] *ГАПО*, ф. 65, оп. 2, д. 202, л. 82-84.

[3] *Дмитриев А.А.* Указ. соч. С. 260.

Новое попечительство было создано с целью «вспомоществования всем престарелым, больным, сиротам и обремененным большими семействами»[1]. Почетным попечителем являлся губернатор по должности. Распорядительные функции выполняла председательница общества, которой помогали дамы-попечительницы. По традиции ею становилась супруга губернатора. Так, первой председательницей была Александра Васильевна Лашкарева[2].

Состав общества был демократичным, ибо в его деятельности могли участвовать все желающие помочь «благотворительной цели попечительства» путем постоянных пожертвований или личным трудом. В начале своей практической работы оно объединяло около 130 чел. Город был разделен на четыре части, которые назывались отделениями. Во главе их стояли дамы-попечительницы, которые набирали сотрудников для практической работы в участках из числа добровольных помощников[3]. В 1863 г. их число превысило 20 чел.[4] Среди дам-попечительниц можно выделить Анну Степановну Любимову, мать известного предпринимателя И.И.Любимова. Она входила в руководящий состав попечительства с его основания до своей смерти в 1899 г.; была инициатором сбора пожертвований в пользу голодающих крестьян Пермской губернии, создания «Убежища детей бедных», на содержание которого она пожертвовала 3000 руб. Следует отметить, что за 30 лет деятельности «Дамского попечительства» было собрано пожертвований от частных лиц для проведения благотворительной работы около 125 тыс. руб.[5]

В ноябре 1866 г. было открыто благотворительное заведение «Убежище» для сирот и бедных детей (мальчиков и девочек), для создания которого было собрано по подписке 11 тыс. руб. и пожертвованы строительные материалы[6]. В 1883 г. для этого заведения был приобретен на средства братьев Каменских новый, более уютный и приспособленный для жизни детей дом в центральном районе города. Рядом с ним располагался «Дом призрения престарелых женщин», основанный в 1881 г.[7] В 1897 г. в «Убежище» находилось на попечении 65 мальчиков и 35 девочек, а в доме престарелых – 12 женщин[8]. Рядом распола-

---

[1] *Устав* дамского попечительства о бедных. Пермь, 1875. С. 2.

[2] *ГАПО,* ф. 65, оп. 2, д. 202, л. 88.

[3] *Очерк* двадцатипятилетней деятельности Пермского дамского попечительства о бедных. Пермь, 1889. С. 13-14.

[4] *Там* же. С. 20.

[5] Подсчитано автором по: *Очерк* двадцатипятилетней деятельности… С. 62-63.

[6] *Дмитриев А.А.* Указ. соч. С. 271-272.

[7] *ПГВ*. 1883. № 91.

[8] *Обзор* Пермской губернии за 1897 год. С. 83.

гались две церковно-приходские школы для раздельного обучения детей, а в 1889 г. были открыты ремесленные классы для приобретения специальностей[1]. Общая стоимость недвижимости и собственности этого заведения к 1910 г. достигла почти 140 тыс. руб.[2] Украшением не только «Убежища», но и города стала красивая церковь во имя св. Марии Магдалины, которая была построена по проекту А.Б.Турчевича и освящена в ноябре 1892 г.[3]

В 1887 г. дамское попечительство было передано в ведение Императорского человеколюбивого общества. В 1881 г. оно выступило инициатором создания в Перми «Комитета по разбору нищих», внеся средства для устройства дешевой столовой, а также ночлежного приюта на 100 мужчин[4].

По примеру пермячек-общественниц было создано дамское попечительство при Мотовилихинском заводе, который открыл приют для 50 детей-сирот и семей, потерявших кормильцев на производстве. Благодаря поддержке управляющего заводом, знаменитого изобретателя Н.Г.Славянова, было принято решение об отчислении 0,5% заработка работавших на предприятии[5].

Активная работа Екатеринбургского благотворительного общества, которое было создано в 1869 г. с целью «доставить средства на улучшение нравственного и материального состояния бедных города Екатеринбурга»[6], до начала XX в. во многом была связана с именами двух руководительниц: Надежды Николаевны Клепининой и Марии Андреевны Покровской. Первая из них являлась супругой видного уральского земского деятеля Н.А.Клепинина (о нем мы уже говорили в данной главе), а вторая – была его родной сестрой. В июле 1870 г. было открыто Детское убежище (приют) с целью «исторгнуть бедных детей из среды нищенства и порока…и положить начало их религиозно-нравственному и умственному развитию»[7], в котором находилось к 1897 г. на средства общества более 80 мальчиков и девочек. При приюте были открыты начальная школа, ремесленные классы[8]. Город был разбит на участки, во главе которых стояли участковые попечительницы, которые вместе с активистами и сотрудниками проводили повседневную конкретную благотворительную рабо-

---

[1] *Очерк* двадцатипятилетней деятельности… С. 60.

[2] *Отчет* Пермского дамского попечительства о бедных за 1909 г. Пермь, 1910. С. 62.

[3] *Верхоланцев В.С.* Указ. соч. С. 92.

[4] *Дмитриев А.А.* Указ. соч. С. 317.

[5] *Отчет* и смета по Мотовилихинскому детскому приюту: Отчет за 1889 г., смета на 1890 г. Пермь, 1890. С. 11-12.

[6] *Отчет* о деятельности Екатеринбургского благотворительного общества. Екатеринбург, 1873. С. 3.

[7] *Там* же. С. 6-7.

[8] *Обзор* Пермской губернии за 1897 год. С. 84.

ту (обследования быта бедных семей и др.). В 1899 г. при обществе были открыты детские ясли для бедных семей и работающих матерей[1].

Женщины возглавляли также Верхотурское «Общество вспомоществования нуждающимся», «Благотворительное общество Нижне-Тагильских заводов», «Общество попечения о сиротах в Кушвинском заводе», «Ирбитское попечительное общество о бедных», а также местные отделения Общества Красного Креста в Екатеринбурге и Нижнетагильском заводе. Они стояли во главе многих благотворительных заведений, прежде всего детских и женских приютов, а также детских яслей, которые открываются к этому времени не только в городах, но и в деревне. Подтверждением этому может служить деятельность нового благотворительного общества «Светлая юность», которое оформляется в Пермской губернии в мае 1912 г.[2] Инициатором его создания стала О.М.Варфоломеева, известная на Урале деятельница женского движения. В 1892 г. вместе с мужем, земским врачом, она создает одни из первых в уральском регионе детские ясли для крестьянок в глухом коми-пермяцком селе Коса[3]. В 1914 г. только в Перми общество организовало 7 детских площадок, где дошкольники не только получали питание, но и обучались. В сентябре 1917 г. были открыты губернские курсы по подготовке дошкольных работников из числа женщин[4].

В Вятской губернии активное участие женщин можно отнести только к деятельности Сарапульского благотворительного общества, которое образуется в 1875 г. В него входили на правах «дам-распорядительниц» большинство жен и взрослых дочерей сарапульского купечества[5]. Этот факт можно объяснить, наверное, тем обстоятельством, что Сарапул, в силу своего географического положения, больше тяготел к Пермской губернии и г. Перми.

Одним из важнейших направлений благотворительной деятельности общественности являлось призрение нищих. Проблема нищенства - давняя сложная мировая проблема, связанная с вопросом уровня жизни и социальными последствиями экономического развития. Причем отношение к проблеме нищенства в истории нашей страны во многом отличается от западноевропейского и восточного менталитета.

---

[1] *Обзор* Пермского губернского попечительства детских приютов за 1900 год. Пермь, 1901. С. 56-57.
[2] *Верхоланцев В.С.* Указ. соч. С. 168; ПГВ. 1912. № 103.
[3] *Труды* VI съезда врачей Пермской губернии 1-11 ноября 1895 года. Пермь, 1896. С. 285.
[4] *Варфоломеева О.М.* Очерк по истории организации дошкольного воспитания на Урале. М., 1958. С. 21-22.
[5] *Отчет* благотворительного общества г.Сарапул Вятской губернии за 1895 г. Сарапул, 1896. С. 84.

Западное мировоззрение, особенно в период Нового времени, основанное на протестантской этике, диктовало презрительное отношение к попрошайкам, считая их попросту лентяями и тунеядцами, которые подрывают общественную мораль и трудовую мотивацию. Поэтому нищенство здесь рассматривалось как преступление и сурово наказывалось (пойманных нищих сажали в тюрьму и даже казнили).

Восточное мировоззрение оценивало нищенство более мягко. Подача милостыни канонизирована исламской религией. Но нищенство, как источник заработка, запрещалось, подаяние можно было просить только в нескольких случаях и только до выхода из бедственного положения[1].

Отношение к нищим со времен Киевской Руси было достаточно бережным и даже, можно сказать, трепетным: их оберегали, подать нищему считалось все равно, что подать Христу. В знаменитом «Домострое» - своеобразном кодексе жизни средневековой Руси предписывалось: «И нищих, и малоимущих, и бедных, и страдающих приглашай в дом свой и как можешь накорми, напои, согрей, милостыню дай, ибо они заступники перед Богом за наши грехи»[2]. Таким образом, в традиционном сознании жителей России существовал мощный стереотип поведения и отношения к этой социальной категории людей. Кроме того, господствующая Православная церковь также поощряла нищенство исходя из высоких нравственных целей: подаяние понималось как способ загладить свою вину перед Богом, показать любовь к ближнему, доброту и смирение. Поэтому призрение и забота о нищих и паломниках становится обязательным элементом повседневной деятельности церквей и монастырей[3].

Российские ученые и общественные деятели XIX в. глубоко изучали проблемы нищенства в стране[4]. По статистическим данным официально насчитывалось в начале XX в. до 1 млн чел., которые собирали до 230 млн руб., однако в реальности подаяниями существовали не менее 5 млн[5]. В этих работах делалась попытка классификации причин нищенства. Так, крупный специалист в

---

[1] *Максимов Е.Д.* Происхождение нищенства и меры борьбы с ним. СПб., 1901. С. 23-26.

[2] *Рыбас Е.* Нищенство в России // Русская цивилизация. 2004. 4 июля.

[3] См.: *Социальное* служение церкви X-XX вв. // История церковной благотворительности: Материал размещен на сайте отдела по церковной благотворительности и социальному служению Московского патриархата по адресу: http://www.diaconia.ru/

[4] См.: *Елагин Н.В.* Нищие на Святой Руси. М., 1862; *Гогель С.К.* Объединение и взаимодействие частной и общественной благотворительности. СПб., 1908; *Мещанинов И.* О нищенстве в России и способах борьбы с этим явлением. СПб., 1901; *Линев Д.А.* Причины русского нищенства и необходимые меры борьбы против них. СПб., 1891; *Максимов Е.Д.* Происхождение нищенства и меры борьбы с ним. СПб., 1901 и др.

[5] *Новобергский Н.Я.* По пути вырождения: Социально-гигиенические очерки. СПб., 1913. С. 26.

области российской благотворительности начала XX в. Е.Д. Максимов выделяет такие причины, как физические, экономические, правовые, психологические. К первым он относил: немощь, дряхлость, инвалидность и все формы биологической слабости; ко вторым – пропасть между богатством и бедностью, низкую оплату труда, переселение, разорение, безработицу, отсутствие профессии, малообученность; к третьим – юридическую беззащитность слабого перед сильным, невозможность бедному человеку найти защиту в законе[1].

Кроме того, ряд ученых одной из причин называют также наличие в нашей стране большого количества праздничных дней (до 130), что способствует распространению пьянства как способа заполнения досуга. Огульная милостыня, когда жертвуют не на организацию призрения, а в руки просящих. Это создавало определенную объективную основу для существования профессионального нищенства[2]. Тем более что само определение «нищенство» получает свое научное истолкование с учетом международной практики только в марте 1910 г. на первом съезде образованного накануне «Всероссийского союза учреждений, обществ и деятелей по общественному и частному призрению». На втором съезде, который проходил в мае 1914 г., были разработаны критерии категорий, нуждающихся в призрении, четко определены источники финансирования благотворительности, рассмотрены проблемы частной благотворительности[3]. В конце XIX–начале XX в. выходили десятки общероссийских изданий, в которых анализировалась практика благотворительной деятельности центральных и местных учреждений. Среди них можно отметить следующие: «Трудовая помощь», «Призрение и благотворительность в России», «Жизнь для всех», «Вестник благотворительности» и др. По подсчетам современных исследователей в дореволюционный период было опубликовано более 320 работ[4]. Однако начавшаяся вскоре мировая война и последующие социальные катаклизмы прерывают эту общественную деятельность.

Уральские губернии по количеству нищих относились к числу относительно благополучных регионов страны. Так, если в Курской, Иркутской, Тобольской их число составляло до 3,5% населения, то в Пермской, Вятской, Уфимской не превышало 1,3%. А самыми неблагополучными городами Россий-

---

[1] *Максимов Е.Д.* Указ. соч. С. 53-56.

[2] *Голосенко И.А.* Нищенство в России (Из истории дореволюционной социологии бедности) // Социс. 1996. № 8. С. 22-23.

[3] *Гогель С.К.* Современное положение общественного призрения в России // Труды съезда по общественному призрению, созванного Министерством внутренних дел 11-16 мая 1914 года. Т.1. СПб., 1914. С. 25-34.

[4] *Власов П.В.* Благотворительность и милосердие в России. М., 2001. С. 15.

ской империи являлись Астрахань, Казань, Киев, Москва, Николаев, Орел, Одесса, С.-Петербург, Саратов, Херсон и Одесса[1].

Всероссийская перепись населения 1897 г. позволила определить точное их количество. Здесь было указано две группы: одна, озаглавленная «нищие бродяги, странники, богомольцы, гадалки и т.п.», насчитывала 362514, другая – «не указавшие своих занятий и средств к существованию» - 316646 чел. Причем наибольшее количество профессиональных нищих отмечалось в обеих столицах[2]. Именно поэтому в 1880 г. появляется императорский указ о необходимости создавать государственно-общественные комитеты по разбору и призрению нищих в губерниях империи[3].

В Перми был образован «Комитет по разбору и призрению нищих» в 1881 г. Помимо «случайных» средств это учреждение получало в виде пособий от городского самоуправления 3500 руб., губернского и уездного земств – 1100 руб., мещанского общества – 600 руб.[4] Во главе комитета стоял настоятель Воскресенской церкви, известный церковный публицист, поборник благотворительности протоиерей Евгений Алексеевич Попов[5]. В первый состав комитета вошли П.Д.Дягилев, П.И.Семевский, А.П.Кропачев, Н.П.Вилесов, В.Т.Аксенов, П.Е.Шавкунов. Свою деятельность комитет осуществлял по образцу «эльберфельдской системы» (созданной в 50-е гг. XIX в. в германском г. Эльберфельде), когда все нищие подразделялись на несколько разрядов, в частности в Перми: первый – тяжелобольные, увечные и престарелые; второй – нищенствующие, которые могли выполнять легкую работу; третий – те, кто мог работать, но не хотел (профессиональные нищие)[6].

В 1886 г. комитет обратился к жителям города с призывом не подавать милостыню нищим деньгами, а опускать свое подаяние в специальные кружки, которые находились во многих местах, где обычно промышляли нищие. Затем эти средства поступали в комитет для распределения среди нуждающихся, а также финансирования ночлежного дома, организации дешевых и бесплатных

---

[1] *Мещанинов И.* Указ. соч. С. 3.

[2] *Первая* всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г., Вып. 3: Население городов С.-Петербурга, Москвы, Варшавы и Одессы по переписи 20-30 янв. 1897 г. на основе подсчетов мест. особых комис. // Центр. стат. ком. СПб., 1898. С. 2-4, 25-26.

[3] *ГАПО*, ф. 35, оп. 1, д. 29, л. 69.

[4] *Там* же. Л 77 об.

[5] *Шестаков* Иаков, свящ. Трудник Христов: Протоиер. г. Перми Евг. Алексеевич Попов: Очерк жизни и трудов. М., 1908. С. 18-19.

[6] *ГАПО*, ф. 35, оп. 1, д. 29, л. 48-50.

столовых и чайных[1]. Именно благодаря энергичным действиям сотрудников комитета, их помощников практически на улицах города не было видно нищих.

Аналогичный комитет был создан в Екатеринбурге в сентябре 1884 г. благодаря И.И.Симанову, недавно избранному городским головой[2]. Работа комитета также строилась по «эльберфельдской системе». Проведя регистрацию всех нищих, городская полиция выслала всех иногородних из города в места их жительства. Затем члены комитета и полицейские распределили детей и нищенствующих в детский приют Благотворительного общества и богадельню, которая была значительно расширена, а также в новый ночлежный дом, рассчитанный на 200 чел.[3] Через городскую Думу Симанов добивался финансирования деятельности комитета, привлекая при этом частных благотворителей[4]. Это позволило уже к 1887 г. решить проблему призрения нищих в городе, что вызвало благоприятные отзывы участников выставки 1887 г. в Екатеринбурге[5]. Кстати, надолго сохранилась память о вкладе И.И.Симанова. В 1910 г. в газете «Уральский край» была опубликована информация о том, что в одной из комнат ночлежного дома находится портрет Симанова в золоченой рамке, который был создан самими ночлежниками[6].

В 1889 г. на средства И.И.Симанова выходит одно из самых известных исторических изданий на Урале конца XIX в. «Город Екатеринбург. Сборник историко-статистических и справочных сведений по городу», исторический очерк которого был написан Д.Н.Маминым-Сибиряком. 1250-страничная книга пользовалась большим спросом, поэтому вырученные деньги от издания были переданы в фонд Екатеринбургского комитета по разбору и призрению нищих[7].

В 1888 г. был образован «Комитет по разбору и призрению нищих» в Кунгуре под председательством городского головы Я.А.Колпакова[8]. Позднее такие же комитеты основываются в Камышлове, Красноуфимске, Верхотурье, Осе и Чердыне. Их деятельность носила распорядительный характер: те, кто не мог физически трудиться или найти себе пропитание, направлялись в богадель-

---

[1] *ПГВ*. 1886. № 41.

[2] *Протоколы* Екатеринбургской городской думы за II полугодие 1884 г. Екатеринбург, 1884. С. 83.

[3] *Екатеринбургская* неделя. 1884. № 41.

[4] *Отчет* о деятельности Екатеринбургского комитета по разбору и призрению нищих за 1886 год. Екатеринбург, 1887. С. 12.

[5] *Екатеринбургская* неделя. 1888. № 12.

[6] *Микитюк В.П.* Давнишний общественный работник (И.И.Симанов) // Очерки истории Урала. Вып. 4. Екатеринбург, 1997. С. 128.

[7] *Протоколы* Екатеринбургской городской думы за первое полугодие 1889 г. Екатеринбург, 1890. С. 75-76.

[8] *Журналы* Кунгурской городской думы. Кунгур, 1888. С. 27-28.

ни, а трудоспособные - в ночлежные дома, где получали горячее питание и некоторую работу. С этой целью комитеты открывали специальные нищенские приюты или ночлежные дома. Особенно большую помощь оказал нищим ночлежный приют в Кунгуре, где в 1897 г. он принял около 16 тыс. человек[1].

В Перми ночлежный дом был рассчитан на 100 человек летом, а зимой он давал кров до 300 нуждающимся. В 1901 г. здесь побывало 41306 человек, а 235 человек получали пособия от 1 до 5 рублей ежемесячно[2]. В Екатеринбурге ежедневно принималось до 260 человек,[3] в Красноуфимске – 20 человек[4]. К 1905 г. – в два раза больше. Вместе с тем вследствие специфики призреваемых, отсутствия постоянного элементарного самоухода эти заведения быстро становились источниками инфекционных заболеваний, о чем неоднократно члены городских и уездных санитарных комиссий предупреждали властные и общественные структуры[5].

В Вятской губернии аналогичный комитет был создан только в губернском городе в 1896 г. В его руководстве находилось, в основном, купечество, земские деятели, священнослужители. Наиболее активными были: П.И.Клабуков, М.Д. Лаптев, Д.П.Абрамов, И.Н.Желудков[6].

Однако в начале XX в. происходит смена системы деятельности некоторых комитетов. За основу был принят участковый принцип организации, созданный в 1894 г. в Москве. Здесь участки возглавляли такие известные в стране благотворители, как князь А.А.Щербатов, братья Бахрушины, князь В.А.Голицын, профессор МГУ В.И.Герье и др.[7] Опыт Москвы использовали многие города России. Так, в 1899 г. Вятский комитет по призрению нищих преобразовывается в городское попечительство о бедных. Первым председателем становится известный в городе благотворитель П.П.Клобуков. Город был разбит на 10 участков во главе с попечителем[8]. Эта мера помогла оказывать помощь бедным сословиям города более целенаправленно и оперативно. Только

---

[1] *Обзор* Пермской губернии за 1897 год. С. 85.

[2] *ГАПО*, ф. 35, оп. 1, д. 130, л. 17 об. 18.

[3] *Отчет* Екатеринбургской городской думы о движении сумм, капиталов и имущества г. Екатеринбурга за 1901 год. Екатеринбург, 1903. С. 299.

[4] *Обзор* Пермской губернии за 1901 год. С. 72.

[5] *Санитарный* обзор Пермской губернии за 1905 год. Пермь, 1907. С. 108-110.

[6] *Отчет* комитета по призрению нищих г. Вятки за 1896. Вятка, 1897. С. 4.

[7] *Герье В.* Попечительства о бедных в г. Москве в 1895 г. М., 1895. С. 18-21.

[8] *ГАКО*, ф. 574, оп. 2, д. 412, л. 8-а.

за 1899-1901 гг. было рассмотрено около 160 заявлений бедных жителей и приняты по ним необходимые меры помощи[1].

В Перми, в связи с переменой места жительства, жизненными обстоятельствами, смертью главных деятелей, местный комитет переживал серьезный организационный и финансовый кризис. Поэтому в октябре 1911 г. группа пермской интеллигенции (Д.М.Бобылев, И.А.Осипов, С.В.Ураевский, А.П.Толянин и др.) выступила с новой гражданской инициативой, направив в городскую Думу предложение о создании «Комитета городских участковых попечительств о бедных»[2]. В ноябре 1911 г. состоялось первое собрание комитета, которое приступило к организации участков по принципу московской городской Думы, перешедшей на эту систему еще в 1894 г. В ведение комитета были переданы все заведения бывшей комиссии по призрению нищих: ночлежный дом, нищенский приют, богадельня и столовая[3]. Участки возглавляли такие известные в стране благотворители, как князь А.А.Щербатов, братья Бахрушины, князь В.А.Голицын, профессор МГУ В.И.Герье и др.[4] Опыт Москвы использовали многие города России.

За первый год существования нового общества в его работе приняло участие 1820 человек. Было проведено обследование 166 кварталов города, выявлено 363 семейства, которым были назначены постоянные и временные пособия; организован сбор одежды и обуви, а в школах – выдача горячих завтраков. Для подростков из бедных семей участковые попечительства открыли 4 мастерских (одну столярную и 3 сапожные[5]); к 1914 г. – 6 дешевых столовых[6]. Для бедных семей была организована продажа благотворительных талонов, которые служили средством платежей не только в столовых, но и в других торговых точках по договоренности с их владельцами: «в мясных – Костарева, Звездакова, Баженова; в бакалейной торговле – Валетовых, Шамсутдинова, Рахматуллина и др.»[7].

Большую роль играли специальные заведения для престарелых людей – богадельни, где царила атмосфера «благочиния и добронравия», не нарушались нравственные нормы поведения. Они создавались в удобных местах в зависи-

---

[1] *ГАКО,* ф. 574, оп. 2, д. 412, л. 18.
[2] *Журналы* Пермской городской думы за 1911 г. Пермь, 1912. С. 61-62.
[3] *ПГВ.* 1911. № 259; *Там* же. 1912. № 63.
[4] *Герье В.* Попечительства о бедных в г. Москве в 1895 г. М., 1895. С. 18-21.
[5] *ПГВ*. 1912. № 87; *Там* же. № 255.
[6] *Отчет* Пермского городского попечительства о бедных за 1911-1914 гг. Пермь, 1914. С. 44.
[7] *Там* же. С. 63.

мости от количества лиц, нуждавшихся в помощи. В богадельни принимались увечные, престарелые, не имевшие пропитания лица всех состояний[1].

В конце XIX в. в Пермской губернии насчитывалось 21 богадельня. Они открывались на объединенные средства земств, городского самоуправления, а также благотворительных обществ и попечительств, частные пожертвования. Основное их количество было сосредоточено в городах, а также в заводских поселках. Так, в 1897 г. здесь находилось на благотворительном попечении около 900 человек. Основной контингент призреваемых составляли пожилые женщины – около 600 человек, или почти 70 процентов[2]. Ежегодно количество благотворительных заведений этого типа возрастало: в 1903 г. - 32; в 1910 г. – 54; в 1914 г. – 62[3], т.е. за неполные 20 лет благодаря широкой общественной активности их количество увеличилось почти в 3 раза за счет заводских поселков Верхотурского, Кунгурского и Осинского уездов. Также возросло количество сельских богаделен в таких уездах губернии, как Камышловском, Красноуфимском и Шадринском. Однако их катастрофически не хватало. В большинстве случаев они содержались на средства сельских обществ. Соответственно увеличивалось и число людей, которые ввиду отсутствия государственной системы социальной поддержки престарелых могли получить хотя бы минимальную жизненную поддержку. К 1903 г. в богадельнях находилось около 1300 человек, в 1910 г. – около 1500 и в 1914 г. – около 1800 престарелых бедных жителей Пермской губернии[4]. Динамика развития в Вятской губернии также была заметной, однако в меньших масштабах. Так в 1885 г. здесь насчитывалось 10 богаделен, в которых находилось около 500 человек[5]. К 1914 их количество увеличилось до 24, численность призреваемых до 1100 человек[6].

В конце XIX в. на Урале появляется еще одна новая форма помощи нуждающимся, попавшим в неблагоприятные жизненные условия, потерявшим работу, но желающим зарабатывать на жизнь собственным трудом, - дом трудолюбия для взрослых.

Для общественности России XIX в. идея трудовой помощи была не нова. Еще в указе императрицы Екатерины II «Учреждение о губерниях» (1775 г.) о

---

[1] *СЗРИ*. Т. XIII. СПб., 1892. С. 53-55.

[2] Подсчитано автором по: *Обзор* Пермской губернии за 1897 год – С. 83-87.

[3] *Там* же. За 1903 год. С. 60, 70; …за 1910 год. С. 104-109; …за 1914 год. С. 115-121.

[4] *Там* же.

[5] *Благотворительные* учреждения Вятской губернии // Календарь Вятской губернии на 1885 г. Отдел III. Вятка, 1884. С. 146-147.

[6] Подсчитано автором по: *Обзор* Вятской губернии за 1914 г. Вятка, 1915. С. 89-94.

задачах приказа общественного призрения отмечается, что «…в оных домах дают работу, а по мере работы пищу, покров, одежду или деньги… принимаются совершенно убогие, кои работать могут и сами добровольно приходят…»[1]. Правда, в действительности эти работные дома представляли собой разновидность тюремного труда (не случайно в дальнейшем они и становятся тюрьмами, как это было с московским работным домом, на основе которого в 1870 г. была создана городская исправительная тюрьма, известная под названием «Матросская тишина»)[2].

В Пермской губернии работный дом открывается в губернском городе в феврале 1788 г. при деятельном участии руководителя новой административной единицы Пермского и Тобольского наместничества – генерал-поручика Е.П. Кашкина. Он предназначался для труда арестантов, заключенных в городскую тюрьму, которые отбывали срок по незначительным делам, а также задержанных нищих и людей без документов, которые выразили желание заработать деньги на пропитание. Для них определялся такой род деятельности, как плетение канатов и веревок для речных судов, распилка бревен на доски для строительства и отделки и др[3]. Аналогичное заведение открылось в Екатеринбурге только для женщин, которое получило название «прядильный двор». Он находился в ведении приказа общественного призрения и финансировалось за счет казны, специального городского налога и добровольных пожертвований. По мысли Е.П.Кашкина: «…Через таковое основание гораздо более будет бедным помощи, нежели через раздачу в милостыню некоторого количества денег»[4].

Сведения о работных домах в Пермской губернии исчезают в источниках после 1820 г. Так, по статистическому обзору губернии 1832 г. эти благотворительные заведения числятся как пустующие и переданы в городское хозяйство[5].

Одним из первых благотворительных заведений трудовой помощи современного типа в России стал Демидовский дом призрения трудящихся, который был основан А.Н.Демидовым в Петербурге в 1833 г. Он давал работу, возможность питания и жилья более 160 приходящим и 55 постоянно живущим

---

[1] *ПСЗ-1*. Т.XX. № 14392. С. 271.

[2] *Храпоничева Е.В.* Дома трудолюбия // Московский журнал. 1999. № 9. С. 128.

[3] *ГАПО*, ф. 82, оп. 1, д. 11, л. 18.

[4] *Там* же. Д. 20, л. 35.

[5] *Краткое* статистическое обозрение Пермской губернии 1832 года // Сборник материалов для ознакомления с Пермской губернею. Вып. III. Пермь, 1891. С. 23.

здесь женщинам из различных сословий, в том числе из бывших дворянок[1]. В 1837 г. для детей приходивших работниц открываются детские комнаты – первый в истории России детский сад, в котором через год находилось 112 детей[2]. Именно с учетом деятельности Демидовского детского приюта разрабатывается Положение о работе детских приютов в 1839 г. под патронатом императрицы Александры Федоровны – супруги Николая I.

Переход к новым социально-экономическим и гражданским отношениям в ходе реформ 60-70-х гг. XIX в. возрождает идею трудовой помощи нуждающимся. Это было связано с именем видного религиозного деятеля России, настоятеля Кронштадского Андреевского собора о.Иоанна (получившего название в народе Иоанн Кронштадский). В 1872 г. он публикует два воззвания к пастве о необходимости создания «Дома трудолюбия». В нем предполагалось обеспечить всем необходимым для воспитания трудом, предоставить еще один шанс попавшим в беду людям вернуться к нормальной жизни[3]. В 1882 г. было построено первое здание этого «Дома». К началу XX в. он представлял собой целый небольшой город, наполненный кипучей, разносторонней и осмысленной деятельностью. Здесь находились многочисленные и разнообразные мастерские, в которых работало в год до 25 тыс. чел.; народная столовая с недорогими обедами, а в праздники – бесплатными; бесплатная амбулатория; воскресная школа, начальное народное училище, рисовальные классы и др. Позднее были выстроены большие здания для ночлежного приюта и странноприимный дом для паломников, которые приезжали со всех регионов России специально на проповеди о.Иоанна[4]. Одним из самых ярких пропагандистов «трудовой благотворительности» являлся сотрудник центрального Мариинского ведомства, а затем почетный член Попечительства, барон О.О.Бугсгевден. В 1888 г. он совершил поездку в центральные губернии России, разъясняя цели и задачи создаваемых домов трудолюбия. По его инициативе и настойчивости только в 1893 г. было открыто около 10 домов трудолюбия в губернских городах России[5].

---

[1] *Черкасов А.С., Мосин А.Г.* На благо любезного Отечества // Демидовский временник: Исторический альманах. Кн. 1. Екатеринбург, 1994. С. 274.

[2] *Благотворительная* Россия. Т.2. СПб., 1912. С. 89.

[3] *Попов И.В.* Святыни Кронштадта: Дом трудолюбия: Материалы по истории Кронштадта. Материал взят на сайте по адресу: http://www.leushino.ru/coference/

[4] *Скурский И.К.* Отец Иоанн Кронштадтский. М., 1994. С. 87-89.

[5] *Храпоничева Е.В.* Указ. соч. С. 74.

До 1895 г. в России было учреждено 52 дома трудолюбия, причем большинство – в столицах и центральных губерниях[1]. На Урале к этому времени не было ни одного дома трудолюбия. Отмечена в исторической литературе только одна попытка его создания в 30-е гг. XIX в. по инициативе Оренбургского гражданского губернатора Н.В.Жуковского. Так, в 1833 г. был подготовлен и отправлен в Совет Императорского человеколюбивого общества проект создания дома трудолюбия для детей-сирот из бедных семей, которые могли получать здесь призрение и получать трудовые навыки. Однако пока проходило согласование уставных документов, сменился губернатор, который сообщил в столицу об отсутствии средств на создание дома трудолюбия[2].

1 сентября 1895 г. именным указом императора Николая П было образовано «Попечительство о домах трудолюбия и работных домах». Цель нового попечительства - стремление «…к облегчению участи неимущих доставлением им честного труда, как единственного залога счастливой и на христианских началах основанной жизни…»[3]. Переданное под покровительство императрицы Александры Федоровны, его задачей являлось координировать деятельность городов и общественных организаций в области трудовой помощи. Для организации новых заведений и поддержки уже существующих предусматривалась выдача срочных ссуд и единовременных пособий из государственной казны. В 1906 г. оно стало называться «Попечительство о трудовой помощи». С 1897 г. начал издаваться журнал «Трудовая помощь», который являлся главным теоретическим и методическим центром этой организации. Были разработаны: примерный «Устав попечительного общества о доме трудолюбия» и «Руководящие начала для правлений попечительных обществ о домах трудолюбия», которыми руководствовались новые благотворительные общества[4]. К 1914 г. было создано 110 домов трудолюбия, а количество организаций трудовой помощи достигло 276, которые имели объекты недвижимости на сумму более 2 млн 220 тыс. руб., а сумма капиталов достигла почти 4 млн руб.[5]

Первый на Урале дом трудолюбия был создан в Яранске Вятской губернии. Идея его создания была высказана на очередном уездном земском собрании еще в 1893 г. как одно из мероприятий по преодолению последствий голода

---

[1] *Сборник* сведений благотворительности в России с краткими очерками благотворительных учреждений в С.-Петербурге и Москве. СПб., 1899. С.V.

[2] См.: *Дашкевич Л.А.* «Под августейшим покровительством…». С. 103-107.

[3] Цит по: *Дерюжинский В.Ф.* Заметки по общественному призрению. М., 1897. С. 106.

[4] *СЗРИ.* Т. XIII. С. 132-136.

[5] *Трудовая* помощь. 1914. № 8. С. 382-383; 385-386.

начала 90-х гг. Было объявлено о начале сбора средств на его создание[1]. Однако дело двигалось медленно и только благодаря помощи губернатора Ф.Ф.Трепова, который посетил уезд весной 1895 г. и оказал давление на губернское земство для выделения средств на окончание строительства дома трудолюбия[2]. В декабре 1895 г. он был открыт. В нем были созданы ремесленные мастерские, где работало 45 человек. Позже он вошел как структурная единица в состав местного благотворительного общества[3]. Однако, в Вятской губернии распространение получили дома трудолюбия для детей по образцу Ольгинских приютов трудолюбия. К 1916 г. здесь действовало 4 таких учреждения[4].

В Пермской губернии было образовано в 1897 г. два дома трудолюбия; в Перми и Екатеринбурге открылись в начале 1898 г.[5] В Екатеринбурге дом трудолюбия действовал в составе городского комитета по призрению и разбору нищих и финансировался за счет помощи комитета, членских взносов, частных пожертвований, финансовой поддержки городского самоуправления и благотворительного общества[6]. В своей деятельности он был связан с комитетом по разбору и призрению нищих, которые направляли сюда людей, выразивших согласие работать. Первоначально в доме трудолюбия ежедневно работали и питались около 50 призреваемых (в 1899 г.), в 1903 г. – 350 чел., в 1910 г. – 410, в 1913 г. – более 450 чел.[7]

Так как абсолютное число пришедших не имели какой-либо квалификации, то основным способом заработка являлись работы по уборке и очистке территории города, для женщин были созданы небольшая прядильная и пошивочная мастерские. Городская дума и уездное земство заключили с ними договор о поставках их продукции в лечебные учреждения[8]. Городское благотворительное общество также направляло своих подопечных для трудовой поддержки.

История деятельности Пермского дома трудолюбия оказалась более извилистой и противоречивой. Он создается в 1898 г. как прототип благотворительного заведения о. Иоанна Кронштадского, однако главными призреваемые были

---

[1] *Журналы* Яранского уездного земского XXVII очередного собрания 1893 г. Вятка, 1894. С. 136-137.
[2] *ГАКО*, ф. 582, оп. 146, д. 227, л. 195.
[3] *Обзор* Вятской губернии за 1905 г. С. 78.
[4] *Обзор* Вятской губернии за 1915 г. С. 81-88.
[5] *Обзор* Пермской губернии за 1898 год. С. 83-85.
[6] *Отчет* о деятельности Екатеринбургского комитета по разбору и призрению нищих за 1891-й, седьмой год его существования. Екатеринбург, 1893. С. 27-28.
[7] *Доклад* о деятельности Екатеринбургского городского попечительного комитета Городской думы по 1 янв. 1915 г. Екатеринбург, 1915. С. 68-71.
[8] *Смета* доходов и расходов г. Екатеринбурга на 1911 г. Екатеринбург, 1911. С. 257-258.

люди, освободившиеся из мест заключения. Учредителем стало «Общество попечения о лицах, выходящих из мест заключения», созданное в 1897 г. Оно мыслилось как завершающий этап в деятельности Губернского тюремного комитета, позволяющий проводить социальную адаптацию этой категории людей[1].

Первоначально дом трудолюбия не имел собственного помещения и находился в арендованных зданиях. Уже к 1900 г. здесь было зарегистрировано около 2 тыс. трудовых дней мужчин и около 1 тыс. - женских[2]. Однако у членов благотворительного общества возникли серьезные разногласия о характере деятельности дома трудолюбия. Камнем преткновения стал тот факт, что 70 процентов получавших здесь трудовую помощь были из числа городской бедноты. Поэтому к 1904 г. общество практически свернуло эту форму благотворительной деятельности, так как многие считали, что это противоречит целям общества и поэтому домом трудолюбия должна заниматься городская Дума или комитет по призрению нищих[3].

Однако реанимировать этот социальный проект смогло одно событие лета 1904 г. Так, в июне на Урале побывал с миссионерской целью знаменитый протоирей о. Иоанн Кронштадский. В публичной проповеди в кафедральном соборе, на которой собралось грандиозное число слушателей не только Перми, но и ближайших уездов, он говорил о необходимости веры для человека и милосердия к человеку, о благотворительной роли своего «Дома трудолюбия»[4], что способствовало созданию в октябре 1904 г. «Общества трудовой помощи», которое и возродило Пермский дом трудолюбия[5].

Оно вошло в состав Всероссийского «Попечительства о домах трудолюбия и работных домах» и до 1912 г. не имело собственного помещения. Однако в 1911 г. были выделены средства от центрального попечительства на строительство специального дома (8,5 тыс. руб.) и в следующем году было выстроено трехэтажное здание (автор - городской архитектор В.В.Попатенко)[6]. Душой общества являлся его руководитель, врач С.В.Ураевский. В руководство входили также известный деятель просвещения губернии, долгое время возглавлявший дирекцию народных училищ А.П.Раменский, купцы: В.Т.Аксенов, Ф.Е. Круглов,

---

[1] *ГАПО*, ф. 65, оп. 2, д. 240, л. 10.
[2] *Обзор* Пермской губернии за 1900 год. С. 69.
[3] *ПГВ*. 1903. № 255; там же. 1904. № 83.
[4] *ПЕВ*. 1904. № 12.
[5] *Верхоланцев В.С.* Указ. соч. С. 127.
[6] *Отчет* по постройке дома трудолюбия с 1 мая 1911 г. по 1 апр. 1914 г. Пермь, 1915. С. 2, 6-8.

И.Н.Суслин и др.[1] Гордостью дома трудолюбия были его мастерские: токарная, столярная, переплетная, оборудованные современными станками. Обитатели его обучались новым специальностям, поддерживая при этом свое материальное положение. Практически все призреваемые получали работу через созданную при доме трудолюбия биржу труда. Наряду с взрослыми оказывалась помощь и подросткам-мальчикам[2]. Городская дума поддерживала финансовое благополучие дома с помощью целевых крупных заказов[3]. В 1914 г. по трудовому дому было зарегистрировано 4819 мужских, 975 женских и 552 подростковых трудовых дней[4]. Это было одно из немногих в стране благотворительных учреждений такого типа, которое полностью могло окупать собственное содержание.

Анализ развития благотворительности как исторического процесса становления элементов новых, гражданских отношений, вовлечения новых классов и социальных групп в систему помощи страждущим показывает, что главная предпосылка такого положения дел – наличие развитого к концу XIX в. земского движения и городского самоуправления. Став правопреемником Приказа общественного призрения в период своего организационного оформления, земства и города не только продолжали традиционные формы благотворительности, существовавшие в России, но и стали выступать как объединяющие центры новых типов благотворительности: обществ, попечительств, комитетов и заведений.

Прежде всего это выражалось через финансовую поддержку новых организаций. Практически все общественные объединения в сфере благотворительности получали такую помощь. Однако рассчитать суммы на благотворительную деятельность земских учреждений до начала 90-х гг. XIX в. было сложно, поскольку они наряду с расходами на здравоохранение включались в общую сумму. И только с 1893 г. они стали считаться как самостоятельный показатель. Сведения за период с 1893 по 1914 г. показывают следующую динамику увеличения расходов только в Пермской губернии: с 40389 рублей в 1893 г. до 196848 рублей в 1914 г., т.е. увеличилось почти в 5 раз[5]. Если соотнести эту динамику с общероссийской, то получим следующие данные: по 40 губерниям Европейской России, где были созданы земские учреждения, рост расходов на

---

[1] *ПГВ*. 1912. № 105.

[2] *Отчет* Пермской ремесленно-учебной мастерской с 1 июля 1913 г. по 1 июля 1914 г. Пермь, 1914. С. 6-9.

[3] *Отчет* Пермской городской управы за 1912 год. Пермь, 1913. С. 64.

[4] *Обзор* Пермской губернии за 1914 год. С. 117.

[5] Подсчитано автором по: *Обзор* Пермской губернии за 1893 год. С. 117-120; *Обзо*р Пермской губернии за 1914 год. С. 116-121.

общественное призрение составил почти 1,5 раза за 1909–1913 гг. (с 2974 тыс. рублей до 4509 тыс. рублей)[1]; в Пермской губернии – почти 2 раза (со 101246 рублей в 1909 г. до 196848 рублей в 1914 г.)[2].

Из этих расходов на поддержку благотворительных общественных учреждений выделялось в 1909 г. 17730 руб. (17,5 процентов от общих расходов на благотворительность), в 1914 г. – 44913 руб. (22,8 процентов), т.е. рост по суммам составил почти в 2,5 раза[3].

Кроме этого, большие суммы выделись земствами на пособия неимущим в качестве единовременных и постоянных пособий. Так, в 1903 г. было выдано 7653 рублей, в 1914 г. – 13444 рублей[4]. Чердынское земство выплачивало постоянные пособия бывшим служащим земств и их семьям в случае смерти пенсионера, а также при их временной нетрудоспособности[5]. В Верхотурском земстве выплаты распространялись также на земских учителей, врачей, ветеринаров, агрономов[6]. Правительство возложило на земские органы выплату пособий семьям погибших нижних чинов в ходе войн (русско-турецкой 1877-1878 гг., русско-японской 1903-1905 гг., позднее - в годы 1 мировой войны).

Благотворительность являлась составной частью работы местных банковских учреждений, прежде всего городских обществ. Наибольшую известность имели благотворительные акции Пермского общественного Марьинского банка и Соликамского городского банка Черкасова. Так, в уставном капитале пермского банка были заложены 10 тыс. рублей, проценты с которого ежегодно направлялись на выдачу пособий бедным жителям города[7].

В конце 80-х гг. XIX в. по размерам отчислений в городские доходы и на благотворительность он занимал четвертое место среди 212 общественных банков страны[8]. Банк Черкасова выступал соучредителем городской богадельни Стефановского общества вспомоществования бедным жителям, в которой на-

---

[1] *Горнов В.А.* Финансово-экономические основы общественного призрения в России конца XIX – начала XX вв. // Национальная экономика: проблемы российских реформ. Рязань, 2002. С. 128.

[2] Подсчитано автором по: *Обзор* Пермской губернии за 1909 год – С. 104-109; *Обзор* Пермской губернии за 1914 год. С. 116-121.

[3] *Там* же.

[4] Подсчитано по: *Обзор* Пермской губернии за 1903 год. С. 67-70; *Обзор* Пермской губернии за 1914 год. С. 116-121.

[5] *Отчет* Чердынской уездной земской управы о суммах и капиталах уездного земства за 1911 г. Сметы, раскладка и перечень расходов и доходов на уездные земские потребности на 1913 г. Чердынь, 1913. С. 564-566.

[6] *Сметы* расходов и доходов и раскладка уездного земского сбора Верхотурского уездного земства на 1914 г. с приложениями и объяснительной запиской. Верхотурье, 1914. С. 423-425.

[7] *Отчет* Пермского общественного Марьинского банка за 1898 г. Пермь, 1899. С. 16.

[8] *Отчет*… за 1899 г. Пермь, 1900. С. 5.

ходилось около 30 немощных[1]. Единовременные благотворительные мероприятия проводили и коммерческие банки, которые находились в пределах Пермской губернии: Волжско-Камский, Сибирский, а также отделения Государственного банка. Так, ежегодно в декабре Сибирский торговый банк в Екатеринбурге организовывал рождественскую елку для детей из бедных семей[2]. На средства открывшегося в 1912 г. Купеческого банка в Перми проводились бесплатные пасхальные народные обеды[3]. В Вятской губернии выделялся своей благотворительной поддержкой Вятский общественный банк имени Ф. Веретенникова, созданный еще в 1862 г. Только за один 1883 г. его расходы на благотворительность составили 69242 рублей[4].

Проведение двух общероссийских съездов по проблемам благотворительности поставило перед земскими учреждениями и городским самоуправлением очень серьезную задачу – объединение разрозненных многочисленных сил общественности как организованных, так и находящихся вне их рамок для **создания единой системы социального призрения[5].** В 1916 г. в Пермской губернской управе была создана специальная комиссия, задача которой – согласование интересов благотворительных учреждений с целью организации единого координационного центра. Возглавил ее известный земский деятель на Урале Д.М.Бобылев[6]. Однако ее деятельность не привела к реальным результатам ввиду начавшихся социально-политических катаклизмов, несмотря на то, что Временное правительство создает министерство государственного призрения[7]. Революционная стихия в своем развитии вырабатывает принципиально новую систему социальной помощи.

Советская власть оставляет в системе государственной социальной политики только несколько дореволюционных благотворительных организаций: Литературный фонд, общество Красного Креста, общество слепых, общество глухонемых, наполняя их деятельность новым содержанием.

---

[1] *Соликамский* общественный Черкасова банк: Краткий очерк 50-летнего существования банка 1861-1910 гг. Пермь, 1911. С. 25.

[2] *Отчет* о деятельности Екатеринбургского благотворительного общества за 1886 г. Екатеринбург, 1887. С. 18.

[3] *Отчет* за первый операционный год // Перм. купеч. Банк. Пермь, 1913. С. 107-108; ПГВ. 1912. № 83.

[4] *Журналы* Вятской городской думы за 1906 г. Вятка, 1907. Т. 1. С. 91.

[5] *Власов П.В.* Благотворительность и милосердие в России. М., 2001. С. 189-190.

[6] *Доклады* и постановления совещания при губернской управе, состоявшегося с 7 по 11 дек. 1916 г. Пермь, 1916. С. 53.

[7] *Власов П.В.* Указ. соч. С. 205.

До недавнего времени вопрос о роли церковной благотворительности в системе гражданских инициатив второй половины XIX–начала XX вв. не становился предметом специальных научных исследований. Традиционно считалось, что огосударствленная православная церковная организация не может рассматриваться как составляющая часть гражданских институтов общества, переживающего период своего становления. Основным аргументом выступало утверждение о русской церкви как элементе государственного аппарата управления, «встроенной» в него реформами Петра I и выполняющей важнейшую функцию государственной идеологии. Поэтому церковное руководство выступало в большинстве случаев с охранительных позиций в интересах самодержавной власти, которая оказалась неспособной к самообновлению и поддержке новых гражданских начинаний. К тому же с 1895 г. православное духовенство стало получать казенное жалование.

Значительная доля исторической истины здесь присутствовала и трудно возразить против конкретных государственных документов того времени. Возможно, с точки зрения роли и места Св.Синода, епархиальных органов управления, высших деятелей церкви это и оправдано. Однако повседневная жизнь провинциальных священнослужителей во многом определялась не только руководящими циркулярами вышестоящего руководства, но и реалиями местной жизни, которые накладывали отпечаток на поведение приходских священников и диктовали свои житейские правила отношений не только с прихожанами, но и к новым явлениям в общественной жизни. Они не могли поступать по-другому, так как сами являлись частью этой жизни.

Участие епархиального руководства в деятельности благотворительных общественных организаций имело, в большинстве случаев, представительский характер по должности. А вот приходские священники становились зачастую одними из самых деятельных участников практической благотворительной работы.

До 1885 г. Пермская епархия объединяла церковное хозяйство всей Пермской губернии, в котором с 1833 г. существовало Екатеринбургское викариатство для более оперативного управления зауральскими церковными учреждениями. К этому времени в епархии насчитывалось 827 церквей, 3 мужских и 3 женских монастыря, среди которых выделялись: Верхотурский Николаевский второклассный мужской монастырь, основанный еще в 1604 г. (он давал в епархиальную казну до 3 тыс. рублей ежегодно), и Екатеринбургский Новотих-

винский первоклассный женский монастырь (самый крупный монастырь на Урале, где находилось до 450 человек)[1]. Разделение на две самостоятельные епархии в рамках одной губернии стало первым случаем в истории российской системы управления. В состав новой епархии входило пять уездов: Екатеринбургский, Верхотурский, Ирбитский, Камышловский, Шадринский.

На рубеже веков их количественные характеристики были примерно равны. В 1899 г. в Пермской епархии насчитывалось 602 церкви и 791 часовня, два мужских монастыря (Соликамский и Белогорский), три женских (Пермский, Кунгурский и Соликамский). В Екатеринбургской епархии эти цифры были следующие: 496 церквей, 563 часовни и молитвенных дома; три мужских монастыря и пять – женских. Здесь находился центр уральского старообрядчества[2].

Вятская епархия по праву считается родоначальницей всех уральских православных епархий. Она была образована в декабре 1657 г. и охватывала практически всю территорию современного уральского региона. Именно из нее в 1799 г. выделилась Пермская епархия. К 1900 г. в составе Вятской епархии входило два викариатства, 751 церковь, 637 часовен, 4 мужских и 5 женских монастырей[3].

В епархиях велась широкая пропагандистская деятельность православной церкви, которую возглавляли местные комитеты Православного миссионерского общества.

Особо необходимо выделить деятельность таких церковных объединений, как братства. Они создавались в России на основе положения, утвержденного Александром II в 1864 г., как добровольные объединения духовенства и общественности для пропаганды православия и нравственного воспитания народа[4]. В Пермской губернии первое такое объединение возникает в 1882 г. под названием «Общество к поддержанию чистоты нравов в народе по духу православной церкви». Инициатором его создания был уже известный нам по работе в пермском «Комитете по разбору и призрению нищих» протоиерей Евгений Алексеевич Попов[5]. Тогда же в Вятской епархии начинает работу Братство свя-

---

[1] *ГАПО*, ф. 37, оп. 1, д. 32, л. 142-145.

[2] *Шестаков Я.* Юбилейная памятная книга для духовенства, изданная по случаю 100-летия (1799-16 октября 1899 года) Пермской епархии: С прил. адресов духовенства Перм. и Екатеринбург. Епархий. Пермь, 1899. С. 285-286, 456-458.

[3] *Вятская* епархия. Историко-географическое статистическое описание. Вятка, 1912. С. 28-30.

[4] *ПЗС*. II. Т. XXXIX. № 40863.

[5] *Дмитриев А.А.* Указ. соч. С. 323.

тителя и чудотворца Николая[1]. В 1886 г. в Екатеринбургской епархии основывается «Церковное братство св. прав. Симеона Верхотурского чудотворца»[2]. В 1888 г. пермское общество было преобразовано в «Православное церковное братство св. Стефана, епископа Пермского»[3]. Именно братства по методам организации и работы приближались к светским благотворительным организациям. Однако главной сферой их деятельности были распространение начального образования в виде церковно-приходских школ, а также миссионерская работа среди старообрядцев и местного нерусского населения. Особенно актуальной стала их деятельность после Закона 1905 г. о свободе вероисповедования, когда миссионерская работа была признана основным направлением епархий страны.

Важным направлением в церковной благотворительности было призрение бедных и престарелых духовного звания, членов их семей. С этой целью создавались специальные попечительства под наблюдением епархиальных архиереев, которые действовали отдельно от духовных консисторий. Источниками финансирования этой категории нуждающихся были добровольные благотворительные пожертвования, кружечные сборы, доходы от продажи свечей, кладбищенские деньги. В каждой епархии для пожертвований от частных лиц духовного и светского звания имелась специальная книга, которая открывалась для подписки в начале каждого года. Попечительства состояли из 3-6 попечителей, избираемых из белого или монашествующего духовенства, пользующихся авторитетом и известных своим человеколюбием. Так, в Пермской епархии в состав попечительства входили такие известные деятели, как протоиереи С.А.Луканин, Е.А.Попов, священники Г.И.Остроумов, А.И.Будрин, Я.В. Шестаков и др.[4] В Екатеринбургской епархии в состав попечительства входили: протоиереи Н.М.Кибардин, И.А.Дергачев, А.А.Удинцев, И.И.Мизеров, священники Н.И.Макушин, И.Ф.Двинянинов и др.[5]

Помощь нуждающимся оказывалась в различных формах: принятие сирот на казенное содержание, обучение их в училищах; определение вдов и сирот в просвирни в церквях; престарелые священнослужители получали пенсии и единовременные пособия, определялись в богадельни при монастырях и в город-

[1] *Отчет* Вятского братства святителя и чудотворца Николая за 1885 г. Вятка, 1886. С. 2.
[2] *Там* же. С. 352-353.
[3] *ЕЕВ*. 1886. № 1-2.
[4] *ГАПО*, ф. 37, оп. 1, д. 479, л. 13.
[5] *ГАСО*, ф. 6, оп. 2, д. 658, л. 25-26.

ские богоугодные заведения; оказывалась денежная помощь при стихийных бедствиях и в случае неурожаев; при выходе девушек-сирот замуж и др.

Только в 1893 г. Пермское епархиальное попечительство выделило около 6 тыс. рублей на пособия почти 500 лицам духовного звания, на воспитание сирот в Епархиальном женском училище, содержание престарелых в пермских монастырях. А всего средства попечительства составили более 90 тыс. рублей[1]. В Екатеринбургском епархиальном попечительстве было выделено более 11 тыс. рублей для оказания помощи 542 лицам духовного звания, на содержание девочек-сирот и призревание престарелых священнослужителей в двух монастырях епархии. Общая сумма средств попечительства достигала 73802 рублей[2].

Основной же формой церковной благотворительности становится деятельность приходских попечительств. Они возникают в России в 1864 г. в соответствии с указом Александра П. Их целью объявлялось забота «…о благоустройстве и благосостоянии приходской церкви и притча в хозяйственном отношении, об устройстве первоначального обучения детей и о благотворительности в пределах прихода»[3]. В состав попечительства входили местные священнослужители и церковный староста в качестве непременных членов, а также прихожане, избираемые общим собранием прихода на определенное число лет. Председатель попечительства избирался общим собранием прихожан. Средства попечительства образовывались из добровольных пожертвований и от сборов в кружки, обносимые во время богослужения в церкви и выставляемые снаружи, а также по особым сборным книгам. Попечительства могли ходатайствовать о пособии и содействии у духовного ведомства и у казны.

К 1893 г. в России было создано около 15 тыс. приходских попечительств, которые собрали более 2,5 млн рублей пожертвований, из них 357 тыс. рублей было направлено на благотворительность: выдачу пособий бедным, организацию и содержание богаделен, детских приютов, приходских начальных школ, больничек, создание мастерских[4]. В 1903 г. число попечительств увеличилось до 19 тысяч, а расходы на благотворительную помощь возросли почти в два раза. Однако

---

[1] *Отчет* Пермского епархиального комитета за 1899 г. Пермь, 1900. С. 15-17.

[2] *Екатеринбургский* епархиальный адрес-календарь на 1890 г. Екатеринбург, 1890. С. 74-75.

[3] *СЗРИ.* Т. XIII. С. 100.

[4] *Сборник* сведений о благотворительности в России с краткими очерками благотворительных учреждений в С.-Петербурге и Москве. С. IX.

только половина занималась благотворительной деятельностью, из них – 4135 содержали приходские школы, 870 – богадельни и 64 – имели больницы[1].

В Пермской губернии к 1897 г. приходские попечительства были открыты при 381 приходах из 1098, что составляло 34,3 процентов их общего числа: 188 – в Пермской (31,2 процента) и 193 – в Екатеринбургской (38,8 процентов) епархиях[2]. К 1903 г. их количество увеличилось до 450, причем 250 приходилось на Пермскую епархию[3]. Вятская епархия выделялась среди церковных организаций страны количеством попечительств. Уже в 1874 г. здесь их было 410[4], а к 1905 г. насчитывалось 540 попечительств[5]. Вместе с тем, в городах Вятской епархии, как и в Пермской губернии прихожане – городские жители неохотно шли на создание ЦПП. Так в Вятке, где находилось 10 церквей, приходские попечительства были созданы только при пяти[6].

Впечатляло количество церковно-приходских школ в Пермской губернии (с 1893 по 1903 г. произошло увеличение с 569 до 912, причем большую часть (почти 70 процентов), составляли школы грамотности)[7]. К 1910 г. их число стабилизировалось и практически не изменялось (до 700 к 1917 г.). Однако изменилось соотношение: теперь абсолютное большинство составляли одногодичные начальные школы, а школы грамотности - около 10 процентов[8]. В Вятской губернии, которая совпадала с границами епархии, в 1892 г. число ЦПШ составило 225 и 103 школы грамотности, в 1916 г. - соответственно 659 и 30[9].

Вятская епархия выделялась и величиной собираемых сумм в ЦПП. В 1903 г. было собрано 397 тыс. рублей, или 735 рублей на одно попечительство. Однако 76 процентов из собранных сумм шло на строительство и благоустройство церковных зданий, 12 процентов - на финансирование ЦПШ, на благотворительность выделялось около 5 процентов[10].

При некоторых приходских попечительствах открывались детские приюты для сирот и богадельни для престарелых. Правда, эти показатели были не высокими на фоне деятельности других общественных объединений и земских

---

[1] *Благотворительность* в России. Т. 1. С. XLVII.
[2] *Обзор* Пермской губернии за 1897 год. С. 86.
[3] *Обзор* Пермской губернии за 1903 год. С. 67.
[4] *ГАКО*, ф. 237, оп. 76, д. 1153, л. 8.
[5] *ВЕВ*. 1905. № 1.
[6] *ГАКО*, ф. 237, оп. 70, д. 374, л. 4-5.
[7] Посчитано автором по: *Обзор* Пермской губернии за 1893 год. С. 110-111; *Обзор* Пермской губернии за 1903 год. С. 58-59.
[8] *Обзор* Пермской губернии за 1910 год. С. 50-51.
[9] Подсчитано на основе данных*: ГАКО*, ф. 208, оп. 1, д. 1305.
[10] *ВЕВ*. 1905. № 1.

организаций, однако они отражали свою лепту помощь нуждающимся. Так, к 1897 г. в обеих епархиях Пермской губернии было открыто 7 благотворительных заведений силами церковно-приходских попечительств, в которых находилось 117 человек; в 1900 г. количество заведений увеличилось до 11, в которых призревалось 162 человек; в 1903 г. эти показатели составляли 14 (270 человек); в 1910 г. – 16 (312 человек), и в 1914 г. – 19 (328 человек)[1]. Причем практически все эти заведения находились в сельских приходах и заводских поселках. Основателем одного из них, образованного в 1894 г. приходским попечительством при Свято-Троицкой церкви села Мехонского Шадринского уезда, являлся священник Иоанн Михеевич Первушин (1826-1900 гг.)[2]. Он был замечательным математиком, за открытие «Первушинского числа» избран членом-корреспондентом Российской, а также Парижской и Неаполитанской академий наук. Однако всю жизнь проработал сельским священником в далекой провинции. Руководимое им попечительство имело сельский детский приют для сирот на 8 человек, призрение которых полностью оплачивалось попечительством. Кроме того, здесь же существовала школа грамотности, в которой обучалось 26 детей из крестьянских бедных семей[3]. Большую известность в Пермской губернии приобрело приходское попечительство в Перми при Рождество-Богородицкой церкви, которым руководил почти 15 лет П.Н.Серебренников[4]. В Вятской епархии эти результаты были еще более скромными. К 1916 г. действовало только 9 сельских приходских богаделен и 2 сиротских приюта при церквах[5].

Абсолютное большинство приходских попечительств ограничивалось раздачей пособий бедным семьям прихода, милостыней нищим в церквах, бесплатными обедами для бедных в период церковных и государственных праздников. К тому же низкий жизненный уровень, особенно сельского населения, не давал в полной мере использовать церковные кружечные сборы, которые являлись одним из основных источников самофинансирования приходов.

Кроме того, сдерживающим началом в более эффективной работе попечительств являлись законодательные статьи Положения о приходских попечи-

---

[1] Подсчитано автором по: *Обзор* Пермской губернии за 1897 год. С. 83-86*; Там* же. за 1900 год. С. 69-73; *Там* же. за 1903 год. С. 61-66; *Там* же. за 1910 год. С. 104-109; *Там* же. за 1914 год. С. 116-121.

[2] *Биографический* указатель памятных деятелей Пермского края. С. 22-23.

[3] *Отчет* о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты Екатеринбургской епархии за 1894/95 уч. год. Екатеринбург, 1896. С. 147-148.

[4] См.: *ГАПО,* ф. 690, оп. 1, д. 4, 5, 6, 51, 61-64; *ПЕВ*. 1897. № 21; *Спешилова Е.А.* Старая Пермь: Дома. Улицы. Люди. 1723-1917. Пермь, 1899. С. 237-238.

[5] *Обзор* Вятской губернии за 1915 г. Вятка, 1916. С. 94.

тельствах 1864 г. и инструкции Св. Синода 1890 г. церковным старостам. В соответствии с ними большинство прихожан было лишено права участвовать в приходских собраниях, т.к. был введен высокий имущественный и сословный ценз для участников собрания: ими могли быть только домохозяева и лица, имеющие по закону право участвовать в собраниях местного городского или сельского общества или же в дворянских собраниях. Тем самым большинство прихожан было лишено права участвовать в жизни прихода, что нарушало церковное единство, и церковная общественная жизнь не имела достаточной общественной опоры[1].

У части священнослужителей и прихожан вызывало обеспокоенность также то обстоятельство, что распоряжение не только церковным имуществом, но и всеми поступлениями, в том числе и благотворительными – от прихожан и других организаций, – находилось всецело в компетенции руководства церкви и старосты, которые не были подотчетны приходу[2]. Это сложное положение осознавалось не только частью духовенства, но и некоторыми государственными деятелями. Так, С.Ю.Витте опубликовал специальную работу, в которой обосновывал необходимость коренной реорганизации взаимоотношений церкви и государства, а также восстановления соборности православной церкви[3]. В политической обстановке начинающейся революции это означало восстановление церковного самоуправления и демократизации внутрицерковной жизни и взаимоотношений ее с верующими-мирянами.

17 апреля 1905 г. принимается закон «О вероисповедной свободе», который объявил веротерпимость, узаконил свободу перехода из православия в другие христианские исповедания, предоставил легальные права для существования старообрядческих и сектантских организаций[4]. Этот исторический факт был принят неоднозначно в православном клире. Большая часть духовенства отрицательно оценивала новый закон, считая, что благодаря ему у противников самодержавия появляется дополнительный канал вести антиправительственную агитацию, к тому же, по их мнению, он подрывает истинную веру в народе. Тем не менее в новых условиях надо было искать новые организационные и идейные принципы работы.

---

[1] *Папков А.* Необходимость обновления православного церковно-общественного строя // Русский вестник. 1902. VI. С. 121-132.

[2] См.: *Васильев А.* Первое явление воскресающей соборности. Рижский епархиальный собор 20 сентября – 6 октября 1905 г. // Православная община. 1998. № 44.

[3] *Витте С.Ю.* О современном положении православной церкви // Слово. 1905. № 108.

[4] *Законодательные* акты переходного периода: 1904-1906 гг. СПб., 1907. С. 47-51.

Уже в мае 1905 г. в главном печатном органе русского духовенства «Церковный вестник» появляется заявление 32 столичных священников, где обосновывается необходимость перемен в церковном управлении на началах соборности, что предполагает единство прихода и клира, выборность руководящих органов управления, ликвидацию консисторий и введение ежегодных епархиальных съездов духовенства и мирян, восстановление патриаршества, проведение Поместного Собора[1].

Наибольшей радикальностью отличались решения Рижского епархиального собора, который состоялся в сентябре–октябре 1905 г. под руководством архиепископа Агафангела (Александра Преображенского). В принятом собором «Положении о православном приходе» были заложены демократические принципы существования приходов, базирующихся на основе всеобщего представительства, включая и женщин-прихожанок. Еще одним существенным дополнением стала передача под контроль прихода хозяйственно-распорядительных функций[2].

Однако Св. Синод вместе с самодержавной властью слишком медленно осознавал всю неординарность ситуации и скорейшую необходимость преобразований в деятельности православной церкви. И только в августе 1917 г. прошел Поместный Собор, вновь вернувший патриаршество Русской церкви.

Еще одним каналом церковной благотворительности являлась деятельность монастырей. Первые монастыри на Урале появились в XVI в., как идеологическое сопровождение русской колонизации территорий, населенных иными народами – не только по языку, но и по верованиям. Были широко известны Вятский Успенский Трифонов, Чердынский Богословский, Долматовский Успенский, Верхотурский Николаевский, Пыскорский Преображенский, Чусовской Успенский мужские монастыри, Вятский Преображенский, Пыскорский Введенский женские обители и др. К XVIII в. многие из них превратились в крупных земельных собственников, имеющих значительное число зависимых крестьян[3]. Важную миссию монастырей определяло еще одно обстоятельство. Из-за недостаточного количества церквей и священнослужителей для мирян монастыри зачастую выполняли функции приходских церквей, а также осуществляли контроль в отношении к белому духовенству. Кроме того, при мона-

---

[1] *Необходимость* перемен в русском православном управлении // Церковный Вестник. 1905. № 11.

[2] См.: *Рижский* епархиальный собор. От 20 сентября по 6 октября 1905 г. СПб., 1905. С. 256-260.

[3] *Нечаева М.Ю.* Уральские монастыри // Очерки истории Урала. Вып. 3. Духовная культура Урала. Екатеринбург, 1997. С. 82-84.

стырях существовали первые школы, имелись монастырские лечебницы, здесь же иногда призревались престарелые и сироты.

Церковные реформы и секуляризация, происходившие в России в XVIII в., количественно и качественно изменили облик монастырей. Во-первых, значительно сократилось их количество (к середине XIX в. на территории только Пермской губернии их было 5)[1]; во-вторых, жестко регламентировалось число монашествующих, ограничивалась земельная собственность монастырей. Но главное заключалось в том, что, прежде чем происходило открытие нового монастыря, он должен был доказать свою жизнеспособность, т.е. способность содержать себя самостоятельно. Поэтому время от периода основания новой общины до официального признания ее в качестве самостоятельного монастыря растягивалось на десятилетия. Так произошло с Кыртомским Крестовоздвиженским мужским монастырем в Верхотурском уезде. Иноческая община образовалась здесь в 1872 г., а монастырем официально признана была только в 1893 г.[2] Красносельский Введенский женский монастырь в Ирбитском уезде ждал своего утверждения 25 лет (община была основана в 1874 г., монастырем стала в 1899 г.); если же вести отсчет от первых четырех крестьянок, решивших посвятить свою жизнь иночеству в 1848 г., то это время будет составлять 51 год[3]. Кунгурский Предтеченский женский монастырь шел к своему признанию 43 года (утвержден как община в 1825 г., а монастырское звание получает в 1868 г.)[4]. Все это усиливало новые стимулы к созданию монастырей, которые возникают теперь, удовлетворяя стремление вести иноческий образ жизни, не рассчитывая на поддержку прихода, государства, церковных властей, а полагаясь только на собственные силы. В конце XIX в. в обеих епархиях Пермской губернии насчитывалось 4 мужских и 4 женских монастыря[5].

Быстрый рост числа монашеских обителей наблюдался в первых десятилетиях XX в. Подсчеты известных специалистов уральской церковной истории М.Ю.Нечаевой, М.Г.Нечаева, В.В.Вяткина отражают динамику роста численности монастырей в этот период, которая выглядит впечатляюще. Так, в 1905 г. в Пермской епархии насчитывалось 9 монастырей, в Екатеринбургской – 11, всего в Пермской губернии было 20 мужских и женских монастырей, что со-

---

[1] *РГИА*, ф. 1290, оп. 1, д. 110, л. 168-170.

[2] *ЕЕВ*. 1893. № 28.

[3] *Там* же. 1899. № 19.

[4] *Пономарев П.П.* Описание церквей и приходов Кунгурского уезда Пермской губернии: Ист.-геогр. и церк.-биогр. очерк. Кунгур, 1896. С. 26-27.

[5] *Обзор* Пермской губернии за 1897 год. С. 36.

ставляло 50 процентов всех монастырей на Урале (из 4 губерний). К 1916 г. их стало в Пермской епархии 19, в Екатеринбургской – 17, т.е. в Пермской губернии общее количество монастырей возросло до 36[1]. В Вятской губернии число обителей в этот период времени увеличилось незначительно. В 1897 г. их насчитывалось 12, в 1905 г. – 15, в 1915 г. – 16 монастырей, однако число монахов и послушников, в отличие от Пермской и Екатеринбургской епархий, увеличилось в 2 раза[2].

К этому времени общероссийскую известность приобрели такие уральские обители, как Белогорский Свято-Николаевский, Верхотурский Николаевский мужские и Екатеринбургский Ново-Тихвинский женский монастыри. Два первых привлекали к себе до 70–80 тыс. паломников в год, а Екатеринбургский являлся самым крупным женским монастырем на Урале. Белогорская обитель имела также большое значение для преодоления влияния старообрядчества на Западном Урале, тем более что строителем и первым настоятелем ее являлся бывший лидер старообрядцев «австрийского» толка Осинского уезда Пермской губернии В.Е.Коноплев (в монашестве о. Варлаам)[3].

Успехи миссионерской деятельности насельников Белогорского монастыря, его авторитет привели к созданию по инициативе монашеской братии еще четырех обителей, занимавшихся работой среди старообрядцев: Гороблагодатского Свято-Троицкого мужского монастыря в Пермском уезде, Фаворской Спасо-Преображенской и Спасо-Преображенской на горе Капкан мужских пустынь (небольшие монастыри вдалеке от населенных мест) в Осинском уезде, Успенского мужского иноческого общежития в Оханском уезде. Они были созданы в период 1905–1913 гг.[4]

Все эти религиозные центры принимали самое действенное участие в благотворительной деятельности православной церкви, хотя их возможности были довольно скромными. Тем не менее детские приюты для девочек, в основном сирот, находились при 7 женских обителях: Пермском Успенском, Сарсинском Боголюбском Красноуфимского уезда, Бахаревском Серафимо-Алексеевском Пермского уезда, Кунгурском Иоанно-Предтеченском, Пешногортском миссионерском Свято-Стефановском Соликамского уезда, Кочевском

---

[1] *Нечаев М.Г.* Уральские монастыри в начале XX века // Преподобный Серафим Саровский в современном мире. Пермь, 2003. С. 17-18; М.Ю.Нечаева. Указ. соч. С. 89.

[2] *Нечаев М.Г.* Указ. соч. С. 18.

[3] *Верхоланцев В.С.* Указ. соч. С. 94.

[4] *ПЕВ.* 1905. № 10; *Там* же. 1909. № 21; *Там* же. 1913. № 5; *Там* же. № 17.

Сергиево-Тамаровском Чердынского уезда женских монастырях в Пермской епархии[1]. Самый большой приют находился в стенах Чердынского Иоанно-Богословского женского монастыря, где призревалось до 75 детей-сирот. Это было связано с тем, что по указанию Николая II обитель находилась под покровительством Великой княжны Татьяны, так как монастырь получил в честь 300-летия царствующего Дома название «Романовского». В 1916 г. здесь же была открыта церковно-приходская школа[2].

В Екатеринбургской епархии детские приюты существовали при Колчеданском Покровском, Каменском Преображенском Камышловского уезда, Красносельском Введенском Ирбитского уезда, Нижне-Тагильском Скорбященском, Верхотурских Успенском и Покровском, Сирбишинском Введенском Верхотурского уезда, Грязновском Покровском Камышловского уезда женских монастырях и общинах[3].

В Вятской епархии при монастырях существовало всего две богадельни. Отмечая эту особенность, епископ Филарет пишет в отчете за 1910 г. «Монастыри епархии, как мало обеспеченные в средствах содержания, а отчасти и по тесноте помещений своих, лишены возможности иметь в стенах своих постоянные, организованные богадельни для призрения престарелых и немощных…»[4].

Особо следует отметить заботу о детях-сиротах в стенах Екатеринбургского Ново-Тихвинского женского монастыря, в котором уже со времени его первоначального становления на рубеже XVIII–XIX вв., в период борьбы за признание его общиной, а затем и монастырем, благотворительность в отношении сирот-девочек становится постоянной. В 1865 г. по решению епархиального руководства при монастыре был официально открыт приют для воспитания девочек-сирот из духовного сословия 6 – 10 лет с первоначальным обучением для поступления в монастырское училище[5]. Дополнительные средства выделяло епархиальное попечительство о бедных духовного звания. К началу XX в. здесь призревались уже и дети-сироты родом из мещан и крестьян. Так, в 1912 г. их насчитывалось 12, в 1913 г. – 16. При монастырской церковно-приходской школе существовало также общежитие для тех детей, семьи которых были бедными или на-

---

[1] Подсчитано автором по: *Адрес-календарь* Пермской епархии на 1909 г. Пермь, 1908. С. 286-304.

[2] *ПЕВ*. 1911. № 17; *Голос* долга. 1912. № 9; *Куртенок Е.П.* Из истории Чердынского храма Иоанна Богослова // Православие в русской культуре. Чердынь, 2001. С. 21.

[3] *Кибардин Н.* Адрес-календарь Екатеринбургской епархии на 1900 г. Екатеринбург, 1900. С. 256-281.

[4] Цит. по: *Нечаев М.Г.* Милосердие и благотворительность церкви на Урале // Милосердие и благотворительность в российской провинции: Матер. Всерос. конф. 22-23 марта 2002 г. Екатеринбург, 2002. С. 116.

[5] *Нечаева М.Ю.* Крупнейшая женская обитель на Урале. Екатеринбург, 2003. (http://www.atlasch.narod.ru/)

ходились далеко от монастыря[1]. Около 10 детей-сирот находилось на попечении Нижне-Тагильского Скорбященского монастыря, где они также получали образование при местной церковно-приходской школе и осваивали основы ремесел - рукоделия, домоводства и огородничества[2].

При уральских монастырях открывались богадельни, в основном для престарелых лиц духовного звания. Они содержались на средства епархиальных попечительств о бедных духовного звания. До 1885 г. в Пермской, пока еще единой, епархии находилось четыре богадельни для престарелых священнослужителей и членов их семей: Верхотурский и Соликамский мужские, Кунгурский и Екатеринбургский женские[3]. После разделения епархий в Пермской епархии к 1912 г. осталось три: в Соликамском и Белогорском мужских монастырях и женская богадельня в Пермском Успенском монастыре. В 1890 г. эта богадельня была переведена сюда из Кунгурской обители после отказа настоятельницы содержать престарелых женщин из-за нехватки средств[4]. В Екатеринбургской епархии богадельни остались в тех же обителях, к ним также прибавилась богадельня в Каменском Преображенском женском монастыре[5].

С началом войны масштабы монастырской благотворительности значительно расширились. Так 15–16 июля 1915 г. в Екатеринбурге проходил съезд настоятелей и настоятельниц епархии. Были приняты решения об оказании конкретной помощи детям-сиротам воинов, убитых на войне и воинов-инвалидов[6]. Практически во всех монастырях были открыты лазареты, приюты давали кров для почти 2 тыс. детей-сирот, в богадельнях содержались инвалиды. В Верхотурском Николаевском мужском монастыре был открыт приют на 70 мальчиков, здесь же находилось 16 семей-беженцев, военный лазарет[7]. В Долматовском Успенском мужском монастыре также открывается лазарет и богадельня для инвалидов[8]. Нижне-Тагильская Скорбященская обитель призревала 16 девочек, в Верхотурском Успенском женском монастыре находилось 15 детей[9].

В Пермской епархии стратегия церковной благотворительной помощи была выработана в августе 1914 г. при прямом участии нового руководителя

---

[1] *ЕЕВ*. 1910. № 26.
[2] *ГАСО*, ф. 603, оп. 1, д. 731, л. 27.
[3] *Пермский* епархиальный адрес-календарь на 1882 год. Пермь, 1882. С. 164 - 165.
[4] *ПЕВ*. 1912. № 22.
[5] *Справочная* книжка Екатеринбургской епархии на 1915 г. Екатеринбург, 1915. С. 138-141.
[6] *ЕЕВ*. 1915. № 28.
[7] *ГАСО*, ф. 603, оп. 1, д. 688, л. 46.
[8] *Там* же, л. 86.
[9] *Там* же, д. 719, л. 37, 38.

архиепископа Андроника (Владимира Никольского), воинствующего непримиримого сторонника государственной власти. Уже 24 августа был учрежден Епархиальный попечительный совет, главной целью которого была забота о помощи раненым «на поле брани воинам и их семействам»[1]. Многие монастыри принимали беженцев из западных губерний, выделяя им жилье и обеспечивая их питанием. На средства обителей открывались лазареты, как это было сделано при Белогорском монастыре и его пермском подворье, которые имели для этого хорошую базу еще раньше[2]. Здесь же выходил известный в стране пропагандистско-патриотический журнал «Голос долга», редактором которого являлся руководитель Серафимо-Алексеевского скита при Белогорском монастыре игумен Серафим (Георгий Кузнецов)[3].

В 1915 г. в Фаворской пустыни был открыт дом-богадельня для инвалидов войны[4]. Пермский Успенский, Кунгурский Иоанно-Предтеченский, Красносельский Иоанно-Предтеченский, Сарсинский Боголюбский женские монастыри выделили свои каменные помещения под лазареты.

Чердынский Иоанно-Богословский женский монастырь, который в начале 1914 г. получает звание «Романовского», в годы войны отличился тем, что организовал сбор и отсылку на фронт одежды, обуви, продуктов питания, просфор, образков, крестиков. Эту деятельность высоко оценил преосвященный Андроник во время своей поездки по епархии летом 1916 г.[5] В феврале 1915 г. при монастыре был открыт приют для детей, чьи отцы погибли на войне или продолжали в ней участвовать. Призревалось 25 детей-сирот дополнительно к тем, кто уже там находился[6].

Таким образом, рассмотрев основные направления и формы общественной благотворительности, можно сделать некоторые выводы. Мы выяснили, что побудительные причины благотворительности в России носили несколько иной характер, чем в Западной Европе. С самого начала русская благотворительность содержала в себе достаточно большой элемент сострадательности, что было связано с особенностями менталитета русского человека, который несчастье попавшего в беду человека рассматривал не столько как его вину и не-

---

[1] *Журналы* заседаний епархиального съезда Пермской епархии 1914 г. Пермь, 1914. С. 34.

[2] *ПЕВ*. 1914. № 26.

[3] См.: *Саитгареев А.Г.* Журнал «Голос долга» и его редактор игумен Серафим // Страницы прошлого. Вып. 2. Пермь, 1999. С. 104, 107.

[4] *ПЕВ*. 1915. № 18.

[5] *В свете* благовествания. Обзор путешествий преосвященного епископа Пермского Андроника в 1916 г. Пермь, 1917. С. 72-73.

[6] *ПЕВ*. 1915. № 16.

способность защититься от невзгод, сколько как возможную будущую судьбу самого дающего. **Можно сказать, что это была своеобразная превращенная форма самопомощи.**

Тем не менее в XIX в., особенно со второй его половины, эмоциональная, чувственная модель сострадания к человеку, попавшему в беду, начинает уступать место новому отношению – милосердию. Это изменение имело знаковый характер, отражало качественно иное состояние общественных отношений, где формировались новые гражданские связи между людьми. Милосердие предполагало определенную «отстраненность» от конкретного человека, создание **системы** социальной помощи, для которой индивидуальная судьба не имеет особого значения. Кроме того, к концу XIX в. выявилась несостоятельность знаменитой модели экономического развития, основанной на теоретических постулатах английской школы политэкономии – «системы естественной свободы» (А.Смит, Д.Рикардо). Социологическим оправданием ее существования являлась скандально известная «теория Мальтуса», в частности отрицавшая необходимость благотворительности. Как справедливо отмечал Е.И.Красноперов, «подобная теория до крайности нужна была системе, до крайности пришла по вкусу тем, кто хотел и имел возможность созидать свое благосостояние без угрызения совести, без удручающих забот о судьбах ближнего, кто тяготел более к зверству, нежели к человечеству.… Все это привело к тому, что все блага жизни остались на стороне счастливых обладателей капитала, а на стороне рабочего люда – более или менее бедственное существование…»[1].

В России уже на рубеже XVIII–XIX вв. появляются первые благотворительные учреждения, которые существовали под эгидой царствующего ома Романовых, – ведомство императрицы Марии и Императорское человеколюбивое общество. До 60-х гг. XIX в. они являлись центрами объединения общественности для оказания благотворительной помощи на местном уровне и находились под контролем государства. Это подтверждается как историей образования губернских и горного попечительств детских приютов, так и историей создания дамского попечительства о бедных в Перми.

С началом обновления жизни страны происходит расширение географии благотворительных организаций, число которых в начале XX в. достигает в Пермской губернии почти 100, в Вятской губернии – 58. Они существовали во

[1] *Красноперов Е.И.* Благотворительность, как один из факторов экономического благосостояния и прогресса. Пермь, 1892. С. 5.

всех без исключения уездах губерний, во многих заводских поселках и пока немногочисленных сельских обществах. Деятельность благотворительных организаций в заводских поселках прекрасно иллюстрирует особенности уральской благотворительности: большую помощь этим организациям оказывали земские учреждения и органы городского самоуправления, которые принимали самое деятельное участие в финансировании благотворительных организаций и их практической работе. Примером здесь выступали многие руководители земств и городских дум.

С либерализацией законодательства о порядке регистрации благотворительных обществ они стали расширять свою деятельность. Кроме детских приютов, богаделен, ночлежных домов для нищих, возникают такие новые для российской благотворительности формы помощи, как детские сельскохозяйственные колонии, дома трудолюбия, приюты для слепых, глухонемых, участковые попечительства о бедных в крупных городах и др. Так, в Пермской губернии большую известность приобрела деятельность попечительства о слепых, которое возникает по инициативе супругов П.Н. и Е.П.Серебренниковых и в работе которого принимали самое живое участие многие общественные деятели губернии.

Принципиально новым для России, отражавшим достаточно высокий уровень развития гражданских отношений, стало то, что женщины не только активно участвуют в работе благотворительных организаций и заведений, но порой уже обеспечивают руководство ими. В Пермской губернии, например, около трети благотворительных обществ возглавлялось женщинами, что было выше общероссийских показателей. Активная гражданская позиция женщин способствовала дальнейшему развитию феминистического движения в стране, которое превращалось во влиятельную силу общенационального демократического процесса. Это подтверждалось созывом в 1908 г. Первого всероссийского женского съезда, где, в частности, широко обсуждались проблемы участия женщин в благотворительном строительстве[1].

В решении гражданских проблем важное место занимала благотворительная деятельность, деятельность религиозных конфессий, прежде всего самой крупной и влиятельной из них – православной церкви. В каждой епархии

[1] *Труды* Первого всероссийского женского съезда (10-16 декабря 1908 г., г.Санкт-Петербург) // *Айвазова С.Г.* Русские женщины в лабиринте равноправия (Очерки политической теории и истории. Документальные материалы). М., 1998. С. 169-172.

были созданы попечительства о людях духовного звания, которые оказывали социальную помощь престарелому духовенству, членам их семей. С 1864 г. создаются новые духовные организации, в которых отчасти были реализованы принципы деятельности земских учреждений, – братства и церковно-приходские попечительства. Главными направлениями их благотворительной деятельности было создание церковно-приходских школ, школ грамотности, организация приютов для детей-сирот и богаделен для престарелых. Однако численность попечительств составляла только треть от количества церквей, и большая часть их находилась в заводских поселках и сельской местности. Кроме того, в состав этих организаций входили только собственники недвижимости с высоким имущественным цензом, что превращало попечительства в замкнутую, оторванную от причта организацию.

Кризис господствующей православной церкви начала XX в., в условиях введения в стране свободы вероисповедания, привел к упадку благотворительной деятельности церкви. Все попытки изменить создавшееся положение оказались недостаточными, хотя и была предпринята широкая пропагандистская кампания, целью которой было оказать противодействие влиянию других конфессий, сект и старообрядчества.

Монастыри, как особая структура в общецерковной организации, вносили весомый вклад в церковную благотворительность. Нужно отметить, что в начале XX в. на территории Урала происходит рост количества монастырей, причем большую их часть составляли женские обители. Почти половина обителей находилась на территории Пермской губернии. Особенностью монастырского строительства в этот период была специализация в миссионерской деятельности по образцу Белогорского Святониколаевского монастыря «афонского толка», т.е. беспрерывного богослужения.

При монастырях открывались церковно-приходские школы с интернатами для детей из бедных семей; при 16 женских монастырях были открыты приюты для девочек-сирот. Для престарелых открывались богадельни. В некоторых монастырях (Верхотурский, Белогорский мужские монастыри) существовали небольшие лечебницы. В годы первой мировой войны обители оказывали посильную благотворительную помощь семьям погибших солдат, принимали семьи беженцев, отправляли посылки на фронт. Многие каменные монастырские строения использовались в качестве лазаретов для раненных и выздо-

равливающих солдат и офицеров, а также в качестве приютов для инвалидов-фронтовиков.

Отражением общемировых тенденций к координации и объединению усилий благотворительных организаций в условиях становления элементов системы общенациональной социальной помощи и поддержки неимущих слоев населения явилось проведение двух общероссийских съездов руководителей общественной и частной благотворительности, которые состоялись в 1910 и 1914 гг. при активном участии правительства. В материалах съездов отразилась обеспокоенность общественности страны нарастающими темпами роста нищенства, увеличением числа разорившихся крестьян, социальными последствиями экономических кризисов, учащением случаев массовых инфекционных эпидемий, угрожающими масштабами распространения «болезней бедности», особенно туберкулеза.

Справедливой выглядела критика в адрес правительства, которое упорно не желало создавать государственную систему социальной помощи, перекладывая весь груз ответственности на благотворительные структуры гражданского общества, оставляя за собой только функции контроля и регулирования. Например, по нашим подсчетам, только в Пермской губернии к 1910 г. из 88 благотворительных учреждений (обществ) 76 (86,4%) имели постоянные пособия от различных структур: казны, земств, городов, сословных и прочих учреждений, что составляло около 24% их бюджета (что было ниже общероссийского уровня – 25%). А оставшиеся более ¾ средств представляли добровольные благотворительные пожертвования. Поэтому любые экономические катаклизмы самым пагубным образом сказывались на финансовом состоянии этих организаций. Выступавшие на съездах пророчески говорили об опасности возрастания социальной напряженности – особенно в городах, – чреватой новыми революционными потрясениями.

Начавшаяся мировая война прервала эволюционную трансформацию России на пути капиталистического развития, крайне обострила все противоречия социально-экономического и политического характера. Деятельность благотворительных организаций была переориентирована на решение первоочередных задач военного времени. Февральская революция 1917 г. приводит к созданию первого в истории России министерства государственного призрения (август 1917 г.), однако предпринять что-либо существенное история ему не дала.

Тем не менее, исторический опыт благотворительности не потерял своей ценности в современных условиях, хотя и возродил прежние ошибки. И самую существенную из них – устранение государства от сохранения общенациональной системы социальной защиты и поддержки бедных слоев населения, детства, семьи, инвалидов, пенсионеров. Это отбросило нашу страну к периоду середины XIX в. Надежды на способность гражданских общественно-благотворительных организаций решить проблемы бедности в одиночку несостоятельны – история доказывает это с «железной» необратимостью. А передача социальных ресурсов государства коммерческим структурам или коммерциализация этих ресурсов чреваты возникновением серьезных политических проблем, способных привести к чрезвычайной ситуации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование весьма деликатной и сложной темы **«ОБРАЗОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ЭЛЕМЕНТОВ РОССИЙСКОГО ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА НА УРАЛЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.»** позволяет обосновать ряд теоретических положений и сделать некоторые общие и частные выводы.

Под гражданским обществом, существовавшим в исторических условиях XIX – начала XX вв., подразумевается система самоуправляющихся, неполитических общественных организаций и объединений, не входящих в государственные структуры власти и действующих в правовом пространстве страны относительно независимо. Эти организации являлись основой для реализации гражданских инициатив и развития гражданских отношений. Между государством и гражданским обществом формировалась определенная форма взаимоотношений, так называемый **«общественный договор»** – негласные (подразумевающиеся) и закрепленные в законе «правила игры».[1]

Формирование гражданского общества, как и создание правового государства, является объективно обусловленным историческим процессом, в который втягиваются в большей или меньшей мере **все страны**, вставшие на путь создания индустриальной цивилизации.

Результаты исследования позволяют ответить на главный вопрос: **было ли в дореволюционной России гражданское общество?** До недавнего времени отрицательный ответ содержался в работах не только отечественных историков, политологов, юристов, но и являлся безусловным для большинства исследователей российской истории за рубежом. Основным аргументом служило сохранение режима абсолютизма и отсутствие в России до революции 1905–1907 гг. политических свобод, обеспечивающих и закрепляющих изменения в гражданской сфере. Даже после создания в стране политической системы «третьеиюньской монархии» оставалось еще множество феодальных препятствий на пути формирования основ современной цивилизации.

Однако здесь не учитывалось своеобразие исторического процесса в нашей стране, где формирование элементов гражданского общества началось зна-

[1] Совсем недавно появилась крайне интересная и содержательная статья известного экономиста, президента Института Национального проекта «Общественный договор» А.А.Аузана «Общественный договор и гражданское общество», в которой он рассматривает роль гражданского общества в качестве фактора экономического развития страны. Общественный договор выступает механизмом, связывающим их. (См.: www.OPEC.Ru)

чительно позднее, чем на Западе, и проходило по догоняющему типу исторического развития. В западных странах становление гражданского общества происходило путем его противостояния государству и центральной власти. Индивидуальная экономическая свобода и независимость, закрепленные в ходе победоносных буржуазных революций, утверждало основы правового государства, приводило к созданию основных элементов гражданского общества. **В России этот процесс происходил по-иному: полуфеодальное государство выступало в качестве инициатора и гаранта структур гражданского общества[1].**

Кроме того, в ведущих государствах Западной Европы процесс формирования основ гражданского общества несколько отставал от создания элементов правового государства, получая в связи с этим больший стимул к саморазвитию. В России же, наоборот, элементы гражданского общества создаются раньше и проявляются ярче, чем признаки правового государства.

Внутренняя логика развития отечественного гражданского общества была связана также с особенностями формирования российского капитализма и общественно-политического развития страны в целом. На Западе капитализм развивался естественно и на протяжении долгого времени – почти 700 лет. В России его утверждение занимало около 70 лет и, с одной стороны, проходило под мощным воздействием внешних факторов – т.е. стран Запада, а с другой –во многом определялся внутренней политикой самодержавного феодального государства, сохранившего все важнейшие рычаги социально-экономического и политического влияния на развитие общества.

Данное обстоятельство сказалось и на родовых чертах российской буржуазии. На Западе буржуазия, как класс, рано вступает в политическую борьбу за власть, совершает буржуазные революции и тем самым способствует формированию правового государства и свободному развитию структурных единиц гражданского общества. В России буржуазия за спиной самодержавия чувствовала себя достаточно комфортно. Ей обеспечивалась бесконтрольная эксплуатация рабочих в самых диких и отсталых формах и высочайшие нормы прибыли, поэтому буржуазия не торопилась участвовать в политической борьбе за власть, за становление правового государства.

---

[1] Возможность и парадоксальность этой ситуации с правовой точки зрения подтверждается новейшими исследованиями зарубежных правоведов и социологов. См., например: *Ку А.С.* Парадокс – гражданское общество без гражданства // Социс. 2003. № 12. С. 11-20.

Слабость буржуазии лишала надежды на скорые перемены в обществе другие классы и социальные группы, поэтому они брали на себя инициативу проведения преобразований в гражданской сфере. В практике работы системы местного самоуправления это способствовало развитию инициативы снизу и формированию элементов гражданского общества, причем в недворянских губерниях страны, что подтверждает пример уральского региона. Влияние «третьего» элемента – разночинной интеллигенции, части купечества – проявлялось здесь гораздо сильнее, чем в губерниях с преобладанием в выборном начале дворянства.

Данный аспект проблемы самым тесным образом связан с вопросом о мере готовности российского общества к восприятию гражданских идей, к их конкретной реализации. На огромной территории России происходило своеобразное взаимодействие западноевропейской культуры и идеологии Нового времени с традиционной российской культурой, сохраняющей многие архаические черты. В начале XIX в. носителями первой из них были немногочисленные представители дворянской интеллигенции – в основном декабристы и их последователи. Однако дальше общих рассуждений о роли и положении человека в обществе, необходимости перемен в этой сфере они не шли.

В то же время в архаических чертах российского образа жизни имелись такие качества, которые способствовали восприятию идей гражданского общества. К ним можно отнести традиции коллективизма, берущие свое начало в общинном способе жизни, при котором даже самая непросвещенная крестьянская масса вовлекалась в решение проблем общины, всего крестьянского мира. К ним можно также отнести высокую степень готовности к самопожертвованию, которая отмечается еще в европейских исторических хрониках как одна из ярких черт российского народа. Так, если содержание понятия **«подвиг»** в сознании западноевропейского человека (особенно в Средние века) было связано с рыцарской традицией поступка в честь Прекрасной Дамы, то для российского менталитета характерно осознавать **«подвиг»** синонимом способности и готовности человека пожертвовать всем, даже собственной жизнью, ради сохранения целостности – своей общины, рода, Отечества, государства.

К середине XIX в. появляется еще одна общественная сила, восприимчивая к западным идеям, в том числе и к идеям гражданского общества. Речь идет о российской интеллигенции, формирующейся из числа дворянства, городского разночинного элемента и др. Реформы 60-х гг. X1X в. способствовали реализа-

ции созданных отечественной наукой и общественной мыслью теоретических представлений о будущем развитии России. Эти реформы приводят к соединению теоретических разработок с живой практикой земских учреждений и городского самоуправления.

К концу XIX в. мера готовности к восприятию идей гражданского общества значительно повышается в связи с двумя обстоятельствами. **Во-первых**, уже действовали некоторые структурные элементы гражданского общества, создававшие материальную основу не только для жизнедеятельности существующих организаций и учреждений, но и для новых проявлений гражданской инициативы и активности. **Во-вторых**, значительно расширяется круг людей, вовлекаемых в систему гражданских отношений, складывающийся из представителей как имущих, так и бедных классов общества.

Становление элементов гражданского общества в России происходило стихийно, методом проб и ошибок. В своем развитии оно двигалось от стихийной самоорганизации к элементам организованности и организации. Для характеристики этого объективного процесса развития подходит такое определение, как **«очаговость»,** под которой подразумевается, с одной стороны, стихийность, незавершенность, а с другой – дискретность, неравномерность происходящих процессов.

До появления земских учреждений очаговостью культурологического характера, кроме городов, в определенной степени обладали уральские центры вотчинного управления (Строгановых, Демидовых, Всеволожских и др.). Здесь создавались образовательные и медицинские учреждения, центры художественного ремесла, работало значительное число крепостной интеллигенции. Однако появление этих центров и их дальнейшая судьба во многом были связаны с волей и решением владельцев.

Образование системы местного самоуправления в России, становление достаточно разветвленной сети начального образования в российской деревне, появление организованной медицинской помощи, распространение агрономических знаний, применение новой техники – все это позволяет сделать вывод о переходе от очаговости, как стихийного процесса вызревания элементов гражданского общества, к определенной их системе. Вместе с тем в значительной мере сохраняются черты стихийности. Это связано с тем обстоятельством, что созданная структура местного самоуправления не имела завершения, она ограничивалась уровнем губернии и уезда. Отсутствовало общероссийское предста-

вительное объединение земских учреждений и городского самоуправления, а также базовый элемент – волостное самоуправление, созданные только накануне или в ходе революций 1917 г.

За период, прошедший после начала реформ 60–70-х гг. XIX в. до 1917 г., в России постепенно складываются все основные институты гражданского общества: **местное самоуправление, система общественных самодеятельных организаций, разветвленная сеть благотворительных обществ и др.** Самое главное – появилось значительное количество людей, способных на гражданский поступок и гражданскую инициативу.[1] Для них защита интересов человека, лишенного возможности саморазвития и самосовершенствования, становилась важнее собственного благополучия. Можно выделить основные черты характера их деятельности: **готовность к самопожертвованию, предельная самоотдача при явных признаках бескорыстия**. Эти люди вошли в историю страны под именем **«шестидесятники».**

К началу XX в. трудно было представить себе общественный облик страны без таких знаковых структур гражданского общества как земские учреждение и городское самоуправление. Даже испытывающие к ним крайнюю неприязнь и пренебрежение российские императоры и высшее руководство страны обойтись без них уже не могли. Убедительно эта ситуация выражена в работах одного из самых умных и искренних защитников самодержавия конца XIX – начала XX вв. – С.Ю. Витте. Он отмечал, что в своем современном виде земские учреждения не могли играть роль политического противника абсолютной царской власти, а выступали исключительно с позиций местного управления[2]. И действительно, земские учреждения (возникшие в 1864 г.), а затем и городское самоуправление (с 1870 г.) были сразу поставлены в рамки, исключающие возможность их участия в принятии государственных решений. Все попытки по-иному осмыслить и представить их роль решительно пресекались (вспомним роспуск Тверского и Московского земских собраний, посмевших выступить с политическими амбициями). Тем не менее, по сравнению с предшествующим развитием это был значительный шаг вперед в гражданском развитии страны. Пусть в усеченном варианте, непоследовательно, но в формировании этих организаций утверждался принцип выборности и всесословности. Появлялась ре-

[1] Не путать с понятием «гражданский долг», определяющимся как «правовые обязанности гражданина перед своим государством». См.: *Яценко Н.Е.* Толковый словарь обществоведческих терминов. СПб., 1999.

[2] См.: *Витте С.Ю.* Самодержавие и земство, с. 10.

альная возможность выйти на общественную арену практической деятельности значительному слою людей, обладающих гражданским самосознанием и, главное, желанием работать в интересах общества.

Под термином **«гражданское самосознание»** мы подразумеваем составную часть общественного сознания и общественного мнения – самопредставление об обществе и его социальном идеале, осознание необходимости становления гражданских прав и свобод, их защиты, распространения на всех граждан страны, использования их в интересах развития гражданского общества. Гражданское самосознание отличается от классового самосознания, относящегося к категории политических понятий и означающего позиционирование своего классового интереса другим целевым аудиториям. Думается, что эти процессы убедительно характеризуют важные содержательные **моменты формирования первого общественного договора** между государством и обществом – пусть пока только с его частью, однако самой активной. Договор представлял собой особую форму взаимоотношений, базирующихся на определенных правилах, закрепленных в законах и негласной практике взаимодействия. Т.е. **впервые в истории в российском обществе стали формироваться гражданские отношения**. Правда, эти отношения с самого начала были неравноправными.

Лишение земств и городского самоуправления возможности политической деятельности, как это парадоксально ни звучит, приводит к тому, что они становятся экономической основой формирования элементов гражданского общества. Без них было бы невозможным создание сложной системы гражданских отношений и инициатив. Хотя надо отметить, что определенную материальную помощь им оказывали государственные органы власти, а также частные лица.

Влияние власти на формирование элементов гражданского общества определялось следующими обстоятельствами. **Во-первых**, власть способствовала их появлению и дальнейшему развитию. **Во-вторых**, она препятствовала этому процессу, путем подавления излишних, с точки зрения власти, гражданских инициатив. **В-третьих**, осуществляла жесткую контролирующую функцию с помощью законодательства и исполнительной власти на местах в лице губернатора.

Самоустранение государства и власти от решения важных проблем общества создавало стимулы для гражданских поступков, нишу для гражданских инициатив и тем самым способствовало формированию элементов гражданского общества. Наиболее яркий пример - развитие благотворительности в России со второй половины Х1Х – начала ХХ вв.

Недооценка социализации общественного развития создавала ситуацию социального напряжения, и толкала гражданское сознание на попытки социализации снизу.

Можно ли здесь говорить о надклассовом характере структур гражданского общества? Нам представляется, что нет. Их деятельность отражала, прежде всего, интересы буржуазии, но эти интересы пока совпадали с общим ходом демократических преобразований в сфере развития человека. Новые структуры способствовали формированию современных, соответствующих данному историческому периоду, условий саморазвития человека. Прежде всего, это проявлялось в возможности получения образования на всех уровнях: начальном, среднем, высшем. Что, в свою очередь, обеспечивало возможность более рационального и эффективного ведения хозяйства и собственного дела, **преодоления одного из самых значительных пороков российского общества – низкого жизненного уровня основной массы населения.** Этой же задаче были подчинены создаваемая система медицинской помощи, система распространения новых приемов труда, агрономических знаний и др.

Реформа управления на Урале проводилась в более поздние сроки, чем в центральных губерниях России. И здесь, несомненно, ведущая роль принадлежала Пермской губернии. И не только потому, что она входила в число самых больших в России по территории. Это связано, прежде всего, с вкладом промышленности губернии в экономическое развитие страны. Несмотря на серьезные трудности и кризисные явления в экономическом развитии – особенно к концу XIX в., Пермская губерния с ее горнозаводской промышленностью оставалась в числе ведущих экономических центров Российской империи. Кроме того, наличие громадных земельных латифундий отечественной родовой аристократии и государственных владений, связывающих центр России и сибирские территории, усиливало вес и значимость Урала в социально-экономическом пространстве страны. В силу исторических причин господствующее положение в губернии занимала промышленная и торговая буржуазия, служилое чиновничество, которым принадлежала ведущая роль в новых организациях.

Создание земских учреждений и органов городского самоуправления здесь совпало по времени – начало 70-х гг. XIX в., что привело к тому, что оба новых формирования действовали одновременно, усиливая и поддерживая друг друга в важных начинаниях, учитывая и используя опыт, накопленный в других

губерниях. В то же время города и городское самоуправление играли более важную роль, по сравнению с Вятской губернией, особенно в деятельности разнообразных общественных и благотворительных организаций.

В Вятской губернии земские учреждения были созданы самыми первыми среди уральских губерний – в 1867 г. Преимущественно крестьянское и торговое представительство в этих организациях предопределило направление их деятельности по развитию экономического и общественного потенциала аграрного сектора. Небольшое число в губернии крупных промышленных центров (Ижевский, Воткинский заводы Сарапульского уезда, Холуницкие заводы Слободского уезда), более поздняя городская реформа предопределила ведущий характер земств в гражданском развитии.

К руководству в новых организациях приходят люди, известные своей активной жизненной позицией, выдвигавшие новые идеи, созвучные общим направлениям либерально-просветительской мысли середины XIX в. Общероссийскую известность имела деятельность первых руководителей Вятского и Пермского земств М.М.Синцова и Д.Д. Смышляева.

На общественном поприще заблистали такие имена, как Н.А. Клепинин, И.И. Любимов и М.И. Любимов, И.А. Мухлынин, И.И. Симанов, А.И. Кожевников, Н.С. Селиванов, П.И.Колотов, Л.П.Матвеев, М.А.Булычев, А.П.Батуев и др. При всей несхожести судеб и характеров этих людей объединяло не только понимание общественной значимости новых учреждений, но и наличие организаторских способностей. Они создавали коллектив единомышленников, обладающий пока еще достаточно скромными возможностями для решения задач, затрагивающих жизненные интересы большого количества людей.

Земские учреждения Урала получают известность в стране своей целеустремленной и последовательной работой, созданием по нескольким направлениям организационных форм, не имеющих аналогов. В медицинской сфере это создание в уездах первых в стране общественных врачебно-санитарных советов, санитарной службы и введение должности санитарных врачей, которым принадлежала огромная заслуга в становлении профилактической медицины. В феврале 1872 г. по инициативе Д.Д. Смышляева и знаменитого земского врача И.И. Моллесона в Пермской губернии создается первая в стране санитарная служба. В 1873 г. в Шадринском уезде создается первая уездная санитарная комиссия, а в 80-х гг. XIX в. в большинстве уральских уездов создаются земско-врачебные советы.

Еще одним направлением деятельности уральских земцев стало создание земской статистики. Одним из первых в России Вятское земство в феврале 1874 г. создает в губернской управе статистический отдел и приглашает на должность руководителя Н.Н.Романова, одного из создателей отечественной земской статистики. Важный вклад в ее развитие внесли В.Я.Заволжский, Н.А.Спасский, П.А.Голубев и др.

В 1876 г. было организовано Пермское земское губернское статистическое бюро, которое возглавлял до самой своей кончины в 1897 г., выдающийся представитель земской интеллигенции, ее признанный лидер – Е.И.Красноперов, заложивший основы земской статистики на Урале. Народник 60-х г., искренне веривший в самобытный путь развития страны через укрепление крестьянской общины и преодоление негативных последствий капитализма с помощью развития крестьянских промыслов, Е.И.Красноперов становится инициатором создания первого в России кустарно-промышленного банка, учреждения ссудосберегательных касс в масштабах губернии, родоначальником введения в уездах института земских агрономов.

В 80-е гг. XIX в. заканчивается период консолидации земских служащих – врачей, учителей, агрономов, ветеринаров, статистиков и др., которые определяют развитие гражданских отношений. Ведущую роль в формировании больших групп земских специалистов и служащих играли города, в которых концентрируется основной интеллектуальный потенциал страны и сосредоточены средние учебные заведения различного типа, в том числе и специальные. Кроме того, города представляют собой культурные центры, где происходит по мере развития транспорта и появления новых видов коммуникаций более интенсивный обмен информацией.

К середине 80-х гг. XIX в. практически во всех уездных городах и некоторых крупных заводских поселках Урала были созданы средние учебные заведения всех типов, включая женские средние учебные заведения. Они позволяли обеспечивать подготовленными кадрами большее число земских учреждений. Однако в земских школах, число которых продолжало увеличиваться, и земских медицинских объектах – больницах, участках – по-прежнему остро стояли кадровые вопросы.

Сдерживающим фактором увеличения числа гражданско активных людей на Урале в целом являлось отсутствие высшего учебного заведения. Ближайший университет находился в Казани. В 50-70-е гг. XIX в. он являлся центром

либеральной народнической мысли всех оттенков - от умеренных до революционно настроенных. Многие выпускники этого университета работали в губерниях Урала. Кроме того, здесь трудились выпускники Московского, Петербургского университетов, а также других столичных вузов: Медико-хирургической академии, Лесного, Горного институтов и др.

Еще одним каналом пополнения рядов городской интеллигенции становились ссыльные. Пермская и Вятская губернии издавна являлись местом административной ссылки для участников политических движений из центральных районов империи. Поэтому многие из них быстро становились активистами самодеятельных обществ и организаций, зачастую привнося в их деятельность определенную долю оппозиционности и политического накала.

Таким образом, первые земские и городские органы самоуправления выполнили свою историческую задачу: они создали широкий круг граждански активных людей, начавших конкретную работу воспитания и просвещения широких народных масс. **Контрреформа 1890-х гг. в области местного самоуправления опоздала. Остановить начавшийся процесс гражданского взросления страны было уже невозможно.** Последующая история местных представительных органов управления доказала это со всей очевидностью. Ни ограничения на распоряжения средствами, ни новый избирательный закон, ни ужесточение административного контроля над их деятельностью со стороны губернатора не принесли ожидаемого результата. Все эти меры оказались напрасными. **К началу 90-х гг. XIX в. инициатива развития гражданских отношений выходит за рамки земских собраний и городского самоуправления и оказывается в руках земских служащих и городской служилой интеллигенции. А их число значительно превышало число выборных деятелей земских учреждений.** Молодое гражданское общество выходит на новую, более высокую орбиту, захватывая в свою сферу новые слои населения. Круг замкнулся. Начался новый виток развития.

В начале XX в. отдельные группы земской интеллигенции, в рамках губерний, начинают объединяться в профессиональные организации. В числе первоочередных задач они предусматривали привлечение общественности к участию в решении насущных проблем их повседневной жизни: введение всеобщего начального образования; создание системы общедоступной медицинской помощи, особенно для жителей сельской местности; применение достижений современной науки в хозяйственной жизни деревни и др. В земских школах орга-

низуются родительские комитеты для помощи школе в ее материальном обеспечении и в осуществлении ею воспитательного процесса. В медицинской сфере таким общественным коллегиальным органом стали медико-санитарные попечительства, помогающие врачам поддерживать санитарные нормы и осуществлять распространение элементарных медицинских знаний среди населения, а также бороться с инфекционными заболеваниями. Только к 1910 г. создается около 100 таких попечительств, действовавших, главным образом, в деревне. Земские агрономы с помощью крестьянской кооперации создают образцовые хозяйства, способствуют распространению новой техники, применению удобрений, навыков научно-рациональных приемов труда. Наиболее яркой фигурой в сфере пропаганды научных сельскохозяйственных знаний, создании опытных хозяйств являлся пермский губернский агроном В.Н. Варгин.

Революционные события 1905–1907 гг. представляли собой не только открытое классовое противостояние, где решались конкретные задачи политического изменения страны (хотя это и являлось главным) – они приводят к **заключению нового общественного договора государства с гражданским обществом**. 4 марта 1906 г. принимается закон **«Временные правила об обществах и союзах»**, действовавший до Февральской революции 1917 г. К этому документу нужно прибавить еще один важный гражданский акт – закон 17 апреля 1905 г. **«О вероисповедной свободе»**, в котором объявлялось о веротерпимости, легализации деятельности старообрядчества, сектантских течений, предоставлении свободы перехода в другие христианские конфессии. Единственное условие, поставленное перед всеми организациями, – отказ от участия в политической жизни, от выдвижения каких-либо политических требований. Контроль над соблюдением этого договора оставался за государственными органами власти. Таким образом, государство юридически признавало существование элементов гражданского общества в стране, однако их взаимоотношения оставались неравноправными. Поэтому диалог бывал редко, только в трудные для власти периоды, как, например, в годы Первой мировой войны.

Земские учреждения и городские самоуправления стали создавать при своих управах комитеты по отдельным направлениям деятельности (образования, библиотечные, санитарно-медицинские и т.п.), объединяющие и направляющие усилия и возможности общественности. Так, в состав отдела по народному образованию Пермской губернской управы входили представители об-

ществ вспомоществования учителям и учащимся, союзов учителей, общественных попечительств по введению всеобщего начального образования и др.

Земства и городские думы по-прежнему сохраняли объединительный потенциал, так как были единственными организациями, располагающими постоянными источниками финансирования. Они пользовались у населения известностью и доверием, несмотря на всю сложность этих взаимоотношений. Начавшаяся мировая война еще более усилила их роль. Государственная власть, в ответ на безоговорочную поддержку войны со стороны земств и городского самоуправления, вводит их в состав военно-промышленных комитетов и, тем самым, допускает русскую торгово-промышленную буржуазию (а именно они составляли основной контингент гласных) к щедрому и бесконтрольному финансовому потоку военного снабжения. Были созданы объединенные организации земства и городов – «Земгор».

Февральская революция 1917 г. создает уникальную в истории политическую ситуацию – **установление двоевластия**. В этих условиях Временное правительство в своих планах государственного строительства делает ставку на земские и городские структуры управления, находящиеся под контролем буржуазии и представителей интеллигенции, покровительствующих им. Правительство наделяет председателей бывших губернских земских управ полномочиями в осуществлении государственной власти на местах, вводя должности комиссаров Временного правительства. **Таким образом, земство и городское самоуправление выходят из системы гражданского общества страны и переходят в сферу политической борьбы, в которой они проиграли Советам.** Следовательно, история земских учреждений и городского самоуправления как важнейших составных частей гражданского общества в России заканчивается именно в середине 1917 г., а в марте – апреле 1918 г. они ликвидируются уже как политические организации старой России.

Таким образом, можно сделать вывод о характере влияния на процесс формирования и функционирования элементов гражданского общества классовой борьбы, борьбы политических партий за власть. Оно было неоднозначным. С одной стороны, классовая борьба и политические партии будировали общественно значимые проблемы, от чего не могли отмахнуться гражданственно активные элементы общества и их организации. С другой – участие в политических баталиях приводило к разрушению элементов гражданского общества. Они не выдерживали конкуренции с политическими партиями, а также становились

объектом силового давления со стороны государственной власти[1]. Подтверждением этому может служить страница в истории гражданского общества России 1917 г., связанная с созданием **Комитетов общественной безопасности** (далее КОБ), появившихся (в том числе и на Урале) в результате победы Февральской революции. До недавнего времени в работах исследователей они оставались в тени перипетий политического противостояния двух важнейших сил того времени: Временного правительства и Советов. Да и их оценка напрямую связывалась с политической борьбой. Некоторые исследователи даже говорили о появлении в их лице демократической силы, альтернативной двум политическим силам.

На наш взгляд, эти комитеты представляли собой **попытку создать новый общественный договор**, инициатором которого выступало не государство, которое к тому же само находилось в неопределенном положении двоевластия, а гражданское общество. В современных условиях такие общественные структуры получают название **«Гражданский форум».**

В своих документах КОБы не ставили вопроса о властных полномочиях, а определяли сферой своей деятельности политическое просвещение масс. Кроме того, они ставили перед собой задачу помощи официальным структурам власти в выполнении их распоряжений.

Особенно высоким процентом представительства в комитетах обладали учительство и работники кооперативных организаций. Кроме них сюда же входили и представители солдатских комитетов, Советов, земских организаций, городского самоуправления, военно-промышленного комитета и др.

В первые месяцы после революции, КОБам удалось добиться некоторых результатов в гражданском согласии. Ими оказывалась помощь властным структурам в ликвидации органов полиции и жандармерии, в поддержке элементарного порядка и нормального течения жизни в городах. Массовые формы приняла пропагандистская работа среди населения и в солдатских частях.

В условиях обострения противостояния основных политических сил в стране (Временного правительства и Советов) попытки комитетов общественной безопасности сохранить гражданский мир стали невозможными. Причем судьбу комитетов решило именно Временное правительство, которое на вопрос

[1] С этой точки зрения нельзя согласиться с новейшим определением понятия «зрелое гражданское общество» Н.Е.Яценко, данным им в «Толковом словаре обществоведческих терминов» (1999 г.), где оно характеризуется как **«общество, подчинившее себе государство».** Тогда гражданское общество теряет свой характер общественного объединения и не может выполнять собственные функции.

о дальнейшем существовании КОБов заявило, что они «…должны ликвидироваться с момента конституирования новых городских дум, волостные – по образовании волостного земства».

Еще одним элементом гражданского общества, массовым и демократичным по составу, являлись **научно-просветительские, культурные общества и организации,** превосходившие по масштабам своей деятельности и по числу участников земские учреждения и городское самоуправление. Вместе с тем земства и города часто выступали соучредителями этих организаций, участвуя, наряду с другими, в формировании финансовой основы их работы. Многие деятели местного самоуправления становились активными членами обществ, реализуя здесь свои научные и интеллектуальные возможности, а также стремление к гражданской активности. Главным целеполагающим направлением деятельности новых общественных организаций при всем многообразии форм становилось распространение научных знаний и приобщение к достижениям мировой и отечественной культуры широких масс народа, в силу разных причин не имевших возможности сделать это самостоятельно.

Наиболее ярким примером гражданской инициативы и гражданской активности являлась 60-летняя деятельность Уральского общества любителей естествознания (УОЛЕ), которое было известно не только на Урале, но превратилось в общероссийское достояние. На его счету было много славных дел, вызывающих удивление и восхищение потомков. Душой общества являлся О.Е. Клер, его бессменный руководитель, отдавший своему детищу энергию подвижнического труда, до самой смерти (1920 г.) являвшийся президентом УОЛЕ. Общество не только объединяло научные силы региона, но и выступало как важный просветительский центр общественности. За период его деятельности членами общества стало более 2,5 тыс. чел.; создана библиотека, насчитывающая около 80 тыс. томов; открыт музей, в фондах которого более 25 тыс. экспонатов; здесь проводились регулярные и массовые фенологические и метрологические исследования. Издано 40 томов научных трудов общества в 106 выпусках, выходивших, в частности, и на французском языке. УОЛЕ стало инициатором проведения одной из первых в провинции России масштабной Сибирско-Уральской научно-промышленной выставки.

Важную просветительскую функцию выполняли также такие специализированные общества, как губернские статистические комитеты, губернские ученые архивные комиссии, церковно-археологические общества Пермской,

Екатеринбургской, Вятской епархий, разнообразные музеи в уездах, заводских поселках и отдельных селах. На разных этапах существования данных организаций интеллигенция играла в них ведущую роль.

Основными направлениями научно-просветительской работы являлись археология, фольклорные записи, этнография, исследования природных ресурсов региона, картография, зоология, ботаника, а также создание различных коллекций. Уральское краеведение сформировалось на этой базе как особое направление в отечественной регионалистике. Имена таких исследователей, как Н.К. Чупин, Д.Д. Смышляев, В.Н. Шишонко, А.А. Дмитриев, Д.Н. Мамин-Сибиряк, А.М. Луканин, Е.И. Красноперов, Д.К.Зеленин, А.М. и В.М. Васнецовы, П.Н.Луппов и многих других составляют золотой фонд уральской и российской историографии.

Научный и инженерный потенциал Урала, активная деятельность научно-просветительских обществ, инициатива уральской общественности – все это логично привело к открытию Учительских институтов в Екатеринбурге (1912 г.) и Вятке (1914 г.), Пермского университета (1916 г.), Горного института в Екатеринбурге (1917 г.). Таким образом, многолетняя борьба за создание базы для высшего образования в этом крупнейшем регионе страны завершается успехом. **В создании Пермского университета особенно велика заслуга Н.В. Мешкова, чьи усилия можно с полным правом охарактеризовать как яркий гражданский поступок**.[1] Не случайно его имя было внесено под № 1 в список почетных членов молодого университета.

Создание на Урале высших учебных заведений вдохнуло новую жизнь в деятельность просветительских обществ и организаций. Они получают четкую научную программу действий, так как к руководству ими пришли ученые, обладавшие опытом работы в аналогичных столичных организациях и придавшие их деятельности методологическую направленность. В свою очередь, лучшие местные научные силы пополняют ряды преподавателей высших учебных заведений региона. Постепенно складываются уральские научные школы, внесшие огромный вклад в последующее развитие отечественной науки, культуры, в создание современной промышленной базы страны. Кроме того, Урал впервые

[1] Под гражданским поступком понимается высокоморальный поступок, имеющий большую общественную значимость, совершаемый вопреки традиции, господствующему мнению, всеобщему подчинению, преодолевающий трудности и препятствия на пути к достижению цели.

получает возможность подготовки собственных профессиональных кадров высшей квалификации.

Появление земской системы образования в деревне, увеличение числа образовательных учреждений в городах, рост общего числа грамотных – все эти факторы способствовали созданию сети общественных библиотек. Выдающееся место в отечественной истории просвещения занимало Вятское земство. Общественные инициативы конца Х1Х в. приводят к созданию более 2500 сельских библиотек, выпуску единственной в стране крестьянской газеты. Эти знаковые события отражали диалектику и взаимосвязь процессов и масштабов развития гражданских отношений и гражданского самосознания. Распространение грамотности не было самоцелью, а становилось важным инструментом начала преобразования человеческой личности, осознания своего места и призвания в жизни, формирования новых стимулов для саморазвития. Общественные библиотеки призваны были не только способствовать закреплению навыков грамотности, но и выступать каналом утверждения нового мировоззрения.

Культурно-просветительская деятельность также преследовала цель воспитания нового человека. Здесь важным являлось не только приобщение широких народных масс к достижениям мировой и отечественной культуры, формирование эстетических вкусов и чувств, но и создание условий для реализации художественных способностей и талантов в народной среде.

Эти направления в деятельности составных частей гражданского общества выполняли еще одну важную функцию – формирование и воспитание патриотизма в обществе, который, как известно, можно сформировать, прежде всего улучшая личную жизнь граждан. Сложная и значимая цель – преодоление отсталости страны, вхождение в современную цивилизацию – требовала и определенного уровня общественного сознания, основанного на обращении к исторической памяти народа, формировании чувства гордости и патриотизма, вере в безграничные возможности освобожденного человека. Патриотизм становился одним из источников подвижнической деятельности отечественной интеллигенции, трансформировался в высокую идею служения Отечеству. Правительство достаточно широко использовало не только идеологические, но и материальные возможности организаций гражданского общества в военных условиях (русско-турецкие войны XIX в., русско-японская война 1904–1905 гг., период Первой мировой войны).

В исторических условиях рубежа XIX–XX вв., отчетливо проявилась новейшая тенденция – **переход к массовой культуре**.[1] Гражданские инициативы и активность способствовали формированию материальных предпосылок этого перехода – появлению новейших организационных форм, выступивших посредниками между отдельными представителями культуры и народными массами. Обеспечивались условия более широкого вовлечения народа в процесс создания современной самодеятельной культуры.

Большое значение имела гражданская активность и инициатива творческой интеллигенции Урала. Вдалеке от культурных столичных центров, не имея учебной базы для подготовки специалистов, при отсутствии непосредственного общения с признанными лидерами художественной культуры страны - творческие умы Урала за короткий исторический промежуток времени превращают уральскую провинцию в один из известных в стране центров отечественной культуры. Тем более что Урал к началу XX в. становится известным благодаря творчеству таких писателей, как Д.Н. Мамин-Сибиряк, В.Я. Шишков, Н.С. Лесков, Ф.М. Решетников, В.Г. Короленко, М.А. Ильин (Осоргин) и др.

Создаваемые на Урале творческие общества не являлись местом объединения по направлениям и интересам, что было характерно для столичной творческой богемы. Они выполняли, прежде всего, просветительскую функцию и служили единственным для художественных обществ местом демонстрации результатов своего труда. Таковыми являлись Общество любителей изящных искусств в Екатеринбурге, Общество любителей ваяния и зодчества в Перми, Художественный кружок в Вятке. Здесь же формировались и первые региональные центры обучения изящному искусству, художественному творчеству всех желающих, среди которых было немало талантливых людей. Во многих городах создавались художественные отделы и музеи, организовывались регулярные выставки и вернисажи.

Всероссийскую известность Пермская губерния приобрела и как «самая поющая в России». Возникшая в конце XIX в. в результате подвижнической деятельности А.Д. Городцова и его последователей система организации и деятельности народных хоров (насчитывавшая более 300 коллективов) не имела аналогов в мире. Кроме того, была создана учебная база по подготовке руково-

[1] Под понятием «массовая культура» подразумевается культура, отличная от «элитарной», доступной только для имущих классов. Т.е. речь идет только о степени ее доступности для народных масс. Здесь не рассматриваются противоречивые последствия и явления, характерные для современного периода развития массовой культуры.

дителей хоров, выпускалась в массовом порядке нотная и учебная литература. В Пермской губернии активно действовали музыкальные и филармонические общества, пропагандировавшие лучшие образцы музыкальной культуры. В 1915 г. в Сарапуле Вятской губернии открылось первое на Урале музыкальное училище, в 1916 г. – в Екатеринбурге. Широкое распространение получили музыкальные кружки и творческие объединения музыкантов – профессиональных и любителей. Кружки создавались не только в городах, но и во многих заводских и сельских поселках.

Еще одним эффективным направлением реализации гражданской активности в культурно-просветительской деятельности являлось театральное дело. Урал – один из немногих регионов страны (кроме столичных городов), где театральные традиции берут свое начало с XVIII в., из крепостного театра, существовавшего в центрах вотчинных владений Строгановых, Демидовых, Всеволожских. Уральцы были знакомы с творчеством практически всех выдающихся артистов страны, известных зарубежных исполнителей. К началу XX в. широкое развитие получают самодеятельные общественные театральные коллективы, которые зачастую создают собственные творческие объединения. Они существовали практически во всех уральских уездных городах, крупных заводских поселках, ремесленных центрах.

В отечественной истории второй половины XIX – начала XX вв. гражданское общество невозможно представить без системы многочисленных и разнообразных благотворительных организаций. Мы рассматриваем историю благотворительности в России этого периода как особую сферу гражданских отношений и гражданской активности, потому что она приобрела общественный характер и звучание.[1]

За полвека произошел переход от преимущественно частных форм благотворительности к созданию широкой сети благотворительных обществ и благотворительных заведений, деятельность которых опиралась на финансовую поддержку как государственных органов власти, так и земских учреждений и городского самоуправления. Вместе с тем 75% необходимых средств для их существования продолжали составлять пожертвования частных благотворителей.

[1] В отличие от меценатства, представлявшего собой историческую форму благотворительности, характерную для феодального (традиционного) общества. В современных условиях отмечаются попытки позиционировать формы спонсорской помощи как образец благотворительности под флагом возрождения исторических традиций, что представляется неверным с исторической и методологической точки зрения.

Со временем меняется мотивация частной благотворительности. Ранее она рассматривалась как религиозный акт покаяния за полученную прибыль от успешно завершенного дела. Поэтому главная часть благотворительных взносов направлялась на церковное строительство, благоустройство внутреннего убранства, подачу милостыни нищим на паперти. Новое время, оставляя этот побудительный мотив благотворительности по-прежнему актуальным, выдвигало на первый план другие устремления. Этот качественный переход философски выразил в одной из своих публичных проповедей начала XX в. знаменитый деятель православной церкви Иоанн Кронштадтский: «**Милосердие пришло на смену состраданию**.…**Лучше это или хуже – я не знаю…**»[1] В этих, на первый взгляд, парадоксальных словах заключался глубокий смысл. На наш взгляд, их можно интерпретировать таким образом, что сострадание направлено на конкретную помощь конкретному человеку, а милосердие отражает стремление выяснить причины страдания и попытку направить усилия на ликвидацию или смягчение вреда от этих причин. В таком случае существует реальное противоречие для людей, участвующих в благотворительности. Они как бы отстранялись от конкретного человека, обращая основное внимание на условия его жизни. Именно об этом и предупреждал отец Иоанн.

Тем не менее переход к новому содержанию благотворительности состоялся. В начале XX в. количество новых обществ и организаций растет очень быстрыми темпами. Только в Пермской губернии количество этих обществ увеличилось почти в три раза: с 19 в 1860 г. до 56 в 1897 г. После принятия в 1906 г. закона о деятельности общественных организаций и союзов значительно упрощается порядок их создания. Это привело к тому, что к 1917 г. их число Пермской губернии достигло 126. В Вятской губернии общественные формы благотворительности были выражены более скромно.

На Урале были представлены все типы и виды благотворительных обществ и заведений, оказывающих призрение нуждавшимся. Это были общества, входящие в систему общероссийских организаций: Ведомства императрицы Марии, Императорского человеколюбивого общества, Красного Креста, а также местные уездные общества, создаваемые под патронажем земских учреждений; благотворительные организации в городах и заводских поселках; немногочисленные сельские заведения.

---

[1] *Кронштадтский* Иоанн. Моя жизнь во Христе. Изд. Свято-Преображенского Валаамского монастыря, 1991. С. 188.

В сферу их деятельности входило призрение детей-сирот, поддержка бедных семей, организация и содержание богаделен для бедных престарелых, помощь в борьбе с нищенством, создание системы трудовой помощи нуждающимся, специализированная благотворительная помощь инвалидам (слепым, глухим, немым), поддержка мероприятий в борьбе с некоторыми видами массовых заболеваний (туберкулез) и др.

В целом в развитии гражданского общества страны отчетливо прослеживается устойчивая тенденция – все большую роль здесь начинают играть женщины. Доминирование женщин наблюдалось в таких сферах, как образование, медицина (особенно среднее медицинское звено), благотворительность. В большей степени эти процессы были заметны в Пермской губернии. Здесь в руководстве примерно 30 процентов благотворительных учреждений и обществ находились женщины. В начале XX в. формируются элементы самоорганизации женского движения: от участия в деятельности различных обществ – к созданию женских общественных организаций, а от них – к оформлению женского движения в общероссийском масштабе. Таким образом, **ломались рамки традиционного общества, и это самостоятельное движение придавало «женский облик» российской гражданственности.**

Если в губернских городах благотворительная помощь оказывалась различными организациями, каждая из которых обладала собственными управленческими структурами, финансовыми потоками, определенной специализацией, то в уездных городах и крупных заводских центрах такая помощь исходила от единых организаций и обществ. Они осуществляли все виды благотворительности, кроме помощи нищим, для призрения которых создавались специальные комитеты, имевшие государственную дотацию и получавшие дополнительное финансирование от земских учреждений.

Кроме Перми, Екатеринбурга, Вятки, где благотворительная деятельность получала значительную гражданскую поддержку от городской интеллигенции, служилого чиновничества, банков, купечества, масштабами и количеством благотворительных заведений отличались Верхотурский (14 заведений), Соликамский (9 заведений), Камышловский и Шадринский (по 7 заведений) уезды (данные на 1915 г.). Всего в Пермской губернии ежегодно получало поддержку со стороны только благотворительных заведений (т.е. приютов, богаделен и др.), более четырех тыс. человек. Если к ним присоединить единовременную помощь обществ, различные выплаты малообеспеченным семьям, то количество призреваемых

приблизится к 10 тысячам. В Вятской губернии выделялись Сарапульский, Елабужский, Яранский уезды, а также Воткинский завод.

Земские учреждения и городские думы также вносили значительный вклад в финансирование благотворительности. Достаточно отметить, что только за 1914 г. земства израсходовали около 200 тыс. рублей на различные формы благотворительности. Городские думы – более 150 тыс. рублей.

Однако общество все более осознавало, что разрозненные действия многочисленных организаций в сфере благотворительности не могут решить проблему борьбы с бедностью, что необходима координация и объединение их усилий. Поэтому в 1910 и 1914 гг. состоялись два съезда представителей благотворительных обществ, на которых была выработана общая стратегия благотворительной помощи в России. В 1916 г. Пермское губернское земство одним из первых в стране делает попытку такого объединения – создается губернский комитет по благотворительности. Однако решить какие-нибудь конкретные вопросы в этом направлении комитет не успел.

Население Урала всегда было многонациональным: на одной территории здесь проживало более двух десятков крупных местных народностей, представителей более 50 национальностей страны. Национальный фактор не мог не учитываться в системе гражданских отношений. Однако в условиях государственной политики самодержавия, направленной на утверждение великодержавного шовинизма, своеобразие национальных отношений находило свой выход лишь в религиозных благотворительных организациях, прежде всего мусульманских, католических и еврейских. В начале XX в., особенно после революции 1905–1907 гг., создаются более благоприятные условия для их деятельности в сфере преподавания на национальных языках и в области национальной культуры. Эти процессы при всей своей незавершенности обогащали и гармонизировали новые гражданские отношения.

Составной частью благотворительности в России являлась деятельность православной церкви, выполняющей важную идеологическую работу по обоснованию незыблемости самодержавия. Вместе с тем традиционным направлением работы церкви оставалось обращение к конкретному человеку, его нуждам и заботам, оказание ему помощи не только утешительным словом, но и делом. Правда, выбор был небогат: милостыня на паперти, благотворительные обеды во время церковных праздников (благо их было много), редкие работы на церковном хозяйственном дворе. Однако реформы 60–70-х гг. XIX в. не

обошли стороной и церковную благотворительность. С 1864 г. православная церковь получает два дополнительных рычага влияния на общество. Первым из них явилось создание при каждой епархии **попечительств «О бедных духовного звания»**, в задачу которых входило: выдача пособий для престарелых священнослужителей и членов их семей, воспитание детей-сирот из этих семей, а затем бесплатное обучение их в духовных училищах, а также организация богаделен для одиноких престарелых лиц при монастырях епархии.

Вторым, более значимым для развития гражданских отношений фактором стало образование **церковно-приходских попечительств**. Они представляли собой объединение усилий клира и прихода для решения задач финансового, хозяйственного обустройства церкви, а также оказания благотворительной помощи бедным и нуждающимся прихожанам. Распорядительным органом являлось приходское собрание, избирающее церковного старосту, а исполнительным органом – совет, куда входили церковный клир и староста. В стране в начале XX в. насчитывалось около 20 тыс. приходских попечительств, из которых, однако, менее половины занимались благотворительной деятельностью. Большинство же из них использовало собираемые средства на поддержание церковных строений и содержание церковно-приходских школ. Из благотворительных заведений, которые содержались на средства церковно-приходских попечительств, можно отметить только 870 богаделен, где находилось чуть больше 10 тыс. человек, и 64 больницы, находящиеся в основном при монастырях. Прямые расходы на благотворительные нужды составляли только 30 процентов от собранных средств.

Такое положение было связано, прежде всего, с тем, что большинство попечительств, находившихся в основном в сельской местности, ввиду низкого жизненного уровня основной массы крестьянства, не имели реальной возможности увеличить свои фонды за счет церковной «кружки», а финансирование от Св. Синода осуществлялось только для школ. Кроме того, правила формирования собрания причта давали право участия в церковной жизни только лицам, имевшим высокий имущественный ценз. Поэтому деятельность приходских попечительств имела столь низкий показатель в благотворительности, несмотря на их значительное количество. Большим размахом своей деятельности они отличались в Пермской губернии. Здесь к 1914 г. открывается 20 благотворительных заведений: богадельни и сиротские приюты, в которых находилось около 500 чел. Большая часть учреждений располагалась в сельской местности.

Систему церковной благотворительности дополняли монастыри. Их количество значительно возрастает в первые десятилетия XX в. Так, в Пермской и Вятской губерниях в середине XIX в. их насчитывалось всего 9, к началу XX в. – 35, а в 1916 г. их стало 54, что составляло 60 процентов всех уральских обителей (из 90).

Благотворительная деятельность монастырей была достаточно масштабной. Это объясняется, в частности, тем обстоятельством, что в уставных документах благотворительность объявлялась одной из приоритетных областей их деятельности. При монастырях находились епархиальные богадельни для престарелых священнослужителей. При 16 женских и двух мужских монастырях существовали приюты для детей-сирот. Многие обители имели церковно-приходские школы с общежитиями для детей из бедных семей. В мастерских при монастырях дети имели возможность получить различные ремесленные специальности. Активной благотворительной деятельностью отличались Екатеринбургский Ново-Тихвинский, Пермский Успенский и Чердынский Романовский женские монастыри, Верхотурский Николаевский и Белогорский Свято-Николаевский в Осинском уезде мужские обители. С началом Первой мировой войны практически во всех монастырях открылись лазареты для раненых воинов и богадельни для инвалидов войны.

Вместе с тем становление и развитие основных элементов гражданского общества в России было связано также с преодолением объективных факторов, сдерживающих свободную реализацию тех возможностей, которые были заложены в самой природе новых гражданских отношений. Прежде всего это объясняется существованием в социально-экономическом и политическом строе страны пережитков прежней цивилизации. Самым значительным препятствием оставалось помещичье землевладение (на Урале – на территории Пермской губернии), сдерживающее свободу развития товарно-денежных отношений в деревне и тем самым ограничивающее экономическую свободу человека. А это являлось одним из основных условий существования гражданского общества.

Отсутствие в полном объеме политических свобод в России также становилось дополнительной помехой в развитии гражданского общества и обрекало страну постоянно догонять более развитые государства.

Несмотря на все усилия земских учреждений и другие формы помощи, оставался еще достаточно низким образовательный и культурный уровень основной массы крестьянства, самого многочисленного класса в России. Неразви-

тость социальной сферы в деревне и в большинстве городов обеспечивала стабильность низкого уровня жизни населения. Особенно тяжелое положение складывалось у российского пролетариата. Зачаточное состояние трудового законодательства, применение самых отсталых, унизительных форм эксплуатации, недальновидная позиция большинства представителей отечественной буржуазии, защита этой позиции государственной властью создавали ситуацию социальной напряженности и гражданской нестабильности, резко ограничивали возможность мирного диалога в рамках гражданского общества.

Неравноправное положение женщин в России, составлявших более половины населения страны и вносивших заметный вклад в становление некоторых элементов гражданского общества, также создавало дополнительные препятствия для полного развития современных форм цивилизации.

Для Урала было характерно наличие всех тех процессов, которые определяли развитие элементов гражданского общества в стране и в то же время здесь можно обнаружить ряд особенностей, накладывавших свой региональный отпечаток. Эти особенности определялись как географическим фактором (соединение на Урале Запада и Востока как своеобразных типов цивилизации; удобный транзитный путь сообщения, входящий важным компонентом с единое экономическое пространство страны; соединение аграрного и промышленного развития региона и др.), так и многонациональным составом населения. Кроме того, наличие крупных заводских поселков (особенно в Пермской губернии), по численности не уступавших городам (а зачастую и значительно их превосходивших), приводило к формированию особого типа «горнозаводской цивилизации», которая становилась неотъемлемой частью гражданского общества.

Уральской особенностью можно считать и более целеустремленную деятельность по формированию таких необходимых составляющих жизни гражданского общества, как образование (Пермская и Вятская губернии), система медицинской помощи в деревне и деятельность медицинской общественности (Пермская губерния), внешкольная образовательная работа (Вятская губерния). Здесь также более многообразно проявлялась культурно-просветительская деятельность гражданси активных людей и организаций, имевших общероссийское значение. Несомненным достижением Урала, выделявшим его среди других регионов страны, стало более широкое участие женщин в работе благотворительных организаций.

Отдаленность Урала от центра России использовалась с давних времен самодержавием, сделавшим этот край местом политической и административной ссылки. Это создавало парадоксальную ситуацию: здесь было сконцентрировано значительное количество граждански активных людей, оказывающих мощное воздействие на создание и деятельность организаций и учреждений, вошедших в систему элементов гражданского общества. Серединное положение Урала, бывшего перевалочным пунктом для значительных миграционных потоков, обогащало уральское общество опытом других регионов, привносило живую струю гражданской активности и инициативы.

В деятельности элементов гражданского общества на Урале также отмечалось наличие более гармоничных, менее конфликтных взаимоотношений с местными органами государственной власти, что позволяло вести долговременную целенаправленную работу, накапливать ценный опыт ведения диалога, поиска компромисса и общего пути решения сложных проблем общественного развития.

Таким образом, история Урала периода второй половины XIX – начала XX вв. со всей определенностью доказывает, что в дореволюционной России ценой самоотверженных усилий представителей всех классов и социальных слоев были созданы основные элементы гражданского общества, ставшие неотъемлемой частью государственной жизни. За полвека исторического развития в систему гражданского общества вошли: земские учреждения и городское самоуправление, широкая система научно-образовательных и культурно-просветительских учреждений, многочисленные и многообразные благотворительные организации и заведения. Постепенно в систему врастали такие новые для страны формы, как профсоюзы, корпоративные организации, религиозные общества, политические партии, зарождающиеся национальные объединения.

На основе проведенного исследования можно выделить **основные «родовые» черты элементов гражданского общества**, которые позволяют проводить их идентификацию. Они отражали новые цивилизационные сдвиги в развитии российского общества второй половины Х1Х – начала ХХ вв. К этим чертам относились: всесословный характер формирования; направленность деятельности на достижение социально значимых целей; принцип добровольности вхождения в состав организаций; информационная «прозрачность», информированность населения о мероприятиях и внутренней жизни организаций;

достаточно стройная внутренняя организационная структура; относительная финансовая самостоятельность и свобода выбора источников финансирования их деятельности; демократические принципы самоорганизации; достаточно широкий круг участников; общественное признание важности и значимости их деятельности.

Российское общество прошло непростой путь от разнообразных форм личной инициативы к созданию первых организаций, а затем координации их деятельности в системе гражданских отношений. Сформировался новый тип взаимодействия людей, идей, организаций и власти.

Таким образом, Россия этого периода выступала как полноправный соучастник общемирового процесса формирования цивилизации новейшего типа, привнося в этот процесс национальные особенности. Обретенный нашей страной опыт образования элементов гражданского общества не утратил своего значения и сегодня, он, безусловно, значим для современного развития страны.

Список использованных источников и литературы

Источники

Центральный Государственный архив древних актов (ЦГАДА), ф. 1278 (Строгановы), оп. 1, д. 189; оп. 2, ч. Ш, д. 449; ч. У, д. 1548, 8223.

Российский Государственный исторический архив (РГИА), ф. 91 (Вольное Экономическое общество), оп. 11, д. 396, 497,523.

РГИА, ф. 582 (Управление по делам мелкого кредита Министерства финансов), оп.4, д. 200; д. 13293.

РГИА, ф. 733 (Департамент народного просвещения), оп. 7, д. 15, 47; оп. 34, д. 302, д. 396; оп. 36, д. 69, 241; оп. 39, д. 48, 159, 239; оп. 40, д.130, 219, 251; оп. 42, д. 75, 196, 225; оп. 143, д. 259; оп. 144, д. 73; оп. 171, д. 2317; оп. 172, д. 2061;оп. 186, д. 2197; оп. 194, д. 39, 79; оп. 204, д. 305.

РГИА, ф. 740 (Департамент общих дел МНП), оп 18, д. 215.

РГИА, ф. 741 (Отдел промышленных училищ МНП), оп. 12, д. 172.

РГИА, ф. 744 (Высочайшие указы, рескрипты, всеподданнейшие доклады по Министерству народного просвещения), оп. 27, д.182.

РГИА, ф. 746 (Русское историческое общество), оп. 3, д. 37.

РГИА, ф. 759 (Собственная е.и.в. канцелярия по учреждениям имп. Марии), оп. 4, д. 1422; оп. 27, д. 723; оп. 28, д. 193, 218, 342; оп. 30, д. 48, 92, 218; оп. 33, д. 72, 153, 219; оп. 35, д. 293, 418, 572; оп. 38, д. 179, 302, 492; оп. 41, д. 56.

РГИА, ф. 763 (Комитет Главного попечительства детских приютов и Канцелярия по управлению детскими приютами), оп 7, д. 145, 290; оп. 9, д. 146, 283; оп. 13, д. 122, 371; оп. 14, д. 82, 281.

РГИА, ф. 764 (Попечительство имп. Марии Александровны о слепых), оп. 3, д. 107, 281: оп. 7, д. 51, 283;оп. 8, д. 190.

РГИА, ф. 765 (Попечительство о глухонемых), оп. 4, д. 62, 207; оп. 7, д. 95, 307.

РГИА, ф. 768 (Фонд Человеколюбивого Общества), оп. 2, д. 338, оп.10, д. 77, 283; оп. 17, д. 65, 391; оп. 19, д. 149, 328.

РГИА, ф. 776 (Главное управление по делам печати МВД), оп. 13, д. 113; оп. 26, д. 64, 287; оп. 28,д. 104, 387.

РГИА, ф. 789 (Академия художеств), оп. 14, д. 4, оп. 29, д. 256; оп. 37, д. 195.

РГИА, ф. 802 (Учебный комитет св. Правительствующего синода), оп. 1, д. 1752, 3703, 4497; оп. 3, д. 1445; оп. 4, д. 287; оп. 16, д. 35.

РГИА, ф. 1149 (Департамент законов). Опись дел Архива Государственного совета, т. Х1. 1893. д. 102.

РГИА, ф. 1152 (Департамент Экономии). Опись дел Архива Государственного совета, т. ХП, д. 229.

РГИА, ф. 1204 (Особый комитет для помощи нуждающемуся населению в местностях, постигнутых неурожаем МВД), оп. 1, д. 26; оп. 2, д. 154; оп. 3, д. 29.

РГИА, ф. 1263 (Комитет министров), оп. 14, д.173, 294; оп. 17, д. 26, 138; оп. 20, д. 107, 203.

РГИА, ф. 1276 (Совет министров), оп. 10, д. 1021; оп. 11, д. 97, 304; оп. 12, д. 1024, 1605.

РГИА, ф. 1281 (Совет министра внутренних дел), оп. 4, д. 862.

РГИА, ф. 1282 (Канцелярия министра внутренних дел), оп. 1, д. 9, 263, 303, 337; оп. 2, д. 13, 1939, 1940; оп. 3, д. 186; оп. 4, д. 177, 281, 365.

РГИА, ф. 1284, (Департамент общих дел МВД), оп. 6, д.50, 146, 208, 312, 364, 398; оп. 8, д. 52, 82, 104, 251; оп.9, д. 62, 79, 193; оп.10, д. 26, 91, 144, 193; оп. 18, д.63, 178; оп. 21, д. 106, 188; оп. 24, д. 71, 88, 126; оп. 67, д. 224; оп. 188, д. 184, 2618, 2620, 3097, 3153.

РГИА, ф. 1287 (Хозяйственный департамент МВД), оп. 4, д. 2231, 2232; оп. 12, д. 487, 669, 1343; оп. 17, д. 56, 196, 278, 334; оп. 21, д. 12, 81, 184, 296; оп. 27, д. 1872; оп. 28, д. 18,200; оп. 32, д. 80, 131, 271; оп. 38, д. 1212, 1304, 1399, 1542, 1641, 2604, 2654, 3707.

РГИА, ф. 1288 (Главное управление по делам местного хозяйства МВД), оп. 9, д. 104, 150; оп. 10, д. 99, 176, 226, 244; оп. 16, д.78, 129, 205, 341; оп. 18, д. 36, 155, 387, 413; оп. 20, д. 69, 111,198, 256, 190.

РГИА, ф. 1290 (Центральный статистический комитет МВД), оп. 1, д. 110; оп. 5, д. 56, 127; оп. 6, д. 94, 181, 224; оп. 9, д. 12, 56, 97, 156, 194; оп. 11, 1622; оп. 120, д. 2, 11, 37.

РГИА, ф. 1297 (Медицинский департамент МВД), оп. 26, д. 72, 227, 374; оп. 32, д. 185, 290; оп. 224, д. 120, 228, 332, 434, 714.

РГИА, ф. 1298 (Управление главного врачебного инспектора МВД), оп. 8, д. 71, 157; оп. 12, д. 59, 218.

РГИА, ф. 1390, (Ревизия сенатора П.Н.Клушина Пермской губ.), оп.1, д.11.

Государственный архив Пермской области (ГАПО), ф. 35 (Пермская городская управа), оп. 1, д. 6, 9, 14, 16, 29, 30, 50, 58, 68, 95, 103, 122, 130, 144, 148, 173, 178, 182, 198, 200, 201, 210, 229, 233, 237, 251, 256, 258, 261, 262, 276, 280, 307, 321, 332, 335, 337, 390.

ГАПО, ф. 36 (Пермское губернское правление), оп.1, д. 70, 91, 172, 350, 577, 625, 661, 662, 667; оп. 2, д. 182; оп. 10, 113.

ГАПО, ф. 37 (Пермская духовная консистория Ведомства православного исповедания), оп. 1, д. 32, 52, 479; оп. 6, д. 73.

ГАПО, ф. 38 (Пермское губернское присутствие), оп. 1, д. 126, 225, 340; оп. 2, д. 187, 249;оп. 3, д. 1004, 1010; оп. 4, д. 51.

ГАПО, ф. 40 (Пермская уездная земская управа), оп. 1, д. 157.

ГАПО, ф. 42 (Директор народных училищ г. Перми Министерства народного просвещения), оп. 1, д. 42, 129, 249, 266, 278, 282, 300, 311, 319, 321, 330, 343, 431, 549, 550, 594.

ГАПО, ф.43 (Пермское губернское по земским и городским делам присутствие), оп. 1, д. 729; оп. 2, д. 48; оп. 3, д. 1.

ГАПО, ф. 44 (Пермская губернская земская управа), оп. 1, д. 23, 30, 37, 48, 428, 437, 493, 510, 535, 593, 618, 658; оп. 4, д. 9, 38, 53, 106, 404, 493, 505; оп. 5, д. 4; оп.6, д. 30.

ГАПО, ф. 64 (Пермский общественный Марьинский банк), оп. 1, д. 47, 75.

ГАПО, ф. 65 (Канцелярия Пермского губернатора), оп.1, д. 44, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 57, 66, 67, 96, 99, 112, 115, 146, 243, 247, 268, 301, 343, 567, 602, 610, 634, 1035, 1141, 1237, 1390, 1392, 2131; оп. 2, д. 65, 66, 100, 116, 129, 132, 147, 156, 159, 202, 228, 230, 236, 240, 355, 430, 447, 451, 506, 514, 555, 567, 579, 865; оп. 3, д. 7, 33, 57, 67, 72, 73, 87, 170, 354, 548, 549, 585, 591, 610, 724, 728, 826, 865, 866; оп.4, д. 2, 3, 42, 44, 144; оп. 5, д. 36, 126, 130, 151.

ГАПО, ф. 67 (Пермский губернский комитет попечительства о народной трезвости), оп. 1, д. 1, 25.

ГАПО, ф. 82 (Пермский губернский приказ общественного призрения), оп. 1, д. 2, 11, 20, 21, 22, 23, 30, 36, 68, 111.

ГАПО, ф. 111 (Пермская казенная палата), оп.1, д. 1634, 2048-2050, 2059; оп. 2, д. 199, 202; оп. 3, д. 220.

ГАПО, ф. 143 (Врачебное отделение Пермского губернского правления Министерства внутренних дел), оп. 1, д. 14, 23, 26, 281, 408, 706, 1170.

ГАПО, ф.144 (Пермское губернское попечительство о детских приютах Ведомства императрицы Марии), оп.1, д. 1, 2, 14, 16, 18.

ГАПО, ф. 160 (Пермское охранное отделение), оп. 1, д. 11, 22, 33, 36, 46, 49, 63, 113; оп. 2, д. 58.

ГАПО, ф. 167 (Пермский губернский комиссар Временного правительства Министерства внутренних дел), оп.1, д. 4, 6, 7, 17, 22, 33, 36, 47; оп. 2, д. 1, 3, 15, 22, 28.

ГАПО, ф. 186 (Добрянский железоделательный завод С.А.Строганова), оп. 3, д. 271.

ГАПО, ф. 208 (Пермский губернский статистический комитет), оп. 1, д. 3, 11.

ГАПО, ф. 280 (Главное управление имениями и железоделательными заводами Абамелек-Лазарева), оп. 1, д. 639.

ГАПО, ф. 281 (Осинская уездная земская управа), оп. 1, д. 521, 524, 1244; оп. 2, д. 3, 22.

ГАПО, ф. 297 (Исторический архив Пермской губернской ученой архивной комиссии), оп. 1, д. 45, 1061, 1281; оп. 2, д. 612; оп.3,д. 43, 93, 122, 138, 307, 335; оп. 4, д. 5, 7, 45, 132, 146, 168, 177, 207.

ГАПО, ф. 470 (Чердынская уездная земская управа), оп. 1, д. 59; оп. 2, д. 69, 75.

ГАПО, ф. 512 (Пермская городская дума), оп. 1, д. 182, 442, 445, 452.

ГАПО, ф. 515 (Пермский губернский земский комитет Всероссийского земского союза по оказанию помощи больным и раненным воинам), оп. 1, д. 7, 8, 9, 10.

ГАПО, ф. 598 (Серебренников П.Н.), оп. 1, д. 223, 224, 225.

ГАПО, ф. 603 (Пермский городской учительский союз), оп. 1, д. 2.

ГАПО, ф. 612 (Пермская городская общественная библиотека), оп. 2, д. 8.

ГАПО, ф. 680 (Пермский научно-промышленный музей), оп. 1, д. 3, 109, 126, 127, 180, 297.

ГАПО, ф. 690 (Городцов А.Д.), оп.1, д. 4, 5, 6, 51, 61-64, 66,67,69, 70, 72, 88.

ГАПО, ф. 702 (Пермский комитет общественной безопасности), оп. 1, д. 1.

ГАПО, ф.р-72 (Остроумов И.Г.), оп. 1, д. 36, 39, 40.

ГАПО, ф. р-180 (Пермский государственный университет), оп. 1, д. 1, 72, 217, 1164; оп. 2, д. 63, 98-а, 206, 394.

ГАПО, ф.р-970 (Верхоланцев В.С.), оп. 1, д. 4, 6, 10.

Государственный архив Свердловской области (ГАСО), ф. 6 (Екатеринбургская духовная консистория), оп. 2, д. 459, 658; оп. 3, д. 107, 110; оп. 4, д.165.

ГАСО, ф. 8 (Екатеринбургская городская дума),оп. 1, д. 631, 1961, 1983, 1984.

ГАСО, ф. 18 (Екатеринбургская уездная земская управа), оп. 1, д. 18, 20, 295, 415, 445, 604.

ГАСО, ф. 43 (Канцелярия главного начальника Уральских горных заводов), оп. 4, д. 147.

ГАСО, ф. 47 (Екатеринбургское горное детского приюта Нурова), оп. 1, д. 1, 4.

ГАСО, ф. 62 (Екатеринбургская городская управа), оп. 1, д. 526, 620, 739.

ГАСО, ф. 101 (Уральское общество любителей естествознания), оп. 1, д. 1, 3, 27, 36, 76, 90, 139, 534, 828, 882; оп. 3, д. 108.

ГАСО, ф. 129 (Н.К.Чупин), оп. 1, д. 3, 15, 40, 108, 223, 247, 248.

ГАСО, ф. 375 (Красноуфимская уездная земская управа), оп. 1, д. 2, 66, 120.

ГАСО, ф. 434 (Ирбитская уездная земская управа), оп. 1, д. 7, 138.

ГАСО, ф. 435 (Верхотурская уездная земская управа), оп. 1, д. 54, 607.

ГАСО, ф. 603 (Верхотурье, Николаевский мужской монастырь), оп. 1, д. 454, 493, 681, 688, 719, 731, 733.

ГАСО, ф. 643 (Управление Нижнетагильского и Луньевского горных округов наследников П.П.Демидова князя Сан-Доната), оп. 1, д. 237, 263, 348, 409, 548, 994, 1068, 1084,1122, 1400, 1552, 1586, 1836, 2435, 3792, оп. 2, д. 1331, 1630.

ГАСО, ф. Р-1573 (Екатеринбургский комитет общественной безопасности МВД), оп. 1, д.32.

Шадринский филиал государственного архива Курганской области (ШФ ГАКО), ф. 1045 (Коллекция документов деятелей науки и культуры Шадринского края), оп. 1, д. 52, 54.

Государственный архив Кировской области (ГАКО), ф. 237 (Вятская духовная консистория), оп. 1, д. 114, 137, 140, 145, 155, 181 а, 233, 234, 235, 254; оп. 2, д. 160; оп. 70, д. 208, 211, 250, 260, 286, 307; оп. 71, д. 233; оп. 80, 2, 3, 6, 8, 18; оп. 222, д. 374, 510, 511, 512.

ГАКО, ф. 582 (Канцелярия Вятского губернатора), оп. 24, д. 83; оп. 26, д. 222, 233, 1212, 1225; оп. 50, д. 22; оп. 65 а, д. 11, 166, 176; оп. 70, д. 316; оп. 85, д. 167, 273, 316, 408; оп. 139, д. 328; оп. 149, д. 177.

ГАКО, ф. 587 (Губернское по городским и земским делам присутствие), оп. 1, д. 146; оп. 13, д. 37, 98, 598; оп. 14, д. 113, 249.

ГАКО, ф. 628 (Вятская городская управа), оп. 1, д. 450; оп. 2, д. 790, 933, 1047, 1375; оп. 3, д. 1746, 1856; оп. 4, д. 478, 1622; оп. 5, д. 28; оп. 8, д. 12, 121, 302, 424, 453, 483, 560, 615, 683, 695, 1234.

Опубликованные источники

1. А.И.М. Систематическое оглавление «Сборника Пермского земства» за 1872-1883 гг. / А.И.М. Пермь: Тип. перм. зем. управы, 1886. 347 с.

2. Адрес-календарь Пермской губернии. 1881 г./ Перм. стат. ком. Пермь: Тип. губ. правл., 1881. 1У, 116 с.

3. Адрес-Календарь и Памятная книжка Пермской губернии на 1893 год. Пермь: Тип. губ. зем., 1892. 355 с.

4. Адрес-календарь Пермской епархии на 1894 г. и справочная книжка для духовенства / Сост. Я.Шестаков. Пермь, 1893.

5. Адрес-Календарь и Памятная книжка Пермской губернии на 1895 год. Пермь: Типо-литография губ. правл., 1895. 344 с.

6. Адрес-Календарь Пермской епархии на 1877 год. Пермь: Тип. Е.И.Заозерского, 1877. 175 с.

7. Адрес-календарь Пермской епархии на 1909 г. / Сост.: П.Ершов. Пермь, 1908. 320 с.

8. Б.В. Бесплатные народные библиотеки в Пермской губернии: По данным исслед. 1901 г. / Б.В. Пермь: Тип. губ. зем. правл., 1903 103 с.

9. Бобылев, Д.М. Вопросы внешкольного образования народа в Пермской губернии / Д.М.Бобылев. Пермь: Изд. и тип. губ. зем. управы, 1904. 35 с.

10. Бобылев, Д.М. Материалы для характеристики городского хозяйства в Пермской губернии / Д.М.Бобылев. Пермь: Тип. губ. зем. управы, 1899. 35 с.

11. Борьба за победу Великой Октябрьской революции в Пермской губернии: Документы и материалы / Молотов: Молотов. кн. изд-во, 1957. 564 с.

12. Бюджет Екатеринбургского уездного земства за 45 лет (1870-1915 гг). Екатеринбург: Тип. т-ва «Урал. край», 1918. 186 с.

13. «В ответе благовествования». Обзор путешествий преосвященного епископа Пермского Андроника в 1916 г. Пермь, 1917. 84 с.

14. Верхоланцев, В.С. Город Пермь, его прошлое и настоящее: Кратк. ист.-стат. очерк / В.С.Верхоланцев. Пермь: Тип. губ. земства, 1913. 204 с.

15. Верхоланцев, В.С. Летопись г. Перми. С 1890 по 1912 гг. с приложением, вместо введения, хронологического перечня событий г. Перми с основания города по 1889 г. / В.С.Верхоланцев // Труды Пермской губернской ученой архивной комиссии. Вып. X. Пермь:: Электротип. «Труд», 1913. С. 77-175.

16. Верхотурское уездное земство и его деятельность с 1870-1907 гг. Пермь: Тип. губ. зем. управы, 1907. 70 с.

17. Веселовский, Б.Б. История земства за сорок лет: В 4 т./ Б.Б.Веселовский. СПб.: Т-во О.Н.Поповой, 1909-1911.

18. Весновский, В.А. Иллюстрированный путеводитель по Уралу / В.А.Весновский. Екатеринбург: Тип. газ. «Урал. жизнь», 1904. 454 с.

19. Весновский, В.А. Путеводитель по Уралу / В.А. Весновский. Екатеринбург: Изд. В.Чекана, 1899. 456 с.

20. Вологдин, П.А. Отчет о деятельности и движении сумм попечительства за 1891 г. / Церк.- приход. попечительство / П.А. Вологдин. Пермь, 1893. 45 с.

21. Врачебный совет при Оханском уездном земстве Пермской губернии: Протоколы и прил. за 1883 г. Сарапул: Тип. Н.Л.Мошкина, 1884. 87 с.

22. Врачебно-санитарная хроника Пермской губернии. Пермь, 1914. 224 с.

23. Всероссийский земский союз по оказанию помощи больным и раненым воинам. Оханский уездный комитет союза. Оханск: Тип. П.П.Сбоева, 1914. 17 с.

24. Высочайше утвержденное мнение государственного Совета. Устав кустарно-промышленного банка Пермского губернского земства. Пермь: Тип. губ. зем. управы, 1893. 8 с.

25. Вятская хроника за последние 25 лет (1855-1880) // Столетие Вятской губернии: сб. материалов по истории Вят. края: в 2 т. Вятка, 1880. Т. 1. С. 2-56.

26. Годовой отчет о деятельности Ирбитского музыкально-драматического кружка за 1908 год. Ирбит: Тип. И.А.Лопаткова, 1909. 13 с.

27. Голубев, П.А. Вятское земство среди других земств России / П.А.Голубев. Вятка, 1901. 166 с.

28. Голубев, П.А. 30-летие земства в Пермской губернии / П.А.Голубев. Екатеринбург: Тип. газ. «Урал», 1900. 11 с.

29. Голубев, П.А. Историко-статистический сборник сведений по вопросам экономического и культурного развития Вятского края / П.А.Голубев. Вятка, 1896. 144 с.

30. Голубев, П.А. Историко-статистические таблицы по Пермской губернии / П.А.Голубев. Пермь: Изд. и тип. губ. зем. управы, 1904. XX, 156 с.

31. Город Екатеринбург: Сб. ист.-стат. и справ. сведений по городу с адрес. указ. и с присоединением некотор. сведений по Екатеринбург. уезду / Сост.: И.И.Симанов. Екатеринбург: Тип. «Екатеринбург. недели», 1889. 1252, 184 с.: 6 л. табл.

32. Городцов, А. Народно-певческое дело в Пермской губернии: Отчет руководителя народных хоров Пермского попечительства о народной трезвости за 1915 г. и за двадцатилетие с 1896 г. по 1915 г. / А.Городцов. Пермь: Изд-во Перм. губ. попечит. о нар. трезвости. Типолитогр. губ. правл., 1917. 94 с.

33. 25-летие Пермского уездного земства. Пермь: Тип. губ. зем. управы, 1895. 362 с.

34. Детский праздник в градопермской Рождество-Богородицкой церковно-приходской школе 17 октября 1900 г. Пермь, 1901. 10 с.

35. Деятельность церковно-приходского попечительства при Градо-Екатеринбургском Екатерининском соборе по содержанию существующих и открытию новых церковно-приходских школ в районе прихода. Екатеринбург, 1898. 16 с.

36. Дмитриев, А.А. Биографический указатель памятных деятелей Пермского края. Вып.1. 30 очерков / А.А.Дмитриев. Пермь: Типо-литогр. губ. правл., 1902. 48 с.

37. Дмитриев, А.А. Очерки из истории губернского города Перми с основания поселения до 1845 года с приложением летописи города Перми с 1845 до 1890 года / А.А.Дмитриев. Пермь: Тип. П.Ф.Каменского, 1889. 363 с.

38. Дневник Общества врачей г. Казани. 1873. доп. № 9. 26 с.

39. Доклад о деятельности Екатеринбургского городского попечительного комитета Городской думы по 1 янв. 1915 г. Екатеринбург: Тип. Е.Н.Ершова и К°, 1915. 80 с.

40. Доклад по народному образованию Екатеринбургской уездной земской управы 15-му очередному Екатеринбургскому уездному земскому собранию. Екатеринбург: Тип. И.К.Савицкого, 1885. 18 с.

41. Доклад Екатеринбургской уездной земской управы «О всеобщем обучении» 26 очередному уездному земскому собранию 1895 года. Екатеринбург, 1895. 72 с.

42. Доклад № 5 Оханскому уездному земскому собранию 47 очередной сессии по внешкольному образованию. Оханск: Тип. уезд. земства, 1916. 49 с.

43. Доклад Пермской губернской земской управы Пермскому губернскому земскому собранию 62 чрезвычайной сессии в 1917 г. По народному образованию. Пермь: Изд-во и тип. губ. земства, 1917. 11 с.

44. Доклады и постановления совещания при губернской управе, состоявшегося с 7 по 11 дек. 1916 г. Пермь: Тип. и изд-во губ. земства, 1916. 57 с.

45. Доклады Ирбитской уездной земской управы 42 очередному Ирбитскому земскому собранию за 1911 г.: С прил. Ирбит: Тип. И.А.Лопаткова, 1912. 1011 с.

46. Доклады Пермской губернской земской управы Пермскому губернскому земскому собранию 22 очередной сессии. Пермь: Тип. губ. зем. управы, 1893. 261 с.

47. Доклады Пермской губернской земской управы Пермскому губернскому земскому собранию 31-й очередной сессии. Пермь: Тип. губ. зем. управы, 1901. 919 с.

48. Доклады Пермской губернской земской управы Пермскому губернскому земскому собранию XXX111 очередной сессии. Пермь: Тип. губ. зем. управы, 1903. 1396 с.

49. Доклады по народному образованию 1913-1915 гг. Пермь, 1915. 153 с.

50. Доклады по школьному и внешкольному образованию за 1914 г. Пермь: Тип. губ. земства, 1914. 111 с.

51. Егоровская, Р.А. Земская медицина в Шадринском уезде Пермской губернии с 1870 по 1910 гг. / Р.А.Егоровская. Шадринск: Тип. С.И. Иванчикова, 1912. 128 с.

52. Ежегодник Оханского уездного земства и календарь на 1913 г. Пермь: Изд-во Оханской земской управы: Тип. В.А. Чердынцева, 1912. 186 с.

53. Ежегодник Чердынского уездного земства и календарь на 1914 г. Чердынь: Изд-во уездн. Управы: Тип. П.В.Безденежных, 1913. 199, 20 с.

54. Екатеринбургский епархиальный адрес-календарь на 1890 г. / Братство св. прав. Симеона, Верхотур. чудотворца; Сост.: Н.Кибардин. Екатеринбург: Тип. П.Я.Сапожникова, 1890. 224, 148, 12 с.

55. Екатеринбургский сборник: Стат. сведения. Екатеринбург: Тип. «Екатеринбург. недели», 1889. 184 с.

56. Ершов, П. Справочная книга Пермской епархии на 1912 г. / П.Ершов. Пермь: Тип. насл. П.Ф.Каменского, 1911. 289 с.

57. Журнал 25-го очередного Шадринского уездного земского собрания. Шадринск, 1900. 128 с.

58. Журналы 2-го очередного Шадринского уездного земского собрания сентябрьской сессии 1871 г. с докладами уездной управы и другими предложениями. Екатеринбург: Тип. А.И. Безбородова, 1871. 175 с.

59. Журналы 12-го очередного Красноуфимского уездного земского собрания 1881 г. Кунгур: Тип. А.А.Зубарева, 1882. 216 с.

60. Журналы Верхотурского уездного земского собрания 39 очередной сессии 1908 г. Т. 1. Ирбит: Тип. И.А.Лопаткова, 1909. 1126 с.

61. Журналы Екатеринбургского уездного земского собрания 14-й очередной сессии 1883 г. Пермь: Тип. И.К.Савицкого, 1884. 705 с.

62. Журналы Екатеринбургского уездного земского собрания 33 очередной сессии 1902 г. Екатеринбург, 1903. 104 с.

63. Журналы заседаний епархиального съезда Пермской епархии 1914 г. Пермь, 1914. 358 с.

64. Журналы и отчеты Пермского губернского статистического комитета. Пермь: Тип. губ. правл., 1883. 106 с.

65. Журналы Кунгурской городской думы. Кунгур, 1888. 125 с.

66. Журналы Осинского уездного земского собрания 2-й очередной сессии 1871 г. Сарапул, 1872. 434 с.

67. Журналы Осинского уездного земского собрания 33 очередной сессии 1902 г.: С докладами Осин. уезд. управы Перм. губ. и др. прил. 1902 г. Оса: Тип. И.А.Кузнецова, 1903. 906 с.

68. Журналы Оханского уездного земского собрания 13-й очередной сессии 1882 г. Пермь: Тип. губ. зем. управы, 1883. 882 с.

69. Журналы Оханского уездного земского собрания 1902 г. и смета доходов на 1903 г. Оханск: Тип. П.П.Сбоева, 1903. 798 с.

70. Журналы Пермской городской думы за 1901 год. Пермь, 1902. 235 с.

71. Журналы Пермской городской думы за 1906 г. Пермь, 1907. 315 с.

72. Журнал Пермского губернского статистического комитета 19 янв. 1880 г. Пермь: Тип. губ. правл., 1880. 24 с.

73. Журналы 2-го очередного Пермского губернского земского собрания декабрьской сессии 1871 года с докладами комиссий. Пермь, 1872. 266 с.

74. Журналы Красноуфимского уездного земского собрания 6 чрезвычайной сессии. Кунгур: Тип. А.А.Зубарева и К°, 1878. 56 с.

75. Журналы Первого очередного Пермского губернского земского собрания декабрьской сессии 1870 года с докладами губернской управы и другими предложениями. Пермь: Тип. губ. правл., 1871. Вып. 1. 237 с. ; Вып. 2. 240 с.

76. Журналы Пермского губернского земского собрания 3-й очередной сессии 1872 г: С прил. Пермь: Тип. губ. правл., 1873. 229 с.

77. Журналы Пермского губернского чрезвычайного земского собрания за 1870 год. Пермь, 1870. 205 с.

78. Журналы Пермского губернского земского собрания V очередной и VI чрезвычайной сессии с докладами комиссий и другими документами. Вятка, 1875. 181 с.

79. Журналы Пермского губернского земского собрания 6-й очередной сессии 1875 г. Пермь: Тип. губ. зем. управы, 1876. 423 с.

80. Журналы Пермского губернского земского собрания XXVI очередной сессии 1895 года и доклады комиссии сему собранию. Пермь: Тип. губ. зем. управы, 1896. 241 с.

81. Журналы Пермского губернского земского собрания XXXVIII очередной сессии и доклады комиссий. Пермь: Тип. губ. земства, 1908. 420 с.

82. Журналы Пермского губернского земского собрания 46 очередной сессии и доклады комиссий. Пермь: Изд-во и тип. губ. земства, 1916. 250 с.

83. Журналы Пермского уездного земского собрания 4-го трехлетия (1879-1882). Пермь, 1882. 1388 с.

84. Журналы Пермского губернского земского собрания XXX1X очередной сессии и доклады комиссий сему собранию Пермь: Тип. губ. земства, 1909. 461 с.

85. Журналы Пермского губернского продовольственного совещания. Заседания 1 и 4 мая: С прил. Пермь, 1917. 88 с.

86. Журналы Пермской городской думы за 1879 г. Пермь: Тип. Л.Никифоровой, 1880. 221 с.

87. Журналы Пермской городской думы за 1898 год. Пермь, 1899. 362 с.

88. Журналы Пермской городской думы за 1910 г. Пермь, 1911. 74 с.

89. Журналы пятого очередного Осинского уездного земского собрания и доклады Осинской уезной управы Пермской губернии 1874 года. Сарапул, 1875. 797 с.

90. Журналы 5-го очередного Верхотурского уездного земского собрания 1875 г.: Сметы и раскладка зем. сборов по Верхотур. уезду на 1875 г. Вятка, 1875. 656 с.

91. Журналы 15-го очередного Соликамского уездного земского собрания 1884 г. Вятка: Тип. Вяткина, 1884. 882 с.

92. Журналы 7-го очередного Шадринского уездного земского собрания. Екатеринбург, 1876. 241 с.

93. Журналы 3-го чрезвычайного Пермского губернского земского собрания майской сессии 1872 г. с докладами комиссий. Пермь: Тип. губ. зем. управы, 1872. 120 с.

94. Журнал 33 очередного и 35 чрезвычайного Шадринских уездных земских собраний. Шадринск, 1903. 215 с.

95. Журналы 4-го очередного Шадринского уездного земского собрания. Екатеринбург: Тип. А.И.Безбородова, 1874. 328 с.

96. Журналы Чердынского уездного земского собрания 19 чрезвычайной и 30 очередной сессий: Доклады управы и комиссий. Пермь, 1900. 590 с.

97. Журналы Чердынского уездного земского собрания XX1 чрезвычайной и XXX111 очередной сессий. Доклады управы и комиссий 1902 года. Чердынь: Тип. П.Р.Безденежных, 1903. 971 с.

98. Журналы 4-го Верхотурского уездного земского собрания 1873 г. Нижне-Тагильск: Литогр. завод. упр., 1873. 76 с.

99. Журналы чрезвычайного и первого очередного Камышловских уездных земских собраний 1870 г. Пермь: Тип. губ. правл., 1871. 352 с.

100. Закон 4 марта 1906 года о союзах и обществах. СПб.: Тип. мин-ва внутр. дел, 1906. 57 с.

101. Записка пермских горнозаводчиков о земском деле в Пермской губернии. СПб, 1887. 46 с.

102. Зверев, А.В. Старейшее учебное заведение г. Перми: К столетию Перм. муж. Гимназии (1808-1909) / А.В.Зверев. Пермь: Электротип. Н.А.Чердынцева, 1908. 229 с.

103. Земско-медицинский сборник: материалы по развитию земской медицины за первое 25-летие (1866-1888 гг.). Т. 2. М., 1893. 428 с.

104. Избирательный список гласных в Пермскую думу на 5-е четырехлетие с 1887 г. Пермь, 1886. 112 с.

105. Известия общества изучения Прикамского края. Вып. 1. Сарапул: Изд-во «Кама», 1917. 114 с.

106. Известия Пермского епархиального церковно-археологического общества. Вып. 2. Пермь: Типолитогр. губ. правл., 1917. 108 с.

107. Иллюстрированный сборник-ежегодник Пермского губернского земства. Вып. 2. Пермь: Электротип. губ. земства, 1916. 272 с.

108. Инструкция гг. агентам кустарно-промышленного банка Пермского губернского земства. Пермь: Тип. губ. зем. управы, 1894. 10 с.

109. Инструкция для уездных агрономов Пермского губернского земства. Пермь: Тип. губ. зем. управы, 1901. 23 с.

110. Историческая записка Екатеринбургской мужской гимназии. Екатеринбург, 1886. 138 с.

111. Исторический очерк Ольгинского детского приюта трудолюбия в селе Можге, Елабужского уезда, Вятской губернии (1899-1909). СПб., 1910. 79 с.

112. Исторический очерк рукодельного ремесла при пермской Рождество-Богородицкой женской школе. Пермь, 1909. 44 с.

113. К торжеству освящения приюта для сирот и полусирот сельского состояния и для детей воинов при Чердынском женском монастыре. Пермь: Тип. губ. земства, 1915. 6 с.

114. Калачников, В.В. Исторический очерк Верх-Исетского сиротско-воспитательного дома им. Семена Алексеевича Петрова. К 25-летию его существования / В.В.Калачников. Екатеринбург: Тип. т-ва «Урал. край», 1915. 59 с.

115. Календарь Вятской губернии на 1885 год. Вятка: Губернская типография, 1884. 331 с.

116. Каталог журнальных статей и книг Пермской общественной библиотеки. Пермь: Типолитогр. Е.И.Заозерского, 1885. 285 с.

117. Каталог Сибирско-Уральской научно-промышленной выставки Уральского общества любителей естествознания в Екатеринбурге: С прил. общ. пл. выставки. Екатеринбург: Тип. «Екатеринбург. недели», 1887. 351 с.

118. Каталог 1912 года коллекций при музее Уральского общества любителей естествознания: Прил. к т. XXXII «Зап. УОЛЕ». Екатеринбург: Тип. Е.Н.Ершова и К°, 1912. 29 с.

119. Кибардин, Н. Адрес-календарь Екатеринбургской епархии на 1900 г. / Н.Кибардин. Екатеринбург, 1900. 580 с.

120. Комитет Уральских горных заводов для помощи семьям нижних чинов, призванных на войну и раненых воинов в Екатеринбурге. Вып. 3. Екатеринбург: Тип. «Урал. жизнь», 1915. 108 с.

121. Красноперов, Е.И. Двадцатипятилетие Пермского края со времени отмены крепостного права царем-освободителем императором Александром II: Ист.-статистический очерк / Е.И.Красноперов. Пермь: Тип. губ. зем. управы, 1887. 203 с.

122. Краткий исторический очерк деятельности Екатеринбургского земства по народному образованию с 1870 по 1890 г. Екатеринбург: Тип. «Екатеринбург. недели», 1890. 51 с.

123. Краткий каталог музея общества любителей истории, археологии и этнографии Чердынского края. Пермь, 1911. 8 с.

124. Краткий каталог музея общества любителей истории, археологии и этнографии Чердынского края. Пермь, 1916. 15 с.

125. Краткий отчет Пермского научно-промышленного музея за 1916 г. Пермь: Изд-во музея, 1917. 44 с.

126. Краткий очерк деятельности Екатеринбургского земства по народному здравию за 20 лет с 1870-1890 гг. Екатеринбург: Тип. «Екатеринбург. недели», 1890. 94 с.

127. Краткий свод постановлений комиссии по холерному вопросу / Сост.: И.И.Моллесон. Пермь: Тип. губ. зем. управы, 1885. 32 с.

128. Краткое статистическое обозрение Пермской губернии 1832 года // Сборник материалов для ознакомления с Пермской губерниею. Вып. III. Пермь: Тип. П.Ф.Каменского, 1891. С. 5-23.

129. Краткое описание Кунгурской (Елисаветинской) женской рукодельной школы. Кунгур: Тип. А.Паркачевой, 1898. 5 с.

130. Кривощеков, И.Я. Географическо-статистический словарь Чердынского уезда Пермской губернии: С прил. карты бассейна р.Камы и ил. / И.Я.Кривощеков. Пермь: Тип. губ. земства, 1914. 839 с.

131. Кривощеков, И.Я. Словарь Верхотурского уезда Пермской губернии: С общ. историко-эконом. очерком и прилож. карт уезда / И.Я.Кривощеков. Пермь: Тип. губ. зем. правл., 1910. 823 с.

132. Кривощеков, И.Я. Указатель к карте Соликамского уезда Пермской губернии, составленный по сведениям Соликамской земской управы, литературным источникам и личным наблюдениям / И.Я. Кривощеков. Екатеринбург: Тип. газ. «Урал. край», 1897. 150 с.

133. Кунгурский Михаило-Антонино-Кирилловский сиропитательный дом Грибушиных // Циркуляр по Оренбургскому учебному округу. 1899. - № 10. С. 39-41.

134. Курдов, И.К. Краткий очерк деятельности Пермского губернского комитета Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам (с 20 авг. по 1 окт. 1914 г) / И.К.Курдов. Пермь: Тип. губ. земства, 1915. 27 с.

135. Личный состав Пермского отделения Императорского Петроградского университета на 1916-1917 учебный год. Пермь, 1917. 35 с.

136. Луканин, А. Население Оханского уезда по сословиям, возростам и семейному составу по данным X ревизии / А.Луканин. СПб., Тип. В.Киршбаума, 1878. 58 с.

137. Материалы для статистики Красноуфимского уезда Пермской губернии. Вып. 1. Казань, 1890. 410 с.

138. Материалы к вопросу о всеобщем обучении в Красноуфимском уезде Пермской губернии. Красноуфимск, 1894. 37 с.

139. Материалы по вопросу о введении всеобщего обучения в Пермской губернии. Пермь: Тип. губ. зем. управы, 1898. 89 с.

140. Материалы по земскому общественному устройству: (Положение о зем. учреждениях). СПб., 1885-1886. Т. 1-2.

141. Народный университет в Мотовилихе в Перми. Пермь: Тип. Союза потреб. о-ва С.В.Р., 1917. 14 с.

142. Наумов, П.А. Письмо к редактору / П.А.Наумов // Книжный вестник. 1862. - № 1. С. 48-51.

143. Нижне-Тагильские и луньевские заводы наследников П.П.Демидова. Пермь, 1896. 108 с.

144. Новиков, Н.И. Справка о «Пермских Епархиальных Ведомостях» / Н.И.Новиков // Труды Пермской Ученой Архивной Комиссии. Вып. 6. Пермь: Перм. губ правл., 1901. С. 136-140.

145. О высшем учебном заведении на Урале. Доклад комиссии, избранной общим собранием УОЛЕ 31 октября 1909 г., заслушанный на общем собрании 26 ноября 1909 г. Екатеринбург: Тип. В.Н.Алексеева, П.Н.Галина и К°, 1909. 27 с.

146. Об учреждении Пермской ученой архивной комиссии с состоящим при ней историческим архивом и музеем. Пермь: Тип. губ. правл., 1888. 14 с.

147. Обзор агрономических мероприятий Пермского земства за 1901-1906 гг. и очередных работ земских агрономов. Пермь: Тип. губ. земства, 1907. 194 с.

148. Обзор деятельности Пермского губернского земства в период первого трехлетия (1870-1873). Пермь: Тип. губ. правл., 1874. 94 с.

149. Обзор документов по истории дорожного строительства / Сост. С.Н.Шереметьева, Н.В.Хомякова / Гос. архив. Перм. обл. Пермь, 1996. 24 с.

150. Обзор Вятской губернии за 1870. Вятка, 1871. 100с.

151. Обзор Вятской губернии за 1873. Вятка, 1874. 194 с.

152. Обзор Вятской губернии за 1875. Вятка, 1876. 96 с.

153. Обзор Вятской губернии за 1880. Вятка, 1881. 76 с.

154. Обзор Вятской губернии за 1885. Вятка, 1886. 104 с.

155. Обзор Вятской губернии за 1890. Вятка, 1891. 53 с.

156. Обзор Вятской губернии за 1895. Вятка, 1896. 90 с.

157. Обзор Вятской губернии за 1900. Вятка, 1901. 134 с.

158. Обзор Вятской губернии за 1903. Вятка, 1904. 136 с.

159. Обзор Вятской губернии за 1905. Вятка, 1906. 143 с.

160. Обзор Вятской губернии за 1906. Вятка, 1907. 141 с.

161. Обзор Вятской губернии за 1907. Вятка, 1908. 135 с.

162. Обзор Вятской губернии за 1908. Вятка, 1909. 156 с.

163. Обзор Вятской губернии за 1909. Вятка, 1910. 147 с.

164. Обзор Вятской губернии за 1910. Вятка, 1911. 136 с.

165. Обзор Вятской губернии за 1911. Вятка, 1912. 127 с.

166. Обзор Вятской губернии за 1912. Вятка, 1913. 117 с.

167. Обзор Вятской губернии за 1913. Вятка, 1914. 128 с.

168. Обзор Вятской губернии за 1914. Вятка, 1915. 148 с.

169. Обзор Вятской губернии за 1915. Вятка, 1916. 152 с.

170. Обзор Пермской губернии за 1878 г. Пермь, 1879. 133 с.

171. Обзор Пермской губернии за 1880 год. Пермь: Тип. губ. правл., 1881. 112 с.

172. Обзор Пермской губернии за 1884 год. Пермь: Тип. губ. правл., 1885.154 с.

173. Обзор Пермской губернии за 1885 год. Пермь: Тип. губ. правл., 1886. 146 с.

174. Обзор Пермской губернии за 1886 год. Пермь: Тип. губ. правл., 1887. 129 с.

175. Обзор Пермской губернии за 1888 год. Пермь: Тип. губ. правл., 1889. 132 с.

176. Обзор Пермской губернии за 1889 год. Пермь: Тип. губ. правл., 1890. 127 с.

177. Обзор Пермской губернии за 1890 год. Пермь: Тип. губ. правл., 1891. 121 с.

178. Обзор Пермской губернии за 1891 год. Пермь: Тип. губ. правл., 1892. 126 с.

179. Обзор Пермской губернии за 1892 год. Пермь: Тип. губ. правл., 1893. 131 с.

180. Обзор Пермской губернии за 1893 год. Пермь: Тип. губ. правл., 1894. 111 с.

181. Обзор Пермской губернии за 1894 год. Пермь: Тип. губ. правл., 1895. 110 с.

182. Обзор Пермской губернии за 1895 год. Пермь: Тип. губ. правл., 1896. 127 с.

183. Обзор Пермской губернии за 1896 год. Пермь: Тип. губ. правл., 1897. 131 с.

184. Обзор Пермской губернии за 1897 год. Пермь: Тип. губ. правл., 1898. 167 с.

185. Обзор Пермской губернии за 1898 год. Пермь: Тип. губ. правл., 1899. 155 с.

186. Обзор Пермской губернии за 1899 год. Пермь: Тип. губ. правл., 1900. 152 с.

187. Обзор Пермской губернии за 1900 год. Пермь: Тип. губ. правл., 1901. 133 с.

188. Обзор Пермской губернии за 1901 год. Пермь: Тип. губ. правл., 1902. 135 с.

189. Обзор Пермской губернии за 1902 год. Пермь: Тип. губ. правл., 1903. 137 с.

190. Обзор Пермской губернии за 1903 год. Пермь: Тип. губ. правл., 1904. 138 с.

191. Обзор Пермской губернии за 1905 год. Пермь: Тип. губ. правл., 1907. 142 с.

192. Обзор Пермской губернии за 1908 год. Пермь: Тип. губ. правл., 1909. 120 с.

193. Обзор Пермской губернии за 1909 год. Пермь: Тип. губ. правл., 1910. 126, 48 с.

194. Обзор Пермской губернии за 1910 год. Пермь: Тип. губ. правл., 1911. 123, 53 с.

195. Обзор Пермской губернии за 1911 год. Пермь: Тип. губ. правл., 1912. 131, 62 с.

196. Обзор Пермской губернии за 1912 год. Пермь: Тип. губ. правл., 1913. 145, 55 с.

197. Обзор Пермской губернии за 1913 год. Пермь: Тип. губ. правл., 1914. 141, 54 с.

198. Обзор Пермской губернии за 1914 год. Пермь: Тип. губ. правл., 1915. 126, 54 с.

199. Обзор Пермской губернии за 1915 год. Пермь: Тип. губ. правл., 1916. 133, 54 с.

200. Обзор финансового положения земств Пермской губернии. Сметы, раскладки, капиталы и их взаимоотношения. За десятилетний период времени 1899-1909 гг. Пермь: Электротип. губ. земства, 1910. 297 с.

201. Обзор финансового положения земств Пермской губернии. Сметы, раскладки, капиталы и их взаимоотношения. За 3-летний период времени 1910-1912 гг. Вып 2. Пермь: Электротип. губ. земства, 1913. 138 с.

202. Общее положение и временная инструкция участковым агрономическим смотрителям Пермского губернского земства. Пермь: Тип. губ. зем. управы, 1883. 21 с.

203. Общество врачей Пермской губернии. Протоколы № 8-12 1885-1886 академического года. Пермь, 1886. 172 с.

204. Однодневная перепись жителей губернского города Перми, произведенная 7-го апреля 1890 года. Пермь: Тип. губ. правл., 1892. 107, 24 с.

205. Освящение и открытие Кунгурского технического Губкина училища. Пермь, 1877. 11 с.

206. Открытие Вятского публичного музея. Вятка, 1866. 29 с.

207. Отчет и доклады исполнительных органов Пермского общества «Народный дом» за 1910 г. Пермь, 1911. 81 с.

208. Отчет о деятельности Екатеринбургского благотворительного общества. Екатеринбург,1873. 7 с.

209. Отчет о деятельности Екатеринбургского благотворительного общества за 1877 г. Екатеринбург, 1878. 18 с.

210. Отчет о деятельности Екатеринбургского комитета по разбору и призрению нищих за 1886 год – второй год его существования. Екатеринбург: Тип. «»Екатеринбург. недели», 1887. 16 с.

211. Отчет о деятельности и средствах «Общества для пособия учащимся и попечения о народном образовании в г.Кунгуре и уезде» за 1901 г. Пермь: Тип. губ. зем. управы, 1902. 239 с.

212. Отчет о деятельности комитета Ирбитского попечительного общества о бедных и о приходе и расходе денежных сумм общества за 1909 г. Ирбит: Тип. И.А.Лопаткова, 1910. 43 с.

213. Отчет о деятельности комитета по разбору и призрению нищих в г. Перми за 1886 г. Пермь: Тип. губ. правл., 1887. 22 с.

214. Отчет о деятельности Кушвинского благотворительного общества попечения о сиротах Пермской губернии за 1890 г. Екатеринбург: Тип. А.П.Мерной и Е.К.Краевой, 1891. 35 с.

215. Отчет о деятельности Пермского библиотечного общества им. Д.Д.Смышляева за 1899-1900 гг.: Составлен комитетом общества. Пермь, 1901. 78 с.

216. Отчет о деятельности Пермского библиотечного общества им. Д.Д.Смышляева за 1901 г.: Составлен комитетом общества. Пермь: Типолитогр. губ. правл., 1902. 74 с.

217. Отчет о деятельности Пермского дамского попечительства о бедных за 1887 г. Пермь: Тип. губ. правл., 1888. 57 с.

218. Отчет о деятельности Пермского Петро-Павловского церковно-приходского попечительства за 1897 год. Пермь: Типолитогр. Е.И.Заозерского, 1899. 25 с.

219. Отчет о деятельности Пермского попечительства о народной трезвости за 1903 г. Пермь: Типолитогр. губ. правл., 1904. 77 с.

220. Отчет о народном образовании в Чердынском уезде за 1877-78 уч. год. Пермь, 1879. 29 с.

221. Отчет о состоянии Екатеринбургской женской гимназии за 1872-73 учебный год: Читан на акте 14 окт. 1873 г. Екатеринбург: Тип. В.В.Ахматовой и К°, 1875. 30 с.

222. Отчет о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты Екатеринбургской епархии за 1894-95 уч. год. Екатеринбург: Тип.П.Я.Сапожникова, 1896. 186 с.

223. Отчет об организации первых общеобразовательных курсов для народных учителей Пермской губернии в 1913 г. Пермь, 1913. 132 с.

224. Отчет об устройстве и деятельности Мотовилихинского отделения Смышляевской библиотеки (по 1 сент. 1901 г). Пермь: Тип. насл. П.Ф.Каменского, 1901. 14 с.

225. Отчет по Мотовилихинскому детскому приюту за 1883 г. Смета на 1884 г. Пермь, 1884. 27 с.

226. Отчет по обществу попечения о лицах и Пермскому дому трудолюбия за 1902 год. Пермь: Тип. губ. правл., 1903. 31 с.

227. Отчет благотворительного общества округа Нижне-Тагильских горных заводов за 1905-1910 гг. Ниж. Тагил: Тип. П.А.Кузнецовой, 1911. 8 с.

228. Отчет Екатеринбургского городского попечительства детских приютов за 1887 г. Екатеринбург, 1888. 56 с.

229. Отчет Екатеринбургского мусульманского благотворительного общества за 1910 г. Екатеринбург: Тип. газ. «Урал. край», 1911. 8 с.

230. Отчет Екатеринбургского отдела Императорского русского музыкального общества и состоящих при нем музыкальных классов за 1914-1915 год. Екатеринбург: Тип. «Худож. печать», 1916. 103 с.

231. Отчет Екатеринбургской публичной библиотеки имени В.Г.Белинского за первый год работы. Екатеринбург, 1900. 20 с.

232. Отчет за первый операционный 1912 г. / Перм. купеч. банк. Пермь: Электротип. В.А.Чердынцева, 1913. 123 с.

233. Отчет земских врачей о состоянии медицины в Перми за 1885-1886 гг. Пермь: Тип. губ. зем. управы, 1886. 251 с.

234. Отчет и смета по Мотовилихинскому детскому приюту: Отчет за 1889 г., смета на 1890 г.Пермь, 1890. 24 с.

235. Отчет Ирбитской городской управы о движении капиталов Ирбит: Тип. насл. Е.С.Хитровой, 1895. 112 с.

236. Отчет Ирбитского попечительства детских приютов ведомства учреждений императрицы Марии за 1911 г. Ирбит: Тип. И.А.Лопаткова, 1912. 37 с.

237. Отчет комитета Юговского благотворительного общества в Юговском заводе за 1897 г. Пермь, 1898. 22 с.

238. Отчет Кунгурского общества пчеловодства в 1896-97 гг. Пермь, 1898. 48 с.

239. Отчет Нытвенского церковно-приходского попечительства о деятельности, приходе, расходе и остатке попечительских сумм за 1894 г. Пермь, 1895. 59 с.

240. Отчет о деятельности в 1908 г. Уральского общества любителей естествознания: Перепеч. Из записок о-ва. Екатеринбург: Тип. В.Н.Алексеева и П.Н.Галина, 1909. CX1 с.

241. Отчет о деятельности Екатеринбургского благотворительного общества. Екатеринбург, 1873. 7 с.

242. Отчет о деятельности Екатеринбургского благотворительного общества за 1886 г. Екатеринбург, 1887. 22 с.

243. Отчет о деятельности Екатеринбургского комитета по разбору и призрению нищих за 1886 год – второй год его существования. Екатеринбург: Тип. «Екатеринбург. недели», 1887. 16 с.

244. Отчет о деятельности Екатеринбургского комитета по разбору и призрению нищих за 1891-й, седьмой год его существования. Екатеринбург, 1893. 21 с.

245. Отчет о деятельности общества попечения о народном образовании в г. Красноуфимске и его уезде за 1898 г. Пермь: Тип. губ. управы, 1899. 135 с.

246. Отчет о деятельности Пермского общества любителей живописи, ваяния и зодчества за 1913 г. Пермь, 1914. 42 с.

247. Отчет о деятельности Пермского попечительства о народной трезвости за 1903 год. Пермь: Типолитогр. губ. правл., 1904. 77 с.

248. Отчет о деятельности Пермского попечительства о нардной трезвости за 1910 г. Пермь: Типолитогр. губ. правл., 1912. 45 с.

249. Отчет о состоянии Екатеринбургской 1 женской гимназии за 1907 г. Екатеринбург, 1908. 10 с.

250. Отчет о состоянии Кунгурской Елизаветинской женской рукодельной школы. Кунгур: Тип. Ф.Ф.Сланского и А.П.Паркачевой, 1888. 29 с.

251. Отчет об организации вторых общеобразовательных курсов для народных учителей в г. Екатеринбурге в 1914 г. Пермь: Изд-во и тип. губ. земства, 1914. 172 с.

252. Отчет об открытии Пермского отделения Петроградского университета. Пермь, 1918. 126 с.

253. Отчет Осинской уездной земской управы уездному земскому собранию 1881 г. Пермь: Тип. губ. зем. управы, 1882. 175 с.

254. Отчет Пермской городской управы за 1873 г. Пермь: Тип. губ.правл., 1875. 198 с.

255. Отчет Пермского городского детского приюта за 1881 год. Пермь: Тип. губ. зем. управы, 1882. 21 с.

256. Отчет Пермского городского попечительства о бедных с 27 янв. 1911 г. по 1 янв. 1914 г. Пермь, 1914. 69 с.

257. Отчет Пермского губернского попечительства детских приютов за 1900 год. Пермь: Типолитогр. губ.правл., 1901. 76 с.

258. Отчет Пермского губернского попечительства детских приютов ведомства учреждений императрицы Марии за 1909 г. Пермь: Тип. губ. правл., 1910. 118 с.

259. Отчет Пермского дамского попечительства о бедных за 1909 г. Пермь: Тип. насл. Каменского, 1910. 65 с.

260. Отчет Пермского епархиального комитета за 1899 г. – Пермь, 1900. – 19 с.

261. Отчет Пермского епархиального попечительства о бедных духовного звания за 1913 г. Пермь: Тип. Я.С.Гребнева, 1914. 37 с.

262. Отчет Пермского научно-промышленного музея за 1898 г. Пермь, 1900. 42 с.

263. Отчет Пермского научно-промышленного музея за 1901 г. / Перм. науч.-пром. музей. Пермь: Типолитогр. губ. правл., 1902. 90 с.

264. Отчет Пермского общества трудовой помощи за 1909 г. Пермь: Тип. насл. Каменского, 1910. 47 с.

265. Отчет Пермского общественного Марьинского банка за 1898 г. Пермь, 1899. 26 с.

266. Отчет Пермского общественного Марьинского банка за 1899 г. Пермь, 1900. 26 с.

267. Отчет Пермского отделения императорского Русского технического общества за 1894 г. Пермь, 1895. 12 с.

268. Отчет Пермского отделения попечительства о слепых за 1891 г. Пермь: Тип. губ. правл., 1892. 36 с.

269. Отчет Пермского отделения попечительства о слепых за 1896 г. Пермь, 1896. 51 с. Отчет Пермского отделения попечительства о слепых за 1900 г. Пермь, 1901. 80 с.

270. Отчет Пермского отделения состоящего под августейшим покровительством ее императорского величества императрицы Марии Федоровны попечительства императрицы Марии Александровны о слепых за 1908 г. Пермь, 1909. 101 с.

271. Отчет Пермской городской дирекции о приходе и расходе сумм по ведению театрального дела в сезон 1901-1902 гг. Год издания 6-й. Пермь: Тип. губ. губ. зем. управы, 1902. 25 с.

272. Отчет Пермской городской управы за 1912 г. Пермь, 1913. 251 с.

273. Отчет Пермской губернской земской управы о движении денежных сумм и капиталов, бывших в ее распоряжении в 1886 году: Смета и раскладка губ. зем. сбора на 1887 г. с докл. комиссий. Пермь: Тип. губ. зем. управы, 1887. 401 с.

274. Отчет Пермской губернской земской управы о движении денежных сумм и капиталов, бывших в ее распоряжении в 1890 . Смета и раскладка губернского земского сбора на 1891 г. Пермь: Изд. и тип. губ. земства, 1891. 217 с.

275. Отчет Пермской ремесленно-учебной мастерской с 1 июля 1913 г. по 1 июля 1914 г. Пермь: Тип. насл. Каменского, 1914. 31 с.

276. Отчет по постройке дома трудолюбия с 1 мая 1911 г. по 1 апр. 1914 г. Пермь, 1915. 31 с.

277. Отчет по эксплуатации казенных железных дорог: Ч. 5: За 1892 г.: Отчет упр.Урал. ж.д. Пермь, 1893. 965 с.

278. Отчет правления общества пособия бедным при Пермской приходской римско-католической церкви за 1908 год. Пермь: Тип. губ. правл., 1909. 12 с.

279. Отчет правления Пермского общества пособия бедным и призрения их в ремесленно-земледельческих колониях за 1910 г. Пермь: Тип. н-ков П.Н.Каменского, 1911. 43 с.

280. Отчет Рождество-Богородицкого попечительства в г. Перми за 1906 г. Пермь, 1907. 13 с.

281. Отчет Рождество-Богородицкого попечительства в г. Перми за 1909 г. Пермь, 1910. 14 с.

282. Отчет церковно-приходского попечительства при Заводо-Нытвенской Спасской церкви и отчет Нытвенского церковно-приходского общества трезвости. Пермь: Тип. губ. правл., 1901. 49 с.

283. Отчет Чердынской уездной земской управы о суммах и капиталах уездного земства за 1911 г. Смета, раскладка и перечень расходов и доходов на уездные земские потребности по Чердынскому уезду на 1913 г. Чердынь: Тип. П.Р.Безденежных, 1913. 995 с.

284. Отчеты Вятского губернского статистического комитета. Вятка. 1863-1914.

285. Отчеты Осинской уездной управы. Сарапул, 1873. 199 с.

286. Очерк 25-летней деятельности Пермского дамского попечительства о бедных: 1862-1887 г. Пермь: Тип. губ. правл., 1889. 131 с.

287. Очерк 25-летней деятельности (1863-1887 гг.) Пермского общественного Марьинского банка. Пермь, 1888. 27 с.

288. Очерк десятилетней деятельности Кунгурского общества пчеловодства. Кунгур: Тип. М.Ф.Летунова, 1905. 91 с.

289. Очерк народного образования в Пермской губернии // Сборник материалов для ознакомления с Пермской губернией. Вып.V1. Пермь: Типолитогр. губ. правл., 1895. С. 36-100.

290. Очерк 15-летней деятельности кустарно-промышленного банка Пермского губернского земства за период 1894-1909 гг. Пермь: Тип. губ. земства, 1909. 280 с.

291. Очерк сорокалетней деятельности Оханского уездного земства Пермской губернии. 1870-1910 гг. Оса: Тип. Осинск. уезд. земства, 1911. 64 с.

292. Очерк состояния санитарного и медицинского дела в Пермской губернии. Земская медицины / Общ. ред.: В.В. Ковалевский. Пермь: Тип. губ. зем. управы, 1899. 280 с.

293. Памятная книжка и адрес-календарь Пермской губернии на 1886 год. Пермь: Тип. губ. правл., 1887. 429 с.

294. Памятная книжка Пермской дирекции народных училищ за 1890-91 учебный год / Сост.: А.Раменский. Пермь: Тип. перм. губ. зем. управы, 1892. 259 с.

295. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: Общий свод по империи результатов разработки данных Первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. СПб., 1905. 626 с.

296. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г., вып. 3: Население городов С.-Петербурга, Москвы, Варшавы и Одессы по переписи 28-30 янв. 1897 г. на основании подсчетов мест. особых комис. / Центр. стат. ком. СПб., 1898. 27 с.

297. Первый съезд земских врачей Пермской губернии в г. Перми. Пермь: Тип. губ. правл., 1872. 104 с.

298. Пермские городские участковые попечительства о бедных за первые три месяца их жизни. (Декабрь 1911 г. – Апрель 1912 г.). Пермь: Тип. губ. земства, 1912. 12 с.

299. Пермские губернаторы (из фондов архива) / Государственный архив Пермской области. Пермь: ИПК «Звезда», 1996. 76 с.

300. Пермский епархиальный адрес-календарь на 1882 год / Изд.: И.Д.Топорков. Пермь: Тип. губ. зем. управы, 1882. 200 с.

301. Пермский край: Сб. сведений о Перм. губ.: Т. 3 / Перм. губ. стат ком..; Ред.: А.А.Дмитриев. Пермь: Тип. насл. П.Ф. Каменского, 1895. 502 с.

302. Пермский сборник: Повремен. изд.: Книжка первая. М.: Тип. Лазарев. ин-та вост. яз., 1859. 433 с.

303. Пермский сборник: Повремен. изд.: Книжка вторая. М.: Тип. Грачева и К°, 1860. 350 с.

304. Пермское экономическое общество: Устав: Утв. 17/X1 1882 г. Пермь, 1894. 9 с.

305. Полное собрание законов Российской империи: Собр. 3-е: В 33 т. СПб.: Гос. тип., 1885-1913.

306. Положение о Сибирско-Уральской научно-промышленной выставке 1887 г. Екатеринбург: Тип. «Екатеринбург. недели», 1886. 5 с.

307. Положение о частных учебных заведениях. М.: Тип. Э.Лисснера и Ю.Романа, 1884. 24 с.

308. Пономарев, А. Протоколы собрания общества врачей Пермской губернии за 1880-81 год / А.Пономарев. Пермь: Тип. губ. зем. управы, 1881. 38 с.

309. Пономарев, А. Протоколы общества врачей Пермской губернии 1881-82 г. / А.Пономарев. Пермь: Тип. губ. зем. управы, 1882. 91 с.

310. Пономарев, П.П. Описание церквей и приходов Кунгурского уезда: Ист.-геогр. и церк.-биогр. очерк. 2-е изд. автора / П.П. Пономарев. Кунгур: Тип. А.Паркачевой, 1897. 380 с.

311. Постановление Временного правительства от 21 мая 1917 г. О введении волостного земского самоуправления. Временное положение о волостном земском управлении и наказ о производстве выборов волостных земских гласных / Перм. губ. стат. ком.; Ред.: П.В.Чагин. Пермь: Типолитогр. губ. правл., 1917. 42 с.

312. Постановление Временного правительства о производстве выборов гласных городских дум и об участковых городских управлениях. Пермь: Типолитогр. губ. правл., 1917. 15 с.

313. Постановление второй очередной сессии Екатеринбургского уездного земского собрания 1871 г. Екатеринбург: Тип. А.И. Безбородова, 1872. 116 с.

314. Постановление первого совещ. санитарно-эпидемических врачей Пермского губернского земства 13-20 июля 1909 г.: С прил. докладов к этому совещ. врачей И.К.Кондаровского, Н.Ф.Николаевского / Перм. губ. земство. Сан. бюро. Пермь: Тип. губ. земства, 1909. 98 с.

315. Постановления Екатеринбургского уездного земского собрания, состоявшиеся по докладам Уездной земской управы и первое очередное заседание его с 25 сентября по 12 октября 1870 г. Екатеринбург: Тип. А.И.Безбородова, 1871. 207 с.

316. Правила для руководства комитету о разборе нищих и изыскании способов к искоренению нищенства. Пермь: Тип. губ. правл., 1899. 35 с.

317. Правительственные распоряжения по делам, до земских учреждений относящимся. Пермь: Тип. губ. зем. управы, 1895. 168 с.

318. Призрение слепых. Пермь: Литотипогр. губ. правл., 1889. 40 с.

319. Приходы и церкви Екатеринбургской епархии. Екатеринбург, 1902. 612 с.

320. Программы для начальных народных училищ Пермской губернии. Пермь, 1911. 140 с.

321. Программы отделов Сибирско-Уральской научно-промышленной выставки 1887 г. в г. Екатеринбурге. Екатеринбург: Тип. «Екатеринбург. недели», 1886. 21 с.

322. Памятная книжка Пермской губернии на 1863 год. Год первый. Пермь: Губ.тип.,1862. 389 с.

323. Протоколы Екатеринбургской городской думы за вторую половину 1873 г. Екатеринбург, 1875. 196 с.

324. Протоколы Екатеринбургской городской думы за II полугодие 1884 г. Екатеринбург, 1884. 172 с.

325. Протоколы Екатеринбургской городской думы за первое полугодие 1889 г. Екатеринбург, 1890. 140 с.

326. Протоколы 1 съезда земских врачей Пермской губернии 1872 г. Пермь: Тип. губ. зем. управы, 1884. 273 с.

327. Протоколы общих заседаний Уральского общества любителей естествознания. Год.1: 1870-1871. Екатеринбург: Тип. А.И. Безбородова, 1871. 29 с.

328. Пятидесятилетие Пермского губернского детского приюта (11 мая 1850-1900 гг). Пермь: Тип. губ. правл., 1900. 39 с.

329. Пятый губернский съезд врачей в г. Перми: (Журналы заседаний, доклады, рефераты). Пермь: Тип. губ.зем. управы, 1892. 538 с.

330. Раменский, А.П. Очерк народного образования в Пермской губернии в 1902 г. / А.П.Раменский. Пермь,1904. 86 с.

331. Результаты однодневной переписи, произведенной 26 марта 1873 г.: Материалы для статистики г. Екатеринбурга. Екатеринбург: Тип. В.В.Ахматовой,1873. 14 с.

332. Рума, Р.Н. Материалы для санитарного описания Пермской губернии. Вып. 1 / Р.Н.Рума. Пермь: Тип. губ. зем. управы, 1885. 125 с.

333. Санитарный обзор Пермской губернии за 1895 г. Пермь: Тип. губ. зем. управы, 1897. 70 с.

334. Санитарный обзор Пермской губернии за 1905 год. Пермь: Тип. губ. зем. управы, 1907. 131 с.

335. Санитарный обзор Пермской губернии за 1915 г. Пермь, 1917. 115 с.

336. Сборник постановлений Вятского губернского земства за 25-летие. 1868-1892. Т.5. Вятка: Тип. Маишева, 1895. 258 с.

337. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 12. СПб., 1896. 734 с.

338. Сборник постановлений Пермского уездного земского собрания очередной (XXIV) сессии 1893 года: С докладами управы, сметой и раскладкой на 1894 г. и др. прил. Пермь: Тип. губ. зем. управы, 1893. 786 с.

339. Сборник работ Пермской земской санитарной станции. Вып.1 / Ред.: Р.Н.Рума. Пермь: Типогр. губ. зем. управы, 1889. 274 с.

340. Сборник сведений благотворительности в России с кратким очерком благотворительных учреждений в С.-Петербурге и Москве. М., 1899. 186 с.

341. Сборник сведений о положении начального народного образования в Пермской губернии. Вып. 2: Таблицы. Пермь: Изд. и тип. губ. зем. управы, 1903. 713 с.

342. Сборник статистических сведений по Екатеринбургскому уезду Пермской губернии. Народное образование / Екатеринбург. уезд. Земство. Стат. отд-ние. Екатеринбург: Тип. И.К.Савицкого, 1886. 124 с.

343. Сборник статистических сведений по Чердынскому уезду / Чердын. земство. Отд. хоз. статистики. Пермь: Тип. губ. зем. управы, 1889. 1191 с.

344. Свод данных, помещенных в «Списках населенных мест Пермской губернии», издание 1908-1909 гг. Пермь: Тип. губ. земства, 1910. 82 с.

345. Свод законов Российской империи. Т.XШ. Уставы о народном продовольствии, общественном призрении и врачебный. СПб, 1892. 514 с.

346. Свод земских смет и раскладок Пермской губернии. Пермь: Тип. губ. правл., 1881. 44 с.

347. Свод земских смет и раскладок Пермской губернии на 1917 год. Пермь: Изд-во и тип. губ. земства, 1917. 81 с.

348. Свод постановлений П-го съезда земских врачей Пермской губернии 1884 г. Пермь: Тип. губ. зем. управы, 1884. 66 с.

349. Сельскохозяйственные общества Пермской губернии в 1904 году. Пермь: Тип. губ. зем. управы, 1905. 68 с.

350. Семевская, А. Краткий очерк двадцатилетнего существования Пермского убежища детей бедных. Отчет о деятельности Пермского дамского попечительства о бедных за 1884 г. / А. Семевская. Пермь, 1885. 22 с.

351. Семченков, В. Двадцатипятилетие Пермской Мариинской женской гимназии / В.Семченков. Пермь: Типолитогр. губ. правл., 1885. 12 с.

352. Сибирско-Уральская научно-промышленная выставка 1887 г.: Каталог. Екатеринбург, 1887. 362 с.

353. Сибирско-Уральская научно-промышленная выставка 1887 г. в Екатеринбурге. Екатеринбург: Тип. «Екатеринбург. недели», 1887. 83 с.

354. Систематический сборник постановлений Осинских уездных земских собраний за время с 1870-1890 год и очерк двадцатилетней деятельности Осинского земства по главнейшим предметам его ведения в связи с общими сведениями об Осинском уезде / Сост.: И.С.Сигов. Оса: Тип. И.А.Кузнецова, 1891. 549 с.

355. Систематический сборник постановлений земских собраний Оханского уездного земства 1895-1906 гг. Оханск: Тип. П.П. Сбоева, 1907. 1017 с.

356. Систематический сборник постановлений Красноуфимского уездного земского собрания: За 1870-1888 гг. Красноуфимск, 1891. 593 с.

357. Систематический свод постановлений Пермских губернских земских собраний. Вып. 2.: Отдел медицины, ветеринарии и общественного призрения. 1870-1901 гг. Пермь: Тип. губ. зем. управы, 1904. 1251 с.

358. Систематический свод постановлений Пермского земского собрания. По народному здравоохранению. Пермь: Тип. губ. зем. управы, 1907. 361 с.

359. Систематический свод постановлений Пермского губернского земского собрания. Вып. У: Народное образование. Пермь: Тип. губ. земства, 1910. 446 с.

360. Систематический свод постановлений собраний Чердынского уездного земства за 1882-1894 г. Пермь: Тип. губ. зем., 1895. 382 с.

361. Систематический свод постановлений собраний Чердынского уездного земства. Вып. 3. С 1894 по 1906 г. Чердынь: Тип. П.Р. Безденежных, 1909. 1082 с.

362. Смета доходов и расходов г.Екатеринбурга на 1911 г. Екатеринбург: Тип. газ. «Урал. край», 1911. 398 с.

363. Смета доходов и расходов г.Екатеринбург на 1914 г. Екатеринбург: Тип. Е.Н.Ершова и К°, 1914. 340 с.

364. Смета доходов и расходов и раскладка губернского земского сбора по Вятской губернии на 1901 г. Вятка: Тип. Маишева, 1900. 80 с.

365. Смета доходов и расходов по общественному призрению Вятского губернского земства на 1896. Вятка: Тип. Маишева, 1895. 210 с.

366. Сметы расходов и доходов и раскладка уездного земского сбора Верхотурского уездного земства на 1914 г. с приложениями и объяснительной запиской. Верхотурье: Тип. Н.С.Ананьина, 1914. 522 с.

367. Сметы расходов и доходов и раскладочная ведомость Пермского губернского земства на 1917 г. с объяснительной запиской Пермь: Изд-во и тип. губ. земства, 1917. 354 с.

368. Смышляев, Д.Д. Сборник статей о Пермской губернии / Д.Д.Смышляев. Изд. авт. Пермь: Типолитогр. губ. правл., 1891. 299 с.

369. Соликамский общественный Черкасова банк. Краткий очерк 50-летнего существования банка 1861-1911 гг. Пермь: Типолитогр. губ. правл., 1911. 29 с.

370. Спасский, Н.А. Статистическое описание Вятской губернии и справочные сведения / Н.А.Спасский. Вятка, 1875. 312 с.

371. Спасский, Н.А. Кустарная промышленность Вятской губернии: стат. очерк / Н.А.Спасский. Вятка, 1882. 55 с.

372. Список лиц для выборов в Пермскую думу с 1909 г. Пермь: Тип. губ. правл., 1909. 64 с.

373. Список лиц и учреждений для участия в избирательном собрании в Пермскую городскую думу на 4 года с 1905 г. Пермь: Тип. губ. правл., 1907. 69 с.

374. Список населенных мест Красноуфимского уезда Пермской губернии: Сост. по данным подвор. описи, произвед. в уезде в период с 1888 по 1891 г. / Сост. Н.Л.Скалозубов. Пермь: Тип. губ. управы, 1894. 132 с.

375. Список населенных мест Российской империи. Т. 31. Пермская губерния. СПб., 1875. 1026 с.

376. Справочная книжка Екатеринбургской епархии на 1915 г. Екатеринбург: Тип. Е.Н.Ершова и К°, 1915. 137, 427 с.

377. Столетие Вятской губернии: В 2 т. Вятка, 1880-1881.

378. Торговая школа общества взаимного вспоможения приказчиков города Перми. 1901-1911. Настоящий обзор составлен инспектором школы при содействии преподавателей. Пермь: Тип. насл. П.Ф. Каменского, 1911. 71 с.

379. Трапезников, В.Н. Летопись города Перми / В.Н. Трапезников. Пермь: «Звезда», 1998. 272 с.

380. Труды 8 съезда агрономических смотрителей в Перми в 1892 г. Пермь: Тип. губ. зем. управы, 1893. 328 с.

381. Труды 1Х съезда врачей Пермской губернии (15-24 мая 1907 года): Ч. 1: Журналы заседаний, перечень постановлений и докл. комиссий. Пермь: Тип. Перм. губ. земства, 1907. 139 с.

382. Труды 1Х съезда врачей Пермской губернии (15-24 мая 1907 года): Ч. 2: Доклады съезду / Перм. губ. зем. управа. Сан. бюро. Пермь: Тип. Перм. губ. земства, 1907. 286 с.

383. Труды 1Х съезда врачей Пермской губернии (15-24 мая 1907 г.): Ч. 3. Делегатские доклады / Перм. губ. земство. Сан. бюро. Пермь: Тип. губ. зем. управы, 1908. 213 с.

384. Труды УП съезда врачей Пермской губернии 15-24 сентября 1897 г. Пермь: Тип. губ. зем. управы, 1898. 238 с.

385. Труды Х1 съезда врачей и представителей земств Пермской губернии (26 мая-4 июня 1914 года). Ч. 2: Делегатские доклады и сводные таблицы. Пермь: Эл.-тип. губ.земства, 1914. 511 с.

386. Труды комиссии по народному образованию Пермского губернского земства. Вып.3. Пермь: Тип. губ. зем. управы, 1906. 91 с.

387. Труды комиссии по составлению программ обзора Пермского края. Пермь: Тип. губ. правл., 1895. 182 с.

388. Труды первого совещания заведующих народным и внешкольным образованием в уездах Пермской губернии, состоявшегося при губернской управе 23-28 июня 1915 г.: Журн., резолюция, докл. Пермь: Тип. губ. управы, 1915. 263 с.

389. Труды совещания представителей губернского и уездного земств Пермской губернии по вопросу об участии губернского земства в деле начального образования (с 4-6 июня 1902 года). Пермь: Тип. губ. зем. правл., 1902. 96 с.

390. Труды съезда по общественному призрению, созванного Министерством внутренних дел 11-16 мая 1914 г. Т. 1. Петроград, 1914. 451 с.

391. Труды VI съезда врачей Пермской губернии 1-11 ноября 1895 года. Пермь, 1896. 363 с.

392. Указатель учебных пособий подвижного музея при Пермском научно-промышленном музее. Пермь, 1912. 50 с.

393. Уральский торгово-промышленный адрес-календарь на 1899 г. Пермь: Тип. А.Л.Вершовой, 1899. 228 с.

394. Устав бесплатной народной библиотеки-читальни в г. Перми. Пермь, 1900. 6 с.

395. Устав Вятской городской общественной библиотеки им. А.С.Пушкина. Вятка, 1906. 17 с.

396. Устав городской общественной библиотеки в г. Перми. Пермь: Тип. губ. правл., 1877. 6 с.

397. Устав Екатеринбургского музыкального кружка. Екатеринбург: Тип. газ. «Урал. край», 1896. 8 с.

398. Устав Екатеринбургской публичной общественной библиотеки им. Белинского. Екатеринбург: Тип. газ. «Урал», 1898. 6 с.

399. Устав Ильинского общества «Народный дом». Пермь: Тип. губ. правл., 1914. 9 с.

400. Устав Ирбитского заводского музыкально-драматического кружка. Ирбит: Тип. И.А.Лопаткова, 1912. 12 с.

401. Устав Кизеловского общественного собрания. Пермь: Тип. насл. Каменского, 1908. 17 с.

402. Устав Кунгурского городского музея. Кунгур: Тип. М.Ф. Летунова, 1913. 21 с.

403. Устав Кунгурского семейно-педагогического общества. Кунгур: Тип. М.Ф.Летунова, 1912. 16 с.

404. Устав Кыштымского общественного собрания. Екатеринбург: Тип. А.Р.Вельца, 1909. 16 с.

405. Устав Мотовилихинского музыкально-драматического кружка. Пермь: Тип. насл. Каменского, 1913. 14 с.

406. Устав научно-образовательного общества в Лысьвенском заводе Пермской губернии и уезде. Пермь: Тип. А.Е.Заозерского и И.С.Абрамовича, 1909. 18 с.

407. Устав Нижне-Тагильского общества трезвости. Нижний Тагил: Тип. насл. А.Г.Хитрова, 1891. 9 с.

408. Устав Николае-Святительской богадельни золотопромышленного товарищества «Я.Н.Бурдаков и сыновья» в Нижнетуринском заводе Пермской губернии Верхотурского уезда. Екатеринбург: Тип. газ. «Урал», 1898. 8 с.

409. Устав общеобразовательного музея имени А.С.Пушкина при Чердынской уездной земской управе. Чердынь: Тип. П.Р. Безденежных, 1903. 8 с.

410. Устав общества вспомоществования учащим и учившим в низших учебных заведениях ведомства Министерства народного просвещения, состоящих в Пермской губернии. Пермь: Тип. губ. правл., 1901. 15 с.

411. Устав общества изящных искусств в Екатеринбурге. Екатеринбург: Тип. В.Н.Алексеева, 1895. 16 с.

412. Устав общества пособия бедным евреям г. Перми. Пермь: Тип. т-ва А.Заозерский и И.Абрамович, 1911. 13 с.

413. Устав общества семейных вечеров в Очерском заводе Оханского уезда. Оханск: Тип. П.П.Сбоева, 1904. 20 с.

414. Устав общественного собрания в городе Осе. Оса: Тип. И.А.Кузнецова, 1890. 21 с.

415. Устав Осинского благотворительного общества. Оса: Тип. И.А.Кузнецова, 1893. 8 с.

416. Устав Пермского мусульманского культурно-экономического и благотворительного общества. Пермь: Тип. губ. правл., 1908. 16 с.

417. Устав Пермского научно-промышленного музея. Пермь: Тип. губ. правл., 1910. 16 с.

418. Устав Пермского общества «Народный дом». Пермь: Тип. губ. правл., 1908. 6 с.

419. Устав Пермского общества попечения о глухонемых. Пермь: Тип. губ. правл., 1908. 7 с.

420. Устав Пермского общества «Светлая юность». Пермь: Тип. Я.С.Гребнева, 1912. 14 с.

421. Устав Пермского филармонического общества. Пермь: Тип. губ. правл., 1908. 11 с.

422. Устав Сивинского общества «Народный дом». Пермь: Тип. насл. Каменского, 1913. 11 с.

423. Устав Соликамского музыкального кружка. Соликамск, 1894. 7 с.

424. Устав Талицкого благотворительного общества. Камышлов: Тип. В.А.Штернталь, 1911. 15 с.

425. Четвертый пермский губернский съезд врачей в г.Екатеринбурге в августе 1887 года: Доклады, материалы и протоколы. Пермь: Тип. губ. земс. управы, 1887. 366 с.

426. Фирсов, Н.А. Материалы для истории Пермской гимназии, собранные и обработанные Н.А.Фирсовым / Н.А. Фирсов. Пермь: Тип. губ. зем. управы, 1894. 896 с.

427. Шишонко, В.Н. Материалы для описания развития народного образования в Пермской губернии, с указанием времени открытия учебных заведений, с приложением карты Пермской губернии / В.Н.Шишонко. Екатеринбург: Тип. А.П.Мерной и Е.К.Краевой, 1879. 408 с.

Литература

1. Абрамов, В.Ф. Демократическая практика российского земства / В.Ф.Абрамов // Полис. 1995. № 3. С. 145-151.

2. Абрамов, В.Ф. Земство, народное образование и просвещение / В.Ф.Абрамов // Вопросы истории. 1998. № 8. С. 44-60.

3. Аверина, Н.Ф. История пермской книги. Очерк / Н.Ф. Аверина. Пермь: Кн. изд-во, 1989. 128 с.

4. Аврех, А.Я. Царизм накануне свержения / А.Я.Аврех. М.: Наука, 1989. 256 с.

5. Адамов, В.В. Из истории местных военно-экономических организаций царизма и буржуазии в годы первой мировой войны (Уральское заводское со-

вещание) / В.В.Абрамов // Учен. зап. Урал. ун-та. Вып. 16. Свердловск, 1957. С. 37-55.

6. Айвазова, С.Г. К истории феминизма / С.Г.Айвазова // Общественные науки и современность. 1992. № 6. С. 153-168.

7. Айвазова, С.Г. Феминистическая традиция в России // Русские женщины в лабиринте равноправия (Очерки политической теории и истории. Документальные материалы) / С.Г.Айвазова. М., РИК Русанова, 1998. С. 12-65.

8. Алферов, Н.С. Зодчие старого Урала / Н.С.Алферов. Свердловск, 1960. 126 с.

9. Андреева, Т.А. Культурно-просветительная деятельность уральской интеллигенции между буржуазно-демократическими революциями (1907-16) / Т.А.Андреева // Народное образование на Урале в ХУШ-начале ХХ в. Свердловск, 1990. С. 74-86.

10. Андронова, И.В. Гражданское общество: теоретико-методологические основы исследования / И.В.Андронова // Вестник ОГУ. 2004. № 7. С. 9-13.

11. Апкаримова, Е.Ю. Благотворительность в городах Пермской губернии в последней трети Х1Х-начале ХХ в. / Е.Ю. Апкаримова // Милосердие и благотворительность в российской провинции: Тез. докл. Всерос. конф. 22-23 марта 2002 г./ Под ред. М.Е.Главацкого. Екатеринбург, 2002. С. 31-35.

12. Апкаримова, Е.Ю. Городское самоуправление Екатеринбурга во второй половине Х1Х в. / Е.Ю.Апкаримова // Известия УрГУ. 1998. № 9. С. 61-67.

13. Апкаримова, Е.Ю. Портрет уральского городского головы последней третьи Х1Х-нач. ХХ вв. / Е.Ю.Апкаримова // Первые Татищевские чтени. Тез. докл. и сообщ. Екатеринбург: Ин-т истории и археологии УрО РАН; УрГУ, 1997. С. 61-64.

14. Апкаримова, Е.Ю. Религиозные благотворительные общества в уральских городах во второй половине Х1Х-начале ХХ вв. / Е.Ю. Апкаримова // Благотворительность в России: Исторические и социально-экономические исследования СПб.: Лики России, 2003. С. 256-258.

15. Арато, А. Концепция гражданского общества: Восхождение, упадок и воссоздание – и направления для дальнейших исследований / А.Арато // Полис. 1995. №3. С. 48 – 57.

16. Арманд, И.Ф. Статьи, речи, письма / И.Ф. Арманд. М.: Политиздат, 1975. 283 с.

17.Архивы, вузы, школы. Тезисы докладов и выступлений межотраслевой научно-практической конференции / Госуд. архив Пермской области. Пермь, 1997. 136 с.

18.Архитекторы и архитектурные памятники Пермского Прикамья. Кр. энц. словарь. Пермь: «Книжный мир», 2003. 160 с.

19.Асташов, А.Б. Союзы земств и городов и помощь раненым в первую мировую войну / А.Б.Асташов // Отечественная история. 1992. № 6. С. 169-172.

20.Атаманских, А.С. Сборники Пермского земства / А.С. Атаманских // Социс. 1982. № 4. С. 121-124.

21.Аузан, А.А. Экономические основания гражданских институтов / А.А.Аузан. Лекция 1-я. размещена на сайте: www.opec.ru/

22.Аузан, А.А. Общественный договор и гражданское общество / А.А.Аузан. Лекция 2-я. размещена на сайте: www.opec.ru/

23.Баяндина, Н.П. Пермь купеческая / Н.П.Баяндина. Пермь: Изд-во «Пушка», 1997. 160 с.

24.Безобразов, В.П. Земские учреждения и самоуправление / В.П.Безобразов. М.: Университет.тип., 1874. 52 с.

25.Белдыцкий, Н.П. Ныробский узник: Ист. эскиз / Н.П. Белдыцкий. Пермь: Изд-во и тип. губ. земства, 1912. 40 с.

26.Белдыцкий, Н. Старая Пермь / Н.Белдыцкий. Архангельск: Губ. тип., 1913. 26 с.

27.Белов, В.Д. Исторический очерк уральских горных заводов / В.Д.Белов. СПб., 1896. 83 с.

28.Белоконский, И.П. Земское движение. 2-е изд. испр., значительно доп. и иллюстрированное 260 портретами земских и общ. деят. / И.П.Белоконский. М., «Задруга», 1914. 397 с.

29.Беляев, С.Е. История музыкальной культуры Урала (ХУШ-нач. XX в.): Курс лекций / С.Е.Беляев. Екатеринбург: Диамант, 1996. 296 с.

30.Беляев, С.Е. Имена со старых афиш / С.Е.Беляев // Урал. 2003. № 8. С. 126-130.

31.Бердинских, В.А. История Вятского края: Мир русской провинции / В.А.Бердинских. Киров, 2005. 317 с.

32.Биография профессора исторической живописи Федора Андреевича Бронникова. Шадринск: Тип. С.И.Иванчикова, 1912. 8 с.

33.Благотворительная Россия. Т. 2. СПб., 1912. 351 с.

34.Благотворительность: история и возрождение: Материалы научно-практической конференции. Пермь, 1998. 70 с.

35.Благотворительность в России. СПб.: Типолитогр. Ныркина, 1901. 457 с.

36.Благотворительные учреждения Российской империи. Т.1. СПб., 1900. 245 с.

37.Бобылев, Д.М. Вопросы внешкольного образования народа в Пермской губернии / Д.М.Бобылев. Пермь: Тип. губ. зем. управы, 1904. 35 с.

38.Бобылев, Д.М. Что сделали земства Пермской губернии в интересах местного края: Краткий очерк / Д.М.Бобылев. Пермь: Электротип. губ. зем., 1914. 43 с.

39.Бобылев, Д.М. Кустарная промышленность Урала на Западно-Сибирской выставке в Омске / Д.М.Бобылев. Пермь: Тип. губ. земства, 1911. 28 с.

40.Боголюбов, Н.Н. Шестьдесят лет в оперном театре: Воспоминания режиссера / Н.Н.Бобылев. М.: Всерос. театр. о-во, 1967. 361 с.

41.Богословский, П.С. Кружок по изучению Северного края при Пермском университете / П.С.Богословский // Пермский краеведческий сборник. Вып. 1. Пермь, 1924. С. 34-42.

42.Богословский, П.С. О постановке культурно-исторических изучений Урала / П.С.Богословский // Уральское краеведение. Вып. 1. Пермь, 1927. С. 24-36.

43.Богословский, П.С. Сотрудница «Современника» и «Отечественных записок» пермская писательница А.Кирпищикова / П.С. Богословский // Пермский краеведческий сборник. Вып. 2. Пермь, 1926. С. 80-96.

44.Борисова, Т.С. Народная учительница / Т.С. Борисова // На Западном Урале. Сб. Вып. 6. Пермь: Кн. изд-во, 1974. С. 194-196.

45.Бояршинов, Н.А. Пермское Екатерино-Петровское городское четырехклассное училище: Крат. очерк перв. десятилетия существования / Н.А.Бояршинов. Пермь: Тип. Я.С.Гребнева, 1915. 40 с.

46.Бредли, Джозеф. Общественные организации и развитие гражданского общества в дореволюционной России / Джозеф Бредли // Общественные науки и современность. 1994. № 5. С. 77-89.

47.В поисках истины. Интеллигенция провинции в эпоху общественных потрясений: Материалы научно-практической конференции. Пермь, 1999. 192 с.

48.Валуев, П.А. Дневник П.А.Валуева, министра иностранных дел / П.А.Валуев. В 2-х томах. М.: АН СССР, 1961. Том 1: 1861-1864 гг. 422 с.. Том. 2: 1865-1876 гг. 587 с.

49.Варфаломеева, О.М. Очерк по истории организации дошкольного воспитания на Урале / О.М.Варфаломеева. М., 1958. 68 с.

50.Васильев, А. Первое явление воскрешающей соборности / А.Васильев // Православная община. 1998. № 44.

51.Васильев, М.Г. Столетие Вятской гимназии / М.Г. Васильев. Вятка, 1911. 502 с.

52.Верещагин, А.Н. Земский вопрос в России: Политико-правовые отношения / А.Н.Верещагин. М.: Междунар. отношения, 2002. 192 с.

53.Вернадский, Г.В. Из воспоминаний / Г.В. Вернадский // Вопросы истории 1995. № 1. С. 129-148.

54.Вест, Л. Джеймс. Буржуазия и общественность в предреволюционной России / Джеймс Л. Вест // История СССР. 1992. № 1. С. 192-201.

55.Витте, С.Ю. О современном положении православной церкви / С.Ю.Витте // «Слово». 1905. № 108.

56.Витюк, В.В. Становление идеи гражданского общества и ее историческая эволюция / РАН. Ин-т социологии / В.В.Витюк. М., 1995. 92 с.

57.Вихляева, М.А. Гражданское общество и государство: историко-философская традиция / М.А.Вихляева. М.: Наука, 1989. 125 с.

58.Власов, П.В. Благотворительность и милосердие в России / П.В.Власов. М.: Центрполиграф, 2001. 444 с.

59.Войтович, В.Ю. Государственность Удмуртии. История и современность / В.Ю.Войтович. Ижевск: Удмуртия, 2003. 368 с.

60.Волков, В. Общественность: забытая практика гражданского общества / В.Волков // Pro et contra. 1997. № 4. С. 77-91.

61.Волобуев, П.В., Булдаков, В.П. Октябрьская революция: новые подходы к изучению / П.В.Волобуев, В.П.Булдаков // Вопросы истории. 1996. № 5-6. С. 28-38.

62.Володин, А.Г. Гражданское общество и модернизация в России. Истоки и современная проблематика / А.Г.Володин // Полис. 2000. № 3. С. 46-56.

63.Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801-1917 гг.: В 4-х тт. Т. 1. Высшие государственные учреждения. СПб.: Наука, 2000. 302 с.

64.Вятка: Краеведческий сборник. Вып. 1-9. 1972-1991.

65.Вяткин, В.В. Труды Пермского монашества / В.В. Вяткин // Преподобный Серафим Саровский в современном мире: Мат-лы научн.-практ. конфер. Пермь, 2003. С. 82-88.

66.Вятскому земству – 130 лет: Материалы науч. конф. 8-9 окт. 1997. Киров, 1997. 151 с.

67.Гаврилов, Д.В. К вопросу о питании уральских рабочих в период домонополистического капитализма (1861-1900 гг.) / Д.В. Гаврилов // Положение и борьба рабочих Урала в период капитализма: Сб. научн. трудов. Свердловск: УрО АН СССР, 1989. С. 78-94.

68.Гаврилов, Д.В. Грамотность и образовательный уровень населения Урала в конце Х1Х в. (1885-1900 гг.) / Д.В.Гаврилов // Уральский исторический вестник № 2: Культура провинциальной России. Екатеринбург. УрО РАН. Институт истории и археологии, 1995. С. 81-98.

69.Гаврилов, Д.В. Уральское земство второй половины Х1Х-начала ХХ в.: опыт и уроки / Д.В.Гаврилов // Уральский исторический вестник № 3: Региональное развитие России. Екатеринбург: УрО РАН, 1996. С. 121-133.

70.Гайда, Ф.А. Февраль 1917 года: революция, власть, буржуазия / Ф.А.Гайда // Вопросы истории. 1996. № 3. С. 31-45.

71.Гармиза, В.В. Земская реформа и земство в исторической литературе / В.В.Гармиза // История СССР. 1960. № 5. С. 18-27.

72.Герасименко, Г.А. Земское самоуправление в России / Г.А. Герасименко. М.: Наука,1990. 264 с.

73.Герасименко, Г.А. История земского самоуправления / Поволж. акад. гос. службы им. П.А.Столыпина / Г.А.Герасименко. Саратов, 2003. 243 с.

74.Герасименко, Г.А. Крах земского самоуправления в России / Г.А.Герасименко // История СССР. 1989. № 1. С. 74-89.

75.Герасименко, Г.А. Первый акт народовластия в России: общественные исполнительные комитеты (1917 г.) / Г.А. Герасименко. М.: Наука, 1992. 351 с.

76.Герцен, А.И. Речь, сказанная при открытии Публичной библиотеки для чтения в Вятке 6 декабря 1837 г. / А.И.Герцен. М., 1987. 5 с.

77.Герье, В.И. Попечительства о бедных в г.Москве в 1895 / В.И.Герье. М., 1895. 63 с.

78.Герье, В.И. Что такое дом трудолюбия? / В.И.Герье // Трудовая помощь. 1897. № 11. С. 26-32.

79.Гессен, В.М. Вопросы местного управления / В.М. Гессен. СПб.: Изд-во юрид. кн. склада «Право», 1904. 235 с.

80.Гильченко, Л.В. Из истории становления местного самоуправления в России / Л.В.Гильченко // Государство и право. 1996. № 2. С. 142-152.

81.Гогель, С.К. Объединение и взаимодействие частной и общественной благотворительности / С.К.Гогель. СПб., 1908. 136 с.

82.Голикова, С.В. Культура горнозаводского населения Урала и духовенство: антропологический аспект / С.В.Голикова // Известия УрГУ. 2004. № 29. С. 51-59.

83.Голосенко, И.А. Нищенство в России (Из истории дореволюционной социологии бедности) / И.А.Голосенко // Социс. 1996. № 8. С. 18-25.

84.Голубев, Н.Р. Взгляды политических партий и общественных движений на проблемы настоящего и будущего России (конец Х1Х-начало ХХ в.) / Н.Р.Голубев. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1998. 331 с.

85.Голубев, П.А. Историко-статистический сборник сведений по вопросам экономического и культурного развития Вятского края / П.А.Голубев. Вятка, 1896. 285 с.

86.Голубев, П.А. Вятское земство среди других земств России. Краткий ист.-стат. очерк культ. деятельности Вятского земства в связи с деятельностью всех русских земств / П.А.Голубев. Вятка, 1901. 166 с.

87.Голубев, П.А. Богатеет или беднеет Пермская губерния / П.А.Голубев // Пермский край. 1903. № 625.

88.Голубев, П.А. П.Н.Серебренников: К 25-летнему юбилею его деятельности / П.А.Голубев. Пермь, 1902. 7 с.

89.Горнов, В.А. Финансово-экономические основы общественного призрения в России конца Х1Х-начала ХХ вв. / В.А. Горнов // Национальная экономика: проблемы российских реформ: Материалы международной научно-методической конференции 24-27 сентября 2002 года. Рязань: РГПУ, 2002. С. 127-129.

90.Горшкова, Е.А. Воспитательные дома и приюты в Российской империи / Е.А.Горшкова // Педагогика. 1995. № 1. С. 117-119.

91.Градовский, А.Д. Начала русского государственного права. Ч. 3 / А.Д.Градовский // Собр. соч.: В 9 т. СПб., 1904. Т. 9. С. 1-595.

92.Граждане и власть: Проблемы и подходы: Сб. учеб. м-лов по курсу «Политическая регионалистика» / Под ред. Г.М.Михалевой и С.И.Рыженкова. М.;СПб.: Летний сад, 2001. 174 с.

93.Гридчин, Ю.В. Гражданское общество в России накануне кризиса 1917 г. / Ю.В.Гридчин // Проблемы формирования гражданского общества: Сб. статей. М., 1993. С. 101-127.

94.Давыдов, А. К статистике ходатайств Пермского губернского земства перед правительством (с 1870 по 1899 гг.) / А. Давыдов // Сборник Пермского земства. 1902. № 4. С. 114-128.

95.250 лет Перми: Сборник. Пермь: Кн. изд-во, 1973. 284 с.

96.Дашкевич, Л.А. «Под августейшим покровительством…» (О благотворительной деятельности Императорского человеколюбивого общества на Урале) / Л.А.Дашкевич // Известия Уральского государственного университета. 2004. № 32. С 101-109.

97.Дашкевич, Л.А. Развитие институтов социальной помощи на Урале в дореволюционный период: от патернализма к гражданскому обществу / Л.А.Дашкевич // Интеллигенция и проблемы формирования гражданского общества в России: Тез. докл. Всерос. конф. 14-15 апр. 2000 г. Екатеринбург, 2000. С. 232-234.

98.Два рубежа: 100-летнему юбилею «Мира искусства». Материалы научно-практической конференции / Перм. педун-т. Пермь, 1998. 180 с.

99.Денисов, В.В. Благотворительная деятельность углеческих монастырей во второй половине Х1Х-начале ХХ вв. / В.В. Денисов // История и культура Ростовской земли. Ростов, 2001. С. 179-186.

100. Дерюжинский, В.Ф. Полицейское право: Пособие для студентов. 4-е изд. / В.Ф.Дерюжинский. Петроград: Сенат. тип., 1917. 522 с.

101. Дидро, Д. Собр. соч. в 20 тт. Т. 10. / Д. Дидро. СПб.: «Ассеза и М», 1876. 369 с.

102. Друговская, А.Ю., Гатилова, Л.С. Да не оскудеет рука дающего…(Из истории благотворительности в губерниях Центрального Черноземья в конце Х1Х-начале ХХ веков) / А.Ю.Друговская, Л.С.Гатилова. Курск: Изд-во КГМУ, 1999. 125 с.

103. Дягилева, Е.В. Семейная запись о Дягилевых / Е.В. Дягилева. СПб., Пермь, 1998. 287 с.

104. Егорова, Е.И. Художественное образование в Перми на рубеже Х1Х-ХХ вв. / Е.И.Егорова // Пермская губерния: История, политика, культура, современность. Кунгур, 1997. С. 76-77.

105. Егорова, М.В. Учредители частных учебных заведений на Урале в пореформенный период / М.В.Егорова // Вестник ОГУ. 2004. № 12. С. 34-39.

106. Елфимова, Н.В. Социальная помощь студенчеству в дореволюционной России / Н.В.Елфимова // Российский журнал социальной работы. 1995. № 2. С. 36-38.

107. Емченко, Е.Б. Стоглав. Исследование и текст / Е.Б. Емченко. М.: Индрик, 2000. 504 с.

108. Ерогин, П.М. Белоярский сельский детский приют для крестьянских детей / П.М.Ерогин. Шадринск, 1900. 72 с.

109. Ерошкин, Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. 3-е изд., перераб. и доп. / Н.П. Ерошкин. М.: Высш. шк., 1983. 352 с.

110. Ефремов, И.В. Подвижник народной культуры А.Д. Городцов / И.В.Ефремов. Пермь: Кн. изд-во, 1983. 103 с.

111. Жаравин, В.С. А.С.Лебедев и Вятская публичная библиотека / В.С.Жаравин // Герценка: Вятские записки. Вып. 2. Киров, 2001. С. 22-30.

112. Жеденов, Н.И. Детские сельскохозяйственно-кустарные приюты самопомощи. История их, устройство и жизнь / Н.И. Жеденов. СПб.: Кн. маг. Н.Фену и К°, 1896. 212 с.

113. Загоскин, Н.П. История Императорского Казанского Университета за первые сто лет его существования 1804-1904 гг. Т. 4-й / Н.П.Загоскин. Казань: Типолитогр. Императ. Казан. ун-та, 1904. 698 с.

114. Зайцев, Г.Б. Художественная жизнь Екатеринбурга в конце Х1Х-начале ХХ в. / Г.Б.Зайцев // Известия УрГУ. 1997. № 7. С. 86-94.

115. Замятин, Г. Ксенофонт Алексеевич Анфилатов: очерк его жизни и деятельности / Г.Замятин. СПб., 1910. 275 с.

116. Записки Пермского отделения Императорского Русского технического общества. Вып. 4. Пермь, 1913. 67 с.

117. Захарова, Л.Г. Великие реформы 1860-1870-х годов: Поворотный пункт российской истории? / Л.Г.Захарова // Отечественная история. 2005. № 4. С. 151-167.

118. Захарова, Л.Г. Земская контрреформа 1890 г. / Л.Г. Захарова. М., 1968. 172 с.

119. Звягинцев, Е. Из хроники народного образования / Е. Звягинцев // Вестник воспитания. 1915. № 5. 3-й отдел. С. 64-67.

120. Земский народный театр и передвижная условная сцена. Очерк инструктора нар. театров Оханск. уезд. земства Перм. губ. Б.А.Рославлева. Оханск: Тип. уезд. земства, 1915. 33 с.

121. Земское самоуправление: организация, деятельность, опыт: Материалы науч. конф. / Научн. ред. В.В.Куликов. Сост. Н.П.Гурьянова. Киров, 2002. 165 с.

122. Знаменский, О.Н. Интеллигенция накануне Великого Октября (февраль-октябрь 1917 г.) / О.Н.Знаменский. Л.: Наука, 1988. 352 с.

123. Зорина, Л.И. Онисим Егорович Клер. 1845-1920 / Л.И. Зорина. М.: Наука, 1989. 246 с.

124. Зырянов, П.Н. Русские монастыри и монашество в Х1Х и начале ХХ века / П.Н.Зырянов. М.: Вербум, 2002. 319 с.

125. Иванова, Т.Н., Молодцова, А.В. Павленковские библиотеки Прикамья-феномен культуры русской провинции / Т.Н. Иванова, А.В.Молодцова // Библиотековедение. 2000. № 2. С. 90-92.

126. Из истории земства в России (1864-1918): Каталог книжной выставки. М., 1993. 61 с.

127. Из прошлого Чердынского края: Сб. статей / Сост. Г.Н.Чагин. Пермь: Кн. изд-во, 1974. 83 с.

128. Изергина, Н.П. Литературная жизнь Вятки (1870-1917) / Н.П. Изергина. Киров, 1990. 207 с.

129. Интеллигенция и проблемы формирования гражданского общества в России: Тезисы докладов Всероссийской конференции 14-15 апреля 2000 г. / Под ред. М.Е.Главацкого. Екатеринбург: УрГУ. 2000. 264 с.

130. Иофа, Л.Е. Города Урала. Кн. 1. Феодальный период. 1472-1861 / Л.Е.Иофа. М.: Географиздат, 1951. 422 с.

131. Иорданский, И.Ф. Михайловская больница медицинского общества Вятской губернии / И.Ф.Иорданский. Вятка, 1903. 17 с.

132. Искусственное удобрение в крестьянском хозяйстве. Пермь, 1910. 26 с.

133. Историко-культурное наследие: новые открытия, сохранение, преемственность / Мат-лы Всерос. научн.-практ. конф. Березники: «Тип. купца Тарасова», 1999. 334 с.

134. История местного самоуправления на Урале в ХУШ-начале XX вв.: город, село, деревня. Екатеринбург, 1999. 287 с.

135. История народного образования г.Перми до 1917 г. / Ком. по делам арх. Перм. обл. Пермь, 1997. 30 с.

136. История Удмуртии: конец XV – начало XX века / Под ред. К.И.Куликова. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004. 552 с.

137. История Урала в период капитализма. М.: Наука, 1990. 504 с.

138. Кавелин, К.Д. Собр. соч., т. 2. Публицистика / К.Д. Кавелин. СПб., 1898. 816 с.

139. Казанцева, М.Г. Религиозно-музыкальное образование на Урале в ХУШ-начале XX вв. / М.Г.Казанцева // Религия и церковь в Сибири. Вып. 9. Тюмень: МИ «РУТРА», 1996. С. 12-28.

140. Казанцев, П.М. На старом уральском заводе (Записки краеведа) / П.М.Казанцев. Пермь: Кн. изд-во, 1966. 122 с.

141. Карышев, Н.А. Земские ходатайства: 1865-1884 гг. / Н.А. Карышев. М.: Изд. кн. магазина А.А.Ланга, 1900. 272 с.

142. Касанов, С.А. Из истории Вятского благотворительного общества / С.А.Касанов. Киров, 2004.

143. Каталог агрономического отдела в павильоне Пермского земства на Казанской областной выставке. Пермь: Тип. губ. земства, 1909. 63 с.

144. Каталог коллекции по кустарной промышленности Пермской губернии на Санкт-Петербургской всероссийской кустарно- промышленной выставке 1902 г. Пермь, 1902. 136 с.

145. Кашихин, Л.С. «Дедушка пермского прогресса». Доктор П.Н.Серебренников / Л.С.Кашихин // Подвижники культуры Серебренниковы. Пермь: Перм. кн. изд-во, 1991. С. 3-92.

146. Кашихин, Л.С., Перескоков, Л.В. Архитектор и актер А.Б.Турчевич / Л.С.Кашихин, Л.В.Перескоков // Пермский край: Старая Пермь (1723-1917). Краеведческий сборник / Сост. Т.И.Быстрых. Пермь: Пермская книга, 1992. С 157-173.

147. Кизеветтер, А.А. Местное самоуправление в России. 1Х-Х1Х ст. Исторический очерк. Изд. 2. / А.А.Кизеветтер. Пг.: Тип. «Задруга», 1917. 120 с.

148. Кимитака Мацузато. Почему умерли земства / Мацузато Кимитака // Родина. 1994. № 7. С. 38-40.

149. Кимитака Мацузато. Сельская хлебозапасная система в России 1864-1917 годы / Мацузато Кимитака // Отечественная история. 1995. № 3. С. 185-197.

150. Кировский областной художественный музей им. В.М. и А.М. Васнецовых. Вятские художники – основатели музея / Авт.-сост. Л.С.Двинянинова. Киров: Вятка, 2003. 15 с.

151. Ключевский, В.О. История сословий в России / В.О. Ключевский // Соч. в 8 т. Т. 6. М.: Изд-во соц.-эк. лит., 1959. С. 276-464.

152. Ключевский, В.О. Добрые люди Древней Руси / В.О. Ключевский // Ключевский В.О. Исторические портреты. Деятели исторической мысли. М., 1990. С. 77-94.

153. Книги старого Урала: Сб. материалов. Свердловск, 1989. 221 с.

154. Колеватов, Н.А. А.Н.Кузнецов – земский просветитель / Н.А.Колеватов // Вятская земля в прошлом и настоящем: (к 125-летию со дня рождения П.Н.Луппова): тез. докл и сообщ. II науч. конф. Киров, 1992. Т. 2. С. 127-129.

155. Колеватов, Н.А. Орлов / Н.А.Колеватов. Киров, 1998. 78 с.

156. Колотов, А.В. Земский деятель М.М.Синцов / А.В.Колотов // Вятскому земству – 130 лет. Матер. науч. конф. 8-9 окт. 1997. Киров, 1997. С. 113-117.

157. Колюбакин, А.М. О необходимости участия женщин в земском самоуправлении: Доклад, читанный публично на диспуте, организованном Российской лигою равноправия женщин в Петрограде / А.М. Колюбакин. Пг., 1915. 12 с.

158. Корелин, А.П. Дворянство в пореформенной России: 1861-1904 гг.: (Состав, численность, корпоративная организация) / Отв. ред. К.Ф.Шацилло / А.П.Корелин. М.: Изд-во «Наука», 1979. 304 с.

159. Коркунов, Н.М. Русское государственное право. Т. 2: Особенная часть / Н.М.Коркунов. СПб., 1893. 417 с.

160. Корнилов, А.А. Курс истории России Х1Х века / Вступит. ст. А.А.Левандовского / А.А.Корнилов. М.: Изд-во «Высшая школа», 1993. 446 с.

161. Корнилов, А.А. Из истории вопроса об избирательном праве в земстве: (Происхождение земской избирательной системы 1864 г. и ее дальнейшие изменения) / А.А.Корнилов. СПб., 1906. 62 с.

162. Кощеева, В.И. Яков Алексеевич Прозоров, вятский первой гильдии купец, потомственный почетный гражданин, коммерции советник, меценат вятского просвещения / В.И.Кощеева. 2-е изд., испр. и доп. Киров, 2000. 27 с.

163. Краеведы и краеведческие организации Перми: Библиографический справочник / Сост.: Т.И.Быстрых, А.В.Шилов. Пермь: Курсив, 2000. 360 с.

164. Красноперов, Е.И. Благотворительность, как один из факторов экономического благосостояния и прогресса / Е.И. Красноперов. Пермь: Тип. губ. зем. управы, 1892. 31 с.

165. Краткая летопись Пермского научно-промышленного музея (15 нояб. 1890 – 15 нояб. 1915 гг.) с отчетом за 1913 и 1914 гг. Пермь: Электротип. губ. земства, 1916. 41 с.

166. Краткий обзор деятельности Вятского губернского земства за 35 лет (1867-1902). Вып. 1. Вятка: Изд. Вятского губ. земства, 1906. 276 с.

167. Краткий обзор деятельности Попечительства о трудовой помощи 1896-1915 гг. Пг., 1915. 97 с.

168. Краткий очерк деятельности Всероссийского Земского союза. М., 1916. 81 с.

169. Краткий очерк о деятельности кустарно-промышленного банка Пермского губернского земства за время с 1 янв. по 1 дек. 1895 г. Пермь: Тип. губ. зем. управы, 1895. 39 с.

170. Кривощекова, А.Ф. Очерки коми-пермяцкой школы / А.Ф.Кривощекова. Молотов: Кн. изд-во, 1956. 126 с.

171. Ку, А.С. Парадокс – гражданское общество без гражданства / А.С.Ку // Социс. 2003. № 12. С. 11-20.

172. Кудрявцев, И.Е. Воспоминания о Павле Николаевиче Кропачеве / И.Е.Кудрявцев. Пермь, 1900. 28 с.

173. Куртенок, Е.П. Из истории Чердынского храма Иоанна Богослова / Е.П.Куртенок // Православие в русской культуре. Чердынь, 2001. С. 19-21.

174. Лаврененко, Л.Я. Благотворительная деятельность в сфере образования дореволюционной России: исторические и культурно-просветительские аспекты / Л.Я.Лаврененко // Образование и общество. 2004. № 1. С. 86-98.

175. Ламанский, В.В. К вопросу о провинциальных научных учреждениях, библиотеках и музеях / В.В.Ламанский. Пермь, 1918. 31 с.

176. Лаптева, Л.Е. Земские учреждения в России (1864-1917 гг.) / Л.Е.Лаптева. М.: Наука, 1993. 133 с.

177. Лебедев, Г.С. История отечественной археологии, 1700-1917 / Г.С.Лебедев. СПб., 1992. 362 с.

178. Лейкина-Свирская, В.Р. Русская интеллигенция во второй половине Х1Х в. / В.Р.Лейкина-Свирская. М.: Мысль, 1971. 368 с.

179. Ленин В.И. Гонители земства и Аннибалы либерализма / В.И.Ленин. Полн. Собр. соч. Т. 5. / 5-е изд. М.: Госполитиздат, 1972. С. 21-72.

180. Летописцы родного края (очерки об исследователях истории Урала) / Под ред. О.А.Васьковского. Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1990. 184 с.

181. Лигенко, Н.П. Купечество Удмуртии. Вторая половина Х1Х – начало ХХ века / Н.П.Лигенко. Ижевск, 2001. 432 с.

182. Линев, Д.А. Причины русского нищенства и необходимые против них меры / Д.А.Линев. СПб.: Тип. В.Димакова, 1891. 125 с.

183. Литвак, Б.Г. Реформы и революции в России / Б.Г. Литвак // История СССР. 1991. № 2. С. 85-96.

184. Локшин, Д. Замечательные русские хоры и их дирижеры / Д.Локшин. М., 1963. 78 с.

185. Лукьянова, Е.Н. Из истории советского строительства в Пермской губернии в 1918 году / Е.Н.Лукьянова // Из истории края. Сб. статей / Под ред. Ф.С.Горового. Пермь, 1964. С. 184-212.

186. Любичанковский, С.В. Социокультурная характеристика руководящего состава губернских правлений Урала в период с 1907 по 1913 год / С.В.Любичанковский // Вестник ОГУ. 2002. № 4. С. 209-214.

187. Майбурова, Е.В. Музыкальная жизнь дореволюционной Перми / Е.В.Майбурова // Из музыкального прошлого: Сб. очерков. М., 1960. С. 81-85.

188. Маковский, С. Силуэты русских художников / С. Маковский. М.: Республика, 1999. 383 с.

189. Максимов, Е.Д. Из истории и опыта земских учреждений в России: Очерки М.Слобожанина: К 50-летию зем. учреждений / Е.Д.Максимов. СПб.: Изд-во журн. «Жизнь для всех», 1913. 551 с.

190. Максимов, Е.Д. Практическая и законодательная постановка мер общественного призрения / Е.Д.Максимов // Русское богатство. 1896. № 10. С. 37-49.

191. Максимов, Е.Д. Происхождение нищенства и меры по борьбе с ним / Е.Д.Максимов. СПб.: Тип. В.Киршбаума, 1901. 136 с.

192. Манджора, Б.Г. Из музыкального прошлого Н.Тагила / Б.Г. Манджора // Из музыкального прошлого. Т.2. М., 1965. С. 123-139.

193. Маноцков, В.И. 25-летие Пермского уездного земства (10 мая 1870-10 мая 1895 гг.) / В.И.Маноцков. Пермь: Тип. губ. зем. управы, 1895. 127 с.

194. Мартынов, В. Д.П.Соломирский – благотворитель и общественный деятель / В.Мартынов // Уральский музей. 2005. № 1.

195. Массовые организации трудящихся в социалистической революции/ Рук. авт. колл. П.Ф.Метельков. Л.: Лениздат, 1988. 270 с.

196. Материалы для истории г. Слободского и его уезда. Вятка, 1907. 70 с.

197. Материалы для истории Екатеринбургской епархии. Екатеринбург, 1914. 94 с.

198. Микитюк, В.П. «Земец первого призыва» Н.А.Клепинин / В.П.Микитюк // Известия УрГУ. 1998. № 9. С. 76-79.

199. Микитюк, В.П. Деятель местного самоуправления на Урале начала XX века П.В.Иванов / В.П.Микитюк // Уральский исторический вестник № 3: Региональное развитие России. Екатеринбург: УрО РАН, 1996. С.134-144.

200. Милосердие и благотворительность в российской провинции: Тез. докл. Всерос. конф. 22-23 марта 2002. Екатеринбург, 2002. 170 с.

201. Мильман, Э. М. История первой железнодорожной магистрали Урала / Э.М.Мильман. Пермь: Перм. кн. изд-во, 1975. 182 с.

202. Миронов, Б.Н. Социальная история России периода империи (XУШ-начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: В 2 т. 2-е изд., испр. / Б.Н.Миронов. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2000. 548+568 с.

203. Мицкевич, С.Н. Записки врача-общественника (1888-1918 гг.). 2-е изд., доп. и испр. / С.Н.Мицкевич. М.: Медицина, 1969. 239 с.

204. Модель, И.М., Модель, Б.С. Власть и гражданское сообщество России: от социального взаимодействия к социальному партнерству / отв. ред.

А.В.Гайда: Урал. отд-ние. Ин-т философии и права / И.М.Модель, Б.С.Модель. Екатеринбург: УрО РАН, 1998. 158 с.

205. Монтескье, Ш. Избранные произведения / Под ред. и вступит. ст. М.П.Баскина / Ш.Монтескье. М.: Госполитиздат, 1955. 800 с.

206. Музей горнозаводского дела. Екатеринбург: Изд-во «Баско», 1995. 136 с.

207. Мурзина, И.Я. Религиозная культура как предмет философско-культурологического исследования / И.Я.Мурзина // Известия УрГУ. 2004. № 29. С. 86-97.

208. Мурзина, И.Я. Методологические аспекты региональной культуры / И.Я.Мурзина // Социс. 2004. № 2. С. 60-65.

209. На Западном Урале: Сборник. Вып. 6. Пермь: Кн. изд-во, 1974. 328 с.

210. Нардова, В.А. Городское самоуправление в России в 60-начале 90-х гг. Х1Х . Правительственная политика / В.А.Нардова. Л.: Наука, 1984. 260 с.

211. Нардова, В.А. Самодержавие и городские думы в России в конце Х1Х-начале ХХ вв. / В.А.Нардова. СПб.: Ин-т рос. истории, 1994. 159 с.

212. Нардова, В.А. Первые выборы в городские думы по избирательному закону 1892 г. / В.А.Нардова // Проблемы соц.-эконом. истории России: К 100-летию со дня рождения Б.А.Романова. СПб., 1991. С. 224-236.

213. Наумов, П.И. Материалы для истории торговли Вятской губернии / П.И.Наумов. Вятка, 1903. 56 с.

214. Невоструев, Н.А. Роль русской буржуазии в социальном развитии общества в пореформенный период / Н.А.Невоструев // Славянский мир на пороге Ш тысячелетия: Мат-лы VI Междунар. научн. конфер. Пермь, 2002. С. 77-78.

215. Невоструев, Н.А. Роль пермского купечества в общественной жизни города в Х1Х веке / Н.А.Невоструев // Пермский край: прошлое и настоящее. Пермь, 1997. С. 91-93.

216. Невоструев, Н.А., Невоструева, А.Ф. Меценатство, благотворительность, спонсорство: общее и особенное / Н.А.Невоструев, А.Ф.Невоструева // Историко-культурное наследие: новые открытия, сохранение, преемственность: Мат-лы Всероссийской конференции. Березники, 1999. С. 204-208.

217. Невоструев, Н.А., Невоструева, К.Н. Общественные организации и культурный фон «серебряного века» / Н.А.Невоструев, К.Н.Невоструева // Два

рубежа: 100-летнему юбилею «Мира искусства»: Мат-лы науч.-практ. конфер. Пермь, 1998. С. 139-140.

218. Невоструев, Н.А. Из прошлого пермского предпринимательства / Н.А.Невоструев // Современный управляющий: Бюллетень Ассоциации антикризисных управляющих. Вып. 2. Пермь, 1997. С. 21-22.

219. Невоструев, Н.А. Итоги исторического развития Российской империи в Х1Х веке / Н.А.Невоструев // История Отечества: Учебное пособие. Пермь, 1999. С. 44-51.

220. Невоструев, Н.А. Историческая эволюция системы местного самоуправления / Н.А.Невоструев // Государственное управление и самоуправление: региональный аспект: Мат-лы научн.-практ. конфер. 22 сентября 2000 г. Пермь, 2000. С.168-174.

221. Невоструев, Н.А. К вопросу о проблемах современной историографии истории местного самоуправления России Х1Х-нач. ХХ вв. / Н.А.Невоструев // Научная сессия ПГМА: Тезисы докладов. Пермь, 1999. С. 7.

222. Невоструев, Н.А. Благотворительность в истории медицины Пермской губернии / Н.А.Невоструев // Материалы научной сессии 2004 года. Пермь-Ижевск, 2004. С. 6-8.

223. Невоструев, Н.А. Культура Нового времени / Н.А. Невоструев // Теория и история культуры: Учебное пособие. Пермь, 2000. С. 33-45.

224. Невоструев, Н.А. Мировая и отечественная медицина Х1Х-начала ХХ веков / Н.А.Невоструев // История медицины: Учебное пособие. Пермь, 2000. С. 21-31.

225. Невоструев, Н.А. Пермская губерния в истории России второй половины Х1Х-начале ХХ веков / Н.А.Невоструев // Пермский медицинский журнал. Т.20. 2003. № 1. С. 115-120.

226. Невоструев, Н.А., Азанова Н.Я. Б.Ф.Вериго – крупный представитель русской физиологии (к 145-летию со дня рождения) / Н.А. Невоструев, Н.Я.Азанова // Пермский медицинский журнал. Т. 22. 2005. № 1. С. 145-150.

227. Невоструев, Н.А. К вопросу о создании элементов гражданского общества в дореволюционной России (методология исследования истории гражданских отношений в России во второй половине Х1Х – начале ХХ вв.) / Н.А.Невоструев // АНТРО: анналы, научные теории развития общества. Пермь: ПГТУ, НОУ ЗУИЭП, 2006. С. 14-28.

228. Невоструев, Н.А. Культурные параметры гражданских отношений на Урале в начале XX века / Н.А.Невоструев // Формирование гуманитарной среды и внеучебная работа в ВУЗе, техникуме, школе: Материалы VIII Всерос. науч.-практ. конф. Т.2. Пермь, 2006. С. 85-88.

229. Некролог. Алексей Семенович Губкин // Циркуляр по Оренбургскому учебному округу. 1883. № 12. С. 518-520.

230. Необходимость перемен в русском церковном управлении // Церковный вестник. 1905. № 11.

231. Непролетарские партии России в трех революциях: Сб. статей / Отв. ред. К.В.Гусев. М.: Наука, 1989. 246 с.

232. Нечаев, И.В. Горнозаводские школы Урала / И.В. Нечаев. М., 1967. 206 с.

233. Нечаев, М.Г. Уральские монастыри в начале XX века / М.Г.Нечаев // Преподобный Серафим Саровский в современном мире: Мат. научн.-практ. конфер. Пермь, 2003. С. 72-81.

234. Нечаев, М.Г. Милосердие и благотворительность церкви на Урале / М.Г.Нечаев // Милосердие и благотворительность в российской провинции: Тезисы докл. Всерос. конф. 22-23 марта 2002. Екатеринбург, 2002. С. 114-117.

235. Нечаева, М.Ю. Крупнейшая женская обитель на Урале / М.Ю.Нечаева. Екатеринбург, 2003. С. (htth://atlasch.narod.ru/).

236. Нечаева, М.Ю. Инокини и послушницы Красносельского Введенского монастыря / М.Ю.Нечаева // Слободо-Туринский край в истории Отечества: Пособие по краеведению для учителей истории и географии. Екатеринбург: Центр «Учебная книга», 2002. С. 34-59.

237. Нечаева, М.Ю. Верхотурские монастыри в XX веке / М.Ю. Нечаева // Ежегодная Богословская конференция Православного Свято-Тихоновского Института: Материалы 1999 г. М.:Изд-во Православного Свято-Тихоновского Богословского Института, 1999. С. 332-349.

238. Нечаева, М.Ю. Уральские монастыри / М.Ю.Нечаева // Очерки истории Урала. Вып. 3.: Духовная культура Урала (учебное пособие). Екатеринбург: Банк культурной информации, 1997. С. 79-101.

239. Нижний Тагил. Научно-популярное издание. Нижний Тагил, 1997. 224 с.

240. Никитин, А.Г. Директор народных училищ А.П. Раменский / А.Г.Никитин. Пермь: Перм. кн. изд-во, 1965. 76 с.

241. Николаев, С.Ф. П.В.Сюзев / С.Ф.Николаев. Пермь: Кн. изд-во, 1958. 132 с.

242. Новобергский, Н.Я. По пути к вырождению. Социально-гигиенические очерки / Н.Я.Новобергский. СПб.: Тип. А.М.Лассман, 1913. 264 с.

243. О благотворительности (по-современному «филантропии», т.е. человеколюбии). Оханск: Тип. П.П.Соболева, 1908. 16 с.

244. Обухов, Л.А. Советы Урала в 1917 году: Учебное пособие/ Перм. ун-т / Л.А.Обухов. Пермь, 1992. 116 с.

245. Общественное движение в России в Х1Х веке: Сб. ст. / Акад. наук СССР. Ин-т истории СССР; Редкол.: Н.М.Пирумова (отв. ред.) и др. М.: Наука, 1986. 219 с.

246. Общественное и частное призрение в России: сб. статей. СПб, 1907. 376 с.

247. Ольгинские детские приюты трудолюбия. 1895-1910 гг. СПб.: Т-во Р.Голике и А.Вильборг, 1911. 31 с.

248. Осипов, Е.А., Попов, И.В., Куркин, П.И. Русская земская медицина. Обзор развития в России вообще и отдельно в Московской губернии с кратким статистическим очерком страны и ее санитарного состояния / Издание (на русском языке) Правления общества русских врачей в память Н.И.Пирогова при содействии Московской губернской земской управы / Е.А.Осипов, И.В.Попов, П.И.Куркин. М., 1899. 365 с.

249. Осоргин, М.А. Мемуарная проза / М.А.Осоргин. Пермь: Пермская книга, 1992. 285 с.

250. Ососков, А.В. Начальное образование в дореволюционной России (1861-1917) / А.В.Ососков. М.: Просвещение, 1982. 208 с.

251. Охотенко, Н. Рабочие играют Островского / Н. Охотенко // Тагильский рабочий. 1986. 26 марта.

252. П.В.Алабин, Вятка, музей: (Алабинские чтения) / сост. В.С. Жаравин. Киров, 1998. 144 с.

253. Павловский, Б.В. Декоративно-прикладное мскусство промышленного Урала / Б.В.Павловский. М.: Изд-во «Искусство», 1975. 131 с.

254. Панькова, С.Н. Дмитрий Сенников – подвижник Х1Х века / С.Н.Панькова.Киров, 1997. 46 с.

255. Папков, А. Необходимость обновления православного церковно-общественного строя / А.Папков // Русский вестник. 1902. VI. С. 121-132.

256. Папырина, А.А. Революционное движение в Вятской губернии в 1905-1907 гг. / А.А.Папырина. Киров, 1975. 152 с.

257. Перегудов, С.П. Гражданское общество: «трехчленная» или «одночленная» модель? / С.П.Перегудов // Полис. 1995. № 3. С. 58-60.

258. Периодика Урала: Библиографический указатель. Вып. 1. Дореволюционные издания / Сост. Г.М.Савиных. Свердловск, 1976. 293 с.

259. Периодическая печать Пермской области: история и современность: Материалы науч.-практ. конф., посвященной 300-летию Российской печати, Пермь, 26 марта 2003 г. / Сост. Т.И.Быстрых. Пермь,2003. 96 с.

260. Пермский край: прошлое и настоящее (к 200-летию образования Пермской губернии): Материалы международной научно-практической конференции. Пермь, 28-29 мая 1997 г. / Перм. ун-т. Пермь,1997. 212 с.

261. Пермский телеграф (1861-2001). Пермь: Тип. «Союз», 2001. 80 с.

262. Першин, П.Н. По хуторам Пермской губернии (Распадение общины, очерки хуторского хозяйства, деревенские настроения) / П.Н.Першин. Пермь, 1912. 86 с.

263. Петров, Ф.А. Земско-либеральные проекты переустройства государственных учреждений в России в конце 70-х – начале 80-х гг. Х1Х века / Ф.А.Петров // Отечеств. история. 1993. № 4. С. 32-47.

264. Петряев, Е.Д. Литературные находки: очерки прошлого Вятской земли / Е.Д.Петряев. 2-е изд. Киров, 1981. 288 с.

265. Петряев, Е.Д. Вятские книголюбы / Е.Д.Петряев. Киров, 1986. 223 с.

266. Пирогова, Е.П. Научно-краеведческие общества Пермской губернии в пореформенный период / Е.П.Пирогова. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1989. 231 с.

267. Пирумова, Н.М. Земская интеллигенция и ее роль в общественной борьбе до начала XX в./ Н.М.Пирумова. М.: Наука, 1986. 269 с.

268. Подлужная, М.Я. Из истории подготовки средних медицинских работников в Пермской губернии в дореволюционное время / М.Я.Подлужная // Труды научной историко-медицинской конференции Урало-Сибирских областей 1962 г. (выпуск 2). Пермь: ПГМА, 1963. С.185-192.

269. Пономарев, П.П. Описание церквей и приходов Кунгурского уезда Пермской губернии: Ист.-геогр. и церк.-биогр. очерк / П.П. Пономарев. Кунгур: Тип. А.Паркачевой, 1896. 379 с.

270. Порозов, В.А. Пермь музыкальная. Кн. 1. По улице Сибирской / Перм. гос. пед.ун-т / В.А.Порозов. Пермь, 2004. 115 с.

271. Православные храмы Удмуртии / Научн. ред. Тронин А.А. Ижевск: Удмуртия, 2000. 480 с.

272. Прикамье, век XX: малоизвестные страницы истории края: Материалы региональной научно-практической конференции / Перм. ун-т. Пермь, 1997. 106 с.

273. Проблемы и тенденции развития Верхне-Камского региона: история, культура, экономика. Материалы докладов республиканской научно-практической конференции / Отв. ред. В.В.Шилов. Березники, 1992. 208 с.

274. Прогулки по старой Перми: Страницы городского фельетона конца Х1Х-начала XX в. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1998. 296 с.

275. Прозоровский, А. Отхожие промыслы Пермской губернии / А. Прозоровский // Памятная книжка и адрес-календарь Пермской губернии на 1890 г. / Перм. губ. стат. комитет; Сост. А.И.Прозоровский. Пермь: Типолитогр. губ. правления, 1889. С. 1-42.

276. Профессора Пермского государственного университета. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2001. 280 с.

277. 50 лет детских приютов в России 1839-1889 // Детская помощь. 1890. № 1. С. 73-81.

278. Рабинович, Р.И. Опальный миллионер / Р.И. Рабинович. Пермь: Кн. изд-во, 1990. 159 с.

279. Рабинович, Я.Б. Круг Н.Г.Чернышевского и разночинцы Урала в период первой революционной ситуации в России: Учеб. пособие / Я.Б.Рабинович. Пермь, 1983. 84 с.

280. Рабинович, Я.Б. Ревнители прав народных: Очерки по истории рев.-демократ. движения на Урале в 60-х-нач. 80-х годов Х1Х века / Я.Б.Рабинович. Пермь: Кн. изд-во, 1989. 236 с.

281. Раскин, А.М. Архитектура классицизма на Урале / А.М. Раскин. Свердловск: Изд-во Ур. ун-та, 1989. 192 с.

282. Рассудовская, Н.М. Издатель Ф.Ф.Павленков: Очерк жизни и деятельности / Н.М.Рассудовская. М.: Изд-во Всесоюзн. кн. палаты, 1960. 108 с.

283. Ратьков-Рожнов, В.А. Вятский губернский статистический комитет: Ист. очерк (1835-1894) / В.А. Ратьков-Рожнов. Вятка, 1896. 28 с.

284. Резник, Ю.М. Гражданское общество как феномен цивилизации. Ч. 1. Идея гражданского общества в социальной мысли / Ю.М. Резник. М.: Изд-во «Союз», 1993. 167 с.

285. Ремезовская, Т.Б. Частные учебные заведения / Т.Б. Ремезовская. Пермь: «Звезда», 1998. 228 с.

286. Рижский епархиальный собор. От 20 сент. по 6 окт. 1905 г. СПб., 1905. 280 с.

287. Руссо, Ж. Ж. Сочинения: В 9 т. / Ж.Ж.Руссо. М.: Наука, 1964. Т. 1. 851 с.

288. Рыбас, Е. Нищенство в России / Е.Рыбас // Русская цивилизация. 2004. 4 июля.

289. Сазонов, В.И. Страницы истории Кировского театра драмы. 1877-2002 / В.И.Сазонов. Киров, 2002. 83 с.

290. Салчинский, В.И., Чемезов, С.М., Якимов, В.В. Бюджетное устройство губерний России 1864-1914 гг. Учебно-методическое пособие / В.И.Салчинский, С.М.Чемезов, С.М.Якимов. Екатеринбург, 1994. 132 с.

291. Самодержавие и земство / Записка б. министра финансов, статс-секретаря гр. С.Ю.Витте. СПб.: Тип. В.Безобразов и К°, 1908. 204 с.

292. Сафронов, А.А., Сафронова, А.М. Школы и грамотность населения Верхотурского уезда Пермской губернии в конце Х1Х века / А.А.Сафронов, А.М.Сафронова // Документ. Архив. История. Современность: Сб. науч. трудов. Вып. 5. Екатеринбург: Изд-во Ураль. ун-та, 2005. С. 130-149.

293. Сборник материалов для ознакомления с Пермской губернею / Перм. губ. стат. ком-т. Вып. 1-11. Пермь, 1882-1900.

294. Сведомские чтения: Материалы региональной научно-практической конференции. Вып. 3. Пермь, 2003. 104 с.

295. Седых, Н. Очерки истории Пермской духовной семинарии за 1877-1884 гг. / Н.Седых. Пермь: Тип. насл. Каменского, 1915. 254 с.

296. Седых, Н.П. Пермская городская общественная библиотека за 50-ти летний период ее существования (1863-1913 гг.) / Н.П. Седых. Пермь: Изд-во комитета библиотеки, тип. насл. Каменского, 1913. 139 с.

297. Секиринский, С.С., Шелохаев, В.В. Либерализм в России / С.С.Секиринский, В.В.Шелохаев. М.: Высш. шк., 1993. 254 с.

298. Селезнева, В.Т. Очерки по истории здравоохранения на дореволюционном Урале / В.Т.Селезнева. Молотов: Молотов. кн. изд-во, 1955. 216 с.

299. Селезнева, В.Т. Очерки по истории медицины в Пермской губернии / В.Т.Селезнева. Пермь, 1997. 121 с.

300. Семенов, В.Л. И.И.Любимов – человек, предприниматель, общественный деятель и меценат / В.Л.Семенов. Пермь: Богатырев П.Г., 2002. 262 с.

301. Семовских, Н.В. К истории музейного строительства в городе Кунгуре / Н.В.Семовских // Кунгурско-Красноуфимский край. 1925. № 3. С. 17-24.

302. Семянников, В.В. Пермское общество любителей живописи, ваяния и зодчества (1909-1919 гг.). Хроника деятельности / В.В. Семянников // Из истории художественной культуры Урала. Екатеринбург, 1998. С. 155-160.

303. Сергеев, В.Д. Поборники просветительского служения. Из истории Вятки / В.Д.Сергеев. Киров: Клуб «Вят. книголюбы», 2000. 98 с.

304. Серебренников, П.Н. Вниманию добрых людей, сочувствующих начальному образованию в г.Перми / П.Н. Серебренников. Пермь, 1906. 4 с.

305. Серебренников, П.Н. Краткий очерк холерных эпидемий в России, Пермской губернии и Перми за 50 лет / П.Н.Серебренников. Пермь, 1893. 41 с.

306. Сигов, И. Народное образование в Красноуфимском уезде / И.Сигов // Сборник Пермского земства. 1886. № 6. С. 136-142.

307. Сигов, И.С. На старом Урале / И.С.Сигов. Молотов: Кн. изд-во, 1953. 240 с.

308. Скалозубов, Н.Л. Очерк экономического положения башкирского населения красноуфимского уезда Пермской губернии / Н.Л. Скалозубов. Пермь: Тип. губ. зем. управы, 1893. 158 с.

309. Скалозубов, Н.Л. Что читают крестьяне Красноуфимского уезда Пермской губернии / Н.Л.Скалозубов // Русская школа. 1892. № 9. С. 85-90.

310. Скурский, И.К. Отец Иоанн Кронштадтский / И.К. Скурский. М.: Изд-во Паломник, 1994. 590 с.

311. Слесарева, Г.Ф. Гражданское общество в истории политической мысли Европы (от античности до первой трети Х1Х века). Учебное пособие / Г.Ф.Слесарева. М., 2000. / МИЖ. 2000. № 10. С.: www.history.machaon.ru/

312. Словцова-Камская, Е.А. Любовь или дружба? (Сост. и прим. Д.А.Красноперова) / Е.А.Словцова-Камская. Пермь: Кн. изд-во, 1990. 319 с.

313. Соколов, А.Р. Российская благотворительность в ХУШ-Х1Х веках (к вопросу о периодизации и понятийном аппарате) / А.Р. Соколов // Отечественная история. 2003. № 6. С. 147-158.

314. Спешилова, Е.А. Старая Пермь: Дома. Улицы. Люди. 1723-1917 / Е.А.Спешилова. Пермь: Изд-во «Курсив», 1999. 580с.

315. Степанский, А.Д. Самодержавие и общественные организации России на рубеже Х1Х-ХХ вв. / А.Д.Степанский. М.: МГИАИ, 1980. 96 с.

316. Страницы прошлого: Избранные материалы краеведческих Смышляевских чтений в Перми / Пермская обл. универ. б-ка им.А.М.Горького. Пермь, 1995. 211 с.

317. Страницы прошлого: Избранные материалы краеведческих чтений в Перми. Вып. 2. Сост.: Т.И.Быстрых, А.Ф.Старовойтов. Пермь, 1999. 252 с.

318. Страницы прошлого: Избранные материалы краеведческих Смышляевских чтений в Перми. Вып. 3 / Сост. Т.И.Быстрых, А.Ф. Старовойтов. Пермь, 2001. 290 с.

319. Страницы прошлого: Избранные материалы краевед. Смышляевских чтений в Перми. Вып. 4 / Сост. Т.И.Быстрых, А.Ф. Старовойтов. Пермь, 2003. 259 с.

320. Страницы прошлого: Избранные материалы краевед. Смышляевских чтений в Перми. Вып. 5. / Сост. Т.И.Быстрых; Пермская обл. б-ка им. А.М.Горького. Пермь, 2005. 244 с.

321. Строгановы и Пермский край: Материалы научной конференции 4-6 февраля 1992 г. Пермь,1992. 194 с.

322. Судовиков, М.С. Яков Поскребышев. Портрет городского головы / М.С.Судовиков // Герценка: Вятские записки. Киров, 2004. Вып. 6. С. 99-104.

323. Сучков, И.В. Социальный и духовный облик учительства России на рубеже Х1Х-ХХ веков / И.В.Сучков // Отечественная история. 1995. № 1. С. 62-77.

324. Терехин, А.С. Пермь: Очерк архитектуры / А.С. Терехин. Пермь: Кн. изд-во, 1980. 119 с.

325. Терешина, Е.П. Деятельность местного самоуправления в годы первой мировой войны (по материалам поволжской прессы) / Е.П. Терешина // Вопросы истории. 2004. № 10. С. 132-134.

326. Тинский, А.Г. Вятская мозаика / А.Г.Тинский. Вятка, 1994. 190 с.

327. Токвиль, А. Старый порядок и революция / А.Токвиль. М.: Моск. филос. фонд, 1997. 252 с.

328. Токвиль А. Демократия в Америке / Предисл. Гарольда Дж. Ласки / А.Токвиль. М.: Прогресс, 1992. 554 с.

329. Трапезников, В.Н. Летопись города Перми / В.Н. Трапезников. Пермь, 1998. 272 с.

330. Труды Пермской губернской ученой архивной комиссии. Вып. 1-12. Пермь, 1892-1915.

331. Туманова, А.С. Самодержавие и общественные организации в России. 1905-1917 годы / А.С.Туманова. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2002. 488 с.

332. Тюнькин, К.И. Салтыков – Щедрин / К.И.Тюнькин. М.: Молодая гвардия, 1989. 621 с.

333. Удинцев, В.А. Избранные труды по торговому и гражданскому праву / В.А.Удинцев. М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2003. 359 с.

334. Удинцев, С.А. Очерк народного образования в Ирбитском уезде Пермской губернии: Составлен по поручению земства для Казан. науч.-пром. выст. / С.А.Удинцев. Ирбит, 1892. 125 с.

335. Удинцева, Л.П. Бесплатная частная школа с общежитием Л.П.Удинцевой в г. Кунгуре Пермской губернии. Утверждена г. Министром Народного Просвещения. Существует с 1895 г. / Л.П. Удинцева. Пермь, 1898. 28 с.

336. Указатель учреждений трудовой помощи на 1913 год. СПб., 1913. 117 с.

337. Университетское образование и регионы: Тезисы докладов Международной научно-методической конференции (Пермь, Перм. ун-т, 16-19 окт. 2001 г.) / Перм. ун-т. Пермь, 2001. 348 с.

338. Ульянова, Г.Н. Благотворительность и общественное призрение в России Х1Х-нач. ХХ вв. / Г.Н.Ульянова // Институциональное развитие в контексте формирования гражданского общества / Труды ин-та российской истории РАН. М., 2000. Вып. 2. С. 164-205.

339. Ульянова, Г.Н. Новейшая американская историография российской благотворительности / Г.Н.Ульянова // Отечественная история. 1995. № 1. С. 108-118.

340. Уральская историческая энциклопедия: 2-е изд., перераб. и доп. Екатеринбург: Академкнига: УрО РАН, 2000. 640 с.

341. Ушакова, Н.М. Социально-экономическая характеристика земских служащих на примере земского учительства Пермской губернии / Н.М.Ушакова // Историко-юридические исследования правовых институтов и государственных учреждений СССР. Свердловск, 1986. С. 128-134.

342. Филоненко, Т.В. Развитие школьного образования в России в начале XX века / Т.В.Филоненко // Вопросы истории. 2004. № 9. С. 137-141.

343. Флиер, А.Я. Массовая культура и ее социальные функции / А.Я.Флиер // ОНС: Общественные науки и современность. 1998. № 6. С. 136-139.

344. Хасбулатова, О.А. Опыт и традиции женского движения в России (1860-1917 гг.) / О.А.Хасбулатова. Иваново, 1994. 362 с.

345. Храпоничева, Е.В. Дома трудолюбия. История создания в Х1Х веке работных домов и домов призрения / Е.В.Храпоничева // Московский журнал. История государства Российского. 1999. № 9. С. 126-136.

346. Христианская культура пермского Прикамья. Пермь, 1998. 242 с.

347. Художественная культура Пермского края и ее связи: Мат-лы научн. конф. 21-24 фев. 1989 года. Пермь: «Пермская книга», 1992. 189 с.

348. Чарнолуский, В.И. Частная инициатива в деле народного образования / В.И.Чарнолуский. СПб., 1910. 195 с.

349. Черкасова, А.С., Мосин, А.Г. На благо любезного Отечества / А.С.Черкасова, А.Г.Мосин // Демидовский временник. Исторический альманах. Кн. 1. Екатеринбург, 1994. С. 246-275.

350. Черных, А.И. Долгий путь к гражданскому обществу (реформы 1860-х годов в России) / А.И.Черных // Социс. 1994. № 8-9. С.173-181.

351. Чарушин, Н.А. О далеком прошлом. Из воспоминаний о революционном движении 70-х гг. Х1Х в. / Н.А.Чарушин. М.:Мысль, 1973. 408 с.

352. Черныш, М.И. Развитие капитализма на Урале и Пермское земство / М.И.Черныш. Пермь: Перм. кн. изд-во, 1959. 240 с.

353. Чехов, Н.В. Народное образование в России с 60-х гг. Х1Х в. / Н.В.Чехов. М., 1912. 356 с.

354. Чичерин, Б.Н. О народном представительстве / Б.Н.Чичерин. М., 1866. 758 с.

355. Чичерин, Б.Н. Воспоминания Б.Н.Чичерина: Земство и Московская Дума / Б.Н.Чичерин // Записи прошлого: Воспоминания и письма под ред. М.А.Цявловского. М.: Кооперат. изд-во «Север», 1934. 372 с.

356. Чудова, Г.Ф., Колупаева В.Н. Указатель содержания «Трудов Вятской ученой архивной комиссии» 1905-1917 гг. / КОУНБ им. А.И.Герцена / Г.Ф.Чудова, В.Н.Колупаева. Киров, 1993. 114 с.

357. Чудова, Г.Ф. В те далекие годы: Очерки по истории краеведения Вятской губернии / Г.Ф.Чудова. Киров, 1981. 160 с.

358. Шадринская старина. 1995: Краеведческий альманах. Шадринск, 1995. 287 с.

359. Шестаков, И. Памятная книжка для духовенства с приложением адрес-календаря Пермской епархии на 1896 год / И.Шестаков. Пермь, 1896. 352 с.

360. Шестаков, И. Труженик Христов: Протоиерей г. Перми Евгений Алексеевич Попов: Очерк жизни и трудов / И.Шестаков. М., 1908. 26 с.

361. Шестаков, И. Юбилейная памятная книга для духовенства, изданная по случаю 100-летия (1799-16 октября 1899 года) Пермской епархии: С приложением адресов духовенства Перм. и Екатеринбург. епархий / И.Шестаков. Пермь: Тип. С.Н.Басовой, 1899. 484 с.

362. Шестова, Т.Ю. Развитие здравоохранения Уральских губерний (Пермской, Вятской, Оренбургской) 1864-1900 / Т.Ю.Шестова. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2003. 376 с.

363. Шидловский, С.И. Земство: (Свод трудов местных Комитетов по 49 губерниям Европейской России) / С.И.Шидловский. СПб., 1904. 126 с.

364. Шмидт, С.О. Сельские церковно-приходские летописи как историко-краеведческий материал / С.О.Шмидт // Путь историка: Избранные труды по источниковедению и историографии. М., 1994. С. 136-153.

365. Шпакова, Р.П. Макс Вебер о становлении демократии в России / Р.П.Шпакова // Социс. 2003. № 3. С. 109-114.

366. Шумилов, Е.Ф. История искусства Удмуртии: события, мастера, памятники: [Справочник] / Е.Шумилов. Устинов: Удмуртия, 1986. 142 с.

367. Шумилов, М.М. Губернатор и экономическая жизнь губерний России на рубеже 50-60-х гг. Х1Х в. / М.М.Шумилов // Проблемы социально-экономической истории России: К 100-летию со дня рождения Б.А.Романова. СПб.: Изд-во С-Пет. ун-та, 1991. С. 177-187.

368. Шумихин, В.Г. Для жизни настоящей и будущей: (Книжное дело Вятского земства) / В.Г.Шумихин. Киров, 1996. 68 с.

369. Энциклопедия земли Вятской: Откуда мы родом?: В 10 т. / Администр. Кировской обл., Обл. писат. организация. Киров. 1994-2005.

370. Юбилейный земский сборник, 1864-1914 / Под. ред. Б.Б.Веселовского и З.Г.Френкеля. СПб.: Т-во О.Н.Поповой, 1914. 467 с.

371. Юкина, И.И. Первый Всероссийский женский съезд / И.И.Юкина // Вы и мы. Диалог женщин. М.: Эслан, 1998. № 6. С. 13-16.

372. Ярков, С.П. Екатеринбургская художественная школа 1902-1917 / С.П.Ярков // Из истории художественной культуры Екатеринбурга-Свердловска. Свердловск, 1974. С 4-23.

373. Ярская, В.Н. Благотворительность и милосердие как социокультурные ценности / В.Н.Ярская // Российский журнал социальной работы. 1995. № 2. С 27-32.

374. Яценко, Н.Е. Толковый словарь обществоведческих терминов / Н.Е.Яценко. СПб.: Изд-во «Лань», 1999. 528 с.

Диссертации

1. Апкаримова, Е.Ю. Городское самоуправление на Среднем Урале в последней трети Х1Х – начале ХХ в.: Автореф. дисс на соискание степени канд. ист. наук / Е.Ю.Апкаримова. Екатеринбург, 1999.

2. Баженова, Т.М. Местные органы власти и управления Временного правительства на Урале в феврале-октябре 1917 г.: Автореф….канд. ист. наук / Т.М.Баженова. Пермь, 1977.

3. Баяндина, Н.П. Купечество и торговые дома Урала в пореформенный период (1860-е гг. – начало ХХ века) на материалах Пермской и Вятской губерний: Автореф….канд. ист. наук / Н.П. Баяндина. Пермь, 1999.

4. Бердинских, В.А. Губернские статистические комитеты и русская провинциальная историография 1860-1890-х годов: Автореф….докт. ист. наук / В.А.Бердинских. М., 1994.

5. Богатырева, О.Н. Земское самоуправление в Вятской и Пермской губерниях в пореформенный период (60-90-е гг. Х1Х в): Автореф….канд.ист. наук / О.Н.Богатырева. Екатеринбург, 1996.

6. Егорова, М.В. Развитие системы частного образования на Урале (1861-февраль 1917 гг.): Дисс….канд. ист. наук / М.В. Егорова. Челябинск, 2003. 180 с.

7. Елисафенко, М.К. Земство и начальное образование на Урале (вторая половина Х1Х-начало ХХ в.): Автореф….канд. ист. наук / М.К.Елисафенко. Екатеринбург, 1996.

8. Ивенина, Т.А. Система культурно-просветительских организаций и учреждений в дореволюционной России (1859-1917 гг.): Автореф….докт. ист. наук / Т.А.Ивенина. Москва, 2004.

9. Калашников, В.П. Политическая деятельность уральской интеллигенции в годы первой революции в России (1905-1907): Автореф. дисс…. канд. ист. наук / В.П.Калашников. Пермь, 1993.

10. Климаков, С.А. Развитие профессионального образования на Урале в 60-е гг. Х1Х в. – февраль 1917 г.: Дисс….канд. ист. наук / С.А.Климаков. Челябинск, 2001. 271 с.

11. Кожевникова, Т.Г. Печатные издания научно-краеведческих обществ Пермской губернии как источник по истории Урала (вторая половина Х1Х-начало ХХ вв.): Автореф…. канд. ист. наук / Т.Г.Кожевникова. Екатеринбург, 2005.

12. Конев, Л.М. Становление и развитие женской средней общеобразовательной школы на Урале (1861-февраль 1917 гг.): Дисс….канд. ист. наук / Л.М.Конев. Челябинск, 1995. – 264 с.

13. Коробейников, Ю.В. Исторический опыт осуществления общественной помощи нуждающимся органами местного самоуправления России в 1864 – 1917 гг.: Автореф….канд. ист. наук / Ю.В.Коробейников. Ставрополь, 2003.

14. Мясников, С.В. Самоуправление уездных городов Вятской губернии в 70-х – начале 1890-х гг. Х1Х в.: Автореф….канд. ист. наук / С.В.Мясников. Казань, 1997.

15. Санникова, Т.О. Интеллигенция российской провинции Х1Х века: мировоззрение и образ жизни (на материале Урала) – Автореф….канд. ист. наук / Т.О.Санникова. Екатеринбург, 2002.

16. Сидорчукова, Л.Г. Формирование культурной среды уральских городов в начале ХХ в. (по материалам театральной и художественной жизни): Автореф….канд. ист. наук / Л.Г. Сидорчукова. Пермь, 1998.

17. Слудковская, И.А. Общеобразовательная школа и учительство на Урале во П половине Х1Х в. (по материалам Пермской губернии).: Автореф….канд. ист. наук / И.А.Слудковская. Пермь, 1980.

18. Шестова, Т.Ю. Становление и развитие здравоохранения на Урале в ХУШ-начале XX вв.: Автореф….докт. ист. наук / Т.Ю.Шестова. Курган, 2004.

19. Юсупов, М.Р. Культурно-просветительская деятельность земств Урала (1864-февраль 1917 гг.): Дисс….канд. ист. наук / М.Р.Юсупов. Челябинск, 1999. 241 с.

20. Ярома, О.В. Городское самоуправление Пермской губернии в период с 1905 г. по февраль 1917 г.: Автореф….канд. ист. наук / О.В.Ярома. Пермь, 2005.

Периодические издания

Газеты

1. Вестник Пермского края (ВПК). Пермь: март-апрель 1917 г.
2. Вятская речь (ВР). Вятка: 1908-1916 гг.
3. Вятские губернские ведомости (ВГВ). Вятка: 1861-1917 гг.
4. Вятские епархиальные ведомости (ВЕВ). Вятка: 1863-1917 гг.
5. Екатеринбургская неделя. Екатеринбург: 1878-1896 гг.
6. Екатеринбургские епархиальные ведомости (ЕЕВ). Екатеринбург:1885-1917 гг.
7. Известия Пермского исполнительного комитета Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Пермь: январь-апрель 1918 г.
8. Ирбитский ярмарочный листок. Ирбит: 1870-1916 гг.
9. Камский край. Пермь: 1906-1907 гг.
10. Пермские губернские ведомости (ПГВ). Пермь: 1858 – март 1917 гг.
11. Пермские губернские ведомости. Часть неофициальная. Пермь: 1894- март 1917 гг.
12. Пермский вестник Временного правительства. Пермь: май-ноябрь 1917 г.
13. Пермские епархиальные ведомости (ПЕВ). Пермь: 1867-1918 гг.
14. Пермская земская неделя (ПЗН). Пермь: 1907-1918 гг.
15. Пермский край. Пермь: 1900-1906 гг.
16. Урал. Екатеринбург: 1897-1905 гг.
17. Уральская жизнь. Екатеринбург: 1899-1918 гг.

Журналы

1. Сборник Пермского земства (СПЗ). Пермь: 1872-1907 гг.

2. Вестник благотворительности: Журнал, посвященный всем вопросам, относящимся до благотворительности и общественного призрения. СПб., 1897-1902 гг.

3. Вопросы истории: ежемес. журн. М., 1990-2005 гг.

4. Вопросы философии: науч.-теорет. журн./ Ин-т философии. М.: Наука,1990-2005 гг.

5. Детская помощь: журнал для всех, интересующихся общественной благотворительностью. М., 1885-1894 гг.

6. Новая и новейшая история / Ин-т истории. М., 1995-2005 гг.

7. Общественные науки и современность: журн. М.: Наука, 1998-2005 гг.

8. Отечественная история: журн. / РАН, Ин-т рос. истории. М.: Наука. 1992-2005 гг.

9. Полис: политические исследования: науч. и обществ.-полит. журнал. М., 1995-2005 гг.

10. Призрение и благотворительность в России: Журнал Всероссийского союза учреждений, обществ и деятелей по общественному и частному призрению. СПб., 1914-1917 гг.

11. Родина: ежемес. общ.-полит. науч.-попул. ил. журн. М., 1995-2005 гг.

12. Свободная мысль - XX1: теорет. и полит. журн. М., 1998-2005 гг.

13. Социологические исследования: ежемес. науч. и обществ.-полит. журн. / Ин-т социол. исследований. М.: Наука, 1990-2005 гг.

14. Трудовая помощь: журнал Попечительства о домах трудолюбия и работ. СПб., 1897-1918 гг.

15. Известия Уральского государственного университета: науч. журн. Екатеринбург, 1995-2005 гг.

16. Вестник ОГУ: науч. журн. Оренбургского государственного университета по гуманитарным, естественным, экономическим и техническим наукам. Оренбург, 1998-2005 гг.

17. Международный исторический журнал (МИЖ): интернет-журнал – www.history.machaon.ru/ -1999-2002.

18. Pro et Contra: общ.-полит. и науч. журнал Московского Центра Карнеги за международный мир. М., 1998-2004 гг.

Электронные ресурсы

1. www.blago.bogoslov.ru/ - общероссийская некоммерческая организация «Благотворитель».
2. www.democracy.ru/ - негосударственные организации «За демократические выборы».
3. www.diaconia.ru/ - Отдел по церковной благотворительности и социальному служению Московского патриархата.
4. www.sbornet.ru/ - Союз благотворительных организаций России.
5. www.c-society.ru/ - Институт гражданского общества.
6. www.proceedings.usu.ru/ - электронная версия журнала «Известия Уральского государственного университета».
7. www.history.ntagil.ru/ - исторический сайт города Нижний Тагил Свердловской области.
8. www.osi.ru/ - институт «Открытое общество» (фонд Сороса).
9. www.lfond.spb.ru/ - Международный благотворительный фонд имени Д.С.Лихачева.
10. www.snpi.org.ru/ - Санкт-Петербургский гуманитарный и политологический центр «Стратегия».
11. www.genealogia.ru/ - генеалогический сайт по дворянским фамилиям в России.
12. www.ifgo.ru/ - институт федерализма и гражданского общества.
13. www.socis.isran.ru/ - журнал РАН РФ по социологии.
14. www.logic.ru/ - журнал «Вопросы философии» РАН РФ.
15. www.istrodina.com/ - Российский исторический журнал «Родина».
16. www.ural.ru/ - Уральская историческая энциклопедия.
17. www.hist.msu.ru/Journal/ - журнал Института российской истории РАН РФ «Отечественная история».
18. www.usu.ru/ - сервер Уральского государственного университета.
19. www.verkhoturye.eunnet.net/ - история и культура города Верхотурье и Верхотурского края.
20. www.urmion.eunnet.net/ - Уральский межрегиональный институт общественных наук.
21. www.rusarchives.ru/ - Архивы России.
22. www.psu.ru/ - Пермский государственный университет.